Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
Центр общественных наук
Экономический факультет
Академия гуманитарных наук
Философско-экономическое ученое собрание

Антология современной философии хозяйства

Под редакцией Ю.М. Осипова

Том 1

Москва
2008

ББК 65.5
А72

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ АНТОЛОГИИ

А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону), В.Г. Белолипецкий, И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону), В.Д. Базилевич (Киев), И.К. Быстряков (Киев), Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волгоград), Е.С. Зотова (заместитель председателя), В.В. Ильин (Киев), В.П. Колесов, С.П. Макаров, М.А. Маслин, Ю.М. Осипов (председатель), А.А. Пороховский, В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург), В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург), В.С. Сизов (Киров), Л.А. Тутов

Редакторы — Е.С. Зотова, Т.Г. Трубицына
Научно-организационная работа — С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина, Н.П. Недзвецкая
Оригинал-макет — К.Ю. Смирнова
Компьютерный набор — Д.В. Дейнеко, С.С. Нипа, В.А. Луковенко
Научно-вспомогательная работа — А.А. Антропов, Л.И. Пшеницына, В.А. Луковенко

А72 **Антология современной философии хозяйства** / Под ред. Ю.М. Осипова: В 2 т. Т.1. — М.: Магистр, 2008. — 832 с.

ISBN

Антология содержит работы российских и зарубежных ученых, представляющие оригинальное направление гуманитарной и обществоведческой мысли — философию хозяйства, созданные в рамках или под влиянием научной школы философии хозяйства, рожденной и действующей в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Предназначена для ученых, преподавателей вузов, студентов гуманитарных, в особенности, экономических и философских, специальностей, для всех, кто склонен к обобщающему воззрению на реальность, жизнь, человека, общество и хозяйство, кто не пренебрегает сущностью, трансцендентностью, метафизикой.

ББК 65.5

По пути обретения

Меня часто спрашивают: «А что такое философия хозяйства?», и поскольку в двух словах ничего путем тут не объяснить, да и вообще на словах частенько мало что можно объяснить, ибо и размышление от вопрошающего тут потребно, и интуиция, и догадка, то, как правило, такое объяснение имеет результатом более всего одно: «Может это и хорошо, но этого-то мне как раз и не надо!», — а надо вопрошающему лишь… оставаться… самим собою, со своим заученным когда-то знанием, своей давно уже замершею наукой, своим отлитым в схему преподаванием, как и со своим благодетельным доходообразованием.

Я тоже иной раз позволяю себе задать вопрос людям чистой науки и законченного образования, конечно, не технологических, а, скажем так, воззренческих, или, как принято говорить, теоретических: «А что в ваших науках и преподаваниях соответствует реальности?», и… получаю в ответ, что, мол, реальность сложна, не до конца познана, что нужны еще новые исследовательские усилия, и т. п., но при этом не замечаю никакого смущения от того, что… реальность совсем и не та, какой она изображается наукой и какой преподносится на лекциях и семинарах.

В чем же тут дело? А в том, что реальность, а я имею в виду человеко-социальную реальность, принципиально… не научная… реальность, т. е. весьма далекая от науки реальность, — это в лучшем случае метанаучная реальность, выходящая за пределы собственно научного обозрения и трактования наукой, достаточно попросту не схватываемая. Физика здесь возможна — до некоторых пределов, но явно неизбежна… метафизика, как раз и преодолевающая пределы, заложенные в физике.

Именно реальность, что вокруг нас, та самая, которая *другая* — не описываемая достаточной наукой, или физикой, заставляет человека и обществоведение выходить за рамки науки и обращаться к метанауке, или метафизике, чтобы получить более или менее адекватное представление о реальности, которая тоже ведь в глубине и в дали своей вся «мета» и есть, т. е. не реальность только, а метареальность.

Отсюда не наука одна потребна, а и… философия, т. е. не только любовь к точности и определенности, а и любовь… к неточности и неопределенности, что то же самое — не к точке и линии, а к… неизвестности или трансцендентности, не к тому, что вроде бы есть, а к тому, чего как бы и нет, не к явлению, а к сущности, а потому не к правилу и закону, а к мудрости и… благодати, не к открытию более всего, а к откровению, не к числу, по преимуществу, а к слову, не к ясной модели, а к «туманному» рассуждению.

Наука тут вовсе не отвергается, она всего лишь преодолевается: метафизика не исключает физики, хоть физика и не склонна признавать метафизику. Вот и философия здесь не отрицает науки, она лишь ею не довольствуется, как не может ею удовольствоваться и сама реальность.

И философия здесь не всякая берется, а лишь та, которая адекватна той самой реальности, к которой обращена, т. е. такая философия, которая хоть и рождается сознанием, но исходит и от самой реальности — не просто философия о реальности, но как бы и философия от самой реальности, следственно, чаемая познающим сознанием, метафизика реальности, которая в то же время и метареальность.

Философия реальности — о реальности и от реальности. Философствующее сознание сходится здесь с… философствующей… реальностью. А раз так, то реальность оказывается наделенной… нет, не сознанием, но… чем-то сознанию адекватным, тем, с чем как раз и имеет дело сознание, что ему раскрывается и что на него воздействует, ничего вроде бы не говоря, а, тем не менее, сообщая, запечетлеваясь в сознании словом и числом, поселяясь в нем… мыслью.

Идеальное мира взаимодействует с идеальным человеческим, составляя общую идеальную субстанцию, которую вполне можно назвать… мировом духом. И нет ничего удивительного в том, что реальность философствует, а философия реальности есть философия одновременно о реальности и от реальности. Метафизика сознания смыкается здесь с метафизикой реальности, да так, что то и другое служат друг для друга в итоге одним и тем — метафизикой духа.

И вот тут важно иметь в виду, что и сознание, и мировой дух являются, каждое по-своему, созидательными и творящими. И вся метафизика, о которой идет речь, созидательно и творяща. Уже поэтому о всей этой метафизике можно говорить, как о хозяйственной, даже и хозяйствующей, метафизике, ибо хозяйство есть не что иное, как деятельность, работа, созидание, творчество, исходящие, конечно же, от того или иного хозяйствующего субъекта — человека, природы, жизни, Господа Бога.

В мире и в человеке, в природе и в сознании, в жизни и во всяком существе, непременно реализуется та или иная метафизика, причем метафизике не презентативная вовсе, а хозяйственная, а потому и постижение всего этого, как и представление его в адекватном знании, отдается на откуп *философии хозяйства*, которая, будучи сама хозяйствующей, есть более всего не просто знание, а знание-размышление — живая мысль, ничем не ограниченная, кроме своего соответствия реальности, как и самой себе — как все той же реальности.

Единение сознания и мира событий не в принадлежности сознания миру, как и не в возможности познания сознанием мира (обмирщения сознания), но и, что особенно важно, в сотворчестве сознания и мира, не просто доводящем мир до кого-то предположенного им самим состояния, но и созидающего новый — осознаниенный — мир, возможно, самим миром никак и не предположенный.

Сознание, которое в человеке и в человечестве, что то же самое — ноосфера, сочленяется с мировым духом, или спиритосферой, а в итоге получается не просто действующее ради выживания и экспансии сознание, а сознание в полном смысле слова демиургичекое.

Человек (человечество) тут адекватен (не равен, а именно адекватен) самому Господу Богу!

Хозяйствующий Господь Бог и хозяйствующий человек, а объект у них один — мир, хоть и в разной мере и с разной, надо думать, целью, а в нем — в мире — еще и человек (человечество)!

Философия хозяйства — рефлексия человека, природы, жизни, как и самого Господа Бога по поводу… о-о!...всего

творчески происходящего в мире сознания (ноосфере) и в мире духа (спиритосфере), а следственно, в мире в целом,

Наука, философия, религия, технология, эзотерика, язык, культура, цивилизация, политика — все сходится в философии хозяйства, разумеется, в снятом виде, в меру, сама философия хозяйства выглядит ядром, из которого во все стороны исходят всякие смысловые потоки, — и вряд ли можно обнаружить, кроме разве мира в целом, природы в целом, жизни в целом, как и самого Господа Бога, более обширного и насыщенного содержанием предмета познания и осмысления, чем предмет философии хозяйства.

И причина этому не в одной лишь синтетичности философии хозяйства, как и не только в глубине ее расположения в рефлексирующем сознании человека, но и в исторической ее необходимости. Сами по себе философско-хозяйственные размышления всегда были присущи рефлексирующему человеку: и в Древнем Египте они имели место, и в Вавилоне, и в Древней Греции, и в Древнем Риме, не миновали их ни христианство (в той же «Библии»), ни европейская философия, ни европейская наука. Русские Иван Посошков и Михайло Ломоносов — философы хозяйства.

Однако возникла философия хозяйства, как уже собственно философия хозяйства, лишь на рубеже XIX—XX вв., что было вовсе не случайно, ибо это произошло в момент кризиса, еще и не совсем, быть может, осознанного, Модерна, а Модерн — это эпоха тотальной переделки мира Божиего уже собственно по человеческому замыслу.

Мир Божий уступал место миру человеческому. И философско-хозяйственные размышления этой славной архитектурно-строительной эпохи (начиная с Возрождения) — эпохи науки, техники, промышленности, экономики, демократии, атеизма, были по преимуществу оптимистическими: природы много, замыслов человеческих тоже много, все они так или иначе исполняются, а впереди вообще сплошные рукотворные чудеса, — так что действуй, человек хозяйствующий, человек демиургирующий, действуй!

Философско-хозяйственные размышления в эпоху Модерна приняли в целом Научный, чуть ли не научно-

технологический, характер, представляясь всесторонне обоснованным позитивистским знанием, этакой выработанной лучшими европейскими умами законченной истиной — новой философией, диалектикой, материализмом, экономизмом, техницизмом, социал-дарвинизмом, математизмом, революционизмом.

Наука, наука и еще раз наука! Научное мировоззрение, научная переделка мира, жизнь по науке, научно обоснованное будущее!

Религия была сведена тогда к психотерапевтике, пропаганде моральных устоев, духовному театру, а философия — к замещающим религию упражнениям рефлексирующего ума и к истории абстрактной человеческой мысли, ни к чему, впрочем, не обязывающей.

Но… но… не все было так уж идиллично: на поначалу безоблачноенебо Модерна набежали вдруг первые облачка, почему-то поспешившие сообразоваться и в первые тучки. И научились те, которые были всего лишь единицы, кто почувствовал на рубеже XIX—XX вв. какое-то странное беспокойство от разогнавшейся вперед научно-технической машины от нарочитого забвения философии и религии, от обезбоженного хозяйства. И одним из таких мыслителей-одиночек стал русский С.Н. Булгаков, который, не удовлетворяясь сначала марксизмом и политэкономией, а затем и сциентизмом с его материализмом, позитивизмом и прагматизмом, равным образом и техницизмом с математизмом, взял, да и провозгласил во всеуслышание: «Философия хозяйства!», защитив в Императорском Московском университете в 1912 г. соответствующую докторскую диссертацию. Да не просто провозгласил два этих ключевых, можно сказать, и сакральных, слова, а и заложил первые основания философии хозяйства, открыл ей путь, — как уже постнаучного (во-след-научного) течения мысли, не только не пренебрегавшего так называемым идеализмом — философским и религиозным, но и прямо устремленного к Господу Богу Творцу, — и не столько на возвращение к Создателю, сколько на воссоединение с Ним, чем и заработал жесткие обвинения в отступничестве, ретроградстве, поповщине, богоискательстве, мистицизме, мракобесии, а потом и в самой что ни на есть ереси.

Что же заставило Булгакова помимо личной добросовестности, ответственности и чести поступить таким образом?

Во-первых, шок от науки как способа познания и утверждения истины: Булгаков вдруг осознал, что основные выкладки обществоведческой науки, прежде всего, экономической, не только весьма далеки от действительности, но и… вряд ли вообще претендуют на адекватное ее отражение, более того, наука всерьез занята не столько познанием реальности, сколько ее измышлением и под себя созиданием. Немаловажное, прямо скажем, открытие!

Во-вторых, шок от успехов научно-технической цивилизации, безбожного хозяйства и бездушной экономики, когда затмению вдруг стал подвергаться уже и сам по себе человек, не говоря уже о природе и Боге. Булгакова устрашил человек нового, построенного уже самим человеком, мира. Да и сам искусственный мир перестал казаться Булгакову приемлемым для человека — все-еще-человека. Шок от преобразования мира и человека, а никак не их Преображения!

В третьих, шок от разгоравшейся революции, восстания и потоков крови.

В итоге родился на земле первый философ хозяйства и явилась на землю собственно философия хозяйства.

Зачем? Осмыслить, понять, изменить!

Ой ли!?

Как ни странно, но это так! Что не значит, конечно, что так и получается, ибо… философия хозяйства встречает более всего как раз неприятия, непонимания, сопротивления.

Глаза надежно закрыты у научников и открывать их совсем не хочется, ибо никто из образованных и совершенных не хочет… увидеть вдруг перед собой… бездну… и это вместо столь хорошо (гламурно!) обустроенного искусственного мира с искусственным же (гламурным!) человеком.

О-о, истина, за которую-де бьется наука, как же ты страшна, ибо всякое обретение истины… убивает эту самую науку, полную душещипательных (гламурных!) мифов о мире и самой себе!

Нет, философия хозяйства не самоуверенна: истины ее по преимуществу горьки. Просто философия хозяйства — единст-

венный на сегодня путь хоть к какой-нибудь истине, пусть и не строго доказанной, но зато… более или менее верной.

Надо ли при этом отказываться от науки? Конечно, нет! Просто науке уже пора критически посмотреть на саму себя и… вступив в союз с так называемой ненаучной мыслью, очистить себя, скорректировать и обогатить, а в итоге приблизить себя к реальности… приняв участие и в ее… спасении.

Чаемый сегодня синтез науки, философии и религии невозможен — постулаты слишком разные, да и оснований для такого синтеза нет. А вот философия хозяйства, опирающаяся на любые знания и течения мысли, такой синтез свободно делает, ибо она изначально — аксиоматически — да и не сваливает она разные знания в кучу, а вырабатывает с их участием свое собственное знание, как раз то самое — синтетическое.

Философию хозяйства полезно сравнить с… чашей мудрости, с неким Граалем, где не конгломерат вовсе разных знаний, а единое знание, при этом не хранимое как музейный экспонат, а способное к постоянному рождению живое знание. Почему же? А в следствие своего органичного и творческого контакта с… *трансцендентным*, как раз с тем самым трансцендентым, которого априорно и упорно избегает наука, теряя реалистичность и животворность.

С.Н. Булгаков открыл философию хозяйства, но не раскрыл ее достаточно, как и не утвердил: так сложилось, что он не совершил всей предположенной работы. Его увлекли тогда иные вершины м завлекли иные дали. К тому же октябрьская революция решительно отвергла изыскания неординарного (в смысле редкости) профессора, как отвергла она «идеалистическую философию», если не всю философию вообще, и уж, тем более, религию, да что религию, и немалую науку тоже.

Места для философии хозяйства в советской России не нашлось, как не нашлось места и для ее зачинателя: Булгаков был изгнан за пределы родной страны, а труды его отправлены под запрет. Никто в СССР понятия не имел ни о великом мыслителе Булгакове (кроме того, что он был «легальным марксистом», потом «изменником», еще и «поповцем»), ни о его философии хозяйства.

Однако жизнь взяла свое! Идея философии хозяйства (именно так: именно философии и именно хозяйства, а не, допустим, философии экономики) вновь всплыла в сознании размышляющего человека, и не где-нибудь, а в СССР, мало того, во всем том же Московском университете. Скажу по секрету, что произошло это на рубеже 1970 и 1980-х гг. (уж поверьте, читатель!), и вызвано это было… все той же неудовлетворенностью… от все тех же… марксизма, экономизма, сциентизма, материализма, позитивизма, механицизма, технологизма, математизма, даже и нарочитого диалектизма. И вновь надо было выходить за пределы собственно науки, или физики и входить в просторы метанауки, или метафизики, привлекая философию, поначалу унаследованную, а потом и… свою собственную.

Так или иначе, но философия хозяйства пережила в Московском университете второе рождение, зафиксированное (по всем правилам подтверждения и охраны интеллектуальной собственности) выходом в свет в 1990 г. книги «Опыт философии хозяйства», написать которую сподобился как раз автор сих претенциозных строк. Тот же год ознаменовался и неожиданной для ученой общественности публикацией труда С.Н. Булгакова «Философия хозяйства», пролежавшего 70 лет под замком в библиотечных спецхранах. Дальше — больше! Пошли конференции и семинары по философско-хозяйственной проблематике, публикации. В 1997 г. в МГУ образовалось философско-экономическое ученое собрание. С 1999 г. стал выходить журнал «Философия хозяйства». В 2000 г. на экономическом факультете МГУ была создана научная лаборатория философии хозяйства.

Сегодня, в 2008 г., можно говорить уже о наличии нового размыслительного направления, а лучше бы сказать, течение мысли, открытого сотню лет назад великим С.Н. Булгаковым, возрожденного ныне в Московском университете, признанного по всей России и за рубежом.

Да, оно уже есть, это знание-размышление, это поле живой мысли, что не значит, конечно, что оно имеет великий для себя простор: время философии хозяйства вроде бы уже наступило, да вот не наступило еще время осознания этого факта у научной и образовательных систем, — и проигрывает в связи с

этим страна, российское общество, наука, образование, интеллект, разум, сознание. Что поделать, если столько еще в головах наших ученых консерватизма, инертности, трудно объяснимого недоверия к новому и, в особенности, к своему — национальному, какой-то заведомой вторичности, провинциальности, подражательности, относительно якобы всезнающей заграницы!

«Через тернии к звездам!» — написал я как-то статью о философии хозяйства в связи с очередным российским философским конгрессом, на котором секция философии хозяйства почему-то не была официально открыта — без всякого, разумеется, уведомления, и которую пришлось проводить почти что нелегально. Да, так, видно, оно и есть: «Нет пророков в своем отечестве», к чему можно лишь сокрушенно добавить: «Как нет их, видно, и за его пределами». Время, и только время, решает чему быть, а чему не быть, но, раз возникнув, новое знание все равно уже никуда не уходит, навсегда оставаясь достоянием человечества, Рукописи, как говорит история, все-таки горят, а вот знание, тем более знание-размышление — нет!

За последние полтора десятилетия накоплен уже немалый материал по философско-хозяйственной тематике. Ныне уже ясно, что не только философия хозяйства есть, но есть и современная, характерная для России и научной школы Московского университета, философия хозяйства. Настала пора и первой антологии по современной, совершенно свежей и живой, вовсю развивающейся, философии хозяйства. И такая антология и предлагается здесь читателю, разумеется заинтересованному читателю, не разучившемуся еще самостоятельно и классически мыслить, ищущему смыслы и домогающемуся кое-какой истины.

В «Антологии», составленной главным образом по материалам, разработанным и опубликованным под эгидой Московского университета, его философско-хозяйственной школы, представлены разные авторы с разными представлениями и решениями относительно философии хозяйства. Последняя, вообще говоря, не нормативная, да и не может быть таковой — ни методы познания, будучи синтетическими и соприкасающимися с трансцендентным, не могут иметь строгой аксиоматиче-

ской заданности и любой иной консервирующей определенности. В поле зрения философии хозяйства не только вся окружающая реальность, рассматриваемая по хозяйственному критерию вкупе с хозяйственным сознанием, но и сама человеческая рефлексия по поводу хозяйства, ибо рефлексия и знание — феномены хозяйственные, тоже подлежащие соответствующему — философско-хозяйственному восприятию.

Философия хозяйства — свободное, текучее, непрерывно рождающееся знание-размышление, поверяемое не традицией, а *самой изменяющейся реальностью*. Только перед реальностью, какой бы она ни была, ответственна философия хозяйства, а никак не перед Аристотелем, Посошковым, Гегелем, Марксом или Булгаковым, и уж тем более не пред великолепными университетскими учебниками.

«Антология» призывает не к усвоению обусловленного какими-нибудь экзаменационными требованиями знания, а к погружению в безграничную размыслительную среду, в которой разум и интуиция могут совершать свои свободные полеты, сравнимые разве с полетами в невесомости, где в приоритете оказываются не факты с логикой, а великая неизвестность (трансцендентность) со своей сверхлогикой (металогикой), продуктивное взаимодействие с которыми возможно лишь на уровне того, что называется обычно сверхсознанием, — является что-то вдруг — и все тут!

Ю.М. Осипов

Раздел I

Философия хозяйства как специфическая область знания

С.Н. БУЛГАКОВ

Предисловие к кн. «Философия хозяйства» (М.: Наука, 1990)

Я не предполагаю в этих строках оправдывать тему настоящего исследования, ибо считаю, что она сама достаточно говорит за себя и в особом оправдании не нуждается. Не автору, конечно, судить, насколько ему удалось справиться со своею темой, а несовершенства ее исполнения достаточно ясны и мне самому. В одном лишь я не сомневаюсь,— в огромном значении самой проблемы, которой, я убежден, должен принадлежать если не сегодняшний, то завтрашний день в философии. Понять мир как объект трудового, хозяйственного воздействия есть очередная ее задача, к которой одинаково ведет и экономизм, и критицизм, и прагматизм, и мистицизм. И самой постановке ее я придаю несравненно большее значение, нежели данному опыту ее разрешения. В развитии философской мысли постановка проблем и их осознание вообще играют первенствующую роль, отсюда дается толчок философскому творчеству, определяются его мотивы.

Для автора настоящая работа имеет еще и совершенно особое значение, ибо в ней подводится внутренний итог целой полосы жизни, окрашенной экономическим материализмом, и она есть долг философской совести автора по отношению к своему собственному прошлому. Факт хозяйства всегда возбуждал во мне философское «удивление», и проблема философии хозяйства — о человеке в природе и о природе в человеке — в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами. Первоначальной попыткой философски осмыслить этот факт и была для меня теория экономического материализма с различными критическими поправками. И хотя теория эта очень скоро перестала удовлетворять сознание подобно тому, как перестают его удовлетворять представления детства, однако те вопросы, на которые она

по-своему отвечает, сохранили всю свою силу. И нельзя просто отвертываться от проблемы экономического материализма во имя отвлеченного «идеализма» (как делают «возвращающиеся к Канту» или «соединяющие» Канта с Марксом), ибо такой «идеализм» не заключает в себе ровно никакого ответа на эту проблему, но оставляет ее вовсе вые рассмотрения.

Проблема хозяйства берется в настоящем исследовании сразу в троякой постановке: научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической. И такой способ ее рассмотрения объясняется отнюдь не прихотью автора, — он подсказывается самым существом дела. Ибо то, что в области эмпирической составляет предмет «опыта», ставит проблемы науке, а рассматриваемое со стороны познавательных форм является построением «трансцендентального субъекта»,— бытийными своими корнями уходит в метафизическую землю. И эта иерархия проблем сама собою раскрывалась предо мною с ходом исследования, по мере его углубления. Сначала, в стремлении осмыслить факт хозяйства, всего естественнее было обратиться к науке о хозяйстве (политической экономии), которая из явлений хозяйственной деятельности построяет особую область научного «опыта». Однако она остается при этом: глуха и слепа ко всему, что выходит за пределы этого опыта. В проблеме хозяйства она выделяет лишь одну определенную сторону. Она права, конечно, в пределах своих специальных задач, но было бы величайшей близорукостью, приравняв целое) части, ограничить теорию хозяйства одной лишь его феноменологией. За этими пределами исследование вопроса силою вещей попадает уже в общефилософскую область. Нащупать границы феноменологии, обнаружив логический схематизм науки, есть задача критической философии, «критического идеализма», который играет при этом незаменимую роль, освобождая от гипноза научного эмпиризма, и тот, кто однажды пережил на себе его освобождающее действие, навсегда останется за это признателен критическому идеализму, хотя бы и не соглашался принять критическую Беатриче за «прекрасную даму» философии. Но перед проблемой хозяйства, по существу, критический идеализм оказывается беспомощным: здесь с наибольшей ясностью обнаруживается чисто теоретический, схематизирующий характер критической философии с ее неспособностью к реализму. Поэтому критический идеализм решительно отсылает к

метафизике, — к онтологии и натурфилософии, куда в окончательной инстанции и переносится проблема философии хозяйства. Таким образом, при этом самим делом осуществляется та связь философии и науки, которая постулируется теоретически, и, мне кажется, это может пойти на пользу той и другой стороне. Социальная наука, несомненно, нуждается в оплодотворяющей связи с философией, чтобы с помощью ее справиться с настигающим ее внутренним саморазложением, ибо незаметно подкравшийся общий кризис научного сознания здесь должен быть особенно опустошительным. Философия же, становясь лицом к лицу со столь жизненной проблемой, постольку освобождается от того схоластического формализма, в который все более запутывает ее «критицизм».

Своеобразную остроту проблема философии хозяйства получает и для современного религиозного сознания. В эпоху упадка догматического самосознания, когда религия все чаще сводится к этике, лишь окрашенной пиэтистическими «переживаниями», особенно важно выдвинуть онтологическую и космологическую сторону христианства, которая отчасти раскрывается и в философии хозяйства. Но это совершенно невозможно средствами теперешнего кантизирующего и метафизически опустошенного богословия, для этого необходимо обратиться к религиозной онтологии, космологии и антропологии свв. Афанасия Александрийского, Григория Нисского и др. древних учителей Церкви. Эти учения в настоящее время лежат в догматике философски мертвым капиталом, чаще же прямо отвергаются, и на развалинах христианского религиозного материализма воздвигается философский и экономический материализм на одной стороне и идеалистический феноменализм на другой. В число задач настоящего исследования входит попытка перевести некоторые из этих учений на язык современного философского мышления и тем обнаружить, как истины религиозного материализма искажаются и затемняются и в материализме, и в идеализме.

Ю.М. ОСИПОВ

Предисловие к кн. «Опыт философии хозяйства» (М.: Изд-во МГУ, 1990)

Современность — в себя обращенное время, временной виток, сводящий будущее с прошлым то в идиллическом единении, то в роковом столкновении. Современность — мгновенная бесконечность, когда история сведена к моменту, а в моменте — вся история. Современность — статика и динамика, изменение и сохранение. Это борьба нового со старым, положение и отрицание одновременно, в одночасье вызов прошлому и будущему, победа и поражение. Это смерть и всегда рождение.

Есть современность бытия и есть современность человека. Первая теснит вторую, вторая устремляется навстречу первой. Судьба человека — выиграть, проиграв, и, проиграв, выиграть. Выиграть — значит понять, понять — приспособиться, а приспособиться — изменить, но и самому измениться.

Сходясь с современностью, человек борется с прошлым и будущим: с прошлым, чтобы сбросить оковы традиции, с будущим — чтобы их воссоздать. Преодолевая накопившуюся определенность прошлого, человек овладевает надвигающейся неопределенностью будущего. И никому неведомо, что здесь первично, что вторично: новое сознание или новые акции. Ясно, что человек думает и делает так, как того захотела современность.

Человек знает окружающий мир и знает себя — пусть неполно и относительно. Знание, выливающееся в со-знание, выручает человека. Знание плюс действие плюс результат — культура. Мир человека — мир как мир и мир как культура. Меняется культура, меняется человек, меняется мир. Век — не само по себе время, его протяженность и величина. Это по-особому организованное время, имеющее собственное содержание. Время — это качество, а век — образ этого качества. Знание — функция от времени. Сегодня — *одно* знание, завтра — *другое*. Чередование веков — чередование знаний. Однако и накопление знания и его потеря. Рост знания — не только его становление, расширение и совершенствование, но и переход от одного типа знания к другому, от одной *парадигмы* к другой. Новый век — новые песни.

Хозяйство — явление культуры, ее часть, это знание и действие, но в то же время — осознание, осознание человеком самого себя как человека хозяйствующего.

История хозяйства — это история человека, его культуры. Хозяйство и отображающее его знание — экономия (хозяйствоведение) — меняются вместе с человеком, их создателем и носителем. История экономии — не столько сумма трактатов, сколько исторический опыт человека. Хозяйственное знание старо, как мир, а вот осознание этого знания, тем более внутренне соорганизованное, систематизированное, не особенно давнего происхождения. Однако достаточно давнего, чтобы иметь свою историю как историю *науки.*

Как и любая наука, экономия разнообразна, ей присущи разные частные науки, различные концепции. Теории и школы сосуществуют и сменяют друг друга. Многое зависит от обстоятельств, а многое — от главной идеи, полагаемой в основание любой «знаниевой» конструкции. В качественном разнообразии экономии, ее полифоничности — известная слабость, но и большая сила. Экономия — это варианты, пути, возможности, это борьба остоятельств, интересов и идей.

История науки о хозяйстве значительна, она полна всего: откровений, заблуждений, открытий и свершений. Экономия уже давно успела самоутвердиться, принести немалую воззренческую и практическую пользу, пережить эйфорию от собственной значимости, но также и достаточно обособиться и настолько внутренне усложниться, что не преминула... и весьма оторваться от жизни, довольно запутаться в словах, подзакоснеть. Успела она превратиться и в нечто мифообразное, в «вещь в себе», прибежище для посвященных. Нынешняя экономия — мощное знание, но в тоже время и неплохой материал для гессевской «игры в бисер».

Самоуверенность и самоуспокоенность — враги науки. Обращенная к себе самой, а не к жизни, наука скудеет, теряет эластичность. Наука пожирает науку. На место любомудрия приходит любословие, на место страдания — суета. Только обращенная к реальности — «живущая жизнью» — наука способна к развитию. И это особенно важно для экономии, которая не только отображает и трактует жизнь, но и активно вмешивается в нее. Обновление хозяйственных знаний — отнюдь не праздная задача.

Сегодняшняя современность — время нового «открытия» экономии: открытие ее человеком и открытие экономии для внешнего мира, а в итоге — самооткрытия, парадиг-мального обновления. Условие этого — критика и самокритика. Время поверяет науку, наука поверяется... наукой. Жизнь судит экономию, экономия судит... экономию. Осовременивание экономии — экономизация современности. Время обновляет науку, наука обновляет время.

Что требует от экономии современность?

Осмысления (переосмысления) целей и возможностей производства, его ценностей и его ценности, его средств и механизмов, результатов и последствий, а главное, осмысления трех фундаментальных связей: «человек — производство — природа», «человек — культура — производство», «человек — культура — природа», а на их основе и в их рамках — отношения «человек — человек» (как человека обращенного к другому человеку, так и человека, обращенного в себя самого). Задача, пожалуй, и не нова, но ответ должен быть новым. Старыми понятиями и решениями здесь уже не-обойтись.

Что дает современность экономии?

Помимо бесчисленных проблем и множества императивов эпоха дает и нечто из нового восприятия мира и нового мышления. Кратко это можно выразить так: «неопределенность — самоорганизация — целостность». Мир — целостная самоорганизующаяся система. Человек, будучи сам целостной самоорганизующейся системой, встроен в этот мир. Вследствие подвижности и изменчивости связей между элементами мира, как и известной свободы поведения мира и его частей, большой неопределенности связей между человеком и миром, суждения и поступки человека не могут быть ни полностью адекватными миру, а тем более самому человеку, ни абсолютно правильными, ни окончательными. Однако они должны *достаточно* соответствовать сложности и разнообразию мира, вбирая в себя — в образе и модели — весь мир и всего человека в нем, не игнорируя при этом ни моментов неопределенности, ни свойства самоорганизации. Современность провозглашает: человек и природа взаимозависимы, едины, но при этом организованы настолько *по-своему* и настолько не-определенно по отношению друг к другу, что ни природа, ни человек не способны навязать один другому своей организации, а потому единство их

есть единство *экологическое,* предполагающее возможность взаимодействия сторон при соблюдении взаимного уважения. То же самое современность говорит и по поводу взаимоотношений человека с человеком, нации с нацией, общества с обществом, цивилизации с цивилизацией. Всеобщая зависимость при всеобщей же независимости.

Экономия как наука проявляется во множестве экономии, каждая из которых, руководствуясь своей главной идеей, предлагает свое понимание хозяйственной жизни. Этим она роднится с любой общественной наукой, этим же отличается от любой естественной (точной) науки. Экономия слишком зависит от человека, чтобы быть сугубо объективным, как бы сторонним знанием. Человек разнообразен, разнообразно его хозяйственное поведение, различно и его представление о хозяйстве. Жизнь допускает не просто отличные, но и противоположно отличные экономии. Однако разнообразие хозяйственного знания не исключает и общих для него оснований. Все хозяйственные концепции всегда так или иначе восходят к общим парадигмальным корням, определяемым общностью предмета и общностью эпохи.

Овладение новым видением мира — настоятельная задача экономии. Это ее шанс. И решить эту задачу она должна сама, при условии, если позволит себе стать... философией, да еще и необремененной ни заданностью, ни догмами, ни титулами.

Наша задача — философическое (позволим себе настоять — именно философическое, как бы философизированное) осмысление современного хозяйства и современного хозяйствования с позиции здравого и свободно мыслящего человека, исповедующего общечеловеческие культурные и духовные ценности, стремящегося, — возможно, и несколько наивно, — найти образ разумного и нравственного поведения человека, живущего и хозяйствующего в нашем не слишком разумном и не слишком нравственном мире.

По мировоззренческим вопросам так много всего наговорено, существует так много течений и схем, столько идет споров и столько высказано противоположных мнений, что автор, убоявшись увязнуть в содеянном, был вынужден, опираясь на лучшие достижения человеческого разума, предложить *свой* взгляд на вещи и выразить свои мысли по преимуществу не классическим и уж тем более не академическим языком. Обра-

тившись к философии хозяйства, автор не счел возможным погружаться в «пучину» собственно философии, не стремился надеть на хозяйствоведение и обычные философские (часто псевдофилософские) одежды. Автор шел не столько от философии к хозяйству, сколько от хозяйства к философии, но не к философии вообще, а именно к хозяйственной философии. Философию хозяйства вполне можно рассматривать как одну из отраслей философии, но в книге представлена скорее не отрасль философии, а отрасль экономии, т. е. хозяйство в своем собственном философском, а для нас философическом, отображении.

Не самоуверенностью вовсе, а необходимостью руководствовался автор, не увлекаясь ни канонами, ни хитросплетениями торжествующего сциентизированного разума. Сомнение сегодня гораздо ценнее и пристойнее, чем хорошо усвоенные и благодушно повторяемые истины. Нынче разум нуждается в более непосредственном, чем это было совсем недавно, контакте с интересующим его предметом, для чего важно избежать по возможности категориальных сетей и концептуальных ловушек уже сформированного, да к тому же чересчур специализированного знания. Здесь уместно привести слова Петрарки, высказанные им в сходной ситуации: «В этом исследовании я опирался преимущественно на собственный опыт и не искал другого вожатого, да и не принял бы его, если б он нашелся, потому что мои шаги свободнее, когда я следую внушениям собственного духа, чем когда иду по чужим следам».

Путь философского осмысления хозяйства тернист. Хозяйство — сложнейший природно-технико-социальный процесс, феномен культуры. Понять хозяйство — понять практически *весь* мир, его явные и глубинные смыслы, общую эволюцию и массу конкретных тенденций. Хозяйство — невероятно сложное явление, под стать самой жизни, а потому философия хозяйства очень непроста. Автор надеется, что читатель это понимает и при чтении книги не будет слишком сетовать по поводу ее некоторой сложности, а также встречающейся местами необычности и известной трудности слога.

Автор сознает, насколько велика и сложна задача, насколько слаб он перед грандиозностью и своеволием жизни, как рискованна предпринимаемая попытка. Но по-другому он поступить не может. И если читатель не примет содеянное, а,

воспылав недоумением, его отринет, но лишь для того, чтобы найти потом лучшее и более правильное решение, то автор, посчитав миссию исполненной, будет счастлив ознакомиться с более осмысленным и удовлетворительным знанием.

Ю.М. ОСИПОВ

Предисловие к кн. «Осмысление (субъективные заметки)» в авт. книге «Очерки философии хозяйства» (М.: Юристъ, 2000)

Осмысление (субъективные заметки)

Вместо предисловия

Философия хозяйства есть, но ее как бы и нет. Адепты чистой экономии не очень ее жалуют, а профессиональные философы, не очень знакомые с экономией, почти к хозяйству не обращаются.

Это С.Н. Булгакову, знавшему политэкономию и философию одинаково хорошо, легко было заняться философией хозяйства, что он, собственно, и сделал, став родоначальником отечественной философии хозяйства.

Почему же Булгаков вдруг обратился к философии хозяйства? Его, по собственному признанию, не устраивала до конца политическая экономия, как и возбуждаемый ею экономизм (экономический детерминизм).

Решив разобраться с экономией, Булгаков был вынужден заняться философией, ибо только с общих философских позиций можно было уяснить проблемы экономии и попытаться их как-то разрешить. Однако выяснилось, что хозяйственная жизнь далеко не сводится к той замысловатой картине, которую рисует экономия. Оказалось, что предмет заслуживает собственной философии, а не одной лишь экономии. Так родилась отечественная философия хозяйства.

Сегодня она возрождается. Однако слишком много вокруг экономистов и философов, да почти нет философов хозяйства. И хотя интерес к философии хозяйства явно нарастает, до расцвета еще не близко: предмет пока в тумане — во мгле неведения.

Меня часто спрашивают: «А что такое философия хозяйства?». И как тут ответить? Ведь в университетах ее не проходили, учебников не читали, экзаменов не сдавали. Готовых

трактовок не было и нет. О предмете и сути политэкономии или экономикса хоть поспорить можно, высказать что-нибудь наоборотное. А тут и рекомендация читать Булгакова не помогает, ибо его не читать надо, а вчитываться в него нужно, да еще и размышлять параллельно, причем серьезно... Почему это вдруг Булгакову политэкономии мало стало, и экономизм перестал его устраивать? Почему это он о трансценденции заговорил, о Боге вспомнил? Что-то же заставило Булгакова именно к философии хозяйства потянуться?..

Узость, противоречивость и недостаточность экономии, как и великая гордыня экономизма, ввергли Булгакова в пучину философии, заставили его вызвать к жизни философию хозяйства. Нечто подобное, но еще более усиленное триумфом экономической цивилизации и победным шествием совсем уж инженерной теоретической экономии — экономикса, вытолкнуло и нас, ученых уже не начала, а конца XX в. — за пределы чистой экономии, в сферу жизни, трансценденции и философии. Захотелось узнать, а какие же все-таки цели преследует человек, хозяйничая на Земле, куда он идет и к чему ведет, все и вся скрупулезно подсчитывая, деньгами от природы и от Бога заслоняясь? Многое захотелось осмыслить, да не в рамках же научной экономии, которая, пожалуй, все, что могла, уже и сказала. Тут надо за пределы экономии выходить, в среду философии и философии хозяйства вторгаться. Так сегодня возник интерес к философии хозяйства.

Нижеследующие очерки представляют вольные и весьма субъективные размышления о философии хозяйства, ее предмете и присущих смыслах. Я не пытаюсь ничего наверняка утверждать, хотя, конечно же, приглашаю читателя к знакомству с философией хозяйства — в той мере, в которой я подошел к ней и насколько ее понимаю. Всякое начало трудно, тем более философское.

Будем взаимно терпеливы и вежливы, читатель, и постараемся вместе пройти по нелегкому познавательному пути. Никто ведь здесь и никого ни к чему не обязывает.

История и философия экономики.
Пособие для аспирантов / Под ред. М.В. Конотопова
(М.: Кнорус, 2006)

Философия хозяйства С.Н. Булгакова

Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944) — философ, богослов, экономист, религиозный и общественный деятель. Окончил Московский университет по кафедре политической экономии и статистики. Примыкал к легальному марксизму, затем перешел к религиозно-философской проблематике. Избирался депутатом 2-й Государственной Думы как «беспартийный христианский социалист». Свою мировоззренческую позицию называл «религиозным материализмом». В 1918 г. принимает сан священника, протоиерей. В 1922 г. с группой деятелей науки и культуры, не принявших революцию, выслан за рубеж. Умер о. Сергий в Париже в должности ректора и профессора кафедры догматического богословия Православного Богословского Института.

Протоиерей Сергий Булгаков прошел сложный духовный путь от экономиста-социалиста до философа-идеалиста и, далее, до священника и религиозно-философского мыслителя. Марксистские взгляды Булгакова высоко оценивались современниками, Г.В. Плеханов, например, говорил о нем как о «надежде русского марксизма». Из известных ранних его работ можно назвать «О рынках при капиталистическом производстве» (1897). В период научной стажировки в Германии (1898—1899) он пишет магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие». Экономические взгляды Булгакова подверглись уничтожающей критике В.И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и критика Маркса» [1]. Затем Булгаков отходит от марксизма, что зафиксировано в его книге «От марксизма к идеализму» (1903). В 1912 г. создает один из главных своих трудов — «Философию хозяйства». Работа была защищена как докторская диссертация в Московском университете. В предисловии к первому изданию автор пишет: «В настоящем томе выполнена только часть всего намеченного плана: именно здесь рассматриваются общие основания хозяйственного процесса, его онтология. На долю второй части останется проблема оправдания хозяйства, — его аксиология и эсхатология; в частности, здесь должна быть исследована проблема об отношении плоти и духа (этика хозяйства) и о смысле истории и культуры. Однако основа для этих учений отчасти заложена и в настоящей части, которая в пределах своей проблемы может рассматривать-

ся как законченное, самостоятельное целое» [2—6]. К сожалению, законченной работу можно считать лишь условно, она так и осталась незавершенной. На это указывает и название на титульном листе первого издания книги: «Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство».

С.Н. Булгаков предпринял попытку преодолеть непродуктивный отход политической экономии от философии, оригинально соединив в философии хозяйства философию и теорию экономики. Собственно, философия хозяйства это и есть философское, мировоззренческое, методологическое осмысление проблем экономики в их взаимосвязи с формами духовной жизни общества. Булгаков развенчивает узость подходов экономического материализма, экономического прагматизма, экономического детерминизма, которые препятствуют достижению высокой нравственно-духовной цели человеческого бытия.

С.Н. Булгаков указывает на антиномичность исторических законов и социального прогноза. С одной стороны, нет общеисторических законов, общественные науки не могут проектировать будущее. С другой стороны, есть силы, предопределяющие ход истории, человек находится в определенных рамках, он вполне может предсказать, предвидеть, заглянуть в будущее. Итак, сама «идея “исторического закона”, исторического предсказания есть плод глубокого недоразумения, смешения различных понятий», и «социальная наука по самой своей познавательной природе неспособна к предсказаниям...». Это объясняется, в частности, следующим: «Причиной принципиальной невозможности исторических предсказаний, помимо того что история имеет дело с индивидуальными событиями, не повторяющимися во всей индивидуальности, является еще и то, что ход истории обусловливается... деятельностью личностей. Между тем каждая историческая личность... есть нечто абсолютно новое в истории, не поддающееся никакому предвидению... История имеет дело с неопределенным числом постоянно появляющихся и уничтожающихся элементов...». Так что же, полная неопределенность и безысходность? Нет, говорит автор. «Действительность логична, она связна, и связь эта тождественна с логическим мышлением, ему раскрывается и отдается... Связь эта универсальна, ибо она и есть связь всего со всем. Она получает в науке форму всеобщей причинной связи, стягивающей собой мировой механизм». Конечно, существуют определенные рамки для деятельности, обязательные для всех,

но они же создают условия для личного творчества, проявления свободы. «При этом человек не может, конечно, обойтись без того, чтобы не определять вероятности того или иного хода вещей, не заглядывая в будущее, не предсказывать. Из совокупности всех этих данных и мнений проистекает сознание того, что называется исторической задачей. Каждый век, каждая эпоха имеют какую-нибудь свою историческую задачу, определяемую объективным ходом вещей» [2, 145, 271—273, 294, 298]. Значит, Булгаков выступает лишь против самонадеянности экономического детерминизма, готового предсказать все и вся.

В «Философии хозяйства» не рассматриваются специально конкретные понятия экономической теории: капитал, деньги, цена, товарообмен и т. п. В политической экономии выделяется именно философский аспект, анализируются мировоззренческие и методологические положения экономической теории, она поднимается до уровня философии — целостной философии хозяйства. Проблемам экономической теории дается философское толкование. Взять, к примеру, проблему цены (ценности), стоимости. Если стоимость есть исторический феномен, то вечный феномен — это труд. Вот как об этом пишет Булгаков: «Значение труда, не оцененное по достоинству в гносеологии, нашло некоторую оценку в политической экономии. Но она является здесь, в соответствии специальному характеру экономической науки, условной и ограниченной. Именно в учении о производстве материальных благ труд помещается обыкновенно в числе “факторов производства”, причем рядом с ним фигурируют земля и капитал. Однако эта классификация, может быть, и имеющая специальный смысл, совершенно лишена общефилософского значения. Гораздо любопытнее в этом отношении оценка труда, которая выражается в так называемых “трудовых” теориях ценности. Здесь труд не помещается лишь наряду с другими факторами производства, напротив, ему приписывается исключительное значение как основы ценности благ.

Однако тщетно мы стали бы искать здесь философское углубление или истолкование этой идеи. Она понимается в высшей степени узко, лишь в применении к объяснению механизма цен, к учению о меновой ценности товаров. Благодаря этому и само понятие труда суживается в политической экономии до смитовского определения производительного труда, т. е. труда, выражающегося лишь в материальных продуктах. Например, Маркс опреде-

ляет ценности как сгустки или кристаллы труда, труд же как затрату человеческой энергии, а последняя с грубым и наивным материализмом определяется им как трата нервов, мускулов, костей, физиологической энергий. Но — можно возразить против столь узкого понимания труда — ведь и сама трудовая теория ценности есть тоже трудовой и в этом смысле хозяйственный продукт, ведь выработка и усвоение ее тоже предполагают затрату интеллектуального труда или, на языке Маркса, затраты нервной и мозговой энергии. И притом как трудовая теория ценности, так и теории, построенные для ее ниспровержения и отрицающие универсальное значение трудового начала, одинаково суть продукты труда, совершенно так же, как, и материальные блага, и так же различаются по качеству, полезности и пригодности, как и они. Но при всей узости понимания *нельзя отрицатъ за трудовой теорией ценности того общечеловеческого значения, что в ней с совершенно исключителъной силой было выдвинуто значение трудового Начала, столь недостаточно оцененное в философии* (курсив мой. — *Н.Я.)* В ней отразилось, хотя и недостаточно осознанное, чувство актуальности человека, трудовая или хозяйственная природа жизни. В этом смысле то зерно истины, которое содержится в трудовых теориях ценности, сохраняет жизнеспособность, хотя и в ином истолковании, чем давали ей творцы ее, облекшие это зерно в совершенно закрывающую его шелуху. Основную мысль теории меновой ценности можно истолковать так. Большая посылка: труд есть высшее начало хозяйственной жизни, ее собой установляющее; меньшая посылка: эта роль труда должна соответственным образом проявляться и в феноменологии хозяйственной жизни, на поверхности ее явлений; вывод: поэтому меновые пропорции, или ценности товаров, определяются количеством труда, затраченного на их производство. Очевидно, однако, что ее творцы в стремлении возвеличить труд (отчасти по мотивам социалистического человекобожия) совершенно затемняют свою идею, придают ей менялочное, уродливое выражение, которое оказывается незащитимым и в специально-научном смысле. Цены товаров, даже по признанию самих творцов трудовой теории ценности (Рикардо, Родбертуса и Маркса), не соответствуют трудовым ценностям им приписывается почетная роль идеального, теоретического мерила ценностей, — вовсе лишить труд этого значения

они, очевидно, не считали возможным. Но в действительности, для оценки значения труда в хозяйстве, как его основы, совершенно несущественно и, пожалуй, даже неинтересно, в каком отношении рыночные цены стоят к трудовым ценностям. Цены могут никогда не соответствовать трудовым ценностям (последние, впрочем, и не допускают даже теоретического исчисления иначе, кроме как путем логических скачков и неразрешимых уравнений со многими неизвестными), и тем не менее значение труда как основы хозяйства останется в полной силе. Если верна большая посылка трудовой теории ценности и до некоторой степени верна даже и малая, то вывод из них, который делает трудовая теория ценности, совершенно не соответствует ни большой, ни малой посылке, потому что переносит вопрос с принципиальной высоты в меркантильную практику, на рынок. Если трудовая теория ценности, по крайней мере в строгой форме, давно уже незащитима даже и в политической экономии, то философская ее идея, вернее, выраженное в ней предчувствие, чрезвычайно ценно, и, освобожденное от несоответствующей и уродливой формы, может получить дальнейшее развитие. И в этом политическая экономия оказалась впереди, философии» [2, 86—87].

Булгаков не может согласиться с принижением роли труда, с его зауженной трактовкой и в политэкономии, и в философии. Он рассматривает труд с мировоззренческих позиций, как основополагающий феномен жизни, как «мирообразующий, космогонический фактор». Критика Булгаковым теории трудовой стоимости выражает его тревогу по поводу кризиса, к которому пришла политическая экономия, понимание необходимости поиска новых подходов, новой парадигмы.

Оригинально рассматривается в философии хозяйства проблема богатства, которая занимала умы представителей экономической мысли с момента ее возникновения, скажем, меркантилизма как политэкономической школы, и до наших дней. В отечественной политэкономии проблема впервые обстоятельно анализируется русским экономистом, сторонником реформ Петра I, И.Т. Посошковым (1652—1726) в «Книге о скудости и богатстве», кстати, на полвека раньше, чем она привлекла внимание Адама Смита. Книга последнего «Исследование о природе и причинах богатства народов» вышла в 1776 г. Булгаков отдает должное

своим предшественникам и отмечает, что богатство есть блага. «Эти блага, каковы бы они ни были, каким бы потребностям ни удовлетворяли, суть создания человеческого труда, “ценности” и образуют собой “богатство”, хозяйство стимулируется стремлением к увеличению богатства и преодолению бедности». Представители различных политэкономических школ по-разному трактуют богатство: меркантилисты считают, что «богатство суть деньги, а источник его — торговля», у физиократов «богатство суть продукты земледельческого труда, а источник его — земледелие», с точки зрения представителей английской классической политэкономии, «богатство суть материальные продукты всякого труда, а источник его — труд промышленного и земледельческого рабочего» и т. д. Но, считает Булгаков, политэкономия не может дать удовлетворяющего определения богатства. Это может сделать философия хозяйства, для которой главным является человек в его трех ипостасях: дух, душа и тело. «Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо, и потому в его жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным...» [2, 216, 217].

Вся величественная структура мироздания держится, по Булгакову, на трех китах: человеке, природе, культуре. Бытие человека, а это хозяйственное бытие, нельзя объяснить только с опорой на экономику. Для этого необходимо охватить всю систему общественных отношений через призму синтеза природы, человека и культуры. И человек тогда предстает как существо тройственное, биосоцио-духовное, к тому же человек не как индивид, а как человек-человечество. Вернемся к «Философии хозяйства». Человек, указывает автор, «будучи частью природы, до некоторой степени ее продуктом, носит в сознании своем образ идеального всеединства, в нем потенциально заложено самосознание всей природы». В этом самосознании непосредственно проявляется мировая душа, идеальный центр мира и в этом смысле... природа человекообразна. Каждая человеческая личность потенциально носит в себе всю вселенную, будучи причастна natura naturans, творящей душе природного мира и natura natupata, теперешней природе. Этим принципиально обосновывается хозяйство как единый процесс, в котором разрешается общая задача и творится общее дело всего человечества. В многообразных актах хозяйства осуществляется по существу единая деятельность, субъект хозяйства воздействует на его объект,

совершается взаимодействие natura naturans и natura naturata. Оно синтезируется из отдельных актов как процесс не только экстенсивный, но и интенсивный, и она синтезируется в одном объекте как трудовое, хозяйственной им овладение (на языке политической экономии это называет-ся «развитием производительных сил"). Единая Мировая душа natura naturans, стремится овладеть природой или миром, naturi naturata, сделать ее прозрачною, так, чтобы natura naturata совершенно познавала себя в n atura n aturans. Такова предельная, уже за границами истории лежащая, а потому в ней не вмещающаяся цель, путем к которой является хозяйство» [2, 102—103]. Автор использует латинские термины natura naturans и natura naturata — «природа творящая» и «природа сотворенная».

Экономическая наука, как ее оценивал Булгаков, при всех ее достижениях не поднимается выше примитивного мировосприятия. Далеко не все определяется «экономизмом». Впрочем, это отмечали и основоположники марксизма, ставшего объектом булгаковской критики. В письме Ф. Энгельса И. Блоху, редактору журнала «Sozialistische Monatshefte», разъясняется, что «...согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу». И далее: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует.... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших "марксистов"; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница...» [3, 422, 424].

Вот и Булгаков стремится выйти за экономические рамки, раскрыть мировоззренческие, религиозные, социальные, политические и родственные им предпосылки теории хозяйства. Он рассматривает отношение хозяйства и хозяина, природы и человека, выходит на идеи философии космизма как последователь учения Н.Ф. Федорова. По мнению последнего, если условием бесконеч-

ного прогресса истории является смерть, то необходимо победить ее, стремиться к преодолению смертоносных сил во внешнем мире и самом человеке. Как утверждает Булгаков, «хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целесообразностью, поэтому в пределе эту цель можно определить как превращение всего космического механизма в потециальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» [2, 39—40]. Хозяйство рассматривается и в эсхатологическом плане. (Эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека, о цели космоса и истории, об их конце и что за этим последует.) «Хозяйство есть борьба со смертоносными силами князя мира сего, но способно ли оно поднять мятеж против самого этого князя? Способно ли хозяйство изгнать из мира смерть и победою над ней преодолеть то, что составляет, его собственное условие? Или, наоборот, хозяйственным путем не уврачевать сердце мира, отравленного смертию, и только новым творческим актом Божества, силою Того, “кто смертию смерть попрал”, “истребится последний враг — смерть?» [2, 39—40]. И далее автор прямо ссылается на Н.Ф. Федорова: «Содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое. Можно допустить в пределе, что все имеет ожить в результате хозяйственного труда, и жизнь будет восстановлена во всей своей мощи, однако и это может быть допущено не в том смысле, чтобы она была создана человеком, а только им воссоздана. Как учил Н.Ф. Федоров, этот мир хотя и не есть лучший из возможных миров, но он может и должен стать таковым, ибо он потенциально лучший» [2, 117].

Следует сказать также о софийности хозяйства в булгаковском понимании. София понимается как Премудрость Божия, как триединство Блага, Истины и Красоты; как ми-

ровая душа, мировая энтелехия,, творящая природа по отношению к твори-мой природе; как противостоящая мертвой природе; как одушевляющая мир. Человек и человечество мыслятся как особое средоточие софийности. Божественная София является основой человеческого бытия. Сферой деятельности человека, космическим хозяйством становится весь мир. С такой позиции производство рассматривается как теоретически-практическое, проективно-деятельное, идеально-реальное, субъект-объектное отношение человека к миру. В производстве восстанавливается утраченное человеком мировладение. Природа переходит к новой стадии сознания и овладения самой собой. «Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы» [2, 89].

Итак, предмет философии хозяйства — это мир хозяйства. Если ретроспективно взглянуть на философию хозяйства, то можно отметить определенные этапы в ее развитии. Первым в этом плане следует назвать аристотелевское учение о домостроительстве и хрематистике. В России ее становление охватывает продолжительный период с IX до XVIII в., от русских князей до М.В. Ломоносова и И.Т. Посошкова. Подлинный ренессанс философского учения о хозяйственной жизни представляет собой творчество С.Н. Булгакова и его главный труд — «Философия хозяйства». На рубеже XX—XXI вв., в эпоху экономической смуты, возрождается интерес к комплексному рассмотрению проблем экономики во взаимосвязи с другими социальными и духовными формами общественной жизни. Формируется школа философии хозяйства в МГУ им. М.В. Ломоносова во главе с профессором Ю.М. Осиповым, директором Центра общественных наук при МГУ, заведующим лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ. Ю.М. Осипов говорит о различии между «философией хозяйства» и «философией экономики». Между словосочетаниями «философия хозяйства» и «философия экономики» есть существенная разница, которую нельзя не иметь в виду всякому, кто изучает то, что обычно называется производством, хозяйством, экономикой. Философия хозяйства позволяет видеть предмет шире и глубже, чем философия экономики, она нацеливает на исследование последнего как феномена человеческой жизни вообще, как сначала абстрактного ее образа, а затем

и ряда конкретных образов как способа человеческого бытия в природе и взаимодействия человека с природой. Философия экономики как таковая, т. е. оторванная от философии хозяйства вообще, с неизбежностью замыкается на технологооперациональной тематике, поскольку для экономики важнее всего экономическое целерасчетное полагание. Философия экономики допустима как составная часть философии хозяйства вообще. Тогда она не теряет мировоззренческой обусловленности и бывает способна к мировоззренческому же рассмотрению экономики. Без философии хозяйства невозможно целостно представить и сущностно понять экономику, равным образом и получить полноценную философию экономики. Актуальность философии хозяйства, по мнению Ю.М. Осипова, определяется необходимостью дать ответы на вопросы, поставленные современным этапом развития экономической науки, дать ростки новым парадигмальным решениям, необходимостью критической оценки стремительно развивающихся модернистских тенденций в экономической теории. Это особенно важно в связи с общей дегуманизацией и технологизацией культуры и науки, языка и образа мышления. В основе концептуального каркаса философии хозяйства Ю.М. Осипов выделяет три исходные смысловые опоры как онтологического, так и гносеологического свойства, из которых выводятся все частные положения: первая — хозяйство как жизнь и жизнь как хозяйство — философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства; второй онтологической и одновременно гносеологической опорой является трансцендентность в широком смысле; нравственная опора является третьей смысловой опорой. В этом плане решаются следующие проблемы: выявление метасмыслов жизни и хозяйства, определение, что есть человек и почему, зачем и куда устремлен человек хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести и т. п.

Можно обнаружить сходные направления с философией хозяйства в современной западной экономической мысли. Это, прежде всего, институциональная теория, развивающаяся на стыке экономической теории, философии, психологии, истории и права. По сравнению с кейнсианством институционализм выгодно отличается своим разносторонним подходом к рассмотрению особенностей хозяйствующего субъекта. Становится все более популярным направление «этической экономии», успешно разра-

батываемое немецким автором П. Козловски. В его работах заметно преодоление господствующего в современной экономической науке сциентизма, анализ воздействия на экономику культурных и этических норм и ценностей. Но, пожалуй, самим распространенным в экономической теории, которая пришла у нас на смену политэкономии, можно отметить позаимствованный экономике.

Философию хозяйства и экономике, как считают некоторые авторы, можно рассматривать как концептуальные альтернативы видения современного мироустройства. В центре внимания экономикса находятся безгранично возрастающие материальные потребности индивидов, а политическая экономия основной акцент делает на процесс реализации потребностей в отношениях собственности на средства производства, но в центре внимания философии хозяйства объективно оказываются потребности хозяйства и потребности общественного развития. Рыночная экономика так или иначе способствует развитию товарного и денежного фетишизма. Мир как хозяйство заменяется миром потребления, интересы человека экономического сужаются до процесса личного потребления, что выглядит довольно удручающе. А философия хозяйства способна выдвинуть ключевые вопросы современного общественного бытия и находить способы их решения.

Литература

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 5.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. письма. М., 1953.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства*
(Философия хозяйства. 1999. № 6)

Философия хозяйства — область обобщающего, мировоззренческого знания, относящаяся к хозяйству; специализированная философия, обращенная к хозяйству; часть абстрактно-теоретической экономической науки, рассматривающая природу, основания, начала хозяйства, присущие ему фундаменталь-

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства»

ные смыслы, а также закономерности и процессы, способы устройства и реализации, исторические тенденции.

Философия хозяйства (Ф.х.) вышла из философии, получив со временем (с XVII—XVIII вв.) научную интерпретацию сначала и главным образом в виде политической экономии. Однако узость и недостаточность политической экономии, как и примыкающих к ней теоретических направлений, т. е. теоретической экономии в целом, побудили к обращению, уже возвратному, к философии, в единении с которой образовалось с начала XX в. особое хозяйствоведческое знание — философия хозяйства.

Для Ф.х. важно специфическое понимание хозяйства. Согласно такому пониманию, хозяйство есть само бытие — божественное, природное и человеческое, рассматриваемое, однако, по-особому — со стороны его производительной (творческой) организации, но непременно в единстве ее субъективного и объективного аспектов. (Видя в хозяйстве само бытие, вовсе не обязательно в бытии видеть одно лишь хозяйство; трактовка бытия как хозяйства не означает, что все бытие и есть хозяйство.) У хозяйства всегда есть субъект — хозяйствующий субъект (природа — тоже субъект, хотя и не такой личностный, как Бог или человек; природа здесь вполне сравнима с человечеством, которое также не слишком личностно), но хозяйство всегда есть также и в чем-то самостоятельный от хозяйствующего субъекта процесс.

Хозяйство — не экономика, точнее, не только экономика. Экономика — частный случай хозяйства, особое по качеству, системе организации и реализации хозяйство, специфический способ хозяйства. Ф.х. обращена к хозяйству вообще, а не к одной лишь экономике, хотя по традиции рассматривается как область экономической науки.

Ф.х. — мировоззренческое хозяйствоведение, включающее в себя в качестве органической части и философию экономики. Однако философия экономики не сводится к теоретической экономии, хотя элементы Ф.х. могут присутствовать в теоретической экономии, в особенности, в политэкономии.

Не сводима Ф.х. и просто к философским проблемам теоретической экономии и научной экономии, хотя и соприкасается с этими последними.

Ф.х. часто принимается за философскую интерпретацию теоретической экономии, в частности, за некое обобщающее знание, позволяющее судить об основаниях теоретической экономии, ее развитии и структуре, концептуальных поисках и решениях, сменяющихся и соседствующих парадигмах, качестве сообщаемых теоретической экономией знаний, переломных моментах его развития и т. п. Ф.х. не чужда науковедческих мотивов, но последние не составляют ее главного достояния. Ф.х. — не только науковедение, но даже и не философское осмысление проблем теоретической экономии. Тем более нельзя сводить Ф.х. к простому философскому переложению теоретической экономии.

Ф.х. не отрывается полностью от теоретической экономии, как не закрывает глаза на предмет теоретической экономии — экономику, но она имеет собственный предмет и собственные способы его осмысления, т. е. свою онтологию и свою гносеологию, свою аксиоматику и свои разрешения. Хозяйство шире по объему и богаче по смыслам, чем экономика. И хотя экономика тоже есть хозяйство, только специфическое, многое из того, что свойственно хозяйству вообще, не открывается при рассмотрении экономики лишь как экономики. Экономика или экономическое хозяйство в самом общем виде — товарообменное хозяйство, и внимание науки к специфическому в экономическом хозяйстве мешает осмыслению того, что открывается при обращении к хозяйству вообще, а не к одному лишь экономическому хозяйству.

Увлечение обменно-оценочными проблемами, вполне оправданное для теоретической экономии, не способствует постановке и решению более общих задач хозяйствоведения, не говоря уже о так называемых вечных проблемах бытия, имеющих прямое отношение к хозяйству. Ф.х. не просто выходит за пределы теоретической экономии, не только по-особому осмысливает проблематику теоретической экономии, как и саму теоретическую экономию, а имеет свой предмет и свой ракурс видения, что в итоге дает оригинальное знание, которое нельзя обрести иным, т. е. не хозяйственно-философским, путем.

Предмет Ф.х. не совпадает с предметом теоретической экономии, хоть и частично с ним совмещается. И обусловлено это не одним волевым расширением сферы познания и осмысления, но и предпочтением иного, не свойственного теоретиче-

ской экономии, способа познания и осмысления, не только воспринимающего более объемную сферу когнитивного интереса, но и позволяющего обоснованно осуществить само расширение познаваемой сферы. В отличие от теоретической экономии, являющейся более научным, чем собственно философским, знанием, Ф.х., не ограничиваясь лишь строго научным подходом, устремляется в такие сферы бытия, которые не могут быть освоенными наукой, во всяком случае которые не входят, как правило, в ее поле зрения. Ф.х., как и вообще философия, не чурается трансцендентности, почитая последнюю за начало бытия, с которым надо не только считаться, но и которое необходимо вводить в когнитивную конструкцию бытия.

Предмет Ф.х. масштабен, разнообразен и достаточно неопределенен, что вообще характерно для философии, для любого синтетического знания. То же самое производство потребительных благ, т. е. сфера пристального интереса научной экономии, теоретической экономии и политической экономии, для Ф.х. явно недостаточно, чтобы служить предметом и «зоной» познания, хотя, конечно, находится оно вовсе не на периферии познавательного внимания со стороны Ф.х. Ф.х. не ограничивается собственно производством потребительных благ, а выходит на производство жизни — во всех, по сути, ее аспектах, разумеется, при общем, генерализующем осмыслении. Однако и этого мало. Ф.х. нацелена на осмысление производства бытия вообще — в том числе и бытия идеального, не смущаясь при этом и производством бытия виртуального, фиктивного, даже ирреального. Но и это не все: Ф.х. интересуется и производством небытия, смерти, антижизни.

Любое производство, любая производительная организация, — как позитивного (прибыльного), так и негативного (убыльного) характера, — вызывает интерес у Ф.х., ибо все это имеет прямое отношение к хозяйству вообще, к его познанию.

Ф.х. обращает внимание не на одно производство потребительных благ (как и на производство антиблаг, а то и просто «непотребных» вещей), но и на производство знания, сознания, души; смыслов, идей, культуры; порядка, институтов, цивилизаций; права, политики, государства; хаоса, кризисов (и катастроф), войн; переходов, перестроек, революций и т. д., т. е. на производство человека и его истории. Ведь все, чего бы мы ни

коснулись, соотносится так или иначе с хозяйственным (либо с антихозяйственным) началом.

По самому своему предназначению Ф.х. не может довольствоваться лишь производством и обменом товаров, созиданием доходов и их распределением, оптимизациями производственных и потребительных выборов, действием финансовых механизмов и т. п., т. е. всем тем, чем обычно довольствуется теоретическая экономия. Не уходя при этом от характерных для теоретической экономии объектов исследования, Ф.х. обращается к более (несопоставимо) широкому смысловому пространству, позволяющему не только составить более объемное представление о хозяйственном бытии, но и по-иному смотреть на предмет теоретической экономии, замечая все его «входы» и «выходы», проходящие через него смысловые потоки, фиксируя такие в нем качества, закономерности и процессы, которые обычно не схватываются теоретической экономией.

Погружение теоретической экономии в хозяйственно-философскую среду, как и просвечивание теоретической экономии хозяйственно-философскими лучами, никак не стирает теоретическую экономию, наоборот, способствует ее верификации и обогащению, а при необходимости и парадигмальному обновлению. Только в более богатом смысловом поле, дарующем возможность новых аксиоматических решений, возможно преодоление смысловой неполноты, неизбежно возникающей в рамках замкнутой на себя когнитивной конструкции.

Как некое совокупное знание Ф.х. — не склад всего и вся. Ф.х. — совокупность обобщенных знаний, как чисто универсальных (о божественном, природном и социальном универсумах, о самом мироздании), так и специфических, обращенных к тем или иным аспектам бытия. Ф.х. не занимается и не может заниматься конкретной технологией хозяйства, выявлением его инженерно-архитектурного облика, познанием конкретных строительных механизмов и организационных алгоритмов. Даже теоретическая экономия обо всем этом говорит обобщенно. А уж Ф.х. уходит еще дальше в своих генерализующих мировоззренческих размышлениях. Если уровень конкретных (прикладных) наук признать за первый обобщающий уровень, а уровень теоретической экономии — за второй, то уровень Ф.х. — безусловно, третий.

Ф.х. сообщает человеческому познанию необходимую полноту. Без Ф.х. человек познающий остается если и не слепым, то недостаточно зрячим. Ф.х. расширяет (практически безгранично) когнитивный горизонт человека, снабжая его воистину необходимым исходно-фундаментальным (начальным — от начал мироздания, природы, жизни) знанием, превращая его из практического работника (инженера, менеджера, экономиста) и человека размышляющего (эксперта, исследователя) в человека мудрствующего (созерцателя, провидца).

Для Ф.х. нет априорных ограничений ни в познании, ни в знании. Феноменологию Ф.х. свободно сочетает с ноуменологией, она не довольствуется констатацией явлений и их отношений, а стремится к овладению сущностями. И в овладении этими последними свободно переходит от одного уровня к другому, более абстрактному и общему, не останавливаясь и перед осмыслением тайносущего. Ф.х., как и вообще философия, не претендует, как та же наука, на обретение конечных истин, пусть и условно-временных, а вырабатывает не имеющие определительного предела представления, с помощью которых судит не только об опытно познаваемом, как делает по преимуществу наука, но и воображенчески и откровенчески улавливаемом. Ф.х. вторгается в сферу неопределенности, но не ради погашения и интеллектуального преодоления неопределенности, как к тому стремится наука, а ради ее признания, адекватного понимания и отображения.

Трактуя бытие как хозяйство, а хозяйство как бытие, соответственно жизнь как хозяйство, а хозяйство как жизнь, наконец, хозяйство как производительную (творческую) организацию, а последнюю — как хозяйство, Ф.х. способна ставить и по-своему решать такие глобальные вопросы, как, к примеру: отчего, зачем, с какой целью, каким образом и с каким результатом реализуется хозяйство, прежде всего хозяйство человека или hoto-хозяйство? как выполняет человек выпавшую на него роль хозяйствующего субъекта, творца, демиурга? какова генетика и природа homo-хозяйства, откуда оно, каково его соотношение с божественным и природным хозяйством, в чем его качественная специфика? какова телеология homo-хозяйства, как и его эсхатология? Все это вопросы, которые избегает теоретическая экономия, ибо не может в силу своей предметности

и аксиоматической ограниченности ни поставить их, ни попытаться разрешить.

Ф.х. открыта для восприятия всего, что есть в бытии и имеет отношение к хозяйству. И если для теоретической экономии существует явный контекст, находящийся за пределами ее непосредственного интереса, то для Ф.х. такого «отбрасываемого» контекста просто нет. Для Ф.х. важно все, что относится к хозяйству, что в него входит и на него влияет, что его определяет и в чем оно само определяется. Ф.х. не может ни от чего «отмахнуться», она обязана уделять внимание всему: духовному, культурному, идейному; природному, материальному, техническому; социальному, политическому, экономическому; психологическому, экологическому, этническому; пространственному, географическому, геополитическому; энергетическому, информационному, коммуникационному; текущему, историческому, футурологическому и т. д. Ф.х. стремится к возможно более полному знанию о хозяйстве, естественно, в обобщенных интерпретациях. Смысловое пространство Ф.х. — самое объемное, разнообразное и содержательное, хотя это не означает ни всеядности Ф.х., ни ее разбросанности, ни ее размытости.

Внутри себя Ф.х. допускает разные течения, концепции, составные части и отрасли. Обращение к той же проблеме Бога и божественного хозяйства не означает, что не может быть атеистической Ф.х., как и признание идеального начала в бытии не ведет к невозможности сугубо материалистического понимания хозяйства. Ф.х. не связана ни с какими мировоззренческими, когнитивными и методологическими установками, кроме исходящих из стремления к пониманию бытия и обретению о нем удовлетворительного знания. Допускает ФХ и вполне теоретические «выходы», т. е. некие целостные смысло-категориальные конструкции. Однако саму Ф.х. не следует рассматривать как собственно теорию, ибо это всего более открытое мировоззренческое смысловое поле, чем замкнутый на себя смысловой «агрегат». Что касается многочисленных ветвей, отражающих специфически-аспектные знания, то они могут свободно располагаться на общем древе Ф.х.

Своими истоками Ф.х. восходит к древней мировоззренческой мысли, будь-то бытовое знание, мифологиия, религия или собственно философия. Подмеченный еще первобытным

человеком природо-хозяйственный циклизм (хотя он, конечно, так не назывался) уже можно считать мирохозяйственным обобщением, не говоря уже о комплексе вырабатываемых и осмысливаемых хозяйствующим человеком принципов, правил и норм хозяйственной жизни. В тех же древнегреческих мифах содержится немало сентенций, годных для Ф.х. (о Гефесте, Меркурии, Артемиде, Афине, Прометее и т. п.). Любая религия полна хозяйственно-философских аспектов. Не избегает рассуждений о хозяйстве и любая сколько-нибудь развитая философия.

Однако зарождение Ф.х. следует, видимо, относить к эпохе расцвета древнегреческой философии, в первую очередь обозначенную трудами Платона и Аристотеля. Правда, это было еще не слишком осознанное той же философией возникновение Ф.х., а лучше сказать, не ее собственное появление, а скорее, образование некоего зародыша Ф.х. в лоне философии вообще. Однако первые собственно хозяйственно-философские мысли были тогда уже определенно высказаны.

Идеи, характерные для Ф.х., всегда присутствовали в человеческом знании, и Ф.х. подспудно всегда существовала и так или иначе себя проявляла, но для-себя-сосредоточенным хозяйственно-философское мышление стало в связи с нарастанием науки, а в ее рамках — теоретической экономии (первоначально — политической экономии). Эпоха Д. Юма, А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса стала эпохой становления и развития Ф.х., но, что очень важно, в рамках более науки, чем собственно философии. Отсюда получалась не столько Ф.х., как таковая, сколько научная Ф.х. или «философизированная» научная экономия. И получилось в конце концов так, что полноценная, т. е. вполне себя осознающая как специфическое знание, Ф.х. вышла на арену человеческого мышления уже в ходе и в итоге развития научной экономии, но при этом еще и в результате философского ее отрицания. Такое позитивное отрицание философией научной экономии, разумеется, в ее теоретической части, было наиболее последовательно осуществлено русским мыслителем С.Н. Булгаковым, написавшим по этому поводу диссертационный труд «Философия хозяйства» (1911).

С.Н. Булгаков заложил основы Ф.х., обосновал ее собственную необходимость, поставил важнейшие проблемы, дал некоторые решения, наметил пути развития, призвал к философскому переосмыслению научной экономии, теоретической

экономии и политэкономии, наметил онтологические контуры и гносеологичские мотивы Ф.х. Однако вышло так, что Булгаков мало в дальнейшем занимался хозяйственно-философской проблематикой, и его крупное и своевременное начинание осталось без соответствующего с его стороны творческого участия. В 1922 г. Булгаков был выслан большевистским правительством за границу, а там уже, будучи священником, более занимался богословием, чем философией, не говоря уже о Ф.х.

Решительно заявив о себе как о специфической области знания, Ф.х. не получила полного преемственного развития ни в СССР, где господствовала лишь марксистская версия политэкономии, а труды Булгакова долгое время были недоступны для широкого ознакомления, ни за границей, где мировоззренческий аспект научной экономии постепенно затихал в угоду формально-функциональному подходу. В итоге Ф.х. бытовала более как фрагментарное, ракурсное, вспомогательное знание, чем как знание целостное, систематизированное, самостоятельное. Хозяйственно-философский подход, естественно, не исчез, он продолжал проявлять себя в теоретической экономии, в обществоведении. В его развитие внесли свою лепту, помимо марксизма, такие направления мысли, как институциональное, социологическое, историческое, правоведческое, психологическое, экономическое, равным образом и дирижизм, либерализм, ордолиберализм. Немалый вклад был сделан кибернетикой, синергетикой, системологией, эволюционистикой, транзитологией, теорией динамических процессов, социологией, политологией, социопсихологией, геополитикой, историей. И хотя собственно ФХ не была явно представлена как особая отрасль обществоведческой мысли, а интересующие ее хозяйствоведческие проблемы рассматривались за рамками специфически организованного знания, Ф.х. имела всегда известное присутствие как в теоретической экономии, так и за ее пределами при соприкосновении теоретической экономии с неэкономическим контекстом. Следует особо заметить, что университетские курсы Ф.х. всегда наличествовали в Германии, США и других странах.

Возрождение отечественной Ф.х. как особой отрасли знания связано главным образом с 1990-ми гг., когда в России стали широко публиковаться работы С.Н. Булгакова, А.А. Богданова, Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина, Н.Д. Кондратьева, В.Н. Вернадского и др. русских мыслителей, в частности, был переиздан классический труд С.Н. Булгакова

«Философия хозяйства» (1990). Существенный вклад в развитие современной Ф.х. вносит Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. В 1990 г. в нем появилась работа Ю.М. Осипова «Опыт философии хозяйства», в 1996 г. была проведена юбилейная конференция, посвященная творчеству С.Н. Булгакова, в 1997 г. было образовано Философско-экономическое ученое собрание, в 1998 г. вышла в свет крупная коллективная монография «Преодоление времени», обращенная к Ф.х., а в 1999 г. стал выходить журнал «Философия хозяйства». В итоге в Московском университете, в котором благодаря усилиям его профессора С.Н. Булгакова возникла в начале XX в. Ф.х., была воссоздана на базе Центра общественных наук и экономического факультета научно-образовательная школа философии хозяйства (основатель и руководитель Ю.М. Осипов). Значительный вклад в развитие Ф.х. вносят Институт экономики и Институт философии Российской академии наук, Санкт-Петербургский университет, Академия гуманитарных наук (СПб.), Российская академия естественных наук, Международный фонд Н.Д. Кондратьева.

Ю.М. ОСИПОВ

Почему же философия хозяйства? (ответ на одно письмо) (Философия хозяйства. 2001. № 1)

Уважаемый коллега! Благодарю Вас за письмо, в котором Вы спрашиваете меня о философии хозяйства, моей к ней пристрастности, ее необходимости и продуктивности. Ваше письмо тронуто недоумением, ибо Вам не кажется, что философия хозяйства заслуживает столь большого внимания, которое я ей уделяю. Разумеется, Вы не против вообще философии хозяйства, даже, скорее, за, однако Вы не видите сколько-нибудь значительных доводов в пользу такого рода знания, тем более что против общего потока, как Вы изволите думать, не устоять, да и просто не нужно этого делать. Лучше, на Ваш взгляд, включаться в мировую экономическую науку, не отставая от нее и даже посильно ее развивая.

Не скрою, что письмо Ваше меня в какой-то мере задело, но не в аспекте критики дорогого для меня предмета, а в аспекте, если позволительно будет сказать, нашей общей беды — непонимания ни того, что делается вообще в мире, ни того, что

лежит рядом и нами упорно не замечается. Поясню: для меня современная экономическая жизнь есть по преимуществу гнусный и гибельный для человека (тем более для русского человека) вертеп, и соответственно любое теоретическое знание, ее пристойно и благодушно якобы отражающее, не более чем неправедный и довольно-таки злостный миф: и дело здесь не в том, что мир лежит во зле, что и так ясно, а в том, что это зло настойчиво выдается за добро — в том числе и научно. Все это не значит, конечно, что в теоретической экономии нет, скажем, реалистических (даже правдивых) мест. Нет, конечно, все это есть, но общая картина, даваемая нынешней замусоренной наукой, никак думающего и совестливого человека удовлетворить не может. Восприятие человеком современной науки — в ее мировоззренческом аспекте — расставание со все еще человеческим в человеке (вместо человека — машина, причем плохая). Остается идти за пределы науки, хотя бы в философию, где, конечно же, немало своего лукавства и подобных же ловушек, а потому не в вообще философию, которая порядочно уже «подыстуканилась», а в живую философическую мысль, рождаемую самой текущей жизнью (что не исключает, конечно же, обращения к устраивающему современного мыслителя наследию). Нужно философически погружаться в жизнь — вряд ли можно придумать что-либо другое, и погружаясь, кое-что все-таки подмечать, а не скользить «размазанным» взглядом по поверхности. Тут как раз самое время обратиться к родному языку — для нас с Вами русскому, причем обратиться серьезно, если так можно выразиться — «источниково», стараясь услышать первичные и основополагающие смыслы, уже когда-то умело самой жизнью схваченные. Эти-то смыслы — разумеется, сдобренные современностью, т. е. и нами с Вами — и лежат рядом, да так здорово, что мы их, как правило, и не замечаем. В своей жизни я пришел к заключению, что истина кое-какая все-таки есть (я имею в виду, конечно, какие-то обобщающие истины, а не голые факты) и что истина эта, соприкасающаяся с вечностью, не в Палестине вовсе, не в Индии, не в Европе и не в США, как и вообще не где-то там, а здесь, тут, рядом с нами, в нас, ибо жизнь наша здесь, рядом, в нас, хотя, разумеется, истина повсюду в мире, где есть человек, есть жизнь, есть размышления. Не надо непременно скакать за рубеж, чтобы обрести истину, более того, чем меньше туда скакать, тем лучше, хо-

тя ничто не возбраняет прикасаться и к внешним источникам, т. е. находящимся вне России, причем прикасаться бережно и с пониманием.

Теперь о собственно философии хозяйства. Я постараюсь быть кратким (тем более что у Вас есть возможность обстоятельного ознакомления с уже изданными трудами, в частности, с материалами журнала «Философия хозяйства» за 1999 и 2000 гг.). Попробуем, уважаемый коллега, провести вполне умственный опыт общения с родным русским словом, забыв на время такие привычные слова, как «экономика», «политэкономия», «экономикс», «экономическая теория» и т. д. В общем, пойдем прямо к русскому слову.

А первое русское слово, которое нам неизбежно придет в нашем случае на ум, это, конечно же, хозяйство. Очень важное слово, а главное емкое по смыслу. Если чуть-чуть поразмыслить, то в нем можно услышать далеко не одно лишь производство и потребление благ, их распределение и оценку, а кое-что более объемное и значимое, а именно, не более и не менее как обеспечиваемую и обустраиваемую человеком жизнь. Жизнь — это хозяйство, а хозяйство — жизнь. Широко, скажете Вы, неопределенно, и я Вам отвечу: да, широко, да, неопределенно, но ровно настолько, насколько широка и неопределенна сама жизнь.

Здесь я позволю себе не развивать далее доказательств в пользу смыслового соединения «хозяйства» и «жизни», ибо не в доказательствах тут дело, а в чувстве реальности и… истины, которое либо есть, либо его нет, а я надеюсь, что у Вас оно все же есть, ибо в противном случае не стал бы затруднять себя и Вас этим посланием. Согласитесь, на крайний случай, что «производство человека» все-таки весомее и важнее, чем «производство благ», а «производство человека» и есть, собственно, жизнь. Примите, в конце концов, вышеуказанную смысловую связку за аксиому — подаренную, кстати, самой… жизнью, т. е. вовсе нами не придуманную (в целях той же защиты какой-нибудь диссертации).

Уяснив более или менее вопрос с «хозяйством», перейдем к «философии», к слову, заметим, не русскому, хотя и прочно вошедшему в русский язык. Собственно русский эквивалент данного слова — любомудрие, хотя и эквивалент не совсем точный, во всяком случае не столь же легко употребляемый.

Если словосочетание «философия хозяйства» нас не особенно коробит, ибо за ним скрывается достаточно ясный смысл, к примеру, обобщенное, да еще и свободное, т. е. не загнанное в строгую научную доктрину, воззренческое знание о хозяйстве, то такая словесная композиция, как «любомудрие хозяйства», нас что-то не слишком устраивает: сразу же хочется произнести эти слова хотя бы с каким-либо союзом — «и» или «о», т. е. «любомудрие и хозяйство» или «любомудрие о хозяйстве». Однако отказываться от любомудрия нет никакого резона, ибо слово это составлено из двух слов — любовь и мудрость, самих по себе довольно нейтральных, но враз становящихся значительными и красноречивыми для нашего случая при их употреблении в одном ряду со словом хозяйство. Получается следующий словесный ряд: любовь, мудрость, хозяйство.

Что, догадались? Да, да, философия хозяйства это и есть знание о реализации (ведении) хозяйства, т. е. жизни, с любовью и мудростью, причем любовь здесь стоит и должна стоять на первом месте. Сначала любовь, потом мудрость, а затем и хозяйство. А не наоборот, как у Маркса. И еще, надо полагать, догадались, что такой оборот дела близок к сакральному действу, на котором, собственно, и Христос настаивал. Без любви нет ни мудрости, ни хозяйства, как нет, разумеется, ни человека, ни его жизни.

Не будем сейчас, уважаемый коллега, останавливаться на том, что есть любовь, а что есть мудрость. Положимся на привычное понимание и наш жизненный опыт. Для нас здесь важно другое.

Во-первых, то, что вышли мы на по сути божественное понимание хозяйства и знания о нем всего лишь посредством углубления в смысл трех русских слов, что как раз и подтверждает, что истина здесь, рядом, в нас, а не где-то там вдали, где нас нет.

Во-вторых, мы совершили, сами того не сознавая, гносеологический прорыв, выйдя на особую точку обозрения, познания и представления — точку обратной перспективы, с которой все сразу видно и понимаемо, когда все вокруг оказывается близким (и приближенным, и внятным, и воспринимаемым), когда становится возможным осязать полноту и наслаждаться целостностью. И критерий различия мы сразу получили —

жизненного и нежизненного, хорошего и плохого, истинного и лживого.

В-третьих, мы начинаем понимать, что хозяйство, как и сама жизнь, не может всерьез и надолго, а главное — воистину по-человечески, не строиться на любви и мудрости, этой любовью оплодотворенной. Хозяйство — это любовь, это мудрость, это и любомудрие, если под последним понимать, конечно же, не способ, которым реализуется хозяйство, а его — хозяйства — душу. Оказывается, у хозяйства есть душа. Странно, не правда ли? А раз душа, то и сердце, а потом уже и ум, и разум, как и многое другое, что в хозяйстве есть и что ему неизбежно полагается. Подходим мы к хозяйству, таким образом, не с пользой, не с удовлетворением потребностей, не с потреблением вообще, а с душой, с сердцем, с разумом. Кстати, и целостно (не системно, т. е. скелетно, а именно целостно, т. е. «организменно»). Философия хозяйства указывает нам не только на объект знания, не только на способ познания, не только на характер добываемого знания (как добрознания — с любовью и мудростью), но и на сакральную сущность не исследуемого вовсе, а лишь обозреваемого трепетно человеческого бытия. Исследование — потом, после осмысления заложенного в предмете трансцендентного смысла (метасмысла).

Наконец, в-четвертых, осмысление всего лишь трех слов позволяет нам судить о фактической хозяйственной реальности, столь, увы, далекой от сакральных смыслов. В реальности как раз все или почти все наоборот, что и закрепляется бесстрастно научным познавательным и объяснительным подходом, правда, по большей части иносказательно, камуфляжно, мифообразно. Выясняется, что реальность очень даже далека не только от любомудрого хозяйства, но и вообще от хозяйства, а скорее, напоминает какое-то антихозяйство, т. е. что-то такое, что к жизни просто так не пристегнешь, ибо в таком хозяйстве жизнь борется с жизнью и жизнью же оплачивается. В таком хозяйстве слишком много антижизни, чтобы можно было такое хозяйство назвать собственно хозяйством. Фактически и выходит, что человек ведет не-совсем-человеческое, если не сказать анти-человеческое, хозяйство, а потому и не хозяйство по большому счету, а так — экономику.

Вот мы и подошли, уважаемый коллега, к экономике и всему экономическому. И грустновато тут стало (надеюсь, что

и Вам немного). Далековато отошел человек в своем хозяйственном рвении от хозяйства, погрузившись в экономику, которая быстренько переросла в деньгономику, а затем и в финансомику. Но это еще не все. Погружается человек с головой и в освобожденное от любомудрия знание об экономике — поверхностное, механическое, якобы функциональное. Нет места в таком знании не то что любви, но даже и нравственности, как нет, разумеется, ни души, ни сердца, ни разума.

Что делать-то?

Что касается реальности, то она, конечно, не очень собирается меняться, хотя признаки постэкономики (о чем я уже немало писал) уже имеют место и тенденция к этой последней усиливается. Из этого не следует, правда, что движение к постэкономике означает непременно и возвращение к хозяйству, о котором мы говорим, но призрак хозяйства (в нашем понимании хозяйства) все-таки висит над весьма разгоряченной и упрощенной головой экономически (и технически) хозяйствующего человека — как укор, как мечта, как острая необходимость. Неуютно нынче экономически хозяйствующему человеку, ох, как неуютно! Вертеп всюду, мерзость, край. И риск, огромный риск. Тот самый, который никакой наукой о рисках не осилить и от которого никаким страхованием не отгородиться. Страшно! Страшно нынешнему мегаполисному человеку (человеку ли?), а деться ему уже некуда. Придется, видно, чашу экономическую испить до дна. К Богу и любомудрию просто так не вернешься.

Ну, да ладно, не будем о плохом. Будем о хорошем. Об идеальном. А самое идеальное, — то, которое может нас устроить, — это как раз и есть… философия хозяйства, на которую Вы обратили внимание, что уже делает Вам немалую честь.

Не кажется ли Вам, коллега, что философия хозяйства все-таки не простое знание, не совсем научное, а может, и далеко не научное, если и вовсе не научное (хотя и сопряженное как-то с наукой), и неспроста оно восходит к знанию сакральному, откровенческому, упоенному трансценденцией. Как хотите, но я не могу сравнить тот же экономикс с чашей мудрости, не говоря уже о связи его с Софией — Премудростью Божьей. Что-то в нем не так, совсем не так. Какая-то выхолощенность, паутинность, пустотность. Вроде бы и факты есть, и как будто бы реальные механизмы рассматриваются, но бедно

все как-то, схематично, недалековато. Глубины нет, игры мысли и воображения нет, многоцветья нет. Нет этой самой леонтьевской цветущей сложности, хоть и расцвечен бывает учебник экономикса всеми цветами радуги. А жизни нет. Так, механика.

Выслушав меня, Вы, возможно, останетесь при своем мнении, что вполне допустимо, т. е. при мнении, что философия хозяйства не очень-то нужна, ибо абстрактна больно, не прагматична, не деловита, да и вообще смущает — без всякой пользы, хотя, быть может, и такое бывает, и взглянете на философию хозяйства несколько иначе. Так или иначе, у Вас есть выбор, как есть всегда выбор, надо полагать, и вообще у человека хозяйствующего. Ничто не мешает Вам пройти стороной, но что-то может Вас и подвигнуть на более тесное сближение с заинтересовавшим Вас знанием. Все зависит от Вас.

И если вдруг случится так, что Вы, уважаемый коллега, все же обратитесь к философии хозяйства, то я хотел бы предостеречь от одного распространенного заблуждения, которое состоит в том, что философии хозяйства можно просто так научиться, ознакомившись, скажем, с какой-либо подходящей книгой (начиная с тех же работ основателя русской философии хозяйства С.Н. Булгакова). Так вот, хочу вас заверить, что философию хозяйства не осваивают (т. е. не выучивают), а в нее входят — посредством глубоких и длительных размышлений, а лучше сказать, переживаний. Познакомиться с той же «Философией хозяйства» С.Н. Булгакова можно, но понять… о, это уже удел немногих, — и не потому, что трудно написано, както и непонятно, а потому всего лишь, что философия хозяйства непосредственно сопряжена с трансценденцией и мифов, доступных для легкого восприятия, не создает. Короче, нужно каким-то образом очутиться в поле философии хозяйства. Именно очутиться, — я не оговорился, — и именно каким-то образом. Тут может придти в голову какая-нибудь медитация или что-нибудь подобное, но не об этом у меня речь — недаром же я выше сказал о размышлении — переживании, а это, согласитесь, не беглое чтение популярного учебника, да еще и под размеренный грохот взбаламученной электромузыки. Тут надо совсем в других координатах находиться, стяжать надо, и к тому же в благом молчании.

Невозможно, скажете Вы, невозможно — ни проникнуться философией хозяйства, ни тем более как-то ее здраво ис-

пользовать. На это отвечу так: вжиться в философию хозяйства все-таки можно, активно и заинтересованно размышляя и переживая вместе с предшественниками, и применить можно, только не так, совсем не так, как применяют, к примеру, бухучет. В философии хозяйства нет правил, нет порядка, нет закона, т. е. нечему следовать, в особенности бездумно. Это совсем другого порядка знание: мировоззренческое, обобщающее, трансцендентное. Вообще говоря, это никак не руководство, не инструкция, не программа. Это, скорее, культура, а может, даже и дух, в некотором роде и просто софия, которая входит в человека и в нем сидит, определяя трансцендентно его мысли и действия, а лучше сказать, не определяя, а споспешествуя, ибо у человека всегда есть возможность выбора. Философия хозяйства ни на чем не настаивает, хотя и выступает горячо за любовь и мудрость, в том числе и в самом знании.

Может ли, к примеру, философия хозяйства помочь современной России? Может, почему бы нет? Если, конечно, будет кем надо воспринята. Но в рамках философии хозяйства есть и другие мотивы: обезумевший экономический (финансовый) человек (человек ли?) ничего не хочет сегодня слышать не то что о философии хозяйства, но и о хозяйстве вообще, о любомудрии хозяйства, а потому несется как раз в ином направлении, до конца или (?)... Философия хозяйства и это может осмыслить. Отсюда, к примеру, идея телеологии в хозяйственной деятельности человека, как и идея эсхатологии экономики и хозяйства вообще. И однако философия хозяйства способна сказать тем, кто принимает главные судьбоносные решения: так попробуйте действовать в соответствии с критерием любви и мудрости, по-хозяйственному. А не по-экономически (по-опасному экономически), как и не по-глобалистски. Вот и совсем другая хозяйственная (и социальная) политика может получиться. Совсем другая. И огосударствления никто бояться не будет, и разумной и достойной приватизации, и протекционизма, да и занятость появится, и творчество развернется, и рождаемость (вспомним о «производстве человека») повысится, и тепло будет. Тот же социализм по-иному будет смотреться. Так ведь нет же, большого богатства, личного богатства, освященного, кстати, «беспристрастной» наукой, хочется, ох, как хочется, — в ущерб, разумеется, другим. Философия хозяйства не вырабатывает решений, не дает подсказок, но она способна

дать такое мирочувствие, при котором решения будут иметь совсем иной характер, чем они имеют в годы необыкновенных по своей бессовестности (абсолютно антихозяйственных и античеловеческих) реформ.

У философии хозяйства есть свой прагматизм, только особого рода, очень и очень недоступный… слишком, слишком многим. Тогда что же, все это бесполезно, все это зря? Нет, не зря, совсем не зря. Ибо такова альтернатива, влекущая все-еще-человека. И именно этой альтернативой надо жить, ею дышать, на нее надеяться. Лучше, право, с этой идеальной альтернативой быть, чем поддаваться на губительные соблазны и прихоти экономического, увы, безвременья.

P.S. Обратите внимание, уважаемый коллега, что погрузившись в философию хозяйства, иначе — совсем иначе — начинаешь смотреть на такие известные вещи, как благо, богатство, потребности, труд, производство, отношения, оптимальный выбор, экология и т. д. и т. п., т. е. на все для нас столь привычное, но ставшее уже невероятно скучным, поверхностным, обездуховленным, обузмудренным, если не сказать — нередко и гнусным, к тому же и обозначающим безразлично что-то наукой придуманное, но ничего человеку само по себе и не вещающее, т. е. не вещь вовсе живая, а так — предмет какой-то, трафаретка, обкладка. Обратите внимание и на то, что в человеческие представления о хозяйстве или, если хотите, хозяйственной жизни, начинают вдруг входить такие вещи, как любовь, мудрость, добро, зло, Христос, Бог…, а это Вам уже не категории какие-нибудь, а СЛОВА и СМЫСЛЫ, занимающие свое нужное место не в какой-нибудь, часто надуманной, системе категорий, а в мире живых слов и смыслов, в частности, в Русском Слове и в Русском Метасмыслии.

И не кажется ли Вам, уважаемый коллега, что философия хозяйства, трактуемая, в частности, по-русски, и есть в значительной мере столь необходимый сейчас ответ русского человека (все-еще-человека!) на вызов неумолимо надвигающегося — и такого научно-технического, такого «постиндустриального», такого информационного, такого глобализованного и такого бесчеловечного — XXI в.?..

Ю.М. ОСИПОВ

С.Н. Булгаков и традиция философии хозяйства в Московском университете (Философия хозяйства. 2001. № 4)

Сергей Николаевич Булгаков — великий русский мыслитель, родившийся в 1871 г. в г. Ливны Орловской губернии, окончивший в 1895 г. Московский университет и бывший в предреволюционные и революционный годы его профессором. В 1912 г. он защитил в Московском университете докторскую диссертацию на тему «Философия хозяйства», что официально положило начало новой отрасли знания, ранее смутно угадывавшейся, а с этого момента ставшей самостоятельной реальностью. Что бы ни думал сам Булгаков о своем труде, но совершенное им тогда в ходе полемики с воцарившейся вокруг экономической наукой, в частности, с политической экономией, позволило стать ему, что подтвердилось со временем, основателем, нет, не новой науки, а нового течения русской гуманитарной мысли. Философия хозяйства как целеположенное знание возникла в Московском университете.

Судьба философии хозяйства, как и ее основателя, оказалась драматической. Известно, что, приняв в 1918 г. священство (став о. Сергием), Булгаков был вынужден покинуть Московский университет, а в 1922 г. он был вынужден покинуть и Россию — как высланный тогдашним правительством за границу. С 1925 г. Булгаков — профессор и декан Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже, в котором он проработал до конца своих дней. Умер С.Н. Булгаков в 1944 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем. А философия хозяйства, созданная Булгаковым, была подвергнута насильственному забвению — ее как будто и не было (заметим, что сам Булгаков практически к ней не возвращался, все более занимаясь общей философией и богословием). Столь негативное отношение к философии хозяйства было вполне объяснимо, ибо она было несовместима со стремлением установить монополию марксистской философии и политэкономии, к чему стремилась воцарившаяся в России власть. Философия хозяйства слишком противоречила сциентизму, материализму, экономизму, т. е. всему тому, что было как раз взято на вооружение правящим режимом. Традиция философии хозяйства, не успев толком сложиться, была искусст-

венно нарушена. Нельзя сказать, что философско-хозяйственные мотивы совсем умолкли, ибо они присутствовали так или иначе в той же марксистской политэкономии, но они не имели своего собственного самостоятельного звучания. Сам Булгаков неоднократно подчеркивал, что политэкономия есть по сути первая, разумеется, ограниченная, версия философии хозяйства, никак не принижая заслуг политэкономии в философском осмыслении экономической действительности.

Надо заметить, что С.Н. Булгаков отличался не только огромной эрудицией и глубиной мысли, но и очень большой научной добросовестностью — и он не только признавал заслуги политэкономии, но и, видя ее ограниченность и даже определенную тупиковость, подверг политэкономию основательной, но в общем-то позитивной, критике, проявив при этом максимум терпимости и такта. Булгаков предпочел конструктивную критику политэкономии, противники же философии хозяйства — игнорирование этой последней.

Как и философия вообще, философия хозяйства признает все многообразие и сложность мира, стремясь к целостному его охватыванию в процессе познания. Отсюда максимально мировый заход философии хозяйства на само хозяйство, в котором она видит прежде всего, согласно Булгакову, не что иное, как саму жизнь. Хозяйство как жизнь, а жизнь — как хозяйство. Вот исходная посылка философии хозяйства, которая далее уточняется, конечно же, посредством выделения трех аспектов: организации, межчеловеческих отношений и отношений человека со средой обитания. Жизнь, взятая в организационном аспекте, в зоне отношений между людьми (между организмами), а также отношений человеческих организмов со средой, дает нам так или иначе хозяйство. Заметим, что хозяйство одновременно выходит к человеку самому по себе и к человеку в рамках социального общежития. И за всем этим, подчеркнем еще раз, стоит сама жизнь, а не, допустим, лишь производство потребительных благ, их распределение и потребление, как не сам по себе оптимальный хозяйственный выбор и уж тем более не экономическая (денежная) эффективность. Философия хозяйства не ограничивает себя каким-либо аспектом, пунктом или какой-либо сферой хозяйства, как и какой-либо задачей хозяйства, его специальной целью, нет, философия хозяйства рассмат-

ривает хозяйство во всем его масштабе и на всю его глубину, ибо в исходе у нее сама жизнь.

Есть и другое важнейшее исходное положение философии хозяйства, вытекающее из ее философской природы — учет не просто сложности, многообразия и целостности мира-жизни, но и, что исключительно знаменательно, его и ее, т. е. мира и жизни, трансцендентности, которая трактуется не столько как непознаваемость или как некая потусторонность, а как естественное и необходимое свойство бытия, в чем-то непременно и познаваемое (указать на трансценденцию — уже ее познать), и обязательно посюстороннее, характерное для этого мира и этой жизни. Трансцендентная часть мира-жизни — не просто скрытая и до конца не раскрываемая, а та часть, которая реализует себя не по принципам имманентной части, обычно и изучаемой и трактуемой наукой, а по иным — трансцендентным — принципам, т. е. согласно другой логике (нелогичной, так сказать, логике).

Философия хозяйства способна, как мы видим, зацепить все богатство бытия, разумеется, в необходимой для нее мере, чего явно не может сделать ни одна наука, к тому же стремящаяся к специализации и отгораживанию от всего остального. Вот почему мы смеем утверждать, что философия хозяйства, как и вообще философия, — не наука, хотя наукой философия никак не пренебрегает. Другое знание, другой размыслительный поток, другие окаемы. У философии хозяйства практически нет пределов, что не означает, конечно, что она вообще беспредельна.

Возможность философии хозяйства, как и ее отличие от науки, можно продемонстрировать следующим образом: философия хозяйства различает «хозяйство» и «экономику», считая последнюю частным случаем первого, т. е. находя, что экономика есть такое хозяйство, которое основано на товарообмене и деньгах, ведется ради денег и управляется деньгами (денежным мотивом и денежным механизмом); в то же время философия хозяйства различает «хозяйство» — как жизнь, и «антихозяйство» — как нежизнь, что позволяет видеть хозяйство во всем противоречивом многообразии. И если обратиться, к примеру, к последнему реформационному опыту России, то можно заметить, что революционная экономизация российского хозяйства, бывшего в советское время неэкономическим (лишь использо-

вавшим экономические формы для реализации по сути натурального хозяйства), привела к такому удару по хозяйству, что впору говорить не о хозяйстве в России, а об антихозяйстве (экономика со всеми своими атрибутами есть, а хозяйства — нет, ибо нет полноценной — с перспективой — жизни; здесь многовато всяческой смерти; ситуация более всего характеризуется как апокалиптическая, из которой нет ни проективного, ни автоматического выхода). Философско-хозяйственный подход открывает такие смысловые поля, которые никак не может открыть подход экономический, даже философско-экономический.

Оставляя в стороне содержательное наполнение философии хозяйства, о котором можно говорить и говорить, отметим, что в настоящее время философия хозяйства в Московском университете и в России возрождена и весьма успешно развивается. Характерно, что это возрождение (или даже новое рождение) произошло не в связи с непременным обращением к трудам С.Н. Булгакова, а вполне само собой, ибо в последней четверти XX в. обществоведческой мысли пришлось вновь пройти путь, которым уже прошла обществоведческая мысль в начале XX в. Философия хозяйства вновь возникла как ответ на потребность преодолеть ограниченность теоретической экономии и выйти на просторы широких и глубоких переосмыслений. Новое рождение философии хозяйства, вполне самостоятельное, восстановило прерванную связь времен, став одновременно и возрождением философии хозяйства, отдав при этом вполне заслуженное признание С.Н. Булгакову — действительному основоположнику действительной философии хозяйства.

Современное бытие философии хозяйства, в том числе и современной философии хозяйства, немыслимо без имени Сергея Николаевича Булгакова, который не только первым бросил критический — со стороны философии и вообще смыслового контекста — вызов экономической науке, в первую очередь, политической экономии, не только заложил основы нового мировоззренческого знания, но и который вполне достойно присутствует в актуальной философско-хозяйственной мысли, ее поддерживая и обогащая. Можно с уверенностью сказать, что Булгаков не только не устарел — о чем даже и говорить не приходится — но что нет ни одной его мысли, которую можно было бы признать ошибочной и ненужной. С.Н. Булгаков — на-

стоящий классик настоящей философии хозяйства. Булгаковское учение полностью и органично вошло в философско-хозяйственное знание, оно в нем есть и оно в нем живет, направляя и динамизируя ведущийся в его рамках творческий поиск. Если воспользоваться терминами философии хозяйства, то Булгаков — демиург философии хозяйства, ее прародитель. Рукописи, как известно, не горят — и булгаковское наследие не исчезло, оно восстало, оно явилось, оно с нами!

Ученые Московского университета уделяют большое внимание личности С.Н. Булгакова, составившего, хотя это еще и не общепризнано, славу университета. Нет никакого сомнения в том, что Булгаков входит в число самых замечательных представителей Московского университета, его воспитанников и профессоров. Время признания пришло, и признание это будет только усиливаться.

В 1996 г. по случаю 125-летия со дня рождения С.Н. Булгакова, по инициативе Центра общественных наук при МГУ и экономического факультета была проведена международная научная конференция «Творческое наследие С.Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание», по итогам которой была издана содержательная коллективная монография «Преодоление времени» (1998). После этого был проведен ряд менее крупных, но не менее значимых научных форумов, обращенных к Булгакову и его творчеству. 19 и 20 июня 2001 г. состоялась международная научная конференция «Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра», посвященная 130-летию со дня рождения С.Н. Булгакова, по материалам которой готовится новая крупная коллективная монография.

В 1997 г. под эгидой Центра общественных наук было создано Философско-экономическое ученое собрание, которое насчитывает в настоящее время более 225 членов. Свидетельство о членстве в Собрании №1 было выписано на имя С.Н. Булгакова. В рамках деятельности Собрания проводятся различные научные мероприятия, осуществляется эффективная координация интересов и труда сторонников философско-хозяйственного подхода. Свободный обмен мнениями и поток письменных работ вызвал необходимость создания периодического издания, которым стал сначала «Альманах Центра общественных наук» (1997—1998), а затем полноценный научный журнал «Философия хозяйства. Альманах Центра обществен-

ных наук и экономического факультета МГУ» (выходит с 1999 г. по шесть номеров в год). В 2000 г. вышла в свет работа автора «Очерки философии хозяйства», продолжившая первую публикацию по философии хозяйства — «Опыт философии хозяйства», вышедшую в 1990 г., а в текущем 2001 г. автором готовится к изданию новый фундаментальный труд «Философия хозяйства», в рамках которого публикуется первый в стране «Курс философии хозяйства. Свод лекций». В Центре общественных наук и на экономическом факультете ведется работа по подготовке первой в стране, а возможно, и в мире, «Экономико-философской энциклопедии — Философии хозяйства».

Значение вклада С.Н. Булгакова в русскую философию, экономическую и обществоведческую мысль, как и значимость его неординарной личности, трудно переоценить. Булгаков заслужил, хотя сам об этом никогда и не думал, благодарного признания потомков. В день десятилетия Центра общественных наук 26 июля 2000 г. (Центр был создан Правительством СССР в 1990 г.) была учреждена почетная медаль С.Н. Булгакова «Свет Невечерний», первым награжденным которой стал видный российский философ Ф.И. Гиренок. Одна из медалей передана на вечное хранение в Краеведческий музей г. Ливны. 27 января 2001 г. от имени ученых Московского универстета на Святой Горе Грабарке в Польше, на границе православного и католического миров, воздвигнут православный крест в память С.Н. Булгакова (который стоит, кстати, в пятнадцати метрах от ранее поставленного в 1977 г., тоже православного, креста в память писателя М.А. Булгакова). В Санкт-Петербурге скульптором А. Архиповым создан по заказу Центра общественных наук настольный бюст С.Н. Булгакова. Отлитый в бронзе, он будет храниться в МГУ в Центре общественных наук, а его точная копия передана на родину мыслителя — в г. Ливны Орловской области.

Ученые Московского университета, помня о великом значении С.Н. Булгакова и его родной Орловщины в истории Московского университета (воспитанниками Московского университета, к примеру, были писатель И.С. Тургенев и поэт А.А. Фет, принадлежавшие Орловщине, а два выходца из славного края были ректорами университета, в частности, уроженец г. Ливны Р.В. Хохлов, бывший ректором МГУ совсем недавно — в 1970-е гг.), выдвинули идею превращения ныне дейст-

вующего в г. Ливны лицея им. С.Н. Булгакова в Гуманитарный лицей им. С.Н. Булгакова при Московском университете. Идея плодотворна, но ее еще надо осуществить.

Философия хозяйства — новое, хотя и не сегодня родившееся знание. Она активно развивается. В Московском университете создана научно-образовательная школа философии хозяйства, признанная официально. На экономическом факультете действует лаборатория философии хозяйства. Все это позволяет утверждать, что у философии хозяйства — этой воистину отечественной отрасли знания — хорошие перспективы и достойное будущее.

М.Р. ЭЛОЯН

Философия хозяйства: ревизия марксизма (В. Зомбарт и С.Н. Булгаков) Методология социальных наук: философия хозяйства (Философия хозяйства. 2001. № 5)

Исследования по теории познания в области политической экономии — проблема недавнего времени. С тех пор как был отвергнут взгляд на нее как на простое искусство и установилось мнение, что это наука о законах народного хозяйства, первым стал вопрос о том, каким путем добываются эти-законы — рациональным или эмпирическим, дедуктивным или индуктивным, какая особая форма присуща этим методикам в области социальных явлений вообще и народного хозяйства в частности.

Философия издавна занималась собственно методологическими проблемами теории научного познания и достигла в этой области ценных результатов. Исследователи народного хозяйства лишь воспользовались результатами всеобщего исследования по теории познания *для* решения специальных задач собственной науки и, прежде всего, это коснулось вопроса классификации экономических знаний с точки зрения их методологических предпосылок.

Рядом с точкой зрения — теоретической — на политическую экономию, ставящей знак равенства между нею и естественнонаучными дисциплинами и отстаивающую универсальный характер ее закономерностей, сформировался взгляд на нее, отрицающий аналогию между законами природы и законами народного хозяйства и рассматривающий ее в зависимости от историче-

ских особенностей отдельных народов, различных ступеней их национально-культурного развития.

С точки зрения исторического подхода политическая экономия перестает быть самостоятельной наукой, подобно физике и математике, и становится одной из органических частей единой социальной науки и получает новое дисциплинарное название — «философия хозяйства». С этого момента проблема стоит уже более остро — является ли область экономических исследований областью чистых, точных исследований, носящих теоретический, неисторический характер, или же область экономических исследований есть предмет социально-философских изысканий. Само сочетание таких понятий, как «социальный» и «философия», указывает нам на две плоскости, в рамках которых движется социально-философская мысль: ее предметом выступает социальность, общественное бытие как особая форма существования людей, и это социальное бытие освещается и оценивается философской мыслью. Заметьте, не научной, а философской мыслью. Само сочетание «социальная философия» возникло как реакция на более модный термин того времени — «научный социализм», рожденный в рамках теоретического, политико-экономического подхода того времени.

«Научный социализм» мы тоже можем разложить на две плоскости, одна из которых — «социальная» — также имеет все тот же предмет — социальное бытие, а предикат «научный» говорит о методе познания общественного бытия, исходящего из причинно-следственной закономерности, родственной марксизму и позитивизму. Таким образом, «социальную философию» и «научный социализм» разводит метод познания.

Итак, в рамках первого подхода — спекулятивно-рационального, который идет от классической политической экономии к научному социализму К. Маркса, мы имеем представление о политической экономии как о теоретической дисциплине; с точки зрения второго подхода — историко-эмпирического, который идет от исторической школы Германии и получает свое воплощение в творчестве М. Вебера, В. Зомбарта и С.Н. Булгакова, мы имеем представление о философии хозяйства как составной части социально-философских исследований, учитывающих историческую особенность и «национальный дух» отдельных народов.

Универсализм или индивидуализм, политическая экономия или философия хозяйства, научный социализм или социальная филосо-

фия — все эти антитезы имеют своим исходным пунктом метод исследования.

Знаменитый «спор о методах», который состоялся в 1874 г. между К. Менгером (автором теории предельной полезности) и Г. Шмоллером (лидером исторической школы Германии) есть спор, рожденный противостоянием «теории» и «истории», дедукции и индукции в области экономических исследований, а по сути, есть возрождение средневекового эпистемологического дуализма между универсализмом и индивидуализмом. Хотя возрождение произошло в секуляризованном, нетеологическом, а потому в значительно измененном (рациональном) виде, узнать старые принципы руководства все же можно.

Целью теоретического исследования является установление всеобщей, универсальной закономерности, так называемых «естественных законов», существующих до единичных вещей и обладающих статусом «реальности».

Это достигается при помощи трех правил. Первое правило — аналитическое — требует нахождения самых простейших элементов, которые именно потому, что они суть самые простейшие, должны рассматриваться как строго всеобщие. Второе — синтетическое — требует исследования законов, по которым из этих простейших элементов развивается более сложная система знаний. Между «системой» и «теорией» ставится знак равенства, разумея под ним положения, добытые дедуктивным путем из априорных аксиом и их научных построений. И, наконец, третье — критическое — требует верности исходному принципу на протяжении всего построения научного знания. Каждое последующее звено должно не просто соотносится с предыдущим и последующим (принцип декартовской цепочки), но и быть верным исходному принципу. Верность этому исходному принципу есть критерий истинности и успеха данной теории, ее непротиворечивость и логическая чистота.

Следуя за этим направлением исследования, мы приходим к ряду социальных теорий, из которых каждая в отдельности открывает нам понимание отдельных сторон жизни и никогда понимание ее в целом. Поэтому первая критика данного подхода была направлена на соотношение «теории» и «практики», на что теоретическая наука, предвосхищая данную ситуацию, ею же и созданную, защищалась следующим образом — проверка теории эмпирической действительностью есть методологическая нелепость, непонимание основа-

ний и условий теоретического исследования, а также непонимание особых целей, которым служит теоретическая наука. Природа теоретического исследования имеет дело с абстракциями. Избежать абстракции — значит устранить самую возможность познания сущности мира, которое так же старо, как и сама цивилизация, а с прогрессом культуры вообще и науки в частности это стремление лишь повысилось и вылилось в целое исследовательское направление, названное К. Поппером «методологическим эссенциализмом».

Такое направление исследований имело место практически во всех областях знания. В области этики суть его сводилась к подведению человеческих явлений к их первейшим и простейшим конститутивным факторам, прилагая к этим последним соответствующую их природе меру и раскрывая те законы, по которым образуются из этих простейших элементов более сложные человеческие явления. Примеры подобного рода в области политики — это тоталитаризм Платона и Гоббса, а в области экономики — классическая политическая экономия в лице А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса.

Подобные попытки пробиться к сути явлений через анализ понятий, ухватить эту суть в дефинициях, создать систему понятий, называемых «теориями», а потом уже на основе этого путем дедукции прийти к конкретным результатам, справедливы в области математики, но не годятся для построения определений в области опытных наук, одной из которых и принадлежит наука о народном хозяйстве.

Целью исторического познания является индивидуальное, неповторимое, особенное. О каком «особенном» идет речь? Здесь, прежде всего, нужно не впасть в заблуждение относительно того, будто классики ничего не смыслили в истории и что исторический характер хозяйствования ими был не распознан.

Монтескье, воплощавший в себе дух XVIII столетия и оказавший очень сильное воздействие на А.Смита, обладал, как известно, обширнейшими познаниями в области истории отдельных государств и народов с античности до наших дней, но изучение отдельных фактов не было для него самоцелью. Он лишь хотел через знание подробностей пробиться к общему пониманию закономерностей, управляющих жизнью государств и народов, а также господствующих в истории сил, чтобы таким путем создать основу для создания правильного, разумного государства,

Аналогичным было отношение у классиков и к истории. Они, конечно, хорошо понимали особенности отдельного человека и

отдельного народа, но, в конечном счете, поставленные ими вопросы были направлены не на отдельного человека или отдельный народ, а на отыскание некоего общего, Богом установленного, разумного и универсального порядка.

То же самое можно сказать и относительно экономических исследований: за всеми особенностями отдельных хозяйственных отношений отдельных народов классики обнаруживали разумную и правильную структуру хозяйства вообще, или всеобщие законы хозяйства. Таким образом, классики не отрицали конкретных исследований — просто конкретные исследования они рассматривали как отдельный случай проявления всеобщей законосообразности, как отдельный случай проявления естественного, единственного порядка.

Историзму XIX—XX вв., который целиком был сосредоточен на описании отдельных исторических форм, чуждо подобное отношение к истории. Критика с позиций такого историзма направлена прежде всего на невозможность существования всеобщей закономерности. Причем историзм заключается не в отрицании теоретического характера вообще, т. е. установления законов, а в отрицании возможности «всеобщих» законов.

Закон есть лишь результат эмпирического наблюдения, который никогда не может обладать абсолютностью. А установление «естественных» законов есть задача невыполнимая. В лучшем случае мы можем лишь говорить об «эмпирических» законах — законах, отражающих конкретную реальность в полноте ее конкретного содержания, не распространяя действия их на другие обстоятельства.

Лучшим методом отыскания подобного рода «эмпирических» законов является метод индукции в том виде, в каком он вышел из рук Аристотеля и Ф. Бэкона. Аристотель правильно понимал индукцию, отрицая ее строгий и точный характер. Даже существенное усовершенствование индуктивного метода Бэконом оказалось в состоянии лишь увеличить степень уверенности в ненарушимость законов, добытых указанным путем. «Всеобщие» законы никогда не могут быть найдены индуктивным путем. При индуктивном исследовании достигаются только «эмпирические», или «реальные», законы, признаком которых является не абсолютность, а неповторимость их, обусловленная влиянием на экономику таких неотъемлемых факторов народной жизни, как права, традиции, религия и т. д., которых в другой местности и у других народов может и не быть.

Таким образом, историческое направление стремится к изучению явлений народного хозяйства лишь в неразрывной связи их с

социальным и государственным развитием народов, а самостоятельное существование хозяйственных элементов, выделение их из общего комплекса народного хозяйства и государственной жизни считает; приемом неисторическим и неправильным, в конечном итоге ведущим к ошибочным результатам.

Итак, мы видим, что новый подход вырастал из осознания того, что классическая школа политической экономии не соответствует исторической действительности, имеет доктринерский и космополитический характер, отрицающий особенности развития отдельных стран и догматически навязывающий им единые, «естественные» законы, которых в действительности нет.

Такая реакция национального духа континентальной Европы, облаченная в сухие экономические категории, выступила как противоборствующая тенденция наступающего английского капитализма с его претензией на мировое господство.

Англия оставалась до конца XIX в. поставщиком не только фабрикантов для всего остального мира, но и экономических теорий и для менее развитых стран Запада, и для России, где еще Онегин «читал Адама Смита».

Сердцевиной английского капитализма, безусловно, являлась трудовая теория стоимости, которая и символизировала собой победоносное шествие капитализма по всему миру. Поэтому история теории стоимости в Англии с середины XVII до середины XIX столетия представляет собой не только историю одной из проблем политической экономии в одной из европейских стран, а мировую схему развития всех народов независимо от их прошлого и настоящего.

Первым, забившим тревогу по этому поводу, был основатель старой исторической школы Германии (30-е гг. XIX в.) Фридрих Лист — первый критик классической школы, олицетворением которой был для него Адам Смит. Однако его критика фактически не затрагивала основы учения классиков — теории стоимости.

Вторым этапом национального противоборства в области экономического мышления стала Новая историческая школа Германии во главе с Г. Шмоллером, до крайности противопоставив космополитизм и национализм, который на языке экономической дисциплины прозвучал как противопоставление теории и практики. Но мы знаем, как теоретическая экономия за-

щитилась от подобной критики, объявив ее «методологической нелепостью».

Критика теоретической экономии должна была идти изнутри, ее же собственным оружием, нарушая ею же самой установленные принципы, разрушая ее главный бастион — трудовую теорию стоимости. Неспособность политической экономии объяснить эмпирическую действительность (все то же противоречие между теорией и практикой) разрешалось отныне противоречивостью самой экономической системы, неспособностью ее остаться верной своему исходному принципу — трудовой теории стоимости — на протяжении всего построения научного здания.

Встав на путь критики самой теории, верности ее же собственным позициям, противоборствующая тенденция «национального духа», разыгравшая партию на территории экономической теории, научила весь мир отстаивать свои национальные интересы не только на эмоциональном уровне, а прежде всего в самой «сухой», а вместе с тем и в самой доказательной форме тогдашнего мышления — сфере экономических исследований. Мировая политика вершилась тогда экономическими категориями.

В Германии это получило не совсем удачное название — «ревизия марксизма». К. Маркс в рамках данного исследовательского направления, символизировал собой вершину развития классической политической экономии. Критика трудовой теории стоимости — этого главного бастиона английского капитализма — вылилась тогда в критику К. Маркса.

Ревизия марксизма

Этому в значительной степени поспособствовал выход в свет долгожданного третьего тома «Капитала» К. Маркса, сделавший литературную осень 1894 г. необычайно интересной и плодотворной.

Общая задача его была заранее определена самим Марксом: если первый том рассматривал процесс производства, а второй — процесс обращения капитала, то оставалось рассмотреть процесс производства, взятый в целом, и, тем самым, завершить экономическую систему в целом. Или, другими словами, исходя из избранного принципа — трудовой теории стоимости — объяснить эмпирическую действительность капиталистического производства, которая, по им же заявленному

плану, входила заключительным элементом в его экономическую систему.

Это нетерпение, понятное ввиду такого решающего значения третьего тома для всей системы Маркса, усиливалось еще непонятным замедлением его выхода. Ф. Энгельс, готовящий его издание после смерти К. Маркса, объяснил в предисловии причины этого замедления, из которых главною являлась непредполагавшаяся им трудность редакции.

Это нетерпение в значительной степени подготавливалось и противниками К. Маркса. К. Книс, знаток истории экономической теории, уже с самого начала выхода в свет первого тома «Капитала» упрекал теорию Маркса в лучших традициях западноевропейского рационализма в том, что ей в самой своей основе присущи логические и фактические противоречия всякого рода.

Маркс в первом томе учит, что ценность товаров основывается исключительно на количестве воплощенного в них труда и что по закону стоимости товары должны обмениваться между собой по количеству заключающегося в них труда; далее, что получаемый капиталистами доход или прибавочная стоимость есть плод эксплуатации рабочих и что величина прибавочной стоимости стоит в зависимости не от величины всего затраченного капиталистом капитала, а только от величины «переменной», т. е. той части капитала, которая идет на выдачу заработной платы; употребляемый же на приобретение средств производства, как он называет «постоянный» капитал, не может производить никакой прибавочной стоимости.

В действительности, прибыль на капитал пропорциональна всему затраченному капиталу и товары обмениваются не в соответствии с количеством воплощенного в них труда. Здесь есть, таким образом, противоречие в самой системе, рожденное неспособностью при помощи исходного принципа — трудовой теории стоимости — объяснить среднюю норму прибыли как эмпирический факт, и дать ему возможность занять надлежащее место в системе экономического здания.

Сам Маркс не мог не заметить этого противоречия: «этот закон (что прибавочная стоимость стоит в зависимости от переменной части капитала. — *М. Э.)* явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в производственном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от это-

го меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала» [1, т. 23, 316]. Но он объявил противоречие кажущимся, разъяснение его, как требующее многих промежуточных звеньев, обещал рассмотреть в следующих томах.

Напряжение ожидания возросло, когда в вышедшем уже после смерти Маркса втором томе его сочинения не только самой попытки обещания разъяснить не имелось, но даже не было ни малейшего указания на то, в каком направлении Маркс предполагал искать это решение.

Однако научная критика считала себя вправе с полной уверенностью предсказать, что Маркс никогда не будет в состоянии исполнить свое обещание, так как противоречие непримиримо.

Но в предисловии издателя Ф. Энгельса [1, т. 25, ч. 1], с одной стороны, вполне определенно снова заявлялось, что в оставшейся после Маркса рукописи разрешение вопроса дано, а с другой стороны, делается публичный вызов, обращенный прежде всего к сторонникам Родбертуса, литературным соперникам Маркса, попытаться своими силами до появления третьего тома «Капитала» разрешить «загадку сфинкса» — каким образом не только без нарушения закона трудовой стоимости, но скорее на основании его может быть и должна получиться одинаковая средняя норма прибыли.

Прежде всего, это было ярким проявлением искреннего уважения к Марксу как мыслителю, ибо на сделанный вызов откликнулись многие, а не только те, к кому непосредственно был обращен вызов. Не только сторонники Родбертуса — марксисты, но и даже экономисты, не принадлежащие к последователям этих двух глав социалистических школ, которые, вероятно, Марксом были бы названы «вульгарными экономистами», вступили в состязание, пытаясь приникнуть в предполагаемые сплетения окутанного тайной хода мыслей Маркса.

В период с 1885 г. — появления второго — и до 1894 г., когда вышел третий том «Капитала» Маркса, появилась настоящая литература на премию за разгадку «сфинкса» — средней нормы прибыли, исходя из трудовой теории стоимости.

Правда, премию никто из соискателей не получил, как то решительным судом Энгельса было заявлено в его предисловии. Все попытки проникнуть в ход мыслей Маркса не увенчались успехом. Ждали выхода в свет самого третьего тома, когда дело наконец-таки вступит в стадию окончательного решения. Наконец, этот последний

явился на свет и таким образом вырисовалось поле битвы. Разрешит лисам Маркс загаданную им загадку? Не заключает ли его законченная система противоречия сама с собой и действительными фактами?

История теории стоимости в Англии и учение Маркса

Для знатоков истории теории стоимости эти затруднения К. Маркса понятны. Хотя впервые их осознал в четкой форме сам Маркс. Лучше всего он показал это в четвертом томе «Капитала» под названием «Теории прибавочной стоимости», где он проводит научную экспертизу всему предшествующему экономическому знанию, из обломков которых он собирается построить новое стройное здание своей экономической системы.

Самый интересный раздел, касающийся этого вопроса, мы находим в главе 10 второй части четвертого тома в «Теориях цен издержек у Рикардо и А. Смита». Из нее мы видим, что так называемая «загадка сфинкса» — объяснение прибыли исходя из трудовой теории стоимости, есть тайна всей классической политической экономии, какой она вышла из рук А. Смита и Д. Рикардо.

Изначально А. Смиту присуща некая двойственность. Он фактически пишет две политические экономии — экономическую теорию и практическую экономию. Экономическая теория раскрывает внутреннюю связь экономических категорий, пытаясь проникнуть в скрытую структуру буржуазной системы. Практическая же экономия пытается показать эту связь так, как она представлена в конкретных проявлениях экономической действительности и как она является обычному наблюдателю, чуждому научных хитросплетений, а также человеку, практически вовлеченному в экономические отношения — в систему конкуренции.

«У А. Смита это имеет свое оправдание, так как его задача была в действительности двоякой. С одной стороны, это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремится, отчасти впервые, описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы этого общества, а отчасти — найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие им рассудочные явления, т. е., отчасти впервые, воспроизвести их в языке и в процессе мышления» [1, т. 26, ч. 2, 178],

А отсюда и две политических экономии, основанных на двух принципиально противоположных исходных принципах — одном теоретическом — трудовая теория стоимости, другом практическом — теории издержек производства. Один лег в основу того, что

Маркс назвал классической политической экономией, а второй — в основу того, что сам же Маркс назвал «вульгарной политической экономией».

И в основе как одной, так и другой лежит творчество А. Смита, и последующие исследователи на равных заимствовали один или другой и одинаково ссылались на Смита.

«Преемники А. Смита могут беспрепятственно продвигаться в своих специальных исследованиях и рассуждениях и всякий раз рассматривать А. Смита как свою основу, независимо от того, примыкают ли они к эзотерическому или экзотерической части его произведений или же, как это имеет место почти всегда, смешивая ту и другую» [1, 26, ч. 2, 178].

Без всякого сомнения, основная причина такой двойственности, которая была изначально присуща политической экономии и, как видно, не ушла из нее навсегда, состоит в том, что Смит не смог найти удовлетворительной с точки зрения научной логики связи между трудовой теорией стоимости и сложными конкретными процессами капиталистической экономии. Проще говоря, Смит не смог, исходя из трудовой теории стоимости объяснить главный конституционирующий признак капиталистического общества — прибыли. Поэтому, по словам Рикардо, он в конце концов отказался от трудовой теории стоимости на практике и сохранил ее исключительно в теории, предоставив другим теориям объяснять экономическую действительность.

Причину этого Рикардо видит в самой теории стоимости А. Смита. Прежде всего, наряду со стоимостью, определяемой количеством затраченного в товаре необходимого труда, он ввел второе понятие, вернее вытеснил им первое, где стоимость определяется количеством труда, которое можно купить на данный товар. А по сути, «стоимость товара» свел к заработной плате, или к «стоимости труда». Труд, следовательно, для него оказался вполне оплачиваемым в заработной плате, а прибыль, исходя из трудовой теории стоимости, основанной на эквивалентном обмене, оказалась загадкой.

Смит не нашел другого выхода из этого противоречия, кроме отказа от трудовой теории стоимости в применении к капиталистическому обществу, и отнес ее к докапиталистическому периоду, в терминологии К. Маркса, к условиям простого товарного производства.

К условиям капиталистического периода Смит сконструировал третий вариант теории стоимости: он решил, что стоимость това-

ров просто складывается из издержек производства, включая заработную плату, прибыль капиталиста и земельную ренту земельного собственника.

Это была «теория издержек производства», которой суждено было сыграть важную роль в течение последующего времени. Смит встал здесь на практическую точку зрения капиталиста, которому действительно представляется, что стоимость его товара в основном определена издержками производства и средней прибылью, а каждый данный момент — также спросом и предложением. Этот вывод Смита скоро сделал Ж.-Б. Сэй и другие экономисты, стремясь использовать политическую экономию для защиты интересов капиталистов и землевладельцев. В рамках «теории издержек производства» родилась концепция прибыли, объясняющая ее как вознаграждение (награду) за воздержание от потребления, которому предавались капиталисты, копя свои капиталы.

Таким образом, мы видим, что Смит первым ввел в экономическую систему двойственность, которая с критической точки зрения рассматривалась как противоречие между теорией и практикой. Первым, кто попытался сознательно разрушить ее и привести к единству теорию и практику, был Рикардо.

Прежде всего, Рикардо не устроила непоследовательность Смита в применении трудовой теории стоимости к докапиталистическому обществу и непригодности ее к капиталистическому. Такая непоследовательность была неприемлема для строгого логического ума Рикардо (первого математического ума в политической экономии); свойственное Смиту вольное обращение с основами принципиально его не устраивало — такой фундаментальный закон, как закон стоимости, не может полностью меняться с развитием общества.

Первое, что делает Риккардо - ставит трудовую теорию стоимости во главу угла своей экономической системы; и второе — на основании данного исходного принципа пытается выработать все категории политической экономии, гарантируя ее цельность и единство.

В самом начале Рикардо остроумно указывает на источник ошибки, из-за которой произошла вся эта путаница у А. Смита. В основе ее — отождествление «стоимости труда» и «количества труда», а это, по Рикардо, разные вещи. Нелепо принимать «стоимость труда» (заработную плату) за меру стоимости товара. Заработная плата и количество труда, необходимое для производства товара, — это разные вещи. И хотя Рикардо остановился перед различием между «рабочей силой» и трудом (которое впервые последовательно провел

Маркс) и пользуется этой старой смитовской неверной терминологией — «стоимость труда», он вплотную подошел к открытию теории прибавочной стоимости.

Пройдя первый подводный камень, о который споткнулся Смит, и значительно укрепив позиции трудовой теории стоимости в качестве основной и единственной версии, способной объяснить промышленную экономическую действительность, Рикардо пытается распространить ее и на область сельского хозяйства.

Если Петти выводил земельную ренту из «земли и труда», то Рикардо объясняет земельную ренту исключительно, на основе трудовой теории стоимости, сведя стоимость земли к труду. Это различие между постановкой данной проблемы у Петти и разрешением ее у Рикардо дает нам представление о том длинном и трудном пути, который проделала классическая политическая экономия от первых скромных шагов до момента наивысшего расцвета.

Но этот момент высшего торжества классической школы был вместе с тем и началом ее заката. Рикардо споткнулся все на той же... «загадке прибыли», так и не сумев объяснить самый механизм современного хозяйства как товарно-капиталистического.

Если основным регулятором товарного хозяйства, направляющим распределение труда между различными отраслями производства и поддерживающим между ними равновесие, является закон трудовой стоимости, то основным регулятором капиталистического хозяйства, направляющим распределена капиталов между различными отраслями производства и поддерживающим между ними равновесие, является закон уравнения нормы прибыли в различных отраслях.

Но оба эти регулятора, как кажется на первый взгляд, между собой не согласованы и друг другу даже противоречат. В различных отраслях производства органический состав капитала неодинаков и, следовательно, на каждую сотню капитала приходится неодинаковое количество живого труда. Два товара, произведенные в разных отраслях производства при помощи равных капиталов, содержат в себе неглавные массы труда, а так как продаваться они должны по равным ценам, чтобы доставлять равную прибыль на капитал, то, следовательно, продажные цены товаров в капиталистическом хозяйстве не соответствуют их трудовым стоимостям.

Рикардо сам же и замечает, что закон стоимости стоит в противоречии с законом равного уровня прибыли. Если в обеих отраслях продукты будут продаваться по своим стоимостям, то уровень при-

были не будет в них одинаков; и наоборот, если уровень прибыли одинаков, то эти продукты не могут продаваться по своим стоимостям.

Неспособность разрешить это противоречие, а на языке Рикардо, невозможность выведения всей экономической системы из единого принципа — трудовой теории стоимости, повлекло за собой разложение рикардианской школы. Сам Рикардо в отчаяние от невозможности полного примирения теории стоимости со всеми реальными процессами капиталистической экономики. В одну из таких минут слабости он написал, что в конце концов, может быть, следовало выбросить проблему стоимости за борт и исследовать законы действительности без нее.

Противники Рикардо (Мальтус, Торренс, Бейли), которые опираются на закон уравнения нормы прибыли на капитал, решительно заявляют, что регулятором производства в капиталистическом обществе является исключительно капитал, а не труд, и поэтому трудовая теория стоимости должна быть отвергнута. Сторонники Рикардо (Джеймс Милль, Джон Мак-Куллох) последовательно переходят на проторенный уже А. Смитом путь — теорию издержек производства.

К. Маркс — первым в политической экономии провел демаркационную линию между трудовой теорией стоимости и теорией издержек производства, а потому является первым чистым представителем трудовой теории стоимости.

Теория издержек производства рождена на почве товарного фетишизма, подменяющего в сознании товаровладельца их собственные общественные отношения отношениями между вещами, и представлений о стоимости как о естественном, внутреннем свойстве всех товаров.

Теория издержек производства как будто отражает этот фетишистский характер обыденного сознания. Если капитал соединяет извне элементы стоимости, необходимые для производства данного продукта, то в результате этого соединения должна получиться прибыль капиталиста. Способность стоимости к самовозрастанию выступает в глазах представителя обыденного мышления, как нечто естественное, как нечто само собой понятное. Закон равной прибыли, ставя таким образом величину прибыли в зависимость от большей или меньшей величины затраченного капитала, прямо навязывает идею самовозрастающей стоимости.

Зарождение трудовой теории стоимости, в оценке Ф. Энгельса в предисловии к третьему тому «Капитала», есть стремление освободиться от этого фетишизма. Своей идеей «абстрактный труд» К. Маркс уничтожает представление о стоимости как о внутреннем свойстве вещей, ставя на место каждого отношения товаров существующие на самом деле отношения людей. Представители классической политической экономии не смогли отрешиться от теории издержек производства, главным образом в силу товарного фетишизма. Сможет ли Маркс выйти за пределы его в объяснении «загадки сфинкса», переданной ему по наследству из рук Рикардо? Сможет ли он с третьей попытки решить проблему прибыли, исходя из трудовой теории стоимости?

Критика экономической системы К. Маркса В. Зомбартом и С.Н. Булгаковым

Что мы находим в первых двух отделах третьего тома «Капитала»? Товары продаются не по стоимостям, а по ценам производства, которые равны издержкам производства плюс средняя прибыль, совпадение цен со стоимостью может быть лишь случайно, в виде исключения. «Прежде всего очевидно, что Маркс признает невозможность примирить равенство прибыли с трудовой теорией стоимости в том виде, в каком она изложена в I т. Капитала, и ставит ей ряд ограничений: товары обмениваются между собою не пропорционально затратам на их производство общественно необходимого труда (это, как исключение, имеет место лишь для капиталов среднего состояния), но по особому масштабу, по ценам производства, значительно отступающим от стоимости» [2, 7].

Так что же мы находим в третьем томе «Капитала»? «Настоящую теорию издержек производства и прибыли, выраженную только в несколько иных словах (в теории цен. — *М. Э.*), но идейно не находящуюся в прямом противоречии к традиционной теории! Уже в первом томе некоторые толкователи Маркса видели в его учении о стоимости и о прибавочной стоимости только скрытую теорию издержек производства, вариант издержек производства. Если опять-таки появилась совершенно обыкновенная теория издержек производства, то зачем все знаменитые учения о стоимости. Если для объяснения прибыли, в конце концов приходят к издержкам производства, то для чего тогда весь тяжеловесный аппарат теории стоимости и прибавочной стоимости?» [3, 691]. Зачем тогда этот путь мученичества в науке, который проделали три гиганта мысли (А. Смит,

Д. Рикардо и К. Маркс), так и не сумев объяснить прибыль с точки зрения трудовой теории стоимости?

Противники К. Маркса, которым значительно помог выход в свет третьего тома «Капитала», призывают сбросить с себя «марксистское пленение человеческой мысли» и показывают место этой теории в истории, в прошлом, ибо для настоящего и будущего у нее нет места. Бем-Баверк, монография которого посвящена критической оценке теории Маркса, предлагает взамен ей — теорию будущего — теорию предельной полезности, во многом заложившую вместе с трудами К. Менгера основы современного экономикса.

Сторонники Маркса не согласны с такой оценкой Маркса — «теория Маркса может быть и опровержима, но она не опровергнута» (В. Зомбарт). И В. Зомбарт, и С.Н. Булгаков, считая себя истинными марксистами, пытаются «спасти Маркса», и единственный путь этого спасения намечен всей предшествующей классической школой — он лежит через спасение трудовой теории стоимости.

Какое значение имеет стоимость в экономической системе Маркса — задается вопросом В. Зомбарт. Стоимость не проявляется в меновых отношениях капиталистически произведенных товаров; она не обозначает тех приблизительных границ, в пределах которых колеблются рыночные цены; далее, стоимость не живет в сознании капиталистического производства, поэтому она отнюдь не руководит расчетами капиталиста; также мало играет она роль принципа, на основании которого производится распределение ежегодного общественного продукта; ни в коем случае не является она и фактом сознания продавцов и покупателей товаров. Словом, она не есть «условие экономической деятельности» (Герлах), «но если ценность» не существует в мире явлений капиталистической организации хозяйства, то не значит ли это, что она вообще не существует? Такой вывод был бы слишком поспешным. Очевидно, что для изгнанной стоимости остается одно прибежище: это мышление экономиста-теоретика» [3, 692].

С.Н. Булгаков подключается к этой линии В. Зомбарта: «...стоимость каждого отдельного товара превращается... во что-то вроде интеллигибельной свободы воли у Канта, хотя и недоступной эмпирическому наблюдению, но существующей» [2, 9].

Читатель, знакомый с экономической литературой, уже заметил, что эта идея не нова, что родоначальником ее является теоретический предшественник В. Зомбарта и С.Н. Булгакова — сам А. Смит, впервые изгнавший трудовую теорию стоимости из анализа экономической действительности и поместивший ее исключительно в теоретическую область исследования. В новой форме, на языке неокантианской традиции, В. Зомбарт и С.Н. Булгаков буквально повторяют мысль Канта о резком дуализме двух миров, породившем существование двух точек зрения на развитие экономической жизни — трудовую теорию стоимости и теорию издержек производства. Спасение трудовой теории стоимости произошло за счет восстановления в своих правах теории издержек производства.

Так были ли В. Зомбарт и С.Н. Булгаков марксистами, как они сами называют себя, — один, определив свой научный путь как путь «от марксизма к социал-шовинизму», а другой — как путь «от марксизма к идеализму»? В строго марксистской классификации оба они относились к тому типу исследователей экономической действительности, которых Ф. Энгельс определил «как марксистов, переодетых в одежду вульгарных экономистов». И последующий путь их развития (прошедший под эгидой теории издержек производства) подтверждает эту мысль Энгельса.

В. Зомбарт пишет «Генезис капитализма», где отстаивает идею Ж.-Б. Сэя о роли капитала в развитии промышленности, а С.Н. Булгаков пишет «Капитализм и земледелие», где отстаивает идею Мальтуса о роли земельной собственности в развитии сельского хозяйства. И та и другая монографии уже в принципе не связывают себя с трудовой теорией стоимости, а, наоборот, показывает ее недейственность с точки зрения объяснений реалий экономической жизни народов.

Научная попытка «спасения трудовой теории стоимости», ее фиаско перед объяснением прибыли были нечто большим, чем неудачей Маркса, ибо данная ситуация воспринималась как завершение всей традиции классической школы, признание ее нежизнеспособности в целом. Чувствовалась необходимость реформы.

Реформа экономических знаний представлялась двояко. Она могла состоять в реформировании (усовершенствова-

нии) теории (учении А. Смита) или же в открытии новых исследовательских путей.

Первый из вышеобозначенных путей исследования предъявлял исследователю крайне высокие требования. Приходилось достигать того, к чему тщетно стремились талантливейшие умы всех народов прежними путями исследования; обо что разбивался их гений, что приходилось преодолевать — нужно было не только критиковать (как ревизионисты) или открывать какие-либо общепринятые перспективы (как В. Зомбарт и С.Н. Булгаков), а создавать что-либо новое, проще говоря, разгадать «загадку сфинкса», т. е. объяснить среднюю норму прибыли исходя из трудовой теории стоимости.

Гораздо благодарнее казался другой путь к реформе экономической науки. Неудовлетворительное состояние ее объяснялось не недостатком творческих сил для разрешения проблем, а ошибочностью избранного направления исследования: все спасение заключается в установлении нового направления. Вообще, речь идет не о развитии политической экономии вглубь, а о реформе политической экономии вширь — расширении исследовательского поля. В области языкознания, государствоведения, юриспруденции, именно благодаря открытию новых направлений, исследования были достигнуты выдающиеся результаты — их хотели достичь и в области экономических исследований.

Новые направления исследования лежали в области социальной философии, составной частью которой являлась философия хозяйства, рассматривающая жизнь народов через призму их исторических и национальных особенностей, глубоко укоренившихся в области права, традиций, религии. Именно исследованию, рассматривающему тему влияния религии на экономическую жизнь народов, и посвящают свои творческие порывы В. Зомбарт и С.Н. Булгаков, вооружившись идеей М. Вебера.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
2. *Булгаков С.Н.* Третий том «Капитала» К. Маркса // Русская мысль. 1895. № 3.
3. *Зомбарт В.* К критике экономической системы Маркса // Научное обозрение. 1898. № 4.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия — русская философия — философия хозяйства (Философия хозяйства. 2002. № 1)

Сегодня как будто бы не время философии, во всяком случае, не время большого и общего внимания к философии, ибо прагматизм не слишком приемлет философию, как, собственно, во многом и наука. Имеет место *философское безвременье*. Однако это не означает, что философии вообще нет, что она всего лишь памятник. Совсем наоборот — философия нужна, и она есть, причем не как собрание запыленных книг, а как вполне актуальное беспокойство. Философия — как никогда, быть может, необходима, хотя ее и отвергают, ею пренебрегают, от нее бегут, ибо она опасна, будучи знанием свободным и немеханическим, к тому же и откровенным, совершающим благоносный синтез, проникающим вглубь и поднимающимся ввысь, дружащим с трансценденцией, а главное — критическим. Философия никак не оправдает того, что есть, и поведет она вовсе не туда, куда ведут. Потому-то философия и не нужна — при всей своей ужасной своевременности.

В России сейчас явный философский ренессанс, который есть не один лишь возврат отринутой ранее предвзято философии, но и порыв, если не натиск, уже новой философии, рождающейся мучительно, но верно именно сегодня. Философское безвременье — не отсутствие вовсе философии, даже и не ее беззаботный сон, это еще и обнаружение философии, ее прорыв на свет, хотя и не по всему размыслительному полю, а лишь в точках силовых перекрещений. Перед философией если и зажигают старательно свет, то красный, на крайний случай — желтый, но уж не зеленый, но тем самым выдавливают из возможной вообще философии как раз ту философию, которая всего ближе к истинной. *Без антифилософии нет философии*! И хотя время как будто бы не философское, но философия в нем не просто есть, но и возникает, обрекая это время на вполне актуальный и вполне беспощадный анализ-синтез.

Есть ли *русская философия*? Нет, не философия в России, а именно русская философия, есть ли она? Но почему же ей не быть, коли есть русский человек со своим русским сознанием, да еще и со своим русским языком? Хочешь, не хочешь, а философствовать будешь все-таки по-русски, выводя из себя и *русскую философию*, разумеется, не отдельную от других фило-

софий, как вовсе и не однообразную. Русская философия — *русский путь к истине*. Что тут плохого и непонятного? Язык-то ведь — не набор знаков, а целый *смысломир*, да и к языку-то как таковому язык не сводится, не говоря уже о том, что смысломир языком вовсе не ограничивается. *Русский мир — русская философия, вот и все*!

Русская философия — открытая философия (как и русский язык, русское сознание, русский мир). Национальное здесь легко сочетается с интернациональным, даже и со всемирным. Русской философии не грозит самоизоляция, как не грозит ей и саморастворение. Но хороша русская философия как именно русская философия, даже и в общей со всем миром части. Русская ценность в русскости, что ж тут неясного?

Так вот, нужна ли сегодня русская философия, или, скажем иначе, нужно ли русское мировидение, нужно ли русское понимание истины?

Думается, что да, и именно сегодня, и не для одной только России, а и для всего мира. Не будем здесь тешить себя доказательствами (способный услышать и так услышит), а ограничимся вполне голословным утверждением: *современный мир нуждается в русском миропониминии*! И нуждается очень сильно, хотя и самоуверенно от русскости отворачивается. Что же касается самих нынешних русских, которых усиленно убеждают, что они нуждаются лишь в одном — в нерусскости, то нет нужды доказывать, что потребность в русском миропонимании для них органично и жизненно необходима. А потому и нужна русская философия, потому-то она и есть, потому-то и продолжается.

Одно из развивающихся ныне направлений — *философия хозяйства*. Совершенно, надо заметить, русское мыслеотправление, ибо выходит оно из русского сознания и с помощью русского языка. Это не философия экономики, тем более, не философия экономической науки, как и не философия собственно производства благ, — это совсем другое — это философия самой жизни, самого бытия, однако в особом — организационно-производительном — аспекте. Хозяйствовать — жить, существовать, быть, а жить, существовать, быть — хозяйствовать. Отсюда и особая хозяйственная *смыслологика*, улавливаемая философией хозяйства, да еще и на *метасмысловом* уровне, не чуждом трансцендентности. И после этого утверждать, что нам-

де не нужна философия хозяйства, что можно обойтись и одной теоретической экономией, призванной, кстати, решать вполне специальные, а не целостно-жизненные, задачи!

Нет, без философии хозяйства нельзя, как нельзя и без русской философии, как нельзя и без философии вообще. Зачем же себя воровато обеднять, зачем превращаться в косноязычного артикула, мало что понимающего в мире, в котором он действует, зачем стерилизовать свой ум и затемнять душу? Философское безвременье как раз и есть лучшее доказательство того, что без философии и в самом деле никак нельзя.

Л.А. ТУТОВ

Философия хозяйства и экономическая теория: точки пересечения и противоречия (Философия хозяйства. 2004. № 4)

Вопрос о взаимоотношениях философии хозяйства и экономической теории заслуживает специального рассмотрения не только в силу исторической общности их судьбы, но и по предметно-логическим соображениям, поскольку обнаружение точек их соприкосновения и противоречий позволяет им расширить свое проблемное поле, получить дополнительные инструменты анализа, приоткрыть такие тайны, которые не дались бы им поодиночке.

Данный вопрос представляется, с одной стороны, несложным, а с другой — вызывает многочисленные трудности и является предметом дискуссий. Среди экономистов, в том числе таких признанных авторитетов, как Й. Шумпетер, существует точка зрения, согласно которой философия совершенно нейтральна по отношению к другим наукам и «аналитические исследования даже тех экономистов, которые придерживались вполне определенных взглядов: Локка, Юма, Кенэ и, прежде всего Маркса, фактически не испытывали на себе влияния философии своих творцов» [1, 38]. Так называемые философские аспекты экономической науки, по мнению Й. Шумпетера, «не более чем ненужные украшения, которые затушевывают истинный процесс филиации научных идей» [1, 38]. Данное утверждение делает бессмысленной работу по раскрытию заявленной выше темы. Тем не менее попробуем обосновать иную точку зрения. С этой целью проследим историю взаимоотношений

философии (соответственно и философии хозяйства[1]) и экономической теории.

Начало философского осмысления хозяйства связывают с именами Платона и Аристотеля. Иногда первенство в разработке основных положений, характеризующих хозяйственную жизнь, приписывают Ксенофонту, создавшему трактат «Домострой». В нем идет речь о хозяйственной мудрости как умении управлять миром вещей — это возможно, если следовать установленному порядку соответствия вещей своим местам. Однако у Ксенофонта объектом рассмотрения является натуральное хозяйство, замкнутое по своей природе [2, 225—227]. Между тем для философии хозяйства принцип открытости — один из основополагающих. Поэтому исходным пунктом философии хозяйства является все же учение Аристотеля об экономике и хрематистике, базирующееся на принципиальном разграничении натурального и товарного хозяйства.

Этические и практические аспекты учения Аристотеля о хозяйстве были продолжены в работах крупнейших философов-теологов Средневековья. Фома Аквинский, подобно другим мыслителям своего времени, рассматривал устройство хозяйства как прямое следствие божественного плана мирового устройства. Соответственно деятельность каждого человека в рамках, установленных для него Богом, превращалась в религиозный долг. Но в отличие от Августина, Фома Аквинский проповедовал активный подход к земным делам, поскольку «божественная благодать» зависит и от человеческих деяний.

В Новое время происходит предметное размежевание философии и экономического знания: появляется политическая экономия, занимающаяся вопросами производительной и непроизводительной деятельности, природой и источниками богатства. Для основателей политэкономии А. Смита и Д. Рикардо экономика стала синонимом хрематистики, поскольку создавалась как наука о сущности и причинах богатства. Экономическая сфера стала рассматриваться как самодостаточная и наиболее важная из всех остальных сфер хозяйства. Позднее на смену политической экономии приходит экономическая теория, версия которой положена в основу стандартного

[1] Автор данной работы рассматривает философию хозяйства как исследовательское направление в рамках философии.

курса экономикса, предметом которой является изучение использования людьми ограниченных ресурсов для производства благ и распределения их посредством обмена между членами общества с целью дальнейшего распределения этих благ. Экономикс не предполагает выделения особой сферы деятельности человека, которая отражалась бы в рамках экономической теории. Таким образом, философия хозяйства теряет предметные основания в сфере экономического знания и становится одним из направлений в философии.

Современное понимание философии и экономической теории заставляет искать точки их соприкосновения. Одной из таких областей является проблема человека.

Человек, его сущность и поведение представляют интерес для исследователей из многих дисциплинарных областей, в том числе экономической теории, социологии, психологии, политологии и философии. Вместе с тем для каждой из представленных дисциплин характерно свое понимание человека и логики его поведения. В зависимости от этого изучаются только те свойства человека, которые соответствуют предмету исследования той или иной отрасли знания. Наиболее полный (общий) образ человека дает философия. Остальные дисциплины представляют собой разной степени абстракции, которые формируют неполный образ человека, что является платой за их специализацию.

Задача философии, и философии хозяйства в частности, состоит в том, чтобы помочь в методологическом плане другим дисциплинам определить допустимые инструменты анализа в рамках их предметных областей[2]. В свою очередь рассмотрение моделей человека, используемых в различных науках, позволяет преодолеть односторонний подход каждой из них, привлечь дополнительные методы анализа, развить междисциплинарные

[2] Некоторые философы считают, что «в ценностном и смысловом отношении философия и профессиональная методология существенно различаются. Философия всегда ориентирована на решение современных экзистенциальных проблем и дилемм… а профессиональная методология — на развитие деятельности, понимаемое в значительной мере в технологическом ключе» [3, 60—62]. Такое понимание имеет определенную ценность в плане разграничения функций, однако само деление весьма условно и не может быть абсолютизировано. В противном случае философия лишится своей методологическо-мировоззренческой целостности.

связи, выявить новые свойства и факторы, определяющие поведение человека, и тем самым получить целостную картину о человеке.

Сравнение представлений о человеке в различных дисциплинарных областях предполагает фиксацию контекста, в том числе понимание различий самих дисциплинарных областей. В числе наиболее важных различий[3] — отсутствие в психологии, социологии и философии как дисциплин доминирующего направления, как это имеет (или до недавнего прошлого имело) место в экономической теории.

Философская модель человека, представляемая исследователем, отражает его общую мировоззренческую установку, т. е. зависит от того, что выдвигается качестве высшей ценности, определяется в качестве смысла жизни, в то время как рабочая (экономическая) модель человека основана на сложившихся исследовательских конвенциях, которые далеко не всегда в полной мере соответствуют мировоззрению исследователя. На этой основе возникает различие между философской и экономической моделями человека.

Философская модель человека может строиться двояким образом: либо через внешние характеристики, либо путем раскрытия его внутренней природы. Чаще пытаются совмещать и то и другое. Построение модели человека, основанное на сопоставлении его с внешними сущностями и явлениями, предполагает использование характеристик, применяемых при описании общей картины мира, структуры общества, отношений с Богом. Внутренняя природа человека раскрывается через его телесные, эмоциональные, духовные характеристики. В свою очередь, внутренние характеристики человека оказывают влияние на формирование представлений об общей картине мира. Их абсо-

[3] Философия предполагает наличие целого спектра различных направлений, течений, школ, часто диаметрально различающихся по своим исходным принципам и предлагаемым решениям проблем. В отличие от экономической теории, в которой лидирующие позиции занимают школы неоклассической экономической теории, в философии нет доминирующего направления. С этой точки зрения нет и единого обобщенного представления о человеке. Обобщенность образа достигается благодаря таким универсальным понятиям, характеризующим человека, как душа, дух, сознание, воля, материя и т. п., которые связывают философию как общекультурный слой и философию конкретных систем.

лютизация проявляется в виде антропоморфизма и антропоцентризма.

Проблема соотношения внешних и внутренних факторов при определении человека раскрывается сквозь призму взаимоотношений сущности и существования. Если есть какая-то заданная сущность человека, то такую модель можно использовать операционально. Например, символический человек (Э. Кассирер [4, 3—30]) или абстрактный родовой человек (Л. Фейербах [5]), что формально соответствует репрезентативному экономическому субъекту в экономической теории. Если существование человека предшествует его сущности в процессе становления (экзистенциализм) [6, 621—323], то построение модели человека осуществляется на основе свободного выбора человека и не детерминировано внешними факторами. Для философии характерно представление о человеке как двойственном существе[4], объединяющим духовное и материальное начала, взаимоотношения между которыми имеют длительную историю: от органического растворения духовного в природных телах, затем представления материи как темницы для души, и далее снова утверждения неразрывного единства духовного и материального начал в различных вариациях. В отечественной философии (Н.А. Бердяев [8, 56—67]) сложилось понимание, что, с одной стороны, человек — духовное существо, не являющееся пассивным рефлексом природного и социального кругооборота, а с другой стороны, он погружен в природный мир, сам часть этого мира, т. е. разделяет его судьбы, смертен. Однако сознание человека при этом не затемняется, он не склонен забывать свое высшее предназначение как существа разумного (разумность — сущностная характеристика человека). Инстинктивное изменяется в человеке под влиянием разумного, в свою очередь, сознательное органично продолжает структуры инстинктивного в своей сфере, способствует развитию духовного в таком направлении, в котором бы человек и человечество в целом не теряли бы инстинкта самосохранения.

Экономическая модель человека, так же как и философская модель, учитывает природную сторону человека, принимая

[4] Так, Ф. Ницше, продолжая традиции античных философов, выделяет два начала: дионисово и аполлоново. Дионисово начало характеризует темное, хаотичное, природное, иррациональное, а аполлоново — светлое, упорядоченное, разумное, рациональное в человеке [7, 59].

во внимание биологическую наследственность, непосредственно не зависящую от социального окружения. Однако отношения между природным и социальным в экономической модели рассматриваются как данность.

В экономической теории также существует множество подходов к определению природы человека[5]. Родоначальник классической политической экономии А. Смит в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» считает эгоизм одной из важнейших характеристик человека. Человек «непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей… Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них… Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно…» [9, 19]. Но ведь кроме эгоизма хозяйственная деятельность людей определяется и другими факторами, например, любовью к ближнему, традициями, обычаями, предрассудками, религиозным и правовым чувствами, общественным интересом и т. п. Поэтому с тех пор было обнаружено немало и других важных характеристик экономического человека, которые можно суммировать и свести к следующим основным четырем[6].

«Человек независим. Это атомизированный индивид, принимающий самостоятельные решения, исходя из своих личных предпочтений.

Человек эгоистичен. Он в первую очередь заботится о своем интересе и стремится к максимизации собственной выгоды.

Человек рационален. Он последовательно стремится к поставленной цели и рассчитывает сравнительные издержки того или иного выбора средств ее достижения.

---

[5] В экономической теории существует понятие экономической антропологии, которое основывается на функциональном подходе к человеку, исходит из реалистичных предпосылок относительно человека, его поведения, т. е. рассматривает его таким, какой он есть в системе хозяйственных связей.

[6] Необходимо заметить, что такое обобщение является условным, так как современная экономическая теория не представляет собой единого систематического понимания экономической реальности. Наряду с неоклассической теорией, которая является так называемым main stream, существует широкий спектр направлений в институционализме, кейнсианстве, эволюционизме, неоавстрийской школе и т. д.

Человек информирован. Он не только хорошо знает собственные потребности, но и обладает достаточной информацией о средствах их удовлетворения» [10, 16].

Таким образом, перед нами предстает эгоистичное существо, которое хорошо знает, чего хочет и что для этого надо делать. Для экономического человека существующие моральные, политические, социальные факторы не более чем внешние ограничения, учет которых позволяет субъекту соблюдать формальные приличия и не реализовывать свои интересы слишком циничными и грубыми способами.

При философском подходе к человеку его духовная сторона проявляется в разумном, моральном и эстетическом поведении (разумность, моральность, эстетизм — основные характеристики человека как существа социального) и при рациональном выборе предполагает движение по направлению к таким высшим человеческим ценностям, как истина, добро и красота.

В отличие от философского рассмотрения человека, экономическая теория имеет дело с характеристиками, связанными с оптимальным результатом — максимизацией целевой функции при данных ограничениях.

Очевидно, что философский подход к пониманию человека предполагает большее разнообразие и индивидуальность по сравнению с экономическими системами, где в каждый данный момент существуют конвенция или набор конвенций относительно ограничений, связанных с характеристиками человека, которые не вписываются в логику модели, а также системы моделей. В экономической науке модель человека есть изолирующая абстракция, обостряющая специфические черты поведения человека. Поэтому объективно существует несоответствие между философской и экономической моделями человека.

Существенным изъяном экономической модели человека — с точки зрения этического подхода — является ее интерпретация рациональности, которая означает максимизацию целевой функции при существующих ограничениях. При таком подходе отсутствует содержательная оценка разумности как цели, так и средств хозяйственной деятельности. И то, что является рациональным в определенных узких границах, может быть вовсе не рациональным с точки зрения универсальных человеческих ценностей. Так, материальное благополучие од-

ного человека часто связано со страданиями и несвободой других людей. Кроме того, «экономический подход не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначащими… такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны, и выбором сорта кофе — с другой» [11, 29]. Экономический человек выступает, прежде всего, в роли потребителя различных благ, при этом все остальные его стороны жизни оказываются за рамками рассмотрения. Ограниченность бытия экономического человека (как он понимается в неоклассической экономической теории) обусловлена следующими объективными обстоятельствами, на которые обратила внимание Г.В. Фадейчева: мир как хозяйство заменен миром потребления; человек превращен в функцию процесса потребления; удовлетворение бесконечных потребностей представлено как цель экономической деятельности; многообразный мир общественных потребностей сведен к материальным потребностям индивида; процветают крайний индивидуализм и принижение значения духовной жизни человека; «постоянное сравнение предельных издержек и предельных выгод как высшее проявление экономического мышления» [12, 96—98]. Такой подход, конечно же, обедняет представления о человеке и не раскрывает его подлинной природы как субъекта хозяйства.

Несмотря на все различия моделей человека в общественных дисциплинах, следует отметить, что философская модель выполняет синтезирующую функцию для моделей в разных предметных областях. Так, при сравнении экономической модели REMM[1] (изобретательный, оценивающий и максимизирующий человек) и социологической модели SRSM (социализированный, выполняющий определенную роль и подверженный санкциям человек) актуализируется философская модель человека (условное название «Человек в поисках смысла»), которая объединяет многие параметры как социологической, так и экономической моделей. Например, по параметру «детерминированность действия» философская модель предполагает зависимость как от биологических, так и от социальных факторов. С позиции параметра «изобретательность» философский человек предстает, с одной стороны, как выходящий за свои

[1] Акроним REMM был предложен У. Меклингом и К. Бруннером; акроним SRSM — С. Линденбергом [13].

собственные пределы, а с другой стороны, как познающий самого себя. С точки зрения параметра «оценивание» можно заметить, что для философии характерно постоянное присутствие морального оценивания. Параметр «следование собственным интересам» раскрывается в философской модели человека через такие характеристики, как эгоизм и альтруизм. Что касается «максимизации», то в философии она отсутствует в явном виде, хотя и может рассматриваться как стремление к высшим ценностям (истине, добру и красоте).

Кроме проблемы человека и различных аспектов его жизнедеятельности, сферу пересечений интересов экономической теории и философии следует искать в области экономической методологии. Так, под влиянием неопозитивизма (К. Поппер), а позднее постпозитивизма (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд) и постмодернизма (Д. МакКлоски) в экономической теории и ее методологии произошли значительные изменения, которые, по мнению известного экономиста-методолога О.И. Ананьина, могут быть сведены к следующим: во-первых, «методология из преимущественно нормативной… стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности»; во-вторых, «радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки»; в-третьих, «изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа. Образ науки… уступал место новым представлениям, рисующим мир экономической науки плюралистичным, а само знание — ограниченным и фрагментарным» [14, 136]. Таким образом, экономическая наука трансформировалась в сторону метанаучных (философских) представлений об экономической реальности, а круг ее интересов включил в себя как онтологическую, так и эпистемологическую проблематику — анализ экономического знания и познания.

Между философией хозяйства и экономической теорией существуют не только точки пересечения, но и противоречия. Так в основе неоклассической экономической теории лежат три основные взаимосвязанные идеи: идея равновесия, идея возможности математически строгой интерпретации экономиче-

ских явлений и идея чистой экономической науки. Идея чистой экономической науки предполагает исключение из ее предметного поля всяких ненаучных знаний, двусмысленности, мифологизации и строгое предметное разграничение с другими общественными дисциплинами. Однако, борясь за предметную чистоту, неоклассическая теория сама приходит к мифологизации числа, последствием которого является механицизм. Последний проявляется не только в абсолютизации числа, математического анализа в экономической теории, но и гипертрофии ряда других идей: «идеи равновесия, методологический индивидуализм, функциональный анализ, отрицание причинно-следственного подхода и кое-что еще» [15, 63]. Излишняя математизация экономической теории приводит к тому, что она абстрагируется от реальной экономической жизни и теряется ее предметная определенность. Точнее, предмет экономической теории приобретает свойства условности, парадоксальности, искусственности. Как написал известный западный экономист Кеннет Дж. Эрроу в работе «Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов», «выводы неоклассической теории справедливы только при выполнении определенных, возможно, чрезвычайно опрощенных предпосылок, касающихся экономической сферы, а также общественных и частных предпочтений» [16, 56]. Все условности, искусственности в неоклассической теории появляются, потому что она превращает ценовой механизм спроса и предложения в единственный и абсолютный механизм движения экономической реальности, считая все остальные аспекты экономической жизни вторичными и производными от вышеуказанного. Философия хозяйства не строит искусственных моделей, абстрагированных от реальной действительности и базирующихся на ограниченных предпосылках. К тому же философия хозяйства рассматривает хозяйство как организм, в отличие от неоклассики, трудности которой обусловлены тем, что «идеи и закономерности, почерпнутые из анализа механической части айсберга экономической реальности, она пытается распространить на подводную часть, которая в существе своем немеханистична, а скорее органична» [16, 67]. Неслучайно в рамках неоклассической теории не получили адекватного разрешения такие проблемы, как соотношение микро- и макроэкономики, спрос и предложение денег, случай несовершенной конкуренции.

Многие западные экономисты считают, что экономическая теория превратилась в царицу социальных наук. Это единственная отрасль социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия. «Она удостоилась издания фундаментального четырехтомного энциклопедического словаря, насчитывающего 4 миллиона слов, через которые как нить Ариадны проходит мысль о том, что экономическая наука, наконец, вышла за узкие пределы ее прежнего царства — царства производства и распределения — и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права» [17, 41]. Тем не менее сами же экономисты признаются в том, что без философии экономическая теория была бы беспомощной в методологическом плане и далека от понимания целостного человека.

Философия хозяйства играет важную роль в формировании отечественной экономической теории. Во-первых, она позволяет рассматривать экономическую сферу как часть, фрагмент более широкой реальности, тем самым, показывая ее связи с другими неэкономическими областями. Соответственно философия хозяйства расширяет горизонты экономической теории, раскрывает роль неэкономических факторов при описании поведения субъекта хозяйства. Во-вторых, философия хозяйства, подталкивая экономическую теорию к преодолению узкоспециализированного, утилитаристского подхода к пониманию экономического бытия, выявляет его скрытые смыслы, что крайне важно для формулирования ориентиров для дальнейшего развития. В-третьих, философия хозяйства формирует реальное мысленное поле, в рамках которого совершаются акты научного познания, нацеленные на комплексное социоэкономическое объяснение явлений и процессов, системный подход, учет специфики российской духовности. В свою очередь, экономическая теория на примере модели человека обостряет его специфические черты поведения (эгоизм, альтруизм, рационализм) и дает возможность философии хозяйства получить представление о человеке «практическом», выявить новые свойства и факторы, определяющие поведение человека, и тем самым получить целостную картину о человеке.

Литература

1. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: В 3 т. Т. 1. СПб., 2001.
2. *Ксенофонт*. Домострой // Воспоминания о Сократе. М., 1993.
3. *Розин В.М.* Философия и методология: традиция и современность // Вопросы философии. 1996. № 11.
4. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
5. *Фейербах Л.* Лекции о сущности религии. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1955.
6. Сумерки богов. М., 1990.
7. *Ницше Ф*. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
8. *Бердяев Н.А*. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
9. *Смит А*. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. М., 1997.
10. *Радаев В.В*. Экономическая социология. М., 1997.
11. *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1.
12. *Фадейчева Г.В*. Мифологичность бытия «экономического человечка» в свете философии хозяйства // Философия хозяйства. 2001. № 6.
13. *Бруннер К*. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3.
14. *Ананьин О.И*. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1999. № 10.
15. *Московский А.И.* Экономикс и… другие! // Философия хозяйства. 1999. № 2.
16. *Эрроу К.* Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2.
17. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.

Ю.М. ОСИПОВ

«Философия хозяйства» С.Н. Булгакова и судьба политической экономии (Философия хозяйства. 2004. № 4)

1. Разрабатывая свою философию хозяйства, Булгаков, судя по итогам им созданного, не стремился к созданию новой парадигмы политической экономии, хотя и готовил на фундаментальном уровне возможность нового обобщающего представления о хозяйстве-экономике (Булгаков не делал принципиального различия между хозяйством и экономикой, хотя интуитивно чувствовал, что термин «экономика» имеет свои ограничения — именно поэтому у Булгакова философия все-таки хозяйства, а не экономики, что, надо заметить, соответствовало традициям русской экономической мысли, не только не отказывавшейся от термина «хозяйство», но и широко им пользовавшейся; что касается меня, то я провожу различие, понимая под хозяйством реализацию жизни вообще, как это, впрочем, предлагал и Булгаков, а под экономикой лишь частный случай такой реализации — особый способ организации хозяйства, обусловленный товарным обменом, деньгами, вообще стоимостью, ее производством и распределением, ее властью).

Булгакова занимал не просто кризис политэкономии, как и возможность выхода из него посредством разработки новой парадигмы, его занимало нечто гораздо большее — *метанаучное* и *метаэкономическое* понимание человека и общества в их хозяйственном бытии, т. е. такое понимание, которое выходило за рамки политэкономии, от которой, как и от марксизма в особенности, Булгаков испытывал негативного характера сильнейший шок, а не всего лишь какое-то академическое неудовлетворение. Не внутренние противоречия политэкономии и не волевые тупики марксизма занимали более всего Булгакова, а сама невозможность дальнейшего движения человеческой мысли, равным образом и действия по материалистическому и механистическому пути: Булгаков одним из первых осознал пагубность, если не общую роковую итоговость, водительства в человеческом хозяйстве, т. е. в самой жизни человека, науки и технологии, а также того феномена, который Булгаков называл экономизмом.

Преклонение перед материализмом и механицизмом, сциентизмом и технологизмом, экономизмом и демиургизмом,

сопровождавшееся забвением философии и религии, идеального и духовного, софического и божественного, не говоря уже о почти полном атеизме, секуляризме и богоборчестве, вызывало у Булгакова, разочаровавшегося сначала в революции, а затем в демократической политике, равным образом и в интеллигентстве, не просто какое-то вялое опасение, а самый что ни на есть трепетный ужас от того, что вытворял человек экономический с природой и с самим собой, с обществом, со всей своей жизнью.

Булгаков не мог принять ни буржуазной политэкономии, ни пролетарской, ни реформаторской, ни революционной. Булгаковская философия хозяйства — совсем не политэкономия, это скорее даже *анти*-политэкономия, причем не просто метанаучная (*вне*- или *за*-научная) разработка, но в самом буквальном смысле слова уже и *post*-научная (русский мыслитель начала XVIII в. И.Т. Посошков, уместно заметить, был, на мой взгляд, *до*-научным, т. е. и *до*-политэкономическим, философом хозяйства, а вот Булгакову довелось уже стать *после*-научным, т. е. и *после*-политэкономическим, философом хозяйства). И если Булгаков счел возможным назвать политэкономию в некотором роде философией хозяйства, ее материалистической и будто бы научной версией, то философию хозяйства как таковую, возникшую уже вследствие отрицания политической экономии, политэкономией назвать уже никак нельзя.

2. Если все смысловое поле человека, включающее в себя как объективный мир с человеком вместе, так и представление самого человека о мире со своим собственно человеческим, т. е. субъективным, смыслообразованием, вообразить в виде безграничного круга, пересеченного по горизонтали и вертикали двумя бесконечными же координатными линиями, пересекающимися между собой в центре круга, то возможности познающего человека, находящегося-де в центре такого воображаемого круга, можно представить себе нижеследующим образом.

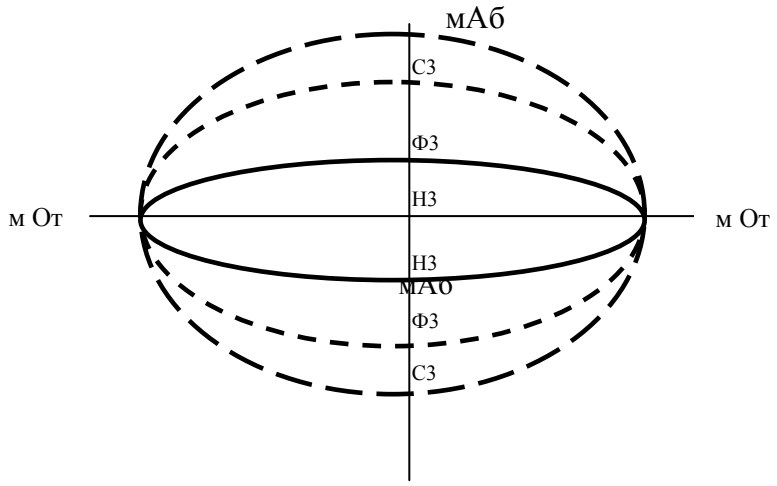
А. Опытное, доказательное, количественно отображаемое, определительное, верифицируемое и со временем накапливаемое как достоверное (аддитивное) знание, т. е. собственно *научное знание*, будет располагаться в основном на горизонтали с некоторым выходом, в случае обращения науки к познанию сущности вещей, а не к фиксированию одних лишь поверхностных фактов и процессов, на вертикаль (в таком случае можно

говорить о некоторой *метафизичности науки*, а наука ведь в основе своей принципиально, как это хорошо известно, антиметафизична; разумеется, наука лишь допускает материалистическую метафизичность, т. е. если и трактует сущности, то сугубо материалистически, постигая последние как нечто материальное, или хотя бы как просто свойственное материи, — и это несмотря на очевидное незамечание наукой вполне нематериального характера любой сущности как таковой).

Б. Воображенческое, не могущее быть строго доказанным, вполне количественно не отображаемое, не склонное к окончательным определениям, слабо верифицируемое и не отличающееся достоверностью и прибавленческой накопляемостью (аддитивностью) знание, т. е. собственно *философское знание*, будет располагаться по большей части где-то на вертикали, занимаясь постижением не просто сущностей, а, скажем так, сущностей сущностей, или же смыслов смыслов, соответственно погружаясь в сущностно-смысловую неопределенность, а лучше сказать, в *трансцендентность* (нельзя сказать, что наука вообще не сталкивается с трансцендентностью, но она в лучшем случае предпочитает ее трактовать лишь как непознанность, а саму по себе трансцендентность — как феномен действительности — по возможности игнорировать, — ведь мир для науки принципиально, если не окончательно, познаваем; что же касается философии, то она способна признавать не только материальное, но и идеальное, почитая ту же сущность за идеальное, не говоря уже о смыслах, характерных для бытия, которые тоже суть идеальны, мало того, сущности и смыслы еще и трансцендентны для философии, но не только в аспекте их неполной познаваемости, но и в аспекте их неизвестного до конца истока; философия не игнорирует трансцендентности, а взаимодействует с ней, признавая ее активную роль в реализации реальности; для науки «ничто» — пустой звук, а вот для философии это уже нечто, да еще и активное, и созидательное, не говоря о том, что и разрушительное; не игнорируя материального, философия по преимуществу имеет дело с идеальным, уходящим в глубь трансцендентного; платой за общение с идеальным и трансцендентным является в отличие от науки немополитичность философии, ее как бы неистинность, неизбежное сущностно-смысловое разнообразие, если не многоголосие — сколько философов, столько и философий!).

В. Откровенческое, вообще логически не доказываемое, утвержденческое, количественно почти не выражаемое, ничего определительно не представляющее, склонное к метафорам, условности и иносказанию, не нуждающееся в прямой верификации, раз и навсегда данное, хотя и способное к расширению и объяснительному дополнению, не склонное к аддитивности, хотя и часто нуждающееся в толковании (переводе), знание, т. е. собственно *сакральное* (*религиозное, мистическое*) *знание,* будет располагаться где-то на неопределенных концах вертикали, опираясь исходно на некую абсолютную изначальность (особенность данного знания состоит в том, что оно не столько добывается человеком, сколько исходит из него — откуда-то и, как правило, внезапно, как озарение, хотя и не без соответствующей субъектной подготовки, однако, будучи недоказательным и неверифицируемым, но общеприменимым, нуждается в некоторого рода особых установлениях — *догматах*, что делает это знание вообще применительным, а потому и истинным — хотя бы на веру).

К высказанному выше об А, Б и В можно добавить и рисуночную пояснительную схему (рис. 1).



м Аб — максимум абсолютности, НЗ — научное знание,
м От — максимум относительности,
ФЗ — философское знание, СЗ — сакральное знание

Рис. 1

Научное знание — первичное знание, знание об относительном и материальном, способное не только к постижению, но и к определению истин — точных истин, однако, преклоняясь перед о-*предел*-ением истин, такое знание ставит себе роковой *предел*, избегая непокоряемую им неопределенность, как раз тесно сопряженную с явно не покорной науке трансцендентностью.

Философское знание — знание более высшего, но и более неопределенного порядка, непосредственно выходящее на трансцендентность и имеющее с ней дело, ее не только не избегающее, но и прямо предполагающее, что не дает философии абсолютно доказанных истин — точных истин, но позволяет, при выходе в бес-*предель*-ность, вырабатывать воспринимаемые живым сознанием сокрытые от непосредственного узнавания *истинности* (отсюда философия есть не столько знание о точных истинах, как та же наука, сколько знание о неявляющемся, а потому и неопределенном, *истинном*, правда, знание, не претендующее на верообусловленную бесспорность).

Сакральное знание — знание самого высшего порядка, знание не столько о точных, сколько о неоспоримых истинах, потому сознательно догматизированное, ибо это есть знание о незнаемом, что то же самое — *запредельное знание* (речь здесь идет уже не об освоении человеком непокорного трансцендентного, как это происходит в философии, а о явлении познающему сознанию самого по себе трансцендентного, хотя и в нетрансцендентной упаковке).

Разумеется, приведенное разграничение знаний А, Б и В весьма условно, но если учесть характерные для А, Б и В эпистемологические сгущения, то на подобное разграничение можно и согласиться, — памятуя, конечно, об известной экспликативной вынужденности столь схематического представления сложной онтолого-гносеологической проблемы.

3. Приведенное выше рассуждение о типах знаний позволяет сделать кое-какие заключения относительно политической экономии и ее весьма драматической судьбы. До тех пор пока политэкономия не порывала с сущностным уровнем бытия и рассуждений о нем, она, будучи в основе своей материалистической, располагалась в пределах той смысловой сферы, которая характерна для научного знания вообще. Но испытывая с неизбежностью познавательные пределы, свойственные в

принципе науке, она не могла дать, отвергая в реальном бытии идеальное и трансцендентное, достаточно адекватного отображения социальной действительности, вовсе не сводимой к чисто материальной субстанции и механическому устройству. Отсюда неизбежный кризис политэкономии, замеченный еще в конце XIX в. и весьма живо тогда обсуждавшийся. Попытки найти новые парадигмальные решения в пределах самой политэкономии, как и попытки корректировки ее предмета, не дали необходимых живительных результатов — пришлось политэкономии решиться на еще большую сциентизацию, т. е. окончательно освободиться от оставшегося в ней метафизического груза (через забвение проблемы сущности) и все больше втягиваться в поверхностно-количественное феноменологическое отображение экономической реальности. В итоге случилось то, что и должно было случиться: *вырождение политэкономии*, окончательно принявшей образ того замысловатого монстренка, что условно называется сейчас экономиксом. И если политэкономия занимала когда-то хоть и ограниченное, но все же расширенное по вертикали знаниевое пространство, то современному экономиксу, лишенному всякой сущностной начинки, достается уже лишь прямая (нулевая) горизонталь. Экономикс — не политэкономия, а если это и политэкономия, то настолько уже сущностно опустошенная, что таковой она уже никак быть не может.

С.Н. Булгаков, а соответственно и любой ученый, кто вступает в зону философии хозяйства, выходит за пределы политэкономии, ибо выходит он за пределы науки как таковой. Слово «философия» здесь означает не привлечение какого-то иного метода для познания все того же неизменного предмета, а выход за рамки уже самого этого предмета, т. е. выход, если так можно выразиться, в *иной мир* — мир одновременно материального и идеального, являющегося и сокрытого, феноменологического и сущностного, имманентного и трансцендентного, физического и духовного, механического и организмического, посюстороннего и потустороннего, опытного и воображаемого, практического и сакрального. Хозяйство для философии хозяйства вовсе уже не то хозяйство, что для политэкономии, не говоря уже об экономике. Булгаков и все философы хозяйства занимаются разрешением сложных хозяйственных проблем, ставя перед собой задачу более полного понимания человека,

общества, жизни, мира, вовсе не для того, чтобы найти новую парадигму для политэкономии. Искать таковую посредством и уж, тем более, в рамках философии хозяйства примерно то же самое, что искать в мире свободы оправдание тюремной неволи. Политэкономия сама себя загнала в тупик, но не столько даже вследствие своей собственной аксиоматики, сколько по причине той более общей аксиоматики, которая вообще характерна для науки. И дело здесь не в том, что кто-то из политэкономов серьезно ошибся в исходных ориентирах для любимой науки, а в том, что предмет политэкономии оказался, как его не крути и не подстраивай под нужды познающего субъекта, *принципиально не научным*, во всяком случае, *далеко не только научным*, а потому ничего, кроме *разрыва политэкономического знания с отображаемым им предметом* произойти в итоге не могло. Вот и порвал Булгаков, хотел он того или нет, с политэкономией — а что ему оставалось в таком разе делать?

Булгаковская философия хозяйства, как и любая другая полноценная философия хозяйства — не политэкономия. И не надо искать у Булгакова собственно политэкономических разрешений, что не значит, конечно, что булгаковская, как и любая иная философия хозяйства не может дать удовлетворительных ответов на многие вопросы, которые ставит политэкономия, как и не способствовать развитию собственно экономического знания. Философия хозяйства — не продолжение политэкономии, тем более не ее особая версия, да и не методологическая вспомогательница политэкономии. Это совсем *иное* знание. Философия хозяйства не просто тесно в рамках политэкономии, не только в ней неуютно, — ей вообще противопоказано в ней быть — как той же свободе в той же самой тюрьме. Однако, возможно ли плодотворное взаимодействие философии хозяйства и экономической науки, прежде всего в ее теоретической части? Почему нет? — Конечно, возможно! Но для этого экономической теории необходимо всерьез считаться со всем качественным разнообразием мира, человека, общества, жизни, хозяйства, экономики, не ограничивая себя насильственно лишь материально-механическим контекстом. Так, автором данных строк уже создана *теория хозяйства*, нашедшая воплощение в трехтомной монографии-учебнике «Теория хозяйства» (1995, 1997, 1998), где дается иная, чем это характерно для политэкономии, и уж тем более экономикса, теоретическая трактовка

хозяйства и экономики. Данная теория обязана своим происхождением философии хозяйства, но сама по себе она философией хозяйства не является и являться не может, ибо это не философия в полном смысле этого слова, а именно *теория*, т. е. целостное, замкнутое на самое себя смысловым образом, знание, претендующее не некоторое внутри себя законченное, пусть и не самое точное и окончательное, отображение реальности (в конце концов всякая теория есть целостный свод смотрящихся друг в друге *категорий*). Философия хозяйства есть более всего вольное рассуждение о неуловимом и вечном, а теория хозяйства — ответственное представление о так или иначе уловленном, хоть и временном.

Но почему же все-таки теория хозяйства, а не новая политическая экономия?

Во-первых, потому, что здесь сначала хозяйство, а потом уже, внутри хозяйства, экономика. Во-вторых, потому, что «политическое» здесь не только не в доминанте, но и вообще отсутствует в роли фундаментального предиката (а в самом деле, что есть «политическое» в политэкономии?). В-третьих, здесь нет буквального продолжения политической экономии в ее органичной фундаментальной парадигме, хотя и содержится многое, что присутствует так или иначе в политэкономии. Короче, теория хозяйства не просто вышла из политэкономии, ее значительно при этом отрицая, но и *существенно* от нее *отошла*, став вполне самостоятельным по отношению к политэкономии знанием (как А. Маршалл в свое время ушел от названия «политическая экономия», склонившись к «экономиксу», так и нам пришлось уйти, правда, совсем в другую сторону, от политической экономии, утвердившись в теории хозяйства).

И все-таки: возможна ли новая политическая экономия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хорошенько убедиться в том, что есть собственно политическая экономия? Что вообще стоит за этими двумя словами — *экономия* и *политическая*? Ведь не секрет, что по своему содержанию развитая политическая экономия мало чем напоминает ту науку, которую когда-то Монкретьен определил как политическую экономию (науку всего лишь по сути о государственном бюджете). Если за словами политическая и экономия скрывается, к примеру, социальная организация хозяйственной жизни, то почему же тогда не говорить хотя бы о *социальном хозяйствоведении*, а уж

если во главе угла оказывается экономическая организация общества, то почему же тогда не говорить о той же *социальной экономии*? Что же, не исключено, что основное внимание в рамках политэкономии должно быть уделено, допустим, производству и распределению экономических доходов, что совсем и не плохо, то зачем тогда в политическую экономию запихивать и все остальное, что присутствует в экономике, не говоря уже о хозяйстве? Короче, здесь надо определиться, поставив какие-то оправданные пределы: или то, или это! Мне же кажется, что все вопросы, которые могут быть априорно отнесены к собственно политической экономии, или к любой политэкономии в более узком смысле слова, вполне могут быть рассмотрены в той же *теории хозяйства*, и нет никакой необходимости продолжать уже изрядно надоевшую политэкономическую круговерть: что с названием специфического знания, что с предметом познавательного интереса, что с аксиоматическими инициациями, что с содержательными итогами. Не достаточно ли уже попуталось ученое сообщество в непроходимых сетях политэкономии?

Политэкономия уже сказала свое веское слово, потерпев, на мой взгляд, весьма весомую неудачу в онтологическом плане, ибо подошла к объекту своего интереса с зауженными онтологическими и эпистемологическими посылками, но зато преуспев в плане операциональной адаптации хозяйствующего человека по линии борьбы с природой и за преобразование мира, с бедностью и за обретение богатства, с тягостным ручным трудом и за облегчающую труд технику, с ограниченным практическим опытом и за безграничную науку, с устаревшей натураномикой и за обновляющую все и вся экономику, с архаическим государством и за свободу хозяйственного действия, с общинным сотрудничеством и за эксплуатацию человека человеком, со слабым личным хозяйствованием и за могущественный капитал, со скромным необходимым продуктом и за величественный прибавочный продукт, с удовлетворением всего лишь насущных потребностей и за безграничное накопление денег и т. д. и т. п. И разве это операциональное, оно же и идеологическое, слово не было воистину веским, причем *революционно* веским — сначала в пользу денег и буржуазии, а затем и против денег и буржуазии, но зато за обилие потребительных благ и за пролетариат? Кто только не увлекался в течение царственного двухсотлетия политэкономией, кто только не чаял

найти в ней ответы по поводу цели жизни — что личной, что общественной! И никого, надо заметить, не волновала слишком действительная онтология, никого особенно не задевало зияющее несоответствие между реальностью и ее политэкономической трактовкой, что обнаруживалось, правда, лишь при внимательном ознакомлении с политэкономией и с самой реальностью (ведь не трудовые же везде были оценки, не по полезности же определялись цены, не рынок же все решал, не конкуренция же везде главенствовала!..). Дело было, значит, не в реальности и не в ее онтологическом отображении, а в чем-то другом, а именно (sic!)… в *изменении реальности*, что, собственно, и волновало, по сути, политэкономию (уже не потому-то ли она долгое время оставалась именно «политической»?).

И вот тут следует парадоксальный вывод-вопрос: была ли когда-нибудь политэкономия собственно наукой, во всяком случае, в своей, так сказать, главности? Или же политэкономия была всего-навсего ловко сотканной идеологией? И уж не скрытой ли философией хозяйства, хотя и намеренно куцей, просуществовала на самом деле политэкономия? И размышляя над этими вопросами, мы не можем не придти к довольно-таки лукавому в своей неожиданности утверждению, что политэкономия была не столько в полном смысле слова наукой, сколько лишь внешне онаученной, но зато весьма выверенно идеологически сориентированной философией, а лучше сказать, *квазифилософией*, но не хозяйства, даже и не экономики, а всего лишь поведения человека в сфере хозяйства-экономики. Такая политэкономия не тянула ни на хозяйство как таковое в его многогранной целостности, ни на собственно философию в ее мировоззренческом и творческом многообразии. И вот тут, кажется, приоткрывается тайна названия обсуждаемого нами знания, ибо это была и есть, по-видимому, именно *политическая экономия*, мало того, пожалуй, что и *наука*. Одно дело — название, совсем другое — содержательная эзотерика называемого. Не философия здесь в ее полноценности, а потому и всего лишь «наука», не онтологическое здесь более всего знание, а идеологическое — вот поэтому-то оно и «политическое», не хозяйство тут в его всеединой целостности, а всего лишь «экономия», т. е. особого рода хозяйство — экономическое, вот почему по преимуществу и экономия. Наука тут, хоть это и не наука вовсе, экономия здесь, хоть и не все здесь экономика, не все тем более

хозяйство; политическая тут наука, хоть и не прямо здесь присутствует политика. Не о чем-то субъективном приговоре стоит нам в связи со всем этим говорить, а об адекватном Новому Времени, эпохе Модерна и Модернизации, периоду торжества науки и вполне человеческой демиургии, знаниевом феномене нам присуще говорить, том самом феномене, который даже сам себе никакая не онтология, ибо что о нем самом можно сказать онтологически определенного — то ли это наука, то ли философия, то ли идеология, то ли еще что? — но который оказался очень и очень деятельным, даже и эффективным, пожалуй, что и эффективным. Но рано или поздно приходит суд, в том числе и на эффектное, и этот суд, похоже, пришел, который во многом и самосуд, — и вот суда-то этого, этого-то самосуда, политэкономия, надо полагать, и не выдержала, как-то потихоньку покинув мировую интеллектуальную сцену, утонув незаметно в библиотечных глубинах. И хорошо! Пришло время иных поползновений на истину, а может, и ее новых искажений. Не уверен, что можно вычистить политэкономию, отфильтровать, осовременить, затем и возродить. Совсем не уверен я и в том, что возможна новая политэкономическая парадигма — допустим, постиндустриальная, какая-нибудь информационная. Вряд ли! Разумеется, мы не за то, чтобы совсем закрывать вопрос, тихо себе посмеиваясь, мы за любые творческие начинания, пусть даже и собственно политэкономические, но прежде чем идти безоглядно вперед — неплохо бы задуматься над тем, чем в *действительности* была и остается пока политэкономия, как и над тем, надо ли непременно оживлять именно *ее* охладевшее тело?

P.S. Впрочем, если есть великая потребность в псевдонаучной и квазифилософской идеологии, яростно зовущей вперед, то почему бы не воссоздать политэкономию, правда, почему же непременно с этим названием?

М.А. РУМЯНЦЕВ

Интенции философии хозяйства (Философия хозяйства. 2004. № 6)

Интенция первая. Проблема идеального в экономике и в хозяйстве. В постулате о различении экономики и хозяйства прозрачно проступает вполне определенная направленность мысли на идеальное — на его «тайну и разгадку»

(Э.В. Ильенков). Особая для экономики роль денег сразу помещает в фокус внимания теоретика идеальные денежные феномены, такие как «вменение» стоимости и цен субъектами экономической власти, «виртуальность» и «миражность» всего стоимостного, денежного, оценочного. Все экономическое — идеально, все идеальное — «в головах людей» как деятелей экономики. А все ли идеальное содержится «в головах»? Может быть, идеальное есть и «между головами», а то и выше? Иными словами, доминирует ли идеальное в одной только экономике или же и в хозяйстве тоже? Ясно, что труд — деятельность целесообразная: «в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» (К. Маркс). Столь же ясно, что идеальные представления хозяйственного субъекта отнюдь не сводимы к его индивидуальному сознанию. Они суть феномены общественно значимых форм мысли и даны в коллективном или соборном представлении людей. Даны человеку, стало быть, не произвольно, а, скорее, принудительно. Хозяйство еще в большей мере, чем экономика, пронизано идеальными нормативами — образами, смыслами, символами и ценностями, которые и рождают исторические индивидуальности хозяйства. Коль скоро это — так, то диалектика идеального побуждает идти дальше и размышлять не о феноменах идеального, а о его природе, о трансцендентном.

Интенция вторая. Проблема трансцендентного. Здесь философия хозяйства необходимо *пре*-ступает пределы науки. Рассуждение о трансцендентном — это *пре*-ступление против сложившегося респектабельного дискурса позитивной науки. Да и против «научного сообщества» тоже. Однако идеальное в бесконечном ряду своих проявлений и символов неуловимо. Чтобы обнаружить «самое-самое» (А.Ф. Лосев) идеального, требуется выйти за пределы видимого и верифицируемого в научных терминах мира. И философия хозяйства в поисках собственного первоначала вступает на зыбкую почву метафизики, в область софийных и потусторонних ценностей. Философия хозяйства опознает себя как стадию манифестации духа, духовного начала мироздания. Идеальное, материальное и само хозяйство оказываются воплощениями духа, мирового смысла, Софии. Но на этом пути философию хозяйства поджидает своего рода «метафизическая ловушка». Дух ведь может оказаться

не сверхмирным, а междумирным, пребывающим в междумирии между материей и идеей — как каприз саморефлексирующего разума. Например, древние гностики немалую пневму (духовную способность) имели, да все равно обознались: искали Софию — Премудрость Божию, а нашли только Ахамот — страдающий в тенетах материи дух падшей мысли человеческой. Ту же самую оказию метафизики «для себя» выразил К. Аксаков:

В тарантасе, в телеге ли,
Еду ночью из Брянска я,
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская.

Любая метафизическая «дума» стремится выйти из дурной бесконечности ничто в реально-бесконечное Нечто, обрести подлинность и силу Всеединства, самоопределиться во всеобщем. Как самоопределяется философия хозяйства?

Интенция третья. Власть и империя. В поисках своей идентичности философия хозяйства совершает неожиданный разворот — к империи, к власти. Власть идеи и идея власти неизбежны для философии хозяйства, овладевшей метафизикой мироустроения. Философия хозяйства ищет своего бытия в империи и во власти, потому что другого исторического бытия ей не дано. Если экономика — это область власти химерического, виртуально-прелестного, то остается хозяйство — область власти кесаря, самодержца. Или — или. Или власть у злата и денег, или — у булата, у меча-кладенца, у государя. Тогда действительно по Лермонтову выходит:

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие.
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.

Не псевдообъективные законы экономики и не принципы гуманизма-релятивизма, а именно и только грозный царь персонифицирует в империи правду и суд: пред ним равно виноваты и неправедный бюрократ-опричник, и самолюбивый купец-рыночник. Слишком самовластными они оказались, нарушив незыблемый порядок жизни: максимизировали личный интерес, однако. Противление злу экономизма силою — вот правда и

историческое оправдание философии хозяйства. Но тогда возникает более сложный вопрос.

Интенция четвертая. Метафизика зла и метафизика блага. Зло многообразно в своих временных, преходящих личинах, интерпретациях и симулякрах. Глобализм и постмодернизм, ростовщичество и виртуализация, неоязычество и нейролингвинистическое программирование — все это только современные проявление зла. Но может ли философия хозяйства ограничиться только опознанием и преодолением конкретных видов зла? В самом деле, не убогий же и даже по- своему честный, хотя и стерильно бесплодный постмодернизм воплощает в себе все мировое зло. Бывали бесы и покрупнее. Волей-неволей, а придется философии хозяйства распознавать корень зла, его метафизику, ставить «последние вопросы». Ответы на эти вопросы уже были даны Отцами Церкви. Зло, как известно, не обладает собственным бытием (субстанцией), оно — небытийственно, и потому паразитирует на бытии (благе) подобно болезни, паразитирующей на здоровье. Недаром черт, обольщавший Ивана Карамазова, страстно мечтал воплотиться в «семипудовую купчиху» и так на дарованном ей благе жизни обрести бытие.

Во избежание соблазна Великого Инквизитора, взгляд на зло через его отрицание — благо — крайне необходим для философии хозяйства. Благо нельзя распознать философическим или социологическим мышлением — в нем можно только быть (или не быть). Благо, как и истина, есть благодать, которую не обретают посредством рассуждений, а получают в дар. Как раз по этой причине истинно одно только софийное мышление: ведь его получают в дар от Творца. В конце концов, философия хозяйства окажется «служанкой богословия», какой бы реакционной ни показалась эта миссия интеллигенции и «гуманистам».

Резюме. Трагизм философии хозяйства**.** По-видимому, адепты философии хозяйства обречены на одиночество, даже и в случае грядущей возможной империи. Творчество нового знания, выходящего за границы Традиции и при этом способного выдержать моральный суд Традиции, оставляет философию хозяйства недосягаемой и непонятной для «современности». Но дело не в этом. Перед тем, как попасть в светлый и благой Космос хозяйства, требуется совлечь с себя одеяния повседневно-

сти — «кожу бытия» — и ощутить Другого, а это всегда больно:

Чем ночь темней — тем ярче звезды.
Чем глубже скорбь — тем ближе Бог (А. Майков).

Без страдания и одиночества не будет ни философии, ни хозяйства. Одна только экономика. Или «баня с пауками», что, впрочем, одно и то же.

С.Ю. СИНЕЛЬНИКОВ

Политическая экономия и философия хозяйства: общее и особенное, сходное и различное (Философия хозяйства. 2004. № 6)

Моим Учителям посвящается

Раскрытие заявленной темы, соблюдение необходимого уровня корректности предполагают и ряд принципиальных пояснений и оговорок.

Так, *политическая экономия*, какой бы школой она ни была представлена, должна быть отнесена, скорее всего, к творчеству коллективному, вошедшему в исторический раздел развития обществоведческой мысли.

Философия хозяйства в ее современном образе и виде, напротив, являет собой авторское и оригинальное учение, имеющее под собой прочную школу политико-экономического и философского образования экономического факультета МГУ периода 60—80-х гг. XX столетия.

С подобными уточнениями принципиальная сравнительная характеристика политической экономии и философии хозяйства представляется достаточно корректной, что, в свою очередь, подразумевает необходимость освещения, по крайней мере, следующих базовых вопросов: *объекта и предмета исследования*, его *метода* и *места* самого познающего субъекта.

Объект и предмет

Политическая экономия на языке марксистской школы в широком смысле этого понятия не избирала своим непосредственным объектом системное исследование глубинного отношения «человек — природа», не отрицая при этом прямо его наличия и эволюцию в рамках капиталистического способа производства.

Правда, было отмечено, что машина явила собой новое качество в отношениях человека и природы, разорвав их непосредственную связь, определявшую в течение тысячелетий природный, органический образ жизни человечества. Наступила новая эра развития человечества, в которой единый «кругооборот» жизни был разделен на два «подотношения»: «человек — машина» и «машина — природа». Тем самым была сформирована основа для механизации и ломки природного ритма жизни человека, его постепенного подчинения самой машине и превращения первого в простой придаток последней, ее стандартизированный винтик. Изменилось и само соотношение сельскохозяйственного и промышленного труда, поскольку первый стал лишь подвидом, разновидностью второго, окончательно приобретя статус второстепенного. «Человек природный» превратился в «человека промышленного», а затем «homo economicus» (экономического), подчиненного и ориентированного исключительно на производство (и воспроизводство) стоимости и разнообразных благ, облекаемых в ее форму. Самоценность человека сменила его ценность лишь в качестве субъекта, воспроизводящего стоимость и ее властные мировые принципы. Тем самым свершилась тотальная экономизация и самой человеческой жизни.

Философия хозяйства» берет отношение «человек — природа» и «человек — машина — природа» уже как данное, но рассматривает его принципиально по-новому. Во-первых, в историческое развитие человечества органично привносятся космическое и теологическое (божественное) начала. Причем важность (если не сказать исходность) космического элемента, качества в развитии человеческой жизни на нашей планете не отрицается и органично подразумевается и предполагается. На языке гегелевской философии это можно было бы озвучить следующим образом: «человек космический» (homo cosmicus) мог бы стоять у истоков земной человеческой цивилизации, внутренне присутствуя и в «человеке разумном» (homo sapiens), и в «человеке экономическом» (homo economicus), и, наконец, в «человеке планетарном», устремившем свои взоры вновь за пределы Земли и в просторы нашей Солнечной системы, Вселенной и бескрайнего Космоса. Тем самым за человеком признается полное право быть носителем самых различных и внешне противоречивых качеств и начал: космического (бого-

подобного) и природного (животного), что в современном мире приобретает качества человека глобализированного (обезличенного и виртуализированного).

Во-вторых, внимательный, взвешенный и глубокий анализ современных веяний развития нашей цивилизации с позиций философии хозяйства позволяет констатировать качественные изменения, происходящие в отношениях человека и природы. На цивилизационной арене появился принципиально новый, четвертый, элемент — искусственный разум, интеллект, компьютер, внедренный и опосредующий самое главное — диалог человека и окружающего его мира. Результаты этого процесса чрезвычайно сложны, неоднозначны и противоречивы. И заключаются они *не столько* в качественном росте интеллектуальной мощи человечества, в преодолении разрушительных, катастрофических последствий воздействия стихийных, природных и космических сил, *сколько* в дальнейшей ломке природного ритма человеческой жизни, уже серьезно подорванного на урбанистически-машинизированном этапе развития общественного производства. Сам ритм жизни населения современных мегаполисов, где концентрируется все большая часть населения Земли, становится еще более искусственным и даже болезненно виртуализированным. Таким образом, отношение «человек — природа», превратившееся в XIX—XX вв. в отношения «человек — машина» и «машина — природа», принимает окончательный и более сложный и дискретный вид: «человек — компьютер», «компьютер — машина» и «машина — природа». В результате возникает парадоксальная ситуация, при которой общественная коллективная и корпоративная производительная сила человека труда существенно возрастает, принимая зачастую планетарный характер, в то время как индивидуальные, личностные и духовные качестве человека в той же степени относительно понижаются и деградируют столь же бурно.

Метод

Политическая экономия — преклонение перед абстрактным. Базовым методологическим инструментом политической экономии по праву считается *диалектика*, или метод познания действительности в ее противоречивости, целостности и развитии, метод, берущий свои начала в диалектике Г.В.Ф. Гегеля, развитый в рамках марксистско-ленинской политической эко-

номии и завершенный политической экономией социализма (в основном представителями школы Н.А. Цаголова)[2] . Правда, в процессе своей эволюции диалектика претерпела существенные изменения и к окончанию периода существования Союза ССР и мировой социалистической системы приняла, к сожалению, схоластически завершенный вид.

Научное осмысление окружающей реальности (включая экономику) происходило посредством рассудочного разложения конкретного на более простые, однобокие, абстрактные категории и понятия, которые затем сводились и складывались в некие системы и разумно отстраиваемые структуры, логически стройные и внутренне стремящиеся к своему завершению. Создавались пирамидальные структуры, по ступенькам которых познающий субъект (исследователь), строго направляемый и руководимый, должен был подниматься к их вершинам, чем и завершался акт познания. Не случайно поэтому подобные системы характеризовались чрезвычайной тоталитарностью и агрессивностью, политизацией и поляризацией научных позиций и точек зрения. Любое суждение, отличное от уже принятых, свободное волеизъявление исследователя рождало, как правило, массу противоположных и зачастую агрессивно враждебных высказываний, откликов и мнений. Вся сила мыслительного процесса расходовалась, таким образом, на нисхождение от конкретного к абстрактному и оперированию этими однобокими (пустыми) понятиями и категориями. На обратный процесс — осознание конкретного как мыслимого и чувственного — сил у исследователя уже не оставалось. В результате сформировался целый слой научных работников и преподавателей, которые «как рефлектирующие и сомневающиеся» уже не могли быть активными в мире, поскольку были (и остаются) погруженными в ослабляющее их самораздвоение, они не уверены в той активной, творческой силе, которой могли бы воздействовать на окружающий их мир. «Творческий акт познания, преодолевающий границы и препоны, сможет совершать лишь твердо уверенный в своей познавательной силе, лишь цельный, а не раздвоенный» [1, 66—67].

Философия хозяйства представляет современному научному миру принципиально иной подход и метод познания ре-

[2] Особенно К.П. Троневым и В.П. Шкредовым.

альности, поскольку реальная действительность исходно берется в своей полноте и целостности, свободная от расчлененности посредством рассудочно-разумной деятельности познающего субъекта. Познание конкретной реальности осуществляется познающим субъектом, органично соединяющим в себе деятельную, творческую личность созерцателя и мыслителя, хозяйствующего и размышляющего одновременно, постоянно погружающегося в реальность и в ней пребывающего, что и должно приводить «к вытягиванию» реальности из самого предмета и объекта познания.

На смену традиционной диалектике приходит, по мнению Ю.М. Осипова, *полилектика*, органично соединяющая субъект и объект познания и снимающая тем самым жесткое противоречие, присущее диалектическому способу постижения реальности. Тем самым философия хозяйства принципиально ослабляет фактор агрессивности и деспотичности, свойственный политической экономии, одновременно сохраняя энергетическую наступательность и способность к принципиальному, глубокому, полемическому противоборству. Правда, эти ее свойства переносятся уже в сферу *метасмыслов*, или смыслов, имеющих знаковую ценность, открывающих и указующих познающему скрытую дорогу к постижению *еще более глубинных смыслов*.

Полилектика несет в себе возможность *органичного сращивания высокого, светоносного знания-размышления с плодоносным знанием*, рождающимся в результате постоянного поиска *знакового конкретного*, ведущего к осознанию глубинных смыслов и к приближению в постижении Замысла. Особое качество нового знания, представленного в философии хозяйства, заключается в стиле познания — особом *знании-размышлении*. Иными словами, современная философия хозяйства — это уже и не философия, и не экономика в привычных нам определениях и понятиях, и тем более — не нечто серединное, промежуточное, эклектически объединяющее философские и экономические категории и понятия.

Философия хозяйства как современное и развивающееся знание не имеет строго очерченного предмета, обязательной методологии, какого-либо приоритетного стиля, она не стремится к нарочитой системности и назидательной диалектичности, ей не свойственна жесткая конструкционность, она не претендует на дискурсивную логичность и доказуемость. Вместе с

тем она — не аморфна и калейдоскопична, изначально системна и диалектична, не лишена своей завуалированной архитектоники, собственной логики и ненавязчивой убедительности. Философия хозяйства — это знание-размышление, свободное, возникающее и творящее, в чем-то импровизационное, но знание — соорганизованное и даже дисциплинированное (и дисциплинирующее), знание-течение, которому «свойственны и контуры, и знаки, и узелки, и связки, и векторы, и строения, да мало ли что может быть присуще реалистично движущемуся и едино развивающемуся знанию» [1, 8—9].

Иначе говоря, философия хозяйства — знание творческое, по своей природе свободное, поскольку его пути нигде прямо не указаны и не определены. В противном случае творчество в знании «было бы просто послушанием, а не антропологическим откровением, которое Бог ждет от человека, сокрыв от него во имя богоподобной природы человека его пути творчества и оправдание творчества» [2, 110—111].

Взаимные отношения субъектов познания

В плане установления качественно новых взаимоотношений между участниками познавательного процесса *философия хозяйства* несет в себе черты действительно новой философии, нового знания, принципиально отличающегося от привычной позитивной доктрины, выстраиваемой на основе прагматических и схоластических доказательств, доктрины, направленной на оправдание (или критику) существующего или уходящего общественного строя, а не на прозрение в будущее человеческого общества.

Обучение философии хозяйства сродни ненавязчивому и почти сакральному введению в смысловое поле, а не обучению и тем более утомительному талмудированию разноообразных сборников инструкций. Главное заключается в разносторонней подготовке к самостоятельному видению реальности, а не в простом усвоении готовых и устоявшихся дефиниций и сентенций. Базовый принцип здесь — «каждый по-своему, каждый о своем, потаенном и сокровенном» [1, 9].

Новая философия представляет по сути некое интуитивное общение и формулировку ключевых положений в достаточно узком кругу единомышленников, людей философических и творческих. Элитарность подобного общения не имеет ничего общего с какой-либо дискриминацией или высокомерием, гор-

дыней и самомнением, как, к примеру, нельзя признать высокомерным игру-общение музыкантов и слушателей, обладающих прекрасным и даже абсолютным слухом. Иные, этими качествами не обладающие, могут, конечно, глубоко сопереживать, сочувствовать, но адекватно воспроизводить услышанное и, особенно, повторить подобное они от природы просто не в состоянии. Это означает и чувственное, и органичное, гармоничное и глубокое прочувствование, и оценку всех нюансов, полутонов и оттенков, звучащих в исполняемых музыкальных произведениях.

Правда, следует отметить, что сохраняется и определенная специфика общения в рамках единого смыслового поля, формируемого новым знанием-размышлением, знанием-течением, присущим философии хозяйства. Заключается это в достаточно высоком уровне обладания и владения навыками и наработками, включающими разностороннее знание исторически предшествующих философских и экономических течений, школ и учений.

Поэтому именно люди, тонко чувствующие, люди духовные, глубоко образованные, люди, обладающие житейским опытом, мудрые и деятельные призваны находить все более совершенные формулировки истины, интуитивно прочувствованные и увиденные, находить и синтезировать общие и краткие формулы и формулировки. Именно совершенство последних и исходящий от них свет должны стать наиболее убедительным, обаятельным и заразительным размыслительным оружием. И, вообще, новая философия-знание предполагает общение высокое, основанное преимущественно на начальных и конечных интуициях, а не на серединных постулатах дискурсивной мысли, осознавая себя познавательным мятежом духа против плена необходимости и рабства, закрывающего тайну и смысл бытия [2, 64].

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. Примерная программа. М., 2003.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Философия творчества, культуры, искусства. Т. 1. М., 1994.

В.И. КОРНЯКОВ

Философия хозяйства и политическая экономия: разные науки на одном рубеже (Философия хозяйства. 2005. № 3)

О «мостках», завалах и прогнозах. Сегодня вполне естественные поиски разграничительных линий между кровнородственными соседями — философией хозяйства и политической экономией — нередко сопровождаются их взаимной критической перестрелкой. Пожалуй, плотность огня выше со стороны философов хозяйства. У меня, политэконома, это не вызывает отторжения: полагаю, этот обстрел — на пользу политэкономам, причем он мог бы быть и плотнее. Ибо как буржуазная, так и марксистская политэкономия сегодня обременены зияющими сокрушительными беспрецедентными провалами.

Достаточно сказать, что марксистская ветвь не смогла обеспечить своему главному детищу — советскому социализму — надежную поддержку собственного народа, приватизаторы практически без сопротивления растерзали его, недавние ударники коммунистического труда дружно отдали «свою» собственность за ваучеры. По меньшей мере, столь же беспомощна и буржуазная ветвь. Теперь это достоверно известно широкому кругу российских экономистов. Преподавание и применение буржуазной политэкономии в России, особенно последствия этого применения, стали серьезным ударом по статусу экономической теории, политической экономии (см., напр.: [1]).

Невеселая правда заключается в том, что политическая экономия, экономическая теория сегодня решительно не «тянут» не только на «науку первого сорта», но даже, по шутливой классификации соавтора великого Л.Д. Ландау профессора А.И. Китайгородского, и на «науку второго сорта». К «первому сорту» автор классификации относил науки, которые могут не только объяснять настоящее и прошлое, но и адекватно предсказывать будущее; ко второму — те, которые бесплодны в смысле предвидения будущего, но в состоянии как-то объяснять настоящее, и, наконец, к третьему — те, которые в силах как-то разъяснять одно лишь прошлое. Я, воспитанник школы политэкономии МГУ, пока что не собираюсь покидать свой из-

дырявленный, но родной корабль[1], тем более в ситуации, можно сказать, кораблекрушения. Но не могу закрывать глаза на то, что ей, политической экономии, для того, чтобы подняться вровень с эпохой, требуются прямо-таки фундаментальное очищение-обновление, новое качественное развитие, более высокое взаимодействие с современным знанием — от современной философии, философии хозяйства до информатики. И, конечно, нужна открытость критике, даже когда она кажется не очень справедливой.

Сейчас происходит осмысление как «мостков», так и завалов между двумя науками, их будущего соотносительного развития и вообще будущего их самих. Дело это, несомненно, трудоемкое и долгосрочное, но уже прозвучали некоторые прогнозы. Озвучивал свою позицию и я. Писал, что я — против торопливости и таких прогнозов, и их реализации. При этом я в особенности упирал на тот факт, что данная работа ныне ведется (вынужденно) в неблагоприятной, даже чрезвычайной обстановке, когда для ее (работы) проведения и тем более для строго научного завершения *отсутствуют надлежащие предпосылки*. И это не компромиссная отговорка, а позиция по существу проблемы.

Неблагоприятности. Начну вроде бы издалека: в сфере экономического-хозяйственного знания ныне недостает или даже нет условий для скрупулезно строгого получения научной истины. Сегодня это невозможно, причем по совокупности целого ряда самых разных, весомых обстоятельств. Хотя бы вследствие безотрадной картины, сложившейся на ниве научной экономической логики.

С.Г. Кара-Мурза недавно весьма подробно и предметно показал нам всем, что наше поколение экономистов во многом утратило главное оружие отцов-основателей — научную логику. В нашей среде стало обычным грубо ее нарушать без опас-

[1] Главное, что и меня, и многих других, «держит» в политэкономии — это красота логики «Капитала». На мой взгляд, это — богатство человечества навсегда. Хотя во все времена есть и не согласившиеся, не убежденные, — это для науки нормально. Мне остается непонятным присоединение Ю.М. Осипова к сторонникам наличия противоречия между I и III томами «Капитала»: как раз в этом-то вопросе у Маркса — не только вербальные, но и математические доказательства. А математика — форма логики, причем, по выражению академика Я.Б. Зельдовича, логики очень сильной.

ности подвегнуться не то что цеховому остракизму, но даже облегченным упрекам в том, что тем самым мы перестаем быть научным сообществом. Я лично отношусь к этим анализу, выводам с немалой болью, удручен вялостью откликов на выкладки С.Г. и считаю, что для всех экономистов дело профессиональной чести — преодолевать нигилистические настроения теоретической вседозволенности и безответственности, идти к такой ситуации, при которой «А», сказанное одним из коллег, откликалось бы *у всех других* положением «В», но никак не «С» или «D». Без этого абсолютного верховенства научной логики какие бы то ни было углубленные дискуссии не будут вполне плодотворными.

Современная глобальная обстановка представляется пылающим домом, что так ярко показано в ряде фундаментальных публикаций ЦОН. Предпринимая ту или иную научную акцию долгосрочного плана, пора начать спрашивать себя: а успею ли я это, во-первых, сделать и, во-вторых, получить научно-практическую отдачу. Иначе говоря, разумно ли я действую в свете открывающихся фактов, складывающегося положения. Но не только это. Разве не вдвойне императивно сейчас сосредоточение научных сил, прежде всего, для гашения горящего дома человечества? Разве все другие задачи социальных наук не переподчиняются сегодня этой сверхглавной задаче, обретая в данном переподчинении тот или иной вчера еще немыслимый контекст, ранг?

Есть и другие обстоятельства, которые — когда косвенно, когда прямо — предопределяют для таких родственных наук, как философия хозяйства и политэкономия, путь скорее трансграничного дружества, нежели споров о рубежах-границах. Но ныне над всеми названными мною здесь и в других выступлениях факторами все грознее вздымается новый, о котором пока еще мало что сказано, но который должен бы (должен будет), считаю, всецело захватить творческое воображение как философов хозяйства, так и политэкономов. Причем рубежи обороны-деятельности впору строить, в первую очередь, философам и теоретикам хозяйства, но им никак не обойтись (с позиций содержания проблемы) без политэкономов. Здесь сам новый фактор, его природа, его диалектика крепчайше соединяют усилия обеих рассматриваемых наук.

Перед нами на глазах растет бездна, наши общие усилия по перекрытию которой можно обозначить словами: *спасать спасателя.*

Развитие «бегства от труда». Начну с того, что одна из разделительных линий между политэкономией и философией хозяйства проходит через подход к личному фактору (труду, рабочей силе, самому работнику), его осмысление. Философов хозяйства не устраивает традиционный политэкономический подход с его упором на рабочую силу, современные системы материального стимулирования, с «экономизацией» человеческой личности (вплоть до *homo economicus)*. Философия и теория хозяйства, считают они, призваны научно осмыслить хозяйственное и социальное бытие человеческой личности во всей полноте ее содержания.

Полагаю, этого хотели бы и политэкономы — вопреки ограничениям, заявляемым самим предметом их науки. И они движутся в этом направлении. Но на «естественное» развитие присущих философии хозяйства и политэкономии когнитивных тенденций сейчас накладывается (уже наползает) этот (заявленный выше) зловещий новый процесс, который на моей памяти пока что не был в фокусе научных изысканий, не принимался во внимание во многих прогнозных построениях. Этот малозамечавшийся теоретиками (к сожалению) фактор — *бегство от труда, главным образом — от современного труда*.

Пока что данный процесс не стал значащим предметом специального рассмотрения ни политэкономов, ни философов хозяйства. И это — явное упущение, прискорбное отставание от хода жизни. Конечно, кто-то возразит, что-де за всем не усмотришь. Но это — как смотреть.

Общественный человек в своем шествии по кругам истории и бытия может-должен опираться лишь на себя — на свой труд. Ничем иным он не располагает. Наподобие барона Мюнхаузена, он должен сам (своим трудом) вытаскивать себя за собственные волосы из любых болот. Труд — не только творец материального и духовного богатства, он — единственный *спасатель*, даже *спаситель* своего субъекта (причем без упования на трансцендентное).

Труд как спасатель человека. Он, труд, — не только источник благ, т. е. поддержания самой физиологичской жизни. У него есть и другие, *не менее важные* функции обеспечения

существования и прогресса человеческой цивилизации. Экономисты о них сейчас вспоминают нечасто, — возможно, по той причине, что данные функции оказались вне предмета политической экономии (по крайней мере, в его нынешних трактовках), а философы хозяйства пока еще только развертывают свои исследования. Но интерес к ним, этим функциям, все-таки становится заметнее. Из этих как бы «дополнительных», но принципиальных функций труда попытаемся выделить (для примера) *две*.

Первая: труд — бытийный «закрепитель» конструктивных продвижений летучей человеческой мысли в материале средств производства, в соответственных навыках к труду, в производстве и в итоге — в самой человеческой материи. История являет нам многократные повторы одних и тех же идей и даже изобретений. Но, даже запечатленные текстами, они забываются и теряются, затем вновь открываются и переоткрываются[3]. Только материализовавшись в факторах труда и в самом труде, «продукты» мышления обретают неразрушимость, свойства надежной опоры дальнейших, еще более высоких свершений человеческого разума. Даже сегодня никакая информатика не увековечит «разумное», не закрепит его в качестве ступени вечного восхождения мысли как космической силы в такой мере, в какой это делает труд-производство.

Вторая, «дополнительная», обеспечивающая, функция труда в том, что он еще и *нравственный сохранитель социума*.

Сейчас яснее, чем когда бы то ни было, видно, что экономика — первичный, но не единственный, а порой и не самый сильный сохранитель-оберегатель социума. Человечество — под постоянными угрозами самораспада и самоизничтожения, угроз, порождаемых пока еще малопонятными процессами, своего рода «бешенством» мощных сил психической-духовной-умственной энергии. Они тоже находятся за пределами предмета политической экономии, но вызывают обоснованный интерес у философов и теоретиков хозяйства. Исторически выверенной силой обуздания этих разрушительных поползновений-инстинктов всегда была общественная мораль.

---

[3] Кстати, это несомненное обстоятельство (тоже за пределами предмета политической экономии), некоторым образом обнаруживающее скрытые, глубинные тайны личного фактора производства, прямо-таки просится к вниманию исследователей философии и теории хозяйства.

Однако наше время в куда большей мере, нежели в библейско-былинные эпохи, обнаруживает непрочность-хрупкость-ранимость людской морали, ту невообразимую легкость, с которой настрои личности на нравственные ценности, отображенные в Нагорной проповеди, подменяются прямо противоположными качествами, — сконцентрированным индивидуализмом, патологической погоней за все более изощренными физиологическими наслаждениями, чумной жаждой обскурантизма, насилия, садизма, эпидемией культа бездумного (и безумного) потребительства. Общественная мораль сегодня не просто зашаталась — она испещряется новыми и новыми трещинами и, кажется, вот-вот рушится.

Конечно, можно говорить о противодействии нравственному коллапсу, используя СМИ, образование и т. д. Однако химеричность этих надежд доказывается и западным опытом, и нашим собственным (так, за считанные годы наша школа утратила большинство своих всемирно известных достижений). Полагаю, единственное, чем мог бы располагать социум с борьбе за спасение оберегающего его нравственного панциря — это трудовая этика, своего рода моральный кодекс добросовестного труда. Взращенные таким трудом нормы отношений между людьми, представления о справедливости, об ответственности, обязанностях, дисциплине, о должном могли бы стать ядром соответственных общих (в том числе внепроизводственных) нравственных правил поведения как силы, оберегающей современную цивилизацию.

Ничем иным общественную мораль сегодня не укрепить. Или нравственность добросовестного труда, или гибель от зловещих деформаций психической-умственной материи — деформаций, искусственно раздуваемых определенными экономическими и социальными структурами якобы во имя высшего качества жизни, а в конечном итоге для самораспада и самоуничтожения. Сколько-нибудь действенного заменителя этой спасительной роли труда нигде не видно. Именно труд «занаряжен» здесь миссией спасения-сохранения рода человеческого. Но эта животворная роль труда опять же вне основных интересов политической экономии. Хотелось бы надеяться, что проблема найдет свое место в философии и теории хозяйства. Пока же ситуация не самая отрадная. Был бы рад оказаться неправым, но философия хозяйства, как мне представляется, пока

что занимается данными вопросами далеко не в полную силу своих возможностей. Между тем ее приверженцам предстоит встретиться с особыми трудностями.

Главное социальное противоречие современности, философия хозяйства, политическая экономия. Для большей части писаной истории роль труда как стержня общественной морали противоречила субъективным восприятиям-установкам индивидов. Можно вспомнить, что во времена рабства трудящиеся ненавидели труд и его орудия. Со временем эта прямая ненависть превратилась в более сложные отношения, в которых труд оставался, в общем, внешним насилием над личностью. При капитализме главную роль здесь играет отчуждение: человек не может трудиться «от души», продав другому и свои органы труда, и исключительное право распоряжаться ими. Таким он и прошел в современную эпоху.

Наикрупнейшие социальные революции чаще всего входят в жизнь не под звон деклараций или сигнальных выстрелов орудий, а незамеченными, в обиходных обликах, как когда-то появились механические прялки и ткацкий станок. И нарастающий социальный переворот XXI в. тоже отталкивается не от рукотворных гигантов типа башен торгового центра, а от внешне неброской перемены в положении современного работника и его труда.

Современный капитализм вдруг обнаружил, что ему невыгодно принуждать работников к труду. Капитал перестал «видеть» труд, как он «видел» его до середины XX в., ибо в информационных технологиях и главный орган труда (мозг и психика работника), и эффективность его функционирования стали невидимыми. Предпринимателям остается уповать, что его работник даже «невидимо» выполняет свои трудовые обязанности со рвением, честно. Иначе говоря, в XXI в. системе наемного труда нужен-выгоден работник, не только добровольно и доброжелательно входящий в процесс труда, но, более того, добровольно стремящийся к этому. И для современного общества это вопрос не типа «желательно-нежелательно», не прихоти капиталистов, а скорее типа «быть или не быть». Ибо лишь такой труд в состоянии реализовать возможности информационных технологий (иначе их введение не дает запроектированной отдачи).

И вот оказывается, что современный экономический и социальный строй терпит здесь, в самой точке своего роста-развития, жуткое поражение. Его всемирно-исторический прогресс теперь перекрыт. Когда-то такое случилось с рабством, потом с феодализмом. В XIX в. об этом было заявлено в отношении капитализма, но формулировки оказались отчасти ошибочными: упор в них делался на «частность», на отсутствие планирования. Вопреки этим формулировкам капитализм вовсе не был обезножен отсутствием планирования, в XX в. он научился прекрасно делать это. Но вот то, что К. Маркс и Ф. Энгельс не всегда ставили на первое место отчуждение работника, неприемлемость-невозможность для него искренне трудиться на купившего его рабочую силу капиталиста, сейчас, в XXI в., стало непереходимым рубежом экономического и социального прогресса. Рабочий на условиях наемного труда не желает вполне добросовестно работать. Дело зашло настолько далеко, что он уже вообще *бежит* от современного труда. Высвечивается близящаяся агония истового добросовестного труда.

Я вынужден не затрагивать здесь постановок о неконтролируемых и непонятных изменениях самого современного человека, об антропологическом кризисе или повороте (кризисе идентичности), о наличии или отсутствии у человека сущности, о сужении масштабов его личности, о его тяготении к сценариям гибели.

Это — мировой процесс развитых стран. Пресса сообщает, что такие «продвинутые» трудовые сообщества, как англичане, немцы, «совершенно не хотят работать». Как заметила писательница Л. Улицкая, «…во всем мире общество потребления объелось всем, но выработало привычку сосать до бесконечности» (цит. по: [2, 13]). Ужасны свидетельства разрушения труда в РФ. И в городе, и в деревне многократно упала оценка значимости труда. На селе, по мнению ряда специалистов, примерно треть или даже более «не хотят работать ни за какие деньги», массовый характер приняло обворовывание работающих предприятий.

Пока что подобная информация подается не слишком приметно, на последних страницах изданий. Но нам, обществоведам, не требуется увеличительных стекол, чтобы увидеть и оценить ее значение. По-видимому, современный труд для со-

временного (XXI в.) человека (несмотря на сокращение рабочего дня, успехи механизации и т. п.) *не стал легче*, чем он был в прошлые века для людей того времени. Говоря «не стал легче», я, по всей вероятности, смягчаю ситуацию. Даже вроде как *обыкновенный труд* сегодня требует таких качеств нервной системы, психики, которыми многие наши современники не располагают. Современный добросовестный труд для современного человека становится (возможно, стал) слишком тяжелым, *трудным*.

Тем самым положение современного человечества не будет преувеличением назвать отчаянным. Оно окружено, даже расколото рядом катаклизмов эсхатологической силы. Слабеет, почти разбит оберегавший его нравственный панцирь. И единственный спасатель-спаситель вроде как утрачивает свои спасающие качества.

Я делаю из всего этого следующий вывод. Пока не поздно (я надеюсь на это, хотя мои сомнения уже немалые), надо искать (а далее — предлагать) теоретическую модель «спасения спасителя», — выведения работника из его отягощающейся антитрудовой спячки, перемещения труда в центр экономических и неэкономических (социальных, духовно-нравственных) отношений, обеспечивающих непрерывное наращивание добросовестно-нравственного «трудового труда», в перспективе — его высшее восхождение в качестве величайшей ноосферной силы природы и общества [3].

Политическая экономия (сама по себе, одна) не в силах «закрыть» проблему: таков уж ее предмет. Философия хозяйства обладает здесь более широкими возможностями, но без политэкономии ей не обойтись: новые отношения по поводу труда обязательнейше должны включать и материально-стимулирующие, исследуемые и разрабатываемые «по ведомству» политической экономии. Иначе говоря, *союз и только союз двух наук*. Только это первично-актуально. Всяческие «разделы» всяческого хозяйственно-экономического «имущества» потом! Сейчас — не к месту и не к спеху. Сначала надо вместе тушить-спасать обугливающийся дом человечества и его жителя — само человечество, свой народ.

Литература

1. *Дзарасов С.* Какая экономическая теория нам нужна? // Экономист. 2005. № 2.

2. *Кучерская М.* Роман меня напишет // Российская газета. 2005. 6 апр.
3. *Дубров В.* Сильный бизнес не знает границ // Российская газета. 2005. 9 апр.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства как всего лишь… философия хозяйства (Философия хозяйства. 2005. № 6)

В предыдущих статьях[4] была высказана и, по возможности, первично обоснована идея о принципиальной особенности и исходной *инаковости* философии хозяйства, которая не только не является частью религии или же религиоведения, как и частью науки или же науковедения, хотя в ней есть и могут находить пристанище религиозные и научные мысли, но не является она и частью философии — философии вообще, как и специальной или же прикладной философией, ибо она как бы сама себе философия, рождаемая не философией как таковой, а *хозяйством*, ищущим адекватного философского, т. е. не канонического как в религии и не конечно-истинного как в науке, *самосознания*. Это совсем не легко понять, хотя и можно-таки почувствовать — откровенчески, — что ни религия, ни философия вообще, ни наука, как и не некий их синтез — весьма вообще проблематичный, не могут ни сами по себе, ни в каком-то единстве, которого нет, разрешить задачу самосознания, возникшего перед человеческим хозяйством.

Философия хозяйства, точнее говоря, какая-либо ее версия, может быть и религиозной, в том числе и христианской — православной, католической, протестантской, а внутри того же православия — староверской или нововерской; может быть, и научной, как, к примеру, та же политическая экономия, которая как раз и есть научная версия, а точнее, одна из версий, философии хозяйства; может быть, надо полагать, и собственно философической, когда философские рассуждения непосредственно касаются хозяйственного предмета. Все это возможно, но… ни в одном из случаев не получается… собственно философии хозяйства. Согласимся, что при таком переборе возможных вариантов уже можно почувствовать и некий специфиче-

[4] См.: [1; 2].

ский инвариант — как остаток, никак не входящий ни в один из предложенных вариантов, однако остаток центрированный, ядренный, остойчивый, т. е. не расплывчатый, не летучий, не болтающийся. Можно также почувствовать, что в остатке этом есть какое-то мощное *смысловое сгущение*, не прочитываемое средствами ни одного из имеющихся знаний. Тут потребно особое знание — *иное*, о котором мы уже не один год по разным поводам толкуем, разве лишь не определяя ранее его именно таким образом — как *иное*!

Хозяйство, о котором мы говорим и которое заставляет человека о нем думать и рассуждать, — *человеческое хозяйство*, не будь которого, как это, надеемся, уже понятно, не было бы ни религии, ни философии, ни науки, ни вообще человеческой жизни. Жизнь и хозяйство, как хозяйство и жизнь, друг от друга не оторвать, а если их до сих пор и рассматривают отдельно либо даже вместе, но беря хозяйство всего лишь как часть или частный момент жизни, не задумываясь над их взаимной адекватностью — качественная разность двух феноменов, а в чем-то и несовпадение[5], не исключает их адекватной между собой реальной и понятийной размерности, не говоря уже о значимости их и полной взаимообусловленности.

Жизнь — это хозяйство, хозяйство — это жизнь, — в таких утверждениях нет никакого преувеличения, никакой натяжки. Однако надо заметить, что хозяйство при этом — *реализуемая человеком жизнь*, причем человеком как живым существом, как животным, как целостным, т. е. замкнутым на себя, организмом (хоть в этом утверждении и есть своя тавтологичность), как, пожалуй, что и особью — хотя бы уже относительно окружающей среды; жизнь, *реализуемая при этом в активном взаимодействии со средой обитания, предполагающем не только потребление среды, но и ее воссоздание, переделку и созидание*.

А раз взаимодействие со средой, то и *труд* — со средой и в среде трение; а раз труд с воссозданием, переделкой и созиданием, то и *творчество* — с вываривaнием чего-то такого, чего еще нет, но что непременно будет; а раз творчество, то и *замы-*

[5] Те же биологические процессы внутри организма являются жизненными, но они не составляют феномена хозяйства, в него не входят — это жизнь в организме, а не жизнь организма.

сел — с постижением смысла через мысль; а раз мысль, то и *слово*, без которого ни мысли, ни смысла, хоть и возможно дословие, засловие и междусловие, но непременно со словом; а раз слово, то и *знание* — отвлеченное представление человека о среде и о себе самом в этой среде, т. е. воображаемая параллелизация всего бытия — через его поименование, как бы мы сказали, непосредственно в человеческой голове; а раз знание, то и *сознание*, т. е. применение знания, обмен знаниями, умножение знания, словообразование и смыслоуловление, восприятие не только того, что есть, его поименование и перенесение в себя, но и воображение и проектирование всего того, чего нет, его вынесение из себя — с именем; а раз все это перечисленное имеет место, то имеет место и *хозяйство*, а соответственно, человеческая, именно человеческая, а не какая-нибудь другая, жизнь.

Мы как-то обошлись здесь без таких понятий, как *ум* и *разум*, соответственно, и не прибегли к сакраментальному homo sapiens, обошлись мы и без *языка* с *речью*, ибо, не имея, разумеется, ничего против всех этих понятий, даже, наоборот, их всячески приветствуя, воспользовались только теми фундаментальными категориями, которые были нам явно необходимы для решения возникшей металогической задачи — уяснения, что есть хозяйство, или *хозяйственная жизнь*, или *жизненное хозяйство*, но в то же время и *хозяйство жизни* и *жизнь хозяйства*.

Да, человек обладает умом и разумом, как и пользуется языком и речью, но, заметим, все это имеет место даже не наряду, а пожалуй что, и благодаря всему тому, что мы выше перечислили: ни ум, ни разум, ни язык с речью, которые, конечно же, есть и которым мы воздаем всяческую хвалу, не лежат в самом основании того феномена, который мы обычно называем человеком. Нам представляется, что ум и разум, как и язык с речью, — важные, но все-таки производные характеристики человека, совсем и не плохие: ум — это как бы источник мыслей, а разум — питие из этого источника, пользование источающимися из него мыслями, язык — возможность источать и выражать мысли, а речь — их передавать другому человеку, — и если поискать для человека более подходящую исходно-фундаментальную характеристику, то мы склоняемся более всего к такому — *осознаненное животное*! Что же касается

homo sapiens, то, во-первых, разум здесь, повторяем, важен, но он не исходен, а во-вторых, это же простая тавтология, если не полная бессмыслица: раз уж homo, то уже и sapiens, хотя, надо заметить, разве всегда такой уж и sapiens?

Человек — осознаненное животное, способно не только трудиться, но и творить, а следовательно, хозяйствовать творчески, что означает не что иное, как осознанивать окружающий его мир. Отсюда — хозяйство есть *осознанивание мира* и *осознаненный мир*. Не круто ли? Нет, не круто, ибо имеется в виду не передача человеческого сознания миру, а *сознательное приспособление мира к человеческому сознанию* или же *сознательное обустройство мира в соответствии с человеческим сознанием.* Разумеется, в хозяйствовании человека немало бывает и бессознательного, или, лучше сказать, неосознанного, но это не меняет общей сути дела, как не может ее изменить и факт отрицательного, т. е. разрушительного, хозяйствования: человек, хозяйствуя, не только созидает, но и разрушает — и не одну лишь среду, но и собственные деяния, даже и самого себя. Однако главное — *осознанивание мира* и *осознаненный мир*.

Хозяйство — организационный процесс, как и энергетический, как и информационный. Поэтому хозяйство есть та или иная реорганизация мира, то или иное перераспределение энергии, то или иное переинформирование. Но самое важное: хозяйство есть *перераспределение мирового качества*, разумеется, вместе с *мировым количеством*. Отсюда осознанивание *мирового качества-количества* или *мирового количества-качества* — таковы задача, функция и итог человеческого хозяйства, как, надо полагать, и его глубинная суть.

Осознанить — передать знание, даже и самое отвратительное и ненужное. Человек добывает знание, образуя в итоге свое сознание, его качество, а пожалуй, и количество (слов ведь мириады, а также формул, навыков, истин): как внутреннее, где-то в человеке сидящее, так и выраженное вовне — в слове, языке, культуре, институтах, а затем сообщает это знание окружающему миру, используя, подстраивая и переделывая этот мир в соответствии со своим сознанием.

Хозяйство — формирование и изменение человеческого сознания, его содержания, а затем — излияние человеческого сознания в мир, изменяющее содержание мира.

Человек от мира сего, он природен, материален, физичен, организационен, энергетичен, информационен, биологичен, витален, а поэтому и вполне деятелен, он способен воздействовать на среду обитания, ее изменять, но при этом делать все это еще и по своему — сознаниевому — усмотрению, что означает, что человек при этом… вовсе и не от мира сего, во всяком случае, он ухитряется быть одновременно в мире и вне этого мира — как бы в ином мире, параллельном, чисто сознаниевом. И это родство — неродство человека окружающему миру, как и самому себе, это присутствие — неприсутствие человека в мире, эта ему имманентность — трансцендентность (заметим, трансцендентность не просто *в* человеке, но и *из* человека, *от* него), все это и позволяет человеку осознанивать мир, в нем хозяйствовать, хозяйствуя при этом в себе самом и в своем сознании. Человек одновременно *природен* и *неприроден*; так или иначе, но он выделен из природы, в ней же и находясь; он способен создавать в своем сознании *иную* природу, перенося проект иной природы на эту природу, противопоставляя ей уже совершенно осознаненную неприроду. Человек в природном доме, но ему почему-то в нем неуютно, или не совсем уютно, — в противоположность обычному животному, — и он этот дом переделывает, выходя сознаниево за его пределы, практически материализуя свое сознание в созидаемой неприроде.

Здесь работает не одна потребность выжить. Она ведь есть у всех живых существ, да и не только живых: и ничего — никакого тебе отвлеченного сознания, никакой возможности выдумать что-либо и переделать под эту выдумку природу, никакой вообще попытки создать иную природу. Конечно, какой-нибудь микроб может уничтожить все живое в мире, но он не создаст ничего не то чтобы подобного, но хотя бы аналогичного природе. Человек же способен это делать — создавать *свой* мир, причем мир как воспроизводственную и воспроизводимую целостность. Короче, мы обнаруживаем, что человек обладает *демиургической* способностью.

Сама по себе природа, насколько она понимаема ныне, не может и не должна создавать существа, явно выбивающегося из природы, себя к тому же ей противопоставляющего. Да ладно бы еще как-то логично, пусть и диалектически логично, а то ведь просто *парадоксально*, когда в чем-либо одном соединяются не просто *противо*-положности, а вообще *разно*-

положности, настолько разные, что согласно логике и логичной диалектике они вообще не подлежат никакому соединению. Зачем природе создавать своего целостного и последовательного отрицателя? Что, разве природе захотелось стать всего лишь материалом для… какой-то там неприроды, т. е. для того, что сама она создать никак не может, да и никак не должна этого делать? Природа-самобийца? Выходит, что человек какой-то *антипродукт* природы, какой-то урод, ею рожденный, что-то вроде неадекватного ей выкидыша? Для чего же такой продукт природе? Или же природа сработала не по-природному? Какая же тут тогда логика или же логичная диалектика? Сбой какой-то, гибельный выброс, гигантская катастрофа! И… *парадокс*!

А раз так, то надо выходить за рамки природы, чтобы парадокс сей более или менее разрешить! Тогда надо допустить иной, совсем и не природный, наряду с природой существующий, хотя, быть может, сидящий и в самой природе, мир, которому потребовалось вдруг поместить в природу некое природонеприродное создание, точнее, его зародыш, первичную о нем генетическую информацию — вроде вируса, чтобы затем возник… *человек*, этот сын-бастард, сын-пришлец, сын-подкидыш. И как тут не допустить действия какой-то *высшей силы* — относительно известной нам природы, способной именно так и поступить с природой?

Явление человека — явление парадокса! Соответственно, и явление *парадоксального хозяйства*, которого по всем природным канонам не должно быть, но которое вопреки им все же есть. Кто в этом человеческом мире знает, что, собственно, человеку, — как, видно, и его создателю, — в конечном итоге надо? Для чего это парадоксальное хозяйство? Нет, вовсе не для простого выживания, далеко не только для выживания, даже и не для удовлетворения разных, растущих и непрерывно рождающихся нужд и прихотей, даже и не для безмятежного счастья, вовсе нет, а вот для чего?

Здесь уместно отметить, что хозяйство свое парадоксальное человек ведет, пользуясь, с одной стороны, *чем-то* — чем-то явным, тем же материалом природы, своими представлениями о мире, уже разработанными им знаниями, а с другой… явно *ничем*, черпая что-то ему нужное и важное как бы из *ничего*, из какого-то *небытия*, может, и из другого, человеку неведомого, мира. Утверждение, что человек всего лишь переделывает при-

роду на основе и с использованием свойственных ей законов (принципов устройства), недостаточно, если не неверно, хотя бы потому, что человек создает из природного материала нечто, хотя бы частично неприродное (что, к примеру, природного в паровозе, не в материале паровоза, кстати, не взятого вовсе готовым из природы, а весьма человеком переделанного, а в самом паровозе, в его идее, в его существе?). И выходит, что хозяйство, которое мы называем человеческим, возникает не только из человека, но и из ничего, в этом человеке, однако, гнездящемся. Уже отсюда хозяйство человека есть хотя бы на какую-нибудь часть, а возможно, и решающую часть, *трансцендентное хозяйство* — которое есть неизвестно что, ведется неведомо ради чего и выливается во многом просто из ничего.

Не зная себя, точнее, зная себя, условно выражаясь, наполовину, как и не зная природы, а если и зная, то, условно выражаясь, тоже наполовину, человек по большому счету вслепую, точнее зряче-слепо, ведет хозяйство, а лучше сказать, творит хозяйство, сотворяя мир, который ему неведом как возможность и непонятен как действительность, однако сотворяет из себя с использованием природы, но непременно против природы, служащей человеку лишь основой и материалом для созидаемого им неприродного — уже и иного — мира. Да, для этого человеку пришлось, во-первых, посмотреть на природу именно как на расходный материал, а во-вторых, обратиться к самому себе как к творцу своего собственного мира — как к демиургу, для чего пришлось совершить ***Революцию***, вроде бы ренессансную, а на самом деле просто *антиприродную* — в аспекте освобождения из-под родительской (материнской) власти природы, и *антисакральную* — в аспекте освобождения из-под родительской (отцовской) власти Бога Творца. Это была, кстати, и *великая хозяйственная революция*, которая помимо того, что сама была великим хозяйственным действом, означала великий хозяйственный переворот: от приспособительного к природе и более или менее партнерского по отношению к ней хозяйства, а также уважительного так или иначе к высшей — потусторонней, трансцендентной, абсолютной — силе, к хозяйству уже последовательно человеческому, — ведущемуся непосредственно из человека, т. е. хозяйству уже собственно *демиургическому, пересотворительному*.

Революцию человек совершил, правда, не по всему миру-планете, а лишь в частной западноевропейской локалии, перешел и на принципиально иной тип хозяйства — не столько экономический, капиталистический, предпринимательский, науко- и техногенный, сколько именно *демиургический* и именно *пересотворительный*, но… парадоксальности своего хозяйства не только не преодолел, а, наоборот, еще более ее усилил. К парадоксальности, так сказать, *присутственной* — в этом, не полностью и родном мире, добавилась парадоксальность, так сказать, *отсутственная*, когда человек, до этого просто вовлеченный в природный мир, вдруг стал чувствовать себя отвлеченным от этого мира, поставив перед собой задачу уйти от прошлого родного мира, человека породившего, и прийти к будущему как будто бы тоже родному миру, но уже рожденному самим человеком. Здесь был переход к парадоксу в квадрате: парадокс-сын (простой парадокс) брал на себя функцию парадокса-отца (сложного парадокса). Одно дело: что-то от себя, от своего ничто добавлять в природу, не подвергая саму природу целостному отрицанию, совсем другое — замещать природу чем-то своим, тоже исходящим из своего же ничто, но уже исходящим не частью, встроенной в природу, а целостностью, эту природу замещающей. Парадокс от человека в природе — одно, парадокс от человека вместо природы — совсем другое. На парадокс своего бытия в мире человек отвечает созданием своего же *парадоксального мира*.

Вообще говоря, философия хозяйства утверждается именно в XX в. от ощущения человеком мыслящим этого вопиюще парадоксального человеческого хозяйства. Уже отчетливо стало видно, что человек рвется *вон* из породившего его мира, как и *подальше* от споспешествовавших его рождению сверхестественных обстоятельств, он использует свою свободу для… *освобождения себя*… от мира, — то ли адекватному ему, то ли нет, но приговоренному уже человеком на неадекватность. Человек жаждет *иного мира*, которого он вовсе не знает, но который кажется ему лучшим. Великий конфликт человека с родным миром, великая попытка вырваться из этого мира как посредством построения нового — своего собственного — мира, так и, надо полагать, возможного перехода в какой-то *за-* или *до*-природный мир. Преодоление одного фундаментального парадокса через обращение к другому — еще более сильному.

Не уход в мир, как обычно, не хождение по миру, даже не уход от мира, а уход *из* этого мира *вообще* — в *другой* мир, который как раз и предстал *сейчас* в первом своем варианте: мегаполисами, разветвленной инфраструктурой, индустрией, механическим транспортом, разнообразной и вездесущей техникой, удивительными машинами, электричеством, коммуникационными сетями, наукой, институтами, правом, мировыми деньгами, транснациональными корпорациями, организованной преступностью, глобализмом, в общем — *постмодерновой цивилизацией*. И все это было совершено человеком демиургирующим за каких-нибудь пятьсот лет: от одного по качеству мира — *натурального* — к другому — *искусственному*. В посюстороннем мире человеком был создан своеобразный потусторонний мир, в котором передовой человек охотно сейчас и расположился, нещадно эксплуатируя остающийся посюсторонний мир.

Что ж, высоко в своем парадоксальном вырыве в неизвестность поднялся ныне передовой человек, очень высоко! Преодолевая так и оставшуюся до конца непознанной, но достаточно уже известную для тотальной переделки природу, человек, ставший по сути уже над природой, хоть и в ней пока еще находясь, возмечтал, хозяйствуя с необыкновенным энтузиазмом, по преимуществу научно и технически, отбросив при этом религию как высший руководящий принцип и классическую философию как своего все еще совестливого поводыря, возмечтал, прямо скажем, о *вне-* и *сверх*-природных деяниях, как то: одоление болезней; победа над старостью; значительное, если не многократное, продление жизни; физическая реконструкция человека, его биологическое и психологическое совершенствование, расширение организменных возможностей; создание новых живых существ; воссоздание мертвых; полное преодоление пространства и времени; освоение космоса, переселение на другие планеты и в иные миры; обретение бессмертия. Это уже, пардон, не только не натуральное хозяйство, но и не хозяйство в природе, с природой или даже вопреки природе, а хозяйство практически уже полностью неприродное, от самого себя хозяйство, иномерное хозяйство. Нетрудно заключить, что человек отверг водительство Бога Творца, как и вообще любой стоящий над человеком, для него высший и недоступный, его умеротворяющий мир, он решил сам стать богом творцом, построить себе иной мир, отбросив выделенную ему при-

родой меру и установить свою м**и**ровую меру. Человек хозяйствующий вознамерился фактически выйти и за пределы своего хозяйства, заняться хозяйством запредельным. Мифы, сказки, фэнтези — все это стало не просто воплощаться, но даже и воплощаться с избытком. Избыточный пошел мир, избыточное пошло хозяйство, избыточным стал и сам человек.

Никакая экономическая наука даже допустить себе не может, что хозяйство человека есть одновременно и хозяйство в человеке и… на человека. Человек — настолько же объект человеческого хозяйства, насколько он его субъект. Сознание человека меняется, оно как усложняется и совершенствуется, так и упрощается и уплощается. Рост и развитие, но и сжатие и снижение. И не во временн**о**м лишь чередовании, не в пространственной лишь локализации, а в сложном взаимодействии противотечений: в чем-то прогресс, в чем-то регресс, а главное, со временем и местами обнаруживается *другое* сознание, которое то ли лучше, то ли хуже, допустим, бывшего сознания, но которое именно другое, — какой вообще смысл говорить, что сознание европейца лучше или хуже сознания африканца — это просто *другое* сознание, к примеру, более цивилизованное, технологическое, правовое, экономическое, институциональное, личностное, уже и постмодернистское, а в целом — куда как более *искусственное*. Лучше или хуже — дело во многом вкуса, а вот то, что другое и какое другое — дело уже нейтральной оценки. И другим сознание становится как итог человеческого, т. е. сознаниевого, хозяйствования, хотя далеко не всегда и не во всем человек хозяйствующий вполне сознательно стремится к изменению сознания. В то же время было бы заблуждением считать, что сознание не в поле зрения хозяйствующего человека, особенно, сейчас — ныне переделка сознания, выведение его на ту или иную качественную позицию, не говоря уже о контроле над текущим состоянием, самая что ни на есть ведущая цель хозяйства.

Американец — не африканец, а русский — не китаец, но при этом он, как и китаец, не американец и не африканец. Совершенно разные тут сознания. Однако африканец по нынешним меркам — совсем уж отставший тип, чуть ли не безнадежно; китаец — не так отставший, как очень особенный, берегущий традицию и имеющий немалую перспективу; русский — ни то, ни се, о котором и сказать-то нечего, ибо, скорее всего,

не от мира сего этот тип; американец — о-о!, это самый что ни на есть передовой человек. Как никак, но не одно только разнообразие, но и иерархия сознаний имеет место. Везде разные сознания, но и, надо полагать, разные перспективы. Африканец на земле вместе с ее и своими духами; китаец перестраивает свой дом на земле, но под своим Небом; русский, естественно, ни там, ни сям — что ему этот неустроенный мир и что ему созидание какого-то иного — счастливого! — мира, коли ни этот, ни тот миры ему не нужны, он пришелец, идущий незнамо куда; а вот американец (вместе со всеми «американцами» мира) — этот уже одной ногой, а то, глядишь, и двумя, в ином посюсторонье, которое им проникновенно и серьезно для себя и построено, а теперь он уже стремится в созидаемое им, или же под его водительством (разумеется, при вполне земном руководстве самим этим несчастным американцем), потустороннее, которое уже не Царство Божье на Земле, а кое-что другое — царство человеческое вне Земли, т. е. вне природы, где-то в *за-* и *сверх*-природье.

Сначала человек хозяйствовал вполне природно — вынужденно природно; потом он стал хозяйствовать не очень природно, но все-таки в природе — куда от нее денешься?; потом человек, обретя необходимое знание и потребную ему технику (вместо руки и наряду с ней — машину), повел массированное наступление на природу и стал хозяйствовать все более и более вне природы, построяя свой собственный — искусственный — мир, сравнимый по значению и масштабу с самой природой; теперь передовой человек («американец»!) хозяйствует где-то над природой, в отрыве от нее, да и не только от нее, но и от себя самого, ибо обрел уже человек *знания от знаний* и *технику от техники* (рядом со своим умом, а то и вместо него уже ум технический) и строит этот человек, подчиненный *кумулятивного* характера знанию от знания и технике от техники, какой-то… уже и *не*-человеческий мир, для человека как раз и действительно потусторонний, кстати, тоже *кумулятивного* характера.

Итак: природа с человеком — раз; человек в природе — два; человек с техникой против природы — три; техника с человеком вне природы — четыре. Но вот вопрос: в каком из этих хозяйственных положений человек был или есть собственно человек? В первом — неандерталец, надо полагать, во вто-

ром — более всего кроманьонец; в третьем — главным образом «европеец» (англосакс), в четвертом — по преимуществу «американец». Где же собственно человек? И дело здесь не в одной физике, точнее, по большей части и не в физике, а… в сознании, которое к физике как раз и не сведешь. Ну хорошо: с природой в душе, с Богом в душе, с техникой в уме или с техникой вместо души — в каком состоянии человек более всего человек? Конечно, легче всего ответить: всюду и всегда человек, но… разный. Верно, конечно, но… не любое же сознание, скажем так, адекватно человеку, — или же любое? Есть, к примеру, человек-людь, а есть человек-нелюдь, — так какой из этих людей человечнее? Как ответить на этот вопрос? И какой из перечисленных выше типов человека человечнее всего: неандерталец, кроманьонец, «европеец» или «американец»?

Нет ответа, но есть нечто, над чем можно задуматься: изменяясь исторически, изменяя свое сознание (вместе с хозяйством, заметим), изменяя мир, а главное, выходя из природы, от нее освобождаясь, уходя от Бога, от Него освобождаясь, построяя неприродный мир и устремляясь к какому-то сверхприродному миру, ведя уже и замышляя над собой разные не только морально-духовные, умственно-интеллектуальные, культуро-цивилизационные, но и чисто био-химико-физические манипуляции, не идет ли передовой человек, а вместе с ним и человек вообще к какому-то принципиально иному содержанию, уже и *не*-человеческому, а, скажем, *пост*-человеческому, т. е. не стремится ли человек… преодолеть в себе не только природное начало, не только внешнюю для него, но в нем сидящую потусторонность, но уже и… *самого себя*, самого человека в себе, себя в целом, и тем самым стать… каким-то *другим* существом, к примере — *человекобразом*?

Что, какая сила, какой проект гонит человека вперед не только в иные миры, но и… от самого себя? Вопрос! И на этот вопрос нет, конечно, точного ответа. Ранее, правда, объясняли нашествие прогресса потребностями выживания, удовлетворения и удовольствия, более приемлемого обустройства человека в мире, а вот сейчас, когда открываются совершенно новые проективные горизонты, да что горизонты — сама нарастающая бесконечность! — какими примитивными кажутся такого рода объяснения, какими жалкими, а сколько ведь было споров, крови, смертей, — ах, эта политическая экономия! проскочившая

мимо самого главного в хозяйствовании человека, но зато не проскочившая мимо жуткой и жадной борьбы за существование и паразитизм, двусмысленных революций, беспощадных войн, донельзя по-простому, надо заметить, все это трактуя, совсем не замечая уже шедшей реализации воистину *глобального проекта*, — вовсе и не коммунистического, — в ней — в этой реализации — посильно и слепо, тем не менее, участвуя. Что, не видела ничего такого политэкономия или сознательно уводила от всего этого в сторону? Скорее всего, не видела, но… почему же и не уводила? Да и могла ли она вообще поставить сей глобальный вопрос, как и попытаться ответить на него, не толкуя лишь о том же коммунизме — этом заменителе Царства Божьего на Земле? Думается, что нет, не могла. Человек хозяйствующий — передовой и проективный, обжегшись на Марксе с его коммунизмом, отдал осмысление будущего на откуп… *без*ответственной литературе — так называемой научной фантастике, а с английского — просто науке-фикции, чем и увлеклись быстро все неяйцеголовые, поглощая заманчивое чтиво, пока в сознании этих неяйцеголовых не возник образ будущего мира, прямо скажем, не слишком уже и посюстороннего. Как видим, нет не то что простого, но даже и сколько-нибудь затейливого ответа на самый что ни на есть фундаментальный и действительно глобальный вопрос.

И вообще, что в самом деле мы знаем о мире, о жизни, о человеке? Как ни странно, а это совсем не странно — *ничего*! Ничего не знаем о ничто, ничего об абсолютно трансцендентном, ничего об Абсолюте! А в мире, в жизни, в человеке все это есть: все это ничто, вся эта трансцендентность, все это абсолютное. Отсюда и невозможность ответа: не знаем-с, а потому и не отвечаем-с! Вот такая получается правда (не истина, заметим, а правда, которая вовсе и не истина). Ладно уж для жизни хозяйствует человек, но ведь он должен хозяйствовать и для… *смерти*, а что есть тогда смерть, которую вроде бы надо приветствовать, а человек жаждет ее избежать, победить, обрести бессмертие? Иной мир будто бы есть, но *по*-смертный, *за*гробный, какой-то неприродный мир, даже и будто бы хороший, а человек гнет свое — он хочет подвластного себе иного мира, он желает продлить себя посредством этого иного мира, даже и отказываясь от себя самого, надеясь, видно, что постчеловек только и подойдет иному миру — *постмиру*.

Человек, как и весь окружающий мир, элементом которого сам человек и является — *трансцендентны*. Ах, как не хочется всем научно образованным, а значит, образованным с неизбежностью так или иначе криво, признавать трансцендентность мира и человека, их фундаментальную и органичную таинственность, да такую, которой ни увидеть, ни преодолеть, ни распознать. Да, наука упорно идет к основаниям мира, но… как мира всего лишь материального, а мир-то наш по большей части вовсе не материальный, а идеальный, а что такое идеальность… как субстанция? — а ничего! — это как раз и есть реализуемая в мире трансцендентность, которая, быть может, и прочитывается, но… лишь на уровне ее продукта, а не ее глубинного истока. Хорошо сказать — *разум*, а что он на самом деле и откуда же он? — разве можно просто и точно ответить? Без обращения к трансцендентному, к *работающей трансценденции*, тут ничего вообще не скажешь. А вот если предположить трансцендентность того же разума, т. е. его исходную *не*-р**а**зумность, то кое-что о разуме уже сказать можно — условно, конечно, но более или менее приемлемо.

Посюсторонний мир нельзя сколько-нибудь понять без обращения к миру потустороннему, присутствующему, кстати, и в посюстороннем мире, но в основном бытующему вне его. Тогда понятно, что понятно не все в этом мире, но то, что понятно, оказывается понятным в общем-то с неизбежной долей непонятности. Я знаю, к примеру, что есть человек и что он есть вроде бы по существу, но я знаю при этом, что я ничего о человеке не знаю, что мое знание о нем не то что не полное, но оно вовсе не такое, какое должно было бы быть, — однако с учетом моего знания и незнания человек предстает перед мной одновременно знаемым и незнаемым, а потому я имею максимально целостное и приемлемое представление о человеке. Вижу, что творит человек, но не знаю, что же он творит на самом деле, но и не должен знать, ибо без этого незнания передо мной должен быть уже не человек, а, скажем, экскаватор или какой-нибудь другой механический агрегат. Нет человека, как и всего мира, вне трансцендентности — просто нет!

И *сверхглобальный проект*, реализуемый на протяжении бытия человеком-человечеством — вполне *трансцендентный проект*. А раз так, то почему же трансцендентному частично существу, способному частично трансцендентно творить, не

рваться, во многом и трансцендентно хозяйствуя, в… эту самую трансцендентность? Все дело тут как раз в том, что в человеке и через него творит именно трансцендентность, влекущая человека к себе самой. Однако человек не только трансцендентен, он и имманентен этому миру. И хорошо! Между трансцендентностью и имманентностью, имеющих разные, так сказать, заряды (+ и —), реализуется притяжение, но и… с взаимным отталкиванием, ибо трансцендентность тут везде, — что там — в абсолютье, что здесь — в относительe, — а потому в целом и в итоге есть человек, есть его творчество, есть его стремление к трансцендентному, но… в пределах имманентности.

Зачем и кому все это надо, судить, увы, не нам — не человекам! А вот прав или не прав человек в своих понятно-непонятных действиях, в своем перспективно-проективном хозяйствовании — это уже может подлежать некоторому человеческому суду, разумеется, с учетом все той же трансцендентности.

Двусловное сочетание «философия хозяйства» разбивается на три слова: любовь (от «фило»), мудрость (от «софия») и хозяйство. Отсюда простейшая установка: хозяйствуй с любовью и согласно мудрости Божией! Ясно, что эта установка человеком в целом не соблюдается: человек хозяйствует согласно пользе и в соответствии со своими намерениями, далеко не всегда даже и разумными. Хозяйство человека не исключает ни враждебности и презрения к природе, ни ее посильного уничтожения. Короче, любви тут немного, мудрости прямо-таки маловато, зато очень много пользы и очень много ума. Положительное нравственное начало есть, но… оно никак не превалирует. Человек с человеком люто борется, из ожесточенной борьбы совсем не выходит, да и вряд ли в обозримом будущем выйдет. Скорее, наоборот: на очереди чуть ли не Армагеддон — *война всех против всех*, — вовсе и не с кинжалами в руках, а с применением лабораторных средств, может, и отмеченных нобелями. Армагеддон, помимо откровенной борьбы за существование, за жизненное пространство, за первенство в мире — еще и мощнейший хозяйственный процесс, предназначенный для выковывания нового целостного земного мира с новым в нем человекообразным существом, прототип которого уже гуляет полураздетым с мобильниками при ушах по тротуарам мегаполисов, катается туда-сюда в комфортабельных «бу-

мерах», летает упорно на авионах навстречу тайландским цунами. Разумеется, исход Армагеддона не ясен, он вполне трансцендентен, т. е. может завершиться как раз исчезновением нашего прототипа, ни к чему человеческому уже не способного, но вообще без Армагеддона, пожалуй, уже не обойтись. Хозяйство к нему идет, хозяйство в нем нуждается, ибо Армагеддон — великая польза и в него закладывается очень много ума.

И вот тут на первый план выходит булгаковская (о. Сергия Булгакова) София — не вообще София — не вообще София Премудрость Божия, вроде соловьевской (В.С. Соловьева), а именно хозяйственная София, о которой так усиленно пекся основатель философии хозяйства. Что тут особенно спорить: хотел Булгаков связать хозяйство человеческое с Богом, Его промыслом и установками, видя в Софии источник и возможность благодатной самокоррекции человека хозяйствующего, пользующегося свободой хозяйствовать, но способного этой свободой распорядиться и вполне катастрофно. Нет, не настолько наивен был Булгаков, чтобы поверить в человека, в его обращение к Софии, т. е. к внечеловеческому источнику мудрости, но, говоря о Софии применительно к хозяйству, Булгаков хотел подчеркнуть тем самым, что, во-первых, сам по себе человек не мудр, во всяком случае, не полностью мудр, во-вторых, что мудрость-таки есть и ею можно-таки воспользоваться, омудрив человека хозяйствующего и все человеческое хозяйство. «Выход есть!» — хотел сказать Булгаков, но… видел-то он вокруг себя как раз обратное — совсем и не мудрое, хоть и научно-технически затейливое, он видел, как загоняет себя человек хозяйствующий в парадоксальный тупик, выход из которого придется искать человеку через не менее парадоксальный Армагеддон.

Признать трансцендентность мира — признать его фундаментальную, органичную и совершенно принципиальную *экологичность*! Нельзя с миром делать не только все, что угодно, но и все, что возможно, тем более, чего хочется, что получается. Нельзя! Мир — не одна лишь материя, да и сама материя — далеко не только материя. Мир — дух, и в материи дух, от которого и идеальность с идеями — причем в той же материи. Но нет, вычеркнул Модерн из мира все духовное и идеальное, оставив лишь номинализм и институционализм, т. е. оставив идеальное лишь как продукт человеческого сознания, трак-

туя последнее в его основании как нечто опять же вполне материальное. И какая может быть экология, т. е. просьба о невмешательстве, чуть ли не о помиловании, у сугубой материальности, как и какая может быть экологическая жалость к бездушной материи? И все тут наука, все познаваемость, все гордыня!

Кто из экономистов попытался осознать факт того же *антихозяйства*, которое получается у человека, пожалуй, что и лучше самого хозяйства? Человек *антихозяйствующий* не менее фундаментален, чем человек хозяйствующий. А что значит, вообще говоря, антихозяйство? Это работа на искус, на заблуд, на смерть, — и разве этой работы нет, разве ее мало, даже когда кажется, что ничего подобного вроде бы и нет? Человек хозяйствующий возмечтал о бессмертии человека, гоня на преждевременную смерть поколение за поколением — окупая смертью себе подобных бессмертие избранных? А что значит то же стремление к благоустроенной будущей жизни на костях предков, современников и даже будущих поколений? Нет, не софийно вовсе человеческое хозяйство, а сегодня всякая софийность из него, как и из самого человека, вообще стремительно улетучивается. Если и идет на смену софийности что-то р**а**зумное, то это совсем не значит, что это р**а**зумное действительно раз**у**мное, т. е. опять же софийное. На смену Софии может придти только **антисофия**, что есть не мудрость, а, если и не полная пустота, то всего лишь подобие мудрости (достаточно попристальнее вглядеться в лица что ученых, что политиков, что предпринимателей, чтобы различить эту зияющую всеобъемную пустоту, а если еще и послушать этих «элитных» персонажей, то весьма будет трудно обнаружить в них даже и подобие мудрости). В самом деле, хозяйствует ли более современный постмодерновый человек или же антихозяйствует, — это ведь большой вопрос, наукой даже не поставленный. А разобраться бы не мешало!

Подобных вопросов много, ох, как много, — и все они ставятся как раз философией хозяйства — вот почему так не хочется подавляющему большинству ученых и образованных все-еще-человеков, устремленных в постмир и постчеловечество, к ней обращаться, куда как занимательнее и умилительнее вздыхать по ноосфере, которая все якобы и разрешит — все проблемы, все неувязки, все парадоксы, а передовому человечку, презирающему прошлое и весь этот земной мир, останется

лишь войти в новый — ноосферный — мир, где все будет легко, ладно и приятно, а если этого не случится, то хотя бы поживет передовой человечек в земном мире в свое удовольствие — на экстремуме, т. е. свободно, азартно, в неуми, — если уж быть навозом истории, то хотя бы с никому ненужным в Космосе писком!

О, есть над чем подумать ежедневно хозяйствующему и антихозяйствующему человеку, есть!

Спрашивается, инознанием ли является в действительности философия хозяйства? Оправдывается ли эта ее претензия на инаковость? Это кому как покажется. Но ясно, наверное, что в ней выражается не только и не просто *философствующий человек*, а наряду, вместе с ним и через него выражается и *философствующее хозяйство*, возжелавшее произвести сегодня не новую религию, не новую науку, не новую философию, а именно философию хозяйства, наполненную *своими* вопросами и *своими* ответами — с учетом разных имеющихся знаний, но и, что самое главное, за их пределами [см.:1;2].

Не парадоксально ли? Парадоксально, но что тут поделать?

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: per aspera ad astra! // Философия хозяйства. 2005. № 3.
2. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства как инознание // Философия хозяйства. 2005. № 4—5.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства как инознание (Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

Что это вдруг? Никто ведь не называет, допустим, философию истории или философию техники каким-то там *инознанием — **иным знанием***, довольствуясь тем, что какое-то философским образом добываемое конкретное знание оказывается просто частью философского знания вообще, на крайний случай — специализированной, если прямо-таки не прикладной, философией.

Не отвечая за все частные философии, которых, как известно, великое множество, отметим поначалу лишь то, что *философия хозяйства*, за которую мы готовы и пытаемся отвечать,

никак не вмещается ни в какую ячейку всеобщей философической матрицы, хоть и называет она себя философией, а не, скажем, просто хозяйствоведением.

Да, это *философия*, со всеми ее основополагающими атрибутами, мало того, это *специфическая* философия — со всей ее возможной особенностью, но это еще и *сама по себе* философия, т. е. вовсе не частная философия, включенная в общую философскую матрицу, а как бы параллельная философия, сама-себе-философия, т. е. ***иная философия***, что не декларируется просто, а сложно доказывается — раскрытием ее содержания (заметим, не предмета даже, а именно содержания).

Философию хозяйства нельзя понимать как обычное применение философии вообще к какому-то особенному предмету. Это, конечно, есть, но это далеко не главное, даже совсем не главное. Философия хозяйства есть не столько философия *на* предмет, сколько философия *из* предмета, ибо хозяйство — это действующее, производящее и говорящее о себе, в себе, от себя и для себя нечто, само способное производить и непременно производящее любое знание — что религиозное, что научное, что, sic! собственно философское, а при необходимости и философское знание о *себе самом,* т. е. как раз ***философию хозяйства*** как таковую, которая, будучи философией, никак не может быть лишь отраслью вообще философии, ибо возникает, во-первых, не столько из самой философии, сколько из самого хозяйства; во-вторых, вбирает в себя по мере необходимого любое знание: философию, религию, науку; в-третьих, выступает как самостоятельное синтетическое знание, а по отношению ко всем имеющимся знаниям — как *метазнание*, не отвергающее, конечно же, имеющиеся знания, а их все разом дополняющее, но не столько с позиции некоего особого знания — *знания-размышления* (!), сколько с позиции в известной мере уже *пост*-знания, — в том смысле, что философия хозяйства возникает как знание, как бы следующее за всеми предыдущими знаниями, во многом, а то и в целом, уже свершившимся — как не просто *новое*, а именно уже ***иное*** знание.

Опираясь на религиозное (сакральное), эзотерическое (сокрытое), научное (строгое, точное, доказанное, проверенное, фактически реализуемое), бытовое (здравой и нездравой повседневности) знания, а также вбирая в себя знание философское, а точнее, используя философскую манеру познавать, размышлять

и знать, философия хозяйства выходит за рамки какого-либо из указанных знаний, но не как новое знание, всего лишь расширяющее ряд отмеченных выше знаний, а как знание, из этого ряда попросту выходящее, возникающее и существующее не только вместе с ним, но и… *рядом* с ним (вопрос об относительной первичности, значимости, важности и т. д. разных знаний относительно философии хозяйства оставляем в стороне как не имеющий здесь серьезного ценностного смысла). Философия хозяйства, будучи таки философией, т. е. знанием не догматическим — как религия, и не точным — как формализованная логикой и подкрепляемая фактами наука, а знанием, имеющим дело с непреодолимой неопределенностью и неотбрасываемой трансцендентностью, не впадающим ни в заведомую догматику, ни в якобы истинную конечность, не входит, однако, в эту самую вообще философию ее составной частью, а располагается рядом с ней и со всеми остальными знаниями. Одновременно, так сказать: там — в философии вообще — и тут — как уже *иная* философия.

Откуда же такая поразительная претензия? Нет, не от субъективного желания философов хозяйства, а от вполне объективного желания… самого хозяйства. Когда-то было время, когда хозяйство — а хозяйство у ставшего перед самим собой, природой и Господом Богом человеком есть прежде всего работа сознания и мысли, реализуемая в *идеальном мире* и во многом ради него, — произвело на свет *мифологическое знание*, им и весьма довольствуясь, затем хорошо скомпонованную *религию*, перед ней охотно преклоняясь, а параллельно с этим и *философию* со всяческой *эзотерикой*, весьма ими тоже удовлетворяясь, потом пришла и очередь *науки*, от которой одна лишь эйфория — и все эти знания хозяйствовали и хозяйствуют в рамках хозяйства, ему споспешествуя или, наоборот, мешая, во всяком случае, будучи либо активными, либо пассивными атрибутами не просто жизни человека, но именно хозяйства.

Ведь хозяйство — само жизнеотправление человека, причем не тупое, а сознательно творческое, волевым образом обновляющееся — то под влиянием обстоятельств, то по внутренним запросам самого человека.

Хозяйство — производство знания, но и знание — производство самого хозяйства. Производил человек знание, строя

свой идеальный мир, но и знание производило человека, обволакивая его вместе со всем идеальным миром.

Но вот наступил момент, когда хозяйство захотело — через рефлексирующее сознание — самоосознать себя, самопознать, даже и самоопознать, — и сделать это именно философически, ибо потребовалось осмыслить всесторонне сущность хозяйства, войти в контакт с его сознанием, почувствовать душу хозяйства — не человека, не мира, не бытия вообще, а именно *хозяйства*, т. е. творимого человеком бытия, мира, да и самого человека.

Возникла уникальная ситуация: человек уже не мог пройти мимо полного и непосредственно предметного осознания хозяйства, а хозяйство не могло уже вершиться без адекватного самому себе себя осознания. Так явилась потребность в особом познавательно-размыслительном действе: понять не религию, не философию, не науку, а через них и мир, и природу, и человека, и технику, а понять то, что, во-первых, все это действенно объединяет, во-вторых, все это производит, в-третьих, производит именно *таким*, а не каким-либо другим, т. е. понять *хозяйство* и *хозяйствующего человека*, обратившись к ним как к источнику всего этого и как всего этого реализатору.

Наука да и обслуживающая ее философия постарались представить хозяйство изначально и в основном как крестьянский двор, обрабатываемое поле, ремесленную мастерскую, фабрику, лесоповал, порт, автобазу, магазин, ресторан, банк, биржу, ну еще, может быть, театр, дансинг, казино, на крайний случай — публичный дом, т. е. как место, где идет производство благ — разумеется, для потребления и только для потребления. Все это названо *экономикой*, отделено от общего жизнеотправления, от всеобщего творческого процесса, от целостной реализации человека как человека. Победили тогда рационализм и материализм, а вместе с ними — узость и поверхностность. Философы, к примеру, почему-то никак не почитались за хозяйствующих субъектов — производителей знания, не говоря уже о поэтах, которые как именно поэты к хозяйству не имели-де никакого отношения. Это и понятно: какая-такая могла быть в творчестве Гегеля или Пушкина экономика, хотя, надо заметить, хозяйство-то ведь было (писание философского трактата — хозяйствование, стихосложение — хозяйство, — разве не так?)?

Наука, перемешанная с обслуживающей ее философией, отвергнув Дух и духовность, идеальность бытия и трансцендентность мира, не могла трактовать хозяйство иначе, как рационально и материалистически, а соответственно — узко и поверхностно, хоть и говаривала еще иной раз о сущностях и субстанциях, но не где-нибудь, а всего лишь… в товарах, т. е. в вещах, может, еще в труде, понимая его опять же рационально и материалистически, узко и поверхностно: разве ж труд всего лишь затрата биологической энергии, разве ж это только физическая сила, разве ж это лишь манипуляция рук и мерцание каких-нибудь нейронов?

Ни хозяйства в итоге не получилось, ни самой экономики. Одна суженная и чрезвычайно упрощенная путаница, не позволившая экономической науке с подчиненной ей метафизикой даже предмет-то свой обрести: экономика, производство, хозяйство — все это, мол, слова-синонимы, хотя, имея возможность употребляться как синонимы, сами по себе они вовсе никакие не синонимы. *Производство* — изведение чего-либо с предшествующим замыслом (зачем же тогда это «про»?); *экономика* — изведение не чего-нибудь, а непременно *стоимости*, ибо без стоимости и стоимостного расчета, т. е. без *денег* и *цен*, никакого производства по-экономически, т. е. с обменом товарами, куплями-продажами, эквивалентами и обманами, доходными эффектами и ресурсными оптимами, не получишь, тем более уж не получишь никакого потребления, особенно, неограниченного; *хозяйство* — любого изведения *организация*, или, если хотите, *изведение изведения*, однако такая организация, при которой изведение — как и потребление — лишь внутренние моменты этой самой организации.

Можно хозяйствовать неэкономически, к примеру — натурально, а можно экономически, т. е. с деньгами, через деньги и ради денег. И изводить при этом можно все, что угодно: предметы, услуги, способ хозяйства, философию, политику, идеи, чувства и т. д. и т. п., — и все это, заметим, будут хозяйственные продукты — разве тот же президент демократически обустроенной страны не является продуктом «демократического хозяйства»? А всякое вранье с телеэкрана — не хозяйственный ли продукт? А тот же футбол? А любая хорошо обдуманная фикция? Этот список можно продолжать и продолжать: все вокруг есть хозяйство, зато далеко не все есть экономика, хотя

производства всюду хватает, ибо потребление блага или та же смерть человека тоже ведь производственны, т. е. изведение чего-то, хотя бы и небытия. Хозяйство и производство неотделимы, но надо иметь в виду, что первое логически и фактически объемлет второе, делая его своим внутренним моментом.

Экономия — знание об экономике, об экономическом производстве и производстве самой экономики, об экономическом хозяйстве, о хозяйствовании по-экономически. Если об *этом* и только об *этом*, то никаких онтологических и гносеологических проблем здесь нет: *экономия говорит об экономике*. Но коли под экономикой понимать не экономику, а… то же хозяйство, то тут уже является как раз великая путаница. Сказать, к примеру, «хозяйство Бога» вполне можно, а вот сказать «экономика Бога», увы, что-то язык не поворачивается. Так вот: экономике — экономиево, а хозяйству — хозяйствово, — и никакого другого варианта здесь нет!

Экономия воспела экономику, — и явилась экономия как раз с победой экономики: отметить триумф последней и призвать всех людей стать *экономистами*, т. е. буржуа, т. е. капиталистами, т. е. предпринимателями, т. е. третьим сословием, привязав к себе, конечно же, и класс наемных работников. И что же: экономику экономия вполне оправдала (А. Смит), как и ухитрилась затем выступить и против нее (К. Маркс), но вот своих онтологических проблем она не решила, ибо рационалистична и материалистична была, узка, поверхностна, к тому же и механистична (диалектика ведь тоже может быть механикой — только более утонченной).

Политическую экономию можно в общем-то посчитать за *философию экономики*, даже и за *философию хозяйства*, но с теми важными оговорками, что, во-первых, это есть не более чем научно-экономическая версия философии хозяйства; во-вторых, это есть знание всего лишь о части хозяйства, а не о хозяйстве как о безграничной целостности; в-третьих, это знание более идеологического (заданного, служебного), чем онтологического (нейтрального, хода вещей) порядка. А уж современную теоретическую экономию к философии хозяйства уже никак не отнести, ибо она слишком уж феноменальна, механистична и технологична, а также чересчур математична (фактически многое в такой экономии уже не имеет отношения к соб-

ственно экономике, несмотря на всю отчаянную экономическую фразеологию).

Но, даже и находя что-то философско-хозяйственное в классической политэкономии, мы не можем сказать, что политическая экономия является в полном смысле слова философией хозяйства: не те посылки, не те ходы, не те и разрешения. Политическая экономия есть как бы *недо*-философия хозяйства, либо *около*-философия хозяйства, либо *заместо*-философия хозяйства, т. е. что-то вроде бы философско-хозяйственное, но вот… не сама по себе философия хозяйства. Для того чтобы стать таковой, надо всего лишь… не быть политэкономией: в политэкономии есть некое полагание философии хозяйства, но есть и отрицание этой последней, причем, на наш взгляд, более сильное, чем полагание, т. е. практически сводящее это полагание на нет.

Философия хозяйства стала именно философией хозяйства не столько *в итоге* политэкономии, сколько *по итогам* политэкономии, *в преодолении* этой последней, даже *ей вопреки*. Стихийно философия хозяйства себя как-то проявляла и до политэкономического бума, отразилась она и в самой политэкономии, но собственно философией хозяйства — в полном смысле этого словосочетания — стала уже по завершении великого политэкономического века, т. е. на рубеже XIX—XX столетий, когда кое-кому из неприветствуемых особенно мыслителей вдруг открылось, что хозяйство — вовсе не то хозяйство, которое предполагается политэкономией, что делает хозяйствующий человек на Земле далеко не только то, что рассматривает политэкономия, что итоги этого делания совсем не те, что улавливаются обычно политэкономией, что вопрос о существовании человека гораздо масштабнее и острее, чем могла себе представить политэкономия, что сам феномен хозяйства и хозяйствующего человека не столь прост, материален и механичен, чем могла вообразить себе онаученная политэкономия, что феномен этот был просто не по зубам такому знанию, как политэкономия.

В том-то и дело, что политэкономия, заявив себя вроде бы философией хозяйства, по сути и полноте содержания таковой как раз и не была. Мало того, несмотря на многие вполне приемлемые достижения, политэкономия не могла не потерпеть — по причине узости, если не скудости, своей предметной,

аксиоматической и методологической базы — в общем-то сокрушительного поражения, после которого ей пришлось… просто перестать быть политэкономией и стать… всего лишь *экономической теорией*, вообще оставившей всякие сущностные (эзотерические), мировоззренческие и соответственно философские притязания, занявшись чистой феноменологией, структуралистикой и «математистикой», фактически оказавшись даже не экономической теорией, а какой-то *неэкономической теорией экономики*, служащей не столько онтологическому трактованию экономики, сколько ее условной — под функциональную технологию — интерпретации.

Никакой философии хозяйства не было бы, не будь замечательного русского слова *хозяйство*. И хотя в славянских языках существует также слово *господарство*, переводимое обычно как хозяйство, это самое господарство все-таки не совсем то, если совсем не то, что русское «хозяйство». Не знаю, было ли у Пушкина поэтическое господарство, а вот поэтическое хозяйство точно было; трудно мне представить и такие словосочетания, как «господарство ребенка» или «господарство мудреца», зато совсем легко вообразить «хозяйство ребенка» и «хозяйство мудреца»; не знаю, присуще ли философу его собственное «философское господарство», а политику — «политическое господарство», но вот «философское хозяйство» и «политическое хозяйство» им явно не чужды. Мне трудно судить о возможностях немецкого *Wirtschaft*, переводимого на русский как хозяйство, но английское *economy*, как и французское *economie*, восходящие к греческому *oikonomia* (управление хозяйством — согласно «Словарю иностранных слов» 1984 г.), ничего подобного русскому «хозяйству» не передают.

Упрямое и говорливое *хозяйство* легко сочетается с жизнью, во всяком случае, с жизнью деятельных существ; с человеком и его личным и общественным жизнеотправлением; с сознанием, которое не только вершит осознанное хозяйство, являясь при этом его необходимым атрибутом, но и само есть продукт хозяйства; с природой, которая вполне хозяйственная; вообще с бытием, которое трудно посчитать нехозяйственным. И причем тут, извините, *экономика*, во всяком случае, для носителя русского языка? Русское «хозяйство» так много открывает русскоязычному человеку смысла, оно так воистину глубоко-мысленно, так философически щедро, что грех, если не

преступление, закрывать на него глаза ради мало что говорящего русскому сознанию иностранного слова «экономика». Как все это объяснить онаученному русскоязычному человеку, я, честное слово, не знаю. И так пытаюсь, и эдак, — а воз и ныне там!

Ведь даже в самой что ни на есть политэкономической интерпретации *экономика* — далеко не вся жизнь, не все бытие человека. Какая-такая экономика бывает у отдельного человека, у семьи, у отца с матерью, у сына с дочерью, у племени, у крестьянина, у феодала, у предпринимателя, у банкира, у депутата, у либерала, у фашиста… и т. д. и т. д.? — да почти никакой! — у всех у них прежде всего *хозяйство*, а уж в чем-то, в какой-то момент, в определенных обстоятельствах все они могут осуществлять и *экономику*, когда надо деньги считать, прятать или тратить. Разве тот же банкир, вызывающий в кабинет секретаршу и дающий ей указания по поводу своего отлета в Париж — поразвлечься, в этот момент экономист? Конечно, нет. Но зато он самый что ни на есть хозяйствующий субъект, ибо дело он важное делает, жизнеотправляется, поразвлечься собирается. Почему же это все не воспринимается моими хорошо образованными коллегами, я не знаю. Сидя в парижском ресторане с очаровательной дамой, наш банкир, что, разве он в этот момент именно банкир и уж тем более экономист? Разумеется, нет. Но вот если он лихорадочно подсчитывает свой денежный расход за ресторанное действо, то да, он в этот момент вполне экономический человек, а уж когда он расплачивается — то вдвойне, а уж коли и дама солидарно с ним тоже расплачивается, то наш банкир уже втройне экономист, весьма при этом удачливый.

Экономика, как ее не трактуй, это не только не все хозяйство, но и по главному своему смыслу — совсем даже не хозяйство, ибо не несет в себе фундаментального хозяйственного начала — *жизненного*! Хозяйство — жизнь, а вот экономика, пардон, — не жизнь, а всего лишь в богатой всяческим содержанием человеческой жизни особого рода расчетный способ ее организации — товарный, обменно-оценочный, оденеженный. Разумеется, экономика вполне достойна специального знания, даже особой науки, даже глубокомысленной теории, в чем-то и мудреной философии, но… именно экономического знания, знания об экономике, экономствующего, так сказать, знания.

Сколько бы экономическая наука ни рассуждала о ресурсах, производстве благ, их движении, распределении и потреблении, о труде, об оптимальных сочетаниях факториальных затрат и т. д., она все равно приходит к одному и тому же — к деньгам и к денежному расчету, ими же скрупулезно и занимается. Все остальное, т. е. все неденежное, осмысливается всерьез как раз неэкономическими науками, ибо ресурсы, производство, продукты, услуги, труд и т. д. сами по себе, т. е. без денежного выражения и без участия денег, вовсе не экономические вещи, а совсем иные: природные, технические, интеллектуальные, вообще хозяйственные. А сколько в тех же деньгах или в том же кредите, заметим, неэкономического? Почему же это никак не принимается во внимание старательными изучателями не то хозяйственной, не то экономической реальности?

Не экономика является собственно предметом философии хозяйства, а хозяйство, причем не как производство благ и их потребление, чем занимается та же политическая экономия, а как само *жизнеотправление человека* — материальное и идеальное, физическое и духовное, сознательное и бессознательное, воспроизводственное и творческое, созидательное и разорительное, личное и общественное, земное и космическое, природное и неприродное, в ясности и в потемках, посюстороннее и потустороннее, имманентное и трансцендентное, жизнеутверждающее и жизнепоражающее, рождающее и убивающее, жизнеспособное и смертельное. Человеческое хозяйство — *деятельная реализация человеком всего своего существа:* ручная и ножная, умственная и чувственная, во взаимоотношениях с материальной и с идеальной средами, с природой и с мировым духом, но при этом и с самим собою, своим собственным сознанием, но непременно вкупе с другими сознаниями, в отношениях с другими людьми, в лад и в разлад с ними, в угоду им и вопреки им, причем такая реализация, которая предполагает переделывание человеком всей среды обитания — *мира своего бытия*, созидание *своего мира* — человеческого, неприродного, искусственного, мира, оплодотворенного человеческим сознанием, рожденного человеком, как бы выходящего *из* человека, *от*-человеческого мира, *homo*-мира.

Есть литосфера, есть биосфера, есть, вроде бы, ноосфера, но есть и *homo*-сфера, или по-русски — *хомосфера*, которая есть сфера не просто обитания человека, его вообще бытия, а

сфера человеческого хозяйства — *хозяйствосфера*, которая мало того, что деятельна, но еще и созидательно, перевоплотительно, преобразовательно, переустроительно и, наконец, *пересотворительно* деятельна. И хотя на первых порах человек хозяйствовал как в общем-то дитя природы, покорный как бы родившей его природе, то затем он стал хозяйствовать сначала как партнер, а потом и как хозяин природы, а далее уже как господин природы (не отсюда ли «господарство»?), а теперь вот уже и как создатель своего собственного целостного мира, качественно в корне отличного от природы, ей уже глобально противостоящего. Не забыл человек хозяйствующий и о себе: совсем другим стал, с иной культурой, с другим сознанием. *Хомосфера — хозяйствосфера — артесфера* (искусственная сфера), но почему же при этом и не *артехомо*?!

Вот и выходит, что религия, философия, наука, как и вся вообще культура — хозяйственные продукты, составные элементы хомосферы, ее артесферное ядро, а вот ядром этого ядра, ее центром, оказывается не что иное, как… *философия хозяйства*, призванная как раз эту самую хозяйствосферу всесторонне и глубоко, органично, извне и изнутри, осмыслить и выразить, но непременно в ее отношении не только с хомосферой и артесферой — но и с более обширной сферной средой, в пределах и в беспределье которой не только природосфера и вообще миросфера, но и… *иносфера*, о которой человеку мало что известно, точнее, известно лишь то, что она есть, что она совсем иная, человеком никак не прочитываемая, но человеком все же упорно предполагаемая, мало того, с человеком взаимодействующая — чуть ли не по-родственному.

Вот и пошли вопросы: а что есть человек? а что есть жизнь? а что вообще творит человек? а что тогда есть хозяйство? Много сразу вопросов, которые надо как-то осмыслить, подойти к ним с какими-то ответами. *Человек-демиург!* О, это уже не человек-производитель и не человек-потребитель, это не добывание человеком богатства и яростная борьба за него, это даже не воспроизводство человека, тем более не оптимизация использования ресурсов, не говоря уже о товарном обмене с оценками и борьбе за возрастание стоимости, — тут явно что-то другое, куда-как более *смысловое*, глубокое и важное, тут что-то уже *иное*! Шутка ли, *пересотворение человеком данного ему мира*! А по какому-такому образцу, в соответствии с каким

проектом, ради какого замысла? Вот тут-то все и начинается, то самое, что уже за пределами не только науки, не только философии вообще, но даже и религии. Нет нигде ответа, а вот *демиургическое хозяйство* есть — и идет оно не в соответствии с чем-либо человеку известным, ибо оно — *иное* и от *иного*!

Вот и знание обо всем этом *иное*, не просто новое, дополняющее уже имеющиеся знания, хотя и это есть, а иное, поскольку *иное* об *ином*, о том, что есть, но чего и нет, что приходит из *ничего*, что не имеет явного начала и определенного конца, о чем можно говорить и говорить, но что все равно остается необсказанным, что имманентно, но что и трансцендентно. Ну а разве, скажут нам, религия, философия вообще, та же наука не о том же, не о таинственном, не о ничто — особенно философия, не стремящаяся в целом ни к догматам, как религия, ни к конечным истинам, как наука? Да, ответим мы, в основном о том же, но, во-первых, не о *творящем в человеке и через человека ничто*; во-вторых, не в единстве с этим *творящим ничто*; в-третьих, не как само это *творящее ничто*. Чтобы это творящее ничто заговорило, его, во-первых, надо заметить, во-вторых, надо слушать, в-третьих, надо понимать. А для этого надо для начала увидеть не что-нибудь, а *хозяйство*, но не в быто-разрешающем плане, а как саму себе причину, саму себе сферу и само себе движение, затем узреть *хозяйствующего человека*, это хозяйство творящего и этим хозяйством творимого, а потом уж разглядеть и само *хозяйствующее ничто*, из которого как раз и следует *хозяйственное нечто*, творимое человеком и творящее человека. Здесь, конечно, потребна философия, но особого рода философия, которая не только *в* хозяйстве, но и *от* хозяйства, которая есть самоосмысление хозяйствосферы, ее самоопознание и самопознание. Это философия не просто *о* ничто, а более всего *из* ничто, однако в человеке и через человека. Долгое время вершилось хозяйство просто философическое, т. е. с философией вообще, но без философии хозяйства и соответствующего его философского осмысления, а теперь вот наступило хозяйство вполне офилософствованное — уже с философией хозяйства. Это супернаменательный факт, говорящий об очень многом — и необычном, об ином, но, как водится, еще всерьез не замеченный и достаточно не оцененный.

Возникнув в природе, как и осознав себя в ней, человек долгое время хозяйствовал если не совсем по-природному, то

во взаимодействии с природой, его хозяйство было в основе природным, а также *со*-природным, как и *от*-природным, во всяком случае, человек, даже и борясь с природой, мыслил себя существом природным и от природы всерьез и надолго не отходил. Хозяйство было настолько естественным делом, достаточно органично сочетающимся с природой, что о самом хозяйстве и говорить-то специально не было никакой необходимости. Человек потреблял природу, природа возобновлялась; хозяйство шло в циклическом воспроизведении, отражавшем природную цикличность; природа доминировала над человеческим хозяйством, а последнее осуществлялось в природе, с нею, по-природному. Включенное в природу, хозяйство не рассматривалось и не могло рассматриваться как нечто особенное, обладающее особой сферной характеристикой, хотя, надо заметить, человеку пришлось создать идеальную, экологически, как сейчас говорят, обоснованную культурную защиту природной среды обитания (систему запретов, норм, допусков), в чем непроизвольно выразилось фактическое выделение человеком своего хозяйства из природы — без его фундаментального ей противопоставления. Создавал, хозяйствуя, человек и самого себя, свой идеальный мир, свою культуру, свой образ жизни, манеру поведения, свою общественность, необходимые для своего бытия регуляционные механизмы. Осознал в конце концов человек и присущую ему специфическую способность — *сознание*, понял, что он может *знать* и *узнавать*, накапливать *знание*. Уразумел человек, что он *особь* в природе, что он не-совсем-природа, а, пожалуй, что и неприрода. Задумался! И вывел, что есть, видно, какая-то *сверхприрода*, от которой и он — человек, и что эта сверхприрода его сильнее, как сильнее она самой природы. И постарался встроиться не в одну лишь природу, но и в сверхприроду, установив и поддерживая связь не только с природой, но и со сверхприродой. И многое, очень многое тогда открылось человеку — вплоть до Бога Творца и Его Творения!

Но все это произошло не сразу. Сначала человек хозяйствовал, глубоко погрузившись в природу, а потому природа и была для него сверхприродой, точнее, сверхчеловеческим нечто — живым, думающим, решающим, которого приходилось невольно побаиваться и вполне обоснованно уважать, перед которым не грех было и преклониться. Одухотворена и сакрализована была человеком природа, став для него воистину *При-*

родой! И хозяйствовал человек, ища с природой единства, общаясь с ней, слушая ее и читая, ею руководствуясь. И вся жизнь человека, вся его культура, вся идеальность были обусловлены и пронизаны природой, которая и была для человека Богом, а идеальное и проникновенное общение с ней — религией. Была ли тут при всем при этом философия хозяйства? Конечно, была. Однако не эта, не такая, не та, что сегодня, а вполне стихийная, сама собой разумеющаяся, не осознанная, естественная, одним словом — природная.

С природой был тогда человек сообща, и человек с человеком был тогда сообща. По-одному было не выжить. Только вместе — сообща, общностью, *общиной*. Но сознание-то у человека прежде всего в человеке — отдельном человеке. Не сразу, но понял и это человек, а именно то, что он-то и есть носитель идеального мира: не община, а он, и только уже вместе с ним община. Осознал человек и, с одной стороны, человеческую неодинаковость, да не только и не столько физическую, хотя ее, наверное, в первую очередь, а неодинаковость умственно-духовную, идеальную, сознаниевую, а с другой стороны, осознал человек и человеческую иерархичность, наличие ведущих и ведомых, определяющих и подражающих, начальствующих и исполняющих. Неважно, кто был наверху: старейшины ли, вожди ли, знахари ли, мужчины ли, женщины ли, просто взрослые или вообще более опытные ли — одно сознание так или иначе было выше другого, первее, важнее, весомее, эффективнее.

Неодинаковость и иерархичность сознаний!

Отсюда уже один шаг от общины к *обществу* — абсолютно революционный, конечно же, многоходовый и страдательный, но в качественном отношении именно один шаг. От сообщества людей-общников к сообществу людей-ячеек. Теперь не просто сообща, а в сложных взаимоотношениях сообща. На место простых *взаимодействий* пришли сложные *отношения*. Теперь люди были сначала сами по себе — обособленно, как ячейки, а потом уже вместе — однако уже в виде матрицы. Явилась и междучеловеческая, т. е. внутриматричная, организация, которая тоже была сама по себе — относительно каждого из людей, как внешний отношенческий институт (правила, насильственный порядок, законы).

Хозяйство перестало быть общественно единым и превратилось в общественное разделенно-объединенное хозяйство — с обособлениями, собственностью, отношениями и иерархиями. Один человек возмездно обменивался с другим — благами, ресурсами, результатами труда, возможностями, идеями; один человек производил и потреблял, а другой — управлял и потреблял; один человек присваивал произведенное другим человеком; появились и человеки-паразиты. Натуральное хозяйство сначала дополнилось экономическим, а затем и все более экономизировалось. На место *натураномики* шла *экономика*.

Человек переставал быть глубоко природным человеком, его интересовал не один необходимый, но и прибавочный продукт, он брал от природы больше, чем ему было необходимо, он стал все более жить вне природы, он создавал все более неприродный мир, все более от него отгораживаясь — в *городах*, живя не столько уже природно, сколько *цивилизованно*, т. е. сверхприродно. Человек не просто понимал, что есть сверхприрода, от него независимая и его превышающая, он уже жил в сверхприроде, все более ощущая себя сверхприродным существом, соответственно, на место природных духов он поставил вполне очеловеченных богов, даже и людей-героев превращая в богов, даже и правителей, вовсе и не героев.

Человек создавал теперь куда более сложные мифы о *сверхприроде*, о природе, о себе, а затем, не удовлетворяясь более мифами как мифами, т. е. образным представлением мира, пошел по пути созидания *философских мифов*, через которые попытался понять и представить мир, богов и себя в мире и рядом с богами посредством не образного воображения — поэтического, художественного, трансцендентного, а посредством всего лишь логических рассуждений, восходивших к логике слов и языка, безнадежно в итоге запутавшись, но выстроив все-таки максимально человеческую, т. е. от себя самого, картину мира.

Человек не только почувствовал себя центром мира, хотя еще и не его творцом, но при этом примерил на себя и вполне божеский образ — не бог ли он, в самом деле, бог здесь, на Земле, среди природы, в цивилизованной сверхприроде? Живя в городе, уже в известном отрыве от природы, человек не мог не возгордиться и не нагородить городского же представления о мире и о себе. Однако человек тут же и сорвался: то ли при-

рода от него отвернулась, то ли сверхприрода, то ли сам человек себя и призрел. Упор на философию обернулся на высшем уровне цивилизации… смертью богов, а затем и крахом столь наивно обожествившего себя человека.

Тут в дело вступила нечеловеческая сверхприрода: оказалось, что бог един, что он — Бог! — еще и триипостасен: Отец, Сын и Дух Святой. Мало того, Бог периодически являлся людям, а однажды уже и как мессия — как Христос, как Богочеловек, как Сын Божий. И свершилась великая революция — *христианская*, и человек, будучи тоже сыном Божьим, его созданием — по подобию, был призван уяснить Истину, согласно которой он, являясь творением Бога, — сам же не бог, более того, он всего лишь раб Божий, от Бога не то что зависимый, а призываемый Богом, даровавшим ему свободу, не забывать, скажем так, о своем происхождении, о своей относительности и имманентности природе, тоже Богом сотворенной, о своей вторичности. Да, человек не был уже рабом природы, но он не был и господином природы. Человеку многое было дано, но далеко не все, — и чтобы оправдать свое особое положение в природе, свою определенную божественность, т. е. и инаковость, свою связь с абсолютным и трансцендентными началами, человеку нужно было крепко уважать своего Создателя, тем самым уважать и самого себя, но… непременно через уважение другого человека — как самого себя, а потому исповедовать не силу, не изворотливость, не изобретательность, а кое-что другое, а именно — Любовь. «Любите друг друга!» — сказано было Богом Христом, — остальное-де само приложится! И в подтверждение этой простой по выражению, но невероятно сложной для исполнения истины свершил Бог Христос искупительную жертву, добровольно пойдя на муки и смерть, чтобы показать, к чему ведет нелюбовь — к гибели, но и чего можно достичь любовью — не одной благодатной жизни на Земле, но и посмертного воскресения с вознесением на Небо.

Так или иначе, но потерпевший поражение от природы и сверхприроды, как и от самого себя, цивилизованный человек получил, выразимся попроще, *ориентацию* (ориенте — восход, восток!) от самого Бога, кое-что жизненное важное человеку хозяйствующему разъяснившего. Началась *Христианская эра*, когда передовой человек средиземно-морской ойкумены должен был жить, действовать, хозяйствовать уже *по-христиански*,

ориентируясь на Бога, Божественную мудрость — Софию Премудрость Божию, на Любовь.

Но нет, человек, попытавшись лишь немногим числом, да и то в части своего бытия и временно, следовать заповедям Христовым по преимуществу в период оппозиции христианства господствовавшей тогда, хоть и ослабевшей и умиравшей, так называемой языческой, или античной, идеологии, в момент становления христианства, бескомпромиссной борьбы за него его искренних приверженцев ограничился весьма ловко лишь приспособлением к форме христианства, восприятием некоторых его внешних установок, использованием соответствующих словес и ритуалов, но по сути… по сути мало что в себе изменил, более того, восстал в конце концов либо втихую, либо с шумом и гамом, а то и с откровенным революционным грохотом против полноценного и последовательного христианства, предавшись — согласно тому же христианскому учению — в руки антихриста, изменив в соответствии со своими земными нуждами христианскую идеологию, а затем и вовсе от нее отрекшись, более того, породив нечто совершенно небывалое — *атеизм*, т. е. отрицание Бога, потусторонней сверхприроды, абсолютного и любого вообще сакрального начала.

Человек предпочел остаться *один* — наедине с собой и наедине с природой!

Однако не от слабости своей так поступил человек, как ему казалось, а от *силы* — ощущения *своей* силы, ибо, отойдя от религии и вновь обратившись к философии, припомнив и дохристианскую философию, взяв на вооружение и философию антихристианскую, человек размышляющий и деятельный вдруг почувствовал великую в себе созидательную силу, скомпоновав и соответствующую идеологию — возрожденческую, просвещенческую, познавательную, творческую, предпринимательскую, но при этом еще и породив *науку* с *технологиями* (*техникой*), а также дав простор *экономике* с *капиталом*.

Это была ***Революция***, которой еще не знал цивилизованный человек — все цивилизации до той поры строились с признанием божественного начала, его руководящей роли, во всяком случае, с признанием высшей относительно человека силы, на которую так или иначе нужно было человеку ориентироваться, — теперь же человек ориентировался только на самого себя, мало того, он посчитал для себя возможным не просто

приспособить под себя данный ему природный мир, а переделать этот мир по своему усмотрению, т. е. человек, а это уже звучало гордо — *Человек*! — взялся *за пересотворение не им сотворенного мира*, человек почувствовал себя богом творцом. На место Богочеловека Христа пришел человекобог — *антихрист*!

И началось!..

Не будь этой Революции, не было бы никакой научной философии и никакой научной политической экономии, не говоря уже о совершенно уже научной экономической теории. Человек рассуждал теперь о мире и о себе со своей собственной, при этом еще и демиургической и даже теургической, позиции. Новая философия призвала его делать, делать и делать! Политическая экономия учила его использовать при этом экономический механизм, ставший капитальным (с самовозрастанием стоимости). Труд был оправдан, обоснован, освящен. Еще более повезло инициативе. Созидание, обновление, прогресс! — таков был и остается до сих пор лозунг постхристианской, а по сути — антихристианской, цивилизации. На место Любви — Польза, на место самоограничения — Право, на место самоконтроля — Закон!

И т. д. и т. п.

Во всем!

И результат не замедлил сказаться: возник новый — секуляризованный и десакрализованный — мир, неприродный, искусственный, совершенно человеческий! Современный нам мир! Он весьма нам известен, хоть и не слишком, признаемся, понятен. Царство благости — прямо здесь, на Земле! В итоге покорения природы, ее переделки, создания чуть ли не равной ей, как минимум, неприроды. От города-полиса — к городу-мегаполису; от цивилизации еще как-то природной — к цивилизации уже *пара*-природной; от цивилизации *с* природой — к цивилизации *над* природой.

Сверхприродная получилась цивилизация, однако не потусторонняя, а посюсторонняя, причем обретшая и какой-то как бы потусторонний образ — ведь не было же подобного целостного мира никогда в данном человеку мире! Не удовольствовался человек ожиданием *иного мира*, могущего ему быть дарованным Господом Богом, а построил свой собственный, его

как-то и удовлетворяющий, мир — из природного, надо заметить, материала, но… ведь и из… *ничего*!

Не природа же создала этот человеческий мир, да и не Бог Творец, — это сделал *сам* человек, своим сознанием, из своей головы, своими руками. И если рвение хозяйственное еще можно объяснить стремлением к лучшему устройству человека в мире, то как объяснить саму программу переустройства мира, если не… соответствующей, для человека удобной трактовкой… того же христианства, а может, и дохристианства, а может, и парахристианства, а может, и антихристианства? Почему же сыну божьему — ведь по подобию! — не возомнить и себя творцом, а то и самим богом, почему же не сотворить свой собственный мир из, с одной стороны, подручного материала — природы, а с другой… из ничего? Разве человек не наделен способностью фантазировать, изобретать, творить? И не изобразил ли великий Микельанджело на потолке Систины как раз обретение человеком… свободы… свободы творить… свой собственный мир, правда, по Микельанджело… не без Судного Конца?

Была эйфория, было интересно, был восторг — до рубежа XIX—XX вв. от Р. Х. Факт! Нет, все это не сменилось полным унынием, нет, но явилось вдруг ощущение какого-то… *ужаса,* конечно же, не у всех, далеко не у всех, хоть и бросилась кое-какая элита в *декаданс*, если не в *деградане* (а *данс*, как известно, звучит на французском так же, как и танец, хоть и пишется несколько иначе — не *danse,* а *dence*), — это после *Ренессанса*-то! — именно ужаса от содеянного человеком, от сотворенного им мира, от предложенной человеком иной жизни, а главное, от самого человека, но при этом еще и от нового мировоззрения, позитивной философии, деятельной науки, вездесущей техники, бесцеремонной экономики, не говоря уже о безбожии и антихристианстве. И как тут было не явиться ***философии хозяйства***, преодолевающей царствующую, хоть уже и не царственную, философию и захватившую чуть ли не все интеллектуальное пространство, хоть и далеко не все мировоззренчески объясняющую, науку, той самой философии хозяйства, которая способна выйти в просторы какого-то ***иного*** знания, вовсе и не просто синтетического, т. е. как-то объединяющего науку, философию и религию, а, хоть и впитывающего в себя имеющиеся знания, представляющего собой уже и какое-то рядом с ними

стоящее знание, специфика и значение которого вовсе не в новизне как таковой, хотя в главном оно и новое, а в фундаментальной ***инаковости***, которую еще предстоит осознать и которой еще предстоит целостно раскрыться.

В.К. ПЕТРОВ

Определение философии хозяйства в системе взаимоотношения науки и религии (Философия хозяйства. 2005. № 6)

Наука как система познания природы и феноменального мира. Религия как связь человека с Богом и духовным миром

Наука познает природу как творенье Божье, она изучает законы мира, а Бог-Творец — вне законов мира сего. Таким образом, наука ограничена изучением тварного мира и относительных истин. В этом смысле возможен безрелигиозный метод познания, так как Бог — вне этого мира, и наука не имеет никаких средств изучать духовный мир.

Итак, естественные и точные науки изучают феноменальный мир и основаны на опыте. Сферы их исследований прямо не пересекаются с религией, через которую познается духовный (номинальный) мир. Однако абсолютизация безрелигиозного метода познания (естественнонаучного) есть форма апостасии, что очень вредно сказалось в области «общественных наук». Дело в том, что человек принадлежит двум мирам — как феноменальному, так и духовному. В этом смысле человек надприроден, он обладает свободной волей и постоянно совершает нравственный выбор, чего нет в природной среде, где действует железный детерминизм. Поэтому всякое изучение общественной жизни, сфер человеческой деятельности без духовно-религиозной составляющей будет абберацией и редуцированным представлением о человеке и обществе. Это означает, что общественные науки не могут отразить всю полноту человеческого бытия.

Итак, наука и религия должны соединяться в познании человека и общества. Причем их связь осуществляется через философию и метафизику. Наука отражает реальные явления и процессы, в том числе через абстрактные категории, выводимые из конкретного опыта, но как только исследователь пере-

ходит к построению абстрактных, непроверяемых опытом схем, «социально-экономических учений», он вторгается в область метафизики. Под метафизикой в данном случае мы имеем в виду умозаключение, которое нельзя немедленно проверить каким-либо опытом.

«Общественные науки» в СССР были на самом деле смесью объективных (научных) фактов и «нездоровой метафизики», которая имела марксистское происхождение. Самое удивительное — то, что «дурная метафизика» Маркса была полностью опровергнута экспериментом, начавшимся в октябре 1917 г. в России. Можно сказать, что Ленин доказал несостоятельность марксистского «экономического детерминизма», показав, что в истории реально действует свободная воля человека. Однако Ленин не мог опровергнуть детерминизм Божественного Промысла как объективного фактора мирового развития. Метафизика самого Ленина (СССР — как прообраз будущего мирового социалистического государства победившего пролетариата) была опровергнута в ходе событий (исторического эксперимента) 1991—1992 гг.

Поэтому важнейшей задачей исследователя является построение своих умозаключений (метафизики) на здоровой религиозной основе, т. е. на истине, которая во всей полноте дана только в православии. Отрицание абсолютной истины материалистами и позитивистами всех мастей провозглашается ими как «абсолютная истина», на которой и строится их «нездоровая метафизика».

Философия хозяйства как связующее звено между наукой и религией в познании экономической деятельности человека и хозяйственных систем

Религия и богословие как наука, изучающая, обобщающая и систематизирующая духовно-религиозный опыт, не занимаются хозяйственными проблемами как таковыми. Бог дал человеку нравственный закон, Он не давал экономического закона, чтобы у человека оставалась свобода выбора для организации своей хозяйственной деятельности. Поэтому сфера экономики является зоной искушения, где проверяется духовно-нравственное состояние человека.

Экономическая наука изучает и систематизирует факты хозяйственной деятельности человека, и сама не несет в себе

аксиологической оценки экономических явлений и процессов. То, что раньше называлось политической экономией капитализма и социализма, нельзя назвать наукой в точном смысле этого слова. Это была смесь научных понятий и представлений с «дурной метафизикой», о чем шла речь выше.

Типичным примером этого может служить «библия пролетариата» — «Капитал» К. Маркса, где наряду с научными разработками полно предвзятых, недоказанных, слишком личных умозаключений автора, которые впоследствии через государственное принуждение стали «истиной в последней инстанции». Чего стоит одна умозрительная абстракция — категория «стоимость», которую невозможно измерить, увидеть, «потрогать». Уже в начале XX в. многие российские экономисты считали ее «фантомом» (Туган-Барановский, Струве).

Не отражены полностью в научной литературе и все источники, «все составные части марксизма». Например, откуда взялась идея Маркса о том, что настоящая история человечества начнется только после победы пролетариата над буржуазией во всемирном масштабе? Источник этой метафизики легко определяется, если принять во внимание еврейское происхождение Маркса — это еврейский хилиазм, только вместо евреев в мире «навсегда» побеждает пролетариат. Сам Маркс был ярым юдофобом, мечтавшим не об эмансипации еврейства, а об эмансипации мира от еврейства, которое, как он считал, сыграло главную роль в возникновении капитализма.

Поэтому задачами философии хозяйства должны быть мировоззренческая оценка и осмысление политической экономии капитализма и социализма, отделение в них научных элементов от метафизики. Кроме того, философия хозяйства может заняться поиском возможных альтернатив современной мировой экономической системе глобального капитализма с опорой на христианскую антропологию и историософию (эсхатологию).

Из этого следует, что помимо «дурной метафизики» может быть и должна быть «здоровая метафизика», опирающаяся на истинную религию. Христианская религия как реальная связь с Богом имеет еще и сильную этическую составляющую. Христиане должны знать все условия своего спасения, которые можно объединить как чисто религиозные и этические. Первые являются обязательными: крещение во имя Христово, испове-

дание имени Христа, причастие Его Тела и Крови — но недостаточными без любви к Богу и людям (этические условия).

Через христианскую этику раскрываются необходимость социальной справедливости и создание соответствующего общественного строя, который условно можно назвать христианским социализмом (обществом социальной справедливости). И философия хозяйства может показать очевидные преимущества евангельского реализма над гностическим утопизмом, лежащим в основе как советского социализма, так и современного западного капитализма.

Наконец, еще одной задачей философии хозяйства должен быть самоанализ, поиск адекватных этой дисциплине категорий, методов исследования и т. п. При этом изучаются и оцениваются не только идеальные и абстрактные конструкции, но и практические явления и процессы, различные экономические системы, типы хозяйств. Иными словами, предметом философии хозяйства являются организация человеком своей экономической деятельности и экономическая наука как ее отражение.

Важным представляется также изучение причин поражения советского социализма в конфронтации с западным капитализмом. В истории случайностей не бывает, и под этим углом зрения надо рассмотреть суть и значение советского социализма. Эта проблема не имеет чисто экономического решения, но философия хозяйства могла бы внести свой вклад в прояснение этих исторических фактов. Наука может познавать только видимую часть явлений и процессов, а метафизика — то, что за этим стоит.

Философский взгляд на основную хозяйственную проблему России

На наш взгляд, в России, Третьем и последнем Риме, исторически не был выработан адекватный православию хозяйственный строй. На то есть очевидные исторические объяснения. Еретический, а потом и просто антихристианский Запад получил временную фору из-за 250-летнего монголо-татарского ига на Руси. Иначе говоря, Запад сумел вырваться вперед в экономическом и научно-техническом развитии, что заставило Россию не раз проводить так называемые форсированные индустриализации (модернизации).

Первой такой модернизацией была «феодальная индустриализация» Петра I, импульс которой окончательно затух к середине XIX в., когда Россия утратила гегемонию в Европе, которую она имела после победы над наполеоновской Францией. После поражения в Крымской войне Александр II вынужден был пойти на либеральные реформы капиталистического типа. Начало было положено Великой реформой 1861 г., ликвидировавшей феодальную крепостную зависимость крестьян. Однако последующий ход событий показал, что православие и капитализм не совместимы.

Православие призвано собирать общество в соборном единении, а внутренние имманентные закономерности капитализма разъединяют людей, навязывая всем конкурентную борьбу за «место под солнцем». Православие учит любить ближнего своего, а принципом капитализма является «мудрость» — «пусть неудачник плачет…». Высшая цель православно ориентированного государства — спасение душ всех достойных граждан, высшая цель общества капиталистического типа — обогащение здесь и сейчас в земной жизни, так как секулярное сознание западного типа отвергает в той или иной степени религию как «пережиток прошлого».

Выражаясь уместным в данном случае марксистским языком, «православная политическая надстройка» в лице самодержавия вошла в явное противоречие с новым «квазикапиталистическим базисом». В феврале 1917 г. это противоречие было временно разрешено либерально-масонским переворотом. Однако ничего кроме хаоса и развала не произошло, и понадобился еще большевистский переворот, положивший конец либеральному капиталистическому пути России.

Следующая большевистская форсированная индустриализация во многом по методам проведения напоминает первую «петровскую», но уже, конечно, на новой технологической основе. Осознанно или нет, но большевики показали, что Запад в военно-экономической и научно-технической сфере его же либеральными методами не догнать. СССР не смог бы сопротивляться половине Европы без реализации «мобилизационного проекта».

Вообще во Второй мировой войне выявилось и то, что либеральная экономика в принципе слабее мобилизационной: в последнем случае государство объединяет все общество, в том

числе и в хозяйственном плане, на достижение какой-либо общей цели. В нацистской Германии за шесть лет была восстановлена экономическая мощь, ликвидирована безработица, и затем Германия легко разгромила все «либеральные экономики» Европы: Францию, Великобританию, Нидерланды, Данию, Бельгию и т. д. Другое дело, что цель нацизма была густо замешана на антихристианстве и прямом сатанизме, и все было обречено.

Отсюда становится ясным, что, во-первых, Россия в материальном плане только тогда может сопротивляться Западу и кому угодно, когда проводит «ассимитричный (либерализму) ответ»: во-вторых, в данном контексте первична не экономика, а цель, имеющая духовную основу (дух ваяет формы). СССР и его хозяйство погибли в конце концов из-за ложности выдвинутой «метафизической» цели. Партия не «смогла» заменить Церковь, а без православия никакой тип экономики Россию не спасает!

Итак, большевистская модернизация к концу 1980-х гг. также утратила свой импульс, и власть не нашла ничего лучшего, как попытаться провести новую капитализацию России — «назад к Февралю», вместо того, чтобы вернуть страну к ее православной основе и искать адекватные этому формы модернизации мобилизационной советской экономики. Теперь же капитализация экономики РФ идет под практически прямым западным контролем с тенденцией постепенного вывода всего хозяйства из-под воздействия национального государственного регулирования. А при либеральном распределении ресурсов Россия никогда не сможет вновь стать мировой супердержавой и геополитическим соперником США и всего Запада, а главное, выполнить свое эсхатологическое предназначение.

Итак, сегодня гностический утопизм марксизма уступил в России место гностическому утопизму буржуазного либерализма, причем оба они трансцендентально связаны с антихристианским рабством. Поэтому Россия продолжает находиться в крайне неустойчивом состоянии. Положительный выход из него только один — возвращение страны к православному духовно-религиозному ядру общественной системы.

Тогда новый экономический строй России должен будет базироваться на евангельском реализме и опыте христианской свободы. А философия хозяйства может, на наш взгляд, рас-

шифровать понятие «евангельского реализма» в отношении хозяйственной деятельности человека, и в России, наконец, возникнет адекватный православию экономический строй.

Л.А. ТУТОВ

Философия хозяйства и экономическая теория: методологический аспект (Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

При рассмотрении взаимоотношений философии хозяйства и экономической теории возникает целый ряд вопросов: как соотносятся данные дисциплины? можно ли выявить критерии их предметного разграничения? какие эвристические возможности появляются в ходе такого соотнесения? И, наконец, может ли философия хозяйства выполнять функции методологии экономической теории? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо последовательно решить следующие задачи.

Первый шаг — необходимо определить, что мы пониманием под философией хозяйства и экономической теорией. И здесь мы сталкиваемся со значительными трудностями, обусловленными, с одной стороны, предметной неоформленностью философии хозяйства, а с другой — многообразием имеющихся подходов к определению предмета экономической теории. Такая ситуация неслучайна. Попробуем в ней разобраться. Разделяется многими исследователями позиция, согласно которой философия является прародительницей всех наук. В то же время такое понимание философии не означает, что все существующее в настоящее время знание может в широком смысле называться философией. Например, когда экономическая теория представляется как философия хозяйства в аспекте причастности первой к научному знанию [1, 304], такое понимание означает явное смешение понятий. Философия хозяйства изучает хозяйство человека с позиции всеобщего, где экономика — лишь одна из сторон реальности. Другое дело, что современное экономическое знание осуществляет так называемый экономический империализм в область других дисциплин, которые, в свою очередь, осуществляют подобные встречные экспансии. При этом границы между дисциплинами становятся подвижными, формируются значительные области междисциплинарных исследований. Однако предметное ядро наук сохраняется.

По аналогии с экономической теорией можно использовать термин «империализм» применительно к философскому знанию, понимая, что философский империализм имеет свою специфику. Это связано с тем, что философия по природе своей выполняет методологические функции: формулирует общие принципы и категориальный аппарат; дает представления о причинности, пространстве, времени; расширяет предметное поле и рассматривает мир любой науки многоаспектным; раскрывает связи между различными областями знания и т. п. Поэтому философские установки накладывают отпечаток и определяют стиль мышления любой конкретной науки. Пример, подтверждающий методологическое значение философии для экономической науки, приведен в статье Э. Калинина и Е. Чирковой «Концепция постклассической экономической рациональности», где авторы показывают, что разработанная в рамках философского направления концепция рациональности имеет принципиальное значение для объяснения поведения экономических агентов и функционирования экономической системы в целом. Так, классический подход, разработанный в рамках философии Нового времени, к определению рациональности подразумевает, что описываются лишь целерациональные и ни какие иные действия. В отличие от классического постклассический подход к рациональности вместо единого субъекта предлагает «совокупность разного рода субъектов, которые не имеют целостного представления об этой системе и вынуждены строить множество ее теоретических моделей. Иными словами, способность экономического агента ориентироваться в хозяйственной системе отличается от способности “внешнего взгляда”, который охватывает все элементы системы. Так, организация труда в пределах фирмы “прозрачна” для экономического агента, но есть естественный предел этому “лучу прозрачности”. Он упирается в деятельность других агентов, использующих иные критерии» [2, 68 — 69].

Определяя вклад философии в формирование и развитие той или иной науки, мы имеем дело с философскими основаниями этой науки? поскольку «экономисты не могут выстроить философию своего предмета имманентными силами своей науки» [3, 52]. Речь при этом идет не о философии в собственном смысле слова, «ибо она (конкретная наука. — *Л.Т.*) не занимается миром всеобщего, абсолютного, вечными началами и

принципами» [4, 66], а говорит о философских проблемах конкретных наук, занимается рассмотрением их сквозь призму онтологического, гносеологического и методологического аспектов. В свою очередь, конкретные науки дают богатый материал, необходимый для развития философии. Так, экономическая теория является важным инструментом для анализа рациональной деятельности и ее эффективной координации. Поскольку разумное и эффективное движение к цели является характерным признаком человека, философия хозяйства и другие науки, изучающие хозяйство, используют данный экономический принцип. Если рассматривать сферу экономической науки, то к ее философским основаниям можно отнести следующее: проблему функционирования и тенденции развития экономической науки как сложного общественного института; анализ экономического знания и познания; использование законов и категорий диалектики и логики в экономической науке; проблема построения логически стройной системы экономического знания; специфику экономических законов, особенности экономических отношений как одного из видов общественных отношений; соотношение субъекта и объекта в экономической сфере; проблему возможностей и границ применения математики в экономической науке; вопросы объективности, оценки, истинности экономических знаний; общие проблемы связи экономической теории с философией, социологией, идеологией, мировоззрением; этические аспекты экономической теории.

Что касается философии хозяйства, то предмет ее исследования другой и не сводится к философским основаниям экономической науки. Философию хозяйства интересует хозяйство во всем его многообразии, но не само по себе, а сквозь призму субъекта хозяйства — человека, его взаимоотношений с природой и преображением культуры. Благодаря учету различных сторон человеческой жизни, философия хозяйства дает синтетическое знание, находит точки пересечения экономического, правового, психологического, социологического и других видов знания. Это позволяет получить целостную, богатую по содержанию картину. В данном случае речь идет не о механическом суммировании знаний и объединении их в рамках экономической теории, понимаемой как философия хозяйства, и тем самым, расширением ее границы до такой степени, что она теряет предметную определенность. Речь идет именно о философском

взгляде на хозяйство, который позволяет творчески переосмысливать все имеющееся разноплановое знание и получать всеобщее и его проекции на различные стороны человеческого бытия.

В подтверждение изложенного выше выделим основные этапы процесса формирования философии хозяйства. Основы будущей философии хозяйства заложил Аристотель, сформулировав учение об экономике и хрематистике в работе «Политика». Он считал экономику естественной и разумной формой деятельности, так как ее целью были вещи, обладающие конкретными полезными свойствами. Под хрематистикой Аристотель понимал искусство создавать состояние, связанное с богатством и наживой, не имеющими предела и существующими не по природе, а за счет опытности и технического приспособления. На примере разграничения понятий «экономика» и «хрематистика» Аристотель обосновал возможность существования хозяйства, его основания и раскрыл истинный смысл хозяйства. В этот период мы обнаруживаем тесную взаимосвязь экономических, философских, этических, эстетических и политических аспектов исследуемых вопросов, которые органически дополняют друг друга.

С возникновением политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо) происходит предметное размежевание философии и экономического знания. Экономическая сфера стала рассматриваться как самодостаточная и наиболее важная из всех остальных сфер хозяйства. Позднее на смену политической экономии приходит экономическая теория, версия которой положена в основу стандартного курса экономикса, предметом которой является изучение использования людьми ограниченных ресурсов для производства благ и распределения их посредством обмена между членами общества с целью дальнейшего распределения этих благ. Мы не будем ограничиваться только этим определением экономики и позднее перечислим наиболее распространенные.

Идея рассмотрения мира через призму хозяйства получила развитие в конце XIX — первой половине XX в. среди таких мыслителей, как М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Шмоллер, Г. Зиммель. Они рассматривали хозяйство как многофакторное образование, где наряду с экономической составляющей действуют психологические, социальные, ценностные, институцио-

нальные факторы. Особое место отводилось анализу так называемого духа хозяйства (капитализма), под которым понималась совокупность душевных свойств и функций, сопровождающая хозяйствование. Разработанные данными авторами теории представляли собой междисциплинарные образования.

С.Н. Булгаков перевернул представления современников о философии хозяйства, придав ей статус философского знания и доказав правомерность идеи, рассматривающей мир как хозяйство. Философия хозяйства, разработанная С.Н. Булгаковым, имела глубокий методологический смысл. Прежде всего, был дан анализ основных линий, намечаемых точками пересечения философских и экономических интересов в области теории хозяйства, в которой философия хозяйства претендует на роль методологии. Более того, философия хозяйства направлена на преодоление сложившейся замкнутости общественных дисциплин, предполагает целостное знание. Другим важным методологическим достижением С.Н. Булгакова является вопрос о недопущении смешения общефилософских понятий и специально экономических или иных других, так как это приводит к искаженному пониманию хозяйственных процессов, затемнению объективного субъективным. Для С.Н. Булгакова характерен методологический максимализм, заключающийся в стремлении обнаружить самые глубинные основания предметов, раскрыть их подлинную сущность. Кроме того, философия хозяйства предполагает рассмотрение нравственных, религиозных, культурных мотивов, как влияющих на поведение людей в сфере хозяйства, тем самым указывая путь другим наукам о хозяйстве в плане преодоления статичного характера их моделей. Философии хозяйства С.Н. Булгакова присущ эсхатологизм, который является проявлением не пессимизма, а результатом глубокого понимания противоречивых основ хозяйственного бытия.

Методологическую ценность представляет сформулированный С.Н. Булгаковым принцип, согласно которому его собственная концепция философии хозяйства не предлагается в качестве эталона и наряду с данной философией хозяйства может быть построена совершенно другая теория.

В русской философии, кроме С.Н. Булгакова, проблемы, имеющие отношение к сфере философии хозяйства, рассматривали следующие мыслители: А.С. Хомяков, видевший хозяйство, построенным на основе принципа «органичности»;

Н.К. Михайловский, разработавший учение о цельности и полноте личности и метафизике природы; П.А. Флоренский, представивший концепцию всеединства как основы космического хозяйства и теорию реалистического (трудового) отношения к миру; С.Н. Трубецкой, предложивший учение об универсальном субъекте; евразийцы (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.Н. Сувчинский, Л.П. Карсавин), видевшие Россию особой географической и культурно-исторической территорией, третьим континентом, наряду с Европой и Азией; П.Б. Струве, выдвинувший идею метафизичности бытия; А.А. Богданов, создавший учение об организационных процессах и творческом изменении бытия — тектологию; Н.Д. Кондратьев, изучавший проблемы статики и динамики хозяйства; П.И. Новгородцев, рассматривавший проблемы взаимоотношений абсолютного и относительного в осуществлении общественного идеала, а также нравственные перспективы эволюции; М.И. Туган-Барановский, исследовавший различные уровни и формы организации хозяйства, занимавшийся проблемой личного и безличного в хозяйстве и обосновавший роль деятельностного подхода; В.И. Вернадский, внесший значительный вклад в разработку учения о ноосфере. Отдельного упоминания заслуживают работы Н.Ф. Федорова, проводившего идею онтологизации ума и рассматривавшего мир как единое космическое хозяйство, и Н.А. Бердяева, положившего в основу учения о хозяйстве идею онтологизации личности.

В современной западной экономической мысли аналогом философии хозяйства можно считать институциональную теорию, которая дает более объемное видение хозяйственной деятельности, расположившись на стыке экономической теории, философии, психологии, истории и права. Институционализм (и его продолжение в форме неоинституционализма) является существенным шагом вперед в плане объяснения хозяйственной деятельности по сравнению с кейнсианством и неоклассической экономической теорией, поскольку не просто рассматривает абстрактного человека, нацеленного на максимизацию прибыли при минимизации издержек, а стремится исследовать особенности поведения хозяйствующего субъекта как принадлежащего определенной социальной группе, этносу, культуре, придерживающегося соответствующей морали, в условиях конкретно-исторической ситуации.

В качестве другого современного аналога философии хозяйства может быть представлена «этическая экономия», разрабатываемая немецким мыслителем П. Козловски. Ценность для философии хозяйства представляет анализ взаимоотношений экономики и культуры, прежде всего, в аспекте влияния на экономику культурных и этических норм и ценностей и возможности преодоления сциентизма, присущего современной экономической парадигме с ее недооценкой культурного смысла и значения человеческой практики.

В постсоветской отечественной мысли в рамках проблематики теории хозяйства можно выделить несколько направлений. Во-первых, это модифицированная марксистская политэкономия, которая стала более реалистичной в своих постулатах, но которая не имеет выхода (в применении своих положений) на уровень реальной экономической политики. Во-вторых, последователи неоклассической экономической теории, основные положения которой (идея равновесия, идея возможности математически строгой интерпретации экономических явлений и идея чистой экономической науки) претерпели значительные изменения, что свидетельствует во многих случаях об их методологической слабости. В-третьих, набор экономических концепций, имеющих частный характер и использующих, например, теологический подход к экономике или предлагающих природу в качестве единственного источника богатства. К данному направлению можно отнести и так называемую экономику переходного периода, возникшую первоначально на базе политэкономии социализма и сделавшую основным объектом анализа состояние переходности.

Однако хозяйственное бытие человека нельзя понять, оставаясь только в рамках экономики. Его необходимо изучать в контексте всей системы общественных отношений. Решить данную задачу под силу только такому направлению мысли, которое смогло бы рассматривать знание о человеке как синтетическое, тем самым отразив единство природы, человека и культуры. Первые ростки такого знания недавно появились в нашей стране в виде возрожденной философии хозяйства. Речь идет об исследованиях Ю.М. Осипова, который рассматривает философию хозяйства, как науку хозяйственную, а затем уже философскую. В основе концептуального каркаса философии хозяйства Ю.М. Осипов выделяет три исходные смысловые

опоры как онтологического, так и гносеологического свойства, из которых выводятся все частные положения: первая — хозяйство как жизнь и жизнь как хозяйство — философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства; второй онтологической и одновременно гносеологической опорой является трансцендентность в широком смысле; нравственная опора является третьей смысловой опорой. По тем проблемам, которые решает философия хозяйства в рамках подхода Ю.М. Осипова, а именно: выявление метасмыслов жизни и хозяйства, определение, что есть человек и почему, зачем и куда устремлен человек хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести — можно с уверенностью утверждать, что речь идет именно о философском взгляде на мир. Однако необходимо понимать, что философия хозяйства как исследовательское направление в рамках философии проходит только первые этапы своего развития, когда разрабатывается понятийный аппарат, формулируются предпосылки, складывающие «методологическое ядро», происходит обособление от других областей знания. Поэтому при решении поставленной задачи (представления философии хозяйства в качестве методологической основы экономической теории) будем исходить из понимания философии хозяйства, раскрывающегося через следующие предпосылки, понятийный аппарат и проблемное поле.

В основе хозяйства лежит триада «природа — человек — культура» — это онтологическая предпосылка философии хозяйства. Другая важная, антропологическая, предпосылка состоит в том, что субъектом хозяйства является человек — двойственное существо, представляющее собой единство природного и социального, индивидуально-личностного и общественного. Третья, синергетическая, предпосылка предусматривает рассмотрение хозяйства как открытой системы, саморазвивающегося организма, раскрывается через изучение коэволюционного процесса и предполагает многообразие моделей и подходов в осмыслении хозяйства. Четвертая, гуманистическая, предпосылка гласит, что жизнь — величайшая ценность хозяйства, и ее сохранение и совершенствование — основная цель хозяйства. Пятая, антидогматическая, предпосылка определяет философию хозяйства как открытую для дальнейших построений и новых подходов. Специфика философии хозяйства также про-

является через понятийный аппарат, образующий ее концептуальный каркас, в котором отражены наиболее общие представления о хозяйстве, месте человека и его взаимоотношениях с природой, другими людьми, социокультурной средой. Понятийный аппарат философии хозяйства включает такие понятия, как хозяйство, жизнь, природа, человек, культура, субъект и объект хозяйства. Каждое понятие рассматривается в контексте всей системы понятий философии хозяйства, как занимающее определенное место в ее структуре.

Хозяйство — определяющее понятие философии хозяйства, это сфера творческой деятельности человека, связанная с сохранением жизни и ее совершенствованием. Содержание понятия хозяйства сопряжено с деятельностным подходом, в основе которого лежат идеи конструирования и созидания. Речь, однако, идет о новом этапе его осмысления и преодоления ряда ограничений и предрассудков, с ним связанных. Философия хозяйства решает круг определенных проблем: что такое хозяйство? как оно возможно? кто является субъектом хозяйства? и т. п.

Вторая часть первого шага нашего исследования связана с определением понятия «экономика», дискуссия о содержании которого имеет длинную историю. Аристотель и А. Смит в качестве родового понятия используют «богатство», Н.Д. Кондратьев, Я. Корнаи, В.В. Чекмарев — «хозяйство», «социальное, или народное, хозяйство», К. Полани — «институциональное взаимодействие с природой», А. Маршалл — «сферу индивидуальных и общественных действий по созданию и использованию основ благосостояния», Ю.М. Осипов — «стоимость», К.Р. Макконнелл и С.Р. Брю — «поведение людей», М. Блауг — «экономическое поведение», К. Эклунд — «выбор», А.И. Самсин, развивающий марксистский подход, — «общественные отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров, представленных материальными и нематериальными благами в условиях ограниченных ресурсов» и т. д. [5, 73—74; 6, 42]). В целом, можно выделить два способа соотнесения категорий «экономика» и «хозяйства»: первый рассматривает их как синонимы, а второй категорию «хозяйства» представляет более широкой по своему содержанию, включающей в себя «экономику». В рамках первого подхода рассматриваются не только совпадение экономики и хо-

зяйства, но и возможное их смысловое противопоставление, отрицание хозяйства экономикой. Связывается это с тем, что «хозяйствование ориентируется не только и не столько на природу, сколько на неприроду, причем ориентируется не непосредственно, а через сложные и по-своему слепые обменные отношения» [7, 99]. Остановимся на более широком подходе и определим экономику как часть хозяйства, связанную с поведением людей, направленным на достижение определенных целей, при условии наименьших затрат и моральных издержек, т. е. соответствующим критериям эффективной деятельности.

Второй шаг в обосновании заявленной темы — показать, что задача философии, и философии хозяйства в частности, состоит в том, чтобы помочь в методологическом плане другим дисциплинам определить допустимые инструменты анализа в рамках их предметных областей. Некоторые философы считают, что «в ценностном и смысловом отношении философия и профессиональная методология существенно различаются. Философия всегда ориентирована на решение современных экзистенциальных проблем и дилемм… а профессиональная методология — на развитие деятельности, понимаемое в значительной мере в технологическом ключе» [8, 60—62]. Такое понимание имеет определенную ценность в плане разграничения функций, однако само деление весьма условно и не может быть абсолютизировано. В противном случае философия лишится своей методологическо-мировоззренческой целостности.

Для начала определим понятие методологии вообще, и экономической в частности. Обычно под методом познания понимают определенный набор инструментов (принципов, приемов, правил, требований), необходимых для получения нового знания и приспосабливаемых к особенностям предмета конкретной науки. Задача методологии заключается в том, чтобы определить этот набор инструментов и способ их применения. Поэтому закономерен вывод, сделанный М. Вебером: «Методология всегда является лишь осознанием средств, оправдавших себя на практике, а тот факт, что они отчетливо осознаны, в такой же степени не может служить предпосылкой плодотворной работы, как знание анатомии — предпосылкой “правильной” ходьбы» [9, 418]. В то же время нельзя не принимать во внимание более широкую трактовку методологии, согласно которой: «методология — это не просто яркое название для “методов

исследования", а изучение связи между теоретическими концепциями и обоснованными выводами о реальном мире» [10, 18]. Данное высказывание подтверждает положение о том, что вопрос о методе всегда был вопросом о соотношении фактов и теории. Неслучайно в области методологии сохраняется противостояние между сторонниками абстрактного, дедуктивного метода, рассматривающего философию хозяйства как теоретическую дисциплину, и эмпирического, индуктивного метода, ограничивающего поле философии хозяйства миром явлений и отдающего предпочтение этической, политической и т. п. проблематике.

Благодаря спору о методах сложилось понимание, что философия хозяйства возникает в результате размежевания спекулятивно-рационального и историко-эмпирического метода. Учет исторических особенностей и национального духа отдельных народов привел к тому, что «политическая экономия перестает быть самостоятельной наукой, подобно физике и математике, и становится одной из органических частей единой социальной науки и получает новое дисциплинарное название — "философия хозяйства"» [11, 275]. Такой подход был сформулирован в работах М. Вебера и В. Зомбарта и реализован в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова. Спор о методах был не только спором о выборе метода исследования и получения нового знания, но и обоснованием положения о том, что не только предмет определяет свой метод, но и метод конструирует предмет своего исследования.

Другой аспект проблемы метода в философии хозяйства связан с ограниченностью чисто рационального подхода к миру, «поскольку методология не дает механического алгоритма ни для построения, ни для обоснования теорий, и этим она больше напоминает искусство, нежели науку» [2, 19]. Следовательно, необходим выход за пределы схематизма рассудка в мир трансцендентного и осмысление его на позиции «живого» разума, основывающегося на благоговении и вере. Идея трансцендентности касается не только субъекта, но и мира в целом. Так, С.Н. Булгаков считал, что в мире скрыта какая-то тайна, существует непознаваемая для человека область трансцендентного. Тем не менее он не был агностиком, поскольку использовал феномен трансцендентности для того, чтобы показать неограниченность знания, убрать какие-либо границы для познаю-

щего субъекта, снять препятствия для постоянного живого общения, диалога и подчеркнуть, что процесс познания включает в себя, кроме рационального аспекта, сверхлогический, интуитивный. По мнению С.Н. Булгакова, возможность познания существует именно благодаря наличию трансцендентного, с чьей помощью мир выглядит сложнее, но целостнее.

Проблема метода в философии хозяйства сохраняет свою актуальность и в наше время: индукция или дедукция, анализ или синтез, абстрактное или конкретное, логическое или историческое, теория или история. Совместимы ли эти противоположные подходы? Или же прав Ю.М. Осипов, обозначив позицию методологического плюрализма, граничащего с эклектизмом: «философия использует любой способ познания: чувственный, умственный, "ощутительный", рефлексивный; опытный, созерцательный, практический, воображенческий; словесный, бессловесный, переживательный, интуитивный; мыслительный, откровенческий, имманентный, трансцендентный; индивидуальный, общий (соборный), субъективный, объективный; рациональный, иррациональный, логический, алогический; аналитический, синтетический, формально-логический, диалектический и т. д.» [7, 52]?

Сферу пересечений интересов экономической теории и философии хозяйства следует искать в области экономической методологии, на которую значительное влияние оказывают сложившиеся подходы к решению уже упомянутых проблем. Данное положение подтверждают слова В.С. Автономова, написанные им в предисловии к книге М. Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» [10, 11], что «в экономической теории методологические проблемы в принципе стоят острее, чем в других общественных науках, поскольку, благодаря использованию модели человека, максимизирующего целевую функцию, и связанного с ней математического аппарата, степень абстрагирования от реальности в ней намного выше, и теоретические модели могут развиваться до некоторой степени независимо от объясняемых и моделируемых явлений». Действительно, под влиянием неопозитивизма (К. Поппер), а позднее постпозитивизма (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд) и постмодернизма (Д. МакКлоски) в экономической теории и ее методологии произошли значительные изменения, которые, по мнению известного экономи-

ста-методолога О.И. Ананьина, могут быть сведены к следующим: во-первых, «методология из преимущественно нормативной… стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности»; во-вторых, «радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки» [12, 136]; в-третьих, «изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа. Образ науки… уступал место новым представлениям, рисующим мир экономической науки плюралистичным, а само знание — ограниченным и фрагментарным» [12, 136]. Таким образом, экономическая наука трансформировалась в сторону метанаучных (философских) представлений об экономической реальности, а круг ее интересов включил в себя как онтологическую, так и эпистемологическую проблематику — анализ экономического знания и познания.

Особое значение в аппарате методологии в зарубежных исследованиях придают принципам верификации и фальсифицируемости, первоначально основная задача, которых состояла в нахождении критерия демаркации между наукой и ненаукой. Позднее данные принципы стали олицетворять собой два методологических подхода, способа построения системы знаний и их проверки. Напомним, что с позиции принципа верификации, предложения, в принципе не поддающиеся чувственной проверке, считаются лишенными научного смысла. Очевидно, что с точки зрения данного принципа философия хозяйства не является наукой. Кроме того, принцип верификации имеет существенные недостатки, главным из которых является сужение мировоззренческой части теории, поскольку, согласно закону «экономии мышления», данный принцип, подобно «бритве Оккама», отсекает от теории «псевдометафизику» и другие ненаучные суждения из области экономики, этики, эстетики, социологии, политики и т. д. Для философии хозяйства, уходящей своими корнями в метафизику, такой подход неприемлем.

Учитывая слабые стороны принципа верификации, К.Р. Поппер предложил усилить его с помощью принципа фальсифицируемости, согласно которому лишь те теории могут

считаться научными, которые в принципе могут быть опровергнуты, т. е. которые способны доказать свою ложность [13, 55—65]. Данный принцип нашел широкое применение в экономической науке, с которой мы сопоставляем философию хозяйства. Так, признанный авторитет в области методологии М. Блауг утверждает, что «современные экономисты на самом деле разделяют методологию фальсификационизма: несмотря на некоторые расхождения во мнениях, особенно по поводу прямой проверки фундаментальных предпосылок, представители основного течения экономической мысли отказываются принимать всерьез любую экономическую теорию, если она не отваживается на определенные прогнозы экономических событий, и в конечном счете судят об экономических теориях по точности сделанных на их основе предсказаний» [10, 19—20]. Процедура фальсификации реально применима к изолированным эмпирическим гипотезам, которые могут быть отклонены при наличии определенных результатов экспериментов или же из-за несовместимости с фундаментальными научными теориями, что явно не применимо в случае с философией хозяйства. К более существенным минусам процесса фальсификации, имеющим значение как для философии хозяйства, так и для экономической теории, можно отнести положение, касающееся соотношения абсолютной и относительной истин, когда истинность знания всегда относительна, а ложность может приобретать абсолютный характер.

Для раскрытия взаимоотношений философии хозяйства и экономической теории в методологическом аспекте необходимо рассмотреть подход представителя методологического анархизма П. Фейерабенда, который отрицал границу между философией и наукой вообще. По его мнению, предложения и гипотезы путешествуют через их границы постоянно и нельзя делать предпочтений тем или иным из них, потому что «не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни была, которая не способна улучшить наше познание» [14, 179]. Даже опровержение абсурда способно развить наше мышление. «Допустимо все» — anything goes — суть принципа пролиферации, выдвинутого П. Фейерабендом. Он считал, что вся история мышления конденсируется в науке и используется для улучшения каждой отдельной теории. Исходя из такой точки зрения, между философией хозяйства и наукой, и экономической нау-

кой в частности, нет границ и они взаимообогащают друг друга. Не отрицая мировоззренческой ценности идей П. Фейерабенда, решившего разрушить границы между различными духовными сферами и абсолютизировавшего принцип свободы, мы не считаем аргументы, выдвигаемые сторонниками методологического анархизма, корректными в методологическом плане, поскольку они фактически отрицают объективный характер методологии, а точнее, отрицают ее саму. Л.А. Микешина справедливо заметила, что «допустимо все» — «это принцип экстремальный и не может быть принят в столь категоричной форме, если синтез осуществляется в рамках систематической философии познания. Однако в определенном аспекте он также значим, поскольку ставит в острой форме проблемы релятивизма и эклектики, опасность которых с необходимостью присутствует при реализации стратегии синтеза и диалога» [15, 54—55].

Подводя итоги, можно сказать, что философия хозяйства имеет важное методологическое значение для отечественной экономической теории. Прежде всего, она формирует реальное мысленное поле, в рамках которого совершаются акты научного познания, нацеленные на комплексное социоэкономическое объяснение явлений и процессов, системный метод и раскрытие ограничений верификационного и фальсификационного подходов. Это становится возможным благодаря тому, что философия хозяйства позволяет рассматривать экономическую сферу как часть, фрагмент более широкой реальности, тем самым показывая ее связи с другими неэкономическими областями. Соответственно она расширяет горизонты экономической теории, раскрывает роль неэкономических факторов при описании поведения субъекта хозяйства. Кроме того, философия хозяйства, подталкивая экономическую теорию к преодолению узкоспециализированного, утилитаристского подхода к пониманию экономического бытия, выявляет его скрытые смыслы, что крайне важно для формулирования ориентиров для дальнейшего развития экономического знания и формирования соответствующей методологии.

Литература

1. Преодоление времени (По материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. М., 1998.

2. *Калинин Э., Чиркова Е.* Концепция постклассической экономической рациональности // Вопросы экономики. 1998. № 5.
3. *Погребняк А.А.* О тематическом горизонте современной философии хозяйства // Философия хозяйства. 2001. № 5.
4. *Рачков П.А.* Философия, философский подход и экономическая наука (приключение понятий) // Философия хозяйства. 1999. № 1.
5. *Субетто А.И.* Методологические основания философии экономики и хозяйства (некоторые аспекты проблемы) // Философия хозяйства. 2001. № 4.
6. *Самсин А.И.* Философия экономики // Философия хозяйства. 2000. № 6.
7. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М., 2000.
8. *Розин В.М.* Философия и методология: традиция и современность // Вопросы философии. 1996. № 11.
9. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
10. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
11. *Элоян М.Р.* Философия хозяйства: капитализм и христианство (М. Вебер, В. Зомбарт, С.Н. Булгаков) // Перспективы философской мысли на Юге России. Ростов н/Д, 2002.
12. *Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1999. № 10.
13. *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
14. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
15. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М., 2002.

Раздел II

Онтологические и гносеологические начала

С.Н. БУЛГАКОВ

Философия хозяйства
(Речь на докторском диспуте, сказанная при защите диссертации «Философия хозяйства» в Московском университете 21 сентября 1912 г.)
(Философия хозяйства. М.: Наука, 1990)

Всякая философия выражает в мысли свою эпоху.

Г.В.Ф. Гегель

Одной из отличительных черт исторического самочувствия нашей эпохи является, бесспорно, *экономизм.* Без преувеличения можно утверждать, что ни одна еще историческая эпоха не сознавала с большей ясностью хозяйственной природы жизни и не склонна была в большей степени ощущать мир как хозяйство. Конечно, экономическая нужда, холод и голод, труд в поте лица и бедность ведомы человечеству во все времена его исторического существования как железная необходимость, к которой ничего нельзя ни прибавить, ни убавить.

Но современное ухо слышит эти шепоты, и современный глаз видит эти мрачные лики, склоняющиеся над человеком. Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест. Объяснение этому явлению нужно искать, разумеется, не в одном только обострении общего самосознания или саморефлексии, которое наше время вообще отличает, но и в событиях экономической жизни, в непомерном ускорении ее темпа и колоссальном развитии хозяйства. Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человека куда-то вперед по неведомому и никогда еще не

испытанному пути, не то к гибельной бездне, — вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться. Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы. И это противоречие, разъедающее душу человека, заставляет его сосредоточенно задуматься над вопросом о природе хозяйства. Прежние инстинкты и навыки утрачивают свою непосредственность, будят тревогу, порождают рефлексию — словом, развивается своеобразный экономический гамлетизм, и такими экономическими Гамлетами полна наша эпоха. Естественно, что экономическая мысль празднует свой бенефис, пред ней широко распахиваются двери не только академических аудиторий, но и народных собраний, салонов и рабочих жилищ, внимание настораживается всюду. Широкое развитие экономических паук за последние полтора века имеет причину не только в практической нужде, вызвано не одной потребностью ориентироваться в усложнившейся хозяйственной жизни, вместе с тем оно находит благоприятную почву и в духовном экономизме эпохи. Наиболее радикальное, а потому и наиболее интересное выражение этот экономизм получил в доктрине так называемого экономического материализма, которая оказывается поэтому в числе наиболее влиятельных и жизнеспособных учений XIX в. Тому глухому, хотя и всеобщему чувству хозяйственной обусловленности жизни, которое разлито в сознании масс, он дает теоретическое выражение в своем научно-философском догмате о примате хозяйства в историческом бытии и. сознании. Этот воинствующий экономизм утверждает хозяйственную природу всей культуры и всего человеческого творчества, ищет хозяйственной подосновы даже для самых высших и, казалось бы, наиболее духовных проявлений жизни. И следует признать без оговорок, что, как бы ни относиться к содержанию этого учения, нельзя не прислушиваться к его мотиву, который так интимно близок каждому человеку, назойливо безотвязен и неотразимо притягателен.

Экономический материализм поэтому не может быть просто отвергнут, он должен быть положительно превзойден, он не позволяет себя отбросить, по повелевает преодолеть. Он запечатлен особой исторической подлинностью и искренностью.

Число фактических последователей экономического материализма гораздо больше, чем открытых и сознательных приверженцев, ибо, нельзя утаить, многие экономисты безотчетно отдаются этому воинствующему экономизму, который и зародился-то в этом смысле задолго до Маркса, по крайней мере, до дин Кенэ, Смита, Рикардо и всей классической школы.

В философской области существенные пункты соприкосновения с экономическим материализмом имеются в учениях, окрашенных более или менее радикальным волюнтаризмом и исповедующих примат воли и действия над отвлеченным мышлением. Здесь, конечно, приходится вспомнить о столь распространенном, вошедшем даже в моду философском направлении, именуемом прагматизмом. В этой, надо сказать, чрезвычайно широкой скобке вмещаются и такие ходы мысли, которые ведут непосредственно к Марксу, и для историка идей весьма интересно видеть, насколько предвосхищаются Марксом, правда в неразвитом виде, некоторые тезисы теперешней «философии действия», или прагматизма.

Экономический материализм истолковывает себя как экономический детерминизм. Он становится под философское знамя материализма и механистического мировоззрения и хочет быть их разновидностью, в их общую формулу он подставляет лишь свои определенные величины, именно понятие хозяйствования, хозяйственной функции человека, хозяйственного его бытия. Там, где останавливается в своих общих объяснениях общий материализм, вступает в свои права экономический и продолжает его дело, объясняя историю человечества. Однако объяснение лишь тогда достигает своей цели, когда одно неизвестное объясняет известным, а не заменяет лишь новым неизвестным.

Являются ли в этом смысле известными величинами основные вспомогательные понятия экономического материализма? Конечно, о том, что значит хозяйство, мы знаем из непосредственного опыта, но подвергалось ли это понятие философскому анализу и критической обработке? Ставился ли критический вопрос, что такое хозяйство и как оно возможно? На это может быть только один ответ: нет и нет. Поэтому в философском и научном смысле для экономического материализма (как и вообще для экономизма) понятие хозяйства само является столь же неизвестным, как и все, им объясняемое: *x* здесь заменяется на у, и только. При этом наблюдается довольно

обычное в истории мысли явление: понятия наиболее общие и основные и в силу того наиболее привычные подвергаются критическому анализу позднее других, производных, второстепенных и частных. Не это ли было, когда после векового развития научной мысли Кант поставил свой вопрос о природе науки, в частности математики, в своей «Критике чистого разума». И пред нами теперь становится вопрос, вполне аналогичный кантовскому: что такое хозяйство? или как возможно хозяйство? каковы его предусловия и основоположения? каково содержание хозяйственного акта, его субъект и объект? Лишь для поверхностного размышления или же догматически предубежденного ума может казаться, что все это предприятие «критики чистого хозяйства» измышлено «метафизикой» и создается совершенно искусственно, ибо здесь вовсе нет проблемы, как это и до сих пор кажется догматическим позитивистам даже и относительно критики научного разума, проблемы Канта. Между тем в этих с виду прелиминарных вопросах и заключаются основы философии экономизма, и лишь на основании их могут быть надлежащим образом проверены и критически оценены доктрины одинаково как экономического материализма, так и антиэкономического идеализма.

Основной вопрос, который не исследовался, хотя и в известном смысле предрешался в экономическом материализме, таков: является ли хозяйство функцией человека или же человек есть функция хозяйства? Вековечная загадка о человеке, всегдашний стимул философствования, поворачивается в экономизме новой стороной. Есть ли человек вещь, объект, истолкования которому нужно искать в безличном, тоже объектном мире вещей и механизме вещей, определяющем хозяйственный процесс, или же, наоборот, последний сам объясняется из природы хозяйственного субъекта, порождается его деятельностью, запечатлевается его субъективностью? Эта серия общих и предварительных вопросов в значительной степени предопределяет собой содержание философии хозяйства, которая, как ни странно должно это казаться в век экономизма, не находит себе должного внимания ни среди философов, ни среди экономистов, между тем как имеет одинаковые права на внимание и тех и других.

Объяснения этому надлежит, может быть, искать во взаимном недоверии и отчужденности между философией и наукой, особенно экономической, которая и до сих пор остается в значи-

тельной мере девственной в отношении к философии. Есть признаки, что идейному застою в этой области приходит конец. В той всеобщей научной, философской и религиозной тревоге, которая все сильнее охватывает современное человечество, ломаются старые перегородки, прежде герметически разгораживавшие разные области мысли, и изменяются границы их территорий. В этой смене отношений и границ, совершающейся в наши дни, находит свое оправдание и отстаивает права на «академическое» существование и настоящая работа, которая относится по своему плану одновременно и к чистой философии и к семейству социально-экономических наук.

Итак, перед нами основной вопрос: что такое хозяйство или кто такое хозяин? Бесспорно, в этом вопроса скрыто много невыявленных еще идейных возможностей, завита целая философская система, намечаются пути для построения целого мировоззрения. Экономический материализм делает чересчур поспешное и ошибочное заключение, будто экономизм есть вместе с тем непременно eo ipso материализм, — мысль, которая просвечивает даже в наименованиях, им себе даваемых: экономический, диалектический, исторический — материализм, меняется прилагательное, но существительное остается без изменения. Без всяких разговоров ставится знак равенства между понятиями *экономизм, экономическое и материализм, материалистическое*, связь эта почитается неразрывной и как будто само собою разумеющейся. Это есть не только произвольное, но и совершенно неверное допущение. В экономизме как таковом отнюдь не в меньшей (а, по-моему, даже в большей) степени заложены возможности и спиритуализма, и мистицизма, и наряду с материалистическим экономизмом может утверждаться спиритуалистический или мистический, причем экономизм может соединяться с мистическим и религиозным мировоззрением (по крайней мере, «Философия хозяйства» стремится показать внутреннюю возможность такой связи).

По существу экономизма им объемлется действенное отношение человека к природе и, обратно, воздействие природы на человека. Но в истолковании этого отношения намечается возможность различных путей, которыми вообще шла философия природы, и всего труднее, конечно окажется истолковать без противоречий экономизм в духе механистического материализма, и

уж во всяком случае здесь с ним поспорит спиритуалистическая или мистическая философия.

То или иное истолкование экономизма во всяком случае может явиться лишь на почве целого философского мировоззрения и в связи с ним, другими словами, философия хозяйства силою вещей развертывается в философскую систему или, по крайней мере, прилепляется к ней. По вопросу о субъекте хозяйства или хозяине точка зрения, защищаемая в «Философии хозяйства» сводится к признанию всеобщего (трансцендентального) субъекта хозяйства, носителя хозяйственной функции. Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях.

Человек есть микрокосм, распространяющий свое влияние в макрокосме. Этому микрокосму принадлежит центральная, единящая роль в макрокосме, образующем для него периферию, а вместе с тем и объект хозяйственного воздействия. Человек представляет собой как бы «стянутую вселенную» (Шеллинг), а космос — потенциальное поле человека. На этой связи основана возможность постепенного овладения природой в научном знании и хозяйственном воздействии. Понятие трансцендентального субъекта хозяйства есть поэтому лишь особое, приуроченное к проблеме экономизма, выражение той идеи, которая с древности известна философии: это не что иное, как мировая душа учений Платона и Плотина, Бёме и Шеллинга, Баадера и Вл. Соловьева. Здесь мировой демиург, вооруженный посохом трудника Геракла и светочем богоборца Прометея, сын Пороса и Пении, Заботы и Вдохновения, выступает под личиной хозяйствующего человечества, не в героической маске или вакхическом исступлении, но в рабочем фартуке и с трезвой расчетливостью.

Хозяйство, понятое достаточно широко, не есть подъяремная работа скота, но творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода, даже более, следует сказать, что она и есть эта самая свобода, и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинно творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве.

В хозяйстве творится культура, вся она имеет хозяйственную подоснову, в этом прав экономический материализм. Он неправ в своем истолковании этой мысли, в которое он в качестве единственно возможной философии экономизма подставляет механистический материализм, соединенный с социальным бентамизмом, и тем приводит к абсурду, опошляет глубокую и ценную мысль.

В качестве частного вопроса при исследовании общей проблемы о смысле хозяйства в философии хозяйства, должен быть рассмотрен вопрос и о природе науки. Вопрос этот поставлен уже в экономическом материализме, который, вполне правильно отметив связь между хозяйством и знанием, в дальнейшем «галиматизировал» (по выражению Гегеля) и эту мысль благодаря ее узкоматериалистическому по бентамовскому истолкованию: истолкование общего соотношения хозяйства и науки заменено было отыскиванием хозяйственных мотивов или интересов в возникновении той или иной отрасли знания, в истории того или иного научного открытия.

Вопрос этот получает сугубую остроту в наше время, когда вообще так усиленно ищут волевых корней мышления и знания и когда идея инструментального значения научных понятий сделала такие успехи. Философия хозяйства ставит па своем языке проблемы гносеологии, точнее, теории науки (наукоучения), и разрешает их в смысле соединения трансцендентального идеализма с экономическим прагматизмом в учении о хозяйственной природе знания и о трансцендентальных (априорных) его основах, причем это соединение возможно лишь на почве центральной метафизической идеи — о человечестве как трасцендентальном субъекте хозяйства.

Таким образом, философия хозяйства в своем равитии включает основные проблемы философского сознания, но в центре ее стоит антропология — учение о Человеке в природе. На ее фронтоне написано то самое изречение дельфийского оракула, к которому не может не прислушиваться всякое серьезное и искреннее философствование: *познай самого себя,* познай себя в мире и в себе познай вселенную.

Если философия хозяйства далека от экономического материализма, то не менее далека она и от распространенного в наши дни трансцендентализма с его разновидностями; в противоположность материализму она утверждает примат жизни, кото-

рый выражается в потенциальной оживляемости всего сущего, для нее не существует ни безусловного механизма, ни мертвой материи как самостоятельных начал, объясняющих собою явления бытия. И то и другое есть лишь обморок жизни, ее изменчивая граница, постоянно преодолеваемая и сжимаемая наступательной энергией жизни. Поэтому хотя философия хозяйства и исповедует реальность материи, принципиально реалистична, однако этот реализм ее имеет совсем иной смысл, нежели в материалистической философии: это — мистический реализм, или же, по выражению Вл. Соловьева, религиозный материализм. При этом Маркс переводится на язык Платона, Бёме, Шеллинга, Вл. Соловьева и раскрывается мистический и религиозный смысл того, что ищет выражения и в экономическом материализме, хотя его не находит. Едва ли, однако, еще не более мистический экономизм философии хозяйства отличается от трансцендентального идеализма с его наследственным грехом бесприродности и акосмизма. Логическому схематизму последнего остается чужд хозяйственный реализм, основа философии действия. Отвергая идеализм как мировоззрение, философия хозяйства вполне принимает, однако, основную его мысль, что наука предполагает участие оформляющих элементов априоризма или рассудочного схематизма, которые надо осознать как таковые. Она лишь отказывается признавать эти схемы самодовлеющими, видеть в их систематизации подлинное дело философии, или мир абсолютных ценностей и принципов. В наличности этого схематизма пауки, установляемого критической философией, она видит наиболее наглядное доказательство инструментального характера научных понятий, а следовательно, их условности и относительности. Философия хозяйства истолковывает поэтому трансцендентализм как идеалистический прагматизм, который и является необходимой предпосылкой для понимания науки в духе экономического прагматизма. Философия хозяйства в известном смысле переводит Канта на язык Маркса и прагматизма. Если Маркс истолковывается в ней в духе Бёме, то Кант понимается в духе Маркса.

Философия хозяйства имеет по существу дела два лица из которых одно обращено к философии, другое же — к социальной науке, в частности к политической экономии. Общие ее положения должны быть сличены с соответствующими положениями социальных наук и установлена связь между ними. Свою об-

щую теорию науки философия хозяйства имеет применить и к социальной науке и потому ставит вопрос о методологических ее основоположениях или об логическом стиле. Здесь для философии хозяйства предстоит двойная задача: защищая права социальных наук на существование против скептиков, она отстраняет чрезмерные притязания социологизма и определяет его истинные границы. Решающее слово в том методологическом кризисе, который переживают теперь социальные науки, и в порождаемом им научном скепсисе принадлежит критической теории науки, и не меньше других наук в этой методологической сознательности нуждается и политическая экономия, которая не может уже оставаться в блаженном неведении времен классической школы и ее социалистических продолжателей. При этом критическом анализе притязает иметь свой особый голос и философия хозяйства, поскольку она считает общую теорию науки и своею проблемою и в то же время установляет философскую теорию хозяйства. В настоящем исследовании проводятся только основные линии, намечаемые точками пересечения философских и научных интересов в области теории хозяйства. Наибольшую остроту и принципиальный интерес получает при этом проблема социального детерминизма, а также вопрос об отношении между наукой и политикой в связи с волнующей многие сердца теорией так называемого «научного социализма», составляющего кредо социалистических легионов.

Я должен прибавить, что тогда, так и теперь, тема исследования определилась для меня не отвлеченно-теоретическим, — профессиональным или же научно-спортивным интересом, но жизненною необходимостью решения очередных вопросов мировоззрения. Логика вещей приводила к тому, что центр тяжести в исследовании проблемы экономизма все более передвигался от политической экономии в сторону философии.

Всякая принципиальная проблема есть окно, через которое мы смотрим на мир, и, конечно, при этом оно до известной степени окрашивает для нас этот мир своими цветными стеклами. То, что открывается через данное окно или вообще через разные окна, неизмеримо шире и, значительнее, нежели самые окна, и по своему содержанию и объему различается между собою гораздо менее, нежели окна, эти лишь зрительные отверстия.

Роль такого окна в моем философствовании сыграла проблема экономизма, однако и в этой специфической и для многих, быть может, странной форме передо мной стали те же самые вопросы, которые вообще становятся пред философствующим сознанием, те же самые загадки бытия, которые от века Сфинкс жизни задает любомудрствующим Эдипам. И в конце концов все они спрашивают об одном — *о смысле жизни,* иное содержание не имеет и не может иметь философия, достойная своего имени и подлинно проникнутая любовью к мудрости, а не к умным ненужностям.

Различные философские системы не только смотрят на мир через разные окна, но предполагают и различные, хотя и необходимые для них догматические базы, иногда сознательно, иногда бессознательно. Другими словами, они построятся из аксиом, интуитивных и недоказуемых. В основе всякой подлинной философской системы, т. е. имеющей самостоятельный мотив (а не компилятивно построяемой), лежит некоторая внутренняя интуиция, особым образом окачествованное мироощущение. Нельзя спорить об аксиомах, и однако, различие аксиом с необходимостью ведет и к различию выводов. Ибо по-своему одинаково последовательны и эвклидова и неэвклидова геометрия, различаются их аксиомы. И исходя из такого интуитивизма в понимании философских систем, я наперед должен признать, что и системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если различаются исходные их аксиомы. Здесь заложена возможность неистребимых, по крайней мере средствами теории, разногласий, единство мыслей достигается только жизненным единением. И потому для меня ясно, что наряду с данной философией хозяйства может быть построена и совершенно иная. Это так, но на одном можно и, я думаю, должно мне настаивать как па непререкаемом — на самой проблеме, другими словами, на правомерности построения философской системы, рассматривающей мир как хозяйство. Проблема эта еще не ставилась в истории мысли во всю свою ширь, хотя к ней вплотную подходили с разных сторон столь различные течения мысли, как экономический материализм, спиритуализм, прагматизм, идеализм, мистицизм, причем все эти направления, своеобразно переплетаясь, объединяются и в философии хозяйства. И эта проблема должна быть поставлена именно нашим временем, а в свете ее предстанут в новом аспекте и с новых сторон

основные вопросы философского и научного сознания. Ибо об истории философии следует сказать, что она есть столько же история разных философских учений или ответов на вопросы, ставимые пред собою мыслью, сколько и самих этих вопросов. И мне кажется, что проблемой философии хозяйства отвертывается в ней новая, не исписанная еще страница.

Ю.М. ОСИПОВ

Вводная лекция

(Из кн. «Курс философии хозяйства». М.: Экономистъ, 2005)

Философия хозяйства — не предмет, не дисциплина, даже не наука, хотя ее можно назвать при случае и предметом, и дисциплиной, и наукой. Философия хозяйства — нечто большее и менее определенное, это некая *область знания*, к тому же не имеющая сколько-нибудь четко очерченных границ — ни пространственных, ни познавательных, ни концептуальных. К философии хозяйства можно отнести очень многое, ибо, с одной стороны, хозяйство есть, по сути, само бытие, по крайней мере, бытие человека, а это, согласимся, совсем не мало, а с другой стороны, способ познания тут не какой-нибудь, а философский, т. е. самый общий, масштабный, разнообразный и свободный. В итоге сочетания двух вроде бы достаточно ясных слов — философии и хозяйства — получается далеко не такое уж ясное нечто — *философия хозяйства*, о которой только и можно сказать — загадка.

Но отчаиваться не надо, ибо что на свете не загадка? Для того и существует познание, чтобы загадки разгадывать, разумеется, с разной долей успеха. И мы попытаемся еще более приоткрыть уже приоткрывшуюся тайну — тайну философии хозяйства, ибо обозначить вещь (а вещь, как известно, вещает, подает о себе весть, раскрывается) — уже многое о ней узнать, схватить ее внутренний смысл, коснуться сокровенного, приручить, — правда, удается это не всякому уму, а лишь кое-что уже знающему, находящемуся в познавательном контакте с молчаливым, но вещающим миром.

Какую же весть подает нам окружающий мир, если смотрим мы на него через призму словосочетания «философия хозяйства»?

Правильно, — говорит нам мир, — что пытаетесь смотреть на меня, во-первых, максимально объемно и целостно, ни-

чего покамест из меня не исключая (как хозяйство, так и философия, как мы уже успели убедиться, действительно весьма объемны и целостны); во-вторых, совершенно непредвзято, ибо не ставите никаких априорных аксиоматических и иных каркасов, меня заранее стесняющих (оставляете мне загадочность и самостоятельность); в-третьих, с любовью, ибо стараетесь не распотрошить меня изыскательски, а понять таким, какой я есть в своей полной самости, а соответственно с мудрым расчетом на познавательный диалог.

Но это не все.

Мир начинает уже перед нами раскрываться, хотя и очень абстрактно.

Как же?

Посмотрим повнимательнее на саму нашу познавательную призму.

Философия хозяйства. Что касается философии, то ее можно временно отложить, исходя из того, что «философия» — понятие более или менее общепризнанное и довольно-таки понятное (любомудрие, любовь к мудрости, любовь и мудрость — приятие знания, его добывание, правда, знания обобщенного, глубокого, воззренческого, — для начала и такого понимания философии для нас достаточно). Сложнее с хозяйством, — это несмотря на широчайшее употребление данного слова — практически обиходного. Что же мы разумеем под «хозяйством»?

Выше мы заметили, что хозяйство есть само бытие. Возможно. Однако вряд ли сам материал бытия является хозяйством. Значит, хозяйство есть бытие, но и не совсем бытие или не все бытие, не во всем объеме. Бытие, но и в бытии, т. е. бытие, взятое в каком-то отношении, в какой-то своей части.

Бытие — основа. От бытия уходить нет никакого смысла. Определяя хозяйство, надо базироваться на бытии, и не только потому, что все вокруг бытие, а прежде всего потому, что бытие человека, если хоть на миг серьезно задуматься, и есть по большей части хозяйство. Говоря о бытии, задумываешься так или иначе о хозяйстве, а говоря о хозяйстве — о бытии.

Уловить *хозяйственное в хозяйстве* нам поможет русский язык, которому и принадлежит само слово «хозяйство». Хозяйство происходит от… *хождения*. Вдумаемся: ходить в лес, в поле, на рыбалку, на работу, за животными, за детьми (выходить ребенка!), да мало куда и за чем приходиться в буквальном

и переносном смысле ходить, заниматься хождением, хозяйствовать, а потому и вести то или иное хозяйство. И вот выясняется: все или почти все бытие человека связано с хождением, реализующим это бытие. Нет бытия без хождения. Какого бытия? Жизненного, того самого, которое *жизнью* зовется. Без хождения нет жизни. Вот и получается, что хозяйство это и есть жизнь, и есть бытие. Но со стороны хождения, именно хождения, т. е. какого-то обусловливающего жизнь и бытие передвижения, того самого, которое жизнь дает, позволяя бытию быть бытием. Жизни и бытия нет без этого полезного для них передвижения, без динамики живых существ, без движения организмов, т. е. без их *хождения*.

Перемещение организма, перемещение человека. Любопытно! Но ведь как будто бы можно и стоять, как это делают те же растения. Разумеется, можно. Но тогда вся среда так или иначе должна передвигаться, быть в динамике, ходить. Без ходьбы тут не обойтись. И это очень для нас важно. Живой организм должен передвигаться, ходить, хозяйствовать. Обеспечить реализацию жизни и самого себя организм может только в движении, только во взаимодействии со средой, равным образом, и во взаимодействии с себе подобными. Хозяйствуя, ведя хозяйство! Вот и выходит, что жизнь (того же человека) есть хозяйство, а бытие — тоже хозяйство.

Динамика человека целесообразна. У живого организма нет бесцельной динамики, во всяком случае, у здорового организма (у нездорового организма динамика тоже целеположена хотя бы на обеспечение того же нездоровья, не говоря уже о попытках выздоровления). Хождение, о котором мы говорим, связано с жизнеобеспечением (как и с обеспечением вообще бытия организма) — оно тем более не бесцельно. Цель — сама жизнь, само бытие. Если жизнь, то хождение, если бытие, то ведение хозяйства, т. е. реализация того же хождения.

И тут важный смысловой момент. Хождение все-таки есть динамика организма во взаимодействии со средой, это есть реализация динамического отношения организма со средой, равным образом, и с другими организмами. Это не есть внутриорганизменная динамика, как тот же обмен веществ, а именно вне- и межорганизменная динамика. *Хозяйствовать — обеспечивать организм жизнью посредством внешней жизнедеятельности организма*.

Хозяйствовать — быть в мире, жить в мире, иметь дело с миром. Миродействовать. Поэтому-то бытие и есть хозяйство, и жизнь тоже хозяйство. Хозяйствовать — споспешествовать организму в его выживании. Делать жизнь. Жизнь, конечно, не во всем есть хозяйство, но жизни вообще нет без того, чтобы жизнь не была бы в основе хозяйством. Отсюда жизнь — это хозяйство, а хозяйство — это жизнь, хотя жизнь как феномен шире хозяйства, содержательнее, многоцветнее.

Хождение по поводу жизни. Двигаешься и живешь. Ходишь и производишь жизнь. Стоп! Мы уловили вдруг что-то очень знаменательное, натолкнувшись на емкие по смыслу словосочетания — производство и жизнь, жизнь и производство, а в итоге — *производство жизни*, осуществляемое организмом во взаимодействии со средой. А где производство жизни, там и ***жизнь производства***, точнее, ***жизнь производства жизни***. И опять выпирает не что иное, как хозяйство, ибо оно и есть жизнь производства жизни, если не выходить при этом за рамки взаимодейственного со средой целесообразного хождения.

Жизнь организма — производство жизни, а последнее невозможно без жизни производства жизни. Хочешь жить, умей ходить и производить — жить. Вот такой у любого организма императив. Хочешь жить, хозяйствуй — производительно, т. е. води (веди) — хозяйство и изводи что-то крайне для жизни необходимое, а в итоге — производи (изведствуй) жизнь.

Живи, производя жизнь, *однако в производительной динамике с внешним миром*, — изменяя, переделывая, превращая внешний мир, меняя свое положение в нем и его положение по отношению к тебе, наконец, и что самое главное, пропуская этот внешний мир, пусть и его часть, через себя, а лучше сказать и честнее — *потребляя этот внешний мир*. Жизнь организма — потребление внешнего мира, в том числе, увы, и самой жизни, т. е. живых организмов, среди которых находится место, увы, и самому человеку. Жить значит потреблять, и соответственно хозяйствовать — не просто жить и не просто производить, но и *потреблять*.

Хозяйство — жизнь производства жизни, но точнее сказать, жизнь производства жизни через потребление внешнего мира и жизни. И все это непременно через хождение, динамику, действие, через взаимодействие живущего и хозяйствующего организма с внешним миром и другими организмами.

Много здесь от физики и биологии. Много. Хозяйство, как и жизнь — физико-биологический процесс. И никто на это не собирается закрывать глаза. Натуральный процесс. Процесс в натуре. Процесс с натурой. Что не значит, конечно, что весь этот процесс надо рассматривать лишь с физической или биологической стороны. Нет, конечно. Но забывать о натуральном характере феномена жизни нет никакого резона. И философия хозяйства, будучи знанием максимально объемным и целостным, вовсе и не сторонится натуральности хозяйства, более того, она вполне способна включать в себя не что иное, как *натурфилософию хозяйства* — со всеми ее энергиями, информациями, энтропиями, генами, кодами и т. п., — и все это никак философии хозяйства не мешает, наоборот, ее существенно обогащает.

Особенность организменной природы состоит в том, что ни один организм сам по себе не существует, а соответственно — не хозяйствует. Либо вместе, либо наряду, либо во взаимодействии, либо один за счет другого, — так или иначе, но не в одиночестве — в *отношениях*. Великое открытие наблюдательного человека — ***отношение***, а за ним и *всеобщая отношенческая (и относительная) взаимозависимость*, доходящая до абсолютной данности. Отсюда хозяйствовать — *соотноситься* не только и не просто с окружающим миром, а и друг с другом (т. е. с другими, себе подобными, как внутри вида, так и между видами). Без отношений, кстати, и отношений между людьми, т. е. *homo*отношений, хозяйства по сути нет (не будем повторять здесь набившую оскомину историю Робинзона, который даже на острове хозяйствовал как существо отношенческое и через отношение — с теми же создателями кораблей, топоров, пил, ружей и т. п., не говоря уже об имевшихся у Робинзона знаниях и навыков, ранее и потом приобретенных — из общества). Без отношений хозяйства нет и, если немного подумать, быть не может. И вот важное обращение к *отношениям между людьми*. Да, какими бы они ни были, эти отношения, но без отношений ни хозяйства, ни жизни нет.

Хозяйство, в частности, хозяйство человека или *homo*-хозяйство — нечто отношенческое, межорганизменное, межчеловеческое. Общее — для всех. *Общественное*. Или с иностранного — *социальное*. Хозяйство — отнюдь не только физико-биологический, но, оказывается, и социальный, или общест-

венный, феномен. Хозяйствует не организм, а *общество организмов*, как не человек как индивид, а *общество человеков,* или *человеческое общество*, и, если будет угодно — просто ***общество***.

От отношений к обществу. Мощный шаг мысли. Это сегодня образованному человеку кажется, что тут нет ничего особенного — ни в отношениях, ни в обществе. А ведь это великие заключения великого философического ума, без которых нет сколько-нибудь достойного понимания ни человека, ни хозяйства, ни жизни вообще.

Хозяйствует человек, но хозяйствует при этом и общество. Хозяйство — общественный процесс. Огрубляя — помимо физико-биологической материи (или субстанции) в хозяйстве присутствует и материя (субстанция) социальная. Очень важно уяснить себе этот момент, чтобы не впадать ни в какие иллюзии. Хождение — акт только с одной стороны индивидуальный, а с другой — общественный, — и не потому только, вокруг тоже ходят, а потому что хождение индивида как реализация жизнедеятельности возможно только вместе, сообща, в обществе, общественно, — в противном случае оно и смысла лишено, и невозможно (это важно помнить любителям эгожизни, индивидуализма, личной свободы, либерализма, анархизма, демократизма, да мало ли еще чего, порождающего иллюзию необщественности; говорить-то говорят, а вот жить все равно без ближнего не могут, особенно без его эксплуатации). Хочешь ходить, участвуй во всеобщей ходьбе. *Хочешь хозяйствовать, участвуй во всеобщем хозяйстве*.

Социальность — та же природность. Нет природы без социальности. Как было бы хорошо об этом всегда помнить и, различая природность и социальность, не забывать об их единстве. Природное значит социальное, социальное значит природное. А для неживой природы? И для неживой, ибо ничего в ней нет само по себе существующего, как ничто не мешает нам, различая живую и неживую природы, исходить из их единства. И не только в Боге Создателе такое единство открывается, но и в самой природе — Природе.

Однако вернемся к социальной природе хозяйства. Две природы у хозяйства — как делания жизни. Одна — физико-биологическая, другая — социальная. Наряду с натурфилософией хозяйства вполне достойное место должна занимать, надо

полагать, социософия хозяйства. Но этим дело не исчерпывается. Разве можно упускать из виду сам по себе *хозяйствующий организм*, но, как мы уже убедились, организм общественно обусловленный. И вот имея это в виду, вновь вернемся к организму, индивиду, человеку, а вместе с этим, и к его жизненно важному хождению. Ходит-то все-таки человек, хоть и вместе со всем обществом, со всем миром.

Ходит и делает. Именно так, ходит и делает. Занимается жизнеобеспечением, что, конечно же, не исключает и противоположного — ходит и смерть нагоняет. Что ж, и смертное дело — хозяйствование. Но нас сейчас интересует другое — не *что* делает, а *как* делает, в плане реализации собственного организма.

И вот оказывается, что, хозяйствуя, т. е. расхаживая туда-сюда, человек-организм совершает работу, мало того, он не только двигает ногами и руками, целесообразно воздействуя — по преимуществу последними — на внешний для него мир, но и «двигает головой», т. е. думает, размышляет, осуществляет те или иные, пусть даже самые примитивные, ментальные операции. *Хозяйствование — следствие жизнедеятельности организма, функция организма, организменное дело.*

Без организма тут никуда. Это было ясно с самого начала. Однако нас интересовало прежде всего взаимоотношение организма с внешним миром, в среде которого и другие организмы. Мы выявили перво-наперво жизненные условия организма, без которых организма просто нет. И теперь настал момент вернуться к организму, но уже в ином аспекте — организменном.

Без работы организма, причем самой разнообразной, нет хозяйства, как нет и самой жизни. Ходить — хорошо, но ведь надо и обеспечивать это хождение, делать его целесообразным, наконец, производительным. И тут выходит, что организм важен, важна его собственная реализация, но особенно важна при этом «работа головы», т. е. той подсистемы организма, которая обеспечивает руководство (от «рукой водить», кстати) в деле нашего хождения. *Хозяйствовать — это мыслить, думать, принимать решения*. А мысля, действовать. Ничего бездумного, пусть плохого и парадоксального, пусть патологического, в хозяйствовании нет. *Хозяйствование — действо обдумываемое.*

Обратим внимание на то, что в хождении нашем первенство все-таки не за ногами и руками, а за головой — прини-

мающей решения. Ходить-то надо с умом, по уму, умственно. Ногам и рукам голова потребна. И хождение наше явно с головы начинается, в которой замыслы и решения созревают. Ноги еще стоят, руки не двигаются, а голова уже идет — по-хозяйственному. Вот отсюда-то и хождение, и хозяйство. Ноги и руки ходят, ноги и руки делают. Но… от головы, от головы.

Хозяйство природно, хозяйство социально, но хозяйство и организменно. И хотя в организме и природного хватает, и социального — все это так, но в организме есть и что-то специфическое — именно он выдает решения, именно он действует. Так мы приходим к еще одной, наряду с *натур*философией и *социо*софией, составляющей философии хозяйства — организменной, для которой и названия-то подходящего не просматривается, разве лишь *этософия хозяйства* (от «этос» — нравы) или *психософия хозяйства*, а может, по-просту и *органософия хозяйства*.

Да, философия хозяйства — действительно масштабное и вряд ли чем-нибудь серьезно ограниченное знание. Об одних только отношениях между людьми в хозяйственном процессе можно говорить и говорить, выделяя в рамках социософии самые различные отрасли — управленческую, трудовую, психологическую, поведенческую, этическую, нравственную, социологическую, политическую, народонаселенческую, этническую, инженерную, патологическую и т. п., а с выходом за пределы собственно общества и человека — экологическую, геополитическую, ландшафтную и т. д. Нет ни одного аспекта в жизни и деятельности человека, его положения в мире, его социального бытия, который не представлял бы интереса для философии хозяйства, разумеется, как знания абстрактного, синтетического, воззренческого.

Уместно заметить: *философия хозяйства — знание космическое*. И не только в обычном значении космоса, ибо что есть мир, если не космос, как и человек в мире, который тоже есть космос, а в том смысле, что философия хозяйства есть воистину знание *всеобъемлющее*, хотя и объемлющее предмет не во всем объеме его содержимого, а в неких снимаемых с него смысловых контурах, однако снимаемых со всего объема предмета. Ничто не ускользает от философии хозяйства — в разрезе аспектов и обобщений, конечно, а не деталей и перечислений, хотя, по необходимости, и деталей, и перечислений. Погруже-

ние в философию хозяйства есть погружение не только в космос-бытие, но и в космос-знание. Отсюда реальная, а не символическая *космичность* философии хозяйства.

С какой стороны тут ни подойдешь, всюду масштаб, всюду неисчерпаемость — что со стороны хозяйства, ибо это есть — с некоторой долей условности — само бытие, сама жизнь, что со стороны философии, ибо какое еще знание объемнее, разнообразнее, вольнее, чем философское. Но ведь не все же бытие в нашем поле зрения, не вся же философия. Конечно, не все и не вся. А лишь в некотором смысловом отношении. Об этом уже шла речь выше. Но потребность в уточнении все-таки остается.

Очень хочется определения, четкой дефиниции. Как было бы здорово услышать, а еще лучше — прочитать, что философия хозяйства это… то-то, то-то и то-то. Но в том-то и дело, что философия хозяйства есть сразу очень многое и сразу очень неопределенное. К философии хозяйства надо лишь приближаться — медленно, постепенно и осторожно. Наскоком тут ничего не сделать.

От философии вообще философия хозяйства отличается уже и хотя бы своей целевой установкой — направленностью на хозяйство. На первый план здесь выходит просто философская трактовка хозяйства, однако взятого, надо заметить, философически, а лучше сказать, принципиально философически. И не только максимально широко, глубоко и в многоцветии, а, если так можно сказать, в особом познавательном ключе — вообще не рассчитывая на сколько-нибудь утвердительную определенность. Тут — таинство. Не тайна даже, которую ненароком и разгадать можно, а именно таинство, с которым общаться можно, в том числе и познавательно, но на полное раскрытие которого претендовать не приходится.

Особого рода ситуация.

Из тех самых, из вечных — в аспекте разрешения. Суждение тут иметь можно, даже, порой, и вполне достоверное, но лишь суждение, всего лишь суждение. Уклончив предмет, неустойчиво знание о нем. А что можно извлечь прочного и утвердительного из распростертого за горизонты зыбкого и волнующегося нечто, называемого хозяйством? Из этого суперразнообразного мира с неясными контурами и конфигурациями?

Разве хозяйство более доступно для восприятия, чем то же самое бытие, та же самая жизнь, тот же самый человек?

Отсюда и таинство, отсюда и отношение к хозяйству как к таинству, отсюда и благоговение перед таинственным познаваемым, отсюда и знание, переполненное мерцающим отражением неберущейся, хотя и приоткрываемой, тайны.

Слабость?

Конечно, слабость. Но великая слабость, ибо в слабости этой и великая сила — сила познавательного соприкосновения с тайной.

Особого рода здесь познание — не столько разборно-исследовательское и фиксационное, сколько целостно-отраженческое и представленческое. Как бы и не совсем научное, во всяком случае, не слишком точное, не доказательное, не проверяемое опытным путем. Если и научное, то по-особому научное, настолько, насколько научным можно считать познание, допускающее противоположные суждения, разные по сути определения одного и того же, вольные смысловые переходы, наборы обрисовочных картинок и т. п., что не слишком-то характерно для науки, а если и бытует в ней, то более всего по ее периферии, так сказать, по границе с еще необследованным, недостаточно изученным, не особенно доступным и т. д. И если для научного познания здесь просто вынужденный шум, то для того, о котором мы говорим, это самая что ни на есть норма.

Тут познание непознаваемого. Для сознающего диалектику ума здесь нет проблем, а для ума, сориентированного на познавательную определенность, здесь не более и не менее как абсурд. Что значит «познание непознаваемого»? А то и значит, что есть познание, однако при этом его как бы и нет, ибо не доходит это познание до конца. Познаваемое ускользает перед познающим, однако до тех пор, пока не свершается великий познавательный акт — признание тайны и таинства. Тогда становится легче. Тайна признана, и она открывается, не переставая оставаться тайной. Опять диалектика, опять абсурд. Но другого выхода здесь нет. Вот почему мы и не настаиваем на научности познания, а объявляем его просто философическим.

И предмет познания оказывается у нас философическим — категорически философическим. Само хозяйство, строго говоря, философично, еще до его философского обозрения. Вперив взор на хозяйство, даже просто выделив этот феномен,

попадаешь уже в поле философии, в тот ее сегмент, который и философией хозяйства назвать незазорно.

Выходит, что хозяйство как бы «конгениально» философии, а философия — хозяйству? Пожалуй, что так, если быть целостно-последовательным. Иное дело, что хозяйство может и должно подвергаться и собственно научному обозрению, но это уже будет не «конгениальное» познание хозяйства как хозяйства, а скорее отдельных сторон или даже пластов хозяйства, либо хозяйства в каком-нибудь отношении (ракурсе), либо просто при каком-то условном ограничении предмета. В целом научное познание не может охватить такого феномена, как хозяйство — тут потребна философия. А вот вместе с философией, как и вослед ей, возможны и научные подходы в познавании хозяйства, его характерных свойств, элементов и подсистем.

Сильное заявление, не правда ли?

Да, сильное. И принципиальное. К тому же и честное. Как философы хозяйства, мы утверждаем, что способны многое сказать по-особому — о хозяйстве, но сказать воззренчески, не совсем исследовательски, и скорее образно, чем предметно, вытаскивая из хозяйства только ту определенность, которая позволяет человеку любознательному достаточно ориентироваться в хозяйственном мире, не претендуя на полную познавательную раскрытость. Наука все-таки претендует на истину (желательно, последнюю), — оттого и страсть у нее к определениям (особенно, самым верным). Не то философия — если ее и волнует истина, то не та, не окончательная, а другая, за этой окончательной скрывающаяся, не определений требующая, а вчувствований. Для науки важно знать и, по возможности, точно и единообразно, для философии же — чувствовать, не настаивая при этом ни на каком однообразии, кроме, быть может, чисто лингвистического.

Любое познание так или иначе условно, хотя наука тяготеет к выверенности и безусловности. Любое знание — тот или иной образ, хотя бы просто словесный. Однако философии более свойствен свободный образ, часто непреднамеренный. Науке нужно идти от одного верного образа-истины к другому, конструируя истинные связки и комплексы. Философия тоже может поступать таким же образом, реализуясь как, по сути, научная философия, но может этого и не делать, осуществляясь фактически как литература. И вот там и тогда, где и когда наука

пасует перед предметом, либо его вообще не осваивая, либо создавая слишком уж оторванный от реальности образ, философия выходит на первый план. Наконец, есть вещи, которые создаются только философией — этой служанкой свободы, а не жестко установленного размыслительного порядка.

Хозяйство — *сакральный предмет*. А каким ему еще быть, коли в нем столько необхватности, недоступности и непознаваемости? Не надо бояться этого слова — сакральный. Не о святости здесь речь, хотя и о ней тоже, ибо хозяйство — жизнь, а что священнее для человека, чем жизнь, со смертью сопряженная. Разве бытие вообще не сакрально?

Что значит в нашем случае сакральный? Как минимум, сам по себе и сам в себе; с нами и через нас, но и к нам и от нас; здешний, выходящий и являющийся, но и пришлый, ходящий и исчезающий. Неясный. Скрытый. Неведомый. Внушающий почтение, а то и страх. Непонятный. Молчаливый. Но вещающий. Говорящий. Не особенно ясно. Скрытный.

Хозяйство — *великая трансцендентность*. Как и сама жизнь, само бытие, сам человек. Трансцендентное — не непознаваемое, а тайное, уходящее в глубины-высоты бытия-небытия, в неизвестность, не могущую быть полностью раскрытой по причине принципиальной ограниченности человека, его изначальной относительности. Нет, не человек создатель этого мира, не человек, хоть и хозяйствует он, хоть и бродит по этому миру — пораженный. И ничего не остается ему, как поклоняться этому миру, уповая на его милость — в смысле овладения его милости — в смысле овладения смыслами этого мира, в аспекте его — этого мира — трансцендентности.

Трансцендентность — не непознаваемость вовсе, это все-таки познаваемость, но особая — деликатная, когда ясно, что вокруг все не очень-то ясно, и ясность наступает только с признанием этой неясности, настойчиво заботящейся о том, чтобы у человека хозяйствующего и познающего никогда не терялся интерес к миру, чтобы никогда человек не останавливался в своем хождении по миру, как и в своем в нем восхождении.

Хозяйствование — не просто спутник, но цель жизни человека, как и способ его бытия. Остановить хозяйствование — остановить жизнь, причем вовсе не в физико-биологическом понимании, а в полном человеческом. Вся жизнь человека — хозяйство. В том числе и жизнь интеллектуальная, и познава-

тельная, и художественная. Мысль — момент хозяйствования, не говоря уже о мысли раздумчивой, тонкой, конструктивной. Деструкция тоже в хозяйствовании — либо как необходимость, либо как неизбежность, но может быть и целью — только тогда антихозяйствования.

Хозяйствуя, человек познает мир, себя, Бога, как и созидает свой мир — искусственный, неприродный. Хозяйствовать — вовсе не только выживать, тем более физико-биологически, это еще и творить, демиургировать. Высшее проявление хозяйствования — творчество. И обретение знания есть хозяйствование. Даже если оно происходит в замирении и молчании — мыслению (есть ведь и в мысли хождение, как и хождение самой мысли).

Хозяйствование, как и вообще жизнь, нечто необходимое и ответственное. Из хозяйства, как и из самой жизни, человеку не выйти (бессмертие человека — человека! — нонсенс, как восстановление всех человеков на Земле бытовавших). От Земли человек, выйдя в Космос, так и не оторвался. Человек — землянин, и Космос его — Земля, как, впрочем, и он сам — человек. Восхождение — не отбытие в Космос. Хозяйство — дело Земельное.

Ой, как не хочется смиряться с этим современному человеку, но что поделать — иного человеку не дано. Надо жить и хозяйствовать, а следовательно, творить и думать, на Земле. И вот тут-то встает проблема знания и осознания. Чего? Всего: мира, жизни, человека, Бога, хозяйства. Знания и осознания. И не исследовательского вовсе знания, а обобщенно-воззренческого, того самого — философического. Философии мира, философии жизни, философии человека, философии Бога, философии хозяйства. Вот в каком ряду оказывается философия хозяйства. Вот поди и порешай эту задачу — философии хозяйства, когда мир передовой вообще от философии отвернулся, ибо страшно ему, страшно… уже и не перед Богом, — что современному человеку Бог, — а перед самим собой, перед сотворенным, ибо знания много имеет современный человек — технического, а вот знания о мире в целом, да еще и спасительного, что-то не просматривается. Заметался гордый человек, забегал, — и какое уж тут разумное хозяйствование, коли хозяйство как раз хождения, а не бегания требует. Вместо хозяй-

ства бегство какое-то получается (слово «бегство» мы употребляем здесь как коррелят слова «хозяйство»).

Однако все это требует осмысления. И не просто так, а в рамках… философии хозяйства, если не более, но и в рамках тоже. Наше прикосновение к большим проблемам (а по сути — страшным проблемам) лишь свидетельство в пользу философических познаний и раздумий, столь важных и столь, увы, ныне отвергаемых. Не хочет научный человек философии, не хочет. И убеждение имеет, что философия-де уже преодолена и в прошлом оставлена — как интеллектуальная реликвия.

Ошибается, однако, научный человек, и ошибается жестоко. Правда, утешает себя тем, что философия мол тоже наука, что если к ней подойти строго по-научному, то и в науку ее включить можно — как науку о науке или, на крайний случай, как введение в науку, в общем, как некую наукообразную «обобщиловку», этакий «научный общак». Почему нет? Человек волен делать многое, но одного он делать не может — стать Богом. А потому и философствовать он должен постоянно — *философствовать*! Над собой размышлять, над жизнью, над миром, о Боге думать. И все, что есть у человека, так это философия. Не наука вовсе, хотя она тоже есть у человека, а именно *философия* — как нечто самоценное и самореализующееся. Не может философия быть наукой, она как раз должна быть вопреки науке, — и не философия должна быть научной, хотя частично это и не возбраняется, а наука должна быть философической, т. е. считаться с философией как с необходимо пронизывающим науку знанием, а лучше сказать, вестью, если прямотаки не совестью.

Хозяйство, конечно, связано с делом, деянием, действием. Факт. Но фактом, правда, гораздо менее замечаемым, является и то, что хозяйство — не только дело, деяние, действие. Как так, — возразят нам активные трудоголики-«бегуны» (деловые люди, бизнесмены, менеджеры), — разве есть что-либо важнее и первее дела? Нет, мы не будем спорить с «бегунами», как и с теми, кто твердит об этом по-научному, бегая по свету с набором схем-слайдов и кейсов, ибо мы хорошо знаем, что не в споре рождается истина, а в диалоге жизни и смерти, — зачем спорить, коли глух нападающий, коли ему и так все ясно, коли не нуждается он в наших сентенциях? Поэтому не для спора, а как раз против него, укажем на то, что в хозяйстве всего важнее

мировоззрение и тот интеллектуально-духовный потенциал, в среде и с помощью которых принимаются человеком хозяйственные решения, да и сами решения, надо заметить, первее и важнее дела, хотя с принятия решения как раз дело и начинается. Дела — хорошо, решения — лучше, а всего лучше — миропонимание. Хозяйство — не дело как таковое, даже не решения как таковые, это, повторим еще раз, — воззрение. И вот это-то воззрение и должно быть *философским*, а не научным, тем более не техническим.

Человек знает о мире и жизни только то, что знает. Ничего другого он знать не может. Глуповатый выходит парадокс. А что делать? Знание, которым располагает человек, как раз и есть тот мир, о котором человек что-то знает. Мир через знание. И дело здесь не в степени достоверности знания. Просто другого понимания мира, кроме даваемого знанием, нет и быть не может. В этом тоже проявляются трансцендентность мира и знания о нем. Человек изучает мир, имеет о нем знание. Это-то знание и есть мир. Вот почему для одного человека мир один, а для другого — другой. Отсюда желательно возможно более полное знание о мире — и не самонадеянное. Научное знание — частное знание, и достаточно самонадеянное. Оно и не полно, и не скромно. Как наука, к примеру, активно третирует религию — наивысшее в общем-то знание в распоряжении человека (нет критерия для абсолютного подтверждения религиозных истин, но ни одна из них не может быть опровергнута — всегда с нами, хотя и всегда против нас). Научное знание — ограниченное знание, весьма поверхностное, служебное. Всякие сколько-нибудь масштабные и проникновенческие обобщения возникают и исчезают в науке как дым: сегодня одна гипотеза, завтра — другая. Разумеется, наука очень многое говорит о мире, но только о том, что в нем видимо и схватываемо, что, конечно же, совсем не плохо, но, во-первых, недостаточно, во-вторых, содержит угрозу искаженного в конечном счете миропонимания, к тому же и опасного — для мира, жизни, хозяйства. Что ж тогда, не надо науки, научного знания, научного миропонимания? Боже упаси! Все это надо, но, во-первых, не только это, а во-вторых, не на первом месте. Научное знание не должно затмевать собою ни философское знание, ни религиозное, ни художественное. Эпоха господства научного мироощущения проходит, что не означает, что с наукой надо кончать,

как пыталась (да и пытается!) сама наука покончить с той же философией. И человек еще не знает, что его ждет впереди, какое мирознание. О синтезе разных знаний поговаривают, но все это более от познания, чем знания — того, что человека поджидает. В этом и прелесть жизни, ее трансцендентность. Знаем, что какое-то другое грядет знание, а вот какое, не знаем. И хорошо, и слава Богу!

Замечательны научные истины, что говорить. С ними легче, ибо отличаются они утвердительностью. Как в воинских уставах. Хотя, конечно, есть и исключения. А при пристальном взгляде таких исключений набирается столько, что порой и не знаешь, в каком же мире — достоверном или нет — живешь и хозяйствуешь. Есть, чем гордиться науке, но есть, и от чего поунывать. Выясняется, что наука, имея дело с очень уж неопределенным предметом, идет на обыкновенное мифотворчество, часто полезное, а нередко и злостное. Нет, конечно, не подтасовки тут, но ведь и от таких ощущений не отвернешься. Что, к примеру, содержится в горах статей, книг, диссертаций? Истина? Говорят, что факты. *May be*. А ведь мифотворчество в науке вовсе не есть творчество мифов как таковых, тех самых мифов, которые истине служат, мир объясняют, хозяйствованию помогают. Как наделают что-нибудь иной раз по науке, так за голову — научную — и хватаются.

Нет, не надо в нас видеть врагов науки. Мы за науку, но и… против нее. Наука уже заслужила, особенно человековедческая и обществоведческая, свою долю иронии. Ничего не поделаешь. Мы ведь тоже из науки, и тоже хотим добра: не одной науке, но и жизни, и миру, и себе. Что-то ведь заставляет нас выходить за рамки научного знания, искать иные смыслы и решения, думать *не-только-по-научному*? И это что-то — неудовлетворенность от распростертого научного знания — самодовлеющего и ограниченного, давно уже на себе замкнувшегося и себе служащего, крепко мифологизированного, значительно уже и вырожденного.

Выход за пределы научного знания — выход в пространство иных смыслов и аксиоматических установок, иных размыслительных прорывов и решений, позволяющих вольно думать над тем, о чем наука не думает или думает мало, а если и много, то без нудных результатов и, кроме того — вольно думать над тем, над чем наука думает постоянно и привыкла счи-

тать своим — с уже одеревеневшим, как правило, итогом. Нет, не порывать с наукой нужно, а преодолевать ее — *диалектически,* опять же разумно, творчески, деликатно. Главное, не удовлетворяться, не покоиться, не смиряться. В науке уже много — слишком много! — от музея, да что там музея — от мавзолея, если вообще не от кладбища идей, — и задача мудрого человека покинуть это кладбище, чтобы выйти к сокровищнице живой мысли — насколько это позволяет современная цивилизация.

Хозяйство и философия. Возможен ли плодотворный акт? Ведь почуять, провозгласить, стянуть вместе — еще не добиться результата. Философия хозяйства пока лишь обозначает знание, обещая его доставление. Но ключ, кажется, есть. Воспользуемся же им и войдем в новую область знания, заботливо прикрытую неунывающей трансценденцией.

Ю.М. ОСИПОВ

Похвала философии — философии хозяйства (Философия хозяйства. 1999. № 1)

Если под наукой понимать значение точное, верифицируемое и доказываемое, то философия, конечно — не наука, хотя философия вовсе не пренебрегает наукой, ее осмысливает, ибо философия методологически разнообразнее и сложнее науки, а содержательно масштабнее и полнее. Щука вынуждена отрицать философию, так как последняя допускает трансцендентность и тяготеет к диалектике, а философия науки не отрицает, хотя и видит ее ограниченность. Философия поверяет науку, находясь вне ее либо выходя за ее пределы, оперируя метасмыслами и их добывая.

Философия хозяйства не отрицает научной экономии, но не солидаризируется с ней по всем пунктам, ибо философии хозяйства открыты иные смыслы, позволяющие увидеть условность и относительность научной экономии, ее нецелостность, равным образом и оторванность от реальности, которую научная экономия представляет упрощенной, если не вымороченной. Научная экономия не терпит философии хозяйства, обвиняя ее в неопределенности, литературности и метафоричности.

Хозяйство для философии хозяйства — сама жизнь человека, а не одно лишь производство потребностей и благ, их удовлетворяющих. Сначала жизнь, ее реализация, ее производство, а затем уже потребности и удовлетворение. Не от потреб-

ностей и благ к жизни, а от жизни к потребностям и благам. Отсюда для философии хозяйства, как и вообще философии, важен смысл жизни и общая ее в природе возможность, как важны и последствия жизни, наполненной не одним лишь трудом и потреблением, но и творчеством, т. е. созиданием не просто потребностей и полезностей, но и неприроды, противостоящей природе, ее не только дополняющей, но и заменяющей. Человек для философии хозяйства — не просто живое существо, способное к потреблению и к труду ради потребления, т. е. к выживанию, а демиург, способный творить мир, в котором он живет. Жизнь как выживание — это одно, а жизнь как миротворение — совсем другое. Научная экономия уткнулась в первое, философия хозяйства пытается воззвать ко второму.

Интегральные смыслы у научной экономии и у философии хозяйства — разные. Научная экономия сосредоточена на потреблении и производстве благ, на их распределении, на максимизации объема благ и потребительного от них эффекта. Научная экономия — наука эпикурейская. Не то философия хозяйства. Далекая от аскетизма и не сводящаяся к стоицизму, она вопрошает о высшей цели хозяйствования человека, сообразной и с его высшей мерой, которые, возможно, сам человека не способен ни поставить, ни достичь, но которые он может почувствовать и признать откровенчески.

Научная экономия насквозь материалистична, философия хозяйства более идеалистична, чем материалистична. Философия хозяйства не только допускает идеальное, но и видит в нем сферу и средство поиска и упрочения высших хозяйственных смыслов, которые выходят за пределы сугубо материальных удовлетворений. Философия хозяйства признает любое идеальное: объективное и субъективное, реальное и виртуальное, сопряженное с материальным и от него отделенное, доступное и явно таинственное, явленческое и сущностное. Идеальное для философии хозяйства — вполне реальное начало мира, восходящее к Смыслам и Слову, к Абсолюту. Мир идеален, жизнь идеальна, хозяйство идеально, что вовсе не отрицает ни их материальности, ни их объективности, ни даже их известной механистичности.

Быть материальным — быть если и не строго вещественным, то хотя бы как-то осязаемым, воздействующим механически на органы чувств, воспринимаемым тоже материально и

механически. Если материалистичность трактовать шире, вводя в материальное что-то явно невещественное, те же функции вещей, их сущности или отношения между вещами, то тогда нет смысла вообще говорить о материальности мира, ибо мир материален в силу материи, из которой он состоит. Материя — остов мира, его упругое основание, его вещество. Материальность мира восходит к вещественности мира, хотя и может содержать в себе некоторые свойства, трактуемые более невещественно, чем вещественно.

Быть идеальным — быть прежде всего невещественным. Причем невещественным в вещественном, невещественным от вещественного, наконец, невещественным без всякой органико-генетической связи с вещественным. Невещественного в мире хватает. Разве сущность вещи сама по себе вещественна, хотя и сидит в вещи? А понятие вещи, т. е. собирательный смысл вещей? И вообще Смысл, вообще Слово, вообще Число, вообще Цифра? Нет, не вещественны. Более того, они идеальны. Хотя и есть невещественности, которые трудно назвать идеальными, например, те же управленческие отношения или услуги, даже сам по себе труд. Труд как труд явно невещественен, ибо энергия все-таки не труд. Труд материально является, как и материально обусловлен, но... невещественен. Более того, труд явно идеален, ибо наполнен смыслом, лучше всего, наверное, трактовать труд как нечто материально-идеальное, помня, что, с одной стороны, труд сопряжен с реализацией какого-то материального процесса, а с другой — он есть осуществление идеального. Сам по себе труд несхватываем (материально), он невещественен и несуществуем, но понимаем (идеально), а потому и существуем. Труд может быть оценен и оплачен, но он не может быть сам по себе измерен. Труд есть, но труда и нет. То же самое можно сказать о многом в хозяйственной жизни: об отношениях между людьми, об услугах, о тех же самых деньгах. Деньги — насколько материальны, настолько и идеальны, и далеко не так вещественны, как кажется. Деньги — более смысл, символ, идеальная функция, чем вещь, более абстрактное число, чем конкретная вещественная величина.

Идеальное — невещественность, несущая смысл, как и смысл, вселенный в вещественность. Материальное — вещественность, служащая внешней оболочкой смысла, как и невещественность, в которой смысл находит себе внешнее выражение.

Не все материальное вещественно, как не все невещественное идеально. Однако все идеальное невещественно, хотя и бытует в вещественном.

Идеального нет без смысла, ибо именно смысл, а не невещественность делает идеальное поистине идеальным. Материального тоже в реальности нет без смысла, но смысла идеального, вселенного в материальное. Само по себе материальное может мыслиться и как бессмысленное, как твердь, а лучше сказать, как до-твердь, как темь, как бездна. А вот идеальное обязательно со смыслом.

И вот тут полезно выяснить, что есть смысл?

Смысл бытия — всего и вся?

Наука будет искать определение, которое, во-первых, непременно будет тавтологичным (типа «смысл это суть...» — и т. д.), во-вторых, абсолютно невозможным, ибо смысл смысла восходит непосредственно к слову, его значению, а не к определению (дефиниции).

Не то философия. Она способна признать как значимость слова самого по себе (естественно, в контексте с другими словами), так и важность его восхождения к Слову, данному человеку Богом Творцом. Смысл смысла не выводим, а трансцендентно воспринимаем — как высшую данность. Итак: смысл, с-мысл, со-мысль, т. е. мысль наряду с другой мыслью, но так же и соединение человеческой мысли с мыслью Бога Творца. Смысл — мысль или, лучше сказать, мысль в мысли Бога Творца, его Премудрость, его София. Фило-София. Отсюда философия признает смысл как смысл, просто любя его, чуя сердцем, а не выводя лабораторно, ибо философия и есть Любо-Мудрие, но не человеческое только, а сначала Божье, а потом уж и человеческое. Смысл — он и в слове, и в бытии, он есть Свет Божий излившийся и льющийся в мир. Свет льющийся.

Смысл — это идея. Хотя идеальное к идее не сводится, ибо идеальное еще и то, что несет идею, что ее выражает, что ее подает. Смысл — идея в идеальном, т. е. начало всякого идеального. Отсюда мир, жизнь, хозяйство насквозь идеальны, они полны идей, смыслов, но также они полны идеальных, вполне невещественных, духовных субстанций, которые можно вообразить, но потрогать (всеми органами чувств) — никогда.

Идеальное — не значит несубстанциальное. Субстанция здесь есть, но она не то что бы невещественная, она — идеаль-

ная, т. е. более чем невещественная, она — смысловая. О смысле как о субстанции говорить не приходится, а вот об идеальной субстанции как о смысловой субстанции говорить незазорно. Полезно иной раз говорить и о невещественной идеальной субстанции, если материалистическая характеристика не подходит.

Философия хозяйства — не совсем научное, а лучше сказать, ме-танаучное (как бы метафизическое) знание. Но было бы заблуждением считать философию хозяйства менее реалистическим знанием, чем та же научная экономия. Недоказательные на первый взгляд рассуждения философии хозяйства часто оказываются более реалистическими, чем внешне-доказательные выводы научной экономии. И все дело здесь в том, что имманентная определенность научной экономии накладывается на трансцендентную неопределенность реальности, вступая с последней в решительное противоборство. Отсюда выходит, что хорошо выверенное и прописанное на бумаге, вдруг оказывается не очень подходящим для реальности. Научная экономия — великий творец научных мифов. Причем любых, как нестрогих литературных, так и строгих математических.

Философия хозяйства также не свободна от мифотворчества, но ее мифы имеют больше шансов оказаться в гармонии с реальностью, ибо не только не отрицают ее трансцендентной неопределенности, но и стараются таковую всячески учесть. Идеальное полноправно и полноценно входит в философские настроения, как входит в них все качественное разнообразие хозяйственного бытия. Философии хозяйства ничто не чуждо — ни явление, ни сущность, ни имманентность, ни трансцендентность, ни собственно хозяйственное, ни собственно нехозяйственное (хотя нехозяйственного в жизни человека очень немного). Научная экономия не знает, к примеру, как ей поступить с правом, политикой или этикой, находя их для себя чем-то внешним, «забортным», а философия хозяйства спокойно их рассматривает как необходимые атрибуты-проявления хозяйственной жизни, естественно, на уровне нужных ей обобщений. Философия хозяйства — комплексное, синтетичное, гармоническое знание, рассматривающее хозяйство в возможно большей смысловой полноте.

Философия хозяйства не отвергает, но поверяет научную экономию, осмысливая ее со своих позиций. Она существенно корректирует картину хозяйственного мира, доставляемую научной экономией, как и ее заметно дополняет, создавая в итоге иное целостное представление о предмете. Философия хозяйства выходит на такое представление, при котором основные аксиоматические и выводные заключения научной экономии оказываются частными и весьма условными элементами познания и отображения хозяйственной реальности. Философия хозяйства вскрывает при этом и природу неразрешимых противоречий научной экономии, предлагая их разрешения путем выхода на новые, более общие, емкие и гибкие, смыслы. Философия хозяйства переводит научную экономию в иной образ — теории хозяйства, в рамках которой научная экономия получает достойное себе место, сжимаясь до частной относительно теории хозяйства теории экономики. Только в контексте более общей теории хозяйства научная экономия, становясь тогда теорией экономики, обретает реалистичность и достоверность. Экономика — частный случай хозяйства, особый способ его организации. В свете теории хозяйства экономика выдает свои специфические смыслы, которые она не может продемонстрировать в пределах собственно научной экономии. Экономика существенно и сущностно раскрывается, показывая свою особость, а за ней и свою истину.

Хозяйство шире и жизненнее экономики. Хозяйство — жизнь, экономика — лишь способ ее организации, да еще и частичный, полностью жизнь никогда не охватывающий. Хозяйство — производство жизни, человека, благ, потребностей, экономика — производство стоимости, а затем уже потребностей, благ, человека, жизни. Экономика, т. е. хозяйство денег, с деньгами, посредством и ради денег, способна как поощрять собственно хозяйственную жизнь, хотя и не всегда целостно, так и угнетать ее. Экономике свойствен и антихозяйственный эффект. Экономика — исторический, т. е. ограниченный во времени-пространстве, феномен. Хозяйство бывает и всегда в чем-то остается неэкономическим. Хозяйственная жизнь никогда полностью не сводится к экономике. В историческом аспекте можно говорить о предэкономике и послеэкопомике. Философия хозяйства не только выделяет специфику экономики, но и ставит вопрос о начале экономики — с одной стороны, и кон-

це экономики — с другой. Эсхатология экономики, как, впрочем, и эсхатология хозяйства, т. е. самой жизни, — вполне естественная для философии хозяйства проблема.

Будучи философией, философия хозяйства не только не чурается понятия сущности, но ставит сущностный анализ во главу угла своих изысканий и построений. Для философии хозяйства важно познать сущность предмета (системы) и осуществить с ее помощью сущностное рассмотрение предмета (системы). Обнаружение сущности (сущностных параметров), как и сущностное раскодирование предмета, при котором существенное оказывается в центре-основании познаваемого объекта, его идейно-интеллектуальной конструкции — первостепенная задача философского осмысления предмета, его воззренческого представления. Онтологическое познание предмета не сводится здесь к одному лишь феноменологическому описанию, а предполагает ноуменологическое его «вскрытие», дающее возможность судить о предмете в единстве его внешней видимости и внутренней содержательности. Философия стремится рассмотреть предмет во всем многообразии смыслов, ему свойственных и в нем гнездящихся — от поверхностных признаков до трансцендентных смыслов.

Трансцендентность обычно трактуется как непознаваемость, но это не совсем так. Трансцендентность действительно восходит к непознаваемому Абсолюту, но в своем относительном бытии в мире она познаваема, хотя и не до конца. Признание трансцендентности говорит о тайне мира, как и о не до конца определенном познании мира, его идейно-интеллектуальном отображении. Дело не в том, что трансцендентное вообще не познаваемо, хотя это и бывает, а в том, что трансцендентное не до конца познаваемо и познаваемо по-особому (условно, неопределенно, метафорично, образно, многозначно, разно-смыслово). Стремление к определенности знания (проверяемости, подтверждаемости, точности, строгости, доказательности) не должно отвергать возможности знания неопределенного, которое более, быть может, чувствуется, чем формулируется. Однако от этого не перестает быть вполне реалистическим знанием, часто даже более реалистическим, чем превосходно доказанное знание. Внешнее логическое доказательство важно, но не оно определяет в конечном итоге достоверность знания, ибо многое зависит от очерченного поля ис-

следования, принятой аксиоматики, поставленной цели и т. д., т. е. от разных обстоятельств, которые, быть может, не противоречат внешней логике доказательства, но не слишком пекутся о внутренне смысловом соответствии реальности.

Критерием истины всегда должна быть сама реальность. Философия хозяйства, углубляясь в трансцендентный мир, вовсе не лишена данного критерия. Не часто пользующаяся формальными и строго логическими методами доказательства, философия хозяйства, тяготеющая к диалектике и образности, обладает вполне реалистической достоверностью, ибо не упрощает рискованно реальности, учитывает ее противоречивое многообразие, видит ее глубины, возвышается над обыденно-поверхностным, что позволяет ей куда как полнее и жизненнее отображать реальность, чем того добивается любой явно формалистический подход.

Наука выставляет вперед так называемые факты, их собирание и анализ, индуктивные по преимуществу выводы, хотя и не пренебрегает дедукцией, домысливанием и прогнозами, обоснуемыми, правда, все теми же фактами. Наука сознательно сама себя приземляет, объективизирует, фактологизирует, что вполне объяснимо. Однако наука не обходится без догадок, озарений, неизвестно откуда приходящих заключений. И наука по-другому не может: она не может не поклоняться фактам и фактологическим расчетам (естественно, материальным), как не может не впускать в свое смысловое поле заключения, добываемые откровенчески (стало быть, идеальным образом). Правда, с течением времени наука все более признает не только наличие идеального, причем независимого от человека, но и необходимость его более открытого и последовательного освоения.

Что касается философии, то последняя, совершенно спокойно относясь к идеальному, не страдает ни характерной для науки противоречивой раздвоенностью, ни необходимостью признания идеального и характерных для него способов познания. Философия открыта для откровения, а посему открыта и для знания, получаемого не одним лишь путем анализа фактов и фактологических расчетов, не только путем строго логических доказательств, но и посредством зачерпывания неких толик знания из некоего знаниевого бассейна, который обычно именуется Идеей Мира, Софией, Премудростью Божьей. И

факты тут бывают не причем, и логика, а истина, однако, торжествует.

Философия нисколько не устарела, хотя какие-нибудь философские школы, возможно, и устарели, хотя, быть может, и не навечно. Современный нам мир находится на переломе, на таком переломе, перед которым пасует чистая наука, этот перелом в значительной мере и вызвавшая. Как никогда необходимы мировоззренческие обобщения, которые не дает и не может дать наука. Необходим не то что бы возврат философии, а необходимо возвращение к философии. Равным образом, необходимо и возвращение к философии хозяйства, от которой только и можно сегодня напитаться живительными соками — для знания и для жизни.

И.К. БЫСТРЯКОВ

Метафизика экономики: реальность, виртуальность, мифы (Философия хозяйства. 1999. № 1)

Современный мир, формы его движения, осязаемые его преобразования, практика взаимодействия людей друг с другом подсказывают, или, вернее, возвращают нас к необходимости углубленного, бережного соприкосновения и, более того, понимания соотношений сущностей горних с дальними. К сожалению, как бы мы ни упрощали эту проблему, она дает о себе знать и на самом высоком цивилизационном уровне, и на уровне отдельного народа, и на уровне отдельного представителя рода человеческого. Вне метафизических представлений определиться в системе ценностных ориентиров, если мы оперируем научными категориями, чрезвычайно сложно. Спрашивается — почему? И здесь мы должны остановиться на понимании собственно научных форм познания. Следует четко осознавать, что социальные науки имеют дело с субъективными волевыми конструктами. В такой постановке вопроса становится очевидным собственно значимость самого человека в результатах и последствиях его деятельности. То, что нас окружает, имеется в виду формируемое пространство, есть не что иное, как сам человек, его внутреннее состояние. Наука как форма личностной деятельности также содержит в себе методологические стереотипы оценки эффективности поведения, отображающие мировоззренческие установки. Следовательно, если наука берет на

себя смелость говорить об объективности познания и производимых оценок, ей следует в первую очередь обрести критерий объективности, что, как известно, выходит за рамки человеческой системы, ибо система не может познать самое себя. В таком случае объективный критерий находится по ту сторону бытия, проблема переходит в плоскость трансцендентального: базисные сущности определяются в рамках соотношения добра и зла, в которых самоопределение человека по выбору духовного пространства самореализации становится неизбежным.

Таким образом, если наука не превращается в самосущностный инструмент познания, что, по нашему мнению, чрезвычайно опасно, но опирается на персонифицированную основу, то становится предельно важным и значимым этический аспект познания, заключающийся в поддержании высокого уровня честности, искренности, последовательности и, если хотите, ригоризма в проводимых исследованиях, а тем более обоснованиях.

Итак, вышеобозначенные категории есть не что иное, как граница взаимодействия духовного и материального. Именно здесь происходит тот мистический акт, который в конечном итоге задает режим распознавания реальности и виртуальности, образа и мифа. Выбор же происходит в зависимости от того, какого же мы духа приобщаемся. Как видим, человек и в науке есть мера всему сущему. В нем и только в нем отражаются представления о реальности, виртуальности, мифах-символах и т. д. Истинность представлений для науки недосягаема. Таким образом, наука может реализоваться в полноте только в сочетании с духовным опытом.

Рассматривая в изложенном выше ключе теоретическую экономию, мы невольно, однако закономерно приближаемся, или вернее, интегрируемся в пространство — владение функционирования идеи хозяйствования (С. Булгаков, П. Савицкий, Ю. Осипов).

Принципиальным аспектом идеи хозяйствования для рассматриваемой в данной статье проблемы является категория «хозяин-патриарх» и выходящее из нее представление «о хозяйственном ценении, проникнутом мощным импульсом к Абсолюту» [1, 233].

Оперируя категорией «хозяин-патриарх», представляется возможным четко разграничить содержательные стороны эко-

номики «реальной реальности» и экономики «виртуальной реальности», каждая из которых опирается на мифологии чрезвычайно различных толков. В первом случае мы можем говорить о мифах-образах, которые отображают инобытие того, что моделируется, по существу, это метафора — символический образ, несущий в себе позитив, во втором случае мы имеем дело с вызванными мифами-тенями, разрывающими мифологический пространственно-временной континиум, останавливая в конечном итоге процесс воплощения незатемненных первопредметов и перводеиствии в реальность, следовательно, отражающих в целом негатив.

С точки зрения реальной реальности пренебрежение самим фактом констатации, а также необходимостью оценки и самоопределения позиции исследователя к акту мифотворчества приводит к тому, что теоретическая наука экономии фокусирует свое внимание на разработке параллельного мира — виртуальной реальности, что ведет ко все большему и большему обособлению экономики собственно от общественной жизни. Именно доминирование самоценных сущностей эффективности вызвал к жизни миф фетишизированной стоимости, оказавшейся, в конечном итоге, сверхразрушительной силой, подавляющей Живое.

С метафизической точки зрения виртуальный вирус в теоретической экономии — это не что иное, как методологическое обоснование трансцедентальных процессов, ведущих к идолопоклонству, в центре которого находится «золотой телец». Безусловно, эти процессы не лежат на видимой плоскости, скорее, они носят латентный характер для теоретической науки. И в этой связи теоретик-исследователь в значительной степени невольно попадает в поле их негативного воздействия. Как результат — хаотические поиски, потеря объекта и предмета исследования, размывание целеполаганий, и в конечном итоге — неопределенность.

Закономерный вопрос: что делать? Принципиальным является выработка новой парадигмы познания — хозяйственного ведения, в котором органично сочеталось бы онтологическое и гносеологическое. Иерархическое упорядочение исследовательского знания как явление чрезвычайно закономерно, поскольку окружающий мир представляет собой многосложное соподчиненное образование, находящееся в постоянном движе-

нии. Уловить его тенденции, вовремя отследить переломные моменты, отсепарировать более подвижные базисные постулаты от менее подвижных, сформировать методологический инструментарий поиска и идентификации движущих сил обозреваемых хозяйственных явлений, выявить субъект-субъектные и субъект-объектные связи взаимодействующих элементов хозяйственной системы — вот неполный перечень насущных, первоочередных задач гносеологической части хозяйственного ведения.

Иерархический метод исследования, как показывает практика, весьма плодотворен. Однако здесь возникает достаточно сложная проблема идентификации сущностных основ вычленения уровней исследования, четкой прорисовки объектно-предметной части разноуровневых явлений и, безусловно, раскрытие и типизация форм их взаимодействия. Существующие сегодня подходы к решению этой сложнейшей проблемы не представляется возможным назвать удовлетворительными. И, более того, именно возникшая в этой связи сумятица не дает нам возможности ответить на вопросы, связанные хотя бы с оценкой роли различных научных ответвлений экономики, таких как экономическая математика, экономическая фактология, философия экономики и т. п. Но в данном случае следует учитывать, что процесс познания производится за счет активизации мыслительного поля человека вокруг исследуемого объекта (субъекта). Специфика хозяйственного ведения заключается в том, что она оперирует духовно заданной концентрированной субстанцией, отличающейся способностью самоопределяться в целях и задачах исследования. Формируемая при этом оболочка знания вокруг объекта (субъекта) исследования отличается многослойностью. По крайней мере, прослеживаются три слоя, связанные соответственно с особенностями онтологического, гносеологического и праксеологического форм познания.

Выделенные слои оболочки знания включаются в исследовательский процесс в той мере, в какой необходимо проникнуть в глубину объекта (субъекта) исследования. Становится очевидным, что полнота познания обеспечивается при включении всех слоев оболочки знания исследовательского процесса. К сожалению, в настоящее время происходит зачастую субъективно-необоснованное отторжение некоторых из слоев познавательного процесса, что приводит к невозможности достиже-

ния эффекта адекватности в анализе и оценке характера функционирования изучаемого объекта (субъекта).

Опираясь на обозначенную выше схему познания, представляется возможньш провести и классификацию предложенного нами хозяйственного ведения. Так, слой онтологического знания охватывает по преимуществу такой раздел мыслительной деятельности, как философия хозяйства, в то время как слой гносеологического знания заполняется теорией хозяйства, и, наконец, слой праксеологического знания сосредоточивает в себе всю совокупность так называемой нормативной экономики, включая математическую, факторологическую и другие ответвления науки. К сожалению, современная экономическая теория сконцентрировала свои усилия в плоскости преимущественно праксеологического знания, выдавая на этом срезе как внутриотраслевую, так и межуровневую классификацию. Сложившаяся ситуация, по сути, является причиной методологического застоя в развитии теоретической экономики в целом.

И в заключение представляется необходимым остановиться на существенно важном аспекте — поведении конструктивного в теоретической экономии. В традиционном подходе конструктивное, в принципе, отторгается теорией экономики, поскольку в основу закладывается система подвижных ценностных (стоимостных) ориентиров, возникающих якобы спонтанно в личности-потребителе. Фактически теория экономики ориентирована на анализ складывающейся типовой ситуации. Схема использования теоретического знания заключается в том, что накопленный аналитический опыт выступает в качестве калибровочного инструментария оценки. В случае же возникновения нестандартных ситуаций теоретическая экономика становится практически безоружной, поскольку ей постоянно приходится вырабатывать новый методологический инструментарий анализа, т. е. налицо факт перманентного запаздывания по отношению к реально происходящим процессам.

В рамках хозяйственного ведения происходит обратная картина, поскольку в каждый конкретный момент времени и пространства приходится решать конструктивные задачи, что, в свою очередь, предполагает наличие стадии предварительного моделирования. В таком случае хозяйственное ведение предстает в виде не статической, а динамически функционирующей оболочки знания, как бы омывающей объект (субъект) исследо-

вания потоками различной интенсивности и температуры. Динамизм предполагает поочередное приближение слоев онтологического, теоретического и праксиологического знания к объекту исследования, когда в недрах онтологического знания формируются целевые установки, а в теоретическом и праксиологическом слоях знаний формируются модельные представления о развитии, вернее, развертывании внутренних свойств объекта (субъекта) исследования.

Таким образом, в метафизическом отношении экономика как форма мыслительной деятельности оперирует категориями «реальность», «виртуальность», «мифы», которые относятся к сфере сверхреального. Неучет этого обстоятельства ставит и будет ставить перед обществом неразрешимые проблемы развития, но это не тупиковая ситуация, это, по терминологии Ф.И. Гиренка, только «патовое пространство», в котором в отличие от шахматного варианта начинает играть король — «дословные» духовные сущности народа.

Литература

1. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.

Ф.И. ГИРЕНОК

Моральная экономика: третий путь (Философия хозяйства. 1999. № 1)

К тому немногому, что было понято в XX в., относится то, что назначение вещей универсально, а значения слов локальны. Вещи противостоят словам еще и потому, что назначение вещей рождаются цивилизацией, а значения слов — культурой.

За противостоянием вещей и слов стоит противостояние цивилизации и культуры. Выход из этого противостояния возможен двоякий. Либо универсализм вещей достраивается до универсализма слов, либо локальность слов расширяется до локальности вещей. В первом случае вещи вытесняют слова, а цивилизация — культуру. Во втором — слова заменяют предметы, а культура — цивилизацию.

Первая стратегия ведет к созданию удвоенной цивилизации, сокращению естественного и расширению технологического языка. Эта цивилизация заполняется вербальными химерами. Вторая стратегия ведет к созданию культуры локальных

вещей, заполняемых вещественными химерами. Химера, как и любое кентаврическое образование, происходит от слияния несочетаемого: бытия и небытия, вещи и тени вещи. Химеры удерживают в своей власти естество бинарными ловушками, в которых создается пустота неполноты. Одна из этих ловушек устроена в виде пустоты, скрываемой бинарными отношениями таких химер, как социализм и капитализм. А то, что пустота скрываема, видно хотя бы потому, что экономикой стали называть хрематистику, т. е. нечто прямо противоположное экономике.

Выход из бинарных ловушек полувербальной, полувещественной природы получил название третьего пути. Третий путь — это непрерывно возобновляемое стремление ускользнуть из химерического пространства, создаваемого бинарными структурами, и достигнуть центра. При этом центр понимается не в качестве точки, равноудаленной от крайностей, а в качестве неразвернутых еще противостояний, в качестве виртуального состояния. Любое бинарное отношение структурируется, т. е. движением к одному полюсу полагается существование другого полюса. Достигнуть центра, двигаясь по третьему пути, это значит оставить крайности, бинарные полюса неопределенности.

Вот на таком выходе из бинарных оппозиций и возникает третий путь, или моральная экономика. Философия хозяйства, возникающего на этом пути, резюмируется в нескольких тезисах. Во-первых, хозяин в хозяйстве необъяснимо является и также необъяснимо исчезает. И в силу этой необъяснимости он перестает быть субъектом, а хозяйство перестает быть объектом. Мерцание хозяйства, скорее, указывает на некий тип жизни, чем на определенную методику ведения хрематистики.

Во-вторых, в хозяйстве возможно и необходимо мистическое касание земли. Этим жестом касания рождается крестьянин, но уже не как экономическая категория, а как археоавангард жизни.

В-третьих, процессы хозяйствования, скорее, выразимы в аналогах медиального залога, в бессубъектных структурах и безличных выражениях.

В-четвертых, в хозяине личностные структуры неотделимы от структур рабочей силы, а место работы совпадает с до-

мом, если под домом понимать несимулятивное пространство подлинного.

К пониманию моральной экономики я пришел в результате чтения работ И. Стебута. В воспоминаниях Стебута есть один забавный эпизод, относящийся к пореформенной жизни в России. В те времена многие были увлечены идеями прогресса, экономической эффективности и всеобщего благоденствия. Стебут решил сдать крестьянам часть принадлежащих ему земель в аренду. Договорились об арендной плате. Спустя какое-то время Стебут снизил арендную плату, рассчитывая на то, что крестьяне могут взять в аренду больше земли. Но произошло другое: крестьяне соразмерно снижению арендной платы уменьшили количество арендуемых земель. Этот факт можно описать в терминах рациональной экономики, т. е. предполагая отделение рабочей силы от личностных структур, места работы — от дома, средств производства — от производителя. И тогда действие крестьянина нельзя не представить как действие иррациональное, а самого крестьянина нельзя обозначить как человека патологически ленивого.

Но этот же факт можно описать и в терминах моральной экономики, т. е. экономики семейного трудового хозяйства. Во-первых, это хозяйство строится не в терминах экономической эффективности, а в терминах морали. А это значит, что в нем нет места зарплате. Мотивы хозяйственной деятельности коренятся не в прибыли, а в воспроизводстве типа жизни, в котором, в свою очередь, на первый план выступает соразмерность напряжения труда и удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи (А. Чаянов).

Внутри моральной экономики возможно несакральное отношение к собственности. Так, Киреевского занимал один эпизод, который произошел недалеко от его поместья. Крестьянин нарубил лес, погрузил его на телегу и повез к себе в деревню. Его остановили и стали укорять за кражу господского леса. Когда крестьянина назвали вором, он пришел в ярость, уверяя, что никогда ничего не украл чужого. Тогда ему указали на лес. Ну, это другое дело. Ведь лес же ничей. Он божий. Его никто не сажал, за ним никто не ухаживал. Поэтому лес для всех, как воздух. А вот если бы к нему был приложен труд, тогда другое дело. Тогда речь могла бы пойти и о воровстве.

Таким образом, в моральной экономике собственность связана с трудом. Но точно так же крестьянин относится не только к вещам, но и к словам. Слово не свято. Оно принадлежит крестьянину на правах его собственности. Он слово дал, он слово взял. Правда не вербальна. А потому ложь словесная совместима с абсолютной правдивостью.

С помощью одних лишь категорий капиталистического производства мы не в состоянии осмыслить действительность, поскольку очень большая часть хозяйственной жизни, в частности, большая часть сферы аграрного производства, основана не на капиталистических, а на совершенно иных принципах — началах семейного хозяйства. В семье отсутствует категория зарплаты. В ней имеется свой специфический мотив хозяйственной деятельности, а также свое понимание рентабельности. Как известно, большей части крестьянских хозяйств России и большинства неевропейских и даже многих европейских стран чужды категории наемного труда и зарплаты. Выражения «семейное хозяйство», «трудовое хозяйство», «трудовое семейное хозяйство», «семейное трудовое хозяйство» будут означать хозяйство крестьянина или ремесленника, в котором используется не наемный труд, а напротив — труд исключительно членов этого хозяйства.

С.Г. КАРА-МУРЗА

Научная картина мира — экономика — хозяйство (Философия хозяйства. 1999. № 1)

В экономической науке России требуется изменение приоритетов и даже типа мышления. Тот общий кризис, в который втягивается вся индустриальная цивилизация, в России реализуется в виде череды катастроф. В условиях перехода «порядок—хаос», созданного в ходе перестройки мировой экономики, именно в Россию удалось «сбросить» значительную часть общего кризиса, подобно тому, как после 1973 г. Западу удалось «экспортировать» энергетический кризис в страны «третьего мира».

Уже целое десятилетие Россия живет и одно-два десятилетия будет жить в совершенно непривычной ситуации — в процессе череды сломов и быстрых эволюционных изменений основных систем жизнеустройства. Возникает насущная потребность срочного получения от науки ответа на множество

возникающих неожиданных, новых, а порой беспрецедентных, вопросов. Знанием для выбора лучших или хороших решений встающих перед Россией проблем общество на интуитивном уровне не располагает как в силу их принципиальной новизны, так и из-за утраты необходимой части исторической памяти в ходе индустриализации и урбанизации.

В науке различаются два разных взгляда на мир: есть наука бытия — такой тип видения мира и постановки научных проблем, при котором внимание сосредоточивается на стабильных, стационарных процессах и отношениях, и есть наука становления — когда главным объектом исследования становятся именно нестабильность, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового. Эти два типа научного подхода отражаются и в картине мира, и в методе. Экономическая наука (политэкономия), которая с момента своего возникновения претендовала быть именно наукой (а не этикой или частью философии), принципиально декларировала себя как наука бытия, сделав идею равновесия своей центральной догмой.

Между тем нынешняя наука России унаследовала замечательные, передовые в мире школы в области науки становления. Отечественные ученые внесли огромный вклад в развитие фундаментальных математических и физических теорий перехода «порядок—хаос», учения о катастрофах, понятий критических явлении. Многие из этих современных фундаментальных теорий нашли практическое приложение в исследованиях и разработках в области процессов горения и взрыва и цепных химических реакций, в аэро- и гидродинамике, океанологии и т. д. Взгляд на мир через понятия порядка, хаоса и самоорганизации ученые России обращали, изучая не только явления природы и техники, но и общественные процессы. М.М. Бахтин заложил основы большого мирового направления научного осмысления культуры.

К области науки становления можно отнести и философию хозяйства, учение русских мыслителей (от С.А. Годолинского и С.Н. Булгакова до А.В. Чаянова) о хозяйстве не как равновесной экономической машине, а как жизнеустройстве, построенном на неравновесном соединении несоизмеримостей — расчета и любви, ценности и цены, рациональности и литургии, труда и природы. Это — не адаптированная к условиям традиционного общества прокрустова эко-

номическая теория (по типу «политэкономии социализма»). Это — иной коридор познания и практики, путь от аграрной цивилизации к постиндустриализму, «минуя Кавдинские ущелья капитализма».

Когда от наших либералов слышишь иронические реплики насчет «третьего пути», хочется их приласкать, как детей. Им страшно вглядеться в реальную жизнь 85% населения Земли. Они боятся прочесть резолюции «Рио-де-Жанейро—92» и убеждают себя, будто в Китае, Индии, Японии и России — капитализм. А между тем экономика «выедается» постиндустриализмом уже и в цитадели свободного рынка — США.

Экономика — мимолетный миг в хозяйстве человечества.

Говорится, что экономика — господствующий тип хозяйства эпохи индустриализма. Это верно с большими оговорками даже для ядра индустриальной системы («первого мира»). И здесь большая доля хозяйственной деятельности осуществляется вне зоны рынка и эквивалентного обмена (домашнее хозяйство, воспитание детей, взаимопомощь). Все попытки втянуть эту часть жизни в экономику через развитие производства полуфабрикатов или машин, не поддающихся ремонту вне рынка услуг, разбиваются о пассивное сопротивление. Скорее даже они отступают (например, сейчас на Западе широко распространилось самостоятельное изготовление мебели из сборных элементов, все большее количество овощей и фруктов производится на «шести сотках» и поступает в нерыночное распределение среди родных и знакомых).

Примечательно, что слово «экономика» — ложное. Произошла подмена имени, первоначально этим словом Аристотель обозначил как раз естественное (натуральное) хозяйство, «ведение дома» — от греч. oikonom, управляющий домом. А то, что сегодня называется экономикой или «рыночной экономикой», обозначалось словом хрематистика (от греч. торговля) — производство и коммерция, направленные на извлечение дохода, и накопление капитала (в западных языках слово «хрематистика» до сих пор служит синонимом понятия «политическая экономия»). Когда в Европе хрематистика вытеснила натуральное хозяйство, она взяла себе чужое имя.

Это существенно, так как «лишение имени» как бы лишило хозяйство и права быть объектом строгого исследования. Оно стало реликтовым явлением, описание которого относи-

лось к сфере этнографии, как архаичные народные обычаи. Его или помещали, вслед за Марксом, в «черный ящик» азиатского способа производства или втискивали в категории политэкономии, как это произошло с советским хозяйством.

Наш современник, экономист и историк экономики И. Кристол вводит вполне определенное ограничение: «Экономическая теория занимается поведением людей на рынке. Не существует некапиталистической экономической теории... Для того, чтобы существовала экономическая теория, необходим рынок, точно так же, как для научной теории в физике должен существовать мир, в котором порядок создается силами действия и противодействия, а не мир, в котором физические явления разумно управляются Богом» (цит. по: [1]). (С этого вопроса и началась тридцатилетняя дискуссия в советской экономике. В книге Н. Бухарина «Экономика переходного периода» (1920) на полях против слов «Итак, политическая экономия изучает товарное хозяйство», Ленин написал: «не только!».)

В конце нашего века, на фоне общего ощущения кризиса индустриализма встал вопрос о «третьей волне» цивилизации. Черты ее видятся еще смутно, но ясно, что постиндустриальное хозяйство будет преодолением самых существенных черт экономики как хозяйства индустриальной цивилизации. Как можно подойти к построению его образа, хотя бы грубыми мазками?

Видимо, постиндустриальное хозяйство можно считать разновидностью неиндустриального. Довольно хорошо известны структуры натурального хозяйства традиционных обществ незападных цивилизаций, в том числе тех, которые испытывали быструю индустриализацию без разрушения своих культур (Япония и Россия, сегодня Китай, Индия и др.). При модернизации таких обществ всегда возникал более или менее острый конфликт между традиционным хозяйством и переносимыми с Запада институтами экономики. На острие этих конфликтов и находятся те узловые положения экономической теории, которые будут преодолеваться при трансформации экономики в хозяйство постиндустриального типа.

Экономическая теория: зеркало и создатель экономики

Известно, что любая научная теория (особенно в науках общественных) не только отражает, но и создает свой объект. Химия как наука создала мир химических веществ, которого нет в природе. Физика создала электричество и наполнила им

мир. Антропологическая теория Гоббса создала индивидуализированного западного человека, сумев силами культуры даже подавить его инстинкты.

Главные метафизические основания для политэкономии заложила Реформация, давшая совершенно новую концепцию человека, его прав, обязанностей и идеалов, а также новое представление о власти и государстве. Общекультурные основания для политэкономии дало тесно связанное с Реформацией Просвещение с его идеями свободы и прогресса, общественного договора и гражданского общества. Третьим важнейшим корнем политэкономии послужила Научная революция, давшая новую картину мира и новый тип рациональности — с идеей естественного закона, позволяющего в простой математической форме описать мироздание.

Возникнув на волне научной революции, политэкономия с самого начала декларировала себя как науку — новый тип знания, совершенно автономный от этических ценностей. Так же, как наука ставила своей целью поиск объективных законов природы, политэкономия претендовала на то, чтобы выявить естественные законы хозяйства. (Претензии экономической теории на статус науки всегда были омрачены трудностями в определении предмета этой науки. Заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус бесплодно пытался дать определение понятию «богатство». Наконец, сравнительно недавно Самуэльсон признал, что «не существует никакого точного определения экономической науки, но оно и не требуется».) Вот уже два века постулируется существование таких законов (хотя очевидно, что хозяйство в главных своих процессах есть часть культуры, а не природы). Иногда такие постулаты принимали форму религиозной догмы. Так, один из основателей американской социологии У. Самнер сказал в 1934 г.: «Социальный порядок определен природными закона и в точности аналогичными законам мира физики» [2, 134].

Следуя главному принципу, вокруг которого сплотилась возникшая в XVI в. на Западе наука, политэкономия описывает хозяйственную жизнь объективно и беспристрастно — исключая из своих моделей этические ценности (саму проблему добра и зла). Она изучает то, что есть, не претендуя на то, чтобы указывать, как должно быть. В начале века Макс Вебер сформулировал этот тезис так: «Эмпирическая наука не способна научить

человека, что следует делать, а только может указать, что он в состоянии сделать и, в некоторых условиях, что он в действительности желает сделать» [3].

Можно было бы предположить, что это исключение этики из экономического знания отражало реальность рыночной экономики, в которой главное событие — акт обмена — было принципиально освобождено от воздействия этического контроля, поскольку следовало догме эквивалентности. В отличие от натурального хозяйства традиционного общества, рыночная экономика безлична, человек в ней заменен экономическим субъектом, представленным как механический атом, не испытывающим при «соударениях» на рынке никаких изменений.

Однако на деле речь идет не о простом отражении хозяйственной реальности в экономической теории, а об активной позиции, о методологическом выборе. Более того, этот выбор был вовсе не тривиален, а сопряжен с глубокими внутренними противоречиями в политэкономии. Главная идея труда Адама Смита — трудовая теория стоимости — означала разрыв с представлением о хозяйстве физиократов. В центр теории стоимости она ставила не природу, а человека, превращаясь в часть этики, а не науки и удаляясь от норм научности.

Таким образом, любые изменения в экономической теории ведут к изменениям в хозяйственной практике и затрагивают социальные интересы. Поэтому всякая рефлексия в экономической теории становится ареной острой социальной борьбы. В мягкой форме она имеет вид борьбы идеологической.

Экономическая теория и идеология

Взаимодействие объективного знания и идеологии в экономической науке выяснить непросто. В нашем случае мы можем считать идеологией систему знаний, предназначенную для легитимации того или иного «ценностного порядка мира» (и соответствующего ему социального порядка). По выражению М. Фуко, политэкономия — это «наука, полностью пропитанная идеологией». Однако, как писал тот же М. Фуко, «трудно найти другой дискурс, который сделал бы такой вклад в идеологию, как дискурс клинической медицины или политической экономии» [4, 312].

«Контрабанда ценностей» в знание еще не служит основанием, чтобы исключать экономику из сферы науки и создавать для нее особые нормы и критерии достоверности (хотя са-

ма эта постановка вопроса не лишена смысла). Дело в том, что по мере развития науки и технологии научное сообщество становилось влиятельной социальной группой, обретало свои собственные идеалы и осознавало свои интересы (т. е. занимало определенную идеологическую позицию). Вследствие этого «контрабандный импорт» этических ценностей стал реальностью не только в политэкономии, но и в самых точных и позитивных науках. Старый идеал объективности остался лишь в качестве нормы приличия.

Довольно часто в отношении к науке применяют несостоятельный прием перекладывания ответственности за негативные, с точки зрения этики, эффекты на использование науки, на практиков. Слыша от современного ученого, что научное знание всегда есть добро, нельзя не вспомнить саркастическую реплику Ницше: «“Где древо познания — там всегда рай” — так вещают и старейшие и новейшие змеи».

На деле само чистое знание, без его превращения в технологию, не только объясняет, но и формирует реальность. Объявленный прогноз имеет тенденцию сбываться, сообщенный диагноз подталкивает пациента к болезни, антропологическая теория заставляет человека следовать ее моделям, экономическая теория может спасти или разрушить хозяйство целой страны.

Научная картина мироздания и политическая экономия

Принятие идеалов и норм науки резко облегчили перенос в политэкономию научных понятий, моделей и методов. С самого начала именно аналогии и метафоры-модели из науки (сначала из физики, а затем из биологии) стали основой, скелетом главных моделей в экономических теориях.

В любом обществе картина мироздания служит для человека той базой, на которой строятся представления об идеальном или допустимом устройстве общества и типа хозяйства. «Естественный порядок вещей» во все времена был важнейшим аргументом в идеологических спорах, главным доводом легитимации социального порядка.

Господство рыночной экономики в современном обществе было связано с возникновением совершенно нового, необычного с точки зрения традиций отношения к собственности, деньгам, труду и превращению вещи в товар. Содержание всех этих понятий настолько различается в современном и традици-

онном обществах, что нередко представители разных культур, даже из числа специалистов, просто не понимают друг друга, хотя формально говорят об одном и том же.

В самом фундаменте рыночной экономики лежит идея свободы в ее новых, внеэтических измерениях. Большое значение для такого освобождения человека имело новое представление о пространстве, данное механистической картиной мира, ньютоновское понимание бесконечности. Перенос этой картины мира в политэкономию как аналогии в модели хозяйства означал признание механицизма главным методологическим подходом. В этой модели человек заменялся абстрактной аналогией материальной точки — homo economicus, механической ипостасью индивида.

Механика Ньютона была включена в политэкономию со всеми своими постулатами и допущениями, просто вместо движения масс рассматривалось движение товаров и денег. Само хозяйство было представлено как простая и познаваемая равновесная машина, действующая в соответствии с объективными естественными законами. Утверждалось, что эти законы просты и могут быть выражены на математическом языке. Адам Смит настолько буквально следовал Ньютону, что ввел в свою модель аналога Бога-часовщика — «невидимую руку рынка», которая время от времени приводила машину в равновесие. Механицизм проникал в политэкономию и через другие метафоры и аналогии. Так, важной метафорой для объяснения роли денег в экономике была кровь, циркулирующая по «гидравлической машине» кровообращения.

Мы не рассматриваем здесь те созданные наукой культурные условия, которые были необходимы для развития политэкономии. М. Вебер особо отмечает ту роль, которую «дух счета» (calculating spirit) сыграл при возникновении капитализма: пуританизм «преобразовал эту «расчетливость», в самом деле являющуюся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения» [3]. (Свобода тех, кто «владеет числом» означает глубокую, хотя и скрытую, зависимость тех, кто числа «потребляет». Сила убеждения чисел огромна. Это предвидел уже Лейбниц: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: подсчитаем!». Эта утопия означает

полную замену качеств (ценностей) их количественным суррогатом (ценой). В свою очередь это снимает проблему выбора, занимает ее проблемой подсчет Что и является смыслом тоталитарной власти технократов-экономистов.) В XIX в. механицизм сделал огромный шаг вперед от модели

Ньютона, которая представляла мир как движение масс под действием сил. Термодинамика дала картину мира как движения энергии. Вместо категорий массы и силы она использует как универсальные категории энергию и работу. Сади Карно, разработавший теорию идеальсти следует весьма осторожно, и уж во всяком случае, нельзя допускать прямого отождествления литературы с жизнью, рассматривать ее как непосредственное отражение национальной жизни.

К сожалению, взгляд на русскую классическую литературу как на прямой и непосредственный источник информации о российской реальности был закреплен официальной идеологией советского периода. С его позиций изучалась (и продолжает изучаться сегодня) литература в школе, он широко распространен в стране и за рубежом. Думается, его причины заключены не в самой по себе западнической ориентации части российской интеллигенции. Тем более не в злом умысле какой-либо группы лиц, стремящихся опорочить Россию путем интерпретации едва ли не всей русской литературы в качестве злой сатиры на российское общество. Причины его лежат глубже. Они связаны, в частности, с явлением, получившим наименование сакрализации литературы.

В XIX в. механицизм сделал огромный шаг вперед от модели Ньютона, которая представляла мир как движение масс под действием сил. Термодинамика дала картину мира как движения энергии. Вместо категорий массы и силы она использует как универсальные категории энергию и работу. Сади Карно, разработавший теорию идеальной тепловой машины, оказал огромное влияние на мышление индустриального общества. Главной метафорой-машиной цивилизации стали не часы, а паровая машина (двигатель). (Сегодня экологи говорят, что трагедией человечества стал тот факт, что политэкономия, восприняв идеальный цикл Карно (его перенес в политэкономию Маркс в виде цикла простого воспроизводства), вслед за Карно не включила в свою модель топку и трубу — те части тепловой маши-

ны, где сжигаются невозобновимые ресурсы и выбрасываются загрязняющие среду дымы.)

Новые, уже термодинамические представления о мироздании были поразительно быстро освоены политэкономией. Уже в 1838 г. А. Курно сравнивает экономическую систему с машиной, в которой все процессы редуцируются к единому знаменателю — «работе». Это, по мнению Курно, позволяет применить к исследованию хозяйства математический анализ с таким же правом, как к механическим системам. Курно дал первую внутренне непротиворечивую математическую модель структуры рынка и процесса ценообразования.

Но и в этих работах, и в политэкономии марксизма в модель экономики были включены идеи термодинамики равновесных процессов — центральная догма политэкономии (равновесие) и вера в существование естественных законов не были поколеблены.

Антропология рыночной экономики

Физическая картина мира во многом предопределяет и представление человека о своем месте в мире, а также о его соотнесении с другими людьми. Это — антропологическая модель, которая доминирует в сознании людей в том или ином обществе, ответ на вопрос: что есть человек?

Важнейшим элементом механистической модели политэкономии было понятие о «человеке экономическом». За исключением краткого периода кейнсианской революции в основу антропологической модели буржуазного общества был положен методологический индивидуализм: человек был представлен изолированным атомом.

Важнейшими основаниями естественного права в рыночной экономике — в противоположность всем «отставшим» обществам — являются эгоизм людей-«атомов» и их рационализм, хотя множество исследований, да и обыденный опыт, показывают, что люди стали людьми именно благодаря тому, что преодолевали эгоизм и проявляли альтруизм, далеко выходящий за рамки краткосрочных рациональных расчетов. А что главные мотивы их поведения носят иррациональный характер и связаны с идеалами и движениями души — это мы видим на каждом шагу.

Антропологическая модель, представляющая «экономического человека» как свободного индивида, имеющего в част-

ной собственности свое тело, легитимировала разрушение традиционного общества и хозяйства, установление нового и очень специфического экономического и социального порядка, при котором становится товаром рабочая сила и каждый человек превращается в торговца. Этот порядок получил условное название «рыночная экономика» — такое жизнеустройство, при котором в товар превращаются ценности, не производимые их владельцами и с точки зрения традиционного мировоззрения не могущие быть товарами: земля, деньги и рабочая сила.

Очевидно, что механистическая модель «экономического человека» — абстракция, построенная с рядом допущений, которые впоследствии не были подтверждены наукой. Однако идеологическая ценность этой абстракции придала ей удивительную живучесть.

Таким образом, при переносе в экономическую теорию механистической концепции человека-атома, классики политэкономии, а сегодня и неолибералы перенесли и распространенную в науке методологическую ошибку: с течением времени опускать из модели сделанные первоначально в явном виде допущения. В политэкономии это проявилось в гротескной форме.

С начала XX в. развивается другое механистическое учение о человеке, воспринятое современной экономической моделью — бихевиоризм (от англ. слова behavior — поведение). Главным методологическим принципом этого учения, так же, как и в представлении экономики машины, является редукционизм. Бихевиористы отвлекаются от всех субъективных факторов (мышление, эмоции, влечения и т. д.) и рассматривают поведение исключительно как функцию внешних стимулов. Это — крайне механистическое представление человека, который рассматривается как машина, управляемая извне с присущим машине детерминизмом (точной предопределенностью реакции в ответ на управляющее воздействие). В 70-е гг. одновременно с неолиберализмом в экономике бихевиоризм поднялся от простых механистических аналогий к понятиям кибернетической машины (необихевиоризм, связанный с именем Фредерика Скиннера из Гарвардского университета).

В XIX в. наука дала политэкономии новую, немеханистическую модель человека, исходящую, так же как и атомизм индивидуума, из антропологии Гоббса. Это — человек-животное,

борющийся за свое существование в рамках внутривидовой борьбы. За естественнонаучную основу этой модели был взят дарвинизм, адаптированный для идеологических целей в форме так называемого социал-дарвинизма.

Из представлений о мире и о человеке вытекает и стихийная социальная философия, свойственная обыденному сознанию (она может весьма сильно отличаться от официальной идеологии). Это — представление об обществе, о том, как нужно человеку жить с другими людьми, каковы права и обязанности личности в обществе. Общество как семья или общество как рынок — так можно кратко выразить главные метафоры традиционного и современного общества.

Кризис механистической картины мира и экономика

Модернизация политэкономии, приведение ее в соответствие с новой картиной мира, которая складывалась в ходе кризиса физики начала XX в. произошли в ходе «кейнсианской революции», когда был сделан принципиальный шаг от механицизма. Кейнс, значительно опережая западную интеллектуальную традицию, не переносил в экономику механические метафоры и, главное, не прилагал метафору атома к человеку. Он относился к тому типу ученых, которых называли реалистами (в отличие от инструменталистов) — он видел мир таким, каков он есть, с его сложностями, и не прибегал к редукционизму, сведению к упрощенным абстракциям (типа человека-атома, индивидуума). Кейнс считал атомистическую концепцию неприложимой к экономике, где действуют «органические общности» — а они не втискиваются в принципы детерминизма и редукционизма, которыми оперирует инженер.

В первой трети XX в. индустриальная экономика стала столь большой системой, что «невидимая рука» рынка оказалась уже неспособной возвращать ее в состояние равновесия даже в масштабе развитых капиталистических стран.

Экономисты-неоклассики (теоретики «свободного рынка») и «неолибералы» видят выход из кризиса в сокращении государственных расходов (сбалансировании бюджета) и доходов трудящихся (снижении реальной зарплаты, а то и безработицы). Кейнс, напротив, считал, что простаивающие фабрики и рабочие руки — признак ошибочности всей классической политэкономии. Субоптимизация отдельного предприятия, исходя из локальных критериев эффективности и прибыли, не только

не приводила к гармонизации всей системы, но, напротив, после достижения некоторого критического уровня нестабильности начинала ее разбалансировать. Надо было переходить к оптимизации крупных целостностей, взятых в динамике.

Расчеты Кейнса показали, что выходить из кризиса надо через массированные капиталовложения государства при росте дефицита бюджета вплоть до достижения полной занятости. Он предлагал делать это, например, резко расширяя жилищное строительство за счет государства. Это пытался сделать Рузвельт для преодоления Великой депрессии, несмотря на сопротивление экспертов, и частного сектора. Ему удалось увеличить бюджетные расходы лишь на 70%, и уже при этом сократить безработицу с 26% в 1933 г. до 14% в 1937. Тогда он попробовал сбалансировать бюджет — и в 1938 г. произошел самый быстрый спад за всю экономическую историю США: за год безработица подскочила до 19%, а частные капиталовложения упали наполовину.

В 1940 г. сам Кейнс с горечью предсказывал: «Похоже, что политические условия не позволяют капиталистической экономике организовать государственные расходы в необходимых масштабах и, таким образом, провести эксперимент, показывающий правильность моих выкладок. Это будет возможно только в условиях войны». Так и получилось — война стала лабораторным экспериментом, доказавшим правоту Кейнса. Только строили за счет государства не жилища, а аэродромы и танки (но для анализа это неважно). В США дефицит госбюджета с 1939 по 1943 г. подняли от 4 до 57 млрд. дол., безработица упала с 19 до 1,2%, производство возросло на 70%, а в частном секторе — вдвое.

Неолиберализм: назад, к истокам

В конце 50-х гг., когда завершился период структурной перестройки промышленности, начался откат к механистической модели политэкономии. «Консервативная волна» вывела на передний план теоретиков неолиберализма и монетаризма. Давление на кейнсианскую модель и «социальное» государство нарастало. Собственнический индивидуализм все больше доминировал в культуре. Впервые с возникновения политэкономии проявилось принципиальное расхождение между траекторией ее основной модели и тенденциями в изменении научной картины мира.

Откат к неолиберальной модели экономики привел к нынешнему кризису. Запад пошел не по пути постиндустриализма и восстановления на новой основе солидарных связей человека, а по пути политэкономического фундаментализма. Это распутье ставило цивилизацию перед принципиальным выбором.

Один путь означал преодоление индустриализма, глубокое культурное преобразование. Преодоление антропологической модели — признание, что человек не атом, что он включен в крупные «молекулы» солидарных связей. Преодоление модели общества как арены войны всех против всех, отказ от глубоко коренящегося в индустриальной культуре социал-дарвинизма, переход от метафоры и ритуалов борьбы к метафоре и ритуалам взаимопомощи. Преодоление экономического детерминизма и признание того, что мир сложен, что отношения в нем нелинейны — отказ от инструментализма и претензий на то, что политэкономия — естественная наука. Преодоление самого разделения знания и морали, главного кредо европейской науки Нового времени. Наконец, преодоление тех постулатов, которые и определяли прометеевский характер индустриальной цивилизации, прежде всего, переосмысление категорий прогресса и свободы, восстановление их диалектики с категорией ответственности.

Изменения в современной картине мира и неолиберализм

Механистическое и детерминистское представление о хозяйстве и о «человеке экономическом» все больше противоречит научной картине мира и данным современной антропологии, и неолиберализм становится все более «ненаучной» идеологией. Обратившись, наравне с изучением космогонии и микромира, к исследованию окружающих нас процессов «человеческого размера», наука показала мир как очень сложную и динамическую систему, в которой большинство соотношений нелинейны и большинство процессов необратимы. Систему, в которой огромную роль играют флуктуации, самоорганизация и синергические эффекты.

В этой картине мира совершенно по-новому видится категория свободы, а концепция человека как изолированного и неизменного атома является противоестественной. Это новое видение природы и человека диалектически связано с крахом идеологий индустриализма (и правых, и левых), с возникновением необычных политических течений или экономических

образований, с разочарованием в представительной демократии. Рождается и новое экологическое чувство, но по мере его укрепления техноморфное мышление и основанные на нем идеологии становятся все более и более агрессивными.

В целом, то огромное влияние, которое оказал на основную модель политэкономии механистический детерминизм — как в ее антропологии, так и в центральной догме о равновесии — сегодня стало важным аргументом в пользу принципиального пересмотра всей модели. Ибо сфера применимости механистического детерминизма настолько узка, что исходящая из его принципов модель оказывается неадекватной практически любой хозяйственной реальности.

Неустранимые дефекты основной модели экономики

Изменения в научной картине мира и совместившиеся с ними во времени кризисные явления в индустриальной цивилизации высветили те изъяны в равновесной модели экономики, которые были терпимы, пока мир казался неисчерпаемым, а способность биосферы выдерживать техногенные нагрузки — почти бесконечной. В XX в. эти изъяны по своему весу превысили многие факторы, включенные в модель. Иными словами, модель стала принципиально неадекватной.

Для поддержания видимости равновесия в ядре системы и недопущения «импорта неравновесия» все более явно и радикально приходится прибегать к использованию внеэкономических факторов, включая военную силу. Так, Западу приходится политическими средствами не допускать свободного рынка труда, что создает «неравновесие» величиной в 6 млрд. дол. в час. По данным экспертов Всемирного экономического форума в Давосе, развитые страны капитализма обладают 350 млн промышленных рабочих со средней зарплатой 18 дол. в час. Китай, Индия, Мексика и республики бывшего СССР вместе имеют 1200 млн рабочих такой же квалификации со средней зарплатой 1—2 дол. в час [5].

Вот некоторые из дефектов модели экономики.

• Природа в принципе исключена из модели экономики. Исходя из идеи бесконечности и открытости мира природные ресурсы представлены неисчерпаемыми и бесплатными. Поэтому они как таковые не являются объектом экономических отношений. Топливо и металлы «производятся» и включаются в экономический оборот как товар именно и только в соответ-

ствии с издержками на их извлечение из природы. (Сегодня на просторах «третьего мира» не производятся, а уже буквально добываются не только сырье и готовые металлы, но и компоненты машин и целые машины. Почти бесплатным «природным агентом» для западного капиталиста является уже и рабочая сила, «произведенная» природой и обществом «Юга».)

Рикардо утверждал, что «ничего не платится за включение природных агентов, поскольку они неисчерпаемы и доступны всем». Это же повторяет Сэй: «Природные богатства неисчерпаемы, поскольку в противном случае мы бы не получали их даром. Поскольку они не могут быть ни увеличены, ни исчерпаны, они не представляют собой объекта экономической науки» (цит. по: [6, 133]). «Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости» [7, т. 47, 498].

Неисчерпаемость природных ресурсов — важнейшее условие возникновения иррациональной идеи прогресса и производных от нее идеологических конструкций либерализма (например, «общества потребления») (Это идеологическое прикрытие той «противоестественной» особенности хрематистики («рыночной экономики»), которую отметил еще Аристотель: «Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить свои капиталы до бесконечности». В антропологической модели Гоббса утрата желания увеличивать богатства равносильна смерти человека.)

• Политэкономия рассматривает товары не как вещи, а исключительно как отношения между людьми. Материальная сущность вещей не имеет значения для экономики, поэтому достигается полная соизмеримость вещей. Под производством понимается производство стоимости, а не ее материальных оболочек. В «Капитале» (гл. I, «Товар») читаем: «Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости». Маркс доброжелательно ссылается: «Как говорил старик Барбон, ”между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы или различия”».

Очевидно, что в этой модели политэкономии движение реальных вещей полностью заменено движением меновых

стоимостей, выражаемых деньгами, и сама проблема взаимоотношения человека с природой в его хозяйственной деятельности из модели устранена. Устранена, следовательно, и проблема несоизмеримостей. Стоит только чуть-чуть «впустить» природу в эту модель, она вся рушится.

Долгая борьба с традиционным взглядом на вещь и на деньги, что велась начиная с античности, привела к нынешнему монетаризму, когда меновые стоимости, «не заключающие в себе ни одного атома потребительной стоимости», создали свой особый мир, оторванный от реального хозяйства. Экономисты одного из экологических движений пишут: «Монетарные и финансовые символы сегодня обращаются в течение 24 часов в сутки с высокой скоростью и в немыслимых количествах по электронным сетям глобальной финансовой системы, потеряв всякую связь, по крайней мере в краткосрочной перспективе, с процессами создания богатства. Этот разрыв, усиленный мобильностью и нестабильностью монеты-символа, достиг сегодня немыслимых размеров. Соотношение количества долларов, которые перемещаются в ходе обмена реальными ценностями, к количеству долларов в финансовых потоках не превышает один к тридцати» [8, 18].

С помощью спекулятивных операции в мире фиктивных денег в считанные часы погружаются в тяжелейший финансовый кризис страны масштаба Мексики или Индонезии — вне всякой связи с ее реальным экономическим и политическим положением. Истоки — развод между словом и вещью, меновой и потребительной стоимостью.

• Неразрешим методологический конфликт, связанный с внешними эффектами (externalities) — теми социальными последствиями экономической деятельности, которые не находят монетарного выражения и исключаются из экономической модели. Примером является парниковый эффект. Разогревание атмосферы благодаря выбросам углекислого газа воспринималось на Западе с оптимизмом вплоть до 60-х гг., пока более широкие модели не показали негативные эффекты (опустынивание, угроза таяния льдов полярных шапок с повышением уровня океана).

Сегодня очевидно, что равновесная модель рынка содержит в себе не просто неадекватность, но и подлог. Некоторый продукт производства (парниковый эффект) навязывается неза-

висимым экономическим агентам вопреки их предпочтениям и без соответствующей трансакции, сделки, отраженной в движении денег. Поскольку речь идет о «потребительной антистоимости» (можно сказать, «антитоваре»), деньги должны были бы выплачиваться покупателю в соответствии со спросом и предложением. Если бы рынок был действительно свободным и наряду с меновыми стоимостями производил бы обмен антистоимостями, также представленными ценой, мнимое равновесие было бы сдвинуто самым кардинальным образом. Ни о каких ста миллионах автомобилей в США не могло бы быть и речи. (Уже ничтожная компенсация в 10 дол. на жителя Земли означает, что автомобилестроительные фирмы должны были бы выплатить 55 млрд дол. в год. Это привело бы к такому повышению цен, что производство автомобилей сразу существенно сократилось бы. Изменился бы весь образ жизни Запада.)

В ответ на констатацию неадекватности модели экономики обычно сводят дело к технике и отвечают, что экстерналии не включаются в модель, потому что их трудно выразить методами монетаризма. Это негодное оправдание: мы ищем не там, где потеряли, а там, где светло. Сброс загрязнений в биосферу и ограбление будущих поколений возможны лишь благодаря идеологической, экономической и военной силе Запада. Ни правды, ни справедливости, ни естественного закона в этом нет.

• Невозможно решить проблему распределения ресурсов между поколениями. Сама эта проблема совершенно несовместима с либеральной моделью экономики в силу ее методологического индивидуализма. Согласно ему, рынок распределяет ограниченные ресурсы в соответствии с выраженными через цену предпочтениями большого числа индивидов (так что эти предпочтения подчиняются закону больших числе). Очевидно, что здесь экономика наложила на себя онтологическое ограничение: большинство заинтересованных в сделке экономических агентов не могут в данный момент присутствовать на рынке и выразить свои предпочтения — они еще не родились. Строго говоря, торги в этих условиях следовало бы признать незаконными.

Это противоречие снимается обращением к морали. Контрабандой в политэкономию импортируются чисто идеологические ценности (это видно у А. Смита, Рикардо и особенно у Мальтуса, а сегодня у фон Хайека и других идеологов неолибе-

рализма). Одной из них является предполагаемый естественный эгоизм человека, который вкупе с «невидимой рукой» рынка обеспечивает равновесие и оптимум в распределении ресурсов. Отсюда выводится формула, якобы снимающая проблему: что сделали будущие поколения для меня, т. е., к «сделкам» с будущими поколениями требуют применить принцип эквивалентного обмена.

Экономическая теория и философия хозяйства: неявный диалог

Постулаты политэкономии внимательно изучались в философской и экономической мысли в России, особенно немарксистской. Не углубляясь в огромную тему философии хозяйства — альтернативы политэкономии как науки о рыночной экономике, приведем коротко лишь некоторые комментарии русских мыслителей относительно главных постулатов: о политэкономии как части науки, исследующей естественные законы; о месте человека в мироздании; о природе человека как субъекта хозяйственной деятельности.

Прежде всего, в русской мысли ставится под сомнение сама возможность изучать хозяйство в рамках науки, поскольку любой акт в хозяйственной деятельности неразрывно связан с этическими ценностями. (Здесь мы не рассматриваем зародившееся на Западе одновременно с научной политэкономией течение «реалистов», которое также отрицало возможность создания универсальной модели хозяйства, отражающей якобы объективные естественные законы. К этому течению принадлежат разные и влиятельные школы — от Ф. Листа и Г. Шмоллера в Германии до Дж. Кейнса и Дж. Гэлбрейта в англо-американской культуре.) В.С. Соловьев отрицал сам статус политэкономии как объективной науки: «Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может» [9].

Философия хозяйства исходит из иной, нежели политэкономия, картины мира. Для нее мир — не замкнутое пространство, в котором «потерян» человек, а именно Космос. В общем, это — не картина мира ньютоновской науки с субъект-объектным отношением человека и мира. П. Флоренский так трактовал эту проблему; «Человек есть сумма мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его. Его мысль о Человеке, как микрокосмосе, бесчисленное множе-

ство раз встречается во всевозможных памятниках религии...» [10, 20—21].

Эта внешне архаичная, вненаучная картина мира и человека, возникла в русской философской мысли в ответ на первый большой кризис индустриализма (альтернативным ответом был марксизм с его поиском путей к преодолению отчуждения в рамках политэкономии). Однако это не было откатом, фундаментализмом традиционного общества, отрицающего Просвещение. В философии С.Н. Булгакова и П. Флоренского (как и в экономических теориях С. Подолинского и А.В. Чаянова) есть, скорее, предвосхищение идей постиндустриализма конца XX в. Даже предвосхищение той смены научной картины мира, которую мы переживаем сегодня, когда мироздание вновь приобретает черты Космоса и становится в известном смысле геоцентрическим — ввиду вероятной уникальности феномена жизни на земле.

В философии хозяйства отрицается и центральная антропологическая догма политэкономии — модель «экономического человека» как атома, свободного рационального индивида. Вот комментарии к этой модели С.Н. Булгакова: «Человек неотделим от человечества, он есть настолько же индивидуальное, насколько и родовое существо, — род и индивид в нем нераздельны, сопряжены и соотносительны... Человечество существует как семья, как племя, как классы, как национальности, как расы, наконец, как единый человеческий род... Эта связность выражается в политике, экономике, нравах, социальной психологии. Человечество ищет такой общественной организации, при которой торжествовала бы солидарность и был бы нейтрализован эгоизм... Отдельный человеческий индивид есть не только самозамкнутый микрокосмос, но и часть целого, именно он входит в состав мистического человеческого организма...» (цит. по: [11]).

В русской социальной антропологии реальным субъектом, производным от которого была личность (но не индивидуум), являлся народ. Восприятие народа как единого тела сформулировано евразийцем Л. Карсавиным: «Можно говорить о теле народа... Мой биологический организм — это конкретный процесс, конкретное мое общение с другими организмами и с природой... Таким же организмом (только сверхиндивидуальным) является и живущий в этом крае народ. Он обладает сво-

им телом, а значит всеми телами соотечественников, которые некоторым образом биологически общаются друг с другом» [12, 183]. Очевидно, что совокупность индивидов не может составить народа в этом смысле, так как индивид является неделимым — он имеет свое тело в частной собственности, не деля его ни с какими общностями.

Цивилизационный спор между философией хозяйства и политэкономией продолжается все Новое время, принимая порой трагические формы столкновения с уничтожением целых культур и народов. Несмотря на радикальный евроцентризм и мессианский фундаментализм неолибералов с их идеей «конца истории», именно с поражением марксистской ветви политэкономии этот спор начинается с новой силой. Первый акт этой новой трагедии заканчивается в России.

Литература

1. *Макашева Я.* Этические принципы экономической теории. М., 1993.
2. *Easlea B.* La liberation social y los objetivos de la ciencia. Madrid, 1977.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
4. *FoucaultM.* La arquueologia del saber. Mejico, 1991.
5. The World Competitiveness Report 1994. Davos, 1995.
6. *Naredo J.M.* La economia en evolucion. Historia y perspectivas de las categorias basicas del pensamiento economico. Madrid, 1996.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
8. Propuestas irmovadoras para replantear la economia. Una invitation al dialogo. Barcelona, 1995.
9. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч. Т. 1. М., 1988.
10. *Флоренский П.А.* Философия, наука, техника. Л., 1989.
11. *Горбунов В.В.* Идея соборности в русской религиозной философии. М., 1994.
12. *Карсавин Л.П.* Государство и кризис демократии // Новый мир. 1991. № 1.

С.Ю. СИНЕЛЬНИКОВ

Экономизм, творчество и принципы новой философии (Философия хозяйства. 1999. № 1)

Памяти моей матери
Екатерины Кондратьевны Синельниковой
посвящается

Смутные времена и переломные исторические эпохи неизбежно заставляют мыслящего творческого человека вновь обращаться к поиску истинных путей, к верной ориентации в развитии современного человеческого общества. Все мудрые люди, люди, склонные к философическому образу восприятия внешнего мира, для выбора верного пути вперед оглядывались назад и внимательно прислушивались к пророческим голосам, мыслям и впечатлениям, навеянным глубочайшими мыслителями прошлого. Так происходит и в настоящее время в России, где в эпоху исторического безвременья и смуты необычайно остро чувствуется недостаток глубоких предвидений, присущих, к примеру, русской философской мысли конца XIX — первой половины XX в. Недаром Николая Бердяева, отца Сергия Булгакова, Павла Флоренского и многих других справедливо причисляли к властителям дум нашего века, предвосхитившим самые глубинные тенденции нашей современной жизни, да и, пожалуй, жизни будущего — XXI в., знаменующего начало третьего тысячелетия от рождества Христова.

Новая работа Ю.М. Осипова «Экономическая цивилизация и научная экономия» [1] в этом контексте представляется знаменательным и отрадным явлением в развитии современной экономической мысли, принципиально новым ответом на вызов времени, ответом на вопросы о характере и движении современной цивилизации, ее происхождении как цивилизации экономической, месте и роли России в этом историческом процессе.

Самого позитивного отклика заслуживают, пожалуй, практически все стороны этого внешне неброского научного исследования: введение и использование нового категориального аппарата, корректная критика марксистской политической экономии и современного экономикса и т. д. Но, очевидно, самым замечательным фактом представляется особое ощущение — просветленное и освобожденное состояние, складывающееся и остающееся после прочтения (и перечтения) работы.

Это отражает ту духовную, творческую работу автора, которая сопутствовала появлению на свет этого труда с таким символическим подназванием — приглашение к размышлению. Особо хотелось бы отметить и стиль написания: эмоциональный, живой, заинтересованный (в противовес устоявшимся стереотипам научного экономико-философского изложения), что позволяет однозначно причислить данное исследование к лучшим традициям русской философской мысли начала XX в.

Вместе с тем, как и любая честная научная работа — «Экономическая цивилизация и научная экономия» не может не подталкивать к дальнейшей и более детальной проработке ее ключевых, принципиальных положений, тем более что ряд принципиальных положений, выдвинутых русскими мыслителями еще в 20-е гг. нашего столетия, не только не потеряли свою актуальность, а даже наоборот, сформулированы более зрело, чем в рамках современной научной традиции.

Сказанное в полной мере можно отнести к такому базовому научному положению, определенному еще в рамках марксистской политической экономии, как отношение человека и природы. Правда, его интерпретация русскими философами и, в частности, Н. Бердяевым, резко контрастирует с привычными толкованиями ученых-марксистов. Еще 80 лет назад он пророчески отмечал изменение ритма человеческой жизни и его разрыв с ритмом природы и, как следствие, превращение человеческой жизни в менее и менее природную, расщепление самого человека и его дисгармонию. «Что-то страшно обострилось в человеческой жизни за XIX и XX вв. Все труднее и труднее становится человеческая жизнь. От экстенсивного труда человек переходит к интенсивному труду, от экстенсивного душевного типа к интенсивному душевному типу. Ни в чем уже нет шири для человека, все сдавлено. Тесно человеку на земле. Рост народонаселения и рост потребностей приковали человека к экономике. Вхождение машины в человеческую жизнь было одной из радикальных революций человеческой истории, потрясшей все вековые основы человеческого быта» [2, 232].

Естественный ритм человеческой жизни кардинально нарушается по мере глобального внедрения компьютерных технологий, опосредующих теперь не просто механическое, но и умственное воздействие человека на природу. Уже и без того разомкнутое машиной отношение человека и природы превра-

щается в два изолированных, виртуальных отношения: «человек — компьютер» и «компьютер — природа», что придает полную искусственность ритму и качеству человеческой жизни, все более отворачивая ее от реальных проблем, трудностей и духовно-материальных взаимосвязей с природой, ноосферой и космосом.

Вооружить человека философского и творческого, укрепить его познавательный потенциал призвана новая, здоровая, светлая и мужественная философия, которая должна коренным образом отличаться от философии современной. Последняя расслаблена и серьезно больна рефлексией и раздвоением. Не случайно поэтому высшей добродетелью научного познания считается до сих пор принцип разложения и преклонения перед абстрактными (однобокими) категориями, которые могут отражать лишь какую-либо часть конкретного. Весь запал мыслительного процесса расходуется, как правило, на нисхождение от конкретного к абстрактному (пустому) и оперирование подобными понятиями. В то время как на обратный процесс — осознание конкретного, как мыслимого и чувствуемого, — сил уже не остается. «Рефлексирующий и сомневающийся не может быть активным в мире, не может быть воином — он весь погружен в ослабляющее его самораздвоение, он не уверен в той активной, творческой силе, которой мог бы воздействовать на мир. Творческий акт познания, преодолевающий границы и препоны, сможет совершать лишь твердо уверенный в своей познавательной силе, лишь цельный, а не раздвоенный» [3, 66—67].

Задача новой философии должна принципиально отличаться от привычной позитивной доктрины, выстраиваемой на базе прагматических и схоластических доказательств, доктрины, направляемой на оправдание (или критику) существующего или уходящего общества, а не на прозрение в его будущее. Новая философия должна представлять из себя некое интуитивное общение и формулировку истинных положений среди достаточно узкого круга людей философических и творческих. Именно они призваны находить все более совершенные формулировки истины, увиденной в интуиции, и синтезировать некие общие формулы. Именно совершенство последних и исходящий от них свет должны стать наиболее убедительным и заразительным мыслительным оружием. И вообще, новая филосо-

фия должна предполагать общение высокое, основанное «на почве начальных и конечных интуиции, а не на серединных доказательствах дискурсивной мысли» [3, 70].

Поэтому нарождающееся философское познание должно стать активным и творческим преодолением действительности и преображением мира. Оно должно «осознать себя творческой, преодолевающей и приображающей природу силой, поскольку в таком познании видится рассвет и расцвет самого бытия. Новая философия осознает свою духовно-революционную природу, осознает себя познавательным мятежом духа против плена необходимости и рабства, закрывающего тайну и смысл бытия» [3, 64].

Совершенно новую роль призван сыграть человек как творческое начало в новой философии, которая должна относиться к нему, как «существу двоящемуся и двусмысленному, имеющему облик царственный и облик рабий, существу свободному и закованному, сильному и слабому, соединившему в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным... Человек не является дробной частью вселенной, не осколком ее, а представляет собой малую вселенную, большую отпечатлевающуюся на ней и на себе отпечатлевающую. И поэтому само сознание человека как центра мира, в себе таящего разгадку мира и возвышающегося над всеми вещами мира, есть предпосылка всякой философии, и новой, в частности, без которой нельзя дерзать философствовать и творить» [3, 79—82].

Поэтому подлинный философ и творец — это человек одержимый и влюбленный, избравший предмет познавательной любви. Он уже не сомневается над тем, кого избрал и полюбил, и ему уже нечего говорить, что кроме избранной и любимой им истины есть множество истин не менее правдоподобных. Сомнение приходит лишь после формулирования истины и означает лишь то, что познающий, высказав понятное ему, сам оказался уже за порогом ранее не известного и в преддверии новых познавательных влюбленностей и откровений.

В рамках новой философии меняется и сам подход к творчеству, которое по своей природе свободно, и его пути нигде прямо не указаны и не определены (даже в Священном писании). В противном случае «творчество было бы просто послушанием, а не антропологическим откровением, которое Бог ждет от человека, сокрыв от него во имя богоподобной приро-

ды человека его пути творчества и оправдание творчества» [3, 110—111].

Однако сильной и определенной должна стать нравственная позиция человека творческого, ориентированная в первую очередь на светлые стороны творческого процесса, поскольку очень часто творится не только во имя Божие, но и во имя дьявола. Но именно в силу этого творчество превращается в арену и инструмент борьбы с силами темными, с дьяволом, антихристом. «Поскольку если не будет христианского творчества, христианского строительства жизни и хозяйствования, то противоположное, антихристианское и антихристово творчество и строительство будет захватывать все большие и большие районы, будет торжествовать в сферах жизни. Но для дела Христова в мире нужно как можно большие районы бытия, нужно как можно меньше уступать антихристу в его работе в мире» [4, 362—363].

И, наконец, принципиально важной, сильной стороной новой философии должно стать органичное сочетание оптимизма и провидения трагичности исторического процесса вообще и судьбы нашей страны, России, в частности. На смену представлениям о поступательном цивилизационном историческом продвижении человеческого общества вперед, очевидно, должно прийти осознание его ритмической природы. «В истории, как и в природе, существуют ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных. Нам суждено жить в историческое время смены эпох... Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи...» [5, 407—408].

Что же ожидает Россию в эту эпоху, пророчески названную новым средневековьем? Превращение в сырьевой придаток, духовный шлюз развитых западных держав и полуколониальный рынок бросового ширпотреба и продуктов? Деградация и упадок творческого уровня мировой супердержавы? Что ждет ее в эпоху, когда «вся жизнь во всех ее проявлениях проходит под знаком религиозной, мистической борьбы, религиозной поляризации и выявления предельных религиозных начал»? Как отразится на ней «эпоха обостренной борьбы религии Бога и религии диавола, начал христовых и начал антихристовых»?

Обо всем этом находим лишь самые общие пророческие замечания, зачастую трагические. «Россия, — писал Н. Бердяев, — в этом своеобразие ее судьбы, никогда не могла принять целиком гуманистической культуры нового времени, его рационалистического сознания, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной серединности. Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии. Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру...» (выделено мною. — *С.С.*) [5, 414—415]. Однако появление антихриста знаменует собой сошествие на землю его противоположности, Бога истинного, Спасителя нашего человечества...

Поистине удивительной и неподвластной приземленному разуму виделась глубочайшим русским мыслителям роль и судьба нашей Родины!

Литература

1. *Осипов Ю. М.* Экономическая цивилизация и научная экономия // Альманах Центра общественных наук / Под ред. Ю.М Осипова, Е.С. Зотовой. М., 1998. № 11.
2. *Бердяев Н.* Философия неравенства. Письмо двенадцатое: О хозяйстве. М., 1990.
3. *Бердяев Н.* Смысл творчества // Философия творчества, культуры, искусства. Т. 1. М., 1994.
4. *Бердяев Н.* Спасение и творчество. Два понимания христианства // Философия творчества, культуры, искусства. Т. 1. М, 1994.
5. *Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Философия творчества, культуры, искусства. Т. 1. М., 1994.

И.К. БЫСТРЯКОВ

Метафизика хозяйства: теоретический дискурс (Философия хозяйства. 2000. № 3)

> «Хозяина в производстве» современная экономическая доктрина не знает, она знает «предпринимателя»… Нужно различать предпринимательство как определенную эмпирическую хозяйственно-экономическую функцию и как особую духовно-экономическую сущность. Хозяин же есть именно только духовно-хозяйственная сущность… Предприниматель как духовная сущность — это прежде всего и только homo oeconomicus, «капиталистический человек».
>
> *П. Савицкий*

Эпиграф к статье весьма показательно характеризует современное состояние хозяйства в представлениях о целевых установках развития. Ни для кого не секрет, что сегодня мы находимся под влиянием идей, связанных с оправданием деятельности именно «капиталистического человека». В этой связи отечественная мысль упорно обращается в сторону западного опыта развития, игнорируя при этом знание, постоянно вырабатываемое собственным обществом. Но на самом деле, все ли так благополучно в том краю, куда мы обращаем взоры, там ли находится истина, да и как распознать ее?

С тем чтобы дать ответы на поставленные вопросы автор статьи обратился к методу сравнительного анализа направлений теоретических поисков зарубежных и отечественных ученых в смежных экономических, философских и социологических областях знаний. Причем в качестве ключевого смыслоопределяющего инструментария, который позволил бы выйти на уровень интегративного знания, берется метафизика. Целью же настоящей статьи в этом случае является апологетика хозяйственного ведения с позиций метафизического мировоззрения.

Следует отметить, что зарубежная теоретическая мысль достаточно близко подошла к понятию хозяйствования, однако выхода на системный теоретический уровень до сих пор не обеспечила. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что ревизии не подвергается основа основ, а именно «точка зрения получения наибольшего чистого дохода…». Продолжая выска-

зывание П. Савицкого, подчеркнем альтернативный тезис: «Но единственно ли такое отношение к делу возможно в хозяйстве? Думать, что всякое иное отношение было бы нехозяйственным, относилось бы к чуждой хозяйству области альтруизма, эстетики или чего-либо подобного, не позволяет выкованная веками логика нашего языка; таким иным по природе вещей хозяйственным отношением к делу будет хозяйское отношение к нему. Кроме побуждений собственно экономических импульсов к получению дохода, отношение это определяется стремлением сохранить, укрепить и расширить полноту функционирования и полноту развития того живого и ощутимого целого, той одухотворенной системы людей и вещей, в качестве которой хозяин воспринимает свое хозяйство; в отношении к этому хозяйству самое получение большего дохода хозяин рассматривает как одно, в ряду прочих, из проявлений полноты функционирования и полноты развития…» [1].

Рассматривая приведенную цитату в качестве исходной позиции, сопоставим ее с рядом высказываний известных экономистов-теоретиков Запада. Сделаем оговорку, что приведенные ниже цитаты не носят систематизированного характера, более того, их следует воспринимать не столько на ментальном, профессиональном уровне, сколько с учетом резервов интуитивных форм познания.

Итак, Дж.М. Кейнс: «Настоящий экономист, знаток своего дела, должен быть наделен разнообразными дарованиями — в определенной степени он должен быть математиком, историком, государственным деятелем, философом… Он должен уметь размышлять о частностях в понятиях общего и обращать полет своей мысли в одинаковой степени к абстрактному и конкретному. Он должен изучать современность в свете прошлого — ради будущего. Ни одна черта человеческой натуры или созданных человеком институтов не должна оставаться за пределами его внимания». Как видим, Дж.М. Кейнс в наиболее емкой и образной форме показывает общее стремление теоретической мысли в предельном своем состоянии приблизиться к жизни и максимально возможным образом адекватно отразить исторические этапы развития общества. В этом отношении он весьма близок к П. Савицкому: также говорит о жизни как таковой, о ее полноте.

Поскольку всеобщей единой экономической теории развития нет и не может быть, как не может быть однообразия в отношениях людей между собой, в том числе и по поводу производства товаров и их распределения, то подобную канву мысли можно попытаться найти и у других, не менее известных, западных теоретиков. В этой связи не лишне обратиться к ряду работ, относящихся к обсуждению предмета экономики [2—4]. Так, Л. Роббинс отмечал: «Единый предмет науки можно определить лишь тогда, когда обнаружилось единство тех проблем, которые она в состоянии решить, а для этого, в свою очередь, необходимо установить взаимосвязь ее основных объясняющих принципов» [2, 11]. А. Маршалл убедительно говорил, что «экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [2, 10]. Интересной является трактовка экономики Г.С. Беккера: «Я утверждаю, что экономический подход уникален по своей мощи, потому, что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения» [3, 26]. Другой известный ученый экономист Роберт Л. Хайлбронер, полемизируя на эту тему, пришел к выводу, что «…экономика не есть какое-то особое множество поведений, но внутренний поведенческий принцип. Это образ мышления, который нетрудно обнаружить даже там, где все на первый взгляд подчинено лишь социальным и политическим факторам; он пронизывает все стороны общественной жизни» [4, 45]. Еще более откровенным является суждение по поводу расширения пределов экономической теории у Дж. Хиршлайера: «По существу, четко очертить сферу экономической науки, сопредельной с другими общественными дисциплинами, но имеющей свою собственную обособленную территорию невозможно. Экономическая теория обязана своими возможностями захвата чужих территорий тому, что используемые ею аналитические категории — ограниченность ресурсов, издержки, предпочтения, выбор — являются по сфере своего применения подлинно универсальными» [4, 41].

Список высказываний подобного рода можно продолжить, однако нетрудно заметить, что разговор ведется об одном и том же, но о чем именно — перефразируя выражение того же

Л. Роббинса, не решено до сих пор. Оптимизм, однако, привносит, на наш взгляд, Р.Л. Хайлбронер, который выделяет метасистемный срез экономической науки и говорит: «Одним словом, экономическая наука должна осознавать себя самое не только как аналитическую дисциплину, но и как идеологию» [4, 54]. Как видно, он явно выходит на нематериальные сущности, хотя, развивая эту сентенцию, резко снижает роль самой экономической науки в ее притязаниях на главенствующую роль.

Здесь целесообразно переместиться в новейшее время и рассмотреть общий процесс переосмысления и активного переоформления междисциплинарных границ, а также институциализации новых исследовательских направлений. В данном случае мы подразумеваем такие направления, как хозяйственная этика, философия хозяйства, экономическая социология, социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства и т. д., и постепенно приближаемся к необходимости формирования некоего синергетического знания о происходящих социальных явлениях и процессах. По сути, мы подошли к тому периоду, когда реализуется идея К. Маркса о том, что со временем все науки сольются в единую науку, а по классификации академика Б.М. Кедрова, — к последнему этапу его известной периодизации смены парадигм и признаков, характеризующих науку (см.: [5, 33]). (Напомним, что Б.М. Кедров выделял шесть основных тенденций: 1 — от замкнутости наук к их взаимодействию; 2 — от однозначности наук к комплементарности; 3 — от сепаратизма к глобальности в научном развитии; 4 — от функциональности к субстратности; 5 — от множественности к единой науке; 6 — от одномерности к многомерности в изображении системы наук.)

В экономическом знании, как в зеркале, отразились общие проблемы наукознания. Становится очевидной необходимость раскрытия в структуре экономического знания единства мира в многообразии его проявления. При таком подходе глобальные проблемы должны быть приведены во взаимную связь между собой и образовать некую единую глобальную проблему, объектом разработки которой становится уже не экономическое, а хозяйственное целое, заключающее в себе свойства единства в многообразии. В итоге получается, что один всеглобальный объект или субъект изучается единой наукой с множеством ее внутренних подразделений, охваченных единством

всего научного, в нашем случае — хозяйственного — ведения. При таком подходе экономическое знание, изначально сокрытое в недифференцированной науке античного периода — натурфилософии, в своем внутреннем развитии обязательно должно проявить себя обновленно в единой науке, более глубокого содержательного понимания.

Необходимость трансформации экономической науки, да и самой экономики как формы деятельности человека, в область хозяйствования явственно ощущается, например, при сопоставлении, трудов М.И. Туган-Барановского «Основы политической экономии» [6] и Дж. Сороса «Кризис мирового капитализма» [7]. В чем же метасмысл такого сравнения? В настоящее временя отчетливо прослеживается мощный процесс бифуркации единого хозяйственного механизма, ориентированного на производство товара, как категории, оправдывающей смысл труда двумя самостоятельными ветвями целевых устремлений, ориентированных на получение выгоды. Итак, первая ветвь породила чистую финансовую систему, которая работает по возрастающей экспоненте «Д — Д'». Вторая же создала псевдохозяйственную систему, которая, в свою очередь, также функционирует по возрастающей экспоненте, но уже по схеме «Д — Т — Д'». Важным в данных схемах является то, что «товару» отводится второстепенная роль. Что же это за феномен?

С философской точки зрения это не что иное, как процесс абсолютизации экономики (чистая экономика), в предельном своем состоянии абстрагирующийся от реального товара и переходящий в область виртуальных абстракций, т. е. налицо образование феномена антиэкономики. Тем не менее эта конструкция остается достаточно эффективным инструментом управления человеческими отношениями. Таким образом, мы приходим к понятию рыночного фундаментализма, о котором довольно-таки ясно выразился Дж. Сорос: «Вторжение рыночной идеологии в области, столь далекие от коммерции и экономики, разрушает и деморализует общество. Но рыночный фундаментализм стал настолько мощным и влиятельным, что любые политические силы, осмеливающиеся противоречить ему, клеймятся как сентиментальные, нелогичные и наивные. Истина при этом заключается в том, что сам рыночный фундаментализм — наивен и нелогичен» [7, XXIII]. Мы сталкиваемся с весьма интересным явлением, когда «даже материальные сред-

ства удовлетворения наших потребностей делает экономическими благами не их “материальность”, а их оценка людьми. Их отношение к имеющейся системе потребностей важнее, чем субстанция, из которой они состоят» [7, 22].

Итак, мы видим, что во главу угла ставится все-таки человек. Именно человек интегрирует вокруг себя субстратное знание, в котором должное место находится и метафизике. Более того, метафизика выступает тем объединительным началом, которое позволяет объяснить процессы взаимодействия духовного начала человека с его разумом и конкретными действиями. Через метафизику раскрывается экологическая парадигма экономики, которая рассматривается как инструмент упорядочения человека и природы. Через метафизику мы можем понять характер субъект-субъектных отношений с природой. Через метафизическую методологию становится ясным и понятным процесс многомерного (онтологического, гносеологического, праксеологического) познания объекта (субъекта) исследования, приводящий в конечном итоге именно к парадигме хозяйственной деятельности, как более широкой, нежели экономика в традиционном трактовании.

Для того чтобы глубже разобраться в метафизике как методологии познания хозяйственного, обратимся к сопоставлению высказываний ряда современных исследователей. Однако перед этим вспомним, что Гегель в свое время подчеркнул, что «образованный народ без метафизики выглядит подобно храму, в общем-то роскошно украшенному, но без святыни» [8, 5].

В своей работе «Основы метафизики» Э. Корет отметил, что «дело метафизики — посредством рефлексии тематизировать, приводить к понятию и вести речь об этом нетематическом понимании бытия, которое как условие лежит в основе всякого отдельного знания, а также воления и поступков» [8, 6]. Итак, непременное условие и норма полноты познания мира — это знание идей. В таком случае метафизика действительно предстает в качестве основной науки. При этом «она обретает живое значение для самопонимания человека в экзистально-антропологическом смысле. Она раскрывает духовную сущность человека в ее трансцендентном своеобразии, которое, превращая непосредственное, реализует себя в открытом горизонте бытия, поэтому сущностно направлено на абсолютное бытие» [8, 21]. Распространяя идею метафизического познания

на область культуры, как основы выработки поведенческих формообразований человека, обратимся к замечательному труду А. Пелипенко и И. Яковенко «Культура как система» [9]. Авторы, следуя системному подходу, дают емкую дефиницию культуре — «культура, в сколь угодно широком ее понимании, есть результат действия законов смыслообразования». Иначе говоря, «человек живет в пространстве смыслов» [9, 8]. И далее — «предмет культорологии находится как бы посередине между миром переживаемых прафеноменов и миром их инобытийственных семиотических эквивалентов. Эта промежуточная сущность и есть смысл. Смысл динамичен. Организуясь в завершенные ноуменальные структуры, смыслы опредмечиваются, застывая в конечных и единичных формах, образующих предметное тело производных — причино-следственных цепей» [9, 12].

Говоря о метафизике, трудно обойти творчество философа Ф.И. Гиренка. Для целей настоящей работы существенным моментом является определение метафизического пространства пата: «Ожидания эффекта истории в пространстве метаистории я называю пространством пата» [10, 36].

Итак, хозяйственное поведение проистекает из некоего пространства — пространства смыслов, а следовательно, культуры. Пат в таком случае — потеря ориентаций в смыслообразованиях, а в этой связи — деформация системы ценностных ориентиров, традиционно присущих тому или иному сообществу, и в конце концов — сущностная инфляция, значительно повышающая вероятность проявления в общественных отношениях лжи, ошибочности, заблуждений.

Принимая во внимание вышеизложенное, становится очевидным необходимость поиска собственных, своеобразных форм организации хозяйственной деятельности, в широком понимании этой категории, для каждой социально-экономической системы, с учетом исторических, временных, пространственных и других внешних и внутренних факторов. Именно в таком контексте следует рассматривать предложенную профессором Ю.М. Осиповым теорию хозяйства [11]. При этом логика развертывания метафизических рассуждений о хозяйстве раскрывает глубинные его проблемы и дает понимание сущностных основ его реальных, виртуальных и мифологических проявлений, контурно обозначает экософскую парадигму развития, да-

ет представление о практической необходимости раскрытия категории метапространства проживания народа, а также ориентирует на выработку истинной системы ценностных ориентиров жизнедеятельности.

Литература

1. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
2. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. 1993. Зима.
3. *Беккер Г.С.* Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. 1993. Зима.
4. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. 1993. Зима.
5. *Быстряков И.К.* Эколого-экономические проблемы развития производительных сил: теоретические и методологические аспекты. К., 1997.
6. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. М., 1998.
7. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности. М., 1999.
8. *Корет Э.* Основы метафизики. К., 1998.
9. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.
10. *Гиренок Ф.И.* Патология русского ума: картография дословности. М., 1998.
11. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Начала высшей экономии: В 3 т. Т. 1. Общие основания. М., 1995.

Ю.М. ОСИПОВ

Работающая трансценденция (Философия хозяйства. 2000. № 3)

Можно смотреть на мир и его не видеть. Можно не смотреть на мир и его видеть. Но лучше всего — смотреть и видеть.

Ведать — еще не все. Ведать, не видя, почти что не ведать. Мироведение — не мировидение. Ведение может быть вовсе и не ведением, — и сама попытка видения, опережающе-

го ведение, не просто значима, но в высшей степени замечательна.

Всякое ведение должно соприкасаться с видением, причем в определенной последовательности: не «ведение — видение», а именно «видение — ведение». Сначала увидеть, затем ведать, а не наоборот. Проникновение в мир предшествует реальному знанию о мире, хотя последнее возможно и без особого проникновения посредством как повседневного, так и поверхностного научного опыта.

Когда мы говорим о предшествовании видения над ведением, то имеем в виду, конечно же, формирование мировоззренческого знания, причем на высшем, обобщающем, концептуальном уровне, а не вообще получение знания. На практике взаимоотношение ведения и видения бывает разным, но вот при образовании мировоззрения приоритет видения над ведением представляется необходимым.

Ведать — это ведать, т. е. знать. Видеть — это не совсем видеть, это сложнее. Видеть — значит проникать, т. е. зреть незримое, а иначе, входить в трансцендентное, т. е. в ту «часть» мира, которая хоть и представлена в окружающей внешности, но сама по себе внешностью не является. Можно назвать эту «часть» внутренностью мира, можно существенностью, можно глубинностью, а можно и «вышностью». Это, безусловно, таинственная «часть» мира, просто так человеку недоступная. И чем дальше от поверхности мира к его глубине (а по сути к вышине), тем тайна становится все больше. И в самой непроглядной глубине (вышине) господствует абсолютная трансценденция, человеком вообще никак не схватываемая, а лишь замечаемая.

Человеку в некоторой мере доступна лишь относительная, т. е. присутствующая в реально обозримом мире, трансценденция. Причем трансценденция эта разлита по всему миру, по всем его частичкам, структурам и пространствам. И человек познающий и действующий, соответственно хозяйствующий, творящий, демиургирующий, имеет дело, так или иначе, с трансценденцией, — как относительной, так и абсолютной.

Трансцендентное вовсе не обязательно непознаваемое, но обязательно познаваемое условно, приблизительно, неполно и не до конца, по касательной, «бочком». Главное здесь не в том, что нельзя вообще познать, хотя кое-что действительно познать нельзя, а в том, что знание о трансцендентном, а фактически —

о мире, может быть только представлением и представлением существенно ограниченным. И никакая точная наука, старающаяся, правда, быть по возможности неточной (неточной в пределах точности или точной в контексте неточности) здесь не спасает: просто на место явно неточного мифа приходит миф точный, а какой из этих мифов более всего соответствует истине (т. е. истокам!), это еще неизвестно. Приходится же постоянно убеждаться в том, что многое в донаучном мировоззренческом знании оказывается все-таки ближе к истине, чем самые последние достижения позитивной науки.

Хозяйствуя, человек имеет дело с трансцендентным миром или, коротко говоря, с трансценденцией. Важнейший вывод, почему-то совершенно не учитываемый любителями экономических расчетов, технических усовершенствований и социальной инженерии, не говоря уже о разнообразных центрах судьбоносных решений.

Сказать, что мир объективен и даже самоорганизационен — многое сказать, но не все, более того — даже не главное. Мир трансцендентно объективен и трансцендентно самоорганизационен. А это уже совсем другое дело. Можно и еще «круче» — мир объективируется, организуется и даже управляется трансцендентно. В мире сидит работающая трансценденция.

Хозяйствуя, человек взаимодействует с хозяйствующей же трансценденцией. А это означает, что человек хозяйствующий имеет дело не просто с объективностью и самоорганизационностью, от которых он не хочет ждать милости, а с неведомой в истоках своих силой, способной быть не менее умной и решающей, чем сам хозяйствующий человек, а с учетом тайности трансценденции — невероятно более умной и более решающей, чем самонадеянный homo sapiens.

Хозяйствовать можно по-разному: видя — не видя, ведая — не ведая, признавая — не признавая, скромно — самонадеянно, тихо — громко, умно — неумно, животворно — смертоносно… На арену мирового хозяйствования выходит разный человек, с разной мировоззренческой начинкой в своей голове, с разным образом поведения, с разным духовным наполнением своего организма. Так вот: зряч ли духовно, нравственно и интеллектуально так называемый современный (постмодерновый!) хозяйствующий человек? Знает ли он, что творит? Понимает ли, с каким собственно миром имеет дело? Сознает ли,

какой искусственный мир создает? Догадывается ли, что реально ожидает его в будущем?..

Не стоит, видимо, доказывать, что человек наш постмодерновый более слеп, чем зряч. За повседневностью он этого не замечает, наоборот, ему кажется, что он все видит и ведает, что он знает, что он делает, что он создает подвластный ему, т. е. субъективированный, мир, что еще немного и… А вот что следует за этим «и»?.. Мы лучше помолчим. Пусть будет так, как будет.

Почему?

Потому что мы, глупые русские люди, признаем Ее Величество Трансценденцию, причем не ту, которую надо лишь познать, и не ту, которую познать невозможно, а ту, которую познаешь, но не схватываешь, которую видишь, но полностью не ведаешь, которая здесь, по сю сторону, и которая там, по ту сторону, которая есть и которой нет. Ту самую трансценденцию, которую уважаешь и перед которой преклоняешься.

Свобода в Промысле.

Мистика, возразят нам всезнающие. Ответим: мистика, да не та, не вульгаризированная, не пошлая, о которой в первую очередь и думают всезнающие. Это великая мистика бытия, мира, жизни, та самая, которая почему-то не нравится науке, но от которой наука почему-то отделаться не может. Не помогают и спасительные случайности, незнаемости, неучтенности, недопознанности.

А для чего мы все это говорим? Уместный вопрос. Пора раскрываться.

Хотя, честно говоря, все уже давно раскрыто, но… для видящих, либо хотя бы желающих видеть.

Что же?

А то, что судьбы хозяйственного (в человеческом измерении) мира, как и самого хозяйствующего человека, решаются в конечном итоге не здесь, а там — в зоне трансцендентного, не homo sapiens, а ею, трансценденцией. Вот поэтому-то у человека все получается как-то не так, как хотелось, как-то по-иному, с какими-то неожиданными и даже роковыми следствиями. Вроде бы все хорошо рассчитывается, и цель бывает достигнута, а в итоге такое вылезает, что и подумать страшно. Но дело даже не в страхе: просто человек не знает конечных итогов сво-

его хозяйствования, своих преобразовательных усилий, своих демиургических страстей.

Так ведь мир сложен, нам скажут. Сложен, согласимся мы, но не так, как это представляется сциентизированному уму. Мир сложен трансцендентно, причем активно трансцендентно, и с этим миром человек обязан находиться в трансцендентном же взаимодействии-диалоге. У трансценденции есть своя логика, но не наша логика, не человеческая, и уж тем более не математическая. Примерно и образно говоря, это логика полилектики, перед которой осознанная человеком диалектика (вместе с триалектикой) всего лишь первоприближение (совсем бедная модель). Трансценденция способна все сразу учитывать и всему сразу выдавать решения. Да еще и неведомые человеку решения, являющиеся перед ним и ему как-то само собой, как нечто вдруг откуда-то пришедшее и нахлынувшее.

Таинственный решающий центр.

Есть ли аналоги? Есть. Та же жизнь, тот же организм из клетки, тот же человек, то же общество, та же политика, тот же пресловутый рынок, та же не менее пресловутая стоимость. Однако…

Однако это всего лишь аналоги — и ничего более. Не то же самое, хотя и другое, а совсем другое — совсем не то же самое. По аналогии судить о трансценденции можно, тем более что все, что мы перечислили, несет в себе трансцендентную составляющую, но… трансценденция, которая решает судьбы мира и человека, все-таки какая-то иная, погруженная в том числе и в абсолютность.

А есть ли польза от наших рассуждений?

Есть, и громадная. Однако не для профанов (среди крестьян их, кстати, гораздо меньше, чем среди горожан, особенно, мегаполисных; мегаполис — чисто профанный мир, тут уж ничего не поделаешь). И дело тут не в особых знаниях, а в особом сознании человека — «с» и «без». Есть сознание профаническое, а есть сознание сакрализованное, т. е. признающее трансцендентность, соответственно и действующее. Профаническое хозяйствование и хозяйствование сакрализованное — совсем разные хозяйствования.

Однако мы начали с мировидения. Тогда зададимся вопросом: каким же нам видеть и представлять мир? Тупым, к примеру, или умным, мертвым или живым, просто реактивным

или активно решающим? Согласимся, что от видения зависит и наше ведение, и наши действия, и наша судьба.

Вот, к примеру, что происходит с современным планетарным миром? Разве всесильная наука способна дать вразумительный ответ? Причем наука, этот мир породившая и увлекающая его дальше по научному пути. Что ожидает человечество в XXI в.? Кто знает? Социальные инженеры?.. Ответим, не боясь упреков в обскурантизме: никто.

Именно так: никто. Ни один Нобелевский лауреат, ни один улыбающийся президент, ни один отводящий взор финансовый олигарх, ни один решительный виртуальный полководец. Никто.

Никто не знает судьбы Атланто-Европы, хотя кое-кто может и догадываться, разумеется, из тех, кто думает не самоуверенно, а прислушиваясь мистически к голосу трансценденции. Какой же образ встает перед таким мысленным взором? Ба-а, конечно, образ Атлантиды. Атлантида древняя и Атлантида новая. Тогда тоже была высокоразвитая (передовая!) цивилизация, тоже был империализм, тоже были колонии, тоже было стремление к господству над миром… И чем кончилось?

Не доказательство, возразят нам. Конечно, не доказательство, но трансценденция-то как раз доказательств и не требует. Хочешь, учитывай, не хочешь, не учитывай.

Другой пример. А что, собственно, происходит с Россией. Идет расплата за попытку противостоять империализму (т. е. атлантизму) империализмом же (в некотором роде атлантизмом же) — только другим, хотя бы евразийским. Трансценденция не захотела российского (советского) империализма-атлантизма и его уничтожила. Значит, не империализм-атлантизм погребен. Что-то другое, что и должно возникнуть в России. И не оставляет трансценденция Россию в покое. Заставляет думать. Мировидение вырабатывать. Новое Слово. А затем, может, и Дело.

А возможно, все вовсе и не так. Но что-то, что-то происходит. Не формулируемое, не рассчитываемое, не программируемое. Опасная эта зона — Россия. Для умников, для деляг, для болтунов. Очень опасная. Здесь трансценденция справляет свой трансцендентный пир, — а вот ради чего?

P.S. Заметим, что наш просвещенный и образованный человек любит почему-то действовать скрытно, тайно, обманно (пиарно!), вырабатывая для этого особые знания и механизмы,

реализуя уже свою трансцендентность — однако отрицательную, ложную, отвратительную. Действует так, чтобы никто ничего не понимал, не видел, не знал. Любопытная вещь. Выходит, что тайны мира нет, а вот тайна действующего человека есть. Там мистики нет, а здесь — пожалуйста. И еще, прежде всего для экономистов: что же такое есть на самом деле распространенная ныне «экономическая теория», что она отражает и чему служит? Вопрос, разумеется, носит необязательный характер.

Ю.М. ОСИПОВ

Хозяйство*
(Философия хозяйства. 2000. № 1)

Хозяйство (Х.) — бытие, рассматриваемое в аспекте его производительной организации, жизнь, рассматриваемая в том же аспекте; производство, рассматриваемое в организационном аспекте; предмет философского осмысления, т. е. предмет философии хозяйства; предмет теоретической экономии (в границах экономического бытия и научной экономии).

Категория Х. занимает в рамках философии хозяйства особое место. Мало того, что Х. есть предмет философии хозяйства, что уже придает категории Х. первостепенную значимость, но дело еще и в особой смысловой трактовке, которую данная категория получает в философии хозяйства. Х. для философии хозяйства — само бытие, сама жизнь, само производство вообще (а не, скажем, только потребительных благ, тех же товаров), но, разумеется, рассматриваемых в неком особом ракурсе — с производительно-организационной точки зрения. Не все, что есть в бытии, жизни, производстве вообще (а производство вообще есть и производство человека, жизни, бытия) относится к Х., — в бытии, жизни, производстве вообще много того, что можно и нужно не относить к хозяйству, например, тот же «материал» (субстанция в широком и самом простом смысле), из которого они состоят или в котором реализуются (со всеми его законами и конструкциями, содержаниями и формами, если эти последние не имеют отношения к производительно-организационному ракурсу). Х. — это некое бытие в бытии, т. е. производительно-организационное бытие в бытии вообще;

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

аналогично и жизнь в жизни, производство в производстве. Х. — производительная организация бытия, жизни, производства; это также организация производства бытия, жизни, производства. Бытие есть бытие, это еще не Х., но рассматриваемое в производительно-организационном аспекте бытие превращается в сознании человека в Х. При этом знак равенства между бытием и Х. не ставится; однако знак относительного соответствия поставить можно. Точно так же обстоит дело и с жизнью, и с производством вообще.

Если исходить из вышеприведенной трактовки Х. — Х. вообще, то совсем не трудно заключить, что вокруг человека, как в связи с человеком, все или почти все есть Х. (по крайней мере, относится к Х.). Везде и всегда обнаруживается наличие феномена Х., или хозяйственного процесса. В самом деле, что в человеке и в его окружении (окружающем мире) не связано с хозяйственным феноменом? Оказывается — мало что. Важный вывод, имеющий решающее значение для философии хозяйства. Предмет последней в итоге весьма объемен и разнообразен.

Однако нужны ограничения. Таковые вытекают из самого понятия хозяйственного — производительно-организационного, но взятого, конечно же, в обобщающем, синтетическом аспекте, это, во-первых, а во-вторых, в субъективно-объективной реализации, т. е. с субъектом производительной организации и с так или иначе независимым от субъекта объективным процессом той же самой организации. Но есть и третье, пожалуй, самое важное, как и наименее понимаемое. В полном смысле слова хозяйственным является то в обобщенном производительно-организационном, что так или иначе (т. е. не только прямо, но и косвенно) восходит к изведению этого производительно-организационного, его вытворению. Хозяйственное прежде всего там, где начинается производительно-организационное, откуда оно инициативно расходится. У хозяйственного всегда есть пункт изливания, точка отсчета, центр реализационного бытия. И это не обязательно личностный субъект, это может быть и то, что обычно называется природой, живым миром или тем же человечеством вообще. Главное здесь в том, что хозяйственное есть так или иначе инициация, т. е. действо «из» — чего-либо, а уже потом и действо «на» — что-либо. Без этого действа «из» хозяйственное лишено смысла. Важно иметь в виду, что Х. есть одновременно и хозяйствова-

ние, т. е. действие, процесс, работа, причем хозяйствование как «кого-то», так и «чего-то», но непременно инициационное.

Х. — бытие, жизнь, производство. Но Х. — это и инициация бытия, жизни, производства. Тогда откуда и из чего инициация? Всего легче предположить: из небытия, нежизни, непроизводства или же из добытия, дожизни, допроизводства. В самом деле, если чего-то нет, а потом это «что-то» появляется, то не значит ли это, что это «что-то» появилось из... ничего? Нет, конечно, не из ничего, если под «ничего» понимать лишь в полном смысле слова ничего, т. е. «ничего» без его связи с «что». «Ничего» не имеет смысла без «что», как и «что» не имеет смысла без «ничего». «Что» выходит из «ничего», а «ничего» — из «что». Материальное благо является из «ничего» — в том смысле, что этого блага не было, но в то же время это благо является из материального мира — из «что». Между «что» и «ничего» — идея, замысел, проект, т. е. нечто нематериальное. Но это нематериальное не есть ничто, это всего лишь идеальное. Однако и идея чего-либо как-то является... тоже из ничего... но тоже из что — идеально-материального. «Ничего» нельзя отвергнуть, но и оставаться в нем нельзя. «Ничего» есть, но его как бы и нет. Х. — взаимодействие, а лучше сказать — взаимопревращения, «ничего» и «что», идеального и материального, несуществующего и существующего, виртуального и реального.

Х. сопряжено с творением, а лучше сказать — с сотворением (неважно при этом чего). Сотворенческий мотив имманентен. При этом сотворять может как откровенно выраженный субъект — хозяйственный субъект, тот же Бог, тот же человек-индивид или человек-сообщество, так и прикровенно невыраженный субъект — природа, общество в целом. Хозяйствовать — сотворять, так сказать, «демиургировать». Без творения, сотворения, творчества, как и с несколько другой стороны — труда, нет и не может быть Х, и само понятие Х. просто лишается смысла.

Х. бывает разным. Есть то же божественное хозяйство, или Х. Бога, сопряженное с переходом от абсолютного к относительному, есть природное хозяйство, или Х. природы, в рамках которого идет в значительной мере объективный производительно-организационный процесс творения (при-род-ное, т. е. все время рождающееся и рождающее); есть человеческое

хозяйство, или Х. человека — homo-хозяйство, связанное с деятельностью, а лучше сказать — жизнедеятельностью, человека, человеческого общества, выражающееся в постоянном творении себя и окружающего мира (в его перетворении).

И человеческое Х. бывает разным. Есть одно по качеству Х., а есть другое. Одно Х. отличается от другого способом реализации, что то же самое — способом хозяйства. Способ хозяйства — это то единое в различном и то различное в едином, что объединяет и одновременно разъединяет Х., ибо любое Х. обязательно имеет способ своего бытия, но такой способ бывает разным, от чего и хозяйства бывают разными.

Типология способов хозяйства разнообразна. Но есть деление на большие типологические группы, среди которых выделяются экономические способы хозяйства, так или иначе противостоящие хозяйствам неэкономическим, тем же натуральным способам хозяйства. В синтетической интерпретации можно говорить об экономическом способе хозяйства, или экономике, а также о натуральном способе хозяйства, или натурномике.

Необходимо различать Х. вообще и особые по качеству хозяйства, среди которых есть и такое Х., как экономика. Причем экономика в данном случае — не синоним Х., а всего лишь знаковое определение специфического Х.. Х. может быть экономикой, но может таковым и не быть. В науке и в литература утвердилось синонимическое соотношение понятий «хозяйство» и «экономика», что, конечно же, в некотором плане вполне допустимо, но при более тщательном исследовании феноменов Х. и экономики обнаруживается фундаментальное смысловое различие между двумя понятиями. Экономика — частный случай хозяйства, а потому Х. — не экономика.

Характерно, что термин «экономика» относится более всего к сфере производства, а не, скажем, к сфере жизни и бытия, хотя экономическая организация, которая есть по сути товарообменная — с деньгами — организация, распространяет свое качественное и иное влияние и на жизнь, и на само бытие (жизнь и бытие человека). Термин же «хозяйство» легко сочетается с бытием вообще, жизнью вообще, производством вообще. «Хозяйство» по смыслу заметно богаче, чем «экономика». Отсюда философия хозяйства есть не только и не столько философия экономики, сколько философия производства вообще,

жизни и бытия, но берущихся для изучения и отображения в определенном — производительно-организационном — ракурсе.

Х. как феномен реальности есть некий момент-«спутник» производства вообще, жизни, бытия. Обращаясь к Х., человек обязательно задумывается над фундаментальными вопросами об истоках, целях, способах реализации, итогах Х. Здесь человек размышляющий сталкивается с вечными вопросами философии, он неизбежно задумывается над проблемами телеологии и эсхатологии Х. Не может человек не столкнуться и с обратным Х. феноменом антихозяйства, когда производительно-организационная активность оборачивается непроизводительными, вредными, а то и смертельными результатами. Феномен Х с неизбежностью сочетается в реальности с феноменом антихозяйства.

Х. — производство, но далеко не одних лишь потребительных благ. Это и производство мироздания, природы, человека. Здесь на первый план выходит божественное Х., или Х. Бога. Конечно, для атеиста это всего лишь миф, не имеющий позитивного значения. Однако для признающего Бога такой подход говорит о многом. Производство мира, а затем и жизни, человека, сознания, общества, идей, культуры, государств, т. е. всего, что есть человек и человечество, что окружает человека и что в нем гнездится, чем человек живет и с чем связан. Творение Божье продолжается, Х. Бога — возникающее, развертывающееся, становящееся Х.

Природа — тоже Х. С одной стороны, Х. Божье, а с другой — уже и самой природы. Здесь «работает» производительная самоорганизация, переплетающаяся со всякими организациями (несамоорганизациями). И цель есть — воспроизводство (а то и развитие!), и сколько разных механизмов-способов реализации (какое количество специализированных наук их изучает!), и какая продукция!

Разве можно свести человеческое Х. лишь к производству потребительских благ? А производство самого человека, сознания, культуры, идей, знания, той же политики или того же права? Это разве все не Х.? В том-то и дело, что Х. Как хозяйством является и... производство самого Х., того же хозяйства, той же текущей реализации Х.

Х. — реальность, как и оперирование с реальностью. Х. — изменяющаяся, преобразующаяся реальность. Будучи сотворением, в нем осуществляясь, Х. есть постоянное превращение возможности в действительность. Реальность — не одна действительность, это еще и возможность действительности. Х. — сначала возможность, затем возможная действительность, а потом уже и сама действительность. Возможность в Х. обгоняет действительность, именно она конструирует будущее, становящееся действительным настоящим. Неважно, плохо или хорошо это делает возможность, но она это делает. И если учесть, что человек хозяйствующий творит из природы (в том числе и идеальной!) неприроду, что он создает, так сказать, искусственный мир, что проекты человека находят все большее воплощение, а так же и то, что эти проекты все более и более оказываются проектами от проектов, т. е. искусственное рождается все более и более от искусственного, что неприрода умножает неприроду, то стоит задуматься о виртуализации реальности, ее все большем превращении в некую «эфемерную» реальность. Х. — действо не только собственно реального, но и виртуального характера, оно оплодотворяется не одной лишь возможностью, но и виртуальностью. И если когда-то человек трудился «в поте лица своего», т. е. его Х. было явно вынужденным, трудным, минимальным по эффекту, то наступили времена, когда Х. человека становится все более творческим, идеализированным, игровым. Отсюда и качественно-структурная нестабильность современного Х., его своеобразная текучесть, мимолетность, даже мнимость.

Наиболее тесно понятие Х. связывается обычно с производством потребительных благ (в том числе и антиблаг). Научная экономия посвятила себя именно этой сфере хозяйственной жизни человека. Но важно иметь в виду, что далеко не все, что содержит эта сфера, попадает в поле зрения научной экономии. Более того, очень многое остается для нее как бы за кадром, причем по желанию самой научной экономии, которая, как и любая специализированная наука, стремится к возможно более полному обособлению предмета. Не считая это ни невозможным, ни предосудительным, заметим, что хозяйствоведение гораздо более, чем научная экономия, восприимчиво к содержимому сферы производства потребительных благ, одинаково пристально изучая все его «части» и во всех аспектах, не укло-

няясь ни от природного, ни от социального, ни от культурного, ни от политического и т. д., и даже в собственно производстве потребительных благ замечая многое такое, от чего открещивается научная экономия. Сама трактовка Х., принятая в хозяйствоведении (в той же философии хозяйства), позволяет спокойно относиться к значительной сложности того бытия, которое очерчивается в связи с производством потребительных благ. Предмет научной экономии — лишь часть того предмета, которым занимается научное хозяйствоведение, не говоря уже о философии хозяйства, которая рассматривает Х. в его максимальной «взятости».

Ю.М. ОСИПОВ

Хозяйствование*

(Философия хозяйства. 2000. № 2)

Хозяйствование (Х.) — деятельность по организации *бытия, жизни, труда* и *творчества*, как одновременно и само отправление бытия, жизни, труда и творчества.

Х. субъектно. У Х. всегда есть субъект — *хозяйствующий субъект*. Х. — реализация хозяйствующего субъекта, его эманация. Х. идет от субъекта, это его время-пространственная функция.

Х. — процесс. От инициатического начала до достижения цели. Процесс созидания, однако и необходимой при этом деструкции. Преобладание деструкции над созиданием означает уже не Х., а *антихозяйствование*, не достигающее характерного для Х. созидательного эффекта.

Цель Х. — переход от одного состояния к другому; возникновение того, чего еще нет; изменение объекта, его реорганизация. Переход, возникновение, изменение и реорганизация суть одновременно и сам процесс Х.

Х. есть всегда то или иное *производство,* т. е. изведение чего-либо из чего-либо. Изведенным «чем-либо» может быть материальное и идеальное; реальное и ирреальное; действительное (характерное для действительности) и возможное (еще не свойственное действительности).

Х. демиургично. Это есть в той или иной степени достижение нового, какое-то обновление, а в определенной части и

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философии хозяйства».

мере — *миротворение*, т. е. созидание мира, которого еще нет. Это относится как к Богу Творцу, так и к человеку. Последний тоже способен быть творцом, однако своего — человеческого — мира, противостоящего так или иначе миру уже сотворенному — природному. Хозяйствующий человек идет от *природы* к *неприроде,* от *мира естественного* к *миру неестественному*, достигая при этом грандиозных результатов — сотворенный человеком мир способен не просто целостно противостоять, но и рискованно конфликтовать с миром, сотворенным Богом (о чем в первую очередь свидетельствует *великая экологическая проблема*).

Х. виртуалистично. Оно всегда есть *возможность*, превращающаяся в *действительность*: сначала замысел, затем его исполнение, наконец, результат. Последний может совпадать с замыслом, может от него отклоняться, а может ему вообще не соответствовать. Х. — дело вероятностное, более того, достаточно неопределенное, иной раз и настолько, что оказывается в общем-то неподвластным, неуправляемым, как бы и несубъектным процессом, т. е. чем-то стихийным, самим по себе реализующимся, совсем уж самоорганизационным. Однако виртуалистичность Х. выражается более всего в особой роли вообще замысленного, предусмотренного, задуманного. В значительной мере Х. не то что бы ирреально, но как бы «эфемерно», оно осуществляется во многом лишь «в головах и между головами», идеально — в решениях, в проекциях, в отношениях, т. е. в неком «нематериальном мире», воспринимаемом ментально и ментально же осуществляющемся. Созидание идеи, замысла, проекта, а иной раз и просто мысли, — тоже Х. Как и созидание ощущения, настроения, даже иллюзии. Игра — не что иное, как Х., пусть и особенное (как раз полностью или почти полностью виртуальное).

В аспекте поддержания бытия, жизни, труда и творчества Х. прежде всего процесс материальный, объективный, необходимый. Это процесс производства изначальных естественных условий, без которых просто нет и не может быть ни мироздания, ни человека, в нем обитающего. Но сводить Х. лишь к процессу производства естественных условий, что то же самое — к процессу производства просто благ, нельзя. Каким бы важным не представлялось человеку потребляющему потребительное *благо*, но бытие человека, его жизнь, его труд и творче-

ство, далеко не исчерпываются взаимоотношениями с потребительными благами — пусть даже и не самыми материальными и не самыми простыми. Х. человека — работа *сознания*, даже души, всего человеческого существа, но вместе с тем это и производство сознания, души, человека целиком. Благо, каким бы важным оно ни представлялось человеку — всего лишь благо, это — если, конечно, под благом не разуметь самого человека, его жизнь, его бытие. Рассматривать Х. как деятельность по организации производства благ — неоправданное смысловое сужение, влекущее за собой неправильное представление о человеке вообще, о его жизнеотправлении.

Х. — производство, но производство человека, его жизни, его сознания, его мыслей, его языка, его культуры, его образа. И такое Х. — принадлежность бытия вообще человека вообще, а не какой-то части (сферы, отрасли) человеческого бытия. Все бытие человека, вся его жизнь, все его воспроизводство пронизаны Х. Все пребывание человека на этом свете есть реализация Х.

Производство благ — в основании Х., его большая забота. Х. человека — общественный процесс. Это так или иначе процесс *общественного труда*, в рамках которого осуществляются различные *частные труды*. Х. — кооперация хозяйствующих людей, их трудов. Кооперация очень сложная, многоаспектная, разноуровневая. Х. — процесс общественный, хотя в нем находят реализацию и частные процессы, восходящие к деятельности индивидов, групп, сообществ, разного рода институциональных образований. Полезно различать Х. как общественный процесс и Х. как частный процесс, включенный так или иначе в общественный. Отсюда Х. есть одновременно *микрохозяйствование* и *макрохозяйстваование*, дополняемые промежуточным *мидихозяйствованием* и выходящим за пределы макрохозяйствования *мегахозяйствованием.* У каждого из перечисленных Х. свой субъект, в том числе и не слишком определенный. Есть субъекты вполне фиксируемые, а есть и такие, которые нелегко субъектно обозначить, к примеру, *общество* в целом, ибо последнее хоть и субъект, но настолько сложный и объективированный, что уместно говорить о нем как о субъекте трансцендентальном: он есть, но его как бы и нет. Отсюда Х. общества в целом — более объективный, чем субъективный, т. е. более самореализующийся, процесс.

Х. общества — не столь обозримый, проектируемый и подконтрольный процесс, чем Х. частного субъекта. Оно не просто неопределеннее, но даже и таинственнее, а можно сказать — трансцендентнее, частного Х. Общественное Х., в особенности, мегахозяйствование, т. е. Х. в мировом масштабе, обладает признаками *метахозяйствования*, результаты которого выходят за пределы любого априорного целеполагания. Общественное Х. явно телеологично, и о *телеологии* его, т. е. о его предназначении, возможных достижениях и конечных итогах, можно лишь догадываться, во всяком случае, здесь много неизвестного, гипотетического и само собой возникающего, даже просто случайного. Смысл общественного Х. или Х. человека вообще — во многом потаенный, неосознаваемый и непредсказуемый смысл. Это некий сам-себе-смысл, не поддающийся простой расшифровке. Демиургия человека хозяйствующего во многом загадочна. Человек вряд ли до конца сознает то, что он на самом деле в итоге вытворяет, хозяйствуя.

Х. человека, с одной стороны, бесконечно, ибо человек не может остановить Х., но с другой — конечно, ибо всегда есть какое-то завершение, какой-то конец, какая-то смерть. Х. человека вообще, общественное Х., т. е. Х. как фактор человеческого бытия вообще, непрерывно и длительно, а Х. отдельного человека, группы, сообщества — прерывно и временно. Всеобщность продолжительна, частность — кратка. Однако Х. человека свойственна не одна частная эсхатологичность, но и всеобщая. Угроза общего конца Х. человека есть, и она нарастает. *Эсхатология* Х. непосредственно связана с неопределенной, туманной и в чем-то абсолютно неизвестной, даже темной, телеологией Х.

Х. человека объективно обусловлено и субъективно выборно. Что-то в Х. диктуется объективными обстоятельствами, теми же природой, *хозяйствующими силами* и *факторами*, геопространством, а что-то предлагается человеком, являясь результатом его свободного выбора. Отсюда Х. бывает разным не только по целям и условиям, но и по образу осуществления — в целом. Одно Х. качественно отличается от другого. Бывает Х. и Х., т. е. Х. под знаком А и Х. под знаком Б, как и любое другое Х. — под любым другим знаком. И все они отличаются друг от друга способом своей организации и реализации. Бывает Х. одного способа и бывает Х. другого способа. В

разные времена и в разных хозяйственных пространствах реализуются разные по качеству *способы хозяйствования*. Каждый способ Х. характеризуется какой-то определенной системой своего бытия — от субъектов Х. до средств реализации.

Ю.М. ОСИПОВ

Труд*

(Философия хозяйства. 2000. № 3)

Труд (Т.) — свойство жизнеотправления живых организмов, находящее выражение в способности затрачивать внутреннюю энергию-информацию, восполняя ее через потребление энергии-информации внешней среды — как непосредственно, так и опосредованно — через приспособление, переделывание и последующее использование, равным образом и через создание посредством изведения из себя необходимой энергии-информации собственной среды обитания.

Т. — свойство жизни вообще, ее имманент. Без Т. нет жизни. Любая жизненная динамика есть Т. Любое движение организма и в организме — Т. Ибо имеет место затрата (трата, трение, треба) — затрата энергии. Особенно это заметно, когда организму тяжело, трудно, во время той же болезни. Недаром труд и трудность — однокоренные слова. Жизнь — затрата. Жить трудно. Жизнь — Т.

Т. — вовсе не обязательно какое-то внешнее организменное дело. И внутри организма хватает Т. Сердце, как известно, натуженно бьется, мозг напряженно работает, печень настойчиво производит (изводит из себя) желчь. Весь внутриорганизменный процесс — Т.

Однако более всего Т. проявляет себя во внешней активности организма, в его взаимодействии со средой, в особенности, когда организм что-либо изменяет в среде обитания, что-либо производит (изводит из среды), что-либо создает. Это так называемый физический Т., т. е. нечто, что может квалифицироваться как физический процесс, имеющий результатом физическое изменение физической (в широком смысле) среды. Самого Т. не видно, но зато виден процесс изменения среды и его результаты. И поскольку процесс этот затратен, труден, то можно говорить и о феномене Т. — как Т. физического.

---

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

Т. — свойство жизни вообще. Это еще не сама по себе деятельность. Последняя представляется трудом вследствие своей трудности. Деятельность сама по себе не Т., но она сопряжена с Т., а потому только и замечается человеком как Т. И жизнь мозга сама по себе не Т. Но она трудна. Вот почему и жизнь мозга замечается человеком как Т. Только почему-то не физический, а умственный, хотя жизнь мозга тоже ведь процесс физический. Тут тоже есть изменения, но изменения в мозге или мозговые изменения, т. е. изменения в уме или умственные изменения. И эти-то изменения квалифицируются как Т.

Жизнь есть хозяйство. Хозяйство есть Т. Без Т. нет и не может быть хозяйства, как нет и не может быть без Т. жизни.

Хозяйство, однако, более относится к внешней жизнедеятельности организма, животного, человека. И Т. в связи с хозяйством следует более относить к тому, что делают организм, животное, человек вокруг себя. Т. по хозяйству или хозяйственный труд — Т., совершающийся по преимуществу в связи со средой, ее приспособлением, переделыванием и использованием, как и с созиданием собственной среды обитания. И вот тут Т. предстает более всего не как свойство жизни вообще, ее труд-енность, а как некая энерго-информационная эманация, т. е. некое излияние чего-то, что приводит к тому или иному вполне ощутимому результату — действию, предмету, слову, цифре, веянию и т. п. Т. перестает быть лишь свойством чего-то и становится как бы полноценной субстанцией, с которой нужно считаться, уже как с вещью, а не как лишь с ее свойством. Т. овеществляется, занимая свое место в мире вещей (не предметов вовсе, а именно вещей, т. е. самостоятельных феноменов).

Оставаясь свойством жизни, свойством жизнеотправления живого организма, свидетельствующим о затратности жизни и жизнеотправления, Т. превращается в саму созидательную энергию-информацию, исходящую от организма, животного, человека, обретает субстанциальную данность. Из свидетельства затратности жизни Т. превращается в саму затрату жизни, во всяком случае, в затрату от жизни.

Феномен хозяйства свойствен не только человеку, но философия хозяйства уделает внимание прежде всего хозяйству человека. Аналогично обстоит дело и с Т. Философия хозяйства

интересуется Т., имеющим место в человеческом хозяйстве, т. е. хозяйственным Т. человека.

Хозяйственный Т. человека в основе своей Т. организационный или Т. по организации бытия, жизни, существования, но в особенной степени — производства потребительных благ, т. е. всего того, что необходимо для поддержания жизни человека, его потребления, его деятельности, его творчества, его Т., наконец. Замкнутый цикл — от Т. как свойства бытия человека вообще через Т. как реализацию и эманацию этого бытия до Т. как главного условия бытия и самого Т. Т. ради Т. Труденность жизни, преодоление труденности, ее продолжение. Т. как производное от труденности, как ее в конечном итоге обеспечение — с облегчением и без оного. Т. для Т., соответственно — Т. по организации Т.

Сначала Т. просто по организации Т., а затем уже Т. непосредственно по созданию потребительных благ, что означает, что Т. по организации Т. оказывается в конечном итоге Т. именно по организации производства благ. Любой Т. так или иначе производителен, но не любой Т. является производительным в аспекте блага. Последнее ведь можно и не произвести, несмотря на затраты — затраты Т. Не всякое дело увенчивается благом, способным удовлетворить человека или имеющим полезность.

Хозяйственный Т. есть Т. по организации трудящихся людей, но одновременно и Т. по организации производства блага, его изготовления. Отсюда, с одной стороны, наличие управленческого труда, ограничивающегося организацией людей, их труда, а с другой — наличие производственного труда, направленного на организацию самого блага, его появления. Управленческий Т. нельзя считать непроизводительным, хотя он и может быть таковым вследствие своей тщеты, как, собственно, и Т. производственный, — управленческий Т. следует считать производительным трудом, ибо он связан вообще с производством потребительных благ. Хозяйственный Т. в целом является производительным Т., если он, конечно, имеет соответствующий позитивный результат.

Т. — обязательная принадлежность человека вообще, не говоря уже о человеке хозяйствующем. Трудятся все люди, но по-разному. Находятся и такие, которые трудятся по преимуществу лишь при потреблении благ, не утруждая себя их про-

изводством. Необходимо различать Т. собственно производительный и собственно потребительный, а в рамках последнего — Т. паразитический. Последний есть всегда, — и каждое общество вырабатывает к нему особое отношение: от мягкой терпимости до жесткой нетерпимости. Речь в таких случаях не идет о детях, стариках, инвалидах и больных, т. е. тех людях, которых общество не относит к паразитарным слоям (хотя тут возможны и разные подходы).

Хозяйственный Т. может быть как Т. эксплуатирующим, так и Т. эксплуатируемым, в том смысле, что управленческий Т., его часть, может оказаться в роли не необходимо дополняющего остальной хозяйственный Т., а его использующим в целях достижения для носителей данного управленческого Т. или стоящему за ними паразитарному слою не соответствующих ему приоритетных условий потребления и жизни, что происходит вследствие чрезмерного изъятия части потребительных благ и условий жизни от лиц, занятых остальным хозяйственным Т., в первую очередь, производственным. Данный эксплуатационный эффект обычно называется эксплуатацией труда или эксплуатацией человека человеком.

Философия хозяйства, как и теоретическая экономия, в частности, политэкономия, вынуждена констатировать, что мало в каких хозяйствующих обществах отсутствует эффект данной эксплуатации, разве лишь в некоторых общинах. В большинстве хозяйственных систем эксплуатация имеет место, а ряд таких систем просто на ней базируется. Местами и временами эксплуатация достигает значительной силы, становясь в конце концов как тормозом в хозяйственной жизни, так и ее явно безнравственной составляющей.

Нравственность взывает как к облегчению эксплуатации Т., так и ее прекращению. Человечество, во всяком случае, его часть, не только мечтает о безэксплуатационном хозяйстве, но и пытается выйти из эксплуатационного состояния, т. е. перейти к неэксплуатационной хозяйственной жизни, что пока не слишком получается. Всякая попытка радикального преодоления эффекта эксплуатации Т. посредством революционной реорганизации хозяйственного и вообще социального устройства общества (посредством социалистической революции и созидательного перехода к социализму) не просто терпела на данном пути провал, но оборачивалась в итоге просто иной системой

эксплуатации Т. Необходимо заметить, что местами и временами эксплуатация Т. действительно ослабевает, а иной раз и исчезает, во всяком случае, вопрос эксплуатации Т. снимается с повестки дня.

Т., в особенности, тот, который называется обычно физическим, — часто является тяжелым, к тому же не слишком привлекательным. Отсюда не только стремление избежать тяжелого Т., но и переложить его на других, ибо Т. такой был и остается в той или иной мере необходимым. Тяжелый Т. как раз и остается наиболее эксплуатируемым, хотя тут бывают и исключения. Социохозяйственные верхи общества, т. е. те, которые имеют возможность организации в своих интересах социохозяйственной жизни общества, осуществляемого в ее рамках производства благ, стремятся сделать все, чтобы закрепить часть трудящихся за наиболее тяжелым и непрестижным Т., прибегая к таким способам, как рабство, крепостничество, заключение под стражу, как правило, преступников, пленение, вербовка, наем, как правило, бывших аграриев, провинциалов, переселенцев, безработных, использование заграничного (дешевого) Т., импорт рабочей силы (тоже, по преимуществу, дешевой), этнокультурное закрепительное влияние (воспроизведение традиций, кастовость) и т. д. Ни одно общество не может себе позволить не решать так или иначе острую проблему тяжелого, непривлекательного, часто опасного для здоровья и жизни, Т. Даже такой Т., как умственный, может быть непривлекательным и непрестижным, даже тяжелым и опасным. И поскольку он необходим, то находятся соответствующие способы привлечения людей к данному Т. и их за ним закреплению. В Т. вообще мало идиллического, хотя, разумеется, есть Т. вполне удовлетворительный, даже радостный, в том числе и Т. физический. Такой Т. не столько легок, сколько занимателен, интересен, психологически и физически здоров. Наиболее близок к такого рода Т. творческий труд, диапазон реализации которого с интеллектуальным совершенствованием человека расширяется. Развитие знания, научно-технический прогресс способствует как облегчению тяжелого физического и умственного Т., так и расширению удовлетворительной доли Т., особенно, умственного, равным образом и Т. творческого.

Т. — основной фактор реализации хозяйства, жизни, бытия человека. И в этом плане Т. священен, хотя отношение к Т.

со стороны людей является разным: от благоговения до презрения. И как бы отдельный человек или отдельные группы и слои людей не избегали в своей жизни Т., в особенности, неприятного, рутинного, тяжелого, Т. вообще обществу необходим, и он в обществе обязательно совершается.

Все люди так или иначе трудятся, даже бездельничая. Однако не все люди заняты производительным Т., тем Т., который связан с производством потребительных благ, прежде всего, благ необходимых — необходимых физически, обеспечивающих физическое воспроизводство человека. Не все люди производят блага, но все люди их потребляют. Выходит, что Т. тех, кто производит блага, способен удовлетворить потребности всего общества, а не только тех людей, которые производят блага. Производительный Т. производит больше благ, чем необходимо для физического воспроизводства людей, этот Т. осуществляющих (разумеется, при ограничении их потребления неким необходимым минимумом, исключающим не только роскошь, но даже и зажиточность, а часто и достаток — в зависимости от степени эксплуатации производственного Т.). Как бы там ни было, но производственный Т. человека, как вообще человеческий созидательный Т., имеет некий производительный эффект, выражающийся в возможности производить больше, чем потребно для необходимого потребления. Данный эффект и лежит в возможности существования нетрудящихся, либо же трудящихся, но занятых в непроизводственной сфере, как и в возможности эксплуатации Т., в особенности, при сжатии потребления тех, кто трудится в сфере производства потребительных благ, прежде всего, необходимых.

Жизнеотправление человека качественного разнообразно. И Т. соответственно различен. Есть Т. одного качественного образа, и есть Т. другого качественного образа. Под каждое благо реализуется свой Т. Человек трудится по-разному, ему приходится заниматься разным по качеству Т. Но возможно и занятие по преимуществу одним образом Т. Тогда имеет место специализация труда, отражающая хозяйственное разделение общественного труда. Одни субъекты заняты одним по качеству и производимому благу Т., другие — другим, третьи — третьим и т. д. Между субъектами возникают отношения трудовой взаимодополняемости, а соответственно — трудовой кооперации, когда специализированные работники трудятся

вместе, и трудового обмена, когда субъекты обмениваются Т. или его результатами — благами, продуктами труда.

Т. — феномен одновременно личностный (индивидуальный, частный) и сверхличностный (групповой, коллективный, общественный). Каждый человек — трудящийся. Однако Т. одного человека обусловлен Т. другого человека, — и эта обусловленность настолько велика, что приходится более говорить об общественной природе Т., чем личной. Т. — феномен в целом общественный, хотя роль отдельного человека в отправлении Т. никак при этом не отрицается.

Общественность Т. находит выражение прежде всего во взаимообусловленности всех индивидуально отправляемых Т. Даже Т. Робинзона был, как известно, обусловлен Т., создавшим некоторые орудия, обретенные Робинзоном в потерпевшем крушение корабле. Необусловленного индивидуального Т. в принципе нет, хотя моментами индивидуальный Т. реализуется как необусловленный. Вообще же любой частный Т. обусловлен многими другими частными Т., что находит подтверждение в факте трудового обмена.

Наиболее же отчетливо общественный характер Т. проявляется в феномене совместности Т. Подавляющая часть Т. в обществе — Т. совместный, когда люди трудятся во взаимодействии друг с другом, часто в одно время и в одном производственном пространстве. Особенной совместностью отличается непосредственно групповой или коллективный Т. — от простой совместности, когда применяется прямое совместное усилие в ходе производства, до все более сложной — когда члены группы или коллектива выполняют разный по качеству Т.

Основная масса потребительных благ — продукты Т. Потребление человека вообще (общества в целом) обусловлено общественным Т., его массой, разнообразием и эффективностью. Потребление человека в частности, т. е. индивида, зависит от разных обстоятельств, но часто и в определенной мере, в особенности, для производственных трудящихся, от индивидуального Т. или индивидуального трудового вклада. Потребление продуктов Т. определяется так или иначе Т., его количеством и качеством. Чем больше в обществе полезного Т. и продуктов Т., тем больше может оказаться его личное потребление (зависимость тут не строгая, а вероятностная).

Не во всех, но во многих социально-хозяйственных системах, действует принцип потребления по Т. или по трудовому вкладу. На определенный Т., его количество и качество, эффективность, сравнительную общественную значимость, положено определенное потребление. Возникает некая эквивалентность между затраченным Т. и потреблением, этим Т. обусловленным. Такая эквивалентность соблюдается, быть может, не очень четко, но она все-таки соблюдается. Т., так или иначе оплачивается потреблением, правда, не в полном его производительном соответствии, а в частичном, ибо трудящийся производит обычно больше благ, чем ему необходимо для жизнеспособного потребления (вследствие особого производительного эффекта).

Потребление индивида должно быть эквивалентным его Т., т. е. затратам Т., его полезности, его производительности, его значению. Перед хозяйствующим человеком (обществом) встает важнейшая задача меры труда, его измерения, способного отобразить значимость каждого индивидуального Т., представляемого в эквивалентном ему потреблении.

И вот тут выясняется нечто исключительное: сам по себе Т. не имеет собственной меры, не обладая ни субстанцией, которую можно было бы мерить, ни, соответственно, единицей измерения. Т. чувствуется, замечается, фиксируется, но сам по себе никак самостоятельно не является. Он есть субстанция, но скрытая, ибо Т. есть более свойство, способность, функция, чем что-то само по себе существующее. Является Т. через физические процессы, как действия (тех же рук), так и переживания, преодоления, ощущения. Увидеть Т. нельзя, пощупать тем более, а потому и нельзя его непосредственно «взвесить», измерить. Мера у Т. может быть только опосредованная, — и такой мерой прежде всего является не что-нибудь, а сам продукт Т., причем как произведенный измеряемым Т., так и получаемый его субъектом для потребления. Мера продукта Т. и есть мера Т. И не имеет принципиального значения, в каком именно продукте Т. измеряется Т. — производимым измеряемым Т. или только потребляемым его субъектом. Это зависит от разных обстоятельств, и каждое общество решает данный вопрос по-своему.

Промежуточной мерой Т. может служить время или рабочее время, ибо последнее способно отражать в ряде случаев количество затраченного Т. или трудовой вклад отдельного че-

ловека. Но время Т. необходимо все равно перевести в продукт Т., либо производимый измеряемым временем Т., либо потребляемый субъектом измеряемого Т. Учет времени Т. особенно важен, когда продукт Т. оказывается продуктом многих специализированных Т., т. е. производится так или иначе разными субъектами.

Особенно остро проблема меры Т. возникает в хозяйстве, основанном на разделенном общественном Т. — разделенном на частные Т. Коль скоро такое разделение есть, то учет меры каждого частного Т. может происходить только в рамках и через механизм возмездного обмена производственными благами-продуктами, т. е. в рамках и через механизм товарного обмена. Произведенный каким-либо частным субъектом продукт должен быть измерен не в данном, а в каком-то другом продукте, служащем для всех продуктов единым эквивалентом — всеобщим эквивалентом. Если это условие соблюдается, то все произведенные продукты получают однообразную по качеству, но в то же время и разную по величине оценку. Тогда становится ясно, какой у какого субъекта трудовой вклад и какое у субъекта возможно эквивалентное трудовому вкладу потребление.

Мерой Т. в данном случае служит товарная оценка продукта Т. и, соответственно, самого Т. Здесь важно уяснить, что не сам Т. выставляет себе оценку, а товарный обмен продуктами выставляет Т. оценку, причем непременно в продукте— всеобщем эквиваленте, как, собственно, и в его заместителе, т. е. не в продукте как таковом, а в особом знаке, его замещающем — в непродуктовых деньгах. Количество денег, оказывающееся в руках трудового субъекта, и есть мера его Т., равным образом продукта Т. и продукта, им в итоге потребляемого.

Оценка Т. возможна, и она есть. Однако не в трудовом выражении, не в самом Т. Любая попытка определять непосредственно Т., т. е. его как-то сам по себе измерять, обречена на провал. Рабочее время — не сам по себе Т. Это лишь свидетель Т. В некоторых случаях оно помогает разобраться с трудовым вкладом конкретного человека, стимулировать его Т., но оно никак не обеспечивает то измерение Т., которое необходимо в обществе в конечном итоге — в едином продукте Т. либо в его заместителе. Измерение затрат Т. в рабочем времени для всех и всяких Т. и продуктов — бессмысленное занятие, кото-

рое ни к чему удовлетворительному не приведет и привести не может. Т. измеряется, — причем, заметим, не-трудом, но сам Т. ничего не измеряет, — не только не измеряет относительную значимость продуктов, но и не измеряет себя сам.

Всякие разговоры об эквивалентности затрат Т. на оцененный продукт и на оценивший его продукт — всеобщий эквивалент — не более как досужие разговоры. Никто этого не знает, знать не может, а главное, и не хочет. Важно другое — такой-то конкретный Т. (или Т. конкретного субъекта), вылившийся в определенный продукт Т., оценивается во столько-то продукта — всеобщего эквивалента. И все! Ничего другого здесь выискивать не нужно.

В случае с оценкой Т. (трудового вклада) первичен не Т., а продукт Т., однако оцениваемый через продукт — всеобщий эквивалент. Не Т. оценивает в обществе продукты, а продукты — в обменном взаимодействии и в распределительном процессе — оценивают разные Т. Для воспроизводства общества, как любого его члена, важно наличие не Т. как такового, а продуктов Т. Необходимость вообще Т. не означает, что членами общества и потребляется именно Т. Не Т. потребляется, а продукты Т. И последние должны быть распределены по всем членам общества, в том числе и в соответствии с трудовым вкладом части из них. И такой трудовой вклад определяется, но не Т., а продуктом Т., всеобщим эквивалентом, деньгами — посредством не-трудовой оценки. Товарная оценка Т. есть цена труда. Согласно последней и выстраивается потребление субъекта затраченного Т.

И тут возникает сакраментальный для науки вопрос: почему фактическая цена Т. бывает именно такой, а не другой, т. е. чему она в конце концов соответствует? Вопрос хороший, но в общем-то излишний, ибо цена всегда соответствует цене и только цене, и ни чему другому она соответствовать просто не должна. Это нелегко осознать, но нужно.

Соответствует ли цена какого-то конкретного Т. самому оцененному конкретному Т.? Кто ж это знает? Раз цена есть, то значит соответствует, но так ли это на самом деле, в особенности, в каждом конкретном случае, никто не знает и знать не может. Косвенным свидетельством соответствия может быть факт более или менее удовлетворительного (т. е. удовлетворяющего большинство членов общества) воспроизводства об-

щества и его членов. Именно воспроизводство общества и его членов требует соблюдения — стихийного или сознательного — соответствия между оценками Т. и трудовыми вкладами. Однако то же самое воспроизводство может потребовать и несоответствия между оценками Т. и трудовыми вкладами. Но главное — никто не знает достоверно ни самих трудовых вкладов, ни какого-либо соответствия между ними и ценами на них. Цены как-то обусловлены трудовыми вкладами, но приходят они все-таки извне, учитывая и многое другое, что к оцениваемым трудовым вкладам ни имеет прямого отношения.

Как показывает реальность, науке совсем не вредно расстаться с иллюзией, что Т. измеряет Т., да еще и определяет тем самым оценки себя самого. Ничего подобного в действительности нет. Есть оценки Т., но оценки, заметим еще раз, вовсе не трудовые, а иные — продуктовые, товарные, денежные, наконец, просто социальные, даже государственные, т. е. любые, но только не трудовые.

Оценки Т. имеют свою онтологическую и функциональную тайну, т. е. они являются в той или иной мере трансцендентными. Это надо обязательно иметь в виду. Для философии хозяйства, не претендующей на обязательное раскрытие всех тайн бытия, в этом нет ничего странного — всегда есть нечто, что должно быть и оставаться тайной, и вполне сознательно при этом признаваемой.

Хозяйство — Т., трудовой процесс, равным образом и процесс Т. Отсюда хозяйство — организация труда, в первую очередь и в основном Т. Хозяйство вообще — хозяйство по поводу Т., трудовое хозяйство. Организация Т. — важнейшая составляющая хозяйственной жизни. Это и большая практическая задача.

Организация Т. — сложное, многоуровневое, разнообразное явление. Она может осуществляться как сознательно, так и стихийно, как единым центром, так и хозяйственным пространством (заметим, что хозяйственное пространство — активное, организационное пространство, в котором действуют люди, хозяйствующие субъекты, а потому оно способно к самоорганизации). Наиболее заметным, но в то же время, и главным, организатором Т. является хозяйствующий субъект. Причем он не только организует Т. в рамках себя и своего дела, но и участвует в организации общественного Т., вступая с себе подобными в

те или иные хозяйственные отношения. Значительная роль в организации общественного Т. принадлежит государству и различного рода общественным институтам (от обычаев и общепринятых норм до законов, права и судов).

Организация Т. включает в себя как распределительную организацию, преследующую цель приемлемого для реализации хозяйства и распределения общественного и индивидуального Т. по хозяйственным сферам и ячейкам, так и функциональную организацию, занятую вовлечением Т. в исполнение тех или иных хозяйственных задач. Последняя организация предполагает реализацию управленческой и производственной организаций, а также организацию, направленную на достижение максимального (либо оптимального) эффекта от Т., на его производительность. Отсюда проистекает организация стимулирования Т. (от плетки надсмотрщика и штрафа до превращения места работы в зимний сад). Распределительная организация дополняется организацией закрепительной — от рабской и крепостнической до материальной и моральной.

Большая роль в организации Т. принадлежит оплате труда. Последняя может быть различной — продуктовой, услуговой, денежной; повременной, сдельной; авансовой, послетрудовой; закрепленной, договорной; почасовой, подневной, понедельной, помесячной, поквартальной, даже погодовой. Оплата Т. обусловлена оценкой Т., выливающейся в цену труда. Цена Т. и его оплата зависят, конечно, от самого Т., его количества и качества, его эффективности и производительности, его полезности и значимости, даже от его редкости, но, как было показано выше, не сам по себе Т. определяет оценку и оплату Т. Что же касается роли оплаты Т. в организации Т., в его эффективном для хозяйствующего субъекта и общества использовании, то ее трудно переоценить, в особенности, если субъект Т. зависит в своей жизни, пусть и не полностью, от хозяйствующего субъекта. Последний постарается не допустить разрыва этой зависимости. Поэтому оплата Т. работника никогда не будет излишней. За оплату Т. ведется борьба между работодателем и исполнителем работы, которая может протекать спокойно и мирно, но может обретать и острый характер, достигая подчас большого ожесточения, не говоря уже о вооруженных схватках. Хозяйственная жизнь — отнюдь не идиллия, во всяком случае, в какой-то своей части, в особенности, при той или иной ее на-

сильственной организации. Борьба за оплату Т., за сносный, достойный или даже зажиточный уровень жизни трудящихся, лишний раз подтверждает, что Т. оплачивается хотя и в соответствии с затраченным Т., но не буквально по затраченному Т. Затраченный Т. и оценка Т. — разные вещи, хоть и взаимообусловленные.

Уместно еще раз заметить, что Т. сам по себе не измеряется, хотя некоторые параметры, свидетельствующие о Т. и его затратах, измеряются (те же результаты Т., время работы, участие в общем Т. и т. д.). Главное, что полезно уразуметь, что измерять Т. сам по себе нет вообще никакой необходимости. Оценка Т., его затрат, совершается в конечном итоге, во-первых, вне Т., как бы над ним, приходя извне, во-вторых, с учетом множества факторов, к Т. непосредственного отношения не имеющих (социальных, политических, культурных, психологических, технических и т. п.). Утверждения, что Т. есть некая энергия-информация, не должны вообще побуждать к попыткам учета этой энергии-информации (ни в квт, ни в битах). Если даже удалось бы замерить все затраты Т. всех людей одновременно и по всему хозяйственному пространству, а также проделать все необходимые исчисления по поводу равноценной этим затратам оплаты Т. этих людей, то предложенная оплата оказалась бы абсолютно никудышной, ибо не учитывала бы многого другого, что не имеет отношения к собственно Т., но имеет отношение к его оплате. Оплата по Т. — всего лишь тенденция, некая связка между Т. и оплатой Т., но никак не абсолютная реальность. Оплата по Т. есть, но ее и нет. Зато всегда есть оплата Т., к Т. жестко не привязанная. Поэтому жизнь и продолжается, и хозяйство реализуется. Оплата по Т., если б состоялась, просто привела бы к коллапсу хозяйства, о чем, кстати, свидетельствуют некоторые социалистические эксперименты.

Организация Т., как и, в особенности, его оплата, имеет важную нравственную составляющую. В идеале все это должно отвечать критерию социальной и даже психологической справедливости, физического и морального здоровья людей, стабильности хозяйственных и общественных отношений, общей хозяйственной эффективности, полезности и красоты жизни. Однако в реальности все не так просто: нравственность, во-первых, относительна и небезоговорочна в своей конкретности

(что для одних плохо, для других хорошо); во-вторых, она присутствует в обществе, среди людей и в самих людях наряду и вместе с безнравственностью; в-третьих, она соблюдается и не соблюдается одновременно, и за ее соблюдение и несоблюдение идет постоянная борьба; в-четвертых, нравственность, ее понимание и соблюдение, зависят, конечно, от моральных установок и априорных требований, даже от закона и его соблюдения в обществе, но в целом она является таким же продуктом реального человеческого бытия, как и любой хозяйственный продукт: нравственность не навязывается, а каждодневно вырабатывается, и потому нет и не может быть окончательных нравственных решений и устройств (нравственность не институциональна, хотя институты могут ей помогать и ей следовать); в-пятых, нравственность — сложное, многосмысловое и разнообразное нечто, совершенно не сводимое к какому-либо принципу или к какой-либо волевой установке.

Желать нравственной организации и оплаты Т. можно и нужно, как можно и нужно их по возможности добиваться, но необходимо всегда помнить об относительности нравственности, ее неопределенности и «ускользаемости», как и невозможности ее простого физического бытия и волевого навязывания. То, что кажется нравственным, может быть не только безнравственным в ином отношении, но и хозяйственно неэффективным, как и наоборот — то, что представляется безнравственным, может оказаться в другом плане достаточно нравственным и хозяйственно эффективным.

Нравственность в хозяйстве, в Т., в его организации и использовании, в его оплате — вопрос исключительной сложности, не имеющий простых решений. Т. нужно учитывать и учитывать, по возможности, точно. Т. нужно оплачивать и оплачивать, по возможности, ему соответственно. Т. не должен быть слишком тягостным, а оплата его не должна быть слишком низкой. Все это так. Но вряд ли возможно здесь какое-то панацейное решение, особенно, типа широко известных принципов оплаты по Т., распределения продукта по Т., жизни по Т. и т. п. Нужно понимать, и это показала практика, что соблюсти эти принципы невозможно, а соблюдать их и не надо. Сами по себе они ложны. При всей важности и сакральности Т. не стоит придавать ему какого-то абсолютного значения, делать его мерой не только всех вещей, но и самой человеческой жизни. Т. хо-

рош в контексте, в контексте его и нужно рассматривать — в социальном, политическом, психологическом, культурном, нравственном, духовном. Нельзя придавать Т. самодовлеющего значения. Жизнь, в том числе чисто хозяйственная, полна Т., но к одному лишь Т. она не сводится, во всяком случае, к Т., понимаемому слишком узко и слишком физически.

И.В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

Философия хозяйства: опыт индикации (Философия хозяйства. 2001. № 4)

Под индикацией здесь понимается представление объекта исследования в виде упорядоченной системы показателей, которые выражены индикатумами (названиями показателей), а также индикаторами (их качественным или количественным значением). На наш взгляд, это позволяет дать более глубокое философское обоснование понимания процесса эволюции экономики вообще и России в частности. Помогает более основательно описывать (анализировать) данное явление, давать ему более адекватное объяснение (диагноз) и эффективнее оценивать его перспективы, производя эксплораторную и нормативную прогнозную разработку его показателей. И что особенно важно, содействует более адекватному пониманию особенностей начинающегося перехода мировой и отечественной экономики в качественно новое состояние.

В сугубо гипотетическом порядке и в первом приближении абстрактное понятие «хозяйство» может быть представлено системой показателей из следующих наиболее важных подсистем: 1) состояния (уровня развития) производительных сил; 2) состояния (уровня развития) потребностей личности и общества; 3) производственной структуры общества; 4) структуры времени общества; 5) социальной структуры общества; 6) расселения людей и размещения производительных сил; 7) способности экономики содействовать оптимальному решению глобальных, региональных и локальных проблем современности.

Итак, теория социальных показателей учит нас: прежде чем давать количественные или качественные параметры индицируемого объекта (индикаторы), надо сначала свести в систему их наименования (индикатумы) [1]. Так, чтобы получилась своего рода модель исследуемого явления в виде упорядочен-

ной совокупности показателей, достаточно полно и достаточно адекватно описывающих его характер и особенности его развития.

Какой системой индикатумов описывать сложный феномен, зашифрованный иероглифом «хозяйство» (какие бы уточняющие дефиниции мы ни давали этому понятию)?

Думается, первым, ключевым индикатумом должно быть состояние производительных сил. Лучше всего таким, с помощью которого можно было бы соизмерять разное состояние хозяйства. Например, примем первобытные времена за единицу. Тогда земледелию и животноводству до самых недавних времен придется придавать порядок десятков, промышленности позапрошлого века — порядок сотен, прошлого века — тысяч, а тому, что надвигается с комплексной компьютеризацией производства — порядок не десятков и даже не сотен тысяч, а миллионов, если не миллиардов или вообще дециллионов.

Но это — маловразумительная абстракция. Наверное, более показательным индикатумом здесь было бы орудие производства, символизирующее уровень развития производительных сил в ту или иную эпоху. Например, для первобытных времен это были бы дубина или каменный топор. Для истории человечества с древнейших времен до XVIII в. включительно — серп, молот и еще, быть может, лошадь. Для XIX в. — паровая машина. Для XX-го — двигатель внутреннего сгорания и электромотор. Для XXI в. — компьютер.

Если придать каждому такому символу количественное выражение (скажем, в виде сопоставимых «лошадиных сил»), то индикатумы превратятся в индикаторы, позволяющие осуществлять измерение феномена и сопоставление значений по пространственно-временным рядам. Впрочем, наверное, возможны и иные подходы.

Во всяком случае, развитие производительных сил человечества на протяжении последней четверти XX — первой четверти XXI в. прекрасно описывается эволюцией компьютера первых пяти поколений. Сначала (к 70-м гг. XX в.) — огромная «камера хранения» ячеек кубатурой в десятки метров с относительно небольшой мощностью производства информации. Затем на протяжении почти полувека (ориентировочно с 1970 по 2010 г.) — привычный нам сегодня стационарный компьютер с модификациями в виде большого (величиной с кейс) и малого

(величиной с видеокассету) ноутбуков. Далее, ориентировочно в 2010-х гг., уже технически разработанный и с года на год запускаемый в опытное и далее в массовое производство портативный компьютер величиной с мобильныйтелефон, с выдвижным монитором и кейбордом в виде массивных перстней на пальцах. Далее, ориентировочно в 2020-х гг., тот же портативный компьютер, но уже микро-миниатюризированный и приспособленный в качестве протеза, наподобие вставной челюсти, куда-то к запястью, к щиколотке или к ребрам (еще не решено). Наконец, не раньше 2030 г. тот же еще более микроскопический компьютер предполагается вживить в человеческий организм в качестве искусственной железы — скажем, вместо вырезанного аппендикса.

Не подлежит сомнению, что даже сегодняшний компьютер способен произвести и действительно производит самую настоящую революцию в производственных силах и производственных отношениях, во всей истории человечества. Производит всего за несколько десятилетий на много порядков больше изменений, чем за все десятки тысяч лет существования человечества, включая два-три последних века и даже потрясающую по изменениям последнюю четверть истекшего столетия.

Портативный компьютер третьего поколения, связанный с глобальными системами информации типа Интернет, способен произвести революцию, по сравнению с которой все предшествующее покажется пустяками. Ведь, образно говоря, каждый может носить в своем нагрудном кармане или пристегнуть к своему поясу персонального учителя-репетитора, врача, распорядителя-менеджера, милиционера, банкира и много кого еще. Придется радикально менять всю систему образования, здравоохранения, финансов и кредита, охраны общественного порядка и многое иное.

«Компьютер-протез», без всякого сомнения, явится своего рода «вживленной шпаргалкой», изначально исключающей традиционные методы обучения, требующей качественно новых отношений в системе «учитель—ученик». Он, безусловно, поставит под постоянный контроль не только состояние вашего здоровья, но даже просто ваше настроение, а может быть, и ваш интеллект. Уже одно это означает прощание с разновидностью земной фауны, известной под иероглифом «человек», и переход к качественно иному разумному существу.

Наконец, «компьютер-железа» и вовсе превращает человека в кибернетический организм, по многим параметрам отличающийся от человека больше, нежели тот — от обезьяны. Встает вопрос: а как же быть с родом «гомо сапиенс»? Первый (и возможно последний) ответ на него призвана дать философия, поскольку наука без нее окажется в данном случае слепоглухонемой, способной дать лишь нечто маловразумительное.

Философский императив по этому ключевому индикатуму: экономика должна создать условия для оптимизации уже начавшегося процесса киборгизации человеческой личности. Безразлично, пойдет ли речь о смене рода гомо сапиенс родом гомо кибернетикус или об органическом включении человечества в сложную систему разумных существ с разными качественными характеристиками (скажем, для жизни в космосе, на дне Мирового океана и т. д.).

Второй индикатум в этом ряду — потребности личности и общества: то, ради чего существует хозяйство.

В структуре потребностей проще всего обратиться к известной схеме А. Маслова (Э. Мэслоу): от потребностей в самосохранении через потребности в самоутверждении к потребностям в саморазвитии, самореализации. И модифицировать ее чисто инструментально, как один из философских ориентиров желаемого развития хозяйства

Напомним, что потребности в самосохранении разделяются на таковые в питании, одежде, жилище, сохранении здоровья и воспроизводстве потомства (через сексуальные потребности). Они отличаются от прочих наличием четко выраженного оптимума, ниже и выше которого начинаются зоны разрушения организма. Так, недостаток питания может привести (и действительно приводит сегодня сотни миллионов людей) к голодной смерти. Но и «переедание» ведет к катастрофическим последствиям, значительно сокращает жизнь сотням миллионов людей. Аналогичная картина с «перегреванием» ребенка, с разрушающим психику «зальным эффектом» чрезмерно больших помещений, со злоупотреблением лекарствами. Острая проблемная ситуация сложилась из-за потери потребности в детях не менее чем у миллиарда человек, перешедших от сельского к городскому образу жизни и превративших сексуальные потребности из средства в самоцель. Результатом стало начавшееся

массовое физическое вырождение многих народов Северного полушария Земли, включая русских.

Философский императив: экономика должна быть ориентирована строго на оптимум удовлетворения потребностей в самосохранении под страхом самых нежелательных социальных последствий.

Потребности в самоутверждении традиционно подразделяются на высшие и низшие. На низшем уровне речь идет о все тех же питании, одежде, жилище, здоровье, потомстве/сексе. Но уже не в количественном, а в качественном выражении: престижа ради (застолье, мода, комфорт, честолюбие, тщеславие и пр.) Здесь быть не может никакого оптимума. Напротив, чем полнее удовлетворяются такие потребности, тембезогляднее погоня за престижем. На высшем уровне располагаются потребности в общении. Как через посредство разных социальных институтов (включая предприятия, учреждения, организации), так и непосредственно личностных (включая дружбу и любовь). В обоих случаях речь идет об уважении со стороны окружающих и на этом основании — уважении себя самого, что и является самоутверждением.

Здесь философский императив: экономика должна не давать потребностям в самоутверждении превращаться в самодовлеющие, содействовать использованию их в качестве «переходного мостика» от низших потребностей к высшим (в саморазвитии и самореализации).

Наконец, два последних уровня потребностей практически касаются удовлетворения потребности в знаниях (научно-технических, социально-политических, художественно-эстетических и др., включая связанное с ними сопереживание) и в труде (не обязательно творческом, если получает общественное признание или доставляет удовольствие сам по себе).

С этими двумя уровнями связан последний философский императив: экономика должна блокировать ложные или общественно-вредные знания, содействовать получению и распространению конструктивных, общественно-полезных; экономика должна блокировать всякую активность, подрывающую общественные устои, разрушающую общество, должна содействовать конструктивной жизнедеятельности людей.

Третий индикатум — производственная структура общества, соотношение занятых в различных отраслях общественно-

го производства, а также занятых и незанятых работоспособных. Здесь на протяжении XX в. произошел самый настоящий переворот. Если к началу столетия соотношение занятых в сельском хозяйстве, промышленности и духовном производстве (проще говоря, крестьян, рабочих и служащих) в среднем по миру выражалось символической пропорцией 90:9:1, то к концу века в наиболее развитых странах мира эта пропорция стала стремиться к 1:9:90.

Заметим, что подавляющее большинство служащих сегодня занято в сфере обслуживания (в широком смысле, включая, с одной стороны, транспорт и связь, госаппарат и финансово-кредитные учреждения, а с другой — учреждения образования, здравоохранения, культуры). Однако начавшаяся комплексная компьютеризация производства в ближайшие годы миллионами, сотнями миллионов погонит оттуда служащих, как раньше механизация погнала крестьян из сельского хозяйства, а затем автоматизация — рабочих из промышленности.

Заметим также, что даже в развитых странах мира безработица редко опускается ниже отметки 5—10% (при этом почти все вакантные местабезработных туземцев заполняются гастарбайтерами). А в менее развитых, включая Россию, открытая и скрытая безработица достигает 20—30% и более. Теперь компьютеризация грозит новым валом массовой безработицы.

Соответствующий философский императив: экономика должна обеспечить рабочими местами при любом уровне комплексной компьютеризации общества подавляющее большинство — желательно почти всех трудоспособных (опыт показывает, что небольшая безработица в «гомеопатических дозах» одного-двух процентов полезна как дополнительный стимул эффективного труда, тем более что не допускает чрезмерного роста зарплаты и соответствующей инфляции).

Как этого добиться?

Пока что в поле зрения единственное конструктивное предложение: стимулировать быстрый рост числа социальных работников в учреждениях образования (помощники воспитателя и учителя из среды родительской общественности), здравоохранения («сестры и братья милосердия»), досуга (функционеры сети клубов по интересам) и охраны окружающей среды («Армия спасения природы»). Другие варианты проработаны гораздо менее основательно.

Четвертый индикатум — структура времени общества. Здесь наблюдается аналогичный переворот. Столетие назад соотношение рабочего, непреложного внерабочего (сон, быт и пр.) и свободного времени выражалось символической пропорцией 4:3:2. В количественном выражении это означало соответственно около 4000 часов на труд, около 3000 часов на сон и быт и остальное из годового баланса 8760 часов на досуг. К концу века в наиболее развитых странах мира эта пропорция стала стремиться к 2:3:4, т. е. около 2000 часов на труд, около 3000 часов на сон и быт, около 4000 часов на досуг. Грубо говоря, рабочий год стал почти вдвое меньше, а досуг — почти вдвое больше.

Комплексная компьютеризация производства в ближайшие десятилетия почти наверняка сократит рабочий год еще вдвое или по меньшей мере в полтора раза (до 1000—1500 часов). Соответственно возрастет свободное время.

Следует отметить, что сам по себе рост свободного времени не обязательно может быть социальным благом. Он может стать и социальным злом, если человек не знает, куда себя девать, деморализуется и скатывается к девиантному поведению (алкоголь, еще более сильно действующие наркотики, хулиганство, преступность).

Отсюда философский императив: обеспечить полноценную рабочуюнеделю по возможности всем или почти всем трудоспособным, при любом уровне компьютеризации производства.

Пока что видится два способа решения этой проблемы. Один — радикальное сокращение рабочей недели до такой степени, чтобы на одном рабочем месте круглую неделю могли трудиться два-три работника. Другой — радикальное увеличение свободного времени доведением совокупного годового отпуска до четырех-шести месяцев с упором на развитие досуговой деятельности людей.

Как видим, оба способа не исключают один другого. Возможно, могут быть найдены альтернативные решения проблемы.

Пятый индикатум — социальная структура общества. Здесь качественно иная закономерность. Горький опыт показывает: что ни делай с человеческим обществом, какие революции ни устраивай — оно всегда, как некий чертов коктейль, делится

ровно на пять социальных прослоек (страт). Наверху «высший класс» — 1—2% населения, очень богатых людей, в руках которых сосредоточена львиная доля богатств и практически вся реальная власть. В несколько раз больше — «высше-средний класс» не особенно богатых, но весьма состоятельных людей. Далее следует «средний класс» — соответственно со средними по стране доходами. Замыкают структуру «низше-средний класс» (бедняки) и «низший класс» (нищие). Вся разница в том, что в благополучных странах это соотношение выражается символической пропорцией 1:4:90:4:1, т. е. «средний класс», социальная опора общества, составляет подавляющее большинство населения, богатых и бедных — считанные проценты, а нищих — не больше, чем сверхбогатых. В неблагополучных же странах (включая Россию) эта пропорция «скашивается» до 1:4:15:50:30, т. е. подавляющее большинство населения составляет не «средний класс», а бедняки и нищие.

Уточним, что в случае с Россией, да практически и со всеми неблагополучными странами, большинство «бедняков» и «нищих» являются таковыми лишь по официальной статистике, которая не учитывает ни натуральное хозяйство (пресловутые «шесть соток», домашняя живность, «дары леса и реки» у десятков миллионов российских семей), ни повальное воровство (преимущественно государственного и общественного добра), ни иных доходов в «теневой экономике» — от проституции и разнообразных приработков до уголовного и чиновного рэкета. Но и с учетом «теневых» доходов не менее 80% российского населения остаются на уровне «низшего класса» и самых низших слоев «низше-среднего класса» развитых стран мира, а еще 10—15% — на уровне высших слоев последнего.

Философский императив: ориентировать развитие экономики такимобразом, чтобы оба полюса («сверхбогатые» и «нищие») оставались каждый, образно говоря, в пределах одного-двух процентов населения, раз уж от них по сложному комплексу причин никуда не денешься. У остального населения разница в уровне доходов не должна быть выше двух-трехкратной. Тогда общество становится и остается стабильным.

Практика ряда развитых стран мира, начиная со Швеции, показывает, что такая социальная цель вполне реальна.

Шестой индикатум — расселение, размещение производительных сил, социальное пространство хозяйства. Здесь намечается весьма любопытная цикличность.

До второй половины XX в. почти все земляне жили в отдельных одноэтажных (редко в двух-трехэтажных) домах с приусадебными участками, рассчитанных на одну семью, иногда с квартирантами и прислугой. Напомним, что к началу столетия около 90% населения земного шара проживало в сельской местности и еще около 9% — в точно таких же домах малых и даже средних городов (кроме главной улицы), по окраинам крупных городов. Правда, нарастающее количество процентов — но все равно считанных процентов — переселялось в общежития рабочих казарм, позже в бараки и «коммуналки». Но почти все это были выходцы из деревни, и их быт мало чем отличался от сельского — разве что не было приусадебного участка и домашней живности. И только менее 1% — население центра крупных городов — жило примерно так, как живет сегодня большинство населения земного шара.

XX в. ознаменовался массовым переселением людей из сельских домов в городские многоквартирные, со всеми или почти со всеми коммунальными удобствами. Этот процесс в странах Латинской Америки, Африки и Азии (включая Россию, Албанию и им подобные страны Восточной Европы) все еще по инерции продолжается, но уже, как и рост мирового народонаселения, зримо притормаживается. А в развитых странах мира сменился прямо противоположным: при первой же возможности каждая более или менее состоятельная семья меняет городскую квартиру на благоустроенный коттедж для отдельной семьи возможно дальше от города. Видимо, эта тенденция будет все сильнее проявляться в XXI в., особенно если процесс уменьшения численности коренного населения развитых стран мира пойдет теми же масштабами и темпами, что и сейчас.

Отсюда философский императив: ориентировать развитие экономики таким образом, чтобы цикл «урбанизация—дезурбанизация» проходил оптимально, без противоестественного скучивания многомиллионныхмасс в крупных и сверхкрупных городах (с очень негативными социальными последствиями) и без наблюдающейся деградации сельской среды.

Наверное, в дополнение к только что очерченной системе индикатумов ориентации развития хозяйства требуется еще од-

на, сопряженная с глобальными проблемами современности. Ибо не подлежит сомнению, что мировая экономика сегодня — под страхом гибели человечества — должна быть ориентирована прежде всего и главным образом на решение именно этих проблем.

В этом ряду на первом месте сегодня стоит угроза новой мировой войны с применением оружия массового поражения (не обязательно ядерного, более вероятно — химического, бактериологического и компьютерного, последнего, чтобы парализовать экономику противника). По инициативе либо тоталитарных режимов слаборазвитых стран, либо фанатиков-изуверов, либо мафии, срастающейся с коррумпированным госаппаратом ряда стран. В свою очередь, в качестве возможного «горючего» для нового мирового пожара на первый план выдвигаются массовая безработица в странах «третьего мира» (общее число полностью и частично, открыто и скрыто безработных постепенно приближается к миллиарду), а также катастрофическое состояние мирового торгового баланса: растущие триллионы долларов долга слаборазвитых стран более развитым, которые ни при каких условиях невозможно выплатить, тогда как прекращение поставок в долг грозит не только полным параличом экономики слаборазвитых стран, но и просто голодной смертью сотен миллионов людей.

Философский императив: мировая экономика должна быть перестроена таким образом, чтобы народы слаборазвитых стран «вписались» в нее более органично. И в смысле занятости, и в смысле удовлетворения элементарных потребностей человека, о чем мы уже говорили.

Второй философский императив того же плана — экономические рычаги оптимизации процесса наблюдаемой динамики мирового народонаселения. Имеются в виду, с одной стороны, содействие торможению инерции «демографического взрыва» — бурного роста населения, все еще продолжающегося (хотя и постепенно затухающего) во многих слаборазвитых странах мира, что резко обостряет проблемы занятости, расселения, образования, здравоохранения и снабжение новых миллиардов всем необходимым, а с другой — такое же содействие торможению прямо противоположного процесса депопуляции, начавшегося массового физического вырождения многих народов северного полушария, о чем мы уже упоминали выше. Больше

чем на торможение обоих катастрофических процессов в сложившихся условиях рассчитывать не приходится. Но и хоть какое-то торможение — выигрыш времени, пока человечество не найдет способы оптимального решения той и другой проблемы.

Третий философский императив — экономические рычаги оптимизации экологического геобаланса, пошедшего, что называется, вразнос, и быстро переходящего в состояние дисбаланса, гибельного для человечества и требующего ребалансизации. В развитых странах мира прилагаются значительные усилия по сокращению масштабов и темпов воздушного, водного, почвенного, радиационного, шумового и теплового загрязнений окружающей природной среды, включая проникающие в человеческий организм химикаты и растущие горы мусора. Но огромный мир слаборазвитых стран (а это сегодня четыре пятых, завтра — девять десятых человечества) идет стопа в стопу по тропе развитых стран, протоптанной ими в XX в. И эта тропа в таких масштабах неизбежно заведет мир в пропасть не позднее середины XXI в. (плюс-минус четверть столетия). Между тем экологический баланс невозможно восстановить, если не позаботиться об оптимизации топливно-энергетического, материально-сырьевого, транспортного и ряда других балансов. Тем сложнее практическая реализация данного императива.

Как известно, в числе глобальных проблем современности, помимо вышеперечисленных, значатся также проблемы:

• здравоохранения (резко обострившиеся в связи с переходом к городскому образу жизни, при котором здоровье подрастающего поколения из года в год ухудшается, а также к однодетной, в среднем, семье, где генетика передается по наследству уже не наиболее здоровой частью выжившего потомства, а кем придется, включая родителей, заведомо ущербных психически и физически);

• образования, переставшего быть адекватным потребностям общества, поскольку раньше к жизни готовила так называемая домашняя, или семейная школа, а собственно школа лишь учила грамоте, да и то далеко не всех, плюс готовила служащих; теперь же «семейная школа» исчезла с развалом семьи, традиционное образование стало всеобщим, а жизни учат все чаще улица и криминал (с ужасными последствиями для общества);

• культуры, все более нагло попираемой антикультурой (с только что упомянутыми последствиями для общества);

• наркотизации общества (включая никотин и алкоголь), поскольку ранее злоупотребление всеми тремя видами наркотиков касалось лишьдоли процента населения, а сегодня счет идет на растущие десятки процентов, особенно в молодежной среде (что в совокупности дает эффект, равнозначный мировой эпидемии чумы или холеры);

• мафиизации общества, т. е. таких масштабов и темпов роста организованной преступности с «теневой экономикой» в ее основе, при которых мафия становится как бы вровень с госаппаратом (к тому же все более коррумпированным той же мафией): этот процесс не может продолжаться не то, что бесконечно, а вообще долее максимум двух-трех ближайших десятилетий затем неизбежен катастрофический коллапс общества только по одной этой причине.

Перечень глобальных проблем современности может быть продолжен. В путях их решения много общего, есть и специфика каждой из них. Но не подлежит сомнению, что без перестройки хозяйства на микро-, макро- и мегауровнях здесь не обойтись.

И это завершающий, как бы интегральный философский императив ориентации дальнейшего развития экономики

Литература

1. Социальные показатели образа жизни советского общества. М., 1980.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра (тезисы)

(Философия хозяйства. 2001. № 4)

I. Вчера

1. Вчера для философии хозяйства — не совсем вчера, ибо, едва возникнув (усилиями прежде всего С.Н. Булгакова в первой четверти XX в.), философия хозяйства попала в «камеру забвения», кстати сказать, совершенно осознанно со стороны тех, кто это забвение ей обеспечил. Причина ясна: уважая в целом науку вообще, экономическую науку и политическую эко-

номию, философия хозяйства не могла не подвергнуть господствовавшее тогда знание о хозяйственной жизни нелицеприятной критике, — и столь последовательной, что критикуемая сторона не нашла ничего лучшего как подвергнуть философию самому обыкновенному забвению — без всякой обратной критики.

Однако «рукописи не горят», и пришло время возрождения философии хозяйства как таковой, ибо некоторое ограниченное бытие ее продолжалось в рамках политической экономии (политэкономию можно и нужно рассматривать одной из версий философии хозяйства; вообще говоря, философия хозяйства вышла одновременно из философии и политической экономии — при восприятии и других отраслей знания).

Возрождение философии хозяйства произошло не в силу опубликования, к примеру, той же «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова в 1990 г., а в силу объективной необходимости, толкавшей живую мысль на тот же или сходный путь, на который когда-то вступил тот же С.Н. Булгаков. Пришло время аналогичных забот и притязаний, выхода за пределы политической экономии и науки вообще, вхождения в сферу философии, соединения вновь философии и хозяйства, т. е. время созидания философии хозяйства.

Так случилось, может, и провидчески, что философия хозяйства была возрождена в последней четверти XX в. в том же самом Московском университете, в котором она и зарождалась.

Вчера для философии хозяйства — это спрессованные во времени ее рождение, забвение и возрождение, как, разумеется, и некоторое невыраженное бытие в рамках политической экономии.

2. Интерес к философии хозяйства — не простой исследовательский интерес к мало изученной области реальности; такой интерес появляется как ответ на драму вообще человеческого познания, на кризис научного познания, на неразрешимость массы проблем на основе и в пределах экономической науки. Философия хозяйства рождается как попытка заглянуть в иные смысловые сферы, чем это может сделать наука как таковая; поместить размышляющее и переживающее сознание в такое смысловое пространство, которое доступно только философствующему сознанию (не уму только, но и сердцу); ответить на такие вопросы, на которые наука вообще, экономиче-

ская наука и политическая экономия даже не стремятся ответить, а по существу и не могут. И среди этих вопросов доминируют вполне родственные вечным вопросам: что есть человек и его жизнь, почему, зачем и куда устремлен человек хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести? Разумеется, философия хозяйства не ограничивается этими и им подобными вопросами, но главное состоит в том, что она способна ставить такие вопросы и предлагать на них ответы.

3. Философия хозяйства — мировоззренческое знание, и никаким другим оно быть не может. Это не функциональное, не технологическое, не операциональное знание, а потому напряженный диалог, в котором находится философия хозяйства с той же экономической наукой, имеет отношение в первую очередь и по преимуществу к мировоззренческой стороне дела. Философия хозяйства не дает практических советов, но это не означает, что она не практична, ибо философия хозяйства дает мировоззрение и созидает через это человека хозяйствующего.

Один человек — без философии хозяйства, совсем другой — с философией хозяйства.

4. Философия хозяйства не заменяет собою ни экономической науки вообще, ни даже политической экономии. У философии хозяйства свой размыслительный подход и своя размыслительная задача. Это не одна из экономических наук, как и не одна из отраслей философии (хотя условно так можно в определенных контекстах говорить), это в общем-то самостоятельная область мысли и знания, что, быть может, не так просто осознать, но осознать все-таки надо. Философия хозяйства, безусловно, соприкасается и даже пересекается с экономией и философией, но исток свой она берет не в них, а потому это не только не отрасль экономии или философии, но даже и не их соединение (нельзя взять и перемешать экономию с философией, чтобы получить философию хозяйства, как нельзя в экономию просто добавить философию, а в философию — экономию, чтобы достигнуть того же результата; надо развивать именно философию хозяйства, т. е. философию хозяйствующего человека).

5. Философия хозяйства рассматривает хозяйство как жизнь, а жизнь как хозяйство. Это важнейшее исходное положение, определяющее сразу все: объект когнитивного интереса,

субъекта этого интереса, масштаб и глубину познания, его разнообразие и возможности (как и невозможности). Предмет философии хозяйства настолько объемен и одновременно бесконечен, что этого предмета как бы и нет, во всяком случае, он сколько-нибудь строго не определен. Лучше исходить из того, что предмет более неопределенен, чем определенен. И ничего страшного здесь нет, ибо, повторяем, философия хозяйства — не наука, хотя она и не чужда научных подходов (где это необходимо и возможно). Вряд ли стоит стараться определить предмет философии хозяйства, во всяком случае, точнее, чем это сделано в двух вышеприведенных выражениях: «хозяйство как жизнь» и «жизнь как хозяйство». Разумеется, мы можем уточнять направление интереса философии хозяйства, ее главный когнитивный аспект, вводя, к примеру, мотив организации — того же хозяйства, той же жизни, т. е. жизни-хозяйства, хозяйства-жизни. Но это уже оказывается не строго обусловленным актом, а лишь чьим-то личным предпочтением.

6. Если говорить о философии хозяйства, которое «вчера», то, конечно же, необходимо исходить прежде всего из философии хозяйства С.Н. Булгакова. Это, безусловно, начало, к которому нужно относиться вполне благоговейно, что не значит превращать в какую-то догму (догматизировать, кстати, булгаковскую философию хозяйства, как и вообще философию хозяйства, практически невозможно). Булгаковское сочинение — классическое. Это, конечно, юность философии хозяйства. Что касается зрелости, то, как уже отмечалось, она не стала простым и естественным продолжением юности и молодости, а явилась как бы сама по себе — на новом историческом витке, в пору нового обретения философии хозяйства. И что интересно: новая философия хозяйства, будучи уже не булгаковской, оказалась вполне родственной этой последней, а вместе они — булгаковская и новая — дали весьма впечатляющий эффект. Так восстановилась связь времен, так произошло для философии хозяйства преодоление времени.

II. Сегодня

1. Сегодня философия хозяйства существует и имеет права гражданства. Научная школа философии хозяйства признана официально, а на экономическом факультете МГУ возникла лаборатория философии хозяйства. Действует Философско-экономическое ученое собрание (225 действительных членов),

проводятся научные форумы, публикуются монографии, издается журнал «Философия хозяйства», готовится «Экономико-философская энциклопедия — Философия хозяйства». Учреждена медаль С.Н. Булгакова «Свет Невечерний». Интерес к философии хозяйства ширится, во все большем числе вузов читаются спецкурсы по философии хозяйства, философско-хозяйственные аспекты все более присутствуют в диссертационных исследованиях. Философия хозяйства развивается, завоевывая умы и сердца склонных к мировоззренческим размышлениям ученых.

2. О содержании философии хозяйства кратко писать трудно, но кое-что можно представить (с учетом творческого домысливания читателя). Можно сказать, что философия хозяйства в общих чертах, но в необходимой целостности, как знание уже сложилось, хотя, быть может, не в той степени завершенности и ясности, которая потребна для, так сказать, представительного образа. Нам уже приходилось отмечать, что философия хозяйства — не столько завершенное знание, сколько специфическая область мысли и размышлений, имеющая, конечно, свои смысловые опоры, но не претендующая на свойственную теоретической мысли конструкционную завершенность (философия хозяйства — не теория в буквальном смысле слова, хотя и относится к той знаниевой сфере, которая обычно квалифицируется как теоретическая; теории философии хозяйства нет и быть не может, хотя может быть вдохновляемая, в частности, философией хозяйства теория хозяйства).

3. Мы уже обозначили первую исходную смысловую опору, свойственную философии хозяйства: хозяйство как жизнь и жизнь как хозяйство. Это самая важная онтологическая опора. Что касается первичной гносеологической опоры, то она скрыта в слове «философия», если под последним понимать в данном случае просто любовь к мудрости, т. е. к такого рода размышлениям и знаниям, которые тяготеют к обнаружению скрытых обобщающих смыслов, обычно игнорируемых наукой, или, обобщенно говоря, к мета-смыслам. Отсюда философия хозяйства стремится познавать метасмылы жизни-хозяйства, разумеется, не только это, но и это в особенности.

Следующей важной онтологической и одновременно гносеологической опорой следует назвать трансцендентность (в широком и разнообразном смысло-трактовочном диапазоне).

Трансцендентность — не открытие философии хозяйства, но ее необходимое достояние. Вне трансцендентности философии хозяйства быть не может, а может получиться в лучшем случае лишь теория хозяйства, а в худшем… не будем говорить, и так ясно.

Нельзя не указать на еще одну смысловую опору философии хозяйства, которая прямо исходит из самого словосочетания «философия хозяйства», а именно, нравственную, ибо расположение рядом слов «любовь», «мудрость» и «хозяйство» сразу показывает, что философия хозяйства неравнодушна к вопросу о том, как, с каким нравственным мотивом, каким образом ведется человеком хозяйство, оно же и хозяйство-жизнь? Проблема добра и зла не за пределами философии хозяйства.

4. Есть и другие, более частные, смысловые опоры, которые являются уже не столько исходными, сколько выводными.

А. Философия хозяйства предлагает различать, в частности, «хозяйство» и «экономику», рассматривать экономику как частный случай хозяйства или как особое хозяйство, как особый способ хозяйства, основанный на разделении хозяйства, товарообмена и деньгах, а лучше сказать — на стоимости. В смысловом отношении экономика есть стоимость, а стоимость — экономика, ибо стоимость — самое существенное или самое экономическое в экономике.

Философия хозяйства предлагает особое понимание стоимости — как одновременно субстанции, отношения и оценки, да к тому же еще и имеющей твердо выраженную трансцендентность. Философия хозяйства склонна признавать за стоимостью идеальность, ирреальность, виртуальность, хотя находит стоимость абсолютно реальным феноменом.

Философия хозяйства легко вводит в обиход понятие экономической цивилизации, возникающей в мире не только в ходе растянутой во времени эволюции, но и в итоге экономической революции, сопровождающейся и иными переворотами. Экономическая цивилизация доминирует внастоящее время, имея внутри себя и такие характеристики, как технологическая, сциентическая, индустриальная, неоиндустриальная, информационная и т. п. характеристики.

Экономика, оформленная цивилизационно, проходит особый исторический путь бытия и развития, который может быть подразделен на этапы в соответствии с кризисами и вол-

нами развития, достигнув в настоящее время — согласно философии хозяйства — высшей на сей момент формы бытия — финансово-информационной, став, по сути, уже какой-то новой экономикой, или неоэкономикой, важнейшей характерной принадлежностью которой является так называемая финансомика со свойственным ей феноменом финансизма. Данные выводы вполне корреспондируют с философско-хозяйственной трактовкой стоимости и ее собственным историческим развитием — от производства как такового к финансизму, от производства стоимости к ее перераспределению и вменению, от производства стоимостных доходов к их рентному присвоению.

Философии хозяйства не чужда и идея постэкономики, ибо, допуская, что экономика есть всего лишь частный случай хозяйства вообще, а также видя, что в истории имели место доэкономика и предэкономика, как и имеет место вообще неэкономика (хотя бы так называемое натуральное хозяйство, в том числе, к примеру, и семейное хозяйство), философия хозяйства способна предположить переход от экономики к постэкономике (какой конкретно — другой вопрос), тем более что она уже замечает признаки возникновения такого постэкономического хозяйства, развивая при этом идею эсхатологии экономики и экономической цивилизации.

Б. Философия хозяйства вышла на исключительно важный фундаментальный вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии, а не просто труда, производства, творчества, тем более потребностей и их удовлетворения. Стремление (и потребность!) в демиургии — это куда как более серьезно, чем производство потребительских благ, их присвоение или же оптимальный выбор. Хозяйствуя, человек демиургирует, т. е. переделывает данный ему мир — под себя, мало того, он идет по пути не более и не менее, как пересотворения мира (и человека, и сознания) в соответствии со своим собственным, а не тем же божеским представлением. Нет необходимости говорить, насколько это серьезно — как реальное действо и как обобщающий философско-хозяйственный вывод. Человек хозяйствующий и одновременно демиургирующий идет от природы к неприроде, мало того, к такой неприроде, которая поглощает природу, делая мало что значащей предшественницей неприроды. Активно и масштабно наступает искусственный мир, и если эсхатологический гром еще и не грянул, то эсхатологи-

ческий шум уже слышится и он нарастает. Так возникает перед мыслящим человеком проблема эсхатологии хозяйства (уже не экономики, а именно хозяйства), органично сопрягающаяся с идеей хозяйственного апокалипсиса.

В. Философия хозяйства выдвигает идею не только хозяйства, но и антихозяйства. Почувствовать антихозяйство всего проще, если вспомнить легко сопрягающиеся в рамках философии хозяйства три слова: «любовь», «мудрость» и «хозяйство», и, поразмыслив, убедиться, что вряд ли оно есть, это самое хозяйство с любовью и мудростью, во всяком случае его так мало, что впору говорить об антихозяйстве, ведущемся все более человеком, чем о хозяйстве. Так или иначе, но в хозяйстве сидит его противоположность, как и в самой жизни. Временами же, как и местами, можно прямо говорить, что человеком ведется самое что ни на есть антихозяйство (достаточно вспомнить о войнах, революциях, реформациях, перестройках и т. п. событиях).

Г. Философия хозяйства не может не задумываться об альтернативах антихозяйству, как и хозяйству без любви и мудрости, с их явным недостатком. Отсюда обращение еще к одному фундаменталу — к хозяйственному богословию, которое не нужно трактовать как в полном смысле богословие, да еще и какое-то особенное по отношению к вообще богословию. Однако обойтись без этого философия хозяйства не может, ибо ей суждено касаться самых таинственных и драматических аспектов жизни человека, его хозяйства. В известной мере философия хозяйства — сакральное знание-размышление, и ничто не должно ей априорно мешать выполнять подобную функцию. Не в том дело, что философия хозяйства должна найти выход из хозяйственного тупика, в котором, судя по всему, находится человечество, а в том, чтобы это обозначить, над этим размышлять, готовить возможность выхода.

Д. Философия хозяйства, родившаяся в России (именно как философия хозяйства в нашем понимании), упорно размышляет над проблемами российского хозяйства, приходя к тому неутешительному заключению, что в России сейчас воцарилось как раз антихозяйство: экономика есть, а хозяйства нет (во всяком случае, полноценного хозяйства, когда есть не только выживание, но и перспектива жизни). Перед Россией, переживающей явный апокалиптический кризис, стоит громадная

задача выхода на национальное хозяйство, ведущееся в интересах нации, страны, самой России. Разгосударствление дорого обходится России. Паразиты есть, творцы и банкиры есть, а производство… сугубо колониальное и сугубо накопительное, т. е. позволяющее накапливать богатства внутри и вне без их обращения на пользу России. Такова цена экономизации российского хозяйства, его так называемой либерализации. Без национального в полном смысле слова хозяйствования в России нельзя, и пока идет денационализация хозяйствования, и будет продолжаться указанный апокалиптический кризис.

О смысловых опорах и находках философии хозяйства можно говорить и говорить, но этого сделать в кратком обращении нельзя. Отсюда — завтра.

III. Завтра

Если, если… ничего такого не случится, то у философии хозяйства многообещающее будущее. Ей надо развиваться, доходить до людей, споспешествовать пониманию людьми мира, в котором они живут и который их ожидает. Особенность философии хозяйства состоит в том, что это, безусловно, философия действия, а не одного лишь созерцания, ибо направлена эта философия на постижение не чего-нибудь, а активной жизни человека, его жизнеотправления, того созидания (как и разрушения), которое он совершает. Трудно сейчас придумать более актуальное знание-размышление, которое, имея свою самость, способно вбирать в себя науку, философию, религию, как и непосредственную реальность, и соответственно быть, если так можно выразиться, сверхцелостным знанием, отражающим даже более того, что есть сама целостность. Уразуметь просто так (через учебник) философию хозяйства нельзя, но войти в ее смысловое поле можно — через переживание.

Позволим себе высказать идею хозяйствующей философии (это о реально действующей философии хозяйства), способной добывать идеи и просветлять сознание, обогащать культуру и формировать сакрально хозяйствующего человека — трудящегося, предпринимателя, государственного деятеля, студента, преподавателя, ученого. Ничего невозможного в такой постановке нет, ибо философия хозяйства признает за хозяйство всю жизнь человека, а соответственно находит, что хозяйство есть не столько производство благ, сколько производство самой жизни и самого человека. И надо сделать так, чтобы та-

кое производство осуществлялось на хозяйственной, а не на антихозяйственной основе, чтобы человек в своем развитии избежал роковой деградации.

А.И. СУБЕТТО

Методологические основания философии экономики и хозяйства (некоторые аспекты проблемы) (Философия хозяйства. 2001. № 4)

Кризис экономической науки, как и науки в целом, требует философской рефлексии. Возник социальный заказ на становление философии экономики и хозяйства именно в конце XX в. вследствие уже изложенной логики. Смена метапарадигм всегда происходит под «знаменами» глубокой философской рефлексии, вызванной неудовлетворенностью сложившимися картинами мира. Человечество зашло в экологический тупик, который есть одновременно и экономический, и социальный тупик, поскольку они неразрывны.

Возникает императив *тотальной неклассичности* будущего бытия человечества. При этом неклассичность включает в себя не только «принципы дополнительности», «антропные принципы», в том числе «теорию наблюдателя», «принцип *большого эколого-антропного дополнения*», но и принцип управляемости, плановости, единства Истины, Добра и Красоты, единства сущего и должного. Тотальная *неклассичность* включает в себя *неклассическую* науку, неклассическую культуру, *неклассического* человека, *неклассическую* экономику, *неклассическое* общество. Можно говорить о «революции неклассичности», охватывающей все основания бытия.

Та метаморфоза, которую претерпевает экономическая наука, — есть «муки рождения» неклассической экономической науки, неклассической политэкономии.

Сложность ситуации состоит в том, что «революция неклассичности» охватывает и философию. Поэтому говоря о философии экономики и экономической науки, мы должны себе ответить на вопрос: «О какой, собственно говоря, философии идет речь?». Ю.М. Осипов о философии хозяйства так пишет: «Философия хозяйства — не просто знание о хозяйстве, а воззренческое знание о хозяйстве, и не только о самом хозяйстве, но и обо всем том, что имеет отношение к хозяйст-

ву…» [1, 371]. То же самое можно сказать и о философии экономики и хозяйства. Философия не подменяет политэкономию и экономические теории, а помогает им, охватывая не только проблему внутренних оснований и законов, но и внешних.

Вопрос о категории экономики — это вопрос не только о предмете экономической науки, но и о сущности понятия экономического бытия человека и общества, это вопрос о предмете философии экономики.

Дискуссия о содержании категории экономики проходит через всю историю экономической мысли. В табл. 1 приведен сравнительный анализ ряда подходов к экспликации категории экономики. Как видно из таблицы, в качестве родовых понятий используются «богатство» (Аристотель, А. Смит), «хозяйство», «социальное или народное хозяйство» (Н.Д. Кондратьев, Я. Корнаи, В.В. Чекмарев), «институциональное взаимодействие с природой» (К. Полани), «сфера индивидуальных и общественных действий» по созданию и использованию основ благосостояния (А. Маршалл), «стоимость» (Ю.М. Осипов), «поведение людей» (К.Р. Макконнелл, С.Р. Брю), сфера борьбы частных интересов (В.Ф. Шаповалов), экономического поведения (М. Блауг), выбор (К. Эклунд), область, в которую включаются только индивидуальные предпочтения или ценности и в которой «коллективными интересами пренебрегают» (Дж. Сорос), «частная собственность» (М.С. Лангштейн), «экономический организм», «система экономических отношений» (М.С. Лангштейн), «организация экономической жизни» (В.Н. Богачев), «организация использования разнообразных ресурсов» в целях удовлетворения потребностей людей (К. Эклунд). Это разнообразие укладывается в схему с выделениям *двух методологий экспликации* «экономики»: объективной (историко-генетической) и субъективной (субъектно-бихевиористической). *Первая методология* характерна для немецкой и российской научных школ экономической мысли, *вторая* — для англо-американской. В первой методологии родовыми понятиями для определения «экономики» являются «хозяйство», «система экономических (или хозяйственных, производственных отношений)», «воспроизводство», «способ общественного производства» и т. п., а во второй — «поведение», «выбор», «индивидуальные предпочтения».

По Н.Д. Кондратьеву, «хозяйство» является ключевой категорией в понимании экономики. Он выстраивает два экономико-онтологических ряда понятий: «совокупность — организация — хозяйство» и «вещь — человек — общество». Хозяйство, в его оценке, «возникает на основе жизненной необходимости и состоит в деятельности, сводится к правильному потреблению потребных благ». Н.Д. Кондратьевым формируется триада (рис.1).

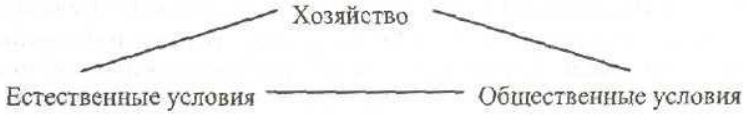


Рис. 1

Рис. 2

«Хозяйственная экспликация» экономики, по Н.Д. Кондратьеву, определяет ее как *социально-хозяйственную форму природопотребления*. Это можно выразить схемой (рис. 2).

Ю.М. Осипов [1], выстраивая философию хозяйства, рассматривает его как более широкую категорию, чем экономика. В его оценке, экономика — это только и только товарно-рыночная форма хозяйства. Поэтому используется логика, в которой экономика есть исторически преходящая форма хозяйствования человека, связанная с рынком и товарно-денежными отношениями. Воспроизводится марксова формула: «доэкономическая формация — экономическая формация — постэкономическая формация» (В.Л. Иноземцев [6]) или «доэкономическая цивилизация — экономическая цивилизация — постэко-

номическая цивилизация» (Ю.М. Осипов [7]). По Ю.М. Осипову, «экономика» имеет формы: «товарно-обменную» («товаро-номика» и «обмено-номика»), социо-разделенческого хозяйства, частно-собственнического хозяйства, частно-инициаторского хозяйства, капитального или капиталистического хозяйства («капитало-номика»). Систему взглядов Ю.М. Осипова можно выразить диаграммой включения множеств (рис. 3).

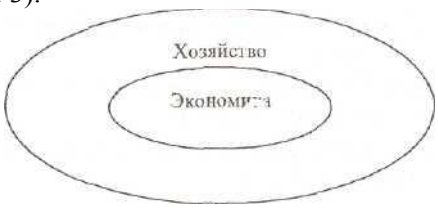


Рис. 3

$$X \supset Э,$$

где X — множество, отображающее действия хозяйства, Э — множество, отображающее действия «экономики», как стоимостного хозяйства («стоимономики»). Экономика в «осиповской интерпретации» порождает *экономизм* как «жизнь ради денег (стоимости)», «точнее, сначала ради денег и по-денежному, а потом уже и ради другого и по-другому» [7].

Однако, как показал С.Г. Кара-Мурза, апеллирующий к теоретической схеме Аристотеля, этимология категории «экономика» может быть осознана и более широко, например, так, как ее понимал Аристотель, выделивший два направления экспликации экономики: через богатство, способ формирования и воспроизводства «богатства» (это направление и есть *хрематистика*), и через ведение «домашнего хозяйства» (oikos — дом). В последнем смысле хозяйство и экономика приобретают тождественное значение. Близким по широте значения является определение К. Полани: экономика как институциональное взаимодействие с природой. Итак, формируется следующая матрица экспликаций «экономики»:

X=Э	XэЭ
Э/Sb	Э/Ob

где X=Э — «экономика» как синоним хозяйства, раскрывающего отношение человека к природе по основанию воспроизводства «условий» для развития; $X_Э$ — «экономика» как одна из форм хозяйствования, основанная на товарно-денежных отношениях, на капитале, на стоимости («осиповские»: товарономика, деньги-номика, капитало-номика, стоимо-номика); Э/Sb — субъектная интерпретация экономики как организации производства, распределения и объема для удовлетворения оплачиваемых потребностей человека на основе рынка (англо-американская версия сущности «экономики»); Э/Ob — объектно-объективная интерпретация экономики как единства производительных сил и производственных отношений или способа общественного производства (по К. Марксу), как механизма воспроизводства материальных условий жизни.

Изложенное позволяет осуществить попытку определить категорию экономики в форме противоречивой системы дефиниций, позволяющей переходить к ее ситуативным экспликациям.

А. Экономика есть природопользование человеком / обществом для восходящего воспроизводства (качества) жизни.

Б. Экономика есть хозяйственное природопользование или, что то же самое, социальное (народное) хозяйство.

В. Экономика есть хозяйствование на основе труда, она есть трудовое хозяйствование.

Г. Экономика есть стоимостная форма ведения хозяйства (товарно-денежная форма ведения хозяйства).

Д. Экономика есть экономическая система, система экономических отношений, обеспечивающая организацию производства, распределения на основе обмена, потребления с целью удовлетворения человека в производимых благах. Е. Экономика как экономическая система есть институциональная организация хозяйства.

Ж. Экономика есть вид деятельности человека, базирующийся на принципе максимума выгоды при ограничении на потребляемые ресурсы (этот принцип оптимизации чаше всего

указывается в теории рыночной экономики) или на принципе минимизации потребления ресурсов при ограничении на уровень объема продукта. Отметим, что чаше всего в «экономиксовой» литературе используется принцип максимизации прибыли (выгоды) при минимизации затрат, который с позиций математической логики является некорректным.

З. Экономика есть сфера рационального экономического поведения человека («homo economicus»), ориентированного на получение максимума индивидуального дохода («Экономизм — жизнь ради денег (стоимости) и по-денежному (постоимостному)…» [7].)

И. Экономика есть форма воспроизводства жизни, она есть воспроизводство жизни на основе производства вещества (вещественных продуктов), информации и энергии.

К. Экономика есть энергообмен между человечеством и природой, это

Э < А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К >

есть хозяйственное энергопотребление для обеспечения воспроизводства условий жизни. (На энергетическую экспликацию экономики / хозяйствования обращали внимание: С.А. Подолинский (1850—1891), Г. Одум и Э. Одум (1978) и др.). Таким образом:

Определения «Ж», «З» лежат в основе «экономиксовой» категории экономики. Определения «В», «Г», «Д» — основа марксистского определения экономики. Определения «Г», «Д», «Е», «Ж» в своем единстве составляют кейнсианскую схему экспликации экономики.

Важно подчеркнуть, что в логике экономического теоретизирования закладывается та или иная модель общества как «совокупности» (по Н.Д. Кондратьеву).

В основу либеральной модели экономики закладывается социально-атомарная модель общества, в которой главным носителем социальности и экономических отношений выступает человеческий индивид эгоистического типа, т. е. индивид в роли homo economicus, с рациональным поведением, подчиняющимся правилам игры на ранке и направленным на максимизацию собственного дохода («прибыли», «выгоды»). Данная модель общества — основа монетарной, маржиналистской моделей экономики, используемых в системе либеральной экономической мысли. В этой модели главным «этажом» экономиче-

ских отношений является нижний, на уровне экономического поведения хозяйствующего субъекта. Из представлений об экономическом поведении, экономическом мышлении и теории экономического выбора выстраиваются «верхние этажи» представлений об экономической системе. Экономическая система выстраивается «снизу вверх», от «человека—социального атома» — к группам, корпорациям, конгломерациям — и от них к институтам и страновым и мировой экономическим системам. Здесь, в этой логике экспликации экономики — источник *либерально-рыночного проективизма* и примитивизма, который описал Ю.М. Осипов как «менеджеризм». «Правит бал» ситуационно-экономический проективизм хозяйствующего субъекта, пренебрегающего эффектом целостности экономической системы (на региональном, страновом уровне). Формируется своеобразный «*экономический пупизм*» в экономическом поведении (то, что на респектабельном языке Хайека, звучит как «методологический индивидуализм»). К этому следует добавить, что социально-атомарный экономический либерализм есть такая форма упрощения экономического бытия, что она теряет свою прогностичность, входит в конфликт со сложностью реального экономического бытия, в том числе по экономическим параметрам. В этой связи уместно вспомнить слова великого русского философа-писателя Ф.М. Достоевского: *«…простота вредит самим упростителям.* Простота враг анализа. Очень часто кончается ведь тем, что в простоте своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе, так что происходит уже обратное, то есть ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходитуже обратное, то есть ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходит в фантастический» (выделено мною. — *А.С.*) [8, 322].

В основу институционально-органической модели закладывается взгляд на экономическую систему как «экономический организм». Общество рассматривается как «суперорганизм», обладающий гомеостатическими механизмами, обеспечивающими ему устойчивость в развитии. Экономика как воспроизводственный «срез» общества, как некая форма его бытия, в котором реализуется его отношение к природе в процессе природопользования, приобретает органическую характеристику. Она есть социально-экономический организм. Это означает, что качество экономической системы на уровне ее целостности

несводимо к качествам ее частей и элементов. Поэтому возникает обратное «движение» от «целого» к «частям». В этом случае экономическое поведение на уровне субъекта детерминируется не только и не столько рациональной или какой-либо другой моделью представлений об экономических стимулах и основаниях выбора. Оно детерминируется особенностями «целого»: государства, этноса, социального устройства и т. д. В этой логике проективизм ограничивается системогенетикой, генетической логикой развития «социального и экономического организма». Обратим внимание, что именно этот, второй подход в области социологии, обществоведения, характерен для К. Маркса, Н.Я. Данилевского (XIX в.), О. Шпенглера (начало XX в.), П.А. Сорокина (начало XX в.) и др. По О. Шпенглеру, «культуры» — это «живые существа высшего порядка» [9, 56]. Ю.М. Осипов в своей философии хозяйства показывает диалектический процесс восхождения хозяйства и экономики вместе с обществом к сложным формам «органической» организации, в результате которого формируется «общественная НОМО — организация», «сообщество-субъект». Как альтернатива «экономическому пупизму», абсолютизирующему свободу экономического поведения человека, появляется «экономический органицизм», ограничивающий свободу «экономического поведения» хотя бы потому, что оно есть «часть целого» и подчиняется в этом случае ограничениям сохранения целостности (или своеобразному «диктату целостности»). В этом случае теоретический дискурс выстраивается не по линии «снизу вверх», что характерно для экономического либерализма, а по линии «сверху вниз».

Таким образом, экспликация экономики и хозяйства оказываются связанными с логикой понимания общества как системы, с логикой его генезиса, т. е. с логикой социогенетики.

Хозяйство есть система природопользования человека и общества, оно есть форма очеловечивания природы человеком под себя. Как замечает Ю.М. Осипов: «Природа очеловечивается, превращаясь в другую природу — homo-природу» [1, 93]. В основе хозяйствования лежит труд человека. Человек и труд едины. Труд — форма существования самовоспроизведения социальных условий жизни человеком. Труд — социальная субстанция хозяйства как процесса, которая в процессе хозяйствования синтезируется с природой как второй субстанцией,

внешней, природной субстанцией хозяйства, которую труд как свой предмет преобразует в продукт. Но природа (а вернее, ресурсы, которые она поставляет) является не только предметом труда, но и его посредником, опосредующим звеном между человеком и продуктом, особенно в базовых секторах производства, в первую очередь, в сельском хозяйстве. Почва, солнечная энергия, вода предстают как внешние средства сельскохозяйственного производства, участвующие как бы независимо от человека. Здесь человек направляет природные воспроизводственные процессы (и управляет ими) на получение продуктов для питания и производства и таким образом как бы «вводит» их в фундамент «пирамиды» воспроизводственных процессов в системе своего хозяйства.

Возникает вопрос: каковы те методологические и онтологические основания, с позиций которых мы могли бы правильно «развести» содержание категорий экономики и хозяйства? Этими основаниями выступают: Большая логика социоприродной эволюции, первая фаза Глобальной экологической катастрофы, наступившие экономические пределы стихийной, классической истории, экологические пределы системам частной собственности и частного интереса, которые анализировались выше.

Чтобы ответить на вопрос современной истории об императивах выживаемости человечества в XXI в., *экономика как наука должна выйти за свои пределы*. С позиций логики решения экологических проблем и оснований изложенного принимается следующее.

• Обобщенное определение экономики как синонима (социального, общественного) хозяйствования, природопользования. Это согласуется с восемью родами деятельности человека по Л.А. Зеленову («экономическая» — природопользование; «экологическая» — природообережение / природосбережение, «научная» — исследование природы, универсума, их научное познание, «художественная» — познание внешнего мира механизмами искусства, «учительская, или педагогическая» — воспитание и образование молодого поколения, детей, «управленческая» — управление для достижения поставленных целей и удовлетворения потребностей, «медицинская» — здравоохранительная, «физкультурная» (валеологическая) — развитие духовно-физического совершенства, укрепление здоровья) [10] и

с современными постановками по разработке антропоэкономики в России, связанными с построением теории экономики как механизма прогрессивного развития репродуктивного потенциала человеческих популяций и в целом качества населения [2, 31].

• Частное определение экономики как только одной из форм хозяйствования, а именно стоимостной.

Первое определение экономики — основа для понимания экономического бытия человека в его родовом, в том числе и экологическом, социоприродном контексте. Второе, частное определение экономики необходимо для понимания конфликта рыночно-капиталистических и природных основ экономического бытия человека.

Абсолютизация стоимостной в рыночно-капиталистическом варианте, формы экономики, которая характерна не только для экономикса, всей системы западной экономической мысли, но и, например, для такого уважаемого отечественного экономиста, как Ю.М. Осипов, неправомерна. Наряду с рыночной организацией хозяйства действует и плановая, а с позиций системы собственности и распределения — наряду с капиталистической — социалистическая. К. Эклунд [5] прямо разводит эти понятия в виде типологической матрицы (рис. 4).

	Частная собственность	**Коллективная собственность**
Рыночная экономика	**Частный капитал**	**Социалистическая «рыночная» экономика**
Плановая экономика	**Капиталистическая плановая экономика**	**Социалистическая плановая экономика**

Рис. 4

Плановые механизмы вытесняют рыночные, меняя привычные представления о стоимости и деньгах. Происходит системная эволюция в функциях и соответственно в содержании товара, стоимости и денег, на что обращал внимание В.И. Ленин еще в 20-х гг. XX в. Поэтому абсолютизация денежной формы хозяйствования как «частной экономики» не совсем отвечает экономическим реалиям, на что обращал вни-

мание А.В. Чаянов и в настоящее время указывает Т. Шанин [3].

В таких условиях экономическая онтология становится важнейшим пунктом философско-экономической рефлексии. Он обусловлен рядом факторов.

Первый фактор — первая фаза *Глобальной экологической катастрофы* и находящиеся с ней в «резонансе» *глобальные информационная и духовная* катастрофы, которые в своем единстве могут рассматриваться как «измерения» *Глобальной антропологической катастрофы.* Авторы недавно вышедшей в Новосибирске монографии «Проблемы сфинкса XXI века» восклицают: «Сегодня состояние катастрофы становится привычным, но этот принципиальный факт пока не осмыслен ни массовым сознанием, ни наукой, ни практическими политиками…». И далее: *«Этот странный вирус — „катастрофа“* — проникает в растительный и животный мир, и на протяжении практически одного-двух поколений исчезают виды, деформируется генетический аппарат, формировавшийся в течение многих миллионов лет. *Вирус накапливается в репродуктивном и биологическом здоровье человеческих популяций* и проявляется взрывами хронических заболеваний, атаками инфекций, наступлением СПИДа и других необратимых заболеваний инфекционной природы…» (курсив мой. — *А.С.*) [11, 17]. По нашей оценке, *наступили пределы всем прежним механизмам развития человеческой цивилизации, пределы* классической, стихийной истории, пределы современной ее фазе развития в виде рыночно-капиталистичсекой организации жизнеустроения человечества и, следовательно, *основным механизмам мировой экономики*, как они эволюционно сложились к концу XX в. *Глобальный кризис истории с наступившими пределами* прежней исторической парадигме *является одновременно глобальным кризисом мировой экономики человечества.*

Наступили экологические пределы. *Критиком экономического бытия человечества выступила Биосфера, Природа в целом. Языком ее критики стал экологический катастрофизм XX в. (вирус «катастрофы»), который перерос в первую фазу Глобальной экологической катастрофы.* По данным В.П. Казначеева, накопление необратимых изменений в «монолите живого вещества» Биосферы по антропогенным причинам (по причинам «природоразрушительного хозяйствования»)

происходит намного быстрее, чем исследование человечеством этих изменений и соответствующее реагирование на них [2, 31]. В.П. Казначеев назвал это состояние запаздывающей научной рефлексией человечества по поводу производимых катастрофических изменений в «живом веществе» Биосферы (понятие «живого вещества» введено В.И. Вернадским в его учении о ноосфере), в том числе в «живом разумном веществе», которым является человечество, «*интеллектуальной черной дырой*». На ликвидацию этого состояния экологического неведения у человечества осталось, по В.П. Казначееву, 15—20 лет. Срок очень небольшой. Это тоже один из индикаторов антропологической катастрофы. Таким образом, *современное экономическое бытие человечества оказалось экологически неадекватным его природному бытию*. «Естественный экономический человек» англо-американского либерализма (Ф. Хайек, Ф. Милтон и др.) оказался настолько «неестественным» с позиции Природы, что она выступила с его критикой уже на своем, онтологическом, т. е. бытийном, языке. Выдвинутый мною в теоретической системе Неклассической экологии принцип большого эколого-антропного дополнения здесь проявился в негативном контексте. «Экономический человек» в либерально-экономической модели рационального поведения, ориентированного на максимизацию своей прибыли или наживы, оказался экологически несостоятельным, инициирующим прогрессивный процесс экологического разрушения природных основ своего бытия. И.А. Ефремов, отечественный ученый и фантаст, в романе «Лезвие бритвы» пророчески заметил: «Человек сокрушил вокруг себя куда больше прекрасного, чем собрал в музеях и картинных галереях. Самое гнусное, что он пытается подчинить основные законы биологии временным законам рынка» [12, 659]. Американский эколог Б. Коммонер, подводя итог своему исследованию по экологическому глобализму, вынужден признать *экологическую несостоятельность экономического бытия человека на базе системы частной собственности*: «Мы уже знаем, что современная *технология, являющаяся частной собственностью, не может долго прожить, если она не разрушает общественное богатство, от которого зависит, — экосферу*. Следовательно, *экономическая система, основанная преимущественно на частном бизнесе, становится непригодной и неэффективной для того, чтобы распоряжаться этим*

жизненно важным общественным достоянием. Значит, эту систему надо менять [13]. По оценкам В.А. Коптюга, входившего в делегацию от России на Конференции ООН по окружающей среде и устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро) в июне 1992 г., эта конференция вынесла вердикт (который с позиции «онтологии экономики» можно назвать *экономико-онтологическим вердиктом*), состоящий в том, что развивающиеся страны не могут (даже не имеют права) повторить путь капиталистического развития, который прошли развитые страны, потому что природоразрушительная плата этого пути такова, что человечество не сможет в этом «варианте развития» экологически выжить [14]. Фактически Конференция ООН подтвердила диагноз Б. Коммонера, сформулированный вначале 70-х гг.: главное препятствие переходу человечества к устойчивому развитию в XXI в. — система частной собственности и форма хозяйствования на ее основе [14].

Второй фактор — кризис экономической науки. Неадекватность представлений об экономике ее реальной сущности фактически означает неадекватность экономической науки, ее предмета исследования истинному экономическому бытию человечества. В англо-американской версии экономической науки, репрезентируемой экономиксом, эта неадекватность стимулируется субъективной логикой апологетики рыночно-капиталистической формы хозяйствования в либеральной и неолиберальной интерпретациях с «признанием неоспоримого превосходства финансового и торгового капитала в экономическом обороте» (в оценке А.В. Чаянова еще в начале 80-х гг. XX в.) [3, 467]. Уже А.В. Чаянов выступил против *монетарно-либерального фетишизма* в экономической науке, показав, что большая часть сферы аграрного производства, так называемая экономика семейственного хозяйствования, основана не на капиталистических принципах, а на совершенно иных принципах «семейного хозяйства» [3, 467]. Экономикс базируется на антионтологической, феноменологической философии, в рамках которой вопрос о законах, о сущности экономики как определенной формы бытия человека и общества ставится под «запрет», под своеобразное «табу». Философское обоснование такого экономического теоретизирования экономический либерализм находит в «попперизме». В.И. Пефтиев на это обращает внимание, когда ставит вопрос о «векторах перестройки эконо-

мической методологии» [15]. К. Поппер открыто поднимает «либеральное знамя» наступления против экономической онтологии, против законов, с его логическими императивами: «законов нет», «невозможность охвата всех элементов и аспектов целого», «история единична и неповторима», «нет гарантий прогресса, непостижимо познание ее (истории) смысла» [15, 17]. «*Попперовский манифест*» фактически направлен против принципа управляемости социоприродной эволюцией на основе общественного интеллекта, против принципа историзма, против генетического метода познания, против общественного интеллекта, он провозглашает приоритет прагматизма и ситуативности в решении проблем общественных наук, «обожествляет» непредсказуемость человеческой истории и экономической эволюции человечества. Фактически этот «Манифест» есть *своеобразное научное поклонение принципу стихийности истории*, без которого нет либерализма, принципу «не ведаем, что творим», который Гегель назвал «историческим бессознательным». Развитием «попперовского манифеста» стал *«манифест методологического индивидуализма»* Ф.А. фон Хайека, провозвестника феноменологического плюрализма современной неолиберальной экономической науки. «Не злоупотреблять абстракциями — общество, система, капитализм и т. п., а отталкиваться от тех понятий, которые, не увязая в теоретизировании, переходят в поступки. Именно это характеризует методологический индивидуализм, связанный с установкой на субъективный фактор в социальных исследованиях» [16, 37].

Возникает своеобразный *либерально-монетарный, прагматический проективизм*, который оправдывает любое экономическое действие, ведущее к получению прибыли и ее возрастанию. Этот проективизм либерального толка базируется на апологетике стихийности рынка и находит оправдание своему субъективизму в этой стихийности, им же создаваемой. Это есть *стихийно-рыночный проективизм* на основе принципа «исторического бессознательного» (Гегель) человечества: «не ведаем, что творим». А значит, проективизм кажущийся, волюнтаристический, в логике которого либерально-рыночный «прометеизм», ориентированный на природопокорение, неожиданно от «природы» получает «кукиш» в форме первой фазы Глобальной экологической катастрофы. Бегство либеральной

экономической науки от экономической онтологии приводит к тому, что она «разбивает себе голову» об экологические пределы все той же экономической онтологии, которую она, эта либеральная наука, не хочет замечать. Она как тот мифологический древнегреческий герой Антей, будучи «оторванной от Земли», т. е. от онтологии, оказалась бессильной в решении экологической глобалистики, заявившей о себе в конце XX в. как форме неблагополучия в основах общественных наук вообще и экономической науки в частности.

Интересна оценка либерально-экономического проективизма такого видного отечественного экономиста, выстраивающего философию хозяйства, как Ю.М. Осипов. Он этот проективизм называет «менеджеризмом». Следует процитировать это воззрение. «Экономический прагматизм сошелся с научным позитивизмом, мощные производительные силы позволили не просто создать изобилие благ и взглянуть на экономический мир как на мир искусственный, полностью оторванный от человека, почти абсолютно субъективизированный (мое замечание: в соответствии с „методологическим индивидуализмом“ и индивидуальной проективной свободой Хайека. — А.С.). Какие уж тут объективные законы, какая там мировая сущность, какие требования среды, если все вокруг созидается человеком… по его потребностям, по его планам, по его прихотям. Человек — Демиург Мира! Мир — воплощенная человеческая идея! Не кажущийся человеку идеальный мир, как это представлялось субъективному идеалисту прошлого, а творимый по субъективной идее вполне реальный мир. Не субъективация объективного, а объективация субъективного. Не законы управляют человеком и его создают, а человек создает законы и ими управляет. Не экономика управляет человеком, а человек создает экономику и ею управляет. Науко-техико-индустриальный переворот в экономической организации хозяйственной жизни. Триумф экономического менеджеризма. Не надо никаких объяснений, даже экономической поверхности, коль скоро эта поверхность… создается. Надо учить менеджеризму. Но непременно технизированному, взаимодействующему со схемотехникой, техническими анализаторами и синтезаторами, с моделями, думающими и решающими устройствами, с техническими оптимизаторами… *Под потребности — полезности, под полезности-блага. Под спрос — предложение, под*

предложение — производство. Не участие в экономике, а создание экономики. Апогей антропоцентризма и антропогенности (наше замечание: который одновременно предстает экологической катастрофой такой экономики. — *А.С.*)… Классика безнадежно устарела, а экономикс, этот учитель управлять, делать выбор и принимать решение, торжествует» (выделено нами. — *А.С.*) [7, 108, 109]. Еще раз заметим, что этот *проективизм экономикса особенный, это проективизм механизмов частной собственности и частного бизнеса, которые носят стихийно-рыночный характер, разрушающий экоценозы как витальный базис существования человечества.* Это «проективизм неведения», т. е. проективизм на базе принципа «не ведаем, что творим», «проективизм», который направлен против общественного интеллекта, общественных механизмов управления будущим, планирования на уровне общества как целостной системы. Здесь срабатывает либеральное «табу» Хайека с его «кредо»: не надо нам абстрактных категорий «общество», «система», «капитализм».

Следует сделать и еще одно замечание. Ю.М. Осипов критикует (достаточно саркастически «тонко») экономикс изнутри, где-то принимая техногенную логику развития современной экономики как сущностную, повторяя феноменологическую логику «западнолиберальнотеоретической конструкции»: «доиндустриальное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество», не замечая, что «машинность» проективизма экономикса определена не мощью технологий, которые создало человечество в результате НТП (хотя этот фактор и «имеет место»), а «машинностью» социальной Капитал-Мегамашины, капиталорационализацией экономического бытия человечества, приобретающей в конце XX и в начале XXI вв. компьютерно-монетарные формы и глобальный масштаб [17]. Происходит *«монетарная революция»* (в моей оценке, монетаризм М. Фридмана, Ф. Хайека, З. Бжезинского и др. — только философия этой «революции»), которая направлена на монетарную унификацию людей, монетаризацию ценностей человека, обеспечивающих «либеральную экономизацию» человека, превращение человека в «экономическое животное» по производству денег и только денег, денежного капитала, способствующего накоплению «капиталовласти» («власти стоимости», по Ю.М. Осипову) у мировой финансовой ка-

питалократии [17]. Истоки антропологической глобальной катастрофы — в этой капиталистической машинизации бытия человека, носящей антиантропноэкологический характер. Бытие Капитал-Мегамашины, которое экономикс сознательно «прячет» под «маской» экономической феноменологии и «методологического индивидуализма», оказывается в противостоянии с бытием человека и природы. «Антиестественный демарш» Хайека — «естественный человек не вписывается в расширительный порядок», т. е. рыночный порядок, значит его надо видоизменить, превратить в «неестественного человека», который является «естественно-либеральным», реализующем себя как либерально-рационализированное «экономическое животное», макисимизирующее свою частную выгоду, — получает ответный «демарш» со стороны Природы, Биосферы в форме первой фазы Глобальной экологической катастрофы. А это и означает *экологический крах экономической науки на основаниях либерально-рыночной, монетарной рационализации*. Именно в этом пункте проявились мифологичность либеральной версии экономической науки, «превращенность» формы ее существования.

Однако эколого-онтологический кризис касается не только экономического либерализма, но и других парадигм научной организации экономического знания, включая марксистскую научно-экономическую школу. Эколого-онтологический кризис переживает весь целостный блок экономической науки, построенный на основе «экономического детерминизма» и «экономического материализма».

Развернувшаяся дискуссия отечественных ученых-экономистов в МГУ в 1996 г. показала широкий спектр оценок и мнений, отражающий в своей поляризации глубокий раскол в «пространстве ценностей» ученых-экономистов, которые программируют их оценки и ответы на вопрос «Что с нами происходит?». Приведу ряд оценок, демонстрирующих этот раскол, опираясь на материалы докладов и выступлений в этой дискуссии [4]. И.Е. Рудакова (МГУ) четко занимает феноменологические позиции экономического либерализма: «Один миф, который, на мой взгляд, прямо-таки зловреден, ибо он препятствует движению вперед, состоит в утверждении, что истинное научное знание, истинная наука, истинная теория — это мир сущностей. Все, что связано с отношениями людей, с принятием ре-

шений, с выражением информации об их поведении через цены — это вульгарная поверхность (мое замечание: «камень» в «огород» К. Маркса, введшего понятие вульгарной политической экономии. — *А.С.*). Я думаю, что этот миф должен быть отвергнут. И до тех пор, пока мы не поймем, что поведение людей, их предпочтения, их экономический выбор, задачи, которые они ставят лично перед собой, являются-таки предметом экономической науки, до тех пор мы не создадим научную концепцию, которая лежит в основном потоке цивилизационного современного научного знания» [4, 62—64]. Кто же против феноменологического теоретического дискурса, против прагматизма? Никто. Вопрос стоит о преодолении границ абсолютизации либерально-феноменологического подхода, используемого в «манифестах» Поппера и Хайека и повторяемого И.Е. Рудаковой. Полярную позицию занимает С.П. Макаров (МГУ). «Идет оскудение природы, мир перенаселен, растет потребительство, имеет место растрата ресурсов… И поскольку мир разделен и, к сожалению, антагонистичен, а не солидарен, то экономическая теория, отражая реальность, будет давать разные по жизненным ориентациям ответы. Единства потока экономической мысли пока быть не может. *…западная экономическая наука, представленная экономиксом, не избегает политичности и идеологичности и сориентирована на ценности западной цивилизации*. Она будет развиваться по пути индустриального общества, по пути компьютеризации, не изменяя коммерческой сути западной цивилизации. Хочешь не хочешь, а попадешь на роль защитника „цивилизации золотого миллиарда» [4, 62]. И далее С.П. Макаров указывает на то, что «впереди борьба цивилизаций» и что другим цивилизациям необходимо создавать свои экономические теории, опирающиеся на «традиционную компоненту» и «коллективизм» и противостоящие западному эгоцентричному «индивидуализму». Р.М. Нижегордцев прямо указывает на «онтологические причины» кризиса современной экономической науки. «*Современная экономическая мысль оказалась неспособной адекватно отреагировать на быстрые изменения общественного бытия*, продиктованные логикой переходного периода, переживаемого сегодня человечеством» (курсив мой. — *А.С.*). Р.М. Нижегородцев указывает на несостоятельность теоретических основ экономической науки по отношению к социальному

запросу на долгосрочное прогнозирование развития глобальных проблем человечества, которые хотя и имеют экономическую составляющую, играющую важную роль, но требуют адекватного языка, которым не обладает современная экономическая наука [4, 338, 339]. Онтологическая критика природы основ общественных наук в форме первой фазы Глобальной экологической катастрофы требует ответа философии и науки через развитие рефлексии над онтологией человека и общества, в том числе над онтологией экономики и хозяйства.

Третий фактор — Глобальная социалистическая цивилизационная революция, первая волна которой определила вектор общественной истории, в том числе экономической истории XX в. Появление и развитие реального социализма в XX в. в результате социалистической революции 1917 г. в России-СССР, затем в странах Восточной Европы, в Китае, во Вьетнаме, на Кубе, социалистического капитализма в Швеции и Японии и т. д., быстрое развитие плановых механизмовне только в экономических системах с доминантой общественной, государственной собственности, но и в экономических системах с доминантой частной собственности в США, Японии, Германии и т. д., — входят в содержание *первой волны Глобальной социалистической цивилизационной революции.*

Социализм XX в. появляется как диалектическое отрицание рыночно-капиталистической формы хозяйствования во *внутренней логике социального развития* (ВЛСР). Глобальная социалистическая цивилизационная революция — новое понятие, введенное мною. Она есть процесс смены качеств бытия человеческой цивилизации, переход от цивилизации на базе доминирования системы частной собственности и частного хозяйства к цивилизации на базе доминирования системы общественный и кооперативной форм собственности и кооперативно-общественных, государственных форм хозяйствования.

Социализм-коммунизм как учение и как общественный идеал исторически возник давно, по крайней мере, одновременно с капитализмом, начиная с античного капитализма. Христианство зародилось как своеобразное христианско-коммунистическое учение, базирующееся на «коммунизме любви» Иисуса Христа. По свидетельству К. Клуге, американский философ А. Ранд прямо формулирует тождество: эгоизм = капитализму, альтруизм = коммунизму, при этом «…Айн Ранд

подчеркнуто указывает на коммунизм Христа, а не Маркса и его последователей» [18, 60]. С.Н. Булгаков формирует целую систему теоретических взглядов на *христианский социализм* [19], в котором он видит «способ практического сосуществования любви и солидарности», считает, что «истинное христианство необходимо приводит к социализму». В своеобразном своем учении о христианском социализме С.Н. Булгаков поднимает вопрос о примате духовности, о самоограничении человека в материальных потребностях, которые особенно доминируют в православии. Христианский социализм, по С.Н. Булгакову, — это духовный социализм, который, в моей оценке, снова востребован в XXI в. Большой логикой социоприродной эволюции (БЛСЭ), императивом выхода человечества из первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Глобальная цивилизационная социалистическая революция, зародившись в России, явилась своеобразным ответом общинного Востока на наступление рыночно-капиталистического Запада. Она несет в себе «гены» глобальной социальной бифуркации, связанные со становлением управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Россия как синтез Востока и Запада наиболее чувствительна к этой логике. Поэтому здесь и приобрели реальность такие конфликтные формы противоречия между общинными тенденциями Востока и индивидуалистическими, буржуазными тенденциями Запада. Общинный, цивилизационный социализм как определенный неразвернувшийся цивилизационный «системогенотип» сохраняется в основаниях общинных цивилизаций Востока. Отметим, что С.Н. Трубецкой в статье «Разочарованный славянофил» прямо вводит понятие «общинный социализм русского народа» [20, 128]. Именно этим обусловлено, что, несмотря на определенный «откат» первой волны Глобальной социалистической цивилизационной революции в 90-х гг. XX в., по моему прогнозу, следует ожидать «прилива» новой, второй, волны этой революции в начале XXI в. с одновременной сменой доминант в содержании социализма: от доминанты экономического материализма к доминанте духовного, ноосферного социализма с приматом идеальной детерминации через общественный интеллект над стихийной, «материальной» детерминацией. Причем последняя детерминация не исчезает, она только

соподчиняется идеальной детерминации на основе растущей социально-экономической кооперации, роли механизмов общественного интеллекта и социального института образования [17].

Китай не только сохранил основания социалистической экономики в отличие от России, но и успешно ее развивает как альтернативу рыночно-капиталистической форме организации хозяйства на базе частной собственности. Прирост валового национального продукта в Китае составляет от 10 до 20%. По прогнозу, к 2010 г. он должен по объему ВНП обогнать США и заменить СССР в противостоянии гегемонизму США.

По данным Е.К. Лигачева и Е.И. Копышева, недавно побывавших в Китайской Народной Республике (КНР), Китай уже вышел на первое место в мире по производству зерновых, хлопка, мяса, угля, стали, цемента, тканей, телевизоров. В 1999 г. выплавка стали достигла 124 млн т, добыча нефти — 160 млн т, угля — 1 млрд т., выработка электроэнергии — 1,24 трлн кВт.ч. За минувшие 20 лет валовая продукция сельского хозяйства увеличивалась ежегодно на 6% в год. Иными словами, в Китае планово-рыночная социалистическая экономика при доминанте общественной (государственной) собственности (75%) демонстрирует по темпам развития самую высокую эффективность в мире [22, 3, 4]. На фоне краха неолиберальных экономических реформ на базе монетарной «экономиксовой» модели в России экономические успехи в Китае на путях социализма ставят перед отечественной теоретической экономической мыслью «суровый» тест, требующий ответа без лукавства и ухода в тень.

Усиливающееся противостояние социалистической и капиталистической систем хозяйства и экономических систем в целом на фоне изложенного выше своеобразного *онтолого-экономического вердикта на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) о невозможности для развивающихся стран повторить «путь развития» развитых капиталистических стран снова активизирует вопрос об экономической онтологии.*

Четвертый фактор — сама экономическая катастрофа в России, отразившая неадекватность стратегии неолиберальных экономических реформ и почти тотальной приватизации общественной собственности в России за последние 10 лет (со-

отношение частной и государственной форм собственности — 85 и 15%). Здесь мы *встречаемся со своеобразным диалектическим отрицанием рыночно-капиталистической реставрации общинно-социалистической логикой развития России как уникальной евразийской цивилизации с «большим пространством-временем» и собственными экономическими законами развития* [21, 44]. Этот фактор формирует своеобразный российский социальный заказ экономической мысли отечественных ученых, взыскующий к ее обращенности к онтологии экономики и хозяйства.

Затронутые вопросы философии экономики и хозяйства не исчерпывают всех методологических проблем в этой области. К важным методологическим моментам становления философии экономики и хозяйства относится; универсальныйэволюционизм, базирующийся на симметрии — асимметрии законов конкуренции и кооперации, механизмов отбора и интеллекта, на синтезе дарвиновской, кропоткинской и берговской парадигм эволюции [5; 6]; концепция закона роста идеальной детерминации через общественный интеллект в истории человечества, определяющего ускоряющийся сдвиг от доминанты закона конкуренции к доминанте закона кооперации, т. е. переход от конкурентной истории экономики и хозяйства к кооперационной истории экономики и хозяйства; принцип эколого-антропного дополнения, трансформирующийся в принцип эколого-экономического дополнения (экономики и хозяйства уже не могут адекватно функционировать без включения в свои внутренние механизмы экологических ограничений, требующих отказа человечества от ценностей частной собственности и примата рыночного регулирования).

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. М., 1990.
2. *Казначеев В.П.* Здоровье нации. Просвещение. Образование. М.; Кострома, 1996.
3. Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.
4. Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1995.

5. *Эклунд К.* Эффективная экономика. Шведская модель. М., 1991.
6. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.
7. *Осипов Ю.М.* Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. М., 1989.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993.
10. *Зеленов Л.А.* Методология человековедения. Н. Новгород, 1991.
11. *Казначеев В.П., Поляков Я.В., Акулов А.И., Мингазов И.Ф.* Проблема сфинкса XXI века. Выживание населения России. Новосибирск, 2000.
12. *Ефремов И.* Лезвие бритвы. М., 1988.
13. *Коммонер Б.* Замыкающийся круг. Л., 1974.
14. *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г. // Информационный обзор. Новосибирск, 1992.
15. *Пефтиев В.И.* Векторы перестройки в экономической методологии // Проблемы новой политической экономии (Кострома, КГУ). 2000. №1.
16. *Хайек Ф.А.* Познание, конкуренция и свобода / Под ред. Д. Антисери, Л. Инфантино. СПб., 1999.
17. *Субетто А.И.* Капиталократия (философско-экономические очерки). СПб., 2000.
18. *Клуге К.* Коммунизм Христа. М., 1992.
19. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
20. *Леонтьев К.Н.*: Pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995.
21. *Субетто А.И.* Противоречие экономического развития России и стратегия выхода из исторического тупика. СПб.; Кострома; Луга, 2000.
22. *Лигачев Е., Копышев Е.* Образ Китая через десятилетия // Советская Россия. 2000. 3 февр.

А.А. ПОГРЕБНЯК

О тематическом горизонте современной философии хозяйства (Философия хозяйства. 2002. № 5)

Очевидно, что философия хозяйства в качестве самостоятельной дисциплины представляет собой специфический регионально-онтологический проект. Это значит, что она связывает себя с вопросом об основаниях хозяйства как определенного рода сущего — а это влечет за собой нелегкое дело выяснения, насколько укоренены те или иные из характеристических особенностей такого рода сущего в бытии сущего как такового. Нелегкое, поскольку очевидность и самоданность конкретных хозяйственных феноменов должны быть осмыслены в контексте чего-то отнюдь не очевидного с точки зрения «здравого смысла», на апеллировании к которому во многом основывает себя современная «позитивная» экономическая наука. Итак, философия хозяйства хочет разомкнуть самоочевидное бытие экономики, представить его не как понятно ради каких целей существующий механизм, но как некое тематическое пространство, способное вобрать в свой горизонт и в нем как-то преобразить (усовершенствовать? извратить? уничтожить?) все феномены без исключения — реальные и воображаемые, хозяйственные и нехозяйственные, человеческие и нечеловеческие. Богатство и капитал; эффективность и справедливость; деньги, прибыль, рента, процент и т. п. — какой свет они могут пролить и какую тень отбросить вот на эти вот мир, камень, растение, человека, Бога? — Вопрос, как следует попытаться показать, не праздный и не риторический, но насущный и вполне конкретный.

Основное препятствие на пути к философии хозяйства. «Философия хозяйства есть, но ее как бы и нет» (Ю.М. Осипов [1, 15]), — к этому хотелось бы добавить: «…потому что экономисты не могут, а философы не хотят, и исключения здесь только подтверждают правило». Дело же, кажется, вот в чем.

Экономисты ощущают необходимость философского осмысления своего предмета, но сталкиваются при этом с решительной неполнотой своих знаний в области современной философии, так что их собственные построения в лучшем случае имеют характер неожиданных прорывов в область проблем, традиционно не затрагиваемых экономической наукой, в худ-

шем же — псевдофилософские обобщения и систематизации. Даже «Философия хозяйства» С. Булгакова важна сегодня скорее своим почином, нежели реальными «достижениями»: узкие рамки шеллингианской «философии тождества» (раскритикованной уже Гегелем) не столько обеспечили развитие совершенно правильно заявленного вопроса, сколько выхолостили его потенциал в чрезмерном обилии пафоса, маскирующего многочисленные тавтологии и абстракции — в этом, несмотря на всю историческую значимость для отечественной мысли булгаковского труда, сегодня необходимо отдавать себе отчет, дабы новейшая философия хозяйства не устарела раньше, чем появилась на свет. Что же касается философов, то они в нашей стране сегодня испытывают едва ли не отвращение к экономической проблематике, причиной чего, по всей видимости, является совсем еще недавняя общеобязательность политэкономического контекста; что же касается их представлений о современной экономике, то они, как правило, так же рудиментарны, как и представления экономистов о современной философии[1] — досадная симметрия! Итак, экономисты не могут выстроить философию своего предмета имманентными силами своей науки, философы же не хотят прослеживать судьбу духа в этой набившей оскомину сфере[2] (благо, полагают они, теперь у них появился выбор; задаться бы вопросом, не иллюзорен ли он?).

Едва ли, однако, без освоения наработок таких школ и течений современной философии, как феноменология, философия жизни, философия языка, экзистенциализм, структурализм, постструктурализм, герменевтика, деконструктивизм, неопрагматизм — этот список можно продолжить, — возможная метафизика хозяйства в наши дни мыслима в качестве действитель-

[1] Даже такой культовый французский мыслитель, как Ж. Бодрийяр, похоже, считает достаточным для своих философско-экономических размышлений более или менее обстоятельное ознакомление с работами Маркса, дополненное некоторой информированностью на предмет наиболее ярких «симптомов» современной ситуации в мировой экономике, представляющих набор общих мест из корпуса работ по «глобалистике», «футуристике» и т. п.

[2] Хотелось бы надеяться, что замечательное эссе К.В. Сорвина «Проблема аксиоматики экономической науки» [2, 153—211] является хоть и редким, но все же не единственным примером исследований в данной области.

ной науки. Что необходимо принять в расчет с самых первых шагов — уже на этапе определения предмета этой дисциплины.

Специфика философии хозяйства как именно философии. Философия не анализирует некий предмет, но пытается проследить судьбу мысли, тем или иным предметом захваченной. Каким образом мышление связывает себя именно с этим предметом, а не с другим; каким образом частица реальности, которой является любой конкретный предмет, может приобрести характер целого; наконец, какие последствия для мышления может возыметь утрата, сведение к небытию данного конкретного предмета, — вот что заботит философию. Иначе говоря, надо понять, как возможны событие мысли (встреча с предметом), зачарованность мысли (преданность предмету), чистота мысли (свобода от предмета) — или в форме парадокса: как нечто может мыслиться в качестве чего-то необходимого, если оно (именно потому, что носит предметный характер — determinatio est negatio) не является бесконечным?

Философия хозяйства, если она вообще возможна, должна начинать с попытки проинтерпретировать бытие своего предмета в свете именно такой вот проблематики. Это значит, что должно прикинуть, при каком взгляде на мир феномены хозяйственной сферы покажут, каковы они в своей сущности.

Предметное поле философии хозяйства. Если у философии и есть свой собственный «предмет», то это — мир как таковой. Но мир не какая-то вещь, он не находится «где-то», но, несмотря на это, пронизывает каждую вещь: он есть способность всего и вся не совпадать с собой в своем бытии, трансцендировать собственные пределы, быть иным в отношении самого себя. Будучи невыносимым в своей трансцендентности, мир всегда принимает некий вид, и то, что тот или иной образ мира представляется нам единственно возможным, говорит, что в этих образах присутствует истина; но чтобы эту истину увидеть, необходимо найти и тот контекст, в котором данный образ является всего лишь маской, нечто необходимо утаивающей.

Хозяйство, таким образом, должно быть понято как некая реальность, которая силами своей внутренней определенности формирует возможный образ мира. Мир, увиденный через призму хозяйствования, имеет смысл называть экономикой; экономика, стало быть, — один из возможных способов опред-

мечивания мира[3]. Можно задаться вопросом: каким содержанием наполняется смысловое целое этого мира-как-экономики?

Во-первых, исходно смысл данного феномена задается собственной сущностью хозяйства как фактического условия нашего бытия-в-мире; последняя может быть отражена следующим определением: «Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть то, что — в самом широком и предварительном смысле слова — может быть названо хозяйством» [3, 84].

Во-вторых, хозяйству как подобного рода бытийному условию соответствует некий идеал, призванный отразить сам принцип хозяйственности в его чистоте; этот идеал можно связать с понятием экономии. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля читаем следующее об экономии: «…скромная жизнь, сберегающая что можно из доходов», противоположностью чего будут «трата, расточительность, неразсчетливость» [4, 663]. Если философски истолковать данное понятие, то его смысл сведется прежде всего к необходимости соизмерения сил, выбора наиболее эффективной стратегии обустройства в мире, вне зависимости от того, что мыслится в качестве критерия эффективности.

В-третьих, благодаря тому что принцип экономии сообщает хозяйству свойство умопостигаемости, моделируемости, вырабатывается специальный познавательный механизм — экономическая теория, рано или поздно отливающаяся в отдельную науку. Каноническое («мэйнстримовское») определение последней гласит: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения

[3] Мир не есть хозяйство, как и вообще не есть что-либо, поскольку всякое «есть» уже предполагает мир. В этом смысле хозяйство — это позиция в мире, способ отношения к вещам. Однако если хозяйство каким-то образом превращается в точку зрения на мир, то и мир в свете этой к себе претензии во что-то превращается; это «что-то» и есть экономика (вот почему, как мы обыкновенно полагаем, у пчел или муравьев, например, есть хозяйство, но нет экономики). С.Н. Булгаков очень точно охарактеризовал результат этого превращения как «экономизм», т. е. переживание «мира как хозяйства» [3, 54].

между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [5, 18][4].

В результате предметное поле философии хозяйства определяется пересечением следующих смысловых векторов:

- истолкования жизни (в пределе — бытия) как основополагающей ценности;
- истолкования природы (понятой здесь как инобытие) как чуждой силы (у Булгакова: «хозяйство есть функция смерти» [3, 86]);
- истолкования мира, действительности через раскол, изъян, дисгармонию;
- выделения деятельностного, овладевающего, восполнительного аспекта как доминирующего с точки зрения фактических условий бытия-в-мире;
- противопоставления сберегания и растрат как адекватной и неадекватной характеру бытия-в-мире стратегических установок сознания;
- изначальной интуиции возможности и принципиальной уверенности в необходимости методического согласования целей и средств, связанных друг с другом отношением дефицита.

Итак, предварительная аналитика феномена хозяйства обнаруживает в качестве интенциональных коррелятов следующие феномены: дефицит, ценность, труд, технология и целый ряд других. Хозяйство охватывает собой регион сущего, сущностью которого выступает его принципиальная неполнота, лишенность. Своего предельного воплощения хозяйство достигает, став экономикой: если хозяйство есть только функция случающегося в мире дефицита, т. е. чего-то внешнего, то экономика означает рассмотрение мира, всех его связей, исходя из дефицитарности как основополагающего принципа.

---

[4] Очевидно, что вырисовывается тенденция к сближению определения хозяйства с картиной мира как такового, экономии — с рациональностью как таковой, исходных посылок экономической науки — с аксиомами социогуманитарного познания вообще; и все же притязания философии хозяйства носят прямо противоположный характер в отношении базовой интенции так называемого «экономического империализма». В пределе задача может быть сформулирована так: найти контекст, в котором бытие-в-мире не есть экономика.

Стало быть, хозяйство в аспекте своего самостояния, или «экономика», — нечто антиномическое: неполнота должна преодолеваться (как именно неполнота) и в то же время сохраняться (как собственно сущность). И в самом деле, говоря о дефиците, мы должны различать «дефицит с точки зрения бытия» и «дефицит с точки зрения становления». В первом случае дефицит лишь окказионально относится к существующему определению сущего и потому в строгом смысле является дефицитом лишь в контексте второго случая, где он становится необходимым условием для обретения чем-либо, а скорее, созидания кем-либо, собственной сущности. «Инстинкт — это глас Божий», — заметил однажды Кант [6, 74], имея в виду нетематизируемость какой бы то ни было лишенности с точки зрения гипотетического бесконечного интеллекта. Нехватка жизненных средств, которую испытывает живое существо, лишь сообщает ему как живущему полноту бытия, поскольку оно абсолютно точно знает предмет своей потребности. Но экономике нет места в мире абсолютного знания, поскольку та во многом самоценная скрупулезность расчетов, которая добрососедствует в ней с безудержной расточительностью, та чистейшая умозрительность общего равновесия и полнейшая условность и сиюминутность «эквиваленций», то, наконец, с философской точки зрения столь многозначительное допущение об экзогенности предпочтений показывают, что все многообразие умело производимых экономикой благ — это лишь знаки неоднозначности ее самой, как и того сущего, точку зрения которого она скорее полноценно представляет, чем всего лишь обслуживает. Стало быть, философия хозяйства должна прежде всего отдавать себе отчет, сколь роковые последствия влечет за собой существование ее предметной сферы для бытия сущего в целом — или: экономика, продуманная до глубин своих, ставит под вопрос бытие как почву под ногами, а мышление — как способность находить окончательные ответы на «последние» вопросы.

Конечно, можно было бы «закрыть» проблему утверждением типа того, что субъектом хозяйства является человек, а «быть человеком это, по крайней мере, не располагать никакой сущностью» [7, 151]. Но понятно, что проблема здесь, напротив, еще только начинает проступать во всем своем объеме. Ведь человек в экономике не просто методично, не чисто авто-

матически удовлетворяет какие-то заданные потребности, включая и такие, как потребность в делании дела (чем можно было бы объяснить «тягу к экономии») и потребность в чем-то новом (чем можно было бы объяснить неудовлетворенность всяким «текущим» потреблением, каким бы ни была его качественная и количественная определенность) — он еще и совершенно помимо своей воли смотрит на весь этот свой образ действий как бы со стороны, определяя его как экономику, понимая его как только сторону «дела», ракурс «бытия», как если бы он был свободен непредвзято взглянуть и с другой стороны, поместить мир в иной ракурс… не тут-то было: везде и повсюду экономика легко умеет утвердить себя как единственно доступный из возможных взглядов на мир.

И эту зачарованность экономикой нельзя не принимать к сведению, пытаясь ответить на вопрос: с какого момента хозяйство перестает играть только подчиненную роль «материально-технического обеспечения» бытия-в-мире и берет на себя задачу сущностного определения всей мыслимой специфики последнего?

С чего начинать философское осмысление хозяйственной сферы? Сама постановка вопроса понуждает к развертыванию многих планов проблематизации хозяйства (онтологического, гносеологического, морально-этического, теолого-эсхатологического, историософского и т. д.). Каждый из них имеет задачей выявить те условия, которые делают допустимым присутствие в бытии и мышлении сущего, относящегося к хозяйственной сфере, как она нам известна «сама из себя» — условия, которые одновременно являются и последствиями, поскольку лишь на уровне абстракции мы можем говорить о «чистых», до- и внеэкономических способах быть и мыслить. Или: привычному для нас образу хозяйства, пусть самим собою разумеющемуся на «техническом» уровне (речь идет о тех предпосылках, из которых исходит экономический анализ), но едва ли очевидному на уровне «метафизическом» (где эти предпосылки принимают характер неких специальных допущений), требуется для обоснования своего присутствия в бытии наличие некоего специфического контекста; черты последнего не входят в состав содержащегося в хозяйственном опыте, но должны быть предположены как нечто априорное. Эти априори

складываются в своего рода «цену» присутствия хозяйственной сферы в мире и в то же время образуют залог его возможной осмысленности.

Исходным же, по всей видимости, следует полагать мифопоэтический план, в рамках которого подлежит осмыслению проблема первоначала мира-как-экономики. Именно в аспекте вопроса об «архэ» экономики как феномена, абсолютизирующего самую сущность хозяйства, философское осмысление последнего получает возможность наметить свой тематический горизонт.

Отчего, однако, речь идет о мифопоэтике[5]? Оттого, что, во-первых, здесь нельзя удовлетвориться «логическим» решением, поскольку нас интересует не процедура подведения феномена экономики под понятие начала вообще, но исток собственной специфики «экономического». А во-вторых, не срабатывает и «исторический» заход, пытающийся объяснить возникновение экономического взгляда на мир стечением неких известных нам «предшествующих» обстоятельств — последние, конечно, могут помочь в прояснении природы тех или иных нюансов хозяйственной жизни, но никогда не послужат достаточным основанием для формирования искомой сущности явления. Скорее, речь тут должна идти о генеалогическом разыскании — в том смысле, в каком его понимали Ф. Ницше и М. Фуко: в смысле искусства находить в истоках истории нечто такое, что ставило бы под вопрос ее гарантированную осмысленность и непреложную идентичность, упраздняло бы иллюзию о первоначале как о том, что поставляет себя исключительно в аспекте единства, выявляло бы его себе неравный, разо-

[5] Под мифом понимается отнюдь не плод измышлений разума, неспособного «рационально» объяснить какие-то жизненно важные для его «носителя» явления; точно так же и под поэтикой подразумевается не свод правил, лежащих в основе практики создания литературного произведения. Говоря о мифопоэтике, мы используем смысл данных понятий расширительно, а именно: мифопоэтика обозначает практику обнаружения того изначального контекста, в рамках которого какое-либо конкретное явление было подвергнуто объективации, концептуализации, рационализации и т. п. Понятно, что это обнаружение есть археология крайне специфического толка: она должна апеллировать к опыту переживания мира в полноте его жизненных взаимосвязей, до привычного нам расчленения на «опыты» науки, искусства, повседневной жизни, морали, политики, религии и т. п.

рванный, уводящий за пределы «очевидного» характер [8, 103—121]. И если уж трактовать о времени этого начала, то не как о каком-то моменте в уже данной хронологии, но как о времени «осевом» (К. Ясперс), восходящем к некоему абсолютному по значимости событию, вполне не вписывающемуся ни в какую летопись, но, напротив, учреждающему принцип хронологии как таковой (ситуация, внутри которой только и возможно говорить о «до» и «после»). Вот почему вопрос о первоначале должен влечь за собой не указание на причину, но прояснение ситуации, в рамках которой могло бы быть представлено предельное воплощение всегда уже данной сущности — воплощение, имеющее поистине космические (а это значит, что и метанаучные) масштабы. Мифопоэтика, стало быть, есть не какое-то «неразвитое» знание, но способ увидеть принципиальную недоразвитость, онтологическую конечность нашей собственной картины мира, на границах которой уже невозможно отторгнуть физику от лирики, сон от яви[6].

Ясно, что добытое на этих путях знание будет лишь одной из возможных «вариаций на тему», темой же — некий предельный случай пронизывания тела мира токами дефицитарности. В качестве материала для примерной разработки данной темы имеет смысл привлечь один из тех ключевых сюжетов «одиссеи духа», к которым приходится обращаться за разъяснениями всякий раз, как только встает вопрос о сущности современной ситуации.

Это будут пресловутые «Афины и Иерусалим», символизирующие столкновение двух канонов мировидения — первый наиболее полно представлен греческой трагедией, второй — ветхозаветной пророческой мудростью. Во многом, а, быть может, в главном, мы — эхо этого столкновения. Что нашему духу может быть привычней диалектики судьбы и спасения? В трагедии неизбывная дефицитарность, свойственная человеческо-

[6] Ср. рассуждения о «начале истории» в работе М. Хайдеггера «Введение в метафизику», где, в частности, говорится: «Необъяснимость этого начала не есть недостаток или несостоятельность нашего познания истории. В понимании тайного характера этого начала лежит, напротив того, надежность и величие исторического познания. Знание первобытной истории не есть откапывание примитивного и собирание костей. Оно не есть ни половинчатое, ни целое естествознание, и если оно вообще что-то и есть, то — мифология» [9, 232].

му бытию, явлена все же не как изъян в теле прекрасного космоса, но как закономерная, хотя и с трудом предсказуемая участь — нечто, хотя и ужасное, но тем не менее само по себе достойное быть; с точки же зрения мессианских упований пророков, какая-либо дефицитарность мыслима единственно как нечто от начала и до конца компенсируемое (такая компенсация стала возможной в силу той принципиальной трансцендентности Бога, которой отнюдь не ведали греки, но которая сама собой разумелась для иудеев). Христианство, обыкновенно трактуемое как синтез двух мировоззрений, вобрало в себя всю парадоксальность единения этих парадигм — и то, что мы называем «современной западной цивилизацией», есть некий конечный продукт, в котором эта парадоксальность донельзя выпячивается и делается ослепительно зримой. — Этот конспект столь многократно переписан, что в нем мало что уже можно различить, кроме самых общих мест, но где еще нам искать масштаб для измерения действительного размаха того обстояния дел, по большей части поверхностную симптоматику которого мы не устаем считывать[7]?

«Экономизм» — один из наиболее «примерных» симптомов. Вот лишь несколько из ряда контрастных моментов, которые включает в себя дух экономики: авантюризм и тяга к приключениям сочетаются с тонким расчетом и «диверсификацией активов», трудовая аскеза и воздержание в потреблении оказываются совозможны безудержной жажде наживы, материализм и культ посюстороннего, достигая тотальности, производят на свет некую «секуляризированную мистику». Да и сам «экономический человек», каковым по преимуществу оказывается человек современный (возможные протесты против такого отождествления лишь подтверждают верность диагноза) — разве его поведение не основано на изумительной способности извлекать выгоду из «неэквивалентности» человеческой природы природе вещей [8]?

---

[7] Философии хозяйства предстоит показать, в частности, что марксовский, веберовский, зомбартовский, броделевский и т. п. анализы социально-исторических предпосылок капитализма осуществляются внутри этой экономики-как-вселенской-драмы, позволяя нам лишь догадываться о подлинных границах той сцены, на которой она разыгрывается.

[8] Наилучшим тому подтверждением является теория «предпринимательского элемента» И. Кирцнера. Напомним, что сущность предпринимательской спо-

Дабы перейти от вопросов к ответам, следует несколько конкретизировать набросанный план проблематизации. В мировоззрении греков, как оно раскрывает себя нам, до предела заостряется тема неподконтрольности, неподвластности единичного сущего в его содержательной полноте тем всеобщим порядкам бытия и мышления, что выступают под именами Единого, Логоса, Идеи — здесь можно вспомнить хотя бы озабоченность Платона проблемой безэйдосного существования [11, 130]. Апогея данная тема достигает в понимании страсти как способа бытия трагического героя — можно предположить, что знаменитый «катарсис» вовсе не редуцирует роль «пафоса» только к негативному свидетельствованию о присутствии всеобщего, но в первую очередь позитивно увековечивает его как собственный способ бытия смертного существа, явленный в своей чистоте (вспомним исход трагедии Эсхила «Семеро против Фив»: одна из сестер внемлет зову кровного родства, другая повинуется голосу социальной добродетели, — и все происходит без какого-либо «вышестоящего» указания на разумный выбор или возможность «равновесия»).

Но если у греков указание на умозрительный строй всеобщего зачастую был способом говорить о собственной природе отдельных вещей, то у христианских мыслителей акцент существенно изменен: все то, что в отдельных вещах принадлежит будто бы им самим, толкуется как решительная неполнота, как примесь небытия — а значит, как запечатленная потребность в обращении к абсолюту, поскольку эта врожденная ущербность является залогом неминуемой гибели. Идеальным назначением духовной культуры становится выработка технологии спасения; стоит только прислушаться к тону рассуждений Блаженного Августина о воскрешении каждой твари во плоти, каковому не могут помешать даже имевшие в истории место случаи употребления в пищу человеческих трупов: «По-

собности этот экономист видит в умении индивида оценивать фактическую ситуацию распределения ресурсов с точки зрения ее несовершенств, существующих для участников рынка; умение же эти несовершенства отслеживать и интерпретировать в качестве возможностей для извлечения всевозможных выгод трактуется как очевидное преимущество, дающее право на присвоение прибыли [10, 30—87]. Таким образом, понятие «предпринимательского элемента» базируется на интерпретации онтологической слабости («конечности») человека в качестве залога его специфической силы.

этому и плоть та будет возвращена тому же человеку, чью человеческую плоть она составляла первоначально. От того другого она должна быть отобрана, ибо она как бы взята им взаем как чужой капитал, и должна быть возвращена тому, у кого занята. В свою очередь, и тому человеку, которого истощил голод, возвращена будет его собственная плоть Тем, Кто силен собрать и испарившееся в воздух. Хотя бы она и всячески погибла, и ни одной частички ее не сберегло ни в каких тайниках природы, Всемогущий восстановит ее, откуда восхочет» [12, 553]. — Разве апостольское «и волос с головы вашей не пропадет» не принимается здесь как задание в экономическом смысле слова (о чем свидетельствует употребление столь характерных метафор)?

Разумеется, тезис о состоявшемся в истории западной культуры вытеснении трагического мироощущения античности традицией христианского благовестия, равно как и о последовавшей затем трансформации последней в секуляризированную рационалистическую цивилизацию (одним из симптомов которого и выступает «экономизм»), является, как уже было сказано, своего рода общим местом. И все же к нему еще раз надо привлечь внимание, чтобы одно крайне важное обстоятельство не оказалось упущенным из виду.

Совершенно неслучайно только что был употреблен термин «вытеснение», подчеркивающий как бы радикальную несовместимость двух принципов мировидения — античного и «модерного».

Так, ведущий герменевт современности Х.-Г. Гадамер в ходе разбора примера трагического сделал вывод, что «нет трагедии там, где грех и расплата соответствуют друг другу, как бы справедливо отмериваются, где нравственный счет вины сходится без остатка», в силу чего «идея христианской трагедии ставится под вопрос, так как в свете истории божественного спасения человеческая судьба уже не определяется направляющими величинами счастья и несчастья» [13, 177—178]; а В. Гигерич, мыслитель куда более радикального толка, полагает, что христианство «онтологически основало земную твердь вместо прежней зыбкой почвы с ее бездонными глубинами», тем самым превратив мир в стартовую площадку, а человечеству — сообщив статус «аудитории, на которую рассчитывается попадание, как рассчитывается траектория в баллисти-

ке» [14, 231—232] (и, можно добавить, оптимальный сбыт — в экономике)[9].

Однако возникает вопрос о том, чем на деле является само это радикальное различие двух парадигм — ведь оно, это различие, пролегает внутри истории нас самих, сюжетно наполняя ее ход. Стоит ли относится к этому «или—или» так, как если бы речь шла о двух совершенно друг друга исключающих возможностях, существующих в какой-то внешней нам сфере, или же речь должна идти о том, что мы сами и есть не что иное как эта драма противоречия, каждый акт которой являет собой ситуацию доминирования то одной, то другой бытийной установки — ситуацию, ни одно разрешение которой никогда не будет сочтено окончательным?

Рискнем предположить, что только второй вариант ответа дает нам шанс понять феномен экономики в его целостности («само-бытии»), а не присоединять к нему как ко «всего только средству» некую внеположную «цель» (выживание, удовлетворение потребностей, прогрессивное развитие и т. п. абстракции). Сущность экономической действительности заключается в том, что любому «рациональному» или «иррациональному» выбору, любому производимому расчету и учету предшествует некий всегда уже за нас сделанный выбор «экзистенциальный», в силу которого мы оказываемся способны соизмерять «затраты» и «приобретения» лишь внутри какой-то частичной сферы

[9] Ср. также: «Последний итог античной мудрости, как правило, состоит в том, чтобы доверять не времени, а пространству, не будущему, а настоящему, и олимпийцы не могут лучше обласкать своего любимца, как подарив ему сегодняшний день в обмен на завтрашний. Так поступают гомеровские боги, удовлетворяя капризы Ахилла потому именно, что тот все равно обречен на краткую жизнь и лишен завтрашнего дня; но еще Гораций учит: “Лови день, менее всего доверяя следующему!”. Напротив, сквозной мотив Библии — обетование, на которое не только позволительно, но безусловно необходимо без колебания променять наличные блага. <…> Многократно повторяемые в повествовании Пятикнижия благословения и обещания, которые вновь и вновь дарит Бог Аврааму и его потомкам, создают ощущение неуклонно возрастающей суммы божественных залогов грядущего счастья. В кризисную эпоху пророков этот эсхатологический оптимизм, умозаключающий от бедственности настоящего к благополучию будущего (“Ибо Я пролью воды на жаждущее и потоки на иссохшее”, — обещает Яхве в “Книге Исайи”), приобретает вполне сложившийся облик, с которым ему предстоит перейти в христианство» [15, 93—94].

бытия, пытаясь посредством этой безудержной калькуляции предать забвению факт существования других сфер — превратившихся для нас, однако, в безвозвратно (и тут не найти лучшего слова!) упущенные возможности[10].

Так, возможность конвертации индивидуальных различий вещей, т. е. сообщение им товарной формы посредством подключения к сети «всеобщего эквивалента», будто бы может быть представлена нами в роли всего лишь средства для достижения некоего уникального бытийного статуса; но разве этот последний может быть артикулирован посредством чего-то еще, помимо пресловутого оборота стоимостей? Чем бы не являлся этот «уникальный бытийный статус», определяется он от начала и до конца объемом задействованных в обращении ценностей — идет ли речь о нахождении «своих» ниши или продукта, всевозможных способах «остранения» экономических объектов, псевдомистической отрешенности от ценностей экономической цивилизации и даже о террористических актах, направленных против отдельных сторон жизни экономического сообщества или против него в целом. И наоборот — любой расчет, сберегание, проект, инвестирование осуществляются, явно или подспудно, единственно в предвосхищении некоего акта негации, будь то заслуженное пожинание плодов, растрата в состоянии аффекта или потери в случае кризисов или катастроф, так что едва ли возможно абстрагировать подлинный смысл «экономической активности» от способа отсрочить то, что «является предрешенным».

Вот и бытие всего сущего потому раскрывает нам свой смысл, как свидетельствует М. Хайдеггер, в качестве без-дны (Ab-Grund) [16, 96], что мы всегда уже бытийствуем «экономически». Эта бездна простирается всякий раз, как только прихо-

---

[10] В курсе лекций, посвященных анализу положения об основании, М. Хайдеггер определяет ratio как «учет» и «счет», посредством которых все сущее становится «подставляемым» и «приводимым». «Счет в подставлении представляет нечто как нечто» [16, 176], т. е. переводит всякую вещь из аспекта самостояния в состояние сопоставления — иначе говоря, истинным является то, что во всякий момент может быть принято к сведению, пущено в оборот. Понятно, что все уникальные, само-бытные характеристики явления отныне могут восприниматься только по принципу «остаточного финансирования», т. е. как нечто в соответствии с данной конъюнктурой не принятое в расчет.

дится задуматься о цене — с тем ли, чтобы ее установить, с тем ли, чтобы ее уплатить, с тем ли, чтобы ее оспорить. Та легкость, с которой потребительная стоимость сама собой, независимо от воли отдельных товаропроизводителей, принимает обличье меновой, наиболее красноречиво свидетельствует о широте разверстости этой бездны. Основная аксиома экономики гласит: все, что производится, производится с тем, чтобы быть потребленным. Не значит ли это, что в лице экономики найдена такая точка зрения на мир, которая делает излишним ту трансцендентную точку опоры, о (спасительном отсутствии) которой грезил Архимед[11]? Что бы мы себе не воображали о мире, он мыслится нами единственно в аспекте циклической смены процессов производства и потребления, а всякая вещь в нем, не исключая так называемые «уникальные ценности» — как нечто, в большей или меньшей мере подлежащее продуктивному использованию. По этой причине и все иное, всякий другой существуют лишь в качестве того, что должно быть переведенным, во всей многозначительности данного слова в русском языке: конституированные хотя и специально по ту сторону «бытия-как-успешного-запускания-в-оборот-всякого-сущего», они («иное» и «другие») тем не менее оказываются до мозга костей имманентны нашей картине мира — будь то хотя бы наследники великих империй прошлого, дающих о себе знать поставкой экзотической продукции (а то и, подобно японцам, способных на «чудо» — насколько показателен производимый данным словом упор на «счастливую случайность»!).

На японцах и чудесах эти предварительные замечания о специфике тематического горизонта современной философии хозяйства вполне могут быть закончены.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М., 2000.
2. Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / Под ред. Ф.Т. Михайлова. М., 1997.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

[11] Ср. с оценкой ситуации, данной Ж. Бодрийяром в книге «Прозрачность зла»: «Экономика становится ареной современной жизни именно в качестве арены спецэффектов, непредсказуемых результатов иррациональной игры» [17, 52].

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1999.
5. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Зима. Т. 1. Вып. 1.
6. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1994.
7. *Нанси Ж.-Л.* Сегодня // Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М., 1994.
8. *Фуко М.* Ницше, генеалогия, история // СТ. 2000. № 1 (11).
9. *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1998.
10. *Kirzner I.M.* Competition and Entrepreneurship. Chicago, 1973.
11. *Платон.* Парменид.
12. Блаженный Августин. Творения. Т. 4. О граде Божием. Кн. XIV—XXII. СПб.; Киев, 1998.
13. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
14. *Гигерич В.* Ракета и стартовая площадка // Митин журнал. № 53.
15. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
16. *Хайдеггер М.* Положение об основании. СПб., 1999.
17. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.

И.М. ТЕНЯКОВ

Что такое философия хозяйства (Философия хозяйства. 2002. № 6)

Что такое философия хозяйства? О, это очень странная «вещь»! С одной стороны, если начать с размышлений о философии вообще, затем о хозяйстве вообще, наконец, объединить эти два слова — все кажется ясным. А с другой стороны, «философия хозяйства» по-прежнему сохраняет свою тайну и не желает ее открывать. Может, так оно и должно быть?

Когда думаешь о философии, непременно всплывают понятия «религия» и «наука». И никуда от этой триады не деться! Попять философию в отрыве от двух других «вещей» на наш взгляд невозможно.

«Философия» буквально означает «любомудрие», «любовь к мудрости», но для понимания сущности философии одной этимологии недостаточно. Философия может трактоваться как учение о бытии (онтология), как некоторое целостное мировидение. Филосо-

фия — это и мировоззрение, и образ жизни (вспомним древнегреческих философов). Как особое мировоззрение, предлагающее свою собственную картину мира, философия близка к религии. Однако тождества между философией и религией нет. Философия принципиально недогматична, что не исключает, однако, возникновение и утверждение таких положений в философии, которые могут восприниматься как догмы. Но философия эти же догмы способна опровергнуть, в то время как в религии утверждения, резко расходящиеся с признанной догматикой, могут лишь привести к возникновению другой религии. Ну и что? Религий множество и философий множество! Выбирай любую! Однако для человека «выбор» религии всегда сопряжен с большими духовными усилиями, чем смена одной философской концепции на другую. Правда, каждая конкретная религия тоже может развиваться в определенных пределах. И здесь возможна своя философия, так называемая религиозная философия!

Подойдем к философии с другой стороны, рассмотрев ее в сочетании с «наукой».

Тут не все ясно, здесь своя тайна присутствует! Что понимать под наукой, например, если все науки давно разделились на естественные и общественные и разница между ними довольно существенна? Если возьмем за эталон естественную науку, то что мы увидим? Эксперимент, расчет, модель, прогноз, рекомендации. Или, по-другому: модель, эксперимент, расчет, снова модель и т. д. Естественная наука считать любит, любит также и «строить», ее достижения двигают прогресс, она принципиально демиургична! А может ли она объяснить в целом мир, целостно рассмотреть свой предмет? И да, и нет. Не может, потому что стандартные методы здесь бессильны (какой эксперимент может поставить физика, чтобы объяснить возникновение Вселенной, или биология — чтобы показать всем наглядно процесс возникновения жизни?). Может, или точнее — пытается, потому что и данные по каждым конкретным проблемам вроде бы есть, и объединить результаты исследований можно, что-то обобщив при этом. Можно и гипотезу выдвинуть, лишь бы она не противоречила существующей в данной науке философии. Стоп! Вот снова появляется философия, точнее не вообще философия, а определенная, «научная» философия (а ведь что по сути скрывается за таким словосочетанием, как «научная картина мира», если не определенная философия?). Что по сути представляют собой гипотезы о «Большом взрыве», «самозарождении жизни», «происхождении человека от обезьяноподобных предков», если не определенные фрагмен-

ты этой «научной картины мира», научно-философские ответы на «трудные» вопросы?

Получается, что философия везде «сидит». В религии есть философия, как и в философии есть всегда что-то от религии (стремление представить целостное мировидение, например). В науке тоже своя философия присутствует; даже больше — именно философия (определенного рода) сделала науку наукой, сформулировав определенные требования к научному методу познания и вынудив науку стремиться к бесконечному самоусовершенствованию.

Все вышеизложенное относится прежде всего к естественным наукам, но и общественные науки впитали в себя определенную «философию». Хотя в общественных Науках философии всегда «больше», и философия различная встречается. Отсюда и спор о статусе общественных наук, и постоянные их попытки встать вровень с естественнонаучными дисциплинами. Но общественные науки работают с принципиально другой реальностью, нежели науки естественные. И метод эксперимента общественным наукам недоступен, и модели их оказываются очень условными (умозрительными, а не конструкторскими). Но таков объект — человеческое общество, а значит и предмет. Параметры «входа» системы контролировать невозможно, а потому и эксперимент невозможен. Можно только собрать факты, а вот как их «правильно» интерпретировать? И тут выручает философия, которая в виде определенного мировоззрения уже «сидит» в головах ученых (что не означает, правда, что это мировоззрение остается неизменным; нет, оно тоже меняется).

Можно сделать такое утверждение: чтобы познать общество, нужно выйти за его пределы (т. е. превратиться из человека в некое сверхсущество). Хотя, если подумать, эта гипотеза не спасает. Ведь вроде бы и отделен человек от животных (значит, по отношению к ним он является «сверхсуществом»), но ведь познать до конца жизнь той же собаки он не в состоянии. Рефлексы, скажут; — да, рефлексы, но ведь они не все объясняют... Итак, философия везде. В религии немало философического, но и в науке тоже. Причем, наука-то религию отрицает и иначе поступить не может (ученый может быть верующим, но как «частное лицо», в науке он остается ученым). Сделаем вывод: *философия есть посредник между религией и наукой, наукой и религией.* Последние в свою очередь являются диалектическими половинками чего-то целого (может быть, способности человека к познанию вообще?). Возможно ли их соединение? Может быть, но тогда наука перестанет быть «наукой», религия тоже

будет выглядеть по-другому, и философия, разрешающая «напряжение» между наукой и религией, тоже изменится. Будет что-то новое и единое. Но пока наука и религия не исчерпали себя, говорить об их примирении — значит, строить определенную гипотезу, или просто — философствовать. Вернемся же к оставленной нами философии хозяйства.

Философия хозяйства. Науки о хозяйстве реально существуют (даже если в них хозяйство не всегда прямо упоминается). Религия тоже о хозяйстве вещает, хотя зачастую и иносказательно (но за мифичностью сюжетов скрыт огромный смысл). Но скользкий уж больно сам по себе феномен хозяйства, ни в одно определение не укладывается, всегда какой-то стороной ускользает от взгляда исследователя! Хозяйство тесно связано с жизнью, но разве вся жизнь, во всех своих проявлениях есть хозяйство? Хозяйство предполагает действие («хождение») по реализации этой самой жизни. Но и здесь недосказанность чувствуется: хождение — кого? Ладно, если только человека (это привычно говорить о хозяйстве применительно к человеку), а если и животных, и растений, и природы вообще? Можно сказать, что они самохозяйствуют, но не слишком ли тогда расплывчатым получается сам термин «хозяйство»? Если же назвать мир «хозяйством Бога», то в этом смысле термин «хозяйство» вполне приемлем (есть субъект, хоть и трансцендентный, есть объект, есть и действие, также во многом трансцендентное). Что же получается? А получается, что «хозяйство» непосредственно связано с трансцендентностью, если мы это самое «хозяйство» в самом начале не ограничили своими заранее заданными рамками (но тогда и философия хозяйства вряд ли у нас получится, разве что хозяйствоведение, может быть, даже и экономика).

Вот и получается, что изначально философия хозяйства встречается с трансцендентностью и взаимодействует с ней. И иначе быть не может при *такой* постановке вопроса о хозяйстве. И тогда становится понятно, почему философия хозяйства в определенном смысле близка к религии больше, чем к науке.

Вопрос: а разве в науке о хозяйстве не присутствует философия хозяйства? Ведь выше мы показали, что никакая наука полностью избавиться от философии не может.

Ответ: да, в науках о хозяйстве своя философия хозяйства есть. И за примерами далеко ходить не надо. Возьмем Аристотеля, ведь почти все науки видят в нем своего основателя. Рассуждения Аристотеля об «экономике» и «хрематистике» велись вполне в фило-

софическом духе, а, следовательно, его «экономические» сочинения вполне можно причислить к работам по философии хозяйства. А Адам Смит, который перешел к экономике от философии? И у Маркса есть своя «философия хозяйства», и у Маршалла, и у Кейнса, и даже у тех экономистов, которые вообще никакой философии в экономике не признают. «Философия хозяйства» всегда в науке присутствует, но она может быть очень разной.

Тогда что же из себя представляет булгаковская «философия хозяйства», которая теперь возрождается в России? Нам кажется, что отличительной чертой этой «философии хозяйства» (ФХ) является именно *стремление представить такую философию в «чистом» виде»*. Отметим ряд существенных, на наш взгляд, черт ФХ.

1. ФХ принципиально не ограничивает понятие «хозяйство» никакими заранее придуманными рамками, поэтому поле ее деятельности максимально широко.

2. В силу особенности (1), ФХ не является какой-нибудь «отраслевой философией», а представляет собой достаточно целостное мировоззрение, сравнимое с великими философскими системами прошлого.

3. В силу особенности (1), а также в силу трансцендентности, неразрывно сопряженной с феноменом «хозяйства», ФХ отчасти близка к религиозному мировоззрению. Поскольку С.Н. Булгаков, основатель ФХ, был православным христианином и даже принял сан священника, ФХ «контактирует» преимущественно с «полем» православия и несет в себе определенный православный императив.

Наконец, в силу всех вышеуказанных черт, ФХ является таким мировоззрением, которое может быть «заложено» в науку о хозяйстве (результат уже есть — появление «Теории хозяйства»). ФХ способна к изменению сложившейся науки о хозяйстве (замене «научной философии хозяйства», подспудно присутствующей в любом хозяйствоведении, «философией хозяйства булгаковского направления»). Произойдет ли такая замена, осуществится ли синтез «науки» и «философии хозяйства», и если да, то к чему это приведет, в конечном счете покажет будущее.

Маржиналистская революция в последней трети XIX в. и была связана, прежде всего, с появлением трудов У.С. Джевонса «Теория политической экономии», К. Менгера «Основания политической экономии» и Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии». В основе маржиналистской концепции — утилитаристская этика Бентама, суть которой

сводится к определению цели всякого человеческого действия в терминах наслаждений, удовольствий. Другой важный принцип маржинализма — принцип оптимизации в смысле максимизации целевой функции (получение максимума благ при существующих ограничениях). В России с маржинализмом успешно конкурировали лишь историческая школа и марксизм, базирующиеся на методологии холизма.

Л.Н. ТУТОВ

Российская модель философии хозяйства: по работам С.Н. Булгакова, Н.Ф. Федорова и Н.А. Бердяева (Философия хозяйства. 2002. № 3)

Основателем философии хозяйства как одной из неотъемлемых частей философии является С.Н. Булгакова. В своей книге «Философия хозяйства», вышедшей в 1912 г., он определил предмет философии хозяйства, сформулировал основной категориальный аппарат, предложил методы исследования, показал точки пересечения экономической теории и философии. Кроме работы «Философия хозяйства», которую можно считать классическим произведением, первоисточником для российской философии хозяйства, у Булгакова есть ряд других работ, раскрывающих, в той или иной степени, проблемы философии хозяйства. Среди них: «Краткий очерк политической экономии», «О социальном идеале», «Народное хозяйство и религиозная личность», «История экономической мысли. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве», «Свет невечерний» и др.

Актуальность обращения к проблемам философии хозяйства у С.Н. Булгакова связывается с обостренной экономической рефлексией, с событиями экономической жизни (являющейся неотъемлемой частью всей человеческой жизнедеятельности), с ускорением ее темпов и огромными масштабами развития хозяйства, вследствие чего духовная жизнь попала в рабство к материальной. Не случайно поэтому широкое распространение получил экономический материализм, представленный в то время[12], который утверждал примат хозяйства для всей культуры и самых высших духовных проявлений жизни. В про-

[12] Маржиналистская революция в последней трети XIX в. и была связана, прежде всего, с появлением трудов У.С. Джевонса «Теория политической экономии», К. Менгера «Основания политической экономии» и Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии». В основе маржиналистской концепции — утилитаристская этика Бентама, суть которой сводится к определению цели всякого человеческого действия в терминах наслаждений, удовольствий. Другой важный принцип маржинализма — принцип оптимизации в смысле максимизации целевой функции (получение максимума благ при существующих ограничениях). В России с маржинализмом успешно конкурировали лишь историческая школа и марксизм, базирующиеся на методологии холизма.

тивовес экономическому материализму, не смирившись с пассивным отражением бытия, С.Н. Булгаков предлагает свою хозяйственную религиозную философию, основы которой он излагает, прежде всего, в «Философии хозяйства».

В предисловии к данной работе Булгаков писал о том, что «факт хозяйства всегда возбуждал во мне философское “удивление”» [1, 3], которое, как известно из истории возникновения философии, является началом философии или психологическим источником философии. Таким образом, Булгаков объявляет, что хозяйство является объектом исследования именно философии. Но удивление само по себе не творит философии, а лишь ведет ее. Поэтому необходимо познать истинные причины удивительного, а значит, исследовать вопрос о сущности хозяйства.

Проблема хозяйства, по словам С.Н. Булгакова, берется им в троякой постановке: «Научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической. И такой способ ее рассмотрения объясняется отнюдь не прихотью автора, — он подсказывается самым существом дела. Ибо то, что в области эмпирической составляет предмет “опыта”, ставит проблемы науке, а рассматриваемое со стороны познавательных форм является построением “трансцендентального субъекта”, — бытийными своими корнями уходит в метафизическую землю» [1, 4]. Таким образом, С.Н. Булгаков стремился получить универсальное знание (главная цель многих русских философов), сочетающее научное, философское и религиозное знание. Заявленный подход к рассмотрению хозяйства определил круг проблем, который оказался достаточно широк: начиная от смысла хозяйства, взаимоотношений жизни и смерти, добра и зла, свободы и необходимости и заканчивая перспективами хозяйственного развития России и характеристикой политической экономии и ее границ. Однако не стоит искать в «Философии хозяйства» Булгакова собственно экономической теории или тем более упрекать в отсутствии внимания к ней, поскольку он не ставил себе таких целей, а предполагал, «во-первых, заметить в политэкономии философский аспект, выделить и подвергнуть критическому рассмотрению вклад политической экономии в становление философии хозяйства и, одновременно, в ее же отрицание; во-вторых, исследовать исходные методологические и воззренческие позиции политэкономии, ее аксиоматику, с

тем, чтобы выявить реальные возможности и невозможности политической экономии, ее историческую познавательную и практическую роль; в-третьих, наметить возможность выхода политической экономии из механико-материалистического тупика на простор широкого и масштабного философствования, т. е. превращения политической экономии в действительно целостную философию хозяйства, или, по крайней мере, в ее органическую составную часть» [2, 155—156].

Основы философии хозяйства раскрываются, по мнению С.Н. Булгакова, при ответе на основные критические вопросы, аналогичные кантовским: «Что такое хозяйство? Или как возможно хозяйство? Каковы его предусловия и основоположения? Каково содержание хозяйственного акта, его субъект и объект?» [1, 254]. Данные вопросы и ответы на них образуют своего рода концептуальный каркас философии хозяйства, указывают на точки пересечения с другими социально-экономическими дисциплинами. Раскроем подробнее это положение.

Философское осмысление хозяйства предполагает определение сущности хозяйства. На этом пути мы сталкиваемся с известными методологическими трудностями, так как понятие «хозяйство» Булгаков трактует достаточно широко. У него в хозяйстве творится вся культура — и материальная, и духовная, так как она имеет хозяйственную подоснову. Исходя из такого понимания, Булгаков определяет хозяйство как «творческую деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода, даже более… она и есть эта свобода, и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинное творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве» [1, 257]. У Булгакова есть и другие, не менее широкие, определения хозяйства, например, с точки зрения борьбы бытия и небытия. Так, в главе 1 «Философии хозяйства» он писал: «Хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм» [1, 39]. Булгаков сравнивает хозяйство с организмом, а «всякий живой организм, как тело, как организованная материя, находится в неразрывной связи со всей вселенной в качестве ее части…» [1, 64]. Сравнение хозяйства с орга-

низмом подчеркивает его открытость и возможность свободного выбора, а не «лишь смену форм причинности: механической на органическую…», как пишут критики [2, 518]. Такое понимание хозяйства неразрывно связано с вопросом о смысле хозяйства, который, по мнению Булгакова, есть тот же универсальный философский вопрос о смысле жизни, поскольку «иное содержания не имеет и не может философия, достойная своего имени и подлинно проникнутая любовью к мудрости, а не к умным ненужностям» [1, 260].

Несмотря на то, что философия хозяйства — неотъемлемая часть философии, и ее интересуют все философские проблемы, однако, в центре ее внимания находится антропология — учение о человеке в природе и природы в человеке, поэтому ее лозунгом является изречение дельфийского оракула: «Познай самого себя, познай себя в мире и в себе познай Вселенную». Однако в качестве субъекта хозяйства С.Н. Булгаков признает «человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [1, 256]. Таким образом, идея трансцендентности субъекта хозяйства означает, что хозяйство не только гносеологически, но и генетически не может быть сведено к простой сумме хозяйственных актов отдельных индивидов, поскольку частные раздробленные акты рассматриваются как проявление некоторой единой функции, обладающей известной связанностью. По мнению С.Н. Булгакова, в хозяйстве нельзя было бы усмотреть самого его существенного содержания, если бы не было его понимания как целого, выходящего за пределы частных хозяйственных актов. Исходя из холистской позиции Булгакова, «хозяйство должно существовать в своих основах, чтобы возможны были эти отдельные акты» [1, 91].

Идея трансцендентности касается не только субъекта, но и мира в целом. У Булгакова бытие и его многообразие относятся к сфере трансцендентного. Он считает, что в мире скрыта какая-та тайна, существует непознаваемая для человека область. Однако Булгаков — не агностик, так как использует феномен трансцендентности для того, чтобы показать неограниченность знания, убрать какие-либо границы для познающего субъекта, снять препятствия для постоянного живого общения

и подчеркнуть, что процесс познания включает в себя, кроме рационального аспекта, сверхлогический, интуитивный. По мнению С.Н. Булгакова, возможность познания существует именно благодаря наличию трансцендентного, благодаря которому мир выглядит сложнее, но целостнее.

Идею трансцендентности субъекта и мира в концепции Булгакова можно понять только в связи с его учением о софийности хозяйства. Дело в том, что источник творческой деятельности субъекта хозяйства обусловлен причастностью человека к Божественной Софии. «Человеческое творчество — в знании, в хозяйстве, в культуре, в искусстве — софийно. Оно метафизически обосновывается реальной причастностью человека к Божественной Софии, проводящей в мир божественные силы Логоса и по отношению к природе как продукту имеющей значение natura naturans» [1, 113]. Человек может познавать природу и воздействовать на нее только потому, что он носит в себе потенциально весь метафизический инвентарь природы, и по мере его развертывания, актуализирования, он овладевает природой. Человечество, являясь носителем Софии, представляет собой «стянутую вселенную», а космос — потенциальное поле человека, поэтому возможно «постепенное овладение природой в научном знании и хозяйственном воздействии» [1, 256]. Поскольку природа выступает для человека как потенциальное средство труда, то она предстает как его неорганическое продолжение, выход человека за свои собственные пределы.

У С.Н. Булгакова знание также есть припоминание, но в отличие от Платона, это не припоминание того, что уже происходило в предшествующих жизнях, а воссоздание того, что метафизически дано. «Творчество в собственном смысле, создание метафизически нового человеку, как тварному существу, не дано и принадлежит только Творцу» [1, 114]. Человек лишь может воспроизводить в хозяйственном процессе то, что предвечно есть, задано. Он свободен только в направлении своих сил и способе использования своей природы. Поэтому хозяйство софийно в своем метафизическом основании. «Оно возможно только благодаря причастности человека к обоим мирам, к Софии и к эмпирии, к natura naturans и к natura naturata. Человек есть, с одной стороны, потенциальное все, потенциальный центр антропокосмоса, хотя и не реализованного еще, но реализуемого, а с другой — он есть продукт этого мира, этой эмпи-

рии» [1, 115]. Булгаков обращает внимание, что хозяйство софийно в своем основании, но не в продуктах эмпирического мира, поскольку хозяйственная деятельность ведется человечеством в его эмпирической ограниченности со всеми его ошибками, отклонениями, неудачами, поэтому далеко не все действия человека отражают на себе свет софийности. Софийность хозяйства проявляется в задачах, которые устанавливает себе человечество, которые можно условно обозначить как победу культуры над природой, или очеловечение природы. Данный процесс имеет определенную границу, которая связана с тем, что человек не может хозяйственным путем творить новую жизнь. Он может расширить уже существующую жизнь, но сама жизнь создается лишь рождением из изначально заложенной жизнетворной силы. Поэтому, по мнению Булгакова, хозяйство есть функция жизни, уже созданной и существующей. Более того, философия хозяйства утверждает примат жизни, что выражается в потенциальной возможности оживления всего сущего, т. е. отсутствует мертвая материя как самостоятельное начало бытия. И тем не менее хозяйственная деятельность есть борьба жизни со смертью, хозяйство есть функция смерти — оно вызвано необходимостью самозащиты жизни и есть в основном своем мотиве (а мотив — это страх смерти) несвободная деятельность.

Несмотря на то, что в борьбе жизни и смерти, последняя отступает, человек не способен достичь творца, а кажущуюся близость возвышения С.Н. Булгаков называет сатанинским искушением. Однако он согласен, что в «хозяйстве, в сознательном воспроизводстве природы, можно видеть некий прообраз, предварение того освобождения natura naturans (природы творящей) от оков теперешней natura naturata (природы сотворенной), о которой сказано у апостола, что “вся тварь повиновалась суете тления не по своей воле, но по воле повинувшего ее, падшего человека, души мира”» [1, 89—90]. Освобождаясь от смертоносного механизма природы, человечество само создает механизмы, направленные против смерти, но поскольку они созданы через саму смерть, бесцельную и враждебную целесообразности, то они не могут ее ни уничтожить, ни снизить ее влияния. Человек, побеждая природу, вместе с тем становится жертвой этой победы, так как человек все больше и больше превращается в невольника, объект хозяйства, и победа обора-

чивается поражением. Однако, поставив вопрос о воспроизводстве смерти, Булгаков не стал рассматривать его в рамках «Философии хозяйства», предполагая исследовать в другой книге, которую он, к сожалению, так и не написал.

Кроме страха смерти, который может и парализовать человека, хозяйственная жизнь имеет и другие мотивы. Булгаков считает такой движущей силой — род, человечество, идею мирового человека, трансцендентальный субъект хозяйствования. Объясняет он это следующим образом: деятельность не является самоцелью для человека, она задана не человеком, но внутри его с самого рождения есть идея развития индивидуума в обществе, активное отношение его к обществу, выход из своего «Я» в метафизическом смысле. Хозяйственная деятельность объясняется наличием своего рода коллективного бессознательного, но в метафизическом варианте. В связи с этим становится понятным, почему «труд в своей внутренней, волевой основе, как чувство усилия, направленное вовне, не поддается никакому определению, хотя он известен из опыта и самонаблюдения каждому как актуальность, как действенная воля, как активный выход из себя» [1, 43].

Хозяйство есть борьба жизни и смерти, но в широком смысле слова борьба за жизнь всегда останется борьбой за пищу. Однако если в самом начале развития человека это была борьба за хлеб насущный, которая уравнивала мотивы деятельности людей и животных, то с бурным ростом природы творящей, под пищей понимаются все потребляемые человеком проявления жизни. Но сама жизнь определена Булгаковым сначала только в общих чертах как дар, как что-то противостоящее мертвой природе, т. е. тому, «в чем по-видимому отсутствуют признаки жизни» [1, 36]. Такое понимание жизни связано с тем, что жизнь у Булгакова парадоксальна, поскольку неопределима до конца, хотя и бесконечно определяема, представляет собой единство алогического и логического, оставаясь при этом сверхлогичной и не вмещаясь ни в какое логическое определение; жизнь сверхбытийна, так как «по отношению к жизни все стороны бытия оказываются лишь частными определениями: воля, мышление, инстинкт, сознание, подсознательные сферы, даже самое бытие, связка есть и предикат существования имеет смысл только по отношению к существу — жизни» [1, 14]. И лишь позднее Булгаков предлагает оценивать жизнь через

призму участия человека в хозяйственном процессе. Такое понимание жизни позволяет говорить о философии хозяйства С.Н. Булгакова как направлении, идейно близком философии жизни.

У Булгакова все сущее делится на органическое, т. е. смертное, и неорганическое, к смерти не относящееся, поскольку само есть результат смерти. Органическое и неорганическое находятся в противоборстве. Жизнь поддерживает себя в окружающем ее безжизненном пространстве через труд, который проходит длительную эволюцию, начиная со стихийного труда природы, затем переходит в неосмысленный труд животных, а лишь затем превращается в сознательный труд человека. Таким образом, труд у Булгакова — это не просто фактор хозяйственной жизни, а основополагающий феномен жизни вообще, «есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы» [1, 89]. С.Н. Булгаков критикует политэкономию за узкую и чисто феноменологическую трактовку труда. Так, в классической политэкономии: «Хозяйственный труд здесь есть труд, направленный на производство только материальных благ или меновых ценностей» [1, 241]. К. Маркс дополнительно определяет труд как «затрату человеческой энергии, а последняя с грубым и наивным материализмом определяется им как трата нервов, мускулов, костей, физиологической энергии» [1, 86]. Такое понимание труда лишено общефилософского значения, так как труд суживается до производительного труда, и ему приписывается значение как основы материальных благ. Вышепредставленное определение труда, по мнению Булгакова, делает невозможным сопоставление физического и духовного труда, а с экономической точки зрения не позволяет дать действительную оценку стоимости вещей. При этом политэкономию не интересуют вопросы: «Как возможен труд?» «Что является основанием труда?». Данная критика ценна для понимания подлинной природы труда. Однако, на мой взгляд, сам С.Н. Булгаков дает слишком широкую трактовку труда, когда «способность к труду есть одно из свойств живого существа» [1, 43], любая деятельность понимается как труд, что явно выходит за его понятийные рамки. Кроме того, хозяйственная деятельность человека напрямую не связана с его выживанием, поэтому определение труда как фе-

номена жизни недостаточно. К тому же смерть также может заявить свои права на труд в случае непосильного рабского труда, или труда, направленного на истребление природы. Позднее Булгаков уточнил понимание труда применительно к животным, написав: «Если и можно здесь говорить о труде, то лишь в смысле трудности борьбы. …Общественное хозяйство у животных и насекомых качественно, а не количественно отличается от человеческой общественности, которая, хотя и берет исходной точкой естественные и общие всему животному миру формы ее (семья), но далее расширяется без всяких ограничений и способна охватить весь человеческий род» [1, 91—92]. Избежать неопределенности в понимании труда можно было бы, исключив употребление слова «труд» применительно к деятельности животных, оставив такое словоупотребление только лишь для ненаучного языка повседневной жизни.

Хозяйственную деятельность Булгаков подразделяет на два направления: потребление и производство. Потребление возможно благодаря космическому коммунизму — пониманию Вселенной как единого объекта. Поэтому принятие пищи есть процесс поддержания живого организма неживой средой. В то же время еда есть переработка неживой материи в организме, что, в общем-то, означает оживление неживого. В еде граница между живым и неживым реально снимается. «Еда в этом смысле является обнаружением нашего существенного, метафизического единства с миром» [1, 72]. Тем самым, потребление как процесс обмена веществ, связывающий живое и неживое, делает жизнь универсальной.

В производстве также существует абсолютное тождество субъекта и объекта, человека — активного, мужественного, сознательного, и природы — пассивной, рецептивной, женственной. Труд, являющийся активным волевым началом в человеке, доказывает единственно верное соотношение практического разума и слепой природной воли, поскольку позволяет из я-субъекта выйти в не-я-объект. «Вся практика взаимодействия я и не-я позволяет установить реальность внешнего мира и заполняет пустую и холодную область не-я силой, теплом, телами, превращают мираж не-я в природу, а вместе с тем и само я помещают в «природе, органически сливая я и не-я в единое мироздание» [6, 78—79]. Исходя из такого понимания, хозяйство представляет собой постоянное проектирование действи-

тельности и объективирование идей, есть связующее звено я и не-я. При этом их живое единство, как считает С.Н. Булгаков, нет необходимости доказывать. Оно должно как аксиоматическое быть положено в основу всех других построений. Однако если у Булгакова не существует сомнений, то они могут возникнуть у его критиков. Почему, например, отдается предпочтение активному выходу я в не-я, а не наоборот. С.Н. Булгаков, критикуя экономический материализм за примат производства в хозяйственной жизни человека, сам предлагает я-человека, который способен изменить существующий вселенский порядок. Нет сомнения, что в человеке заложено стремление выхода из «я» в «не-я», т. е. за пределы преобразуемого и постигаемого, однако, можно ли это сделать с помощью труда, который не позволяет достичь абсолюта? Очевидно, что С.Н. Булгаков очеловечивает природу, так же как и К. Маркс, которого он критикует. Но делает он это с помощью натурфилософии Шеллинга, центральной идеей которой является тождество субъекта и объекта, тождество природы как бессознательного творческого духа и как сознательного его воспроизведения.

Важной составляющей концепции С.Н. Булгакова являются проблема личности и ее значение в хозяйстве. По определению, творческая личность имеет свободу выбора и несет ответственность за последствия выбора. Напротив, безответственная свобода приводит к несвободе (примеров в истории человечества немало). Свобода, по мнению Булгакова, для творческой личности — это высшая ценность, и понимать ее следует многоаспектно: во-первых, свобода всегда конкретна: это свобода конкретной личности: «всякое я, как свободное по природе, индивидуально, конкретно, своеобразно» [1, 176]; во-вторых, свобода есть внутренний выбор самой личности: «свобода есть не беспричинность, а самопричинность, способность действовать от себя» [1, 168]; в-третьих, свобода абсолютна: «природа свободы одна и та же как в абсолютном, так и в относительном, тварном существе» [1, 177]; в-четвертых, свобода как воля, энергия, не имеющая пределов: «Конкретная яйность есть не только сознание, но и воля, энергия. …Свобода хочет быть мощью, она в себе самой не имеет ограничения, свойство воли есть беспредельность» [1, 177]. Однако, обладая способностью хотеть бесконечно многого, каждый отдельный человек может бесконечно малое. Поэтому граница свободы как мощи

есть необходимость. Соответственно проблема свободы личности раскрывается через призму взаимоотношений свободы и необходимости. Так, человек в процессе труда осуществляет акт творчества, однако, с другой стороны, труд есть проявление жестокой природной необходимости. Таким образом, сознание свободы зажигается в душе личности благодаря чувству ее ограниченности. «Свобода стремится перейти всякую данную границу, полагаемую необходимостью, ибо абсолютность и безграничность стремления есть ее природа» [1, 188]. Личность стремится к тому, чтобы мир хозяйства стал для нее прозрачен, отдался ее воле, из механизма сделался организмом. Реализация творческой личности возможна только благодаря учету духовных, нравственных мотивов в труде. Нравственная ориентация личности связана с идеей о трансцендентальном единстве субъекта хозяйства, предполагающей общую ответственность за осуществленное. Другим важным нравственным аспектом реализации личности является аскетизм, но не принудительный, а на основе добровольного отказа (свободного выбора) от богатства. Сегодня как никогда актуальны слова Булгакова, что социальный прогресс «неразрывно связан с ростом личности, а следовательно, повышением личной ответственности и самодисциплины» [3, 365].

Отдавая первостепенное значение личности, Булгаков скептически относился к различного рода учениям об объективных законах, в том числе регулирующих хозяйственную жизнь. «В самом деле, универсальное значение закона причинности, какое приписывается ему этим воззрением, не только не было, но и не может быть доказано из опыта, имеющего дело всегда с обрывками бытия и по самому своему понятию незаконченного и не могущего быть законченным» [1, 268]. Он подверг критике и закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, выступил против экономического детерминизма и абсолютизации материально-технического прогресса. В то же время Булгаков был противником абсолютизации случайности: «нет более безотрадного и мертвящего воззрения, как то, по которому мир и наша жизнь представляются следствием абсолютной случайности, абсолютно лишенной всякого внутреннего смысла» [1, 268]. Иначе говоря, он не отрицал влияния материального, экономики в целом на хозяйство, однако, считал, что нельзя

придавать этому влиянию самодовлеющего значения. Подтверждением являются проблемы духовно-нравственного характера, с которыми постоянно сталкивается человечество и которые не в состоянии решить никакой рост производительных сил. Некоторые исследователи творчества Булгакова, например Ю.В. Яковец, усматривают парадокс в его высказываниях по поводу существования объективных законов и неограниченной свободой выбора личностей. С одной стороны, «история, как результат деятельности неповторимых, обладающих свободой выбора личностей, не имеющих общих законов; будущее принципиально непредсказуемо». А с другой стороны, «свобода выбора человека ограничена определенными, относительно обусловленными рамками; исход истории предопределен общественным промыслом; человек не может не заглядывать в будущее, не предсказывать» [2, 35]. Возникают вопросы: «Нет ли противоречия в таких высказываниях С.Н. Булгакова? Не опровергает ли он сам себя?». Ю.В. Яковец считает, по аналогии с антиномиями И. Канта, что противоречащие друг другу утверждения у Булгакова и истинны и ложны: «Они отражают две противоположные стороны одного и того же противоречивого исторического процесса, его познания и использования для предвидения будущего» [2, 35—36]. Действительно, на первый взгляд противоположные утверждения, представленные Булгаковым, отражают стороны одного и того же процесса. Однако эти утверждения не образуют антиномию (А и не-А), поэтому не могут быть истинными и ложными одновременно. У Булгакова, который являлся противником любой односторонности, речь идет о взаимосвязанных сторонах, характеризующих одно и то же явление или процесс и, следовательно, имеющих право претендовать на статус истины. Представляется интересным развитие идей Булгакова по проблеме свободы выбора, которое предлагает Яковец. Основываясь на положении, сформулированном С.Н. Булгаковым, что свобода выбора находится в определенных, объективно обусловленных рамках, Ю.В. Яковец определяет их задающие факторы. «Во-первых, биологическим наследием человека, установкой личности, коллектива, этноса, нации — на выживание, на удовлетворение своих биологических потребностей… Во-вторых, социальным наследием, достигнутым уровнем благосостояния, образования, культуры, национальными, этническими и религиозными особенностями и

т. п… В-третьих, уровнем познания лица, принимающего решения, тех, кто их выполняет, пониманием ближайших и отдаленных последствий свободного выбора» [2, 37]. Сила действия этих факторов зависит от конкретной исторической ситуации. Они минимальны в период эволюционного развития, и их роль резко возрастает в период кризисов. С этим утверждением нельзя не согласиться, однако, у С.Н. Булгакова, наряду со свободой личности, есть еще промысел Божий, определяющий свободу и несвободу человека, поэтому вышеупомянутые факторы, тенденции развития имеют вторичный характер.

В целом, давая оценку философии хозяйства, разработанную С.Н. Булгаковым, следует отметить, что она имела глубокий методологический смысл: во-первых, дан анализ основных линий, намечаемых точками пересечения философских и экономических интересов в области теории хозяйства, в которой философия хозяйства претендует на роль методологии. Более того, философия хозяйства направлена на преодоление сложившейся замкнутости общественных дисциплин, предполагает целостное знание. Это возможно благодаря тому, что в центре рассмотрения философии хозяйства находится целостный человек, личность, в то время как в других дисциплинах исследуются отдельные стороны поведения человека. Простое суммирование знаний о человеке из разных дисциплин не может дать целостной картины. Другим важным методологическим достижением Булгакова является вопрос о недопущении смешения общефилософских понятий и специальных экономических или иных других, что приводит к искаженному пониманию хозяйственных процессов, затемнению объективного субъективным. Для Булгакова характерен методологический максимализм, заключающийся в стремлении обнаружить самые глубинные основания предметов, раскрыть их подлинную сущность. Поэтому философия хозяйства позволяет по-новому взглянуть на содержание основных экономических категорий, таких как труд, ценность, благо и т. п. Например, богатство, традиционно понимаемое как совокупность материальных благ, с точки зрения философии хозяйства трактуется, прежде всего, как совокупность навыков, возможностей, знаний, которыми обладает данное общество. Материальные же блага необходимо рассматривать не как абсолютную ценность, а как условия освобождения личности. В-третьих, философия хозяйства предполагает рас-

смотрение нравственных, религиозных, культурных мотивов как влияющих на поведение людей в сфере хозяйства, тем самым, указывая путь экономической теории в плане преодоления статичного характера ее моделей, основанных на принципе максимизации материального богатства. В-четвертых, отказавшись от существовавших традиций в решении проблем хозяйственной жизни, опиравшихся на материализм и позитивизм, Булгаков разработал новые философские основания политэкономии, базирующиеся на христианской этике. Суть данных положений, как написала Н.А. Макашева, можно свести к следующим: «1. Богатство есть условие свободы человека, материальный фундамент проявления его творческих устремлений и одновременно условие материального существования данного общества. 2. Труд является одновременно и актом необходимости, и актом творчества. 3. Трансцендентальным субъектом хозяйственной деятельности является человечество» [2, 213]. Кроме того, одним из основных моментов своего учения Булгаков считал нравственную оценку хозяйственной жизни. В-пятых, философии хозяйства Булгакова присущ эсхатологизм, который является проявлением не пессимизма, а результатом глубокого понимания противоречивых основ хозяйственного бытия, которое, как было сказано выше, с одной стороны, есть борьба жизни со смертью, а, с другой — функция смерти, а также необходимость поиска смысла и побудительных мотивов хозяйственной деятельности.

Наибольшая заслуга С.Н. Булгакова заключается в том, что он перевернул представления современников о философии хозяйства, придав ей статус самостоятельного направления философии и доказав правомерность построения философской системы, рассматривающей мир как хозяйство. При этом свою собственную концепцию философии хозяйства Булгаков не предлагает в качестве эталона, понимая, что наряду с данной философией хозяйства может быть построена совершенно другая теория.

К философскому наследию С.Н. Булгакова нельзя подходить догматически. Наиболее продуктивным является позитивно критическое отношение к его идеям, творчески перерабатывая которые, можно двигаться дальше в осмыслении сложных процессов хозяйственного бытия человека. Поэтому следует обратить внимание на те стороны философии хозяйства Булга-

кова, которые вызывают возражение. Например, нельзя не согласиться с Н.А. Бердяевым, что у С.Н. Булгакова «сама религия получает слишком хозяйственный характер. Булгаков признает хозяйство софийным. Этим он хочет связать его с душой мира. Книга Булгакова — симптом углубления проблемы хозяйства. Но есть опасность в таком охозяйствовании Софии — Премудрой Девы, не рождающей и не устрояющей» [4, 241]. Булгаков недооценивает специфику божественной сущности, которая полна, замкнута, всесовершенна, едина, бесконечна, но в то же время не исключает существования небожественного бытия, в том числе мира и человека. Однако связь между Богом и миром носит нематериальный характер. Бог никак не ограничен миром, который имеет совершенно другую, небожественную природу. Очевидно, что С.Н. Булгаков пытается примирить идеальное и материальное, сознание обыденное и самосознание Бога, Софию небесную и Софию земную. Он осознает пропасть между абсолютом и субъектом, но в то же время обосновывает необходимость выражения абсолютного в трансцендентальном субъекте посредством постоянного проектирования действительности и объективирования идей. Критикуя экономический материализм за примат производства, С.Н. Булгаков тем не менее сам уравнивает духовное и материальное, пытается примирить их. Можно критиковать Булгакова С.Н. также за противоречивый онтологический статус предлагаемой им Софии, которая, с одной стороны, «обладает личностью и ликом, есть субъект… четвертая ипостась» [5, 186], а с другой стороны, на деле таковой не является по причине своего женственного и сущностного характера, так как не принимает участия во внутрибожественной жизни; можно критиковать за то, что в хозяйстве Булгаков находит только две функции — потребления и производства, отказавшись от распределения, что упрощает мир; за пантеистический характер рассматриваемого хозяйства, когда человек, весь мир существуют и действуют не своей собственной силой, а волею Божьей, предопределены софийностью, царством детерминизма, тем самым невозможно объяснить свободу человека и существование в мире зла в отличие от добра; за активно-эволюционное отношение к природе в рамках учения о космическом хозяйстве, что противоречит основным догматам христианской теологии.

Выше обозначенные как «слабые места» в философском творчестве С.Н. Булгакова, так же как и невнимание к такой определяющей хозяйство категории, как собственность, нисколько не умаляют его заслуг как пионера в разработке проблем и инструментария философии хозяйства и позволяют сформулировать основные принципы для дальнейших исследований в области философии хозяйства: во-первых, стремится получить универсальное знание, органично сочетающее научный, философский и нравственно-эстетический аспекты; во-вторых, не замыкаться в рамках отдельных дисциплин (экономической, философской, социологической, психологической, политологической) при формировании образа человека хозяйствующего, поскольку каждая из них изучает только те аспекты деятельности человека, которые соответствуют ее предмету исследования; в-третьих, осознавать, что построение Царства Божьего на Земле невозможно, поэтому не стоит создавать какие-либо логические конструкции, обеспечивающие всеобщее счастье и справедливость; в-четвертых, понимать, что духовное и материальное являются равноправными формами бытия хозяйства, которые, с одной стороны, не стоит примирять (отождествлять), а с другой стороны, противопоставлять, поэтому следует исключить из понимания хозяйства какой-либо детерминизм: экономический, природный, идеологический и т. п.; в-пятых, осознавать, что рациональное познание является лишь одной из форм познания, наряду с чувственным опытом, эстетической перцепцией, нравственным переживанием и религиозным созерцанием, так как в одиночестве человеческий разум противоречив и ограничен; в-шестых, подходить к пониманию философии хозяйства в культурно-исторической контексте, принимая во внимание традиции, нормы, предрассудки, место в мировом хозяйстве, характер решаемых задач; и, наконец, в-седьмых, философия хозяйства открыта для дальнейших разработок и построений.

Кроме С.Н. Булгакова проблемами, которые относятся к сфере философии хозяйства, в большей или меньшей степени, в русской философии интересовались многие мыслители, в том числе А.С. Хомяков, видевший хозяйство, построенным на основе принципа «органичности»; Н.К. Михайловский, разработавший учение о цельности и полноте личности и метафизике природы; П.А. Флоренский, представивший концепцию все-

единства как основы космического хозяйства и теорию реалистического (трудового) отношения к миру; С.Н. Трубецкой, предложивший учение об универсальном субъекте; П.Б. Струве, выдвинувший идею метафизичности бытия; А.А. Богданов, создавший учение об организационных процессах и творческом изменении бытия — тектологию; Н.Д. Кондратьев, изучавший проблемы статики и динамики хозяйства; В.И. Вернадский, внесший значительный вклад в разработку учения о ноосфере, и многие другие мыслители. Однако специального рассмотрения, на мой взгляд, заслуживают работы Н.А. Бердяева и Н.Ф. Федорова. Более того, Федорова Булгаков считает своим учителем в деле разработки проекта космического хозяйства: «Содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое. Можно допустить в пределе, что все имеет ожить в результате хозяйственного труда, и жизнь будет восстановлена во всей своей мощи, однако и это может быть допущено не в том смысле, чтобы она была создана человеком, но только им воссоздана. Как учил Н. Федоров, этот мир хотя и не есть лучший из возможных миров, но он может и должен стать таковым, ибо он потенциально лучший» [1, 117]. Этих философов объединяет понимание того, что корень зла заключается в смерти, все остальное есть лишь производное от смерти, и все вопросы разрешимы лишь путем победы над смертоносными силами. Жизнь как раз и должна победить смерть, а для этого необходим ключ к раскрытию космической жизни, в которой все неразрывно связано. Поэтому Н.Ф. Федоров даже ставил задачу создания космического хозяйства, управления всей природой, победы над ее смертоносными силами, тем самым, выявляя пределы хозяйственной задачи человека. Проект хозяйства Н.Ф. Федорова, получивший название «Учение о воскрешении», или «Супраморализм, или всеобщий синтез», является более радикальным, чем у Булгакова или Бердяева. Свое учение Федоров изложил в ряде работ, получивших название «Философия общего дела». Практически не уделяя внимание экономической стороне хозяйства («Вопрос о богатстве и бедности (1-й пасхальный вопрос) по своей неразрешимости должен быть отнесен к вопросам отживающим» [1, 410]), Федоров сосредоточил свое внимание на преобразовании природного бытия, в том числе природы человека, как

главного субъекта хозяйства. При этом под субъектом у него, так же как и у Булгакова, понимается не отдельный человек, а совокупность сознательных, чувствующих существ. По мнению Федорова, высшей ценностью, к которой должно стремиться человечество, является благо, понимаемое им онтологически, как высший идеал должного состояния мира. Истина же — только путь к благу, необходимая предпосылка, так как без знания того, что есть, нельзя создать то, что должно быть. Но движение к благу, нравственному совершенствованию человека возможно только вместе с его физическим преображением. Это означает освобождение его от тех природных качеств, которые заставляют человека пожирать, вытеснять, убивать и самому умирать. Определяя природу в качестве общего врага, Федоров имеет в виду природу как определенный порядок существования (рождение, половой раскол, пожирание, вытеснение, смерть), а не как совокупность всего существующего. Напротив, он был сторонником регуляции природы, исходя из ее собственных сил и ресурсов, направляемых сознанием и волей человека. Федоров был сторонников активно-эволюционного отношения к природе, считая бездействие не меньшим злом, чем пагубные последствия современной цивилизации. Он писал: «Хозяйственная задача человека состоит именно в устройстве такого регулирующего аппарата, без коего солнечная система остается слепою, не свободною, смертоносною силою; т. е. задача состоит в проложении, с одной стороны, тех путей, при пособии коих доходило бы до человеческого сознания все совершающееся в подсолнечной, в с другой, в приложении таких проводников, при посредстве коих все происходящее в ней, рождающееся, обращалось бы в действие, в восстановление» [6, 292]. Федоров является сторонником органического прогресса в противоположность техническому, считая машинную цивилизацию враждебной человеку: «Мы не обольщаемся мнимыми успехами, тем, что ныне называется торжеством над природой, и не эти мнимые успехи заставляют нас приписывать науке ту важную роль, которую ей предстоит совершить. Взять ведро воды и, обратив его в пар, заставить работать — это не значит победить природу, это не значит одержать победу и над ведром воды. Нужно видеть, как эта побежденная сила рвет пальцы, руки, ноги у прислужников машины, чтобы поумерить свои восторги; очевидно, что эта сила не наша еще, не состав-

ляет нашего органа» [6, 293]. Развивая искусственные орудия, продолжающие и усиливающие органы человека, он не изменяет самого себя, оставляет свою природу ограниченной в умственном и физическом плане. Такое развитие Н.Ф. Федорову представляется тупиковым, и он, в свою очередь, предлагает преображение телесного состава человека, который получает свободу и силу без технических «протезов» к своим органам. И для этого есть определенные генетические предпосылки. Хотя мы не можем знать мир, каким он был изначально, однако, рассуждает Федоров, если судить по Творцу, то отношения первых людей к миру подобно отношению, в котором находится ребенок к своим органам: он ими еще не научился управлять. Также и первые люди «должны были (и могли это сделать без страдания и боли) создать себе органы для существования во всех мирах и во всех средах и таким образом сделаться существами всеобщими, способными жить всюду» [6, 292]. Тем не менее, они выбрали другой путь: «Отдав предпочтение наслаждению, человек не принял в обладание этих органов и не создал себе органов, соответствующих средам; и они, эти органы, т. е. все стихии, миры атрофировались, парализировались, земля обратилась в резко изолированную планету, и уже с тех пор мысль и бытие перестали соответствовать друг другу. Вместо творческого процесса создания себе органов, соответствующих средам, явилось питание, а потом и пожирание» [6, 292]. В связи с этим ставится задача сознательного овладения органосозиданием, которое доступно природе на уровне инстинктов. Способность человека создавать себе необходимые органы, которые будут меняться в зависимости от среды обитания и действия, Федоров называл полноорганностью.

Другим важным направлением деятельности человека является работа по превращению питания в сознательно-творческий процесс. Речь идет о будущем автотрофном человеке, который смог преодолеть грех убийства и пожирания и строит свой организм путем превращения элементарных веществ в минеральные, затем в растительные, и в завершении в живые ткани. В отличие от Булгакова, у которого «в еде сосредоточивается борьба за жизнь и смерть» [1, 71], у Федорова граница между живым и неживым реально снимается путем оживления неживого, а не путем умерщвления и поедания одним живым существом другого. Неслучайно вершиной регуля-

ции природы у Федорова становится идея имманентного воскрешения всех умерших. Он пишет, что воскрешение — закон нравственный природы человека: «И стыд рождения, и страх смерти сливаются в одно чувство преступности, откуда и возникает долг воскрешения, который прежде всего требует прогресса в целомудрии» [6, 278]. Человек — воскреситель по своей сущности, однако, он исказил свою природу, занявшись воскресением подобий и образов реальности, например в искусстве. Для природы же, переходящей из бессознательного состояния в сознательное, воскрешение есть такое же необходимое и самое естественное дело, как для слепой природы естественны рождение и смерть. Поэтому человеку необходимо заняться реальным воскрешением: через потомка восстановить предка (через следствие — причину). При этом под воскрешением понимается не просто воссоздание физической оболочки ранее живших поколений, а воссоздание самосознания личности. У Федорова христианская идея воскрешения приобретает абсолютный характер: воскрешению подлежат все ранее жившие поколения, предварительно очистившиеся от зла, и воскрешение должно произойти в этом реальном мире. Имманентное воскрешение избавит род людской от эсхатологического катастрофизма, наступления Апокалипсиса при переходе в абсолютное, благое бытие.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
2. Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) / Под ред. Ю.М. Осипов, В.М.Кулькова, Е.С.Зотовой. М., 1998.
3. *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993.
4. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990.
5. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М., 1994.
6. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1, 2. М., 1995.
7. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
8. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

С.Ю. СИНЕЛЬНИКОВ

Принципы философии хозяйства (к выходу в свет монографии Ю.М.Осипова «Время философии хозяйства» (в трех книгах с приложением) М.: Экономистъ, 2003)

(Философия хозяйства. 2004. № 1)

Вот уже более десяти лет появляются объемные научные труды по философии хозяйства, знаменующие развитие столь непривычной и важной отрасли сферы общественных наук. Начало этому было положено *в 1990 г.*, когда в издательстве Московского государственного университета вышла *книга Ю.М. Осипова «Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и саморегулирующаяся система»*. Она представляла собой первое авторское монографическое произведение и являла научную по преимуществу версию философии хозяйства, разработанную автором до знакомства с трудом С.Н. Булгакова «Философия хозяйства». Наряду с некоторыми смысловыми перекличками с булгаковскими произведениями уже в ней в ряде подходов и решений заметны существенные различия. Сходные задачи, сопряженные с философским осмыслением предмета соседствовали с задачами специфическими, обусловленными временем осмысления, состоянием размышляющего интеллекта и имеющимся, накопленным знанием. Важнейшая особенность работы заключалась в попытке увязать в рамках единого синтетического подхода философские естественнонаучные, обществоведческие, антропологические, культурологические, экономические и исторические аспекты. Тем самым была сделана первая попытка выйти за пределы чистой экономической мысли, а хозяйство было рассмотрено в более широком, многообразном ракурсе, а понятие «хозяйственное» получило возможность более насыщенной и разносторонней смысловой реализации.

Десятилетие спустя в свет выходит второе монографическое произведение автора — *«Очерки философии хозяйства»*, содержащее чрезвычайно важную для понимания философии хозяйства работу «Осмысление», вводящую читателя в смысловое поле философии хозяйства, раскрывающее авторскую позицию в этой проблематике. По сути дела в данной работе представлена современная версия в ее целостной интерпретации, версия, вобравшая в себя важнейшие булгаковские мотивы, ко-

торые либо отсутствовали, либо не были так отчетливо выражены в «Опыте философии хозяйства».

Третья программная работа Ю.М. Осипова — «Философия хозяйства (в 2-х книгах). Курс философии хозяйства. Свод лекций (кн. 1-я); Проблемы философии хозяйства. Ход вещей и размышлений (кн. 2-я)», появилась *в 2001 г.* Она носила абсолютно авторский характер, и представляла собой наиболее полное изложение учебного курса философии хозяйства, а также содержала материал, необходимый для понимания предмета и содержания философии хозяйства, характерных для нее постановок и решений. Наряду с освещением ряда традиционных для теоретической экономии вопросов, сопряженных с ключевыми принципами философии хозяйства, в работе были подняты и раскрыты важные, принципиальные проблемы, соответствующие философии хозяйства, но теоретической экономии практически не свойственные.

И вот, наконец, *в 2002 г. — «Время философии хозяйства»*, объединившая в себе все доселе опубликованные работы автора по философии хозяйства и дополненные «Курсом философии хозяйства. Примерной программой», вышедшей в том же году также в издательстве МАКС-Пресс. Без сомнения появление перечисленных выше работ на небосклоне современной обществоведческой мысли — явление отрадное и неординарное, тем более несколько неожиданна реакция научной общественности, точнее сказать практическое отсутствие подобной реакции на страницах авторитетных научных журналов, в прессе и СМИ. Попытки объяснить авторскую позицию, предпринятые на страницах журнала «Философия хозяйства», также не имели сколь-нибудь заметного и ощутимого резонанса, и отношение к опубликованным трудам по сей день несет на себе некий оттенок настороженно-подозрительного молчаливого ожидания. Можно, очевидно, постоянно задаваться вопросом о причинах и поводах подобного отношения к философии хозяйства; но полезным представляется повторно обратиться к вопросу об авторской позиции и рассмотреть ее еще более глубоко, всесторонне и последовательно.

Ясность авторской позиции предполагает корректное определение предмета, метода, содержания и основных принципов философии хозяйства. Базовые дефиниции, в свою очередь, не могут быть сведены произвольно в одно, универсальное и

всеобъемлющее определение, а должны стать результатом рассмотрения ее содержания с различных сторон и под различным углом зрения. Подобный подход, очевидно, и позволит, в конечном счете, достаточно глубоко и разносторонне исследовать столь сложный феномен современной обществоведческой мысли, как философия хозяйства.

Изучение различных аспектов содержания философии хозяйства в ее современном обличии имеет и другую позитивную сторону. Следуя мудрому изречению «Недостатки — это всего лишь продолжение достоинств» можно, вероятно, на основе анализа несомненно позитивных сторон любого учения, знания, представления получить картину и не совсем приглядных положительных, оборотных сторон исследуемого явления.

В наиболее лаконичном и кратком виде ключевые принципы философии хозяйства могли бы быть представлены в следующем виде.

1. *Философия хозяйства* представляет собой *новое современное и развивающееся* знание. Характерная черта этого знания — открытость, неагрессивность и терпимость к иным позициям и точкам зрения (включая традиционные, научные и выходящие за рамки привычных школ и отраслей знаний). Более глубокое ознакомление с опубликованными работами однозначно свидетельствует в пользу данного утверждения, поскольку вряд ли найдутся высказывания автора, категорически осуждающие или неприемлющие другие точки зрения или их частные положения. Вместе с тем, считать философию хозяйства неким аморфным, вседопускающим и вседозволенным знанием было бы также ошибочно. Во-первых, оно подчиняется стройной и корректной логике, имеющей много общего с логикой и системными построениями классической философии (о чем хотя бы свидетельствует структура Примерной программы курса философии хозяйства). Во-вторых, не возникает и сомнения в том, что автор обладает в полной мере добротной научной школой, как экономико-исторического и философского направления, школой, позволяющей стройно и корректно формулировать и выстраивать собственные категориальные и понятийные дефиниции.

2. *Другая примечательная черта философии хозяйства* — особое качество нового знания, а именно — *знание-размышление*. Иными словами, философия хозяйства — это и

не философия, и не экономика в привычных нам определениях и понятиях, а тем более — нечто серединное, промежуточное, эклектически объединяющее философские и экономические категории и понятия.

3. *Исходный пункт философии хозяйства* — это *сама реальность*, реальная действительность, взятая как целостность, а не разделенная и препарированная рассудочной деятельностью познающего субъекта (как в традиционной обществоведческой науке). Познание реальности происходит человеком познающим, объединяющим в себе деятеля, созерцателя и мыслителя, хозяйствующего и размышляющего одновременно, посредством погружения в предмет и в нем пребывания, что и приводит к «вытягиванию» самой реальности из самого предмета познания.

4. *На смену* привычной *диалектики приходит полилектика*, органично объединяющая субъект и объект познания и устраняющая тем самым их во многом антагонистическое противоречие, присущее диалектическому способу постижения реальности. Как отмечалось ранее, философия хозяйства сама по себе неагрессивна, но это не означает отсутствия в ней энергетической наступательности и способности к принципиальному противоборству. Правда, эти ее качества переносятся на иную арену — в область метасмыслов, или смыслов, имеющих знаковую ценность, открывающих для познающего скрытую дорогу к постижению *глубинных смыслов*.

5. Полилектика несет в себе *возможность органичного сращивания* высокого, светоносного знания-размышления с плодоносным знанием, рождающимся в результате постоянного поиска знакового конкретного, ведущего к познанию глубинных смыслов и, в конечном счете, Замысла. В противном случае философии хозяйства грозит серьезная опасность превращения в знание преимущественно *снимающее, производное, развивающееся в самом себе и для себя самого*.

6. Слияние двух ветвей единого древа познания имеет ряд несомненных достоинств. Во-первых, обеспечивается постоянный, живой и расширяющийся контакт контрагентов познавательного процесса. Во-вторых, единое смысловое поле, образующееся в ходе размыслительного процесса, включает в себя, как органическую часть, свободный и непринужденный обмен избыточным и сокровенным. В-третьих, *элитарность*, свойст-

венная современному знанию-размышлению, дополняется *аристократичностью* и *глубиной* знаний профессионалов, исповедующих философский подход к познанию действительности. Новое знание приобретает, в конечном счете, и новое качество, вмещающее в себя вселенскость, планетарность, национальность и индивидуальность.

7. Тогда *философия хозяйства* реально представляла бы собой *уже Царство не профессии, а мудрости, не умения, а вживания, не техники, а вдохновения*, а посему и обучение этой дисциплине — знанию — не обучение инструкции, а ненавязчивое и почти что сакральное введение в единое смысловое поле.

8. При всех возможных корректировках русло философии хозяйства (сколь безбрежным оно не представлялось бы) остается неизменным. Три базовых правила определяют его границы.

Первое. Трансцендентность, т. е. таинственность, квалифицируемая не как временно непознанное, исходно и конечно заповедное, т. е. область, куда вторгаться человеку заказано.

Второе. Идеальность всех смыслов, окружающих нас предметов и явлений, мира вообще, поскольку названное материальное уже поэтому есть идеальное.

Третье. Минимум слов и больше смысла. Мысли, явленные из молчаливого, но творческого ничто — торжество молчания, которое есть и золото, и благо. Сокращение круга новых понятий философии хозяйства для объяснения привычных явлений, поскольку чрезмерное их раздувание вряд ли способствует адекватному углублению ее знания, обращенному к постижению предельно глубинного, смыслового и знакового.

9. И, наконец, *софийность хозяйства* — исключительно важный принцип философии хозяйства. В самом общем виде он выражается одной, «магической формулой»: *Бог (вера, любовь, мудрость) — Жизнь (хозяйствование) — знание-размышление — Жизнь — Бог (вера, любовь, мудрость)*. Другая ипостась этой формулы выглядит несколько иначе: *Космос — Бог — Жизнь (хозяйствование) — знание-размышление — Жизнь — Бог — Космос*. Гипотетичность этих формул для традиционной науки весьма очевидна. Если бы не одно «но» — выдающиеся археологические открытия XX и более отдаленных веков. Проникновенный и нетрадиционный подход к этим

знаковым явлениям нашей истории с позиции принципов философии хозяйства, а также некоторых других сопряженных областей науки, могут наполнить все самыми неожиданными смыслами. Этому и будет посвящена вторая часть статьи (если Провидению будет угодно, и она увидит свет).

И.В. НАЗАРОВ

Становление философии хозяйства: от гуманистической парадигмы к христианской (Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

Известно, что отрасль знания, претендующая на раскрытие наиболее общих закономерностей хозяйственной жизни, — политическая экономия, возникла в зоне тектонического «парадигмального сдвига» новоевропейской науки относительно христианской теоцентрической традиции. Этот сдвиг характеризовался коренным изменением представлений о мироздании, а также о человеке как субъекте хозяйственных процессов и экономических отношений и, в конце концов, привел к деонтологизации экономического знания, к нарастанию в нем позитивистских тенденций.

Рождение политической экономии, выделившейся из «моральной философии» (предмет, который преподавал А. Смит в начале своей научной карьеры), совпало со стремительным «дрейфом» новоевропейского рационализма от деизма, хотя и признававшего творение мира, но исключавшего действие Божественного Промысла в нем, к материализму французских просветителей, отрицавших креационизм и телеологию в мире и в истории. Это привело к тому, что экономическая теория, изучавшая законы взаимодействия хозяйствующего субъекта с объектом труда, полностью абстрагировалась от внутренне присущей последнему логики движения, вложенной в него Творцом, в результате чего мир (явно или неявно для самих теоретиков) предстал перед их научным взором как бы «пластилиновым», т. е. полем чистого хозяйственного произвола человека. Между миром и хозяйством в экономической теории был фактически поставлен знак равенства, что позволило С.Н. Булгакову написать: «Наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство… Жизнь есть процесс, прежде всего хозяйственный, такова аксиома этого современного эко-

номизма, получившая самое крайнее и даже заносчивое выражение в экономическом материализме» [1, 54].

Что касается взглядов классиков политэкономии на человека и общество, то их формировали, с одной стороны, «представители естественно-правовых учений с их верой в неповрежденность человеческой природы и предустановленную естественную гармонию, а с другой — проповедники утилитаризма — И. Бентам и его ученики, исходившие из представлений об обществе как о совокупности разрозненных атомов, взаимно отталкивающихся представителей различных интересов» [2, 343]. Первые, т. е. адепты естественно-правовых концепций, оторвав новоевропейскую антропологию от библейского учения о первородном грехе и христианской перспективы вертикального, «перпендикулярного» земному состоянию дел движения личности к обожению, противопоставили им логику будто бы самоценных, не отделимых от сущности человека прав. Но Иеремия Бентам сделал упомянутый «парадигмальный сдвиг» еще более радикальным — он заменил христианскую дихотомию добра и зла принципом полезности: «Добродетель осталась, но она — личная польза, — пишет в статье «Лабиринты либерализма» А. Арендарь. — Высшая цель существования человека осталась, но это — служение не Богу, а прогрессу, заключающемуся в создании «максимально большого количества счастья максимально большому количеству людей» [3, 495].

Таким образом, классики политэкономии получили в наследство от итальянского гуманизма, французского просвещения и бентамовского утилитаризма представление о человеке как о существе, не поврежденном первородным грехом и не призванном к вечной жизни, как о существе, не ощущающем над собою Бога. Рассмотренный под таким углом зрения человек становится «мерой добра и зла», и тогда зло начинает отождествляться со страданием, а добро — со счастьем. Слепком именно с подобного человеческого типа является фундаментальный абстракт *homo economicus*, который играет роль главного постулата в теоретической системе А. Смита и в разных «мутациях» доходит до маржинализма, теорий экономического равновесия, неоклассики, постепенно все больше превращаясь из эгоистического прагматика в гедониста. В любом случае такой человек, игнорируя объективные онтологические основания существования мира и самого себя, выстраивает стратегию

своего экономического поведения таким образом, чтобы минимизировать страдание (труд, издержки производства) и максимизировать счастье в различных его модусах (прибыль, наслаждение, извлекаемое из всего, что можно приобрести, и т. п.). Пределом человеческих стремлений и финалом истории в подобной системе мировоззренческих координат является некое достижимое хозяйственными усилиями утопическое состояние общества, где страдания не будет (что предполагает и удовлетворение потребностей).

Только христианская философия хозяйства, первую попытку создания которой предпринял С.Н. Булгаков, дает подлинное определение хозяйства, т. е. ставит вопрос о его онтологических рамках как космического явления, трезво понимая *что* в человеческой жизни и истории мира по существу своему нехозяйственно. Это и понятно, поскольку христианское вероучение исходит, во-первых, из библейской истины о творении мира *ex nihilo* по замыслу Бога и, во-вторых, из факта вторжения Бога в историю — Боговоплощения, Крестной Смерти и Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Это означает, что само возникновение мира и человека в нем лежит вне сферы компетенции хозяйствующих субъектов, равно как и то, что Бог, вочеловечиваясь, решает некоторые, стоящие перед человеком проблемы, решить которые самостоятельно последний не в силах. Таким образом, хозяйство предстает в качестве «тонкого слоя» осознанного, волевого человеческого усилия, под спудом которого находится бездна дохозяйственного — сотворенные Богом вещество и энергия, природа, исполненная гармонии и смысла, некоей изначальной человекоразмерности и неподвластной человеку логики, вложенных в нее Самим Творцом. Биение сердца, зачатие плода и его созревание в материнской утробе, набрякание почек на весенних ветвях и дыхание — вот лишь некоторые звенья нескончаемой цепи поразительных по своей телеономичности спонтанных процессов, обступающих человека извне и наполняющих его естество изнутри. Хозяйственное усилие скользит по телу природы, вторгаясь в эти процессы до определенной глубины и корректируя их в соответствии с человеческими целями и потребностями, но факт остается фактом: человек застает бытие мира и самого себя в нем как нечто данное, сбывшееся помимо его воли.

С.Н. Булгаков отмечал в «Философии хозяйства», что человек не властен созидать из ничего — в своем творчестве он неизменно опирается на уже сотворенный Богом ресурс, равно как не может он сотворить и живое существо, «одинаково ни микроскопической козявки, ни гомункула в реторте» [1, 161], вследствие чего дар жизни передается не хозяйственным актом, но исключительно непроизвольным движением естества — рождением. Но кроме указанных ограничений хозяйственных возможностей человека есть одно главное, различимое исключительно в свете заповеди Бога-Отца, возвещенной миру Воплотившимся Богом-Сыном Иисусом Христом: «И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12, 50). Многоразличные нехристианские учения (пантеизм, материализм, экзистенциализм) трактуют смерть по-разному, видя в ней неоспоримый факт, трагедию, освобождение от земной юдоли и т. д., но только христианство безошибочно диагностирует смерть как аномалию, нарушение Божией Заповеди вечной жизни. Таким образом, только в христианском вероучении смерть возводится в ранг проблемы, которая требует своего решения, каковым является вхождение Воплотившегося Бога в ее сердцевину и Его Пасхальное торжество над нею. Причащение Воскресшей Плоти и Крови Спасителя в Таинстве Евхаристии делает христиан сонаследниками Пасхальной Победы Христа над смертью, и оно же вводит нас в сферу теургии, когда в ответ на человеческую мольбу в причастниках действует Сам Бог, исцеляя и преображая. Это действие Бога сбывается за пределами человеческих возможностей, равно как за рамками хозяйственных возможностей человечества произойдет однажды и воскресение мертвых, о чем С.Н. Булгаков пишет в работе «Свет Невечерний», настойчиво полемизируя с Н.Ф. Федоровым — автором утопического «проекта» рукотворного воскрешения тел умерших отцов [4, 558]. Сказанное выше объясняет, почему христианская философия хозяйства не может согласиться с гуманистическим представлением о мире, истории и человеческой жизни как о явлениях по преимуществу хозяйственных: с высоты христианского вероучения отчетливо видно, что хозяйство как цель человеческих усилий граничит со сферой *до*-хозяйственного — телеономичной спонтанностью природы и со сферой теургии, восполняющей человеческой бессилие перед лицом смерти.

Но следует акцентировать внимание на том, почему булгаковская попытка создания философии хозяйства осталась незавершенной. На наш взгляд, пребывавший в плену софиологической концепции, С.Н. Булгаков не смог верно ответить на вопрос, как соотносится хозяйственное творчество человека с образами мира и истории в Божественном замысле их. Эта концепция, начало развитию которой положили его работы «Философия хозяйства» и «Свет Невечерний», как и всякая теория всеединства, делающая упор на сущностном единстве Бога и мира, тяготела к пантеизму, всегда неспособному разрешить проблему теодицеи, т. е. объяснить существование зла, в том числе и злого хозяйственного творчества человека. Поскольку софиологическая космогония Булгакова уже была нами рассмотрена на страницах альманаха, будем оперировать сжатыми выводами из проведенного ранее исследования (см.: [5]). По мысли Булгакова, творение софийно, т. е. насыщено идеями Бога, составляющими логосную, разумную основу всех космических форм. На вопрос, какова же тогда необходимость хозяйства, что может добавить человек к Божественной в своей основе твари, Булгаков отвечает своей трактовкой грехопадения праотцев, как и концепцией творения, несовпадающей с ортодоксальной позицией. По Булгакову, в основе космоса лежит «укон», своего рода онтологический «вакуум» первичного «ничто», полагаемый творческим актом Бога вне Себя, в который Бог внедряет Божественную Софию — панорганизм Своих идей о мире. Засемененное Божественными идеями первичное «ничто» превращается, таким образом, в «мэон» — материю мира, чреватую эволюцией космических форм, направляемой содержащимися в ней мыслями Творца.

Грехопадение Адама и Евы как бы открывает в мироздании «кингстоны», через которые в космос просачивается первичное «ничто», деформирующее тварные формы, сообщающее им налет тленности. Снять этот «налет», «подшлифовать» искаженную вырвавшимся из «мирового подполья» «ничто» явленную изнанку мира, примирив ее с оставшейся неповрежденной софийной основой и с человеческими потребностями, — вот задача хозяйства в трактовке С.Н. Булгакова. Он считал, что хозяйственное творчество не содержит в себе ничего метафизически нового — оно лишь приводит искаженную изнанку вещей в соответствие с их замысленными Богом и затем иска-

женными гравитацией «ничто» первообразами. Строго говоря, хозяйственное творчество в булгаковской системе координат невозможно, как невозможно и зло. Человек может воспроизвести, «очистив» от небытийных «наслоений», лишь то, что есть в Божественном замысле. Совпасть с ним. И это движение булгаковской мысли позволяет нам четко артикулировать несколько дерзкий вопрос — а властен ли человек хозяйственным способом воплотить свою фантазию, не укорененную в Божественном замысле? От последовательно православного ответа на него зависит, как нам кажется, дальнейшая перспектива развития философии хозяйства.

Категориальное поле, позволяющее приблизиться к решению данной проблемы, дает только православная концепция творения, настаивающая на энергийном взаимодействии Бога и твари в противовес тезису об их сущностном, эссенциальном единстве, выдвигаемом софиологией. Согласно православному вероучению, единосущие характерно лишь для Лиц Пресвятой Троицы, но природа мира коренным образом отличается от Природы Бога, будучи отделена от Него пропастью творения из «ничего». Когда христианское вероучение говорит о творении из «ничего», это «ничто» нельзя наделять никакими, пусть и отрицательными, свойствами. Здесь имеется в виду лишь то, что Бог творит мир, не нуждаясь ни в каком (даже почерпнутом из собственной Природы) ресурсе, Он творит его с абсолютного нуля, волевым актом полагая вне Себя абсолютно новую природу — природу тварную. При этом творческие логосы, мысли Бога о твари, не переходят в сотворенный космос (как считал С.Н. Булгаков) в качестве сущностей наполняющих его форм, но остаются трансцендентными по отношению к нему. Сущности реально существующих форм есть лишь тварные слепки с Божественных идей. «Идеи-воления, которые Дионисий Ареопагит называет “образцами”, “предопределениями” или “предвидениями”, не тождественны вещам тварным, — писал выдающийся православный богослов В.Н. Лосский. — Хотя они и являются основанием “всяческого”, установленного Божественной волей в простых излучениях или энергиях, хотя и являются отношением Бога к существам, которые Он создает, идеи тем не менее отделены от твари, как воля художника отделена от произведения, в котором она проявляется. Идеи предустанавливают различные модусы приобщения к энергиям, различ-

ные и неравные степени восхождения для различных категорий существ, движимых Божественной любовью и отвечающих на эту любовь в свою меру» [6, 74]. Нетождественность Божественных идей и реальных вещей оставляет простор для несовпадения свободной человеческой воли (в том числе проявляемой в хозяйственном творчестве) с идеальными образами мира в замысле Божием.

Таким образом, православное вероучение позволяет вплотную подойти к вопросу о возможности злого хозяйственного творчества человека, осуществляемого вопреки Божественному замыслу о мироустройстве: может ли человек своим усилием так преобразовать энергию и вещество, данные ему Творцом, чтобы ввести в мир нечто противное Его воле? В православном богословии этот вопрос является частным ответвлением проблемы о различении того, что происходит в мире по Промыслу Божию, от того, что сбывается в нем по попущению Божию. Бог попускает зло, не являясь его инициатором, — оно привносится в мир волей свободных существ, которую Бог не стесняет Своим всемогуществом, ибо это было бы равноценно перечеркиванию дара свободы. Зло проистекает из несоответствия свободной воли ангелов и человека воле Божией. Всем известно, что зло как мерцательный поступок есть грех. Но возможно ли злое творчество, т. е. созидание чего-либо, неукорененного в замысле Божием? Возможно ли человеку, грубо вмешиваясь в Богом данный ход вещей, актуализировать в мире свою субъективную фантазию?

Основатель современной московской школы философии хозяйства Ю.М. Осипов считает, что подобное наступление субъективных фантазмов на естественный порядок бытия составляет содержание переживаемой нами ныне эпохи постмодерна, который «субъектен, это не одна лишь “объективная реальность”, а более всего субъективная ирреальность, активно насилующая реальность» [7, 62]. Но обладает ли подобный хозяйственный фантазм некой бытийной самостоятельностью, подобной самостоянию живого организма, способного существовать, отделившись от материнского пласта, из которого он возник? И здесь напрашивается аналогия между порождениями эпохи постмодерна (клонами, генетически модифицированными организмами и т. д.) и раковыми клетками, не совместимыми с изначальным Божественным планом функционирования

человеческого организма. Раковая опухоль тем и отличается от эмбриона, растущего в материнской утробе, что является результатом ущербной комбинации хромосом и, разрушая организм, на котором паразитирует, обречена погибнуть вместе с ним. Неукорененная в Божественном замысле, она лишена онтологического «центра тяжести» и самостятельно «не держится» в бытии. Так и полный сюрреалистических хозяйственных химер мир постмодерна (чего только стоит гигантский государственный долг США, долларовой эмиссией втягивающий в эту воронку весь мир!) — «непременный паразит, хоть и деятельный, пожирающий среду и весь мир, их нещадно эксплуатирующий; мир-растлитель, ибо иного выхода, кроме растления всего и вся, у него нет, а потому мир без тени сомнения, без совести, без нравственных оков; свободный мир — в своих желаниях и действиях, не стесненный и не стесняющийся; мир-пересотворитель, мир-агрессор, мир-убийца; апокалиптический мир» [7, 59].

Мир Постмодерна исторически вырастает из эпохи Модерна, начало которой положил новоевропейский человек, гордо вышедший из Церкви и вознамерившийся, не считаясь с Божественным планом, построить рукотворный рай на земле. Мировоззренческим прологом хозяйственного произвола этой эпохи стали ренессансный гуманизм и французское просвещение, нашедшие более конкретное преломление в классической школе политэкономии, либерализме, а затем и в экономическом материализме, в латентной форме отравившем многие течения экономической мысли и открыто заявленном марксистами в качестве своей философской доктрины. В погоне за утопическими призраками земного рая (как бы последний ни назывался — коммунизм или постиндустриальное общество) человек все больше сходил с колеи Богопричастности и, безоглядно перекраивая мир Божий, строил нечто новое, все более лишенное логосной основы и, наконец, обернувшееся химерой постмодерна. Ощутимая ныне обреченность этого мира, все глубже перекраивающего Богом данный ход вещей, втягивающего в свою орбиту иные миры и тем самым все больше «подрезающего» логосные корни исторического процесса, остро ставит перед современным человеком задачу «собирания камней», разбросанных его предшественниками, созидания христианской культуры, в том числе и хозяйственной. «Так что же в самом

деле лучше? — ставит вопрос Ю.М. Осипов. — Осознавать, что с Богом ты воистину высок и ответствен, или не сознавать этого; осознавать, что ты вовсе не можешь, согласно Богу, творить все, что хочешь, или этого вовсе не осознавать; осознавать, что ты все же Божье творение, как и все вокруг тебя люди, или ничего подобного не осознавать; осознавать, что польза по Богу — вовсе не та польза, которой учит научная экономия, или же опять же этого не осознавать, и т. д. и т. п.» [8, 222]. Конечно же, ответить «да» или «нет» на поставленные выше вопросы — дело личного выбора каждого, но нам кажется, что сам ход истории, столь неровный в последнее время, подталкивает нас к тому, чтобы стряхнуть с себя хмель ренессансной самонадеянности и наркотические галлюцинации постмодерна. И переход от антропоцентричной парадигмы безудержной перекройки мира к парадигме смиренного несения хозяйственного креста истории будет важным поворотным шагом блудного сына — новоевропейского человека — навстречу спасающему Христу.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
2. *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
3. *Арендарь А.Ф.* Лабиринты либерализма. Послесловие к книге // Адам Смит. Беккариа и Бентам. Джон Милль. Прудон. Ротшильды: Биогр. повествования. Челябинск, 1998.
4. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний: созерцания и умозрения. М., 2001.
5. *Назаров И.В.* К вопросу о пределах хозяйственного преобразования мира // Философия хозяйства. 2004. № 3.
6. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
7. *Осипов Ю.М.* Эпоха постмодерна: В 3 ч. М., 2004.
8. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства: Учеб. пособие. М., 2005.

А.К. ПОПОВ

Православное видение философии хозяйства (Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

В последние годы стало модно говорить о философии хозяйства. При всей спорности этого предмета он хорош тем, что заставляет нас задуматься об онтологических и нравственных основаниях хозяйствования и экономики, о которых, как кажется, сейчас совсем забыли или не хотят помнить.

Вопрос о том, что такое *философия хозяйства* с православной точки зрения, до сих пор не имеет определенного ответа, несмотря на появление в конце 2000 г. «Основ социальной концепции Русской православной церкви» [1], в которых были рассмотрены только вопросы о труде и собственности. В то же время очевидно, что русское имперское тысячелетнее хозяйствование, как и византийское, должно было иметь под собой и определенную философию как осмысление хозяйственной деятельности, базирующейся на православной религиозной традиции. Так оно и было. Но эта философия хозяйства, как и само православие, бытовала не в виде неких «символических книг» или известной всем и принятой доктрины, как это было на Западе, а скорее, в практике русского имперского хозяйства, да в форме русской истории от Ломоносова, Татищева, Карамзина до Ключевского с его «Историей сословий».

Наконец, на сцену в 1912 г. выступил наш русский философ-экономист С.Н. Булгаков со своей «Философией хозяйства» [2], где он попытался пойти к истокам экономической науки и сформулировать новую схему, или парадигму, экономического мышления в противовес схеме К. Маркса, а вместе с ним и всем остальным политэкономам либеральной школы. Одним из замыслов С.Н. Булгакова было переломить все более крепчающие в среде интеллигенции и студенческой молодежи марксистские революционные настроения, дать новую популярную и консервативную идеологию.

В своей философии хозяйства С.Н. Булгаков на основе своего «догматического новаторства» [3] сформулировал *софианскую* схему экономического мышления, позаимствовав многие идеи из философии «мертвого дела» Николая Федорова [4]. Однако софианство, а следовательно, и софианская философия хозяйства как «религия мертвого дела», противоречат нашей русской *православной традиции*, а потому они не могли и не

могут послужить основанием для формирования русской экономической теории, которая будет использована для понимания и обновления русской экономической действительности. Другими словами, булгаковская философия хозяйства не стала первой формулировкой и доктриной православной философии хозяйства. Она, скорее, стала доктриной западной философии хозяйства, подойдя к нему с другой стороны, нежели либерал Смит и коммунист Маркс. Как сказал бы Ю.М. Осипов, западное хозяйство заговорило, но, добавим мы, не на нашем языке.

Но так или иначе почин С.Н. Булгаковым был положен. И, пожалуй, главным и самым полезным у него было *представление о хозяйстве как воспроизводстве жизни и полноты ее материальных и нематериальных благ*. Такая широкая постановка проблемы требует ответа на следующие основные вопросы:

- какова природа мира как хозяйственного объекта, или какова хозяйственная космология;
- какова природа человека как хозяина и работника, или какова хозяйственная антропология;
- какова природа самого хозяйства и хозяйствования, или каковы хозяйственная социология и домостроительство.

Но прежде чем переходить к формулированию основных принципов православной философии хозяйства [5], хотелось бы ответить на вопрос, а что же такое философия хозяйства с православной точки зрения. На наш взгляд, православную философию хозяйства можно определить, немного перефразируя нашего учителя прп. Кирилла Словенского, так: *философия хозяйства — это разумение божеских и человеческих хозяйственных дел, которое учит человека через добродетель, насколько возможно приближаться к Богу, сотворившему человека по своему образу и подобию, или учит обожению по мере своих хозяйственных дел и благодати*.

Принципы православной космологии

Православная философия хозяйства опирается не на отвлеченные идеи тех или иных философов и экономистов, а на Божественное Откровение, труды Святых Отцов и Учителей Церкви и опыт хозяйствования православных народов и потому создается на твердом фундаменте. Уже в библейском рассказе о сотворении мира — Шестодневе — Святые Отцы Церк-

ви находят основы православной натурфилософии и космологии. Согласно Откровению, Бог сотворил мир вдруг и в одно мгновение и вне времени положил его основание, которое знает только Он. Мир есть целое, стройное и согласное. И как целое он создан Творцом. Мир начинается не алогично, не бессловесно, а Словом, Второй Ипостасью Бога. Бог-Отец творит Премудростию, и Премудрость есть воля, и с решением воли для Бога нераздельно дело. Таким образом, *космос — это Божественное творение во времени из ничего, которое имело начало, а следовательно, и весь мир имеет свой временной предел.*

Бог не только создал мир. Он сохраняет, содержит его как Вседержитель Своим вездеприсутствием. Таким образом, в мире во всю его историю действует Божественный Промысел. И само человеческое хозяйство как часть этого мира также находится в Божием смотрении.

Проникающая космос Божественная энергия имеет для него трансцендентный характер и потому никак не может считаться душой мира, которая всегда интимно и имманентно связана со своим телом.

Мир эволюционирует, но не так, как представляется в язычестве. Возникновение твари есть начало ее становления, которое продолжается и до сего дня, в отличие от того, что думают о библейской натурфилософии. Вселенная не сразу возникает в своей полноте. Она постепенно устрояется в определенной последовательности и порядке. Вдруг и сразу возникают элементы, стихии мира — из ничего. И при этом Бог сообщает им силу (энергию) самоосуществления. Мир начинает составляться из самодвижущихся и саморазделяющихся стихий, реализуя заложенный в творении потенциал. По словам св. Григория Нисского, творившего в IV в., «все было в возможности при первом устремлении Божием к творению, как бы от вложенной некоей силы, осеменяющей бытие Вселенной, но в действительности не было еще каждой в отдельности вещи». Эта сила была вложена в стихии как логически осмысленные энергии (силы) саморазвития из потенциального состояния в наличное бытие. Так постепенно возникает симфония мира.

Симфония мира содержит непереходимые ступени совершенства, или сложности, и вместе с ними восхождение по ним к большему естественному совершенству. Сперва мертвое вещество, потом растения, потом существа бессловесные.

Сперва вещество, потом жизнь, в него проникающая. Есть и ступени жизни: «жизненная и душевная сила» проявляется в трех видах: как «сила растительная и питательная» — в растениях; как «сила чувственная», или «сила восприятия», — в животных; как «сила разумная», или сила рассуждения, — только в человеке. Таким образом, в православной космологии отрицается «сквозная» эволюция от простого к сложному, от неживой природы к живой. Сложное никак не может возникнуть из простого. А вот дегенерация может произойти. Алхимические каббалистические и дарвинистские изыски отрицаются и считаются ложными.

В симфонии мира все со всем связано определенными динамическими связями. По словам св. Григория Нисского, «все существует одно в другом и поддерживает друг друга, ибо прелагающая сила некиим круговращением прелагает все земное из одного в другое и из того, во что оно преложено, снова приводит в то, чем оно было прежде. Так создается некий круг, обращающийся вокруг самого себя и всегда делающий одни и те же обороты, так что ничто не убывает и не прибывает, но все всегда пребывает в мерах первоначальных» [6, 155, 156]. Это идея цикличности происходящих в мире процессов — не только энергетического обмена, но и обмена веществ, которые будут исследоваться физиками, химиками и биологами в XIX — XX вв.

Мы видим, что в православной космологии Святыми Отцами Церкви заложены принципы исследования хозяйства:

- во-первых, принцип познаваемости мира, созданного Творцом из логически осмысленных невещественных качеств; эти логически осмысленные онтологические основания создают предпосылки для логического же познания мира, но не в его сущности, а в его свойствах и его явлениях; здесь, таким образом, получает онтологическое обоснование форма субъект-предикатного описания мира в форме логических предложений и теорий;
- во-вторых, принцип восхождения от абстрактного (простого) к конкретному (сложному) в процессе временной трансформации;
- в-третьих, принцип самовоспроизводства хозяйства как замкнутого в освоенности человеком хозяйственного космоса.

Принципы православной антропологии

В упомянутом Шестодневе Откровение резко выделяет человека из всего природного строя, в отличие от всех языческих и параязыческих философских систем, вроде шеллингианства, марксизма, софианства. *Создание человека — завершение творения мира, творения космоса*.

Человек создан по образу и подобию Бога, что означает наличие в нем способности к творчеству (но не из ничего) и целесообразной деятельности, разумной словесности, свободной воли и нравственности. Условием успешности этой деятельности и хозяйствования человека является его космичность. Он — средоточие Вселенной, полнота природы, микрокосм, «некий малый мир, содержащий в себе те же стихии, которыми наполнена вселенная». Потому и сотворен человек последним, что «объемлет собою всякий род жизни».

Однако не в этом достоинство человека, как утверждают язычники. *Космичность человека*, в отличие от их представлений, только потому и получает смысл и важность в глазах Отцов Церкви, что создан по образу и подобию Божию и чрез это становится *проводником Божественных действий*, а не космических, во всякую тварь. Божественное вдуновение предназначено, по словам св. Григория Нисского, для того, «чтобы земное сопревознеслось с Божественным, и некая благодать равночестно проходила по всей твари, при растворении дольнего естества Естеством премирным», Его Божественной энергией. Чрез человека и земная стихия получает участие в жизни духовной. В человеке сходится как в некоем центре весь космос.

Человек — двухсоставное существо (душа и тело). И в нем, в отличие от других природных существ, онтологический природный момент неразрывно связан с этическим, так как он по своему духу, несмотря на грехопадение, остался суверенным свободным существом, отвечающим за свои поступки.

Назначение человека заключается в том, что он должен быть *царем, владыкой Вселенной, мощным деятелем и творцом*, через которого благодать распространяется во все более совершенствующемся мире. Перед человеком была поставлена динамическая, а не статическая задача, которая была определена не в виде каких-либо позитивных правил и предписаний, а только в виде одного запрета и дара свободы и силы, проистекавшей от непрерывного общения с Богом-Творцом. Суть гре-

хопадения заключалась не только в том, что человек нарушил Божественную заповедь, но и в том, что он не справился с поставленной перед ним задачей, предпочел свободе и разумному усилию соблазн механического решения всех проблем вкушением от запретного плода древа добра и зла [7]. Так он встал на путь магизма и утопизма, включения себя в мировую причинно-следственную связь, т. е. пришел, по словам прот. Георгия Флоровского, к *космической одержимости*.

Эта библейская история содержит в себе поучение о той исходной экзистенциальной ситуации, в которой всегда находится человек: либо быть евангельским реалистом и непрерывно, день за днем, решать встающие перед ним жизненные проблемы с Божьей помощью и в послушании у Бога, либо быть языческим утопистом и захотеть самому, как бог, решить все жизненные проблемы раз и навсегда, создав некий универсальный механизм для их решения, отыскав то ли панацею, то ли философский камень, то ли вечный двигатель, то ли хозяйственный механизм самоорганизущегося, справедливого и изобильного общества на путях коммунизма, или фашизма, или капитализма.

Принципы православного домостроительства, хозяйственной жизни и социологии

Каков религиозный смысл хозяйства для православного народа? Хозяйственное домостроительство естественно соотнести с Божественным Домостроительством. Божественное Домостроительство — это экономия. Но не экономия в смысле минимизации затрат. Экономия в хозяйстве заботится, чтобы всего было вдоволь. По словам св. Феофана Затворника, «Господь Спаситель чрез воплощение страдания, крестную смерть, воскресение и вознесение, Святого Духа ниспослание устроил всего потребного для нашего спасения не только вдоволь, но и с преизбытком. Это заготовление и все заготовленное и называется экономией или Домостроительством спасения воплощенным» [8, 332, 333]. В нем можно видеть первообраз хозяйственного домостроительства, которое также предназначено для спасения людей, но только в мире сем от биологической смерти, для поддержания жизни и усовершенствования всего мира божественной благодатью. Ведущее значение и в том и в другом имеет Божественный Промысел.

Человеческое хозяйство — это общественные отношения, исторически складывающиеся в процессе хозяйствования, т. е. производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ. Очевидной целью хозяйства является потребление всех этих благ для поддержания жизни во всей ее не только материальной, но и духовной полноте, которые даются только через три вышеуказанные функции хозяйствования. Главной из них является производство. Само производство благ достигается за счет труда.

Труд является центральным моментом хозяйствования. По словам священномученика м. Владимира, труд составляет назначение человека в этой жизни, так как 1) доставляет средства к жизни; 2) укрепляет телесные и душевные силы человека; 3) делает его свободным и независимым в своем существовании; 4) содействует его усовершенствованию; 5) возвышает его до такой степени, что делает господином над природою, который пользуется ее силами для разного рода открытий и изобретений, для распространения культуры и цивилизации; 6) приводит его к источнику всякого и внешнего и внутреннего счастья и благополучия, приводит к живому Богу [9].

Православное учение утверждает истину, которую потом переоткрыли экономисты со времен Адама Смита: *труд есть главный фактор создания земных благ и источник внешнего благосостояния человека и человеческого общества.* Одновременно Церковь учит: хорошая работа должна хорошо и оплачиваться. Но главное — спасительность хозяйственной деятельности достигается постольку, поскольку ее субъекты воцерковлены и своими делами являют свою веру, т. е. работают не только для себя или ближнего, но ради Христа и во славу Божию.

Исходя из природы человека, *хозяйственная деятельность должна быть свободной, чтобы быть разумной и нравственной*. Она должна быть выключена по своим целям, а не по содержанию, конечно, из цепей как природной, так и социальной необходимости. Однако именно это мы теперь и видим на каждом шагу. Другими словами, хозяйственная деятельность большинства людей в силу ее несвободы бессмысленна и безнравственна. Характерными примерами являются массовые профессии (!) охранника и киллера, т. е. наемного убийцы.

Ядром хозяйственных отношений является собственность на средства производства, рабочую силу и продукты производства. Собственность — это отчуждающее отношение человека к богатству, дающее собственнику власть над ним, право владения, распоряжения и использования. Таким образом, хозяйственные отношения — это, в первую очередь, властные отношения по поводу богатства, которые получают законодательное оформление в государстве. Праведная собственность достигается личным трудом или наследством в соответствии с законом. Иным способом приобретенная собственность нелигитимна. Для поддержания Богом установленного порядка важны охранение государством правильно приобретенной собственности и наказание узурпаторов чужой собственности.

В то же время Церковь видит в любом собственнике только управителя ею, «приставника», а не бесконтрольного владельца, который может распоряжаться ею так, как он хочет, в том числе для удовлетворения своих страстей и похотей, игнорируя нужды других людей. Бог — Творец богатства. Главное дело собственника — дела милосердия, чтобы по примеру Господа из слова св. Иоанна Златоустого равно миловать труждающихся, нанятых как от первого часа, так и от одиннадцатого. Отсюда возникает действительно экономное, а не хрематическое (денежное, ростовщическое, стяжательское) хозяйство. Особенный протест Церкви вызывало любостяжательство, т. е. погоня собственника за увеличением своего богатства в денежной форме. Богатство становится для любостяжательного богача идолом, мамоной, которому он поклоняется своими делами, забыв о Боге. Богач не может без милосердия спастись богатством. Милосердие есть осуществление делом заповеди о любви к ближним.

Поэтому Церковь признает домостроительное, или экономное, хозяйство, предназначенное для удовлетворения общественных нужд и опирающееся на частную собственность, но отрицает хрематическое, стяжательное хозяйство, предназначенное для накопления богатства и удовлетворения личных нужд собственника. При ведении экономного хозяйства собственник спасает свою душу, потому что его предпринимательство, предоставление рабочих мест и оплаты за работу множеству трудящихся лиц, а также благотворение суть милость Богу, и «блаженны милостивые, они помилованы будут».

При ведении хрематического хозяйства происходит извращение стремления к благу. Однако в современном глобальном хозяйстве основу его ведения составляет именно такое финансовое извращение — финансомика. С точки зрения православной философии хозяйства это говорит о том, что большие деньги стали всеобщим эквивалентом власти и, кроме того, поклоняемым идолом в самом точном смысле слова. *В современном глобальном, так называемом цивилизованном мире вернулись к древнейшей вавилоно-иудейской архаике, так как снова воцарился золотой телец, который вскоре олицетворится антихристом.*

Заключение

Из краткого изложения основных концепций и принципов православной философии хозяйства мы могли увидеть, как и в чем они радикально отличаются от концепций и принципов философии хозяйства С.Н. Булгакова. Это касается всех основополагающих моментов, таких как представления о Боге, природе, человеке, его назначении, его смерти и жизни, самом хозяйстве. У С.Н. Булгакова происходит «спинозистское» обезличивание Бога и, наоборот, олицетворение самодвижущейся субстанциональной природы хотя бы в виде Софии как души мира.

Главное в православном видении философии хозяйства заключается в том, что если православное хозяйство есть воспроизводство православной жизни, то войти в этой хозяйство, т. е. в эту жизнь, нельзя только теоретически или неким зачислением в штат. Необходимо всецело погрузиться в эту жизнь вместе со всем народом. И в этом смысле история русского имперского хозяйства демонстрирует благодатный жизненный поток служения всего народа, всех сословий России православной миссии — быть Третьим Римом, быть удерживающим. И эту миссию никто не отменял.

Сам факт гигантского роста и процветания тысячелетнего российского государства, безусловно, свидетельствует о том, что его хозяйственная система была *эффективной с точки зрения достижения государственных целей*, когда уровень предпринимательской и хозяйственной деятельности позволил не только освоить обширные пространства России, но и обеспечить экономическую безопасность страны, предоставляя все необходимое народу, правительству и армии. На деле осуществляемая православная философия хозяйства была верной. Рас-

крытию специфики русского имперского хозяйства и его соответствия православной философии хозяйства посвящена работа «О русском имперском хозяйстве» [10]. Поэтому здесь на этом останавливаться не будем.

Исходя из православной антропологии, космологии и домостроительства, православная философия хозяйства выдвигает во главу угла самого хозяйствования главную цель человеческой жизни и назначение человека в контексте всего его существования. Поэтому всякая форма хозяйствования рассматривается либо как спасительная, либо как губительная для души человека, а следовательно, и всего его существа. После всеобщего воскресения и Страшного Суда начнется вечная жизнь или смерть того или иного человеческого существа, в зависимости от его дел на Земле, в том числе хозяйственных.

Отсюда понятно, что всякое мирское хозяйство рассматривается, прежде всего, с точки зрения его полезности для души, а потом для тела. Как сказано, «ищите прежде Царства Божия». И в этом отношении образцом совершенного хозяйства является монастырское. Но не все могут вместить монастырскую жизнь и быть совершенными. И поэтому весь мир не может стать одним монастырем. Православие трезво смотрит на человеческие душевные и телесные способности. Спасительным может быть и мирское хозяйство, как раньше было спасительным русское имперское хозяйство, если только оно велось без противоречия заповедям Спасителя и если хозяйственное домостроительство входило в планы Божественного Домостроительства. И сейчас, несмотря на торжество хрематического типа хозяйства, православные люди могут вести хозяйство по совести, на православных основах, участвуя либо в монастырском, либо в церковно-приходском, либо в предпринимательском хозяйстве.

Что касается «выговаривания» самой философии хозяйства, то, как справедливо заметил и фактически призвал нас Ю.М. Осипов, на путях православной философии хозяйства, а также конкретных исследований имперского хозяйства мы можем консолидировать наши совместные усилия по возрождению великой православной России.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2000.

2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
3. *Попов А.К.* Догматическое новаторство о. С.Н. Булгакова // С.Н. Булгаков: экономика и культура. Материалы международной научной конференции. М., 1995.
4. *Попов А.К.* Чрево. Религия мнимого дела. М., 1996.
5. *Попов А.К.* На путях к православной философии хозяйства // Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М., 1998.
6. *Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV века. Париж, 1931; М., 1992.
7. *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т. 1, 2. Казань, 1898, 1903.
8. Жития и творения русских святых. М.,1993.
9. *Владимир, митрополит.* Труд и собственность в учении Русской Церкви. Работа в свете материализма и христианства // Экономика русской цивилизации. М., 1995.
10. *Попов А.К.* О русском имперском хозяйстве // Зернышко по зернышку. М., 2004.

М.А. РУМЯНЦЕВ

Философия хозяйства в ракурсе отечественного миросозерцания (Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

Пределы софийного мышления

Для философии хозяйства трансцендентное есть превращенная форма религиозной установки личности, данная в хозяйственной жизни. Иными словами, хозяйственная жизнь исторической личности и ее воззрения на хозяйство есть способ отношения личности к Абсолюту, к сверхличному и сверхчувственному Абсолютному Благу. И здесь — если мы придерживаемся православно-русской мыслительной традиции — возникает вопрос о софийности хозяйства.

Рассуждения о софийности хозяйства могут представляться весьма православными, ибо связаны они с почитаемой верующим народом Софией — Премудростью Божией. Так, из совершенно верного понимания Софии как божественной энергии, божественной благодати выводится «священная материя» хозяйства — земля, «данная нам навеки в пользование Всевышним» [1, 146]. В результате софийность хозяйства утвер-

ждается в виде своего рода «православной онтологии», «религиозной метафизики» хозяйства, «метафизики земли» и т. п. [1; 2]. Отсюда, если мы стоим на позиции «православного энергетизма», как будто бы следует, что энергии Божии освящают «материю хозяйства» и организуют ее в виде некоей метафизической (религиозно-философской) сущности.

А так ли это, вправе ли мы мыслить о софийности хозяйства как о благодатной энергии, пронизывающей и освящающей «материю хозяйства»? Св. Григорий Палама — создатель учения о Фаворском Свете и православном энергетизме — особо предостерегал «от понимания духовных и таинственных действий (энергий) в виде вещественных и телесных» [3, 96]. Согласно св. Максиму Исповеднику, наша душа «через причастие Божией благодати, прекращая в себе всякую мысль и ощущение и одновременно прекращая природные действия тела, которое обоживается вместе с ней в меру доступного ему приобщения к Божеству, так что и душа и тело являют тогда одного только Бога и изобилие славы пересиливает их природные свойства» [3, 96]. Ясно, что речь идет о возрастании человеческих сил исключительно в религиозном отношении, когда через молитвенную сопричастность Абсолюту личность приобщается к Божеству. По учению св. Григория Паламы, вечно сияющие, изобильные и таинственно льющиеся из Божественной Сущности энергии сообщимы каждому, кто полюбил Бога чистой любовью, без эгоизма и корысти [4, 354].

Стало быть, у нас нет ни малейших оснований для отождествления энергий божественных, сообщаемых личности в Откровении, и энергий мироустроительных, мобилизующих людей на преобразования «материи хозяйства». Стоит ли тогда вообще ставить вопрос о влиянии духовной энергии (софийности) на мир хозяйства? Сформулируем проблему иначе. При всех неустранимых различиях религия и хозяйство выражают единую человеческую личность, они неотделимы от нее. «Категориями» православного хозяйства являются не метафизические сущности или универсалии знания, а личности святых — подвижников и аскетов, воспринявших Христа через дарованные им божественные энергии. Православное хозяйство — это хозяйство православных людей. Православное хозяйство не софиоцентрично (метафизично), а христоцентрично — оно обращено к личности верующего, а никак не к «священной мате-

рии» хозяйства. С помощью трудового подвига православный святой приготовлял себя к принятию Христа — к требующему высшего духовного напряжения соединению с Богом в молитве и отрешенности.

Особого внимания заслуживают значение православного трудового аскетизма и роль монастырей в освоении территорий рискованного хозяйствования на Севере и Северо-Востоке России. История русского монашества свидетельствует, что именно монахи становились первопроходцами и обживали дикие леса Северо-Востока Руси, где потом вокруг обители строились села и города, возникали ярмарки и промышленные предприятия. По выражению С.Н. Булгакова, «духовная энергия подвижников перековывалась в материальное богатство края».

Обратимся теперь к современной «критике» хозяйственных возможностей православия. Целый ряд зарубежных и отечественных исследователей подчеркивают «непродуктивность» православной трудовой этики в сравнении с трудовой мотивацией протестантизма. Это обстоятельство увязывается с излишней созерцательностью православия. Указывается, что в житиях русских святых не представлены «трудовые модели спасения»: в православном мире «если человек усердно молится и вдруг — результат, что означает, что он божий избранник… При отсутствии идеи труда как процесса в образах святых они, тем не менее, характеризуются идеей результата. Точнее — идеей одномоментного достижения результата посредством чуда». Истоки православного безразличия к хозяйственной жизни некоторые авторы обнаруживают в византийской традиции: «иноческий “град”, сосредоточенный на молитвенном подвиге и созерцании, хотя и имел большое влияние на общество, сам отличался безразличием к духовным судьбам мира. Социальная и хозяйственно-экономическая жизнь в миру оставалась целиком и полностью во власти языческих стихий».Таким образом, «православие формировало гедонистическую мотивацию трудовой деятельности (и это при более чем девяноста постных днях в православном году — *М.Р.*)» [1].

Приведенные утверждения — заведомо ложны и необъективны. Если бы их авторы заглянули в жития русских святых, они бы обнаружили там, что практически *каждый* русский святой отличался особым трудовым послушанием и подвижничеством в мирских трудах и заботах. Иными словами, исключение

«трудовых моделей спасения» из православного жизнестроя вряд ли имеет под собой какие-либо основания. Православная вера отнюдь не призывает к нищете и хозяйственной апатии. Она поощряет всякий труд и творчество, в том числе предпринимательское. «Как может существовать общение между людьми и милосердие, когда никого не будет с достатком? — вопрошал авторитетнейший церковный писатель св. Климент Александрийский, — каким образом тот, кто сам ничего не имеет, насытит алчущего, напоит жаждущего, примет странника? Богатство есть орудие… Если орудие употребляют с умением и как следует, оно будет полезно», — говорится в докладе архиепископа Костромского и Галичского Александра, председателя Синодального отдела по делам молодежи, на открытии съезда православной молодежи в мае 2001 г.

Однозначно негативные оценки значения православия в отечественной истории объясняются вполне очевидными мировоззренческими и идеологическими причинами. Вследствие высокого уровня византийской образованности и культуры именно *православие* оказалось наиболее близко к уяснению смысла христианской веры и идеалам первохристианства. Духовное наследство, полученное от Византии, было органично воспринято и переработано в ходе российской истории. И созданный на этой основе «православно-русский цивилизационный проект» несомненно конкурирует с аналогичным альтернативным проектом западно-христианской цивилизации. Однако устои тысячелетнего общественного и хозяйственного бытия российской цивилизации, сложившиеся под влиянием православного миросозерцания, не раз расшатывались многочисленными попытками превратить Россию «из самой даровитой ученицы Византии в вечного аутсайдера Запада» (С.Н. Трубецкой) (цит. по: [6, 23]).

Из признания христоцентричности православного хозяйства и нетварной природы благодати, обращенной исключительно к личности верующего человека, вовсе не следует умаление материи или «плоти» хозяйства. Как любящий Творца может не любить сотворенного Им мира с его «благорастворением воздухов и изобилием плодов земных»? «Не хули материю», — предупреждал св. Иоанн Дамаскин. Человеку, вторит ему С.Н. Булгаков, подобает относиться к окружающему миру, «как к саду Божьему, к возделыванию которого он при-

зван» [7, 200]. Идея хозяйственного творчества не нуждается в дополнительном «софийном» обосновании — она и так задается православным миросозерцанием.

Догматические основания мышления о хозяйстве

Догматы веры, помимо мистического содержания, несомненно, имеют и гносеологическое значение. Догмат по своей природе апофатичен, он является богооткровенной истиной и не усваивается разумом. Но истина, данная в нем, обладает и катафатической, доступной нашему уму стороной, задающей направление познания. В догматах выражены реально всеобщие (сверхсознательные) религиозные установки мышления, которые порождают особые исторические типы мышления и мировоззренческие основания картины мира. Именно в способах познания Абсолюта содержатся «коды» миропонимания, которые и разворачиваются затем в господствующие типы мысли и знания. Таким образом, абсолютная религиозная истина оказывается отнюдь не безразличной к наличному бытию и мышлению: она предшествует мышлению и бытию в качестве их запредельного основания, определяя структуру бытия и структуру мышления.

В сфере приобщения личности к Абсолюту находится развилок путей восточнохристианского и западнохристианского типов мышления и культуры. Поскольку западное богословие не признает сопряженности Бога и человека через нетварные световые энергии, возможным оказывается дуализм личного и сверхличного: если Бог не явлен нам в своих энергиях, нам остается только констатировать его потусторонность. При ослаблении религиозного чувства отсюда следует неизбежность привнесения субъективного, рассудочного, «тварного» момента в Абсолют. И тогда в качестве критерия истины провозглашается не ее (истины) объективность и достоверность, а свидетельство сознания человека — выстроенная им система логических понятий или саморефлексия о пережитом опыте.

Православие же исходит из: 1) объективности религиозной истины, достоверной самой по себе, оно стремится быть развитием истины, а не самовыражением познающего субъекта; 2) апофатического богословия — представления об абсолютной трансцендентности Бога, невыразимости и непознаваемости Его сущности; 3) интуиции о божественных энергиях, ко-

торые сообщимы человеку: «в сущности Божией тварь не может участвовать, в энергии же — может» (А.Ф. Лосев).

Православие всегда настаивало на онтологической реальности догматов и понятий богословия, познаваемых не только личной верой, но и соборным разумом Церкви. Поэтому православному этосу присуща презумпция о том, что «общее благо — свято», а частное имеет право на существование только в том случае, если оно служит общим целям. Восходящий еще к Аристотелю теоретический принцип приоритета общественных целей и этики над экономикой воплотился на просторах России в создании имперского хозяйства. Идея державной экономики выражает свойственное отечественной мысли понимание всеобщего как сверхреального, существующего помимо единичного и определенным образом «подчиняющего» его. Гносеологически это приводит к признанию статуса всеобщей сверхличной реальности общественных институтов (власть, держава) и универсалий знания (народное хозяйство, дух хозяйства, народный капитал). В рамках подобного миропонимания самодержавные концепции государства становятся подлинным знанием о сверхличной, религиозной природе власти — знанием о священной самодержавной власти Царя, Помазанника Божия, Отца народа. Но только в том случае, когда власть выдерживает нравственный суд напряженного религиозного сознания Церкви и народа.

Иные религиозно-философские основания имеет преобладающий ныне дискурс западной науки. С XIV в. в Англии, а затем и в Европе, стал утверждаться номинализм — философское течение, отрицающее онтологическое значение универсалий (общих понятий). Философ и богослов Вильгельм Оккам (1280 — 1345) считал, что религиозные догматы есть сверхразумные постулаты, относящиеся не к разуму, а к вере и воле отдельного индивида. Отсюда следует, что общее (универсалии) существует только в мышлении: действительным существованием обладают лишь единичные вещи и индивиды. Эта философема получила развитие в сочинениях Томаса Гоббса и Джона Локка. Первый из них выдвинул теорию «государства-Левиафана» — искусственного надиндивидуального образования, призванного ограничить конкуренцию суверенных индивидов («войну всех против всех»). Второй обосновал своего рода «контрактный подход» к государству, согласно которому

государство и гражданское общество суть продукты общественного договора между людьми, обеспечивающие их взаимовыгодное существование. И в том и в другом случае всеобщее — государство, — равно как и этика, традиции и мораль, представляет собой лишенный статуса подлинной реальности искусственный институт, сконструированный людьми. Номинализм образует философское кредо современной экономической науки. Например, неоинституционалисты трактуют религию и традиции в качестве институтов, «придуманных людьми» ради уменьшения издержек обмена. Окончательный развод между логикой всеобщего и реальностью был осуществлен постмодернистами уже на наших глазах.

Таким образом, в основе новоевропейского учения об общих понятиях лежит принцип номинализма (реальность только индивидуального, единичного). Российская же мыслительная традиция основана на принципе реализма — реальности общественного целого и всеобщих понятий. Этот подход был присущ также и германской историософии XVIII — XIX вв., базировавшейся на совершенно иных религиозных основаниях — на идее божественности мышления, восходящей к средневековой мистике М. Экхарта. В экономической науке философская оппозиция номинализма и реализма разворачивается как оппозиция двух исследовательских подходов: методологического индивидуализма и методологического холизма. Однако по отношению к отечественной мысли требуется говорить об «этическом холизме». Если мы по-прежнему воспринимаем мир как инобытие Сверхсущего, то у категорий научного познания не может быть статуса самодостаточности, они образуют превращенную форму религиозной установки исторической личности.

Итак, преломление святоотеческой традиции в познание общества означает следующее.

1. Субъектность — ощущение проблем общества как проблем всеединой личности человека. Отсюда следует ориентация общественных наук не на бессубъектную логику категорий, а на изучение ценностей и мотивов личности — на логику развития общественного субъекта.

2. Целостность знания — подход к социальной жизни как к нераздельному тождеству идеи и материи, внутреннего и внешнего, субъекта и объекта. Целомудрие в познании — это

«сведение ума в сердце» и соединение на этой основе человеческих способностей, разъединенных в результате грехопадения.

3. Реализм — признание онтологической подлинности всеобщих понятий в качестве императивов праведности человека, народа, государства (см.: [8]).

Философские основания мышления о хозяйстве

Здесь мы рассмотрим и проинтерпретируем ряд философских идей А.Ф. Лосева и Л.П. Карсавина применительно к разработке проблем философии хозяйства.

Интенция развития в философии Всеединства Л. Карсавина

Согласно Л.П. Карсавину, основная интенция (устремленность) развития состоит в движении от отдельно взятого эмпирического факта, всегда ущербного в своей неполноте и отъединенности от целого, к полноте и целостности — к сверхэмпирическому Всеединству. Любой момент, или сторона, действительности, по определению, ущербны именно в силу своей отдельности, временной и пространственной ограниченности. Всеединство — это отсутствие неполноты, оно развертывается как сверхвременное и всепространственное единство. Как можно помыслить Всеединство, преодолевающее эмпирическую ограниченность факта (опыта)?

Абсолютное Благо. В эмпирической жизни мы можем только ощущать границы Всеединства, но не приближаться к нему. Восполнить неполноту своего эмпирического состояния личность может только через приобщение к Абсолютному Всеединству, данному в ее религиозном опыте. Подлинное Всеединство есть Абсолютное Благо, Абсолют, Бог. В любом акте своей жизнедеятельности мы явно или неявно ощущаем потребность веры — как стремление к полноте, к восполнению своей отъединенности от Абсолюта. Религиозное устремление к Абсолюту позволяет личности через «касание» трансцендентного в акте веры приближаться к сверхвременному и всепространственному Абсолюту.

Всеобщее определение человека, общества и хозяйства. Стремление к Абсолюту, к преодолению эмпирии обособленного существования — устремленность к сверх- и надэмпирическому — образует качественный, сущностный признак человека и общества. Человек отличается от животных как раз стремлением к преодолению частичного, натурального, самотожде-

ственного в своих духовных и трудовых практиках. Преодоление тождества объекта деятельности самому себе (А=А) и составляет существо любой человеческой деятельности. Выход за пределы эмпирической ограниченности наиболее полно дан в религии. По своему архетипу практическая деятельность человека так или иначе воспроизводит акт Божественного Творения: превращения хаоса в космос. Даже простое соединение материальных и духовных ресурсов в хозяйстве есть чудо, так как в итоге мы получаем результат, который никак не содержался в этих ресурсах самих по себе. В хозяйстве мы преодолеваем как собственную ограниченность, так и ограниченность мира вещей. Перенос идеи Всеединства в общественную жизнь позволяет рассматривать степень приближения личности к Абсолюту как духовное качество социально-экономического развития. Таким образом, именно в религии — в отношении личности к Абсолюту и в преодолении самотождественности субъекта — дано всеобщее определение принципа развития человека и общества.

Всеобщее определение субъекта хозяйства. Если отношение личности к Абсолюту образует первопринцип общественного развития, то всеобщее определение субъекта хозяйства дано в понятии «религиозно-хозяйственный тип». Религиозно-хозяйственный тип — это коллективная историческая личность (народ, класс, социальная группа), взятая в единстве религии и экономики как разнокачественных сторон ее развития. Любой субъект истории предстает как «всеединство своих качествований» (Л.П. Карсавин) — экономики, политики, этики и права, которые, теряя статус обособленных сфер бытия, оказываются свойствами, присущими одному и тому же субъекту. В хозяйстве как неполном выражении субъекта в качестве моментов содержатся все другие стороны его развития, и, наоборот, хозяйство как момент само присутствует в них. Иными словами, религиозно-хозяйственный тип религиозен не сам по себе, а лишь по «причастию» религии к хозяйству. Тогда в фокусе внимания экономиста-теоретика оказываются те особые характер и способ, которым религия (и ее суррогат — общественная идеология) дана в хозяйственной жизни в качестве определяющего момента развития.

Всеобщее определение мышления. В процессе мышления мыслящее тождественно мыслимому и потому стихия чистого

мышления может мыслить только себя. Если мы хотим мыслить иное, то должны открыть такой тип мышления, который был бы не только знанием себя самого. «Разумное мышление, чтобы быть, требует мышления сверхразумного» (А.Ф. Лосев). Иначе говоря, субъект и объект мышления должны находиться в состоянии сверхмыслимого единства. Они должны содержать в себе более высокий объединяющий принцип, поскольку знание о самом себе — знание, отъединенное от целого, частичное, ущербное. Чтобы знание приобрело качество всеобщности, оно должно преодолеть свою эмпирическую обособленность, стать большим, чем простая эмпирия. Знание такого типа, по определению, должно быть сверхэмпирическим и надиндивидуальным, абсолютным. Это, прежде всего, религиозное знание, соединяющее человеческое «я» и Абсолют; знание, в котором всецело преодолевается эмпирическая разобщенность отдельных сведений и фактов. Посредством религии человек открывает реально-всеобщее первоначало своего знания и мышления. Тогда ясно, что любой тип экономического знания при всем его декларированном позитивизме и эмпиризме есть превращенная форма религиозности (или люциферианства) данного исторического субъекта.

Конкретная всеобщность начала науки. Русская мысль начинает изложение предмета исследования с интуиции о конкретно-всеобщем, она как бы «разгоняется» на проблеме всеобщего, неизбежно ведущей к постановке вопроса об абсолютных (религиозных) основаниях сущего — о Сверхсущем первоначале развития. Тогда относительное как эмпирическое в себе самом получает определенность через свое иное — абсолютное. Подобный подход к построению социальных метатеорий развивали А.С. Хомяков, Л.П. Карсавин, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский, А.Ф. Лосев. Эта философема русского космизма перекликается с одним из постулатов теории систем, гласящим, что любая действующая система должна иметь цель вне себя — на более высоком уровне общесистемной иерархии. Отсюда следует, что религиозность как наиболее конкретное — сверхвременное и всепространственное — единство и практически, и по существу представляет собой наиболее удобный исходный пункт при построении теории.

Здесь сокрыто, пожалуй, неустранимое расхождение отечественной традиции с исследовательским кредо европейской

экономической науки. В последней доминирует абстрактный принцип построения системы категорий: конкретное разлагается на более элементарные, абстрактные понятия, из которых затем создается логически стройный категориальный ряд. Правда, замечает С.Ю. Синельников, «вся сила мыслительного процесса расходовалась… на нисхождение от конкретного к абстрактному и оперированию этими однобокими (пустыми) понятиями и категориями. На обратный процесс — осознание конкретного как мыслимого и чувственного (и исторического. — *М.Р.*) сил уже не оставалось» [9, 295]. Вряд ли имеет смысл противопоставлять отечественную и западную мыслительные традиции, скорее, их следует рассматривать как непересекающиеся и взаимодополняющие друг друга способы познания мира.

Логос и эйдос как уровни познания сущности. А.Ф. Лосев в «Философии имени» выделил два уровня явленной и познаваемой нами сущности: эйдос и логос. Эйдос — это завершенная целостность сущности, «лик сущности в ее цельности». Однако диалектическое мышление о сущности возможно только при обнаружении сущности в инобытии — через действие сущности в ином. Действие сущности в инобытии оформляет и объединяет его. Формальный характер объединения и осмысления сущностью иного и образует момент логоса. Логос представляет собой становление сущности в инобытии, «но чисто смысловое, логическое, умозрительное».

Таким образом, эйдос есть всегда целое, неизменное, «статуарно-неподвижное». Познание эйдоса приводит исследователя к проникновению на смыслозадающий уровень первосущности — на уровень архетипов (первообразов) социально-экономического развития. Логос, в свою очередь, есть исторический и умозрительный образ сущности, метод соединения ее дискретных, меняющихся во времени моментов. Отсюда следует, что для эйдоса наиболее богатое, конкретное определение понятия — это его всеобщее определение (бытие, человек, хозяйство), а единичные и особенные дефиниции (японская экономика, античное хозяйство, француз, немец) — определения наиболее абстрактные. Для логоса — наоборот: всеобщие понятия — наиболее абстрактны, а единичные и особенные дефиниции — наиболее реальны. В познании эйдос как цельный образ

сущности предшествует логосу как собственно логическому и историческому моменту этой сущности.

Теперь на основе вышеизложенного кредо попытаемся определить контуры философии хозяйства.

Контуры философии хозяйства

В качестве начала философии хозяйства примем категорию блага (предложение С.Ю. Румянцевой). Реальная всеобщность блага проистекает из его всеохватывающей тотальной природы. Благо трансцендентно и имманентно всему бытию: оно связывает мир как живое целое с божественной стороной мироздания, с тем, что находится «по ту сторону бытия». Благо дано в религии как устремленность личности к Абсолютному Благу (Богу), в обществе — как идеал и норматив благой (достойной) жизни человека, в экономике — как создание материальных и духовных благ посредством человеческого труда, как совокупность рукотворных и нерукотворных благ. Определим ступени развертывания сущности блага в хозяйстве на уровне эйдоса и на уровне логоса.

Уровень эйдоса. Абсолютное Благо как реально-всеобщее — сверхвременное и всепространственное — Первоначало манифестирует себя в хозяйстве в качестве ценности. Здесь ценность хозяйственного блага выступает в своей качественной определенности. Количественная определенность благ (их избыток, дефицит, увеличение, полезность и т. д.) — понятие субъективное и относительное. Ценность благ определяется потребностями, а потребности у разных людей в разные исторические эпохи различны. Сегодня дефицитным благом считается то, которое вчера было в избытке, и наоборот. Ценность честного труда девальвируется «современностью» в угоду потребительскому гедонизму и идеологии финансового успеха, о чем 50 лет назад и помыслить было невозможно. Стало быть, если мы применим к благу человеческий критерий оценки, то обнаружим его субъективную и неустойчивую природу.

Для выявления качественной определенности ценности блага необходим иной критерий — абсолютное долженствование, или вмененность ценности обособленного экономического блага Абсолютным Благом. Развитие ценности блага начинается с трансцендентного момента. Любое благо изначально вменено экономике как собственность Творца. Верховным собственником всех благ является только Бог, обладающий полным

правом собственности на все существующие блага. Для человека ценность собственности выступает как право распоряжения миром благ, как нравственный императив творческого использования благ.

Имманентная хозяйству всеобщая ценность благ задана заповедью человеку «трудиться в поте лица своего». «Кто не работает, да не ешь» (ап. Павел). С ценности труда и начинается собственно экономический момент ценности хозяйственных благ. Воспроизводство жизни благодаря труду, создающему блага, — основополагающая хозяйственная ценность. Из всеобщей ценности (нормативности) труда выводятся все остальные хозяйственные ценности: ценность собственности на блага как отношение личности к справедливому распределению благ, ценность потребления благ как отношение к бедности и богатству, ценность накопления благ как отношение к будущему развитию общества и человека. В результате ценность хозяйства как целого дана его миссией по обеспечению условий для благой жизни человека. Таким образом, исходным реально-всеобщим единством системы хозяйственных ценностей является отношение личности к Абсолюту (религия), а конкретно-всеобщая определенность хозяйства представлена в хозяйственной этике — «системе норм и идеалов в отношении к хозяйственной жизни» (С.Н. Булгаков). Выразим сказанное такой схемой:

Абсолютное Благо — ценность благ в качественной определенности: вмененность человеку ценности блага как абсолютное долженствование — собственность Творца: трансцендентная предпосылка ценности хозяйственных благ — ценность труда как имманентная хозяйству всеобщая ценность — нравственная ценность хозяйственных благ — хозяйственная этика: хозяйство как средство достижения благой жизни.

Уровень логоса. Религиозно-хозяйственный тип как историческая индивидуализация отношения личности к Абсолютному Благу манифестирует себя в ценности блага, взятой в сугубо количественной, оценочной определенности. Здесь определения ценности блага субъективны и относительны. Благо приобретает не объективную, а субъективную сущность. Оценка блага определяется осознанным субъектом стремлением к обладанию этим благом как важной для него ценностью.

Стремление субъекта к обладанию ценностью блага вменено господствующим мировоззрением. Например, для православных, исламских и социалистических хозяйственных типов всеобщей ценностью — хотя и по-разному — является труд. В соответствии с этим осознается трудовая природа богатства и признается приоритет коллективных благ над частными. Для капиталистического и либерального мировоззрения всеобщей экономической ценностью являются частная собственность и деньги, из которых выводятся стоимостные оценки всего мира хозяйства. Выбор критерия оценки благ из всего возможного спектра критериев — стоимостных, натуральных, виртуальных, нравственных и административных — вменяется субъекту экономической и идеологической властью, «духом эпохи». В результате, сферы производства, распределения, обмена и потребления получают исторически завершенный облик, что позволяет определить жизненный цикл религиозно-хозяйственного типа и его место во всемирной истории хозяйства. Выразим это схематически: религиозно- хозяйственный тип — ценность блага в количественной определенности: оценка блага субъектом — вмененность критерия оценки благ хозяйственным мировоззрением — господствующие мотивы обладания благом как ценностью — господствующие критерии оценки благ и цели общественного производства — цикл жизни данного религиозно-хозяйственного типа в истории.

Ясно, что наша схема есть именно и только контур, эскиз философии хозяйства. Ясно также и то, что дух и понятие онтологически, т. е. совершенно реально, проникают друг в друга. В результате и рождается философия хозяйства — не в качестве хозяйственного мировоззрения, а как основа каждого хозяйственного мировоззрения. Субъект хозяйства обращается к философии хозяйства тогда, когда при всех неизбежных изменениях он хочет оставаться самим собою — неповторимой и уникальной исторической личностью, такой, какой Бог ее дал.

Литература

1. *Элоян М.Р.* С.Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства) // Философия хозяйства. 2005. № 2.
2. *Элоян М.Р.* С.Н. Булгаков: софийность и софиология хозяйства // Философия хозяйства. 2005. № 3.
3. *Св. Григорий Палама*. Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 1995.

4. *Венедиктов В.* Краткие сведения о житии и мысли св. Григория Паламы // Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 1995.
5. *Шкаратан О.* Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
6. *Афанасенко И.Д.* Система общественного труда и реформирование экономики // Гуманитарные науки. 1998. № 2.
7. *Булгаков С.Н.* Православие: Очерки учения православной церкви. Киев, 1991.
8. *Румянцев М.А.* Мышление в образах как принцип русского обществознания // Философия хозяйства. 2000. № 6.
9. *Синельников С.Ю.* Политическая экономия и философия хозяйства: общее и особенное, сходное и различное // Философия хозяйства. 2004. № 6.

Ю.М. ОСИПОВ

Хозяйственная демиургия*
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

Хозяйственная демиургия — творческое осознанивание и очеловечивание мира, его переделка под потребности человека и его созидательные замыслы, построение собственно человеческого мира — в направлении от природы к неприроде, от естественности к искусственности, от мира человеку данного к миру человеком человеку даваемому через мир человеком взятый — у Природы и Бога.

Первоначально, когда человек жил и действовал в *природе* и в основном по-природному, *хозяйственная демиургия* (Х. д.) была не особенно выражена и практически совпадала с хозяйственной деятельностью, в чем-то ее, конечно же, опережая и как-то направляя. Творческий момент всегда в истории имел место, но длительное время не был настолько плотным, дерзким и влиятельным, чтобы возникла необходимость говорить о собственно Х. д. Отдельные, время от времени возникавшие, демиургические вспышки не давали достаточного повода для введения такого понятия, как Х. д.

Но вот пришло время, когда *преобразование природы* стало делом настолько масштабным, постоянным и значитель-

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

ным по результатам, настолько вообще судьбоносным, что не говорить о Х. д. уже стало невозможно, тем более что итогом преобразовательной деятельности человека вдруг стало создание *целостной искусственной неприроды*, сравнимой с окружающей человека природой, ей непосредственно противостоящей, если уже ее не поглощающей. Пришел срок, когда *неприрода*, выражаясь несколько условно и образно, оказалась больше природы, правда, не всей, конечно, природы, а «околочеловековой» природы, в которой как раз существует и хозяйствует человек, которой он пользуется и которую упорно переделывает.

Земля как планета получила специфическую рукотворную (*homo*-творную) оболочку, которую можно назвать *артесферой*, и создателем этой артесферы стал освобожденный *Возрождением* и *Просвещением*, онаученный и технологизированный, секуляризованный и уверовавший сполна в самого себя, активный и творческий человек — *западноевропейского типа человек*.

И если *хозяйство* рассматривается философией хозяйства как сама *жизнь* в ее непрерывном отправлении, то Х. д. есть не что иное, как, с одной стороны, трансцендентная реализация жизни, ее созидательной потенции, а с другой — не менее трансцендентное, при всей осознанной программируемости со стороны человека, творческое преобразование жизни. А где перемены в жизни, там и перемены в человеке. Х. д. — не одна лишь переделка природы и не только созидание неприроды, это еще и переделка жизни и созидание человека. Отсюда важнейшее заключение: Х. д. со стороны человека означает по сути действо *по пересотворению мира и человека по замыслу и лекалам самого человека*.

Вот почему потребовался в середине II тысячелетия от Р. Х. революционный отход от природности и сакральности, вот почему произошел полный и окончательный переход к *экономике*, *науке* и *технике*, вот почему в сознании человека, прежде всего, западноевропейского, были утверждены *секуляризм*, *экономизм*, *сциентизм*, *техницизм*, *прагматизм*, а соответственно и *демиургический субъективизм* («делаю все, что хочу и как хочу!»). И если как-то обобщенно взглянуть на современный, конечно же, самый передовой, мир, то необходимо заклю-

чить, что это *непосредственно уже человеком сотворенный мир*.

Отсюда Х. д. — не только не какая-то частность, а нечто воистину *глобальное* по значению как в хозяйствовании человека, так и в судьбе самого «околочеловекового» мира. Не о благах и удобствах, так горячо любимых экономической наукой, здесь речь, не о личных обогащениях и не о благополучиях народов, даже не об обустройстве цивилизаций, а о созидании — *человеческом созидании*! — целых миров, ибо в общем-то не один единственный мир созидается человеком вообще, а именно *миры* — в реальности, а еще более в возможности.

Человек — *демиург миров*!

Поначалу человек, оказавшись в природе, стремился к ней приспособиться, а потому хозяйство, которое он вел, было и длительное время в истории оставалось в основе своей природообусловленным, или *натуральным*. Искусственность, конечно же, всегда присутствовала в хозяйствовании человека, достигая значительного удельного веса в его жизнеобустройстве, но не отрицая сколько-нибудь полно изначальной природообусловленности бытия, жизни и хозяйства. Долгое время человек жил, хозяйствовал и творил в *данном ему мире* — данном Природой, а по более тонкому идеальному представлению — Богом Творцом. Отсюда природообусловленная и боговдохновленная сакрализация мира, самого человека и его хозяйствования.

Потребовалась всесторонняя ренессансная революция в Западной Европе, чтобы человек хозяйствующий, сам идейно изменившись, смог пойти по пути, как потом уже выяснилось, целостного преобразования природы в целостную же *неприроду*, т. е. по пути взятия у родимой природы уже своего мира — так мир данный превратился в *мир взятый*, который стал лишь прелюдией ко вполне *созданному человеком миру*. А этот *созданный мир*, — по первичному завершению его постройки, — оказался не просто существующим в мироздании, не просто обслуживающим человека, не просто очеловеченным, а прямотаки *человеку даваемым*, но даваемым уже не Природой и Богом Творцом, а самим человеком. От мира данного через мир взятый к миру даваемому — *человеком человеку*. И это находит выражение не в одной тотальной искусственности сотворенного человеком мира, но и в неприродной его мобильности и из-

менчивости, нестабильности и импровизационности, а также в зависимости быстро сменяющих друг друга обликов от глобального человеческого хозяйствования.

Вечности в таком мире более нет, а потому и нет никакой его *сакрализации*, которая невозможна. Это мелькающий, калейдоскопический, во многом уже и мнимый мир, который ни ухватить, ни разглядеть, ни понять. Ускользающий мир, а потому вполне отрицательно (искусственно) трансцендентный. Такой мир нельзя уже раз и навсегда дать, а приходится его постоянно *давать* — изо дня в день, сиюмоментно, по телевизору. Отсюда ни идеологий, ни учений, ни религий. Сплошной функциональный суррогат.

Ошибается тот, кто думает, что слово в этом даваемом мире отражает *реальность*, нет, становясь пустопорожним, оно лишь заменяет реальность столь же пустопорожней *ирреальностью*, ибо реальность вместе с вечностью уходит из мира даваемого. Не остается в нем места и для *истории*, которая, по идее, все-таки не пустота, а в опустошенном, т. е. в иллюзорно оболочковом, мире истории уже разместиться негде. Отсюда и *конец истории*, что вовсе и не заблуждение. Построенный человеком мир выливается на человека как скопище знаков и цифр, выражающих не вещи и смыслы, а самих себя. Информация теперь прямо от информации, а не от вещей и смыслов. Не информация о мире и от мира, а мир теперь как информация и от информации. Не мир как мир — мир данный, а информация как мир, что и есть как раз мир даваемый. На место содержания, характерного для мира данного, пришла *игровая пустота* мира даваемого, положившая конец всякой остойчивой, т. е. как бы и весомой, онтологии. Предмета, о котором можно, нужно и есть время поспорить, более нет — теперь все вокруг неоспоримое, ибо вполне мимолетное и мнимолетное. Иначе мир бы не мог быть *даваемым*, — прямо из Голливуда, который не одна лишь фабрика грез, а напрямую и *фабрика мира*!

«Вырыв» из природы и отрыв от Бога Творца, попытка занять место самого Господа, обернулись для активно и самонадеянного демиургирующего человека неким *хозяйственным фиаско*, из которого еще нужно искать выхода. Нет давления природы и нет спасительного покрова от Господа: София Премудрость Божия оставлена, теперь человек сам по себе — и как же ему выйти из пустотного тупика, если не через катастрофи-

ческое обрушение созданного им мира? Ситуация невероятно сложная, но при этом еще и совершенно не осознанная: не науке же признаваться в неистинности сотворенного по ее указке и при ее участии мира. Установление царства разума, не обремененного любовью к Природе и Богу, обернулось *странным чудом*, о котором никто из адептов буйной человеческой демиургии и не мечтал — непреодолимой в рамках и на пути передового экономического хозяйства «существовенческой» пустотой.

Ю.М. ОСИПОВ

Трансцендентность*
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

Трансцендентность — свойство мироздания быть не только явленным и сущим, а еще и таинственным, не до конца постигаемым, неулавливаемым, даже и неизвестным, а если и известным, то лишь по разряду опять-таки тайны, о наличии которой известно, о которой даже можно составить суждение, но которая все равно остается тайной; нечто, что есть в мире, но что есть при этом ничто, однако не простое ничто, а насыщенное — неведомым, или почти неведомым, но не только дающим постоянно и повсеместно о себе знать, но еще и творящим — мир; самое духовное и идеальное в мире, что непосредственно соприкасается с абсолютным, к нему восходит, от него же и исходит, что как бы не от мира сего, но в мире сем присутствует, что разлито по миру, не будучи к нему безразличным, что есть мир в мире, но такой мир, который не имеет имени, ибо он — ничто.

Надо быть очень уж бесчувственным и умственно инертным, чтобы не обратить внимания на *таинственность мироздания*, и надо быть очень уж инфицированным *наукой*, чтобы не признавать принципиальной неразгадываемости тайны мира, равным образом и наличия во всем познаваемом какого-то непознаваемого остатка, который всегда заметен, но всегда не раскрываем. Труднее же всего строго научному сознанию, исповедующему лишь *непознанность* мира, а не его до конца *непознаваемость*, признать наличие не вообще тайны мира, на что научное сознание еще способно, а не более и не менее как *творящей* тайны мира, или иначе — *творящего ничто*, которое

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философии хозяйства».

не только там — в ином, *абсолютном*, мире, но и здесь — в этом, *относительном*, мире, и с которым человеку, хочет он того или нет, приходится считаться.

Если оттолкнуться от сугубо материалистического подхода к реальности, а признать наличие идеального, или духовно-идеального, начала, да еще и вовсе не подчиненного материальному, имеющему возможность быть и самому по себе, и не только взаимодействовать с материальным началом, то, даже не признавая приоритета идеального начала над материальным, хотя идеальный *смысл* чего-либо, кажется, всегда важнее материального носителя этого чего-либо, да и отчего бывает именно этот материальный носитель смысла, то весьма легко не только признать тайну мира и творящее ничто, но даже и их чуть ли не физически ощутить. И тогда нет никаких препятствий для формулирования такого свойства мироздания, как *трансцендентность* (Т.), т. е. образования понятия, которое как раз и отражает наличие тайны мира и творящего ничто.

Вот кажется, что науке, в особенности, естественной, все уже ясно, или почти ясно, что она раскрыла предмет своего интереса, ловко его описала, смоделировала, с ним не менее ловко взаимодействует, даже манипулирует им, изменяет его, исходя из его же принципов, но… положа руку на сердце, нет-нет да признается, что располагает всего лишь *представлением* о предмете, не зная его по существу до конца, как и не ведая в полной мере откуда, зачем, для чего, почему именно так, а не иначе? — т. е. зная многое о предмете, но не все, более того — главного-то, пожалуй, и не знает. Не только имена, которые навешивает наука на элементы и части мира, или *природы*, суть *образы*, естественно, идеальные, но и сами по себе эти элементы и части реальности… суть *образы*, правда, иного порядка, скажем, первичного (чувственного, интуитивного), по отношению к которым имена служат лишь словесными обозначениями. Дело тут не в ложности обозначения, а в конечной неизвестности обозначаемого. Наука, конечно же, познает мир, и делает это совсем не плохо, но познанный ею мир это не мир как таковой, в полном объеме что ли, а ее собственный мир, состоящий не из реальности как таковой, а ее образов, нашедших и свои образные же обозначения. Не таков вообще-то мир, а таким именно он лишь кажется науке. А вот каков он на самом деле, никто из смертных не знает, ибо здесь *тайна!*

И нет тут никакого унижения науки — если она сама себя не унижает своей гордыней. Просто реальность неподвластна науке, да и вообще познающему человеку. В реальности много чего, что наука не схватывает, хоть и умеет с реальностью обращаться. Тогда на выручку приходит *метанаука* (ранее чаще называвшаяся *метафизикой*), которая составляет какое-то суждение… о неведомом, разумеется, совсем и не точное суждение, а приблизительное, более того, вообще не имеющее прямого касательства до предмета, о котором суждение и составляется. Ибо тут уже не наблюдение, а воображение, не внешний контакт, а проникновение во внутрь, не констатация фактов, а откровение. Наука уже перестала, в своей гордыне, замечать, что вовсю пользуется метанаучными рефлексиями, если не интуициями, выдавая последние за научный поиск, но совсем еще недавно великие научные умы признавали сопряжение точной науки с неточной метанаукой, или метафизикой.

Прибегать к метанаучным приемам науку заставляет как раз Т., которой, увы, не избежать. Функционально, может быть, иной раз и можно, но онтологически никак нельзя. Онтология реальности насквозь трансцендентна, а потому и метанаучна. Тут и проявляет себя *философия*, которая не есть только какое-то обобщение научного знания, как в это охотно верят люди науки, а именно знание-размышление о *трансцендентном*, по его поводу, в связи с ним, из-за него. Не было бы Т., не было бы метанауки, не было бы и философии, как не было бы, кстати, и самой по себе науки.

Хотелось бы знать, что в человеке и обществе, их феноменах, не говоря уже об их сути, нетрансцендентно? Разумеется, мы видим человека и общество, изучаем, многое знаем о них, но, во-первых, все ли, а во-вторых, узнаем ли это все? Но дело даже не в этом: человек и общество гораздо более, чем естественная природа, подвержены Т., настолько, что без обращения к Т. о них вообще нечего сказать сколько-нибудь на глубину достоверного. Познание человека и общества должно быть буквально пронизано трансцендентным началом, и без учета последнего него вообще не вестись. Куда ни кинь, неразгадываемая тайна! Даже *цены* на рынке, эти ближайшие элементы *экономики*, кстати, совершенно идеальные, в чем-то непременно трансцендентны: в ценах есть всегда что-то, что никак не рассчитывается и никак рационально не объясняется, а

главное, цены вообще нельзя рассчитать сразу на все и вся, скопом, по всей номенклатуре, а если и можно рассчитать, то невозможно их навязать, а если и бывает это возможным, то лишь в противоречие и во вред реальной экономике. А что говорить о таком скрытом феномене экономики, как *стоимость* — разве в нем не сидит *работающая трансценденция*, которая как-то все и решает — в рамках сознания, но вовсе и не сознательно?

А взять то же *творчество*, весьма характерное для человеческого хозяйствования и жизни вообще: откуда оно, зачем, с какой целеположенностью, с каким завершением? Как происходит творчество, почему в головах людей возникает то, чего нет в природе, зачем человеку создавать неприроду, построяя *искусственный мир*? Разве тогда человек всего лишь сын природы и продукт сугубо материальных процессов? Ведь очень похоже, что человек все-таки *вне*-природен (и внеприроден), что он и от иного мира, что у него какая-то сверхзадача, которую он по большому счету и не знает (может лишь догадываться). Выходит, что человек и деяния его насквозь метафизичны, что человек сначала философ, а потом уже научник, что сам он трансцендентен и деяния его трансцендентны, что он есть реализующаяся в действительности Т. Примерно то же самое можно сказать и об обществе, не только состоящем из трансцендентных существ, но и самом по себе трансцендентном.

Начало и конец (не обязательно абсолютный) человечества, его жизни, его хозяйства трансцендентны. Это более или менее еще воспринимается образованными научно современниками. Но ведь и течение человечества в рамках природы и созидаемой им неприроды, в ходе жизни и хозяйства, не менее трансцендентны. Таинственное ведь всюду! А сколько всего таинственного порождает сам человек, сознательно что-то скрывая, не зная, что творя, творя одно, а получая другое, имея дело постоянно и повсеместно с так называемыми «черными ящиками». Что, к примеру, знает человек о другом человеке, о мотивах его поведения, о его намерениях? Все отношения в тех же цивилизованных обществах многосмысленны и туманны, а управление людьми скрыто и загадочно. Разве не так? Разве здесь нет созидаемой самим человеком Т. — *отрицательной* по своему характеру (можно ее назвать и *искусственной*)?

Признание Т. и ее учет, не говоря уже о некоторых суждениях о ней, не обедняют, а обогащают познающего и действующего человека, делают его более мудрым, деликатным, более и нравственным. Хозяйство, допустим, с Богом и под Богом — одно хозяйство, а вот без Бога — совсем другое. Осознание того, что есть что-то, чем я не владею, но что на меня воздействует или помимо меня работает — великое осознание. Тогда куда-как больше уважения к реальности и куда-как меньше ложных действий. Зачем, к примеру, даже теоретически рассчитывать абстрактные цены по надуманному межотраслевому балансу, коли фактические цены совсем другие и должны быть свободными от каких бы то ни было балансовых преференций, ибо трансцендентны они? Скажи только — Т., и стоп, все ясно, не надо ни лишней говорильни, ни тщетных надежд, ни тяжкого нобелевского труда!

Однако наука терпеть не может Т. Она ей не просто чужда, а прямо-таки враждебна. Во всяком случае, у парадного крыльца, а вот что касается черного входа со двора, то это совсем другое дело — как без метафизики-то обойтись, коли сама реальность не только научна (поднаучна), но и метафизична (схватывается лишь метанаучно), — вот почему и науке приходится вбирать в себя метафизику. Но это только на деле, да и то ограниченно, а на словах — нет, ни в коем случае, ибо и у науки тоже ведь свой символ веры — в научную и только научную истину, конечно же, никак не трансцендентную.

Ю.М. ОСИПОВ

Имперское хозяйство*
(Философия хозяйства. 2005. № 1)

Имперское хозяйство — хозяйство, имеющее место в имперском образовании — империи, сочетающееся с имперским хозяйствованием, осуществляемым главным имперским центром и отличающееся особого рода имперскими целями и задачи, а также средствами и методами реализации.

Феномен *империи (И.*) хорошо известен истории, но почему-то мало замечаем экономической наукой, хотя даже при ближайшем рассмотрении заметно, что хозяйство в И. не может не иметь особенностей, заставляющих говорить не только о

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

факте хозяйства в И., по ее поводу, но и об особого рода имперском хозяйстве (И.х.), имеющем достаточно знаменательную специфику: то, что может себе позволить И., не может себе позволить обычное государство, обычная страна, мало того, И. способна действовать не так, как обычное государство, ставя и решая только И. доступные задачи.

И. — обычно крупное, если не гигантское, властно-пространственное образование, отличающееся не только своими нередко огромными размерами, или великим пространственным распространением, а также внутренним качественным разнообразием, обусловленным включенностью в И. различных народов, стран, государств, культур, цивилизаций, но и несомненным могуществом — военным, политическим, идеологическим, экономическим, а также мощной организационной потенцией центра, часто представленного и как страна-метрополия — относительно стран колоний. В любом случае И. — над- или сверхстрановое образование, но так же и над- или сверхгосударственный феномен. И дело здесь не в одних размерах и разнообразии имперского образования, хотя они и питают, безусловно, это «сверх», но и в особом качестве И. как действующего субъекта, который будучи, скажем, государством, несет в себе в то же время и определенную над- или сверхгосударственность, оказываясь по качеству своему как бы выше — не лучше, а именно выше — просто государства, пусть и большого. Империя, как правило — мегаобразование, но в этом «мега» заключены не только размеры и разнообразие, но и особое качество, которым не обладает неимперское образование. И. только тогда И., когда она имеет возможность реализовывать какое-то сверхбытие, выходящее за рамки бытия просто государства. Государств много, но не всякое государство способно расширяться вовне или хотя бы иметь за своими пределами эффективное влияние, достигая при этом какие-то позитивные для себя результаты, не говоря уже о решении так называемых больших задач и реализации больших проектов, имеющих метастрановое, международное, регионально-континентальное или даже мировое значение. Имперский субъект-образование на все это способен: вот поэтому-то он и качественно, а не только количественно является над-, сверх-, мега- и метасубъектом-образованием.

И. бывают разные, они отличаются друг от друга разной руководящей идеей, заложенной в них концепцией, образующей формой, механизмом реализации. Типология И. разнообразна. Первичные, они же и простейшие И. преследуют более всего цели обогащения доминирующего в И. народа, а более всего, его элиты, а потому заинтересованы в ограблении и систематической эксплуатации подвластных метрополии народов и территорий, превращенных в униженные колонии. И. более высокого порядка могут выполнять функцию распространения прин-ципов и способов метропольного бытия на зависимые и колониальные страны, в особенности, если это метропольное бытие оказывается приемлемым для восприятия подвластным И. чужестранным населением, перемешивающимся частично с метропольным, а также переселяющимся в саму метрополию. Получая огромные доходы от имперской периферии, имперский центр-метрополия получает возможность не только потребительного обогащения, но и собственного развития, в рамках которого перед ним открывается также возможность решать крупные хозяйственные, социальные, политические и военные задачи. Развитие метрополии может стимулировать развитие окраин. История продемонстрировала примеры тех и других И., но она имела возможность показать и И. иного рода, когда имперский центр не превращается в господствующую метрополию, а имперская периферия — в эксплуатируемые метрополией колонии. Так, Российская Империя, имея, конечно, доминирование центра над периферией, не обладала ясно выраженным метрополь-но-колониальным устройством, наоборот, она представляла возможность периферии, тесно сопряженной с имперским центром в рамках единого пространственного образования, более или менее успешно развиваться, ориентируясь на имперский центр. История продемонстрировала и совсем странную И. — СССР, когда окраины получили возможность бурно развиваться даже за счет исторического имперского остова: возник даже своеобразный феномен «метрополии-наоборот» и «колонии-наоборот», когда не метрополия живет за счет колоний, а вроде колонии живут за счет вроде бы метрополии.

И. бывают разные, но не для всех, что важно здесь подчеркнуть, характерна реализация каких-то сверхзадач, пусть и самых примитивных по потребностям и замыслу, но все-таки

недоступных для обычного государства. И.х. — не просто государственное хозяйство, пусть и особенное, — это именно сверхгосударственное хозяйство, обязанное действию метагосударственных сил и напряжений. Хорошо сказать, собрать дань, а попробуйка это сделать — без устойчивой и систематически подтверждаемой силой соподчиненности, без имперской, если речь заходит об И., организации. И собирала имперская Золотая Орда две сотни лет дань с Руси, и баскаков (сборщиков дани) на Руси имела, и целую податную систему разработала — так разве ж это не имперского типа было хозяйство? А вот Англия, сама уже бывшая капиталистической, предпочитала более действовать через посредство капитала, во многом и частного, а обеспечивала английский колониальный капитализм опять же И. Так что не отделить от И. имперского хозяйства — даже в самых простейших случаях, а что говорить о реализации сложных, ставящих перед собой и сложные задачи, И.? — если есть И., есть и И.х. — это главное.

И. — это непременно большой проект. Как сама И. — такой проект, так и ее практическая реализация. Без больших проектов, т. е. выходящих за пределы обыденного, привычного, заурядного, равным образом, неамбициозного, неволевого, неимпульсивного, а попросту — малого, И. нет и быть не может, если, конечно, речь не идет о совсем уж дряхлых имперских образованиях, когда их великость — не более чем зажившаяся на свете пустая форма. Для нормальной и животворной И. характерно большое проектирование, что придает И.х. особые характер и значение. Если хочешь добиться чего-либо великого, то будь И., веди И.х., что не исключает, конечно, великих дости-жений у агентов, формально И. не являющимися, как было, например, в той же Италии эпохи Возрождения, где, правда, наличествовал все-таки великий волевой центр — римское папство (как бы и своеобразное императорство). Но так или иначе И. и И.х. присущи великие деяния, обоснуемые, кстати, не одними житейскими амбициями, но и чем-то выходящим за пределы повседневности — историческими корнями ли, сгущениями действующих исторических энергий, обращенными к будущему историческими императивами. Обоснования И. и И.х. уходят в глубины исторического времени-пространства, а если под реальной историей понимать только факты, то и за пределы собственно фактического ряда. Большие проекты и

великие деяния имеют свою трансцендентность, они соприкасаются с историческим и бытовым запредельем, а потому И.х. есть хозяйство, в значительной степени оправдываемое часто лишь на уровне метасмыслов, столь трудно улавливаемых.

Прорыв человечества в космос, к примеру, обеспечили две по сути И. — СССР и США, вступившие в жесткое соревнование друг с другом, если не за мировое господство, то за мировое лидерство. Только И.х. двух мировых гигантов, позволивших себе стянуть воедино необходимые ресурсы и бросить их на великие космические проекты, сопряженные, конечно же, с военными, смогло обеспечить решение великой и весьма амбициозной задачи. Это наиболее яркий пример. Но ведь И. в рамках своих И.х. приходится решать и другие задачи, отнюдь не захватнические и не грабительские: науки, техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и т. д. Академия наук СССР и наукограды — имперская наука; научно-производственные объединения (НПО), специальные конструкторские бюро (СКБ), техноград в СССР — имперская техника; Московский и Ленинградский государственные университеты, Московское высшее техническое училище и Ленинградский политехнический институт (со всем сонмом высших, средних и иных учебных заведений) — имперское образование; Пироговские клиники в Москве и Военный госпиталь в Ленинграде (со всем сонмом клиник, больниц, институтов, лабораторий) — имперское здравоохранение; Большой театр СССР в Москве и Ленинградский театр оперы и балета (со всем сонмом театров, студий, училищ) — имперская культура; Центральный стадион в Лужниках, спортивные общества и школы (со всем сонмом стадионов, обществ, школ) — имперский спорт. Возможны и имперский Госплан СССР, и хозяйственные министерства, и пятилетние планы развития народного (национального, имперского) хозяйства. Мы уж не говорим об имперской армии, полиции (милиции), том же ГУЛАГе. Многое возможно, все возможно — на то и И., на то и И.х.

И. — не одна лишь история. Да, сейчас не принято называться И., но это не значит, что не принято быть или хотеть стать И. США — И., претендующая на глобальность, на доминирование на всей планете. Китай — как был, так и остается И., развивающейся и усиливающейся. Европейский союз — активно становящаяся И. Индия — имперское образование. Это примеры вполне реальных И. — как интериорных и гомогенных, так и экстериорных и гетерогенных. Однако есть и латентные, скрытые имперские образования:

Англия и бывшие колонии, Франция и бывшие колонии, Нидерланды и бывшие колонии. Разве лишь Испания с Португалией явно не могут уже быть метрополиями для своих бывших колоний. Зато Германия и Израиль проводят вполне имперскую политику. Не без имперских амбиций Иран и Бразилия. Стремится к какому-то имперскому образованию исламский мир. А сама глобальная система управления миром (из единого центра) разве не является имперской? А доллар и евро — не имперские ли валюты? А какой-нибудь международный валютный фонд — совсем уж без им-перских амбиций?

В общем, вокруг в мире И., имперские образования, имперские политики, имперские амбиции, а заодно и системно или частично реализуемые И.х. Однако и будущее что-то не просматривается без И. и всего имперского. Разве не станет больше сверхзадач, больших проектов и великих деяний? Можно, конечно, подумать, что все это сможет выполнить одна глобальная И., которой называться И. уже не будет никакого смысла, а потому имперская будущность вроде бы не имеет фундаментального продолжения: одна на весь мир И. как бы и не И. Но все не так просто: мы уже сейчас различаем в мире несколько И., мало того, растущих, развивающихся, крепнущих И. Тогда что же, все они спокойно и исчезнут под успокоительную мелодию глобализма? Вряд ли, скорее наоборот — они будут драться за себя и свое будущее. И выходит, что будущее просматривается более имперским, чем неимперским, но, разумеется, новоимперским. Будущее за новыми империями.

Новыми не по номиналу, не по именам, а по сути. Нравится нам это или нет, но мир меняется, становится другим — новым миром, в котором лидирует сейчас мир Постмодерна. Это не значит, что настоящие или будущие И. должны непременно быть постмодерновыми, но не учитывать новые реалии, в том числе и постмодерновые, новые И. не могут. В самом деле, когда в практической жизни, ее организации, почти что исчезает фактор времени-пространстсва, когда географические, экономические границы если не совсем прозрачны, но легко преодолимы, когда на место общества приходит лишенный корневых связей бесформенный социум, когда вместо человека, наполненного кровными, национальными, сакральными и прочими устаревшими предрассудками (заметим — пред-рассудками!), является чистый человекобраз, когда сознанием легко извне манипулировать, замещая сознание простым знанием, когда можно эффективно осуществлять бесконтактное и вообще

невидимое управление поведением человекобразов и социумов, из человекобразов состоящих, когда техника одолела природу, когда наука рядом, во главе и на поверхности, а философия на горизонте, в хвосте и где-то в недосягаемой глубине, когда материальное одолевает духовное, когда священные тексты и классическая литература мало что значат, но зато процветают телевидение, шоу и легкочтение, когда… и т. д. и т. п., любое властное образование не может не быть каким-то по-новому специфическим. По-новому специфическими становятся и станут в дальнейшем и И. Однако, воспринимая новое, И. могут и должны реализовывать себя по-разному, в том числе и по отношению к самой контекстовой новизне — причем не в деталях и чертах, что понятно, а принципиально поразному, относясь совсем не одинаково к практическому постмодернизму.

Можно, и это для каких-нибудь США уже неизбежно, строить именно постмодерновую империю — с соответствующими доминационными задачами и лукавыми механизмами; паразитарного характера И., эксплуатирующего планету, природу, человечество, остающиеся, но приспособленные под постмодерновую И., модерн и премодерн. А можно строить и антипостмодерновую империю, преодолевающую постмодерн, возрождающую премодерн, а в итоге споспешествующую формированию какого-то альтернативного мира, ищущего органического равновесия между миром данным и миром созданным.

Активно утверждающийся в современном мире имериальный глобализм поставил под сомнение существование локальных родных миров, а вместе с ними и национальных образований, представленных государствами. Хорошо видно, как локальные миры теряют значение, растворяются, исчезают, как локальные субъекты превращаются в субсубъектов, как нации перестают быть таковыми, как государства все более выступают в роли субгосударств, а национальные экономики становятся все более субэкономиками. Теперь не локальные образо-вания и субъекты образуют мировую целостность, а мировой глобальный центр строит по своему усмотрению мировую целостность, допуская присутствие в ней локалий на правах лишь субобразований и субсубъектов. Сугубо национальные локалии, т. е. неимперские, сегодня уже не самостоятельные локалии, это далеко уже не автохтоны, составляющие мировое сообщество, — это не более чем статисты мировой истории, послушно исполняющие центральную глобальную волю. Та же Орга-

низация Объединенных Наций (ООН) — не согласительное международное учреждение, в котором участвуют равноценные и равноправнее игроки, пусть и разного калибра и значения, а место, где глобальный центр в лице США диктует свою волю мировой «национальной братии», а «национальная братия» послушно следует не без искрящегося самодовольства за «глобальным папой». Национальные локалии, судя по всему, приговорены историей, и если от них что и остается, так это пустая форма и кое-какие второстепенные, уже и совершенно исполнительские функции (типа сбора налогов, выплаты долгов мировому центру, а также самой обыкновенной полицейщины).

Угасание национальных образований и центров, идущее под давле-нием империального глобализма, питает необходимость и усиливает актуальность локальных имперских образований и центров, как раз того, что и совершается в современном мире, однако не просто И., а И. особого рода — антиглобалистского, способных противостоять глобальной И. и вывести мир на путь солидарного планетаризма. Империальный глобализм, он же и глобальный империализм, или ультраимпериализм, как было принято выражаться совсем недавно — большой проект в рамках И.х., но глобоимперского хозяйства. Империальное противодействие этому глобопроекту от локоимперий тоже обусловливает большие имперские проекты. И если глобопроект — за то, чтобы подчинить, а то и стереть с лица Земли какие бы то ни было самостоятельные локалии, то локопроекты — за то, чтобы не допустить глобоимперии, сохранить родные миры и построить новый планетарный мир на принципах, может, и вынужденного, но все-таки общежития народов, языков, культур, цивилизаций. Это, конечно, в лучшем случае. В худшем — межимперская война, Армагеддон. Грядущая тотальная война — тоже проект, однако чей? История и рассудит, если, конечно, успеет, да коли достанет ей ума и сердца. И.х. может вылиться во что угодно, как и действовать за или против человека, даже самой жизни. Но выступать вообще против И. и И.х. человек думающий и творящий не может, ибо И. сами по себе — не зло и не добро, они просто необходимость, а коли так, то в задачу человека думающего и творящего входит построение приемлемой для жизни и творчества И., ведущей и соответствующее И.х. Ясно, что И. и И.х. будут разные, что ничто не исключает возникновения злостных И., что человечество может постигнуть и небезимперская катастрофа. Но в том то и дело, что сегодня, а уж завтра тем более, истори-

ческий субъективизм усилился и усилится настолько, что только величайшая ответственность локальных имперских элит, сознание которых формируется в последовательном противостоянии глобальному империализму, может обеспечить спасение и выживание всего планетарного человечества. Локальная имперскость с положительным знаком — не единственный ли провидческий шанс у думающего и творящего человека?

Россия сейчас — если и не И., то явно имперская страна. Впрочем, почему же и не И. — разве лишь ослабленная и больная? Тут много споров, но если приглядеться повнимательнее, то увидится вдруг, что последняя реформа — революция была проведена совершенно по-имперски, правда, не вверх — к могуществу, а вниз — к слабости, но все-таки по-имперски, конечно, с отрицательным знаком, да и остается Россия вполне имперской по своей внутренней организации, по духу, по поведению населения, по его ожиданиям, по действиям правящих кругов, по приверженности российской периферии центру; почему бы России не остаться имперской страной и на перспективу, разумеется, существенно обновившись — да так, чтобы изменить знак бытия с отрицательного на положительный? А ведь развитие мира, беременного тектоническими сдвигами и имериальными пертурбациями, — более за российскую империю, чем против нее — не субъективно, а объективно. Или И. в России — без императора, конечно, и дворянства, или России вовсе не будет. Отсюда и важность введения нормально имперского проекта — спасительного и жизнеутверждающего. А вот кто это сделает и каким конкретным образом — пусть решает история!

Раздел III

Феноменология хозяйства, его историософия

Часть 1

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика*

(Философия хозяйства. 2000. № 1)

Экономика (Э.) — (от гр. oikonomia — управление хозяйством) — сфера производительной деятельности человека (аналог производства, хозяйства); специфическая организация жизнедеятельности человеческого общества, основанная на специальном разделении хозяйствующего (производящего и потребляющего) общества и реализующая соединение всех действующих агентов в целостный воспроизводственный общественный организм через товарный обмен (трудом, благами, факторами и условиями производства и жизни); особое по качеству хозяйство — товарообменное хозяйство; специфический способ хозяйства — товарообменный; тип цивилизационного устройства общества (с товарообменным основанием).

При самом общем и традиционном для науки подходе категория «экономика» синонимична категории «производство» («общественное производство») и «хозяйство». Однако в рамках философии хозяйства она имеет особую смысловую нагрузку, обозначая не только сферу жизнедеятельности человека, но и способ, в котором данная жизнедеятельность осуществляется. Отсюда «экономика» — вовсе не всякое производство и не всякое хозяйство, а лишь их специфическая реализация, частный случай. В связи с этим в философии хозяйства допустимо говорить, например, об экономическом хозяйстве, разумея при этом, что в реальности возможно и неэкономическое хозяйство.

Суть экономического (экономического начала) восходит согласно философии хозяйства к феномену товарного обмена,

---

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

но собственно к данному феномену не сводится. Помимо товарного обмена как такового необходимо учитывать и вытекающий из него и его обслуживающий феномен денег, но рассматриваемый обязательно и за пределами собственно товарообменных акций.

При всей органичности связи с товарообменом деньги имеют и собственное бытие, выражающееся прежде всего в способности представлять собой все реальное богатство (труд, блага, факторы, ресурсы, условия), которыми располагает общество. Все, что так или иначе проходит через товарообмен, имеет денежную выраженность, все есть деньги. Представляя собою реальное богатство, деньги представляют и сами по себе богатство, хотя уже и не столь реальное. Возникает феномен параллельного денежного богатства, функционирующего наряду с реальным богатством, в сцепке с этим последним.

Будучи выразителем реального богатства, деньги оказываются не просто участниками товарообменного процесса вкупе с необходимым для товарообмена оценочным действом (реализации обменных оценок, присвоения товарных цен), но и необходимым предварительным и итоговым условием совершения товарообмена (без наличия денег нет покупки, без получения денег нет продажи), а также всего производительного процесса (без наличия и затраты денег нет производства, без возмещения затраченных денег нет воспроизводства, их накопления, нет расширенного воспроизводства).

Без товарообмена нет и не может быть денег, а потому деньги — следствие товарообмена. Но и без денег и их внетоварообменного функционального бытия не бывает сколько-нибудь развитого товарообмена. Отсюда экономическое не сводимо только и просто к феномену товарообмена, оно включает в себя еще и феномен денег.

Товарообменность и денежность — вот две главные составляющие экономического начала. Однако лишь на феноменальном уровне. На ноуменальном же уровне, где бытует не просто существующее, но сущее, где обнаруживается всеобщее, единое, центральное, откуда проистекают целостность, системность, накопленность, т. е. исходит жизнь в своей целостности, заявляет о себе нечто, что обще товарообмену и деньгам, что само по себе на поверхности не присутствует, а сидит в глубине (за поверхностью), но без чего поверхность, т. е. поле явлений, не реализуется, что делает товарообмен товарообменом, а день-

ги деньгами, что представляет собою экономическое в экономическом, — и это нечто есть не что иное, как стоимость.

Стоимость — не только и не просто оценка, хотя без оценки (цены) стоимости нет и быть не может. Стоимость и не субстанция оценки, если под такой субстанцией понимать некий «материал» оценки, имеющий массу, а потому и величину, способную предшествовать оценке и входить в цену. Не является стоимость и подобной же субстанцией денег, ибо деньги имеют ценность не сами по себе, а при своем реальном участии во всеобщем товарообмене (во всеобщем обменно-оценочном процессе). Без оценки (цены) стоимости нет, ибо все в экономическом мире оценено, как и все обменивается согласно оценкам. Каждый элемент в экономическом бытии имеет в каждый момент времени и в каждой точке пространства ту или иную относительную значимость, как раз представленную в получаемой им оценке, реально и органично соединяющей его с общественным целым. Без оценки стоимости нет, но это вовсе не значит, что она не может и не должна иметь место… вне оценки. Оцененная, стоимость бытует и сама по себе, выходя за пределы собственно обменно-оценочного процесса.

Что такое любая сумма денег? Ясно, что это есть некое количество стоимости. И вот если данная сумма денег выходит на время из товарооборота, то что она собою тогда представляет? Оцененную, но не участвующую непосредственно в текущем обмене и происходящих оценках, стоимость. А что произойдет при обратном вхождении суммы денег в экономический оборот? Нет, не одно лишь участие суммы денег в товарообороте, точнее, не просто их участие. Произойдет также определение данными деньгами самого обменно-оценочного процесса, тех же текущих цен. Выходит, что стоимость способна не только выводиться из обменно-оценочного процесса и выражаться в возникающих оценках (ценах), но и активно определять обменно-оценочный процесс, участвовать в оценках, выводить цены. Так дает о себе знать факт бытия стоимости вне оценки (но не без оценки).

Еще более ясно выражается самостоятельность стоимости, т. е. ее внеоценочность, в феномене капитала, когда производительный процесс осуществляется прежде всего ради стоимости (денег), ее (их) возрастания. Здесь стоимость явно предшествует не только оценкам (ценам), но и вообще производству. Не менее явно она и завершает это производство (с реализа-

цией продукта), возвращаясь, как правило, в увеличенном размере. Не столько стоимость здесь ради производства, хотя это и имеет место, а производство ради — и под диктовку — стоимости.

Стоимость — не просто следствие, компонент и участник обменно-оценочного процесса, она еще и его цель, основание и направитель. Феномен стоимости не сводим к феномену цены. Стоимость — больше, чем цена, она есть еще и некая особая субстанция, имеющая и самостоятельное от цен существование и иные — внеоценочные и неценовые — функции.

И если стоимость — субстанция, то, конечно же, нематериального порядка. Она не имеет ни вещественности, ни массы, ни какой-то независимо от экономического процесса определяемой величины. Однако стоимость везде и всюду, во всех элементах экономической системы, она получает идеальную самостоятельность, что позволяет ей не только пронизывать собою все элементы системы, но и управлять ими, существуя в них, но как бы и вне их. Будучи следствием организации экономической системы, стоимость оказывается не просто частью этой организации, но и главным ее организующим фактором.

Отсюда Э. — стоимостное производство, стоимостное хозяйство. Экономическое в экономическом — это стоимость. Э. и стоимость — хотя и не одно и то же, но существенно единое.

Товарообмен и деньги не объемлют всего в системе экономического хозяйства. А вот стоимость воистину всеобъемлющая. Экономическое хозяйство — хозяйство стоимостное, со стоимостью, ради стоимости. На практике это выражается в господстве купле-продажных отношений и денег, а также во всех производных от этого элементах и актах: кредите, финансах, ценных бумагах.

Товаром в экономическом хозяйстве является то, что продается-покупается, что получает стоимостное бытие и денежную выраженность. Товаром может быть все — от блага до труда, как и до самого человека. Не благо, не продукт, не труд, не вещь, не услуга, не природный элемент, не человек сами по себе не являются товарами, а все это становится товарами, а соответственно — стоимостью, в особых социальных отношениях, восходящих к разделению общества и его купле-продажному объединению в организменное целое.

Для Э. характерно особое поведение хозяйственных агентов, базирующееся на экономическом расчете. Экономический

расчет — это стоимостной расчет, ориентированный на максимальный стоимостной эффект от стоимостным образом обустроенной хозяйственной деятельности. Экономический расчет — не хозяйственный вообще расчет, который, конечно же, шире и содержательнее экономического расчета, ибо выполняет он и неэкономические задачи. Но для Э. характерен в первую очередь именно экономический расчет, в рамках которого осмысляется экономическая целесообразность хозяйственной деятельности, как и ее экономическая результативность. Экономический расчет подчиняет себе хозяйственный расчет, хотя, разумеется, не на сто процентов — хозяйственное нередко преодолевает экономическое (не все хозяйственное можно подчинить экономическому).

В среде экономического хозяйства возможно бытие чисто экономических субъектов, которые занимаются собственно экономическим делом, не особенно касаясь неэкономической стороны хозяйственного процесса. К таким субъектам относятся все финансовые субъекты: от банков до валютных бирж. Э. — хозяйство с развитой чисто экономической сферой, в рамках которой функционируют собственно (только) стоимостные агенты, однако не ограничивающиеся сугубо вспомогательной и посреднической ролью, а устанавливающие финансовый контроль над хозяйством в целом, доминирующие в хозяйстве, да и не только в хозяйстве, но и вообще в жизни. Э. — непременно финансовая экономика (как бы экономика в квадрате, в кубе), а финансизм — непременный атрибут экономических организаций хозяйства.

Для Э. характерен феномен капитала. Данный феномен выражается во вложении в хозяйственное дело денег (авансированной стоимости) с целью извлечения дополнительных денег (дополнительной стоимости). На стоимостном уровне феномен капитала определяется как феномен самовозрастания стоимости. Следует при этом различать феномен производительного капитала, обусловленный производством реального блага и стоимости, и феномен непроизводительного капитала, связанный лишь с перераспределением уже произведенной стоимости (феномен ссудного капитала).

Капитал — в основании и в центре развитой Э. Недаром развитая Э. получает определение капитализма. Не вся стоимость при капитализме реализуется как капитал, но вся стоимость так или иначе оказывается связанной с капиталом, его

движением. Капитал — не только способ реализации микрохозяйствования, но и макрохозяйства, т. е. частный капитал реализуется не просто в массе частных капиталов, даже не в их общественной совокупности, а именно в рамках общественного капитала, который включает в себя — помимо частных капиталов — и опосредствующие воспроизводство частных капиталов общественные стоимостные потоки (те же потребительные расходы).

Для Э. важно владение стоимостью, распоряжение ею, власть над стоимостью, т. е. собственность на стоимость. Обладание стоимостью (деньгами) ведет к обладанию всем — факторами хозяйства и условиями жизни, благами, трудом, людьми, обществом. Отсюда борьба за стоимость, за обладание ею. Но вследствие обменно-оценочной природы Э. стоимость подвижна, текуча, непостоянна. Таковыми оказываются и обладание стоимостью, собственность на нее. Поэтому владеть стоимостью можно лишь постоянно подтверждая это в обменно-оценочной борьбе, что то же самое — в экономической конкуренции (борьбе за стоимость, обладание ею). Экономическое хозяйствование — хозяйствование конкурентное. Конкуренция выражается не в одной борьбе за обладание стоимостью, но и вообще в борьбе за лучшие условия приложения хозяйственной инициативы, движения стоимости, ее самовозрастания, накопления. Э. — конкурентный способ хозяйства, в его основании лежит стоимостная конкуренция.

В борьбе за собственность на стоимость большое значение имеет утверждение собственности на капитал, в том числе и на собственность на капиталы, в особенности, на производительные капиталы. Отсюда образование различных — до гигантских размеров — капитальных структур, в рамках которых реализуется та или иная собственническая власть над капиталами, над стоимостью. Одни капиталы эксплуатируются другими капиталами.

Эффект эксплуатации в рамках или в связи с Э. не ограничивается соответствующим соподчинением частных капиталов. Нанимаемый капиталом труд — объект экономической эксплуатации, ибо последний участвует, безусловно, в производстве новой стоимости и прибыли, более того, это участие является для капитала решающим — без производительного труда произвести стоимость, а тем более прибыль, невозможно. Эксплуатация наемного труда может быть как умеренно допус-

тимой, если труд оплачивается достаточно и его носитель не испытывает проблем социального (воспроизводственного для себя и своей семьи) порядка, так и чрезмерной, когда труд оплачивается недостаточно, а его носитель вместе с семьей испытывает, как минимум, нужду, если непосредственно духовно и физически не деградирует. Капитал сам по себе лишен сострадательных эмоций, он преследует цель максимизации прибыли, и за счет давления на заработную плату, т. е. экономии на издержках на труд, ему удается наиболее просто и эффективно решать главную свою задачу — извлечение для себя дохода.

Для Э. характерны стоимостные собственники — капиталовладельцы, держатели денег или иных заменяющих деньги «вещей» (тех же ценных бумаг). Через посредство денег и капитала собственникам удается удерживать и нестоимостные хозяйственные и просто потребительские элементы. Экономическая собственность распространяется не только на собственно экономическое, но и на неэкономическое. Особенно важно владение производительными хозяйственными факторами — землей, ресурсами, орудиями труда, материалами, энергией, информацией, т. е. всем тем, что позволяет вести хозяйство, производить блага и стоимость.

При господстве капитала имеет место отделение части общественного труда от нетрудовых хозяйственных факторов, что и позволяет превращать часть труда в наемный труд, вести его эксплуатацию. Носитель наемного труда при этом остается собственником своей способности трудиться, но в момент эксплуатации он не только отдает нанимателю свой труд, но и уступает ему собственность на саму способность трудиться.

Все хозяйственные агенты в рамках Э. реализуют себя как продавцы и как покупатели. При этом постоянно осуществляется переход собственности на продаваемое-покупаемое, на деньги, участвующие в купле-продажных сделкаХ.э., развиваясь, стремится максимизировать объем купле-продажных отношений, охватывая ими возможно более значительную часть хозяйства, жизни вообще. Действует феномен экономизации хозяйства, жизни. Так в итоге создаются условия для развития экономической цивилизации.

Экономические агенты сориентированы в своей хозяйственной деятельности главным образом на стоимость, ее производство, движение и поведение, ее самовозрастание. Все нестоимостное служит бытию стоимостного. Разумеется, нет и не

может быть стопроцентного подчинения всего и вся стоимости, но достаточно объемное и сильное подчинение всего и вся стоимости обязательно есть. Приоритетная ориентация на стоимость снимает вовсе или существенно ослабляет любые нестоимостные ограничения: как духовные, культурные, моральные, так и социальные, собственнические, физические, во всяком случае достаточно освобождает хозяйство от всего, что может его как-то лимитировать. Отсюда два исторических прорыва, совершенные свободно развивающейся Э.: 1) появление и утверждение тенденции к неограниченному в перспективе расширению производства и хозяйства; 2) возникновение и укрепление тенденции к качественному обновлению производства, хозяйства и жизни человека в целом. В полном смысле слова экономический производительный агент — агент расширения и обновления. Конечно, не все агенты могут и должны всякий раз быть именно таковыми, но в экономическом обществе должна быть значительная группа (слой) агентов, следующих данному образу хозяйственного поведения.

Любой экономический агент, имеющий свое полнообъемное хозяйственное дело (с вложением стоимости и производством блага), суть предприниматель. Однако в среде предпринимателей особое место принадлежит, во-первых, производительным предпринимателям, во-вторых, промышленным предпринимателям, в-третьих, предпринимателям-новаторам. Именно указанные предприниматели творят в конце концов расширение и обновление производства, хозяйства и жизни в целом.

Будучи стоимостным, обменно-оценочным, конкурентным хозяйством, Э. в основе своей есть хозяйство самоорганизационное. Иначе это свойство Э. принято называть рыночной организацией, подразумевая, что указанную самоорганизацию осуществляет рынок. Рынок — самоорганизационное сообщество агентов-конкурентов, конечно же, вместе с такими атрибутами, как деньги, товары, обменные акции, цены, предложение и спрос.

Акцентируя внимание на самоорганизации, на рынке, не следует упускать из виду и организацию Э., ту самую организацию, которая противостоит самоорганизации, является уже несамоорганизацией, т. е. некой целеположенной, сознательно осуществляемой, волевой организацией. Организации (несамоорганизации) подлежит не только собственная (внутренняя)

деятельность каждого из агентов (агент самоорганизационен только по отношению к внешнему для себя миру, к другим агентам), но и часть деятельности агента, на которую распространяется внешнее управление, а также часть жизнедеятельности всего сообщества экономических агентов или рынка. Организации, причем из центра, подлежат деньги, а также в разной мере финансы, товарообмен, внешнеэкономические отношения, банки и даже кредит. Нет и не может быть только самоорганизационной Э. В Э. противоречиво, но деятельно, сочетаются самоорганизация и организация. Последняя, имея структурно-институциональную и текуще-функциональную выраженность, не просто противостоит первой, ее уравновешивая, но и непосредственно обеспечивает ее реализацию. Нет и не может быть экономической самоорганизации без ее экономической и неэкономической организации — правовой, административной, государственной, просто волевой — из центра. Нет Э. без разнообразного регулирования, среди которого не последнее место занимает и оперативное регулирование, выполняющее напрямую функции рынка, самоорганизации, реализующееся в тесном переплетении с этими последними, находящееся с ними в органическом единстве.

Э. нет и не может быть без государства, без государственной организации. Негосударственность экономики — миф, не выдерживающий испытания временем. Ни одно экономическое действо, тот же обменно-оценочный процесс, не обходится без того или иного внимания государственной организации (правовой, к примеру), не говоря уже о разнообразном участии государства в хозяйственном бытии, в экономической жизни. Государство — охранитель, гарант, арбитр, контролер, распределитель, потребитель, инвестор, покупатель, продавец, собственник, финансист, предприниматель, организатор, регулятор и т. д. Слишком многое в хозяйстве и в Э. связано с государством, им обусловлено, чтобы допускать мысль о негосударственном характере Э. Деньги — государственные знаки, многие ценные бумаги — тоже, национальные центральные банки — государственные, хозяйственные границы — государственные. А сколько различных хозяйственных сфер — от природно-ресурсных до инфраструктурно-производительных — находятся в прямом ведении государства? Государственный сектор экономики — реальность, с которой приходится считаться всем — как сторонникам государства, так и его противникам.

А государственные финансы? А налоги? А социальные выплаты?.. Государство в Э. повсюду. Э. — государственный способ хозяйства, хотя, конечно, не государственный в прямом смысле слова способ хозяйства (государство не является в условиях Э. главным и все подавляющим хозяйствующем субъектом).

Правовая, институциональная, государственная организации, не говоря уже о таких организациях, как культурная, социальная, политическая, делают Э. цивилизационной системой, а соответственно, частью экономической цивилизации. Без разнообразных организаций неэкономического происхождения и свойства Э. нет: она просто не может без таковых осуществиться. Отсюда представление об Э. как о чистой Э. — не более, чем абстракция, нужная в определенном плане, но таящая в себе опасность упрощенного представления об Э. как реальности. Философия хозяйства не игнорирует качественного разнообразия Э., присутствия в ней многого неэкономического, хотя и позволяет себе в некоторых случаях рассматривать Э. в чистом виде, абстрактно. Однако философии хозяйства не свойственно создавать иллюзий об Э. как о чем-то, что существует само по себе, в чистом виде, без неэкономического начала, вне разнообразного и проникающего в нее контекста.

Э. — феномен противоречивый. Противоречий в Э., как в любой подобной очень сложной системе, предостаточно. Уже само разделение хозяйства — собственническое, организационное, функциональное, трудовое, деловое — порождает противоречивость, делая исходно и бесконечно противоречивым не один только обменно-оценочный процесс, но и всю жизнедеятельность Э., любые ее начинания и свершения. Вне утверждения, реализации, преодоления и подтверждения разнообразных противоречий вообще нет и не может быть экономического бытия. Разумеется, противоречивость свойственна не одной Э., но Э. не то чтобы особенно противоречива, но, можно сказать, особенно явно и органично противоречива, ибо в Э. все или почти все на противостоянии, на взаимодействии противоположностей, на одновременном движении к прямо противоположным результатам. Весь организм Э. не просто противоречив, что можно сказать и о любом другом организме, а прямотаки соткан из противоречий, ими живет. Любой процесс в Э. (от акта товарообмена до взаимодействия микрохозяйствования с макрохозяйством) противоречив, любой параметр (товар, це-

на, капитал, деньги и т. д.) тоже, любой итог — тем более (что-то хорошо, а что-то — нет).

Противоречивость — онтологическая противоречивость Э., ее органическое свойство, а не всего лишь какой-то порок, хотя противоречивость вовсе не безобидная — как для самой Э., так и для жизни вообще. Но Э. так устроена. Это, безусловно, во всех отношениях живая система, полная динамики и борьбы. Это — беспокойная система. Покой — не для Э. Для Э. характерно постоянное становление, сопровождающееся умираниями и рождениями, болезнями и выздоровлениями, подъемами и спадами. Э. — постоянное упорядочение хаоса и хаотизация порядка. Это — явно синергетическая система. Э. опрометчива. Она любит риск. И платит за него, впадая в разнообразные кризисы. Но при этом — рывки вперед, обновления, рост, преобразования. Э. — хозяйство прогрессное, которому присущ хозяйственный прогресс.

Как и всякой живой, подвижной, самоорганизующейся системе, Э. свойственна колебательная, флуктуативная динамика, — от простейших маятниковых движений до весьма сложных превращенческих процессов. Наиболее распространены ритмические (не механически ритмические) смены состояний и направлений движения и изменений. В итоге имеет место волнообразная динамика Э. — количественная и качественная, а также наблюдается феномен цикличности, характеризующийся возвратным чередованием однопорядковых (сходных, аналогичных) состояний. Так, чередование, с одной стороны, экономических подъемов с экономическими спадами, а с другой — одного подъема с другим подъемом через посредство спада, дает простейшую циклическую картинку, где цикл состоит либо просто из подъема, как и либо из спада и подъема, либо из спада, подъема и спада.

Однако наиболее ясно обозначенный циклизм в Э. восходит к его органическому единству с экономическими кризисами. Коль скоро есть две тенденции — к цикличности и к кризисности, то логичным является их взаимодействие, выливающееся и во взаимосвязанную реализацию. Кризис не может не войти в циклизм, а циклизм не может не воспринять кризис. Мало того, нетрудно убедиться, что кризис оказывается тем моментом цикла, с которым связано что-то начинающееся в Э. и что-то завершающееся, ибо моменты кризисов — моменты, с одной стороны, краха чего-то отработанного, устаревшего, от-

жившего, а с другой — появления чего-то нового, перспективного, обещающего. Отсюда кризис — момент начала и конца цикла, т. е. циклообразующий фактор. И если известны кризисы, их типы, то становятся известными и циклы, им и их типам соответствующие. Типология экономических циклов корреспондентна типологии экономических кризисов.

Воцарившаяся в человечестве Э. ярко продемонстрировала свои огромные превращенческие возможности, радикально изменив всю внешнюю, а в чем-то важном и внутреннюю (духовную) жизнь человека, породив техническую цивилизацию со всеми ее энергиями, механизмами, информациями, коммуникациями, вооружениями, городами, а в итоге создав искусственный мир, непосредственно и полномасштабно противостоящий естественному миру, земной, если уже не космической, природе, не говоря уже о мире Божьем.

Э. имеет свою телеологию, которая восходит к внутренней потенции Э. к росту-развитию и выражается в феномене прогресса. Преобразование мира по искусственному алгоритму (демиургическая функция Э.) — цель и суть телеологии Э. Одновременное и экспоненциальное усложнение бытия человека, его хозяйственной деятельности, всей его жизни. Создание другого мира (уже заметно не Божьего). Исключительно деятельная, Э. устремлена вперед, в преобразование, в другой мир, а одновременно и в неизвестность. Телеология Э. трансцендентна, причем не позитивно трансцендентна — как проявление тайны мира вообще, а именно негативно трансцендентна, ибо Э. ускоренно движется (бежит) к неведомому, но тем не менее ею чаемому и созидаемому. Впереди — другой мир, но с не меньшей вероятностью и катастрофа. Телеология Э. — в чем-то и дурная телеология.

Отсюда проблема эсхатологии экономики, как, возможно, и эсхатологии, если не человечества в целом, то уж во всяком случае его «передовой части» (вместе с не столь уж передовыми, но сопряженными с ней частями). Нынешняя реальность свидетельствует не об одном историческом триумфе Э., но и о возможности ее исторического завершения.

Вполне допустима постановка об эсхатологическом кризисе экономики, ибо противоречие Э. с природой (не говоря уже о Боге Творце) нарастает, до предела обостряя экологическую проблему, а глобальный конфликт искусственного мира с естественным представляется более неизбежным, чем предот-

вратимым. Расцветший в XX в. финансизм, покоривший производство, хозяйство и саму жизнь, явно уже чрезмерный, существующий все более ради самого себя и узкого властолюбивого круга, не только потрясает мировую Э. финансовыми кризисами, но и грозит вообще опрокинуть мировое хозяйство, ввергнуть человечество в экономическую катастрофу. Само распространение Э. на весь мир чревато исчерпанием внешних ресурсов приспособления Э. к собственным внутренним коллизиям и внешним конфликтам, а потому может способствовать усилению эсхатологических тенденций.

Эсхатология не ограничивается одними отрицательными мотивами. Конец Э., который, кстати, может вылиться лишь в преобразование Э., т. е. не стать действительным ее концом, не означает непременно и конца хозяйства и человечества. Допустимо, что Э, переделывая все и вся в мировом масштабе, готовит какое-то иное состояние человечества и какую-то другую реализацию хозяйственной жизни (хотя бы ноосферного порядка), а переход в это новое по качеству бытие может произойти достаточно спокойно, во всяком случае, некатастрофно. В такой эсхатологии Э. уже нет ничего безусловно страшного, более того, конец Э. может даже сознательно ожидаться и конструктивно готовиться. Эсхатология вообще слишком диалектична, чтобы рассчитывать на какой-либо один определенный конец. Таковой является и эсхатология Э. Здесь имеет место очень сложный фуркационный процесс, исход которого заранее не может быть строго предопределен. Однако конец Э., т. е. прекращение или значительное ослабление ее исторического самодовлеющего бытия, достаточно вероятен (с тем или иным — негативным или позитивным — исходом). Э. противостоит антиномически неэкономике, т. е. неэкономическому хозяйству. История знает и неэкономические хозяйства, те же общинные, крестьянские, феодальные. Это хозяйства без товарообмена, без денег, без стоимости. Исторически вышло так, что Э. предшествовали как раз неэкономические хозяйства, т. е. предэкономика. Предэкономика получила определение натурального хозяйства, в рамках которого все необходимое производится в натуре (соответственно натуре человека и природы) и в натуре же распределяется. Коль скоро Э исторически предшествовала неэкономика, то вполне допустимо говорить об исторической возможности послеэкономики (или постэкономики).

Зарождение Э. уходит вглубь истории. Товарообмен — достаточно древний феномен. Долгое историческое время Э. более обслуживала неэкономические хозяйства, чем была самостоятельным способом хозяйства. Более или менее чистая Э. была характерна для торговых центров (портов, перевалочных пунктов, городов, ярмарочных мест), но и в этом случае Э. не была полностью развитой, захватывающей достаточно производство, использующей широко финансовые механизмы. Она была более анклавной, чем пространственно распространенной. Но наступили времена, когда Э. получила бурное развитие, позволившее ей существенно оттеснить неэкономические хозяйства и овладеть хозяйственным пространством. Прорыв произошел в Западной Европе в XIV—XVII вв. в результате крупного преобразовательного процесса — экономической революции, сопровождавшейся и революционными переменами в области культуры, религии, политического и социального устройства геопространства. В итоге экономических революций не только развился экономический способ хозяйства, но и сформировалась экономическая цивилизация, господствующая в мире.

Со времени революционного прорыва Э. прошла сложный путь развития. Ей пришлось пережить: 1) бурное становление и развитие капитализма — от первоначального накопления капитала до формирования к концу XX в. высокоорганизованной корпоративно-институциональной системы мирового капитализма (с мировым финансовым капиталом во главе); 2) беспрецедентное по темпам и итогам развитие производительных сил — от паровой машины и ткацкого станка до ЭВМ, телекоммуникаций и космических аппаратов, ознаменованное рядом крупных качественных скачков, начатых промышленной революцией конца XVIII — начала XIX в. и с ускоряющейся периодичностью повторяющихся вплоть до настоящего времени (достаточно упомянуть события рубежа XIX—XX вв., середины XX в., последней четверти XX в.); 3) историческую серию периодически происходящих потрясений — экономических, социальных, политических, военных и иных кризисов, из которых отдельные носили исключительно острый, угрожающий для капитализма характер (Великая депрессия 30-х гг., две мировые войны XX в.).

Историческое движение победившей Э., принявшей окончательно облик капитализма, носит ярко выраженный цик-

лический характер. Общая картина циклизма, свойственного Э., чрезвычайно сложна, ибо циклы, как и кризисы, разнообразны и далеко не всегда четко проявляемы, однако известная запутанность циклической феноменологии не отменяет фундаментального вывода о цикличности движения Э., ее развития, равным образом и вывода о связи цикличности с крупными, историоэтапными превращениями Э.

Для Э., как и для многого другого в окружающей реальности, свойствен феномен трансформации, т. е. перехода от одной исторической формы своего бытия к другой. Речь идет о сменяющих друг друга формах способа хозяйства. Э., как, по сути, и любой способ хозяйства, реализуется последовательно в разных исторических формах, отражающих разные исторические состояния и способы организации. Уже обычный жизненный путь способа хозяйства — от рождения до умирания через становление, зрелость и старость, не может не демонстрировать разных исторических воплощений способа хозяйства, сменяющих друг друга жизненных форм. Однако критерием для выделения исторических форм способов хозяйства может служить не один лишь жизненный цикл, но и качественная особенность исторических воплощений способов хозяйства. Тогда получается, что способы хозяйства реализуются исторически как бы в разных по качеству способах хозяйства (подспособах хозяйства, его формах). Отсюда и общая трансформация способов хозяйства, и смена конкретных исторических форм, и крупные исторические этапы бытия способов хозяйства (как периоды существования той или иной конкретной формы). Отсюда и особый трансформационный циклизм в историческом существовании способов хозяйства.

Что касается Э., то возможно выделение следующих исторических форм экономических способов хозяйства, характерных для эпохи капитализма: либеральный капитализм (до последней четверти XIX в.), корпоративно-государственный капитализм (с последней четверти XIX в. до последней четверти XX в.) и глобальный капитализм (последняя четверть XX в.). Данное выделение форм является, конечно, условным, но в нем есть та логика, что способ бытия Э. качественно изменялся на протяжении последнего полутысячелетия: от относительно свободного в организационном отношении образа (I форма капитализма — так называемая эпоха свободной конкуренции) к относительно несвободному образу (II форма — регулируемый

корпорациями и государствами капитализм), а затем к современному, в некотором роде смешанному (синтезному) образу, реализующемуся непосредственно в мировом масштабе (III форма — высокоорганизованный мировой капитализм).

Вследствие бурного развития и активного утверждения в настоящее время высокотехнологических средств и методов организации хозяйственной жизни (глобальной информатики, гибкой коммуникационной сети, подвижного и вездесущего менеджеризма, условных денег), способствующих эффективному отрицанию непосредственно социальной самоорганизации и ее замещению технической, третью форму Э-капитализма можно рассматривать как неоэкономическую. Третья форма, как и исторический этап, ей соответствующий, имеют, таким образом, весьма определенное эсхатологическое звучание.

Ю.М. ОСИПОВ

Стоимость*

(Философия хозяйства. 2000. № 2)

Стоимость (С.) — абстрактный качественно-количественный феномен *экономического хозяйства — экономики*, основополагающее, фундаментальное начало экономики, ее идеальная *субстанция;* центральная, системообразующая категория знания об экономике; самое экономическое в экономике, ее *сущность,* ее *ноумен*; наиболее абстрактный феномен экономики и наиболее абстрактная категория экономического знания. Имеет отношение к *товарному обмену* и *товарным оценкам*, через них реализуясь и в них выражаясь; имеет собственное субстанциальное бытие в *благах-товарах* и *деньгах,* дает возможность абстрактного, единообразного, параллельного представления *хозяйства*, его системы и процесса, обусловливая тем самым раздвоение хозяйства на исходное физическое и производное стоимостное, возникновение тем самым феномена двухмерности хозяйства; отображая физическое хозяйство, С. способна сообщать ему организационное, регуляционное и управляющее воздействие, доминировать в нем, господствовать.

С. сопряжена непосредственно с оценкой, находящей феноменальное воплощение в *цене*. Цена — единообразно выра-

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

женная общественная значимость блага-товара в его отношении ко всем остальным благам-товарам, составляющим воспроизводящийся товарный мир (или мир товаров) общества. Цена — величина, относительная величина. В простейшем виде это количество блага-товара, обмениваемого на другое благо-товар (количество товара Б, обменного на товар А; ∑Б, сравнимая по общественной воспроизводственной значимости с А). В более сложном и традиционном для экономики виде цена есть количество денег, за которые продается-покупается, т. е. обменивается на деньги, благо-товар (∑Д, отражающая общественную значимость товаров А, Б, В и т. д.). Учитывая, что деньги тоже оценены, имеют цену, являясь по сути товаром, хотя и особенным, логично утверждать, что С. без цен нет и быть не может. С. без цен — нонсенс.

Однако нет никакого основания считать, что цена и есть С., поскольку С., во-первых, есть нечто общее для всех цен и товаров, в том числе и денег, т. е. некая общая субстанция, бытующая сразу во всех товарах, в том числе и в деньгах; во-вторых, сопрягаясь непосредственно с ценами, С. способна существовать и вне цен — в тех же деньгах, в их массе, т. е. быть чем-то отличным от собственно цены, хотя и быть при этом оцененной, т. е. иметь некую общественную, сравнительную значимость; в-третьих, сложенные вместе, в единую количественную совокупность, цены — всего лишь сумма цен, и не более того, а вот стоящая за этой суммой цен совокупная С. — нечто совсем другое, а именно общественная по величине и функциям особая субстанция, противостоящая всему общественному товарному миру, в нем содержащаяся, по нему разлитая, в нем распределенная. Отсюда С. — не цена как таковая, это еще и нечто другое, к собственно цене не сводимое. С. больше цены, разнообразнее, сложнее. С. богаче по смыслу, чем цена, хотя без цены С. нет и не может быть.

Соотношение С. и цены — главная концептуальная проблема экономической науки, признающей С. и с ней как-то логически оперирующей. Науку давно волнуют следующие принципиальные вопросы: как и чем определяется цена, ее величина? какое отношение к цене имеет в связи с этим С.? если допустить, что цена как-то определяется С., то как и чем тогда определяется С.? На эти и им подобные вопросы наука давала и дает разные ответы, но ни один из ответов не был до конца удовлетворительным. Что-то всегда оказывается необъяснен-

ным, что-то всегда остается за рамками предлагаемой концепции. Получается, что наука не находит окончательного ответа. Каждый ответ является в конечном итоге не то что приблизительным, но неправильным. Пришло время и наука (ее часть) вообще отказалась от понятия С., не замечая вынужденно и сам феномен С. Для такой науки остались лишь сами по себе цены, деньги, и понимание их обходится уже без С., что, кстати, не увенчалось удовлетворительным объяснением самих цен, денег. Исключение экономической субстанции, которой как раз и является С., не дало науке позитивных результатов, это лишь ее обеднило и примитивизировало.

Философия хозяйства, как и классическая теоретическая экономия — политэкономия, не считает возможным ни расставаться со С., ни прекращать поиски удовлетворительного ее объяснения. Ниже предлагается философско-хозяйственное понимание С. — как реального феномена и как знаниевой категории.

Философия хозяйства не обязана быть сугубо материалистическим знанием, к тому же еще абсолютно-истинным. Она, как и философия вообще, допускает *идеальное* и *трансцендентное* в мире, в том числе и в хозяйственной жизни. Более того, она способна уловить при случае большое значение и ведущую роль идеального и трансцендентного, нисколько не заботясь об обязательном приоритете материального. Это позволяет философии смотреть на мир совершенно непредвзято, т. е. познавать мир таким, какой он есть. Научно-материалистическое объяснение С., что уже достаточно ясно, в общем-то не состоялось, и вместо абсолютно-истинного ее понимания наука получила не что иное, как достаточно изощренные *мифы*, т. е. вполне идеальный продукт, не могущий претендовать не то что на абсолютную, но даже и на относительную, — достаточно удовлетворительную, — истину. Уход в материализм не гарантирует человека познающего ни от неясности, ни от отрицательного *мифотворчества*.

Философия хозяйства исходит из того, что мир не только материален, но и идеален. Познание мира есть прежде всего познание идеального, заключенного в *материи*, а потом уже и чего-то материального — этой неживой оболочки идеального. Вокруг человека, как и в самом человеке, *идеи*, которые либо даны, либо он их открывает, либо их производит. *Познание* — это операция идеального с идеальным, хотя и с материальным

тоже. И продукт познания идеален, причем не только по своей собственной природе, но и по познавательной реальности, которая не менее, а может, и более, идеальна, чем материальна. Что же касается сущностного, ноуменального, скрытого уровня мира и его познания, то здесь-то уж прямо-таки господство идеального, если не просто абсолютное его присутствие.

С. — нечто идеальное, хотя и проявляющееся в материальном. Отсюда и трактовка ее должна быть по сути и прежде всего не материалистическая, хотя и не пренебрегающая тем материалистическим, что имеет отношение к реализации С. Относясь к сущностному, ноуменальному, скрытому уровню, С. уже поэтому не может не быть феноменом трансцендентным, а собственно — понятием *трансцендентальным*, т. е. несущим на себе печать трансцендентного, но столь значимую печать, что избежать соответствующей характеристики понятие уже не может (все в мире в той или иной мере трансцендентно, но не все понятия о мире заслуживают быть трансцендентальными). С. — трансцендентный феномен и трансцендентальная категория.

Подход к С. как к чему-то трансцендентному открывает особые возможности для ее познания и объяснения, те возможности, которые закрыты при сугубо материальном подходе. Отпадает необходимость трактовать С. как субстанцию материальную и искать упорно ту материю, которая должна ее — эту субстанцию — наполнять (кстати сказать, ни труд, ни полезность не являются сугубо материальным, хотя им и давалось наукой материалистическое толкование).

И тут важно учесть еще одну особенность такого феномена, как С., сопряженную с ее идеально-трансцендентальной трактовкой. С. не просто идеальная субстанция, но она еще и сама себе субстанция. С. и есть субстанция, она не нуждается ни в каких иных, внешних для нее и входящих в нее, субстанциях. Поиск субстанции для С. — напрасное занятие.

С. — феномен информационный. Как в идеальном своем бытии, так и в материальных воплощениях. С. есть *информация*. Однако особого рода. Эта информация, которая сама по себе и полностью никому не является, обладая свойством некой обязательной скрытности и закрытости, соответствующими, кстати, трансцендентной природе самого феномена С. С. является, к примеру, в цене, т. е. как ценовая информация, но явление С. в цене не есть явление С., как таковой, и поэтому цена —

не информация самой С., а всего лишь информация о С. То же самое можно сказать и о деньгах, как и любом другом воплощении С. С. — сама по себе информация, хотя информация эта не существует без явленческой, феноменальной информации, т. е. той информации, которую человек наблюдает и с которой имеет дело. Но важно иметь в виду, что собственно стоимостная информация и феноменальная информация о С. — не одно то же (при всей их сопряженности). У стоимостной информации какая-то своя природа — сущностная, ноуменальная, скрытая, что в некотором смысле то же самое, что трансцендентная.

С. — не субстанция, которую можно увидеть, потрогать, распотрошить. Это как бы потусторонняя субстанция, лишь являющаяся — опосредованно — в посюстороннем мире, т. е. в мире зримых, ощущаемых, операциональных явлений. С. — феномен, но феномен не феноменального ряда, а другого — зафеноменального, в феноменальном лишь проявляющегося.

Откуда берется С.? Грубо говоря, из феноменального ряда, т. е. из движения всех феноменальных элементов хозяйственного бытия, организованного экономически, т. е. на товарно-обменной основе. Без такого реального движения феноменальной реальности ни о какой С. не может быть и речи. С. возникает, существует и действует только в связи с действием феноменальной реальности. Отсюда как раз и возникает иллюзия, что С. нет и без нее наука может вполне обойтись, довольствуясь только ценами и влияниями на них. С., однако, есть, но она за феноменальностью, где-то там, куда хода прямого нет, но куда можно проникнуть воображенчески.

С. не оторвать от феноменальной реальности, но она имеет еще и иную — нефеноменальную — реальность, которую как раз философия и называет сущностной, ноуменальной, скрытой.

С. точки зрения возникновения С., ее зарождения, т. е. начала ее реального бытия, феноменальность, конечно, первична, — без реального функционирования хозяйственного мира, т. е. без реального хозяйственного процесса, никакой С. быть не может. А вот с точки зрения роли С. в функционировании хозяйственного мира, то здесь все обстоит уже не так просто, ибо С. берет на себя существенную организационную, т. е. хозяйственную, функцию, определяя реализацию феноменальности, занимая тем самым ведущее место и становясь в некотором отношении началом уже первичным, а не вторичным. Воспроиз-

водство хозяйства как феноменальный процесс производит С., а С., возникнув, не просто участвует в воспроизводстве хозяйства как феноменальном процессе, но и ведет этот процесс, оказывая на него важнейшее управляющее воздействие.

Первое, что необходимо разобрать в связи с организационной ролью С. — это взаимоотношения между С. и ценой, между С. и ценообразованием. Это тем более важно, что экономическая наука только и делала, что пыталась раскрыть эти взаимоотношения, вводя для объяснения цены и ценообразования само понятие С.

Согласно философии хозяйства, С. нет без цены. Если в реальности нет цен и практического ценообразования, то никакого феномена С. нет и быть не может. Сама по себе, т. е. без цены и ценообразования, С. не существует, хотя она может себе показывать и вне цены, даже до цены… если цены уже есть и идет процесс ценообразования. Те же деньги, хоть и оценены, но это вовсе не цены, и С. в них присутствует, определяя — через деньги — те же самые цены.

С. без цены нет. Вообще С. и вообще без цены. А вот в такой наоборотной сентенции, как цены без С. нет, философия хозяйства особенно не нуждается, ибо присутствие феномена С. в связи с феноменом цены и ценообразования логично ею предполагается, и необходимости доказывать, что цены без С. нет, просто не существует. Это нечто само собой разумеющееся.

Ориентируется ли цена на С.? Да, ориентируется, но не так, как полагала и полагает до сих пор теоретическая экономия. Иначе. Как же?

Цена ориентируется не на С., возникающую до цены, а на С., возникающую вместе с ценой, а точнее, вместе со всеми ценами, наличествующими в воспроизводящемся хозяйственном обществе, — и ориентация эта происходит посредством не вкладывания в цены каких-то количеств стоимостной субстанции (труда, полезности), а посредством воспроизводственного взаимодействия всех действующих в хозяйстве цен, их взаимовложения друг в друга, их взаимодинамики, движения вверх и вниз, взаимосоответствия и взаиморазрешения. Само ценообразование и соблюдает в конечном итоге стоимостные требования, осуществляя тем самым ориентацию на С.

При полностью развернутом экономическом хозяйстве здесь особого секрета нет, ибо цены на блага возникают как цены, производные от цен, т. е. уже действующие цены предо-

пределяют и вновь возникающие цены, а текущее взаимодействие субъектов, товаров и цен все наличествующие цены воспроизводственно корректирует. Сложнее разрешается проблема стоимостного, т. е. как-то зависимого от С., ценообразования при переходе от неэкономического или *натурального хозяйства* к хозяйству экономическому, т. е. к хозяйству разделенно-обменному. Как в таком случае возникают цены, их величины?

В процессе воспроизводственного взаимодействия субъектов, товаров и цен, а точнее, оценок. Не из простого взаимодействия двух благ А и Б появляются цены, а из взаимодействия всех наличествующих в обществе субъектов, товаров и оценок, причем взаимоотношений, обусловленных воспроизводственной потребностью, испытываемой всеми субъектами, товарами и оценками сразу — индивидуально и в общественной совокупности. Каждый субъект выходит в обмен со своим определенным товаром в необходимом для своего личного и своего товара воспроизводства количестве, рассчитывая получить в обмен на это количество своего товара все необходимое ему для полного воспроизводства блага и в необходимых количествах. Сумма товара А, находящегося в распоряжении субъекта А, должна соответствовать сумме товаров Б, В, Г и т. д., необходимых для воспроизводства субъекта А вместе со своим товаром А. В таком положении находятся все субъекты воспроизводящегося сообщества. Возникает некоторая общественная воспроизводственная целостность, в рамках которой должен соблюдаться некий общественный баланс между обменивающимися субъектами и их товарами (*межпродуктовый* или *межотраслевой баланс*). Хотят того экономические субъекты или не хотят, но они должны действовать в соответствии с определенными общественными оценками, т. е. ценами на свои товары. В противном случае воспроизводства субъектов и их товаров, как и всего хозяйственного сообщества, не произойдет.

Разумеется, субъекты, будучи, как известно, *homo sapiens*, т. е. способными действовать разумно, снимают отовсюду разнообразную информацию, в том числе и чисто физическую, ибо они находятся в физической среде и осуществляют вполне физическое воспроизводство. Отсюда обменно-оценочные решения субъектов являются в достаточной мере натурально обоснованными, а частично их необоснованность корректируется самими обменно-оценочными взаимоотношениями, на которые давит всеобщая воспроизводящая потребность.

Так устанавливаются не просто цены, но воспроизводственные цены, а это как раз и можно вполне почитать за стоимостные цены, т. е. цены, как бы соответствующие С., ибо С. — нечто все-таки потустороннее, скрытое, более устойчивое (ведь «стоимость» от слова «стоять»), т. е. менее подвижное и «суетливое», чем собственно цена. С. не просто проявляется в цене, она ведь проявляется в динамике цены, коль скоро речь идет о цене товара. В реальности С. выражается более не в стабильной цене, а в цене движущейся, т. е. в некотором наборе цен, во время-пространственной динамике цены, в разбросе цен.

В ходе обменно-оценочного действа экономические субъекты находят С., а не вводят С. в цены. И такое нахождение С. и есть уже первое организационное влияние С. на хозяйственный процесс. А если принять во внимание, что любой конкретный хозяйственный процесс начинается с вложения денег, т. е. С. в ее наиболее субстанциальном виде, то организационная функция С. становится еще более значимой и понятной, ибо производимые цены становятся так или иначе уже результатом априорно существующих цен. Производство товаров есть одновременно и производство цен — с помощью других, уже данных, цен.

Производство товаров и цен есть одновременно и производство С. С. самой по себе, т. е. как некой самостоятельной от товаров и цен субстанции, нет. Однако есть субстанция, вселяющаяся в товары и выраженная в ценах, но таким образом, что это вселение есть в то же самое время и возникновение внутри товара данной субстанции. Не со стороны идет вселение, а изнутри, но при соответствующих отношениях между товарами и субъектами — обменно-оценочными. Вот почему С. — всегда отношение, причем отношение непременно действующее, реализующееся, как, собственно, и цена, и товар, и деньги, т. е. все экономическое.

Производство С. — возникновение С., ее рождение. В ходе и в результате оценки, учитывающей и натуральную, физическую, материальную, т. е. нестоимостную, природу товара, как и по преимуществу такие же по характеру условия его производства (заметим, что товаром может быть и повсюду бывает и нечто непроизводимое, та же, к примеру, земля). Обращение чего-либо в товар есть одновременно и акция по производству, т. е. возникновению, рождению С. — С. данного товара. Причем происходит это непременно в ходе оценки, производимой,

как правило, и с помощью ранее возникающих, т. е. уже признанных, оценок. В таком производстве С. есть особый момент — акт вменения С. Последняя производится, но и вменяется, как и наоборот — вменяется и при этом производится.

Кто производит С., кто ее вменяет? Субъект экономического отношения, а лучше сказать — субъекты экономических отношений, прежде всего, продавцы и покупатели, устанавливающие и реализующие между собой обменно-оценочные отношения. Равным образом, в оценке может участвовать любой иной субъект, способный как-то влиять на оценки — либо прямо, либо косвенно (то же государство, те же банки, те же финансовые институты). Выходит, что оценки, а за ними и производство С., ее вменение — дело субъектное. Субъекты со своим сознанием включены в процесс созидания С., оказывая на него и свое субъектное, а потому и субъективное, влияние. Ничего особенного в этом нет — это нормально. Цены приемлют субъективные воздействия, как это приемлет и сама С. В механизм обменно-оценочного процесса заложен субъективный момент, но в него заложен и момент коррекции субъективных воздействий — как через учет объективности в решениях субъектов, так и через борьбу субъективных намерений, их взаимное погашение.

С. субъектна и субъективна, но ровно настолько, чтобы быть в итоге несубъектной и объективной. Еще и таинственной, невыявляемой, трансцендентной. Наличие субъектов и их субъективных влияний никак не отменяет объективности ни цен, ни С. Обменно-оценочный процесс в целом по обществу — процесс саморганизационный, хотя в нем активно участвует волевая организация, часто даже стремящаяся к подчинению обменно-оценочного процесса. С. — более сама по себе, чем под чьим-то организационным руководством. В этом великое достоинство С. — она сама организуется и сама организует, все и вся оценивая (проходя, конечно, через сознание субъектов и пользуясь их действиями). Важно учитывать, что в стоимостном хозяйстве непременно возникает эффект подчинения хозяйства и его субъектов С., ее движению, ее воспроизводству. Субъекты вроде бы сами все оценивают, но оценивают так, как того хочет С., возникающая, напомним еще раз, в ходе самого обменно-оценочного процесса, в результате действий самих субъектов.

Экономическое хозяйство — стоимостное хозяйство. Это не просто хозяйство со С., а именно стоимостное хозяйство, т. е. хозяйство, направляемое С., но так же еще и осуществляемое ради С. Со С., т. е. авансируемых денег, начинается все в экономике, С. и завершается, т. е. вырученными деньгами. Д — Т — Д', как и просто Д — Д', — вот ставшие классическими формулы экономического хозяйства, как и просто *экономического хозяйствования*. В развитой экономике все оказывается не только стоимостным по форме бытия, но и подчиненным С. Имеет место феномен *стоимостного фетишизма*. Все натурально-вещественное, все материальное, как и все идеальное, становится С., принимает тот или иной стоимостной облик (через цену, в деньгах). И все существует и действует не ради себя, а ради С., а потом уже ради себя. Даже субъекты, все люди, участвующие в экономическом хозяйстве, становятся стоимостными агентами, обретающими С., что то же самое в данном случае — цену. Вся жизнь оценивается, оценивается и смерть. Мало что ускользает от стоимостного бытия.

Экономическое хозяйство производит С., ею пользуется, ей служит. Но и С. при этом производит хозяйство, его организует, руководит действиями людей, а в конечном итоге производит и саму себя. С. производит С. Круговорот С., ее собственное воспроизводство. Многое в экономике зависит от С. Есть деньги, т. е. С., есть хозяйствование, нет денег, т. е. С., нет хозяйствования. Складываются приемлемые цены, т. е. С., идет хозяйствование, не складываются приемлемые цены, т. е. С., не идет хозяйствование. То же самое с кредитом, налогами, ценными бумагами и т. п. С. везде и всюду, она все обволакивает, во всем сидит, всем занимается, все определяет. Разумеется, не одна С., ибо нестоимостные факторы и мотивы тоже играют важную роль в экономике, но значение С. достаточно велико, чтобы почитать экономику за хозяйство стоимостное, а также поставить знак смыслового соответствия между С. и экономикой.

С. — идеальная субстанция. Это субстанция особого рода. Она имеет измерение и действующие величины (в деньгах). Можно сказать, что она имеет объем. Но она не имеет массы, т. е. плотности, «вещества», «материала». С. ни из чего не состоит. Отсюда у С. есть цифры, ее представляющие и указывающие на ее текущую величину, как и на ее текущую динамику, но нет наполнения, способного существовать вне цифр-

знаков, вне цифровой динамики. У С. по существу нет ни прошлого, ни будущего. У нее всегда настоящее. С. не абсолютна, а относительна, причем в рамках сугубо настоящего. Нет прошлой С., нет и С. будущей, хотя могут быть идеальные представления о прошлой С. и о С. будущей. С. всегда измеряется в настоящий момент. Любая цифра — цифра настоящего, а не прошлого или будущего. Все прошлое и будущее — не более как виртуальный расчет несуществующей виртуальной С. Нельзя забывать, что С. связана с оценкой, осуществляемой в процессе функционирования хозяйственной реальности, т. е. с настоящей оценкой настоящего, как не надо забывать, что всякая оценка относительна, происходит в отношениях и имеет относительное значение. Ничего абсолютного, кроме самого факта существования, в С. нет.

Тогда возникает вопрос о росте С., во-первых, в рамках движения *индивидуального капитала* (сегодня одна величина С., а через некоторое время — другая, бóльшая, т. е. Д' > Д), во-вторых, в рамках существования *общественного капитала* в связи с ростом общественного продукта. И в том, и в другом случае имеет место не сам по себе рост С., а рост С. вместе с продуктом, вовлекаемым в товарный оборот. Естественно, что С., ее величина, возрастает. И происходит тогда не приращение С., как таковой и не прибавление новой С. к старой, а всего лишь возникновение новой — настоящей — С., которая по оценочной величине просто больше, чем это было ранее. Такие выражения, как «рост С.», «приращение С.», «добавление С.» и т. п., — суть фигуральные, условные, символические выражения, характеризующие факт изменения величины (и только величины!) С., но вовсе не изменение собственно С., ее, так сказать, массы.

Аналогично обстоят дела и с так называемым «изменением С. денег», а точнее, с изменением всего лишь измерительного масштаба С. С. изменением относительной ценности единицы денег, как и самой массы действующих денег, т. е. количества денег в обращении, происходит всего лишь изменение размеров счетной единицы С., и не более того. Реальная С. не имеет никакого отношения к такого рода переменам. Цифры меняются, но С. при этом остается прежней.

Важнейшая особенность экономики состоит в том, что С. служит производству С. Но функцию такого производства сама С. выполняет по-разному. В основе экономики, т. е. экономиче-

ского хозяйства, лежит, безусловно, производство *потребительных благ*, в рамках которого фундаментальное место занимает производство абсолютно необходимых потребительных благ. На производстве абсолютно необходимых (т. е. самых необходимых) благ базируется производство относительно необходимых благ, среди которых имеет место и производство ненужных и даже совершенно ненужных благ. Отсюда экономика представляет собой разноуровневое производство С.: от самого необходимого и самого реального производства до самого ненужного и самого ирреального производства. С. производится на всех уровнях, но по-разному и с разным знаком.

Указанные уровни можно посчитать за первичный, вторичный, третичный и т. д. Главное здесь, конечно, не в числе уровней, которых может выделить и два, и три, и четыре (сколько угодно!), а в самом факте множества уровней, а также, что даже более важно, в зависимости каждого последующего уровня от предыдущих. Если нет первого уровня, то нет и второго, если нет второго, то не может быть третьего, и т. д. Производство С. на каждом более высоком уровне зависит от факта производства С. на более низком уровне. Грубо говоря, без производства хлеба не может быть производства парикмахерской услуги, а без производства физических услуг — услуг управленческих, а без всего указанного — каких-нибудь адвокатских услуг и т. п., вплоть до самых выдуманных и эфемерных.

И вот тут необходимо различать, с одной стороны, производство собственно благ, т. е. так или иначе реальной С., и производство неких стоимостных (даже псевдостоимостных) действий (манипуляций, комбинаций, операций), направленных не на производство С., пусть и весьма эфемерной, а на перераспределение уже произведенной реальной С. Тут важно иметь в виду, что такого рода действия обусловливаются тоже вложениями денег, т. е. С., что они реализуются через движение С., что по форме они напоминают даже производство С., но по сути оказываются лишь перераспределительными акциями. На этом стоит фактически бóльшая часть *финансовой системы экономики*, которая практически не производит С., как и не производит потребительных благ, но произведенную С. вовсю присваивает (вместе с реальными благами, естественно).

Подобное присвоение сопряжено в значительной степени с феноменом власти над С., или феноменом *финансовой вла-*

сти. Контролируя деньги, валютные курсы, банки и кредит, фондовое хозяйство (рынок ценных бумаг), передвижение капиталов, государственные займы и долги, налоги и т. п., властители С. осуществляют власть не только над движением С., ее возникновением и распределением, ее оценкой и оценкой всего нестоимостного, но и над всем экономическим хозяйством, всей хозяйственной жизнью.

Последняя четверть XX в. ознаменовалась резким возрастанием роли финансовой системы экономики, окончательно превратившейся из посредника в функционировании экономического хозяйства в его властителя-организатора. Фактически произошла *финансовая революция*, повлекшая за собой превращение экономики в финансономику или *финансомику*. А с учетом глобализации хозяйственной жизни на планете финансомика приняла по существу глобальный характер, реализуясь по существу как своеобразный *финансовый ультраимпериализм.* Финансомика — это система финансовой эксплуатации мира, система финансового (стоимостного) над ним господства. И это касается не одного хозяйства, как такового, а всей мировой жизни.

Ю.М. ОСИПОВ

Финансомика*
(Философия хозяйства. 2000. № 3)

Финансомика (финансономика) (Ф.) — высшая на сегодняшний день форма бытия экономики по критерию реализации и роли органически присущего ей стоимостного, соответственно денежно-финансового, механизма, что находит выражение в собственническом (присвоительном) и функциональном господстве последнего над всеми экономическими, хозяйственными и социальными процессами, над производством благ, доходов и их распределением, а также в извлечении особой финансовой ренты, дополняющей и частично замещающей собою производство и присвоение прибыли, банковского процента, земельной и интеллектуальной ренты, подчиняющей себе весь процесс формирования и распределения доходов.

Термин «финансомика» логично употреблять в одном смысловом ряду с терминами «хозяйство» и «экономика», ко-

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

гда экономика рассматривается как особое бытие хозяйства — хозяйства вообще, а Ф. как особое бытие экономики — экономики вообще.

Согласно философии хозяйства, экономика по своей сути является хозяйством стоимостным, что на поверхности выражается в наличии социального разделения хозяйства и в товарном обмене, сопряженном с товарными оценками и функционированием денег. Все в экономическом хозяйстве пронизывается стоимостью, все принимает стоимостное выражение, все опосредуется стоимостью. Мало того, стоимость через действие стоимостного механизма настолько овладевает хозяйством, что становится главным ресурсом, основным фактором, важнейшим средством и ведущей целью всего хозяйственного процесса. Хозяйство при экономике получает двойственное бытие — обычное натуральное (физическое) и специфическое стоимостное, причем стоимостная часть — не простой дублер и сподвижник первой, ее обслуживатель, а ведущая, определяющая сила — организационная и управляющая.

Исторически экономика развивалась как бы снизу, от микрохозяйственных процессов, что не мешало ей одновременно реализовываться как феномен общественный, т. е. как макрохозяйство. Стоимость выходила из микропроцессов, складываясь в некое общественное целое, обратным образом определявшее возникновение и бытие стоимости на микроуровне. Производство стоимости естественно рассматривалось как микроявление, а общественная «масса» стоимости — как производное от «ячейковой» стоимости. Соответственно все стоимостное, что так или иначе было связано с общественным уровнем или с хозяйственным (экономическим) центром рассматривалось как обслуживающее микрохозяйственные процессы, сопряженные к тому же с производством благ-товаров.

Если все денежное вместе с замещающими деньги документами — теми же ценными бумагами, принять за финансы, то любой экономический субъект оказывается финансовым субъектом, ведущим свое финансовое хозяйство. Это касается как предприятий, фирм, банков, бирж, страховых обществ и т. д., так и обыкновенных физических лиц, ведущих личное финансовое хозяйство, и государств (обществ, наций), ведущих государственное (общественное, национальное) финансовое хозяйство. У всех отмеченных финансовых субъектов и хо-

зяйств разные задачи и механизмы, но все они являются так или иначе финансовыми.

Финансы — не просто деньги и их заменители, и даже не просто денежное хозяйство или хозяйство с деньгами и их заменителями; финансы — хозяйствование через деньги, их учет и расчет, их организация и структуризация, их потоки; финансы — оперирование непосредственно стоимостной субстанцией, но, естественно, на явленческом, т. е. собственно денежном, уровне.

Экономика всегда имела и имеет мощную финансовую составляющую. Без финансов нет и не может быть полноценной экономики. Можно сказать, что экономика всегда есть финансовая (денежная) экономика, в том смысле, что ее жизнедеятельность опосредствована финансами, финансовой системой и финансовой активностью. Однако только в конце XX в. зашла речь об особом финансовом характере экономики, ее превращении в Ф. Это означает, что финансовая составляющая обрела какую-то особую роль в жизнеотправлении экономического хозяйства, такую, какой ранее не было.

В современной экономике, как и прежде, все агенты являются в той или иной мере, в том или ином образе финансовыми агентами. Есть нефинансовые по основной функции субъекты, которые лишь ведут свои финансы, участвуют в финансовой жизни или действуют на финансовых полях экономики; есть специальные финансовые субъекты, основным занятием которых является ведение собственно финансовых операций; есть и субъекты, в задачу которых входит организация общественного финансового хозяйства (денежного хозяйства, валютного хозяйства, фондового хозяйства, кредитного хозяйства, банковского хозяйства, учетно-аудитного хозяйства, налогового хозяйства, таможенного хозяйства и т. п.). И все было бы ничего, если бы не произошло, во-первых, развития и усиления собственно финансовых субъектов; во-вторых, подчинения нефинансового хозяйственного сектора финансовому сектору экономики; в-третьих, финансизации хозяйственной деятельности нефинансовых субъектов. Однако это произошло и произошло именно во второй половине XX в., а в особенности — в его последней четверти. Случилась необычная для истории экономической цивилизации финансизация хозяйственной, экономической жизни, настолько сильная, что впору было заговорить о настоящей финансовой революции и вхождении

экономики в высшую фазу своего экономического бытия — в финансовую. Наступила эпоха Ф.

Экономика как бы перевернулась: в экономических отношениях господствующее положение заняла финансовая доминанта, финансовая (стоимостная) надстройка стала определять жизнедеятельность хозяйства, не просто опосредуя его «нижний этаж», на котором идет производство благ и стоимости, а управляя этим последним с целью извлечения специфического финансового дохода — финансовой ренты. Наступил момент, когда главными стали финансовая собственность и финансовая власть. Наступило эпохи господства финансизма, выражающемся в приоритете финансового интереса и в его достижении (в некой финансовой устремленности и детерминированности всего хозяйственного процесса).

Ф. — явление сложное. Своими корнями она уходит в реальную жизнь, ее опосредствуя и в ней участвуя. Более того, Ф. выходит из реальной хозяйственной жизни, имеющей экономическую организацию. Ф. питается реальным хозяйством, осуществляет реальную экономику. Ф. базируется на производстве реальной стоимости, той стоимости, которая возникает в хозяйстве вместе с благом — производимым и вовлекаемым в экономический (товарный) оборот или просто вовлекаемым в тот же самый оборот. Однако производство реальной стоимости есть одновременно и ее вменение — как объективное, так и субъективное. Фактическая стоимость, выраженная в товарах (ценах), деньгах и капиталах, — следствие одновременно производства и вменения. То и другое, т. е. производство и вменение, сопровождаются и определяются распределением и перераспределением стоимости. Последняя имеет возможность не только производиться и вменяться, не только при этом распределяться и перераспределяться в соответствии с потребностями реального производства и вменения, но и существовать самостоятельно, уже в своих интересах, а отсюда и воздействовать на все указанные выше процессы ради привлечения части реально производимой стоимости и распоряжения ею.

Ничего особенного в этом нет — уже налоги прекрасно демонстрируют возможность чистого перераспределения стоимости ради распоряжения ею, но при этом и с эффектом воздействия на реальные стоимостные процессы — как объективного воздействия, так и субъективного. Налоги, а затем и финансовые траты из бюджета, — великолепное свидетельство

бытия чисто финансовой составляющей в экономическом хозяйстве. К аналогичным выводам придется придти и в случае с теми же банками и ссудным процентом, как и в случае с валютными операциями и операциями с ценными бумагами. Если же предположить, во-первых, наличие большого числа достаточно сильных специальных финансовых агентов, ставящих перед собой задачу реализации чисто финансового предпринимательства, как и, во-вторых, наличие сильной финансово-предпринимательской составляющей в деятельности обычных агентов реального сектора, то нетрудно придти к заключению о возможности установления практически тотальной (вместе с государственной финансовой системой) финансовой опеки над хозяйственной жизнью.

Ф. не отрицает реальной стоимости и ее реального производства-вменения. Ф. не отрицает и реального расширения и перераспределения реальной стоимости. Более того, она предполагает активное участие во всех этих процессах. Но ничто не мешает Ф. и существовать в своих интересах, устанавливая финансовое господство над реальной хозяйственной жизнью и получая специфический финансовый доход — финансовую ренту. Производство стоимости в обществе осуществляется в условиях Ф. под непосредственным контролем финансовой надстройки, причем таким образом, что вся стоимостная жизнь общества со всеми ее оценками, ценами, деньгами, валютными отношениями, капиталами, инвестициями, доходами, зарплатами, международными экономическими отношениями, налогами, государственными расходами, долгами, социальными выплатами, сбережениями, рынками, спросами-предложениями и т. п. оказывается в значительной, если не в решающей, степени производной от действий этой финансовой надстройки. Теперь уже не только финансовый «верх» зависит от нефинансового, но стоимостным, в том числе и финансовым, образом организуемого «низа», а весь реально производящий «низ» зависит от ничего реального не производящего «верха». Так осуществляется феномен финансизма, базирующийся на хозяйственных и экономических реалиях, но этими же реалиями управляющий. Так осуществляется финансовая эксплуатация хозяйствующего общества. Так осуществляется Ф.

Ф. есть конкретная форма бытия последней исторической формы экономического способа хозяйства — глобального капитализма. Ф. — это особый экономический строй, функциони-

рующий в планетарном масштабе, который базируется: 1) на глобальном контроле над деньгами и их потоками (глобальный монетаризм); 2) на глобальном кредите (на особого рода кредите); 3) на глобальном контроле над фиктивным капиталом (рынком ценных бумаг); 4) на глобальной ренте (особого рода ренте). Ф. — это по сути и ультраимпериализм, поскольку ее характерной чертой является крайняя агрессивность. Ультраимпериализм — это способ проведения имперской политики стран «золотого миллиарда» по отношению к странам остального мира через финансовые атрибуты: деньги, кредиты, управляемые финансовые рынки.

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

Капитал*

(Философия хозяйства. 2001. № 2)

Капитал (capital) (К.) — в переводе с латинского означает «главный» и на основных языках мира пишется и произносится почти одинаково. К. — это «рукотворный» фактор производства, или накопленные результаты труда, выраженные в деньгах и предпринимательских способностях их владельца, приносящие прибавочный продукт (стоимость) этому владельцу. Предпринимательские способности есть способности человека брать на себя риски и полную ответственность за организацию процесса созидания новой стоимости и его результаты в форме прибавочной стоимости.

К. — персонифицированный, или одухотворенный фактор производства, неотделимый от другого одухотворенного фактора — труда. Принципиальное различие этих факторов состоит в том, что носителем К. является человек, в работе которого превалирующим является интеллектуальный, организующий (предпринимательский) труд, носителем же труда является человек, работа которого не связана с полной ответственностью за созидание новой стоимости.

Многие поколения исследователей были склонны к одностороннему представлению о сущности К. В западной экономической мысли под К. обычно понимаются созданные человеком ресурсы, используемые для производства

* Статья, подготовленная для энциклопедии «Философия хозяйства».

товаров и услуг; товары, которые непосредственно не удовлетворяют потребности человека; инвестиционные товары, средства производства. Такой подход получил название материалистского понимания К. Другая ветвь экономической науки отстаивала трактовку К. как денежной стоимости, как денег, делающих денег, или самовозрастающих денег. Реже — как опосредующий фактор производства или капитальные блага, производимые самой экономической системой. Отсюда следует, что доход на К. — само собой разумеющийся результат, который связан только с течением времени. В таком понимании К. лишен социальной сущности, поскольку его материально-вещественное содержание оторвано от непосредственного носителя К. — капиталиста. История показала, что феномен раздвоения К. — главная преграда на пути понимания его истинной сущности.

В России наибольшую известность получила марксистская трактовка К. как самовозрастающая стоимость, представляющая производственное отношение буржуазного общества, отношение между его двумя основными классами — классом капиталистов и классом наемных рабочих, суть которого заключается в эксплуатации и монопольном присвоении владельцем К. прибавочного труда наемных рабочих. В таком понимании владелец К. выступает исчадием социальной несправедливости, который неизбежно должен быть сметен с исторической сцены своим могильщиком — пролетариатом. История подтвердила правоту Маркса, только не на Западе, а в России. Многие до сих пор считают это трагическим недоразумением, но не меньшее число исследователей придерживаются противоположного мнения, искренне веря в то, что в России спор с Марксом не закончен.

Самое общее представление о сущности К. как самовозрастающей стоимости, или стоимости, создающей прибавочную стоимость, дает формула его движения: Д—Т—Д', или деньги — товар — новые деньги. Деньги в начале формулы — это авансированный К., новые деньги в конце формулы — это возвращенные после завершения процесса создания стоимости авансированные деньги с прибылью. От этой формулы следует отличать схожую, но с совершенно другим смыслом формулу сбережения: Д—Д'.

Из формулы движения К. следует, что он находится в денежной и производительной формах. Однако с появлением ценных бумаг и развитием рынка ценных бумаг сформировалась особая форма К. — фиктивный К., выступающий в качестве товара (инструмента) на фондовом рынке. Это определение принадлежит Марксу. С тех пор многое изменилось как в движении К., так и в научном прояснении сути этого движения. Современный смысл фиктивного К. принято раскрывать как финансовый К. Это особая форма К., производная и от производительного К., и от денежного одновременно. Наиболее удачные исследования природы и сущности финансового К. проведены В.И. Лениным. Современной наукой этот феномен почти не изучен.

Классические теории оборота К. стремительно устаревают. Причиной тому — фактор времени, изменение его сущности как основы деления К. на постоянный (срок более года) и переменный (срок менее года). За этим стоит изменение принципов разделения затрат на капитальные и текущие. Исследователи Массачусетского технологического института в последние годы пришли к выводу: на программное обеспечение и компьютерное оборудование приходится примерно 10% от общей суммы действительных инвестиций корпорации в информационные технологии; значительно большие суммы приходится инвестировать в новые технологии, новые продукты, подготовку кадров, но в отчетности такие расходы отражаются не как инвестиции, а как текущие затраты.

В экономике, основанной на К., воспроизводство хозяйственной жизни возможно исключительно при наличии трех факторов: К., труда и природы (естественной и рукотворной), или производственных фондов. В этой экономической триаде факторы производства расставлены в той иерархической последовательности, которая сегодня имеет тотальное распространение в мире. Верховенство К. проистекает из его объективной природы, которая раскрывается в двух его ипостасях: К.-собственность и К.-функция. В первой ипостаси обнаруживается персонификация К., во второй — характеристика процесса созидания прибавочного продукта. Отсутствие в формуле сбережений (Т) означает отсутствие инвестирования, или второй ипостаси К. В этом и состоит принципиальное различие между накоплением и

сбережением, различие не только экономическое, но и социальное.

Феномен раздвоения К. наиболее наглядно представлен в балансе любой фирмы. Исторически профессиональное управление К. осуществляли бухгалтерские службы предприятий. Это и неудивительно, поскольку первенство К. среди других факторов производства подтверждается еще и тем, что уже несколько веков в балансе любой фирмы — конечном продукте труда бухгалтеров — отражается в основном именно К.

Фактор К. представлен в балансе особым образом: в пассиве как К.-собственность, дающий определенное представление о собственнике данной компании, структуре ее К. (соотношение собственного и заемного К.). Следовательно, структура К. есть структура власти. Причем не важно, идет ли речь о фирме, банке, ТНК или национальном хозяйстве в целом, где балансом выступает платежный баланс, в котором движение К. представлено отдельным разделом. К. неотделим от понятия власти и собственности как формы проявления предпринимательского труда. Именно он обеспечивает приращение К. нации или процесс капитализации в хозяйстве. Таким образом, К.-собственность в пассиве баланса — это выражение первой ипостаси К. как денег, приносящих их хозяевам новую стоимость. Сам же процесс созидания новой стоимости, его содержательная сторона выражена в активе, где К. представлен в качестве второй своей ипостаси — К.-функции. Именно она дает ясное представление о профиле фирмы, ее технологической специфике и многих других характеристиках бизнеса, которые отличают ее от других фирм.

Проблема усложняется тем, что в активе обнаруживаются деньги (денежные статьи). Это не капитализированные деньги, а такой же актив, как все другие. Когда мы задаемся вопросом: хорошо или плохо иметь деньги в активе, то обнаруживаем, что однозначного ответа нет. Действительно, для фирмы-новатора — это плохой знак, поскольку, как любой актив, эти деньги должны приносить доход, а присутствие их в активе баланса свидетельствует о замораживании денег. Напротив, для фирмы-консерватора — это благо, поскольку удержание такой фирмой завоеванной рыночной ниши немыслимо без поддержания своей ликвидности.

В данном случае деньги в активе фирмы ассоциируются с главным инструментом обеспечения ее ликвидности.

В условиях рыночного хозяйства практикующие экономисты постоянно оперируют понятием К. в различных его интерпретациях: привлечения К., использования К., собственного и заемного К., основного и оборотного и др. К. для них — это реальный объект, на который они могут постоянно воздействовать с целью получения новых доходов фирмы. В этом качестве К. для финансиста есть объективный фактор производства. Иными словами, К. — это часть финансовых ресурсов, задействованных фирмой в оборот и приносящих доходы от этого оборота. В таком смысле К. выступает как превращенная форма финансовых ресурсов. В данной трактовке принципиальное различие между финансовыми ресурсами и К. фирмы состоит в том, что в любой момент времени финансовые ресурсы больше или равны К. фирмы. При этом равенство означает, что у фирмы нет никаких невыполненных финансовых обязательств, и все имеющиеся финансовые ресурсы пущены в оборот. Однако это вовсе не значит, что, чем ближе размер К. приближается к размеру финансовых ресурсов, тем эффективнее фирма работает.

В реальной жизни равенства финансовых ресурсов и К. у работающей фирмы не бывает. Финансовая отчетность во всем мире строится так, что разницу между финансовыми ресурсами и К. обнаружить в самой фирме невозможно, поскольку эта разница формируется на финансовых рынках. Именно поэтому в стандартной отчетности представлены не финансовые ресурсы как таковые, а их превращенные формы — обязательства и К. При этом обязательства выступают в различных формах заемного К. и невыполненных обязательств (сверхнормативная задолженность по зарплате служащим, налоговым органам и др.), которые в легитимный К. трансформироваться не могут.

Пропорции собственного и заемного К. — это основа управления К. Привлекаемый дополнительный К., соединяясь с имеющимся в распоряжении фирмы К., образует новое соотношение источников финансирования фирмы. Эта комбинация долга и собственного К., которая всякий раз должна уравновешиваться с активами фирмы, называется структурой К. Часто структуру К. определяют в более узком

смысле, как пропорцию, в которой фирма использует собственные и долгосрочные заемные источники. Различие в этих формулировках состоит в содержании долга. Если исходить из предположения, что краткосрочные обязательства уравновешены краткосрочными активами, то, вычитая из обеих частей балансового уравнения эти величины, мы приходим ко второму определению структуры К.

В современной экономике, основанной на К., все подчинено заботе о сохранении К. Первостепенное значение в международной финансовой практике при формировании финансовой отчетности имеет выбранная фирмой концепция формирования и поддержания К. Если эти концепции поставлены в основу стратегии управления, то такое управление следует называть «финансовое управление бизнесом».

Сегодня получили распространение две таких концепции: финансовой и физической поддержки К. В соответствии с концепцией финансовой поддержки К. прибыль формируется только в случаях, если денежная величина чистых активов в конце отчетного периода превосходит денежную величину чистых активов в начале отчетного периода, после исключения распределений и вкладов собственников за отчетный период. Финансовая поддержка К. может быть измерена номинальными денежными единицами или единицами постоянной покупательной способности.

Согласно концепции физической поддержки К., прибыль формируется только тогда, когда физическая продуктивная способность (или операционная способность) предприятия (или ресурсы или средства, необходимые для достижения этой способности) в конце отчетного периода превышает производительную физическую способность в начале отчетного периода после исключения из нее каких-либо распределений и вкладов собственников за отчетный период.

Выбор фирмой соответствующей концепции К. есть выражение компромисса между носителями экономических интересов, имеющих отношение к данной фирме, но при явном доминировании собственников К. Так, финансовая концепция К. применяется в случае, если большинство носителей интересов, а также пользователей финансовой отчетности, заинтересованы в поддержании номинального ин-

вестируемого К. или покупательной способности инвестируемого К. Если основной интерес связан с операционной способностью предприятия, то принимается физическая концепция К.

Выбранная концепция предопределяет задачу по определению прибыли. Это обстоятельство предполагает связь между концепциями К. и концепциями прибыли. Прибыль представляет собой остаточную величину, которая получается после того, как расходы (включая поправки на поддержку К.) были исключены из дохода. Если расходы превышают прибыль, остаточная стоимость будет чистым убытком. Таким образом, в концепциях поддержания К. выражен компромисс прежде всего между государством и капиталистами по поводу защиты К. или сохранению его в неизменном масштабе за счет уменьшения налогов на величину снижения продуктивности К., выраженной в прибыли.

В производительной форме К. выполняет миссию К.-функции и может выступать в физической форме и в форме титулов собственности. Однако физическое бытие любого блага обладает жизненным циклом, оно смертно. Следовательно, физическая форма бытия К. не раскрывает его истинной природы. Это, пожалуй, главная причина нападок на советскую экономику и социалистическое хозяйство как таковых, хотя эта причина всегда оставалась «за кадром».

В советской экономике К. не было, а производство стоимости было, причем с огромными темпами. К. не было потому, что деньги не выполняли активной роли. Мало того, государством беспощадно подавлялась активность денег. Тем не менее без денег советское хозяйство обойтись не могло, а значит, деньги выполняли все классические функции в таком хозяйстве, хотя и в превратной форме. Причем государство продемонстрировало образец осмысленного использования функций денег для развития национального хозяйства. Но именно отсутствие К. в советской экономике коренным, фундаментальным образом отличало ее от экономики западной, основанной на К.

Стоимость есть везде и всегда, когда в хозяйстве присутствует обмен. Без стоимости нет и не может быть воспроизводства хозяйственной жизни. К. лишь один из способов движения стоимости, но он не единственный движитель стоимости, не всеобщий. Очевидно, если бытие стоимости

может обходиться без активных денег, то воспроизводство возможно и без К. Но важно другое: движение стоимости невозможно без денег, а вот без активных денег возможно, и не только в социалистическом хозяйстве. И это главное.

В экономической науке марксистского направления истоки (генетика) К. рассматриваются на последнем историческом отрезке времени — начиная с буржуазных революций на Западе. Это придало исключительно конфронтационный смысл К., его исторической миссии: занятие им доминирующего положения в хозяйстве революционным путем и неизбежное низвержение его тем же путем. Однако К. оказался на редкость живучим феноменом. Последние годы показали, что экономический строй, низвергнувший К. по сценарию Маркса, сам оказался недолговечным. Мало того, его сменил экономический порядок, основанный на К., только на новом витке своей эволюции.

Зигзаги российского общества, от которых дважды в течение XX в. содрогнулся мир, требуют более пристального анализа К. и, прежде всего, социогенетики К. Из трех факторов производства два — К. и труд — являются персонифицированными, или одухотворенными. Именно эти факторы на всем историческом пути человечества и выступали в качестве доминирующих в экономических отношениях. С давних пор предметом конкуренции и жесткого противоборства между К. и трудом выступало бремя ответственности за сохранение стоимости.

К. не может функционировать без постоянного прироста потребления. Непонимание этого феномена до начала XX в. дорого обошлось человечеству. Череда кризисов промышленного перепроизводства, неспособность К. реализовать цель своего функционирования — прибавочную стоимость — нередко приводили к народным волнениям и даже революциям. Однако после осознания вынужденного единства интересов К. и рядового потребителя, осознания персонифицированным собственником К. своей особой функции ответственности (бремени собственности) конфронтационная сущность К. начала постепенно ослабевать, а экономики, основанные на К., обрели относительную устойчивость.

Стоимость мало произвести, ее надо еще и сохранить, довести без потерь до конечного потребителя. От чего со-

хранить, как сохранить, с помощью чего и, главное, кем суть вопросы, которые всегда были камнем преткновения экономической науки. Но именно в ответах на эти вопросы раскрывается смысл фундаментального критерия эффективности любой экономической системы: то ли капитализма, то ли социализма, то ли геофинансовой экономики, то ли неоэкономики — экономики ближайшего будущего. Не способ производства, а способ сохранения стоимости есть водораздел между капиталистической и социалистической экономикой и критерий эффективности соответствующих хозяйственных систем.

Собственник обременен ответственностью за сохранение стоимости. Миссию сохранения стоимости К. выполняет как персонифицированный К.-собственность, несущий бремя ответственности и именно в этом суть бремени ответственности, капиталиста. Именно на К. Маркс возлагал ответственность (великую миссию) за сохранение стоимости во всех ее составляющих, и прежде всего в части живого труда. Он утверждал, что с точки зрения К. представляется, что не объективные условия труда необходимы рабочему, а то, чтобы они существовали самостоятельно в противовес рабочему, чтобы рабочий был оторван от них, чтобы они принадлежали капиталисту и чтобы снятие этого отрыва происходило лишь таким путем, что рабочий уступает К. свою производящую силу, взамен чего К. сохраняет его как абстрактную рабочую силу. Единственное, чего Маркс не добавил, так это того, что человек от рождения не становится рабочим, а становится таковым лишь потому, что не одарен способностью организовать свое дело. Поэтому он благодарен тому, кто берет на себя миссию сохранения его производящей силы.

К проблеме сохранения стоимости прямое отношение имеют деньги — не менее сложная экономическая категория сама по себе. Это обстоятельство существенно осложняет понимание сущности К. Главная трудность в том, что миссия сохранения стоимости относится к К., а у денег есть функция сохранения стоимости. Эта функция может выполняться как К., так и государством. Но как и насколько эффективно выполняется капиталистическим государством — наукой до сих пор не выяснено. Хотя, может, именно в

этом — корень всех бед России, поскольку власть и народ у нас разделены.

Таким образом, К. является носителем воистину великой миссии — миссии сохранения стоимости. Однако в марксистском учении этот вывод не получил логического завершения. Для этого надо было сформулировать закон стоимости с учетом сохранения стоимости либо сформулировать новый закон — закон сохранения стоимости. Совершенно очевидно, что этот закон ставил под сомнение неизбежность социальной революции как способа разрешения основного противоречия капитализма — противоречия между трудом и К. Это противоречие было, есть и будет. Но оно не является основным. И время доказало это. К примеру, в Российской империи времен Витте на первый план выдвинулось противоречие между золотым салютом и государственным долгом, приведшим Россию к революции 1905 г. и поражению России в Русско-японской войне.

Персонифицированную роль в сохранении стоимости играют конкретные участники рыночных отношений: собственники, кредиторы, инвесторы, менеджмент, служащие и, конечно, государство. В сущности, если стоимость сохранить не удается, бизнес либо сворачивается, либо продается более удачливым предпринимателям, как это происходит при капитализме. При этом национальное хозяйство неизбежно несет потери. Это и есть проявление объективного экономического закона сохранения стоимости в реальном мире. Закон сохранения стоимости при социализме действует совсем иначе: миссию сохранения стоимости берут на себя сами трудящиеся, поскольку труд становится доминирующим фактором производства, а процессом сохранения стоимости прямо управляет государство от имени трудящихся.

В современной России закон сохранения стоимости действует, но действует с огромной разрушительной силой, поскольку страна переживает эпоху первоначального накопления К. К. способен выполнять свою миссию по сохранению стоимости лишь в период классического капитализма. Но игнорирование любого экономического закона наказуемо. Как будет наказана Россия на этот раз, покажет ближайшее будущее.

Смена экономического строя в современной России лишь обострила проблему бремени ответственности за сохранение стоимости. Оно качественно изменилось, но вовсе не исчезло. Зато резко изменились носители великой миссии. Ведь в русском языке лучше, чем в любом другом, выражается истинный носитель миссии сохранения стоимости — хозяин. Хозяин — это тот, кто кормит. Причем для простых людей не имеет особого значения, кто выступает в этой роли — то ли государство, то ли К.

Исторически национальный К. в России всегда был слабым. Так было век назад, таковым он остается и сегодня. В ослабленном состоянии он не способен успешно выполнять свою историческую миссию сохранения стоимости, сея вокруг себя чаще разорение, нежели достаток. Поэтому русские мыслители веками заняты поисками своего пути от разорения к достатку. Так и мыкается Россия в поисках эффективного способа сохранения стоимости. Вот почему социалистическая революция могла победить и победила именно в России. Важно и другое: именно эффективное сохранение стоимости было тем полем, на котором в течение более 70 лет проходила ожесточенная схватка двух экономических систем — реального социализма и реального капитализма. Этот вывод еще предстоит осмыслить будущим поколениям исследователей.

Таким образом, К.-собственность в определенном смысле выполняет роль посредника в создании стоимости, на что и обратили внимание отдельные западные исследователи. Но известно, что любые посредники связаны с затратами. И именно эти затраты, а вернее, их отсутствие в советской экономике, определяли эту экономику как потенциально более эффективную, нежели экономику западную. Однако переход от потенциальных преимуществ к преимуществам реальным пролегает через экономические интересы. Значит, К. как посредник формирует определенные экономические интересы. И в этом также надо усматривать его историческое предназначение.

К. выступает в двух формах: как фактор производства и как фактор воспроизводства себя самого (отсюда «делать деньги»). Как фактор производства К. обладает уникальными качествами по сравнению с другими факторами. К. самый мобильный фактор, весьма осторожный и крайне изби-

рательный. Особенность К. еще и в том, что он не имеет внутренних ограничений, его рост не ограничен в принципе. К. имеет тенденцию перекрывать своим числом и массой хозяйственное пространство, в котором он действует. Для К. нет национальных границ. Когда ему становится тесно в них, он устремляется за рубеж. Экспорт и импорт К. имеют многовековую историю.

В меновой экономике К., как и любой фактор производства, является объектом купли-продажи. Такие операции с К. осуществляются на специальных рынках — рынках К. Рынок К. есть торговая площадка, где совершаются акты купли-продажи функциональных носителей К. — денег и их заменителей — знаков хозяйственной власти. Формула оборота такого К. в точности соответствует формуле сбережений — Д—Д'. Это обстоятельство резко осложняет раскрытие современной сущности бытия К. К примеру, в доходе всемирно известной электротехнической компании «Дженерал электрик» по итогам 1997 г. 53% составили доходы, полученные по формуле Д—Д'.

Из классики экономики, основанной на К., известны две модели формирования рынка К.: биржеориентированная и банковскоориентированная. В вековом споре за средства сбережения и трансформацию их в инвестиции (К.) на Западе убедительную победу одержали биржи. Во многом этому способствовал переход на плавающие валютные курсы. В результате грань между сбережениями и инвестициями, или между деньгами и К., стала весьма условной, что является серьезным препятствием в понимании сущности К.

Количество капитализированных денег — важнейшая характеристика любого национального хозяйства. Именно этим деньгам мир обязан взлету финансовых рынков, потенциалом которых объясняется прогресс одних стран и регресс других. Интеграция финансовых рынков, благодаря которой наиболее развитая и богатая часть человечества научилась делать деньги, не прикасаясь к материальной реальности. Это феномен новейшего времени. Находясь в автономном плавании, деньги-активы, или активные деньги, как новейшая форма финансового К., могут в любой момент включиться вновь в производство, но уже в другом месте, обеспечивая прорыв в это новое место (новые рынки) материнского производственного К.

Но если К. в условиях геофинансовой экономики — это активные деньги, то что представлял собой К. до утверждения новой доминанты в экономических отношениях? Видимо, К. в таких условиях — это капитальные деньги. Активные деньги — это совокупность двух типов денег: капитальных и реактивных денег. В условиях финансовой доминанты в экономических отношениях капитальные деньги (совокупность денег, которые авансировались на производство стоимости) уступили свое лидирующее положение реактивным деньгам, которые сегодня ассоциируются с горячим или спекулятивным финансовым К. Последние — как реактивная электроэнергия, уменьшающая КПД электроустановок, формирующая потери полезной электроэнергии при передаче ее на расстояния. Аналогия реактивной энергии и реактивных денег не случайна, поскольку важнейшими характерными чертами обоих феноменов является высокая частота и эффект завихрения.

Реактивная энергия — явление физическое. С реактивной энергией борется весь мир. Но в социальных процессах все иначе. Реактивные деньги сознательно генерируются в одних странах, а нейтрализуются совсем в других. Такое становится возможным исключительно за счет разницы потенциалов национальных финансовых рынков. Это тот случай, когда к социальным процессам неприменимы подходы, приемлемые для физических процессов. Высокая частота как характеристика реактивных денег в экономике интерпретируется через фактор времени — короткие сроки оборота реактивных денег. Однако частота смены технологий тоже сокращается, поэтому в развитых странах реактивные деньги все больше принимают смысл производительного К.

В последнее время в среде ученых много суждений о том, что К.-собственность размывается. Это действительно так, что вовсе не означает, будто К. слабеет, тем более исчезает частная собственность. Развитие и усложнение технологий, увеличение масштабов производства обусловили делегирование некоторых управленческих функций наемным работникам. Собственность в своем реальном функционировании все менее стала зависеть от конкретного лица — владельца К. В конечном счете это привело к разделению управления К.-собственностью и К.-функцией. Следствием

этого разделения стало размывание К., с одной стороны, и повышение мотивации к труду наемных работников — с другой.

Размывание К. осуществляется путем наделения работников акциями (долями собственности) предприятия, на котором они работают, вовлечением их, да и вообще физических лиц в операции на финансовых рынках. Программы подобного преодоления отчуждения труда от собственности стали особенно популярны с конца 70-х гг., когда технология потребовала не только дисциплинированного исполнителя, деятельность которого вполне определяется и контролируется извне, но и творческого работника, способного самостоятельно принимать решения и направлять производственный процесс в определенных границах. Усиление возможностей оппортунистического поведения исполнителя в условиях сложной, неоднозначной, инновационной и рискованной хозяйственной деятельности дали дополнительный импульс размыванию К.

Однако размывание К. в условиях сохранения частной собственности привело не к ослаблению, а к модификации К.-собственности и модификации К. вообще. И сделали это деньги. Эволюция обмена достигла таких высот, когда в орбиту обмена включился сам К.-собственность. Сообщество высокоорганизованных владельцев К.-собственности выделилось в автономную область рыночного хозяйства не для того, чтобы капиталист зарабатывал на капиталисте, обманывая друг друга, а для того, чтобы, будучи организованными в национальном масштабе, они подавляли более слабые народы, получая выгоду от их эксплуатации. Именно в этом и состоит современный смысл эксплуатации и власти, финансовой эксплуатации и финансовой власти.

Жизнь в странах «золотого миллиарда» обладает огромной притягательной силой. Это обстоятельство притупляет, а отчасти и снимает новую форму эксплуатации — финансовую эксплуатацию. Новый эксплуатант трудно различим, он слабо персонифицирован, виртуален. Однако это вовсе не значит, что исчезает К. как таковой. Напротив, относительно ослабевая в одной своей ипостаси, он резко усиливается в другой — К.-функции. В этом своем качестве К. стал более опасен, поскольку его движение по миру завуалировано решениями наемных высокопрофессиональных

финансистов. К.-собственность сегодня размыта так, что создается иллюзия ее общедоступности. Через деньги, их относительную отдаленность от производства стоимости и обладание ими всеми людьми в силу их общедоступности и создается эта иллюзия. Деньги действительно в корне изменили облик экономики. Вековая цель бизнеса — максимум прибыли — сменилась на новую — максимум денег, а точнее, власти над денежными потоками. Именно в таком понимании выражается сегодня извечная связь К. и власти. Это понимание позволяет легко развенчать иллюзию общедоступности К., поскольку обладание деньгами не всех приводит к обладанию власти над денежными потоками. К. монополен, поскольку частное присвоение К. — это его природа, его объективная сторона.

Действительно, онтологическая (К.-собственность) и производная (К.-функция) составляющие К.-денег (денежного К.) вступили между собой в глубинное противоречие. Длительная борьба между ними за первенство в обладании экономической властью привела к революционному взрыву классических меновых экономических отношений, а сама революция в экономической науке получила название финансовой революции. Финансовая революция — это, по существу, взрыв глубинного противоречия между К.-собственностью и К.-функцией, в результате которого власть перешла к последнему. Это была смена доминирующего фактора в экономических отношениях и установление финансовой доминанты в них.

Одной из фундаментальных причин смен доминирующего фактора является то, что К.-функция представлен двумя факторами, один из которых труд. Сближение труда наемного и труда предпринимательского и передача предпринимательских функций менеджменту — суть современной модификации К., которая на поверхности общества выглядит как размывание К.

Размывание К. сняло границу и предел роста К., выступив способом увеличения доходов потребителей. Титулы собственности (ценные бумаги) не только служат залогом для потребительского кредитования, но и создают эффект богатства, стимулирующий это потребление. Таким образом, сегодня идет модификация частного К., а точнее, его качественная модификация в К. общественный, но с част-

ным присвоением. Частный К. становится непосредственно общественным, персонифицированным в национальном масштабе, а потому все более легитимным, т. е. одобряемым обществом. В таких условиях противоречия между одухотворенными факторами производства — трудом и К. — все менее антагонистичны, «эксплуататор» уходит из лексикона, а вместо него все чаще слышится «эксплуатант».

Эволюция К. есть свидетельство зарождения нового витка эволюции хозяйства. Содержательная сторона этого витка заключается в том, что происходит переход к новой форме воспроизводства общественного хозяйства с частным присвоением, где в качестве частных собственников выступает все большая часть населения страны (за исключением безработных, бомжей да лодырей). Это хозяйство, воспроизводство которого основано на гармоничном сложении миллионов частных К. (корпоративная Америка) и миллионов частных интеллектов в единый национальный К. Вот почему такие хозяйства обладают огромным и наиболее эффективным финансово-экономическим потенциалом. А его центральным звеном является потенциал национального финансового рынка.

В России многие экономисты, остающиеся в плену традиционного экономического мышления, считают, что современные финансовые рынки — ничем не обеспеченные «мыльные пузыри», и с упоением ждут коллапса американского фондового рынка. При этом во внимание совершенно не принимаются последствия стремительно нарастающего в последние годы технологического разрыва в России. Между тем обвал российского финансового рынка в августе 1998 г., на который американский рынок практически не отреагировал, продемонстрировал совершенно разное воздействие горячего спекулятивного К. на национальные хозяйства. Скорость развития информационных технологий качественно выше, чем обычных. Поэтому они оказываются единственным видом существующих в настоящее время технологий, по отношению к которым «короткий», спекулятивный, К. оказывается нормальным производительным. Их технологический цикл настолько мал, что вполне соответствует скорости обращения финансового К.

Таким образом, современная американская экономика, основанная на сложении миллионов интеллектов, сделала

качественно новый шаг в эволюции хозяйства, а значит, и к качественно новому типу экономического равновесия в национальном хозяйстве, подчинив требованиям равновесия считавшийся до недавнего времени исчадием экономической нестабильности спекулятивный К. национального финансового рынка. В реальном мире это привело к тому, что спекулятивный финансовый К. делает находящихся на одном полюсе технологического разрыва еще более сильными, а оказавшихся на другом полюсе разрыва еще более слабыми. Такова современная суть К.

Истоки этих феноменов следует искать в онтологии К., причем на всем историческом отрезке времени человеческой цивилизации, в отличие от марксистской традиции. Онтология К. обычно исследуется в контексте анализа его отношений с факторами труда и земли. К.-собственность в рабовладельческом строе выступал в форме интеллектуального труда рабовладельца, в качестве К.-функции выступали сами рабы. Богатство в таком обществе ассоциировалось с количеством рабов у рабовладельцев в данном обществе При феодальном строе К.-собственность ассоциировался с владением земельными угодьями. Как в первом, так и во втором случаях К.-собственность и управление К.-функцией были не разделены, а слиты воедино. Лишь превращение рабочей силы в товар стало причиной раздвоения К. Ликвидация при социализме товара рабочая сила уничтожила и раздвоение К., а вместе с этим вызвала и гибель самого К.

Таким образом, онтология К. проистекает из онтологии труда, его разделенности на труд физический и труд интеллектуальный. К последнему в Святой Руси издревле было особое отношение. Выражается это известной поговоркой: кому больше дано, с того больше и спросится. Отсюда в русском языке особое восприятие капиталиста как хозяина. Вот почему миссия капиталиста в России — особая миссия. В России действительно капиталистом быть стыдно, но почему стыдно быть хозяином в экономике, основанной на К.? Этот парадокс России — главная трудность на пути понимания сущности К. Разное отношение народов России и западных народов к миссии К. есть водораздел неустранимый. Суть его в том, что Запад воспевает К., а Россия интеллектуальный труд — родитель К., но не сам К. Не слу-

чайно споры о легитимности К. не прекращались в России никогда.

Как известно, новая Россия ставку сделала на биржу. Однако из этого ничего не вышло. Фондовый рынок крайне слаб, поэтому не состоялась и вся система национального финансового рынка: ни страховой рынок, ни независимые пенсионные фонды. Реакцией на этот провал стала долларизация экономики — вытеснение из обращения национальной валюты и использование доллара прежде всего в качестве средства сбережения. Население неохотно меняет свои доллары на акции российских корпораций, хотя это кратчайший путь к наращиванию количества собственников. Вторым и последним путем изъятия долларов населения является банк. Но и банки в сегодняшнем качестве не намного привлекательнее биржи. Остается с сожалением признать: борьба между банками и биржами за средства сбережений в новой России просто не состоялась, поэтому не состоялся и национальный рынок К.

Таким образом, накопление К. возможно двумя путями: за счет своих денег (из выручки) и за счет чужих денег, привлекаемых со всей планеты через финансовые рынки, на основе концепции финансового рычага (концепция регулирования пропорций собственного и заемного К. с целью максимизации рентабельности собственных средств). У России сегодня второго пути нет. Но дело не в том, что Россия на это не способна, а в том, что ей это просто не дано. В России стыдно быть богатым, здесь особая философия хозяйства. Ум и отвага всегда считались в России высшими человеческими добродетелями. Но все дело в том, что умные и отважные редко выходят победителями в борьбе за право быть хозяином (капиталистом), поскольку играют по честным правилам. Это в очередной раз наглядно демонстрирует новая Россия, переживающая эпоху дикого капитализма. Современные победители просто не могут быть истинными хозяевами, поскольку пребывают в постоянном страхе и лжи. Мало того, они не могут рассчитывать и на благословение русской православной церкви, поскольку вступили в жесткое противоречие с Библией.

В русском языке К. от слова «накапливать». Есть две формы накопления: индивидуальное и общественное. Сложенные воедино частные К. образуют К. общественный, ко-

торый и выражает финансово-экономический потенциал общества или нации, если угодно. Эта превращенная форма истинного богатства есть накопленный труд и, прежде всего, интеллект. Именно интеллектуальный труд является решающим фактором накопления богатства от зарождения человека как существа разумного до наших дней. Следовательно, накопление К. — это накопление потенциала развития то ли фирмы, то ли национального хозяйства, который и предопределяет логику ценообразования на современных рынках К.

Есть народы-пчелы. Результаты труда людей этих народов можно уложить в матрицу, как результаты труда пчел в улей. Сота есть квинтэссенция К. Накопленный К. в своей ипостаси К.-функции представляют два элемента: интеллектуальный (нематериальные активы) и преображенная природа (материальные активы). Центральную роль в современной экономике играют, конечно же, нематериальные активы, а среди них — финансовые активы нации. Их обороты на порядки превышают обороты материальных активов, демонстрируя триумф отдельных народов в производстве денег. В народах-пчелах К. накапливается, количество собственников растет, а люди богатеют. Это становится возможным только в том случае, когда К. легитимен, т. е. признаваем в обществе и поддерживается большинством его членов.

Совсем иначе живут народы-осы. Люди, их составляющие, нематричны, поэтому вместо ульев они вьют осиные гнезда. В таких гнездах очень мало К., а агрегировать его в К. нации и вовсе невозможно без принуждения. Такие народы вечно страдают от недостатка К. Неспособность людей, представляющих отдельные народы, подчиниться матрице оборачивается неконкурентоспособностью таких народов в глобализирующемся мировом хозяйстве. В недалеком будущем такие народы либо исчезнут, если не станут привлекательными для их эксплуатации, либо растворятся в других — конкурентоспособных народах, либо будут доведены до уровня большинства народов Африки, эксплуатация которых бессмысленна.

По фактору К. русский народ один из наименее конкурентоспособных народов мира. Онтологически русский человек представляет семейство народов. Это главная при-

чина победы социалистической революции и социализма в СССР и торжества идей Маркса именно в России. Было ли осознание этого феномена перед революцией? Было, но весьма противоречивое. С одной стороны, осознавалось, что деньги только и делают, что отражают ценность накопленного труда, поэтому легитимность К. признавалась в обществе. К примеру, Д.И. Менделеев утверждал: надо же признать, что К. приносит выгоды или играет свою важную роль исключительно потому, что он, именно он, ныне выражает собой, хотя не прямо, а косвенно и отчасти условно, накопленный избыток прошлого труда, и труд, в этом виде сбереженный, способен давать то же, что труд, сейчас затрачиваемый. В этом должно видеть мировую справедливость, потому что сбережение не есть порок, а добродетель. Косвенная и условная роль К. в российском хозяйстве — это феноменальная оценка специфики российского К., в то же время — это феноменальное предвидение, поскольку сегодня люди чаще оперируют действительно символами К. или знаками хозяйственной власти.

С другой стороны, не всегда принимался во внимание тот факт, что труд в сельском хозяйстве почти не накапливается, зато быстро накапливается в промышленности, где решающую роль играет не физический труд, а интеллектуальная часть труда, чего почти нет в сельском хозяйстве. Вот где надо искать истоки удешевления экспортированного во второй половине XIX в. зерна из России. Обиды А.Д. Нечволодова и Г.В. Бутми на это стремительное удешевление, которое они связывали исключительно с пороками денежной реформы Витте, безосновательны, поскольку Европа и США в тот же период находились в стадии бурной индустриализации, двигателем которой был, конечно же, более дорогой интеллектуальный труд. А Россия между тем упорно держалась за пресловутую соху, отсюда и обесценение продуктов труда России в золотой валюте. Все это пришлось исправлять Сталину ценой неимоверных людских страданий и ярких побед. Научное же объяснение этого феномена еще долго будет занимать поколения будущих исследователей.

Современный К. — это особый фактор, где интеллект играет фундаментальную роль, но не интеллект индивидуальный, а интеллект нации. Россия — особая страна, где

много кулибиных, поскольку все «сами себе на уме», а потому в свободных условиях интеллект нации не формируется, а если и формируется, то только в условиях принуждения. Не случайно, стоило только в 1991 г. снять политический гнет, и финансово-экономический потенциал России растаял как утренний туман. Это лишь означает, что в России нет и никогда не было условий для накопления К. Вот и бежит он из новой России, как может, а экономика, основанная на К., деградирует. Неспособность нации к формированию общественного К. выступает объективной причиной, подталкивающей Россию к полной национализации банковской системы и переходу на формирование национального К. на основе государственного кредита.

Бесконечные реформы и революции в России, невзирая на гигантские потери для страны, — исторический факт. После каждого социального потрясения мыслители вновь задаются вопросом: почему так неспокойна Россия? Ответ на этот вопрос корнями уходит в извечную проблему сохранения стоимости в России. Хроническая нехватка К. в России во все времена общеизвестна. Тот же Д.И. Менделеев подчеркивал: всякому известно, что в России крупных К. нет или их чрезвычайно мало, а те, которые есть, уже лежат в делах и неохотно идут на новые предприятия. Нужно же привлечь к заводскому делу К. новые, те, которые в настоящее время стремятся преимущественно в процентные бумаги. Это обстоятельство позволяет сделать вывод: национальный К. в России никогда не выполнял своей миссии — миссии сохранения стоимости.

Таким образом, отношения деньги — стоимость и К. — стоимость были, есть и останутся важнейшими отношениями, исследование которых только и открывает путь к истинным закономерностям возникновения, расцвета и гибели любого хозяйственного миропорядка. Эти два отношения проясняют глубинные движущие силы любого хозяйства. Стоимость есть везде и всегда, когда в хозяйстве присутствует обмен. Без стоимости нет и не может быть воспроизводства хозяйственной жизни. Объективное победить нельзя, но можно осмысленно управлять хозяйством, зная проявления как законов природы, так и закона стоимости, используя силы стихии в определенных интересах. Мало того, бороться со стихией весьма накладно, поскольку это

всегда невосполнимые затраты, не создающие новой стоимости. Запад это понял давно, поэтому успешно переместил объект генерирования стихии на чужие территории. Запад добился несомненных успехов в искусстве сохранения стоимости, но за чужой счет. К.-собственность сначала «малость» поделился бременем ответственности с отечественными оппонентами, сняв проблему претензий гегемона, а затем, обратив этого гегемона в средний класс, сделал его своим союзником и уже общими усилиями принудительно перенес стихию стоимости на страны остального мира, в том числе и в новую Россию.

Эволюция капиталистического общества в XX в. свидетельствует, что центральным звеном, формирующим содержательную сторону этой эволюции, является возвышение миссии К. сохранять стоимость и глубокие качественные изменения содержания самой миссии. Размывание К.-собственности и ослабление участия в сохранении стоимости этой ипостаси К. компенсировались усилением миссии второй его ипостаси — К.-функции. Активами управляют уже не столько собственники, сколько профессиональные менеджеры. Отсюда смещение властных полномочий к ним от собственников. Результатом эволюции миссии К. стало такое усиление позиций К.-функции, что можно утверждать: К.-функция правит миром. Это обстоятельство проясняет истинную причину востребованности и возвышения теории М. Фридмена. Он первым уловил смену доминант в экономических отношениях — доминирования традиционной ипостаси К. (К.-собственности) на финансовую доминанту (всевластие К.-функции).

Смена доминант раскрывает сущность модифицированного К. и его миссии. В условиях геофинансовой экономики сохранению стоимости в национальном хозяйстве противостоит вменение стоимости в планетарном масштабе — принудительная продажа активов через рассрочку платежа, выступающей в форме государственного долга и долговой зависимости. Финансовая зависимость национальных экономик является основным фактором нарушения сохранности произведенной в них стоимости через вменение стоимости, а это в свою очередь сформировало новые взаимоотношения между национальными К. разных стран. Конкуренция между частными К. трансформировалась в конку-

ренцию между национальными К.. Следствием этой конкуренции является ослабление миссии К. российского и усиление миссии сохранения стоимости К. западным.

Почти в каждом из экономических терминов есть объективная и субъективная составляющие. Сегодня особенно это касается финансов, денег, К. и стоимости. Объективная составляющая в принципе неизменна, постоянна как нечто раз и навсегда данное. Измениться может и изменяется лишь представление людей об объективных сторонах экономических понятий по мере нарастания степени изученности наукой этих объективных сторон (составляющих). Совсем другое дело — субъективная сторона любого явления. Она качественно меняется, причем стремительно, поскольку люди по мере развития их интеллекта стремятся поставить себе все это на службу. Такое понимание экономических отношений, в том числе и К., только и открывает путь к истинно научному пониманию его сущности.

А.С. ПАНАРИН

Православная цивилизация в глобальном мире (Философия хозяйства. 2001. № 3)

Проясним значение терминов, использующихся в названии статьи и образующих ее смысловой стержень. Начнем с первого из них — «православная цивилизация». То, в чем нам по-настоящему отказывают сегодня, — это наличие особой цивилизационной идентичности. Нашу специфику пытаются подать в сугубо отрицательных терминах — как традиционализм, отсталость, нецивилизованность. И это несмотря на то, что общественная наука давно уже не отождествляет цивилизованность с одним только Западом, признавая множество сосуществующих цивилизаций на земле. Сегодня мало-мальски образованные люди не скажут, что Китай и Индия — это варварские страны, на том основании, что они отличаются от Запада.

Наряду с западной цивилизацией принято говорить о мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-буддийской (китайской) и др. И только наше отличие от Запада подается как изгойский знак отверженности и отсталости, исторической незадачливости и культурной несостоятельности. Наши западники обречены презирать Россию, ибо, отказывая ей в специфике-

ской цивилизационной идентичности, они прилагают к ней западный эталон и винят за несоответствие этому эталону.

Некоторые из них уже готовы выдвинуть дилемму: либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще, так как в своем традиционном виде представляет вызов «цивилизованному человечеству», а также, надо полагать, собственному «цивилизованному» меньшинству.

На этом же основании западнические радикалы в России желали поражения собственной страны в войнах с Западом. Пятая колонна западнических радикалов (и левых, и правых) дважды на протяжении XX в. подготовила поражение России в мировых войнах: первый раз — в 1917—1918 гг., перед лицом «передовой Германии», второй раз — на рубеже 80—90-х гг., перед лицом «демократической Америки».

Таким образом, вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом.

Национальная идентичность и национализм

И здесь мы затрагиваем другую сторону антиномии российского бытия — национальную идентичность и национализм. Легче всего заключить от противного: если мы — не Запад, следовательно, нам предстоит поднять на щит нашу русскую национальную самобытность и исключительность, прочесть свою судьбу как этнически чистый текст. Но при этом сразу же обнаруживается, что чистота этого текста изначально замутнена реальной историей и географией. Россия, с одной стороны, никогда не была моноэтническим государством, с другой — она, начиная по крайней мере с реформ Никона и Петра I, постоянно интегрировала западные идеи в свою социокультурную систему, т. е. не была монокультурной. Поэтому последовательным поборникам строгой национальной идентичности предстояло бы переписать заново всю нашу историю и географию и во всяком случае вынести за скобки последние три века российской истории.

Историческим референтом русского национализма, с которым он пытается сверять свой компас, является московский период — от конца татаро-монгольского ига до начала Петровских реформ. Однако при внимательном взгляде на Московское царство мы обнаруживаем, что в нем нет никакого этноцен-

тризма, никакой моноэтнической доминанты. Российская идентичность московского периода была вовсе не этнической, а конфессионально-цивилизационной. Русские люди московского периода мыслили себя как православный народ — хранитель и защитник великой святоотеческой традиции, представленной не русскими, а святыми греческими именами — Иоанном Златоустом, Василием Великим, Григорием Богословом. Не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей московского периода, а православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере.

Таким образом, наши западники (как и их наставники на самом Западе) допускают сразу две подмены, приписывая нашей идентичности то комплекс этноцентризма, то «азиатчину» и «татарщину».

Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала не носила натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной. Само греческое, восточнохристианское исповедание к тому времени, когда Московская Русь обрела государственную самостоятельность, утратило географическую и цивилизационную привязку по причине гибели Византии и стало восприниматься как священное наследие, находящееся в опасности и нуждающееся в срочной защите. Наша идентичность в качестве Святой Руси и определилась в XV в. в форме народа — защитника православного идеала, который больше некому охранять. Речь, таким образом, идет об идеократической идентичности, основанной на привязанности к священному идеалу — тексту, и на аскезе, необходимой для того, чтобы ему соответствовать и сберечь от посягательств.

В этом могут усмотреть патологию: остальные народы живут реальной жизнью, адаптируясь к особенностям своего пространства-времени, а русские подчиняют жизнь тексту и в этой вымученной ортодоксальности теряют чувство реальности и способность адаптироваться к ней. Это возражение вряд ли состоятельно, ибо человек как культурное существо воспринимает действительность сквозь призму культурного текста и свое поведение строит не по бихевиористской схеме (стимул — реакция), а на основе непрекращающихся герменевтических процедур, при которых факты действительности интерпретируются

на основе предварительной смысловой схемы, а сама эта схема то и дело реконструируется и корректируется под давлением новых фактов.

Таким образом, всякая человеческая жизнь представляет собой культурную драму, в которой на каждый вызов внешней действительности человек отвечает не «непосредственно», а с позиций определенной культурной идентичности, которая воспроизводится как более или менее целостный текст, корректируемый, но отнюдь не ломаемый и отбрасываемый под давлением «сырых» фактов. Такая «текстуальность» человеческого существования сегодня осмысляется самыми разными науками в общей парадигме постмодернизма, ключевой установкой которого является понимание социального бытия как совокупности постоянно реинтерпретируемых культурных текстов.

Особенность русской культуры не в том, что она опосредует восприятие человеком реальности некоторыми нормативно-аксиологическими текстами, — это делает любая культура, — а в том, что она, во-первых, больше других тяготеет к «монотекстуальности» (пронизанности всех практик единым центральным смыслом), во-вторых, ее процедуры подведения действительности под нормативный текст требуют значительно большего внутреннего напряжения в силу той изначальной дистанцированности ортодоксального греко-православного текста от эмпирической реальности, которая связана с ранней гибелью материнской цивилизации — Византии.

Разумеется, это не значит, что цивилизационная идентичность базируется исключительно на конфессиональной основе — на великой письменной традиции (Великой книге), объединяющей этносы в едином сакральном пространстве. Человек живет не только Небом, но и землей, и территориально-географические детерминанты в немалой степени ответственны за склад характера, образ жизни и мирочувствия народов, живущих в определенной части ойкумены. Здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой соотношения осознанного и проговариваемого, с одной стороны, и латентного и аффицирующего из каких-то глубин нашей перцепции — с другой.

Сакральный, трудовой, бытовой и другие типы народного опыта отнюдь не всегда образуют легко укладывающуюся целостность; чаще всего они представляют некую разнокачественность, преодолеваемую напряженной работой нормативно-ценностного характера. Евреям пришлось сорок лет скитаться

по пустыне, прежде чем Моисей решил, что народ его достоин вступить на землю обетованную. Нечто подобное произошло и с русским народом. Хороша и обильна была земля Киевская, но детский эгоизм князей и народа, вовлеченных в усобицы, привел к краху Киевскую Русь. Уже Андрей Боголюбский, перенесший столицу на север, во Владимир, выполнял моисееву роль, осознав несоответствие умонастроения народа стоявшим перед ним державным задачам. В русской душе до сих пор сохраняется ностальгия по Киеву, и в каких-то своих инфантильно-подсознательных глубинах она, душа, до сих пор не в состоянии примириться с этой переменой месторазвития, с суровостью московского периода, так контрастирующего с золотой юностью Киева.

Петр I, наш первый державный западник, в определенном смысле выполнил роль Андрея Боголюбского и Ивана Калиты, когда переносил столицу из Москвы на прибалтийские болота. Это сейчас, после большевистского тоталитарного опыта, петербургский период вспоминается как «цивилизованно-западнический» и потакающе-эмансипаторский. Петра I, напротив, московская жизнь возмущала своим «спонтанным», расслабленно-сонливым характером, эгоизмом быта, не готовым на державную жертвенность. Он нарочито выбрал для новой столицы на редкость неудобное место — с нездоровым климатом, с болотным ландшафтом, в котором не было и признаков уютного природного раздолья, где славянская душа привыкла справлять свои языческие праздники. Территориальный проект Петра I имел мобилизационно-аскетический замысел — новой суровой школы для расслабившегося народа.

Конфликтные линии российской истории

Анализируя драматические циклы российской истории, замечаешь, что ее самые болезненные срывы и разрывы случаются в тот самый момент, когда общество достигает долгожданного равновесия и происходит натурализация на местной почве и традиции всех блуждающих социальных элементов, всех заимствованных на стороне экстравагантных идей, наконец-таки теряющих свою экстравагантность. Тут бы, кажется, и успокоиться, закрепить достигнутое, окончательно консолидироваться. Вместо этого в обществе нарастает раздражение «сонным царством», «застоем», благолепием, которое представляется фальшивым, стабильностью, в которой усматривается что-то засасывающее. Неожиданный престиж и влияние по-

лучают неистовые критики, революционеры сверху или снизу, непримиримые оппоненты сложившегося статус-кво.

Две конфликтные линии то и дело взрывают российскую историю. Во-первых, это противостояние ортодоксальной аскетики и быта, который теряет легитимацию со стороны сакрально-теократического начала по мере того, как становится все более легким и устроенным; во-вторых, противостояние универсального, всемирного и местного, доморощенного. Последнее периодически оказывается заподозренным в профанности и подвергается жестокой ревизии. Таким образом, противостояние идеи (текста) натуре пронизывает всю историю нашей цивилизации и образует источник ее напряженно-драматической динамики.

Обычно, когда говорят о том или ином мировом регионе в парадигме «плюрализма цивилизаций», подразумевают нечто статическое, некий устойчивый сплав истории и географии, ценностей и уклада, в которых воплощен передаваемый из поколения в поколение кристаллизированный опыт. В случае нашей православной цивилизации более уместна метафора локатора, настроенного на то, чтобы улавливать зазоры, с одной стороны, между нормативным священным текстом и повседневными общественными практиками, с другой — между универсалиями вселенского высшего, «передового» опыта и местническими уклонами «почвы».

Таким образом, православный мировой регион характеризуется своеобразным сплавом цивилизационных и формационных механизмов; он характеризуется перманентной полемикой с местными особенностями (т. е. с самим собой) во имя движения к сакральному и универсальному.

Как только в мире появлялась очередная планетарная иллюзия относительно чего-то самого совершенного и безукоризненного, наши восторженно-фанатичные прозелиты брали ее на вооружение, с максималистским пылом претворяли в жизнь и — обнажали тем самым и для самих себя, и для окружающих ходульность и неосновательность очередного проекта.

Первый планетарный проект, который похоронила Россия, испытав его на себе и затем судорожно «исплюнув», был проект кочевнической империи. Правда, татаро-монгольский имперский проект предстал перед Русью вначале не в качестве добровольно взятого образца, а в качестве трагедии иноземного завоевания, но в логику цивилизационно-формационного цик-

ла, характерного для России, он вписался. Это сегодня с кочевничеством ассоциируется нечто дикое, изгойски-маргинальное, нелегитимное. А в известное время (на исходе Средневековья) и в известном регионе (на рубеже Леса и Степи в Евразии) кочевник на коне выглядел аристократом по сравнению с копошащимся в земле пахарем. Революция воинов-кшатриев, имевшая место в Евразии много тысяч лет назад, надолго оставила свой след в нравственном сознании народов, в оценках героического и приземленного, воодушевляющего и рутинного, вольного и подневольного.

Кочевник-всадник был аристократом степи — как и средневековый рыцарь, постоянно готовый к походу и набегу. Русь, на протяжении двух с половиной веков испытывавшая на себе опыт ига и сбросившая его, вполне могла обрести свою идентичность в качестве ханской державы. Вместо этого она стала олицетворением земледельческой альтернативы кочевничеству и закрепила свою победу над ним в качестве всемирно-исторической (формационной). Это отметил А. Тойнби в своем «Постижении истории». В России, пишет он, впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу удалось «не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы... изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища — в оседлые деревни» [1, 140].

Архетип кшатрия неожиданно стал волновать сознание арийских народов в XX в. Социализм жертвенный, сострадательный, чуткий к нуждам униженных и оскорбленных постепенно преобразуется в идеологию военно-милитаристской «тотальной организации» общества. Профессиональные революционеры все явственнее превращаются в касту кшатриев, отбирающих свои трофеи у богатых и раздающих их бедным — на условиях безропотного послушания. Сам социалистический (затем коммунистический) Интернационал все явственнее обретал черты эзотерического союза касты кшатриев, кочующей по миру в поисках «слабого звена», пригодного для военно-революционного штурма. Вместо языка братства и солидарности эта каста усваивает лексику сверхчеловека — неподсудных «железных людей», призванных перетряхнуть затхлый порядок и внедрить героическую этику взамен мещански-буржуазной.

Характерно, что эта каста профессиональных революционеров, живущих «организацией и пропагандой» и презирающих методические трудовые усилия вместе со всеми другими «приземленными практиками», так и не растворилась в народе, не стала органической частью нации. Она огородила для себя особое пространство «спецраспределителей» и вела особое, «конспиративное» существование, заботясь о том, чтобы и тайны власти, и сам образ жизни властвующих не стал достоянием профанной общественности.

Полной натурализации этой касты на нашей российской почве так и не произошло. Некоторый сдвиг натурализации произошел тогда, когда революционный кочевнический Интернационал был подвергнут жестокой чистке, а оставшаяся его часть стала активно рядиться под «пахарей» — «истинно трудовой элемент». Однако внутренний цивилизационный конфликт, выражающийся в том, что организаторы нового строя так и не нашли настоящего признания и прибежища ни в нашей культурной традиции, ни в сознании народа, так и не был разрешен — вплоть до кончины советского строя в России.

При новом, «демократическом» перевороте, на рубеже 80—90-х гг., либеральные идеологи этого процесса ожидали торжества мещанина (бюргера) над кочевниками «военно-феодальной» (административно-командной) экономики. Но действительность вскоре изобличила их иллюзии (или их ложь). «Новые русские», заполучившие всю бывшую государственную собственность в результате властной приватизации — набега на экономику во всеоружии властных доспехов и номенклатурных привилегий, — еще больше отличались от добропорядочных мещан-накопителей, чем бывшие социалистические «командиры производства». Даже архаичная по меркам брежневского застойного времени фигура комиссара с маузером, олицетворяющая революционное экспроприаторство, менее походила на образ дикого кочевника, разоряющего покоренную страну и вывозящего из нее все ценности, чем современная диаспора новых олигархов и группирующаяся вокруг них хищно-вороватая среда, не признающая никаких цивилизованных норм.

И снова ощущается явный эффект отторжения этой среды местным населением — новое проявление внутреннего цивилизационного конфликта. Пора обозначить основные его параметры.

• Во-первых, противопоставление укорененного архетипа «пахаря», в поте лица добывающего свой хлеб и обустраивающего свою землю, хищному кочевничеству. Тот факт, что такое кочевничество может являться не только в облике внешней силы, но и в облике внутреннего колониализма, ростовщической диаспоры, дела не меняет.

• Во-вторых, противопоставление аскетической жертвенности — связанной с верностью священному завету — богемной распущенности и безответственности, экстремизму телесного начала, утратившего свое истинное назначение — служить вместилищем и орудием высших духовных энергий.

• В-третьих, противопоставление соборного начала индивидуально-эгоистическому, глухому к судьбам всего рода человеческого. Ибо соборность в нашем цивилизационном контексте — это вовсе не общинность в ее локально-местническом и патриархально-заскорузлом смысле, а духовное единство, в пределе объемлющее весь род человеческий. Как учил св. Григорий Нисский, образ Божий «не в части естества, но на весь род равно простирается таковая сила...» (цит. по: [2, 10]).

Цивилизационная суть глобального конфликта

И здесь мы переходим к глобальным темам. Дело в том, что указанный внутренний цивилизационный конфликт в России развертывается, в сущности, не по классовому или этническому принципу, а вбирает в себя глобальный конфликт Запада и Востока, является квинтэссенцией его. В России сталкиваются планетарные силы, нередко маскирующиеся и стилизующиеся то под «борьбу классов», то под борьбу этносов против империи. Сегодня это проявляется со всей очевидностью. Еще недавно могло казаться, что в мире в самом деле идет борьба демократии с тоталитаризмом. Но когда тоталитарный СССР был повержен, Запад отнюдь не ослабил свой натиск на Россию и страны, сохраняющие свою православную идентичность (Сербия). Напротив, стала обнажаться другая — не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного. Не случайна та реконструкция самого понятия «тоталитаризм», которая сопутствовала победе Запада в холодной войне. Прежде тоталитаризм интерпретировался как этнически и цивилизационно нейтральное понятие — как зло, источники которого — в трагедиях истории, в соблазнах политики и идеологии, но отнюдь не в расовых, этнических и цивилизационных особенностях, разделяющих людей. Разве

война с тоталитарной Германией не велась сообща, двумя фронтами — атлантической коалицией совместно с СССР?

И разве германский фашизм оценивался как органический продукт немецкой культуры, немецкого менталитета? Нет, он оценивался в парадигме Просвещения — как заблуждение ума, а не этнической природы или культуры, как выверт человеческого сознания вообще, преодолеваемый терапией Просвещения. Но этот этнически и цивилизационно нейтральный (универсалистский) просвещенческий дискурс неожиданно отбрасывается после победы Запада в холодной войне. Теперь тоталитаризм интерпретируется в духе культурологического и этнического расизма — как специфический продукт русской ментальности, русской культуры, а в самое последнее время — как продукт Православия.

Надо сказать, точно такими же расистскими «культурологами» зарекомендовали себя основатели постсоветского режима в России. Они потому и постарались вывести Россию из состава СССР, что не верили в демократический потенциал «внутреннего Востока», как не верили и в потенциал Просвещения, равно преобразующего умы и сердца людей, безотносительно к их этнической и цивилизационной принадлежности. Если бы речь шла о демократизации как этнически и цивилизационно нейтральном процессе, незачем было бы ломать Советский Союз. Следовало бы, на основе демократического сдвига, ожидать перехода от тоталитарного союза к демократическому союзу.

Но наши демократы, с подачи своих западных наставников, мыслили иначе.

Благородную открытость Просвещения они заменили эзотерикой «демократического» расизма, связанного с убеждением в том, что демократия имеет свой цвет кожи и свой тип ментальности, характеризующий европейского «белого человека». Страшась демографического взрыва в республиках Средней Азии, они были убеждены, что СССР демократически непреобразуем — по причине преобладания «неевропейского населения».

Эти расистские фобии наших «демократов» предопределили выход России из состава СССР в 1991 г.: демократический и антикоммунистический радикализм они измеряли этническими критериями. «Случайно ли парламент России оказался радикальнее парламента СССР, а парламент Литвы радикальнее

парламента России?.. Характерно, что одной из причин гибели первого Рима (Западной Римской империи) считается его чрезмерное углубление на Восток. Из-за него сенаторы — италики, то есть классические римляне, по прошествии времени оказались обладателями лишь 35—40% мест в Сенате» [3, 78].

Тогда, в начале 90-х гг., мало кто обратил внимание на тот факт, что «новые демократы» мыслят по-расистски, отказываясь от установок христианского и просвещенческого универсализма. Прошло совсем немного времени, и эффект бумеранга настиг новую Россию. С середины 90-х гг. в демократических СМИ, политической публицистике, а также в зарубежных публикациях, посвященных России, все явственнее звучит тема «демократического недоверия» к России как таковой. Характерно, что «азиатский» образ Верховного Совета СССР, где тон задают «тюбетейки», стал проецироваться на Государственную Думу Российской Федерации с ее «красно-коричневым большинством». Красный цвет коммунизма и коричневый цвет нацизма, казалось бы, никак не могут сливаться — между ними кровь Великой Отечественной войны. Да и КПРФ, кажется, не давала никакого повода заподозрить ее в пронацистских симпатиях. Процедура слияния этих непримиримых идеологических противоположностей осуществима лишь при условии этнического или цивилизационного прочтения коммунизма — как специфического продукта русской общинности или православной соборности. Привязав коммунизм к русской традиционной ментальности, можно поставить перед Россией дилемму: либо она должна полностью отказаться от своей идентичности, выкорчевать сами корни собственной культуры, либо ее удел — противостояние всему демократическому миру. Эта радикализация темы коммунизма, заставляющая «копать глубже» — за идеологическим коммунистическим сознанием разглядеть коллективно-бессознательное русского духа, — формирует качественно новую атмосферу: климат расовой войны «демократического» Запада и «демократической» элиты в самой России против русского народа и православной цивилизации. Вся концепция прав человека и другие правозащитные стратегии определяются таким образом, чтобы в оптику правозащитного сознания попадало что угодно, но не устрашающие факты нового геноцида. Задержание журналиста, являющегося российским гражданином, но работающего на радио «Свобода» и освещающего события в Чечне явно в антироссийском духе, не

только вызвало бурю негодования в «демократических» СМИ, но и дало толчок массированной защитной кампании. Напротив, невиданные за последние несколько столетий экспроприация и люмпенизация большинства населения — когда минимальная заработная плата в двадцать раз ниже реального прожиточного минимума, равно как и ежегодный вывоз десятков миллиардов долларов из обескровленной страны — не удостаиваются не только кампании протеста, но даже статуса простой газетной сенсации. Это возможно только при совершенно определенной — расистской презумпции: голодание и вымирание миллионов людей «местного типа» — ничто по сравнению с какими-либо неудобствами людей высшего, демократического, типа.

Пожалуй, меня обвинят в том, что я произношу недопустимо жесткие, громкие слова, но я убежден, что именно инициаторы и исполнители преступления заинтересованы в том, чтобы все шло втихую и приручение общественности к двойным стандартам происходило постепенно, под аккомпанемент демократически-благонамеренных речей.

Избранники и пасынки прогресса

Отметим теоретико-методологические аспекты вышеозначенных проблем.

Итак, мы констатируем изменение парадигмы господствующего западнического дискурса. Еще недавно вопрос о переходе от авторитарно-тоталитарных форм устройства к демократическим мыслился на основе формационного универсализма — закономерной общественной эволюции, не считающейся с какими бы то ни было расовыми, этническими, географическими барьерами. Теперь возобладала цивилизационная парадигма, открывающая дорогу монопольного присвоения понятий «демократия», «свобода», «гражданское общество» западной цивилизацией в качестве их единственного аутентичного истолкователя и носителя. Демократическое неприятие тоталитаризма обернулось неприятием не-западных цивилизаций, как находящихся на подозрении в силу самой их природы. Природу же, как известно, не изменишь: изгнанная в дверь, она вернется через окно.

Вопрос состоит в том, преодолим ли современный «демократический расизм» и на основе каких теоретико-методологических презумпций можно вернуться к гуманистическому универсализму, к концепции всеобщности спасения,

единства исторических судеб человечества? И перед каким выбором это ставит нас, наследников православной цивилизации, над которыми нависла угроза остракизма и изгойства под предлогом нашей неисправимой цивилизационной наследственности?

По сути дела, мы сталкиваемся с изменением самого временнуго горизонта, куда нас поместили вместе с наиболее «безнадежной», третьемировской частью человечества. В прежнем горизонте прогрессивного (формационного) эволюционизма категория «прошлого» не носила характера некоего генетического кода или устойчивой субстанции. Прошлому давались сугубо отрицательные определения — как чему-то временно отличающемуся от настоящего и будущего, куда оно выносится неудержимым гераклитовым потоком. Сегодня, в рамках цивилизационной парадигмы, прошлое получает субстанциальное определение чего-то устойчивого, генетического (в смысле культурологической генетики ментального «кода»), способного существовать рядом с современным и мешать ему. Борьба современности с прошлым обретает форму борьбы цивилизаций, одна из которых олицетворяет модерн, остальные — устойчивую и агрессивную архаику, не содержащую никаких имманентных предпосылок желаемой общественной эволюции.

По-видимому, сегодня практически нет шансов снять установку цивилизационного плюрализма, которая вытеснила прежнюю, универсалистско-оптимистическую систему ожиданий единого человечества, движущегося к заранее заданному счастливому финалу истории. Не только нынешние избранники прогресса и победители в холодной войне ощутили свою цивилизационную уникальность, предопределившую все их успехи и победы; среди менее счастливого большинства планеты тоже утверждаются ценности культурной и цивилизационной идентичности, ранимая впечатлительность в отношении своей этнической, религиозной, культурно-исторической традиции, которую надлежит сберегать как ценнейшее коллективное достояние.

На Западе до сих пор не заметили определенного противоречия: если демократические ценности, как и ценности материальной достижительности, секуляризма и эмансипации, в самом деле субстанциальным образом (на уровне генетического культурного кода) связаны с одной только западной цивилизацией, то не угрожает ли им (этим ценностям) перспектива пре-

вращения в «символ веры» западного меньшинства человечества по мере того, как не-западное большинство станет все больше проникаться сознанием драгоценности своего культурно-ценностного наследия и своей идентичности?

Исповедуя идеологию нового избранничества (концепцию «золотого миллиарда», приватизировавшего перспективу постиндустриального общества перед лицом большинства, путь которому туда заказан), Запад тем самым провоцирует сепаративные стратегии спасения и в других частях планеты. Коль скоро прогресс (и такие его атрибуты, как демократия, права человека, право повелевать природой и миром во имя процветания отдельной личности) оказался столь ненадежной, ускользающей от большинства ценностью, то не надежнее ли вернуться к своим исконным ценностям, которые были несправедливо забыты и развенчаны под влиянием западнического подстрекательства?

Приходится признать, что такая логика все больше срабатывает в остальном мире, почувствовавшем себя пасынком западнического прогресса.

Итак, на одной стороне мы имеем тенденцию к обособленности западной цивилизации, сменившей оптимистическое великодушие Просвещения, сформировавшее гуманистические универсалии общечеловеческого будущего, на культурологический пессимизм и расизм, сообщающий некогда обезличенному прогрессу специфический цвет и запах «белого человека».

На другой стороне — тенденция специфического цивилизационного самоопределения со стороны тех, кого больше не пускают в европейский дом и в постиндустриальное общество по соображениям плохо скрываемой сегрегации. Здесь пока что еще не совсем ясно, имеем ли мы дело с демократической тенденцией защиты своего достоинства, заставляющего искать свой путь в будущее не на основе заемной, а на основе собственной цивилизационной программы (более или менее реконструированной в духе времени), или с тенденцией обмена ненадежного будущего (приватизированного Западом) на свое надежное прошлое — в духе всепроникающего стиля «ретро».

Сепаратистские стратегии Запада против наследия европейского универсализма

Зададимся вопросом: а возможен ли новый синтез формационной и цивилизационной парадигм — общечеловеческий прорыв в будущее не на основе культурного разоружения и

обезличивания, а с сохранением культурно-цивилизационного многообразия человечества? Положительное решение данного вопроса возможно при условии, если мы отыщем такую цивилизацию, которая не имеет никаких поползновений решать проблемы сепаратным образом, вынося за скобки всю мировую проблематику (в том числе западную) и сосредоточившись на своей исключительности. Не отвечает ли указанному критерию российская цивилизация? Будучи отличной от Запада и сознающей свое отличие (о западнических эпигонах мы здесь не говорим), она тем не менее никогда не обнаруживала склонности ни к сепаратному обустройству, ни к тому, чтобы свалить с себя ответственность за судьбы мира. Впервые выразившие ее самосознание на современном философском языке, славянофилы никогда не были ни изоляционистами-почвенниками, ни националистами!

Вместо того чтобы отворачиваться от Европы, они воспринимали кризис европейской культуры как планетарное явление, нуждающееся в планетарном же мироустроительном ответе. Славянофилы никогда не рассуждали о России как о замкнутом территориальном образовании, выстраивающем демаркационную линию вокруг внешнего, иноязычного и иноконфессионального мира. Напротив, они были совестливыми глобалистами, убежденными, что проблемы, не решенные в одном месте, станут язвой всего человечества и что кризис, развернувшийся на Западе, нуждается в общечеловеческом решении.

Славянофильская парадигма восприятия европейского кризиса необычно поучительна для нас сегодня. Речь идет об умении интернизировать понятие европейского кризиса, осознать его как собственную проблему и задачу, не решив которую невозможно жить дальше.

Сегодня возобладали совсем другие тенденции. На одной стороне обособилась партия апологетических западников, не видящих на Западе никаких изъянов и кризисов и манихейски поделивших мир на светлое западное начало и темное восточное. На другой стороне (как ответ на этот вызов) начинает обособляться партия почвенников-националистов, которые в свою очередь не видят двойственности Запада и трудный жанр имманентной критики (на основе анализа внутренних противоречий Запада) подменяют легким жанром радикального внешнего отрицания. Инициатором здесь выступил сам Запад, который после своей победы в холодной войне предпочитает идеологему

«монолитности», внутреннего единства и безупречности риску творческой самокритики.

Все это весьма напоминает печально известные стратегии правящего коммунизма, построившего свой «безупречный», не подлежащий никакой критике строй. Чем меньше готовности к творческой самокритике, тем более вероятна консолидация критических сил и позиций извне — этот закон, на себе испытанный советским коммунизмом, судя по всему, предстоит испытать и Западу, сегодня склонному к высокомерной остраненности и самовозвеличению.

Надо сказать, отказ от марксизма и переход на позиции либерализма резко ухудшил возможности дискурса и статус нашей правящей элиты в ее диалоге с Западом. Сегодняшний либерализм на Западе — это идеология победителей со всеми ее характерными особенностями: догматической самоуверенностью, неумением прислушиваться к другим, нетерпимостью к критике и неспособностью к самокритике, в которой усматривается грех самообнажения перед «чужими».

Я не призываю заменить этот либеральный монолог победителей марксистским монологом побежденных, безграничную веру в Запад — новой революционной эсхатологией, пророчащей ему неминуемый конец.

Но достоин внимания тот факт, что отвратительная в своем догматическом самомнении (или в своем подобострастии — как у наших западников) идеология победителей сформировалась именно на базе либерализма. Потенциал творчески продуктивной самокритики, в той мере, в какой он еще сохраняется внутри Запада, проявляется в основном не в Америке, а в Европе, в течениях, продолжающих вести творческий диалог с марксизмом, — в левых вариантах неофрейдизма, постструктурализма, экзистенциализма, герменевтики. Только в этих течениях сохраняется наследие европейского универсализма — установка на осмысление проблем и противоречий современности в качестве универсальных, общечеловеческих, а изъянов бытия — как имманентных, а не вызванных кознями «варварской периферии» и давлением «неполноценных» рас. (Как знаменательно, что официозное коммунистическое манихейство, подменяющее имманентно-критическую позицию поисками внешних врагов, не умерло вместе с коммунизмом, а было воспринято победившим либерализмом, неожиданно обнаружившим аг-

рессивно-милитаристские черты «единственно правильной идеологии».)

С позиций таких же сепаратистских стратегий воспринимаются ныне на Западе глобальные проблемы современности. Еще недавно, после первых докладов Римского клуба, была характерна их оценка в парадигме гуманистического универсализма. Перед лицом их выступали не люди разных цивилизационных регионов, в одиночку подсчитывающие свой потенциал и возможности выхода из проблемной ситуации, а планетарный человек, сполна осознавший бремя человеческой судьбы и заново осмысляющий свой статус в Космосе. Такая установка предвосхищена отцами Восточной Церкви.

«Это имеют одинаково все: и явленный при первом устроении мира человек, и тот, который будет при скончании Вселенной, они равно в себе носят образ Божий. Поэтому целое наименование одним человеком» (цит. по: [2, 10]).

Парадигма христианского (и просвещенческо-гуманистического) универсализма перед лицом глобальных проблем строится на следующих презумпциях.

• Глобальные проблемы затрагивают не какой-то аспект человеческого существования, подлежащий отдельному пересмотру, а все наше бытие, ставшее проблематичным. Не найдя ответа на вызов глобальных проблем, человечество не сможет выжить. Здесь корни новой эсхатологии, поразительно перекликающейся с первохристианской.

• Глобальные проблемы образуют собой не конгломерат не связанных друг с другом вызовов, а некую систему, требующую системного же решения.

• Такое системное решение требует объединенных усилий всего человечества, впервые выступающего как осознанно действующий планетарный субъект.

Выраженный здесь имманентно-критический и универсалистско-гуманистический подход подвергся неожиданному пересмотру после победы Запада в холодной войне. Официозный либерализм как идеология победителей оказался на удивление глухим к свидетельствам глобального экологического, демографического, социокультурного, продовольственного и прочих кризисов. В противовес прежней критической рефлексии, требующей качественного пересмотра сложившихся установок и практик технической цивилизации и вскормленного ею потре-

бительского общества, официозный либерализм взял на вооружение следующие подходы.

1. По возможности отодвинуть «пределы роста» и другие глобальные ограничения за счет подключения дополнительных ресурсов оказавшейся беззащитной не-западной периферии мира, пополненной огромными территориями бывшего «второго мира».

2. Приписать происхождение глобальных проблем не западному модерну с его нигилистически-разрушительным отношением к природе, культуре и морали, а азиатскому традиционализму. Глобальные проблемы решено было экспортировать с благополучного Запада на неблагополучный Восток, не только в идеологическом плане — посредством приписывания их давлению отставшей и неприспособленной ментальности, но и в практическом — путем вывоза токсичных технологий, отходов, а также теневых социальных практик в незащищенное периферийное пространство.

3. Соорудить догматически-самоуверенную концепцию всеразрушающего «монизма». Если коммунистическая идеология приписывала чудодейственную способность автоматически разрешать все проблемы «общественной собственности на средства производства», то официальный либерализм приписывает аналогичную способность рыночной системе, якобы не нуждающейся ни в какой коррекции, ни в каком вмешательстве политической и моральной воли в действие всеразрешающего рыночного автоматизма.

Синтезировать все три подхода и признана была новая доктрина «глобального мира». Незаметная подтасовка — семантическое соскальзывание с критического глобализма, озабоченного планетарными вызовами, к апологетическому глобализму нового мирового порядка, устанавливаемого и контролируемого победившим Западом, — несомненно, предусматривалась разработчиками новой доктрины. Чтобы отвечать всем трем вышеперечисленным подходам, конструкция «глобального мира» должна соответствовать свойствам закрыто-открытой, асимметричной системы. Для того чтобы Запад мог отодвигать для себя пределы роста, расширяя ресурсную базу своей технической и потребительской цивилизации, нужно, чтобы другие страны и цивилизации открыли для него все свои ресурсы. Отсюда — концепция глобального «открытого общества» и «открытой экономики», где национальные государственные грани-

цы объявляются устаревшими, а сама попытка защищать местные экономики от международного хищничества оценивается как проявление агрессивного национализма и традиционализма, которые должны немедленно пресекаться и наказываться.

Но для того чтобы уберечь пространство демократического модерна от давления «агрессивной архаики» и от инфильтрации ее элементов с неблагополучного Юга на благополучный Север, необходимы двойные стандарты. Западные страны имеют право интегрироваться, создавая единое экономическое, политико-правовое и информационное пространство, а не-западные (в особенности Россия со своими соседями и партнерами в постсоветском пространстве) — нет, ибо это вызывает подозрение в попытках возрождения «блокового мышления», русского империализма, антизападного милитаризма. Западные страны имеют право на протекционистскую защиту и своей экономики (на это направлено так называемое антидемпинговое законодательство в США), и своего чистого в социальном и расовом отношении пространства, тогда как попытки протекционистской защиты своей экономики или своей культуры со стороны стран не-Запада оцениваются как фобии традиционалистского мышления и предосудительная тактика обороны от прогресса.

Как ответить на вызовы нового глобального миропорядка?

Велик соблазн ответить на эти двойные стандарты самоизоляцией (национальной или континентально-цивилизационной). Но это означало бы, что мы вместо того, чтобы по-своему овладеть современностью, наложить на нее свою творческую печать, просто отвергаем ее, предоставив другой стороне монопольно формировать ее по своему усмотрению. Глобализация — в смысле тенденции к сокращению барьеров и расстояний и образованию единых экономических, информационных и прочих пространств — реальность нашего времени. И именно потому, что мы признаем эту реальность и воспринимаем ее всерьез, мы претендуем на то, чтобы в ней звучал и наш собственный голос, чтобы ее формирование не прошло без нашего участия. Это только прежняя идеологическая и научная догматика настаивала на детерминистской однозначности и предопределенности тех или иных «объективных тенденций» и «непреложных закономерностей». Современное состояние науки позволяет говорить о многовариантности, альтернативности, поливалентности любых новых тенденций об-

щественной жизни. Те, кто настаивает на той или иной одновариантности, изобличают свою заинтересованность в определенном сценарии развития, приписывают своим субъективным устремлениям статус непреложной объективности, одновременно объявляя устремления других злым и неразумным своеволием.

Именно с таким подходом мы сегодня сталкиваемся в трактовке глобализации. То, что именно Запад лидирует в этом процессе, бесспорно. Менее бесспорно его право монопольно присваивать себе позитивные возможности глобализации, а негативные следствия ее перекладывать на плечи других. Там, где Запад (речь идет в первую очередь о США) рассчитывает извлечь максимум пользы от ослабления былых границ и барьеров, он настаивает на принципе глобального «открытого общества». Глобальная «открытая экономика» означает беспрепятственную экспансию наиболее развитых стран, разоряющих более слабые экономики, лишенные привычной национальной защиты.

Аналогичные эффекты мы имеем в случае глобального информационного общества, глобальной массовой культуры. Но когда речь идет о движении рабочей силы с бедного Юга на богатый Север или о конкуренции более дешевых товаров, идущих из Азии в Европу, то принцип «открытого общества» тут же с легкостью отбрасывается Западом, выстраивающим все новые демаркационные линии. Достаточно упомянуть Шенгенские соглашения (1995), посредством которых интегрированная Западная Европа продемонстрировала решимость защищать свое благополучное пространство от пришельцев извне.

В целом «открытое глобальное общество», как оно интерпретируется сегодня на Западе, означает откровенный социал-дарвинизм — глобальное пространство ничем не сдерживаемого «естественного отбора», в котором более слабые экономики, культуры, этносы обречены погибнуть, уступив планету сильным и приспособленным.

И это подается как высшее откровение современности! Но разве вся мировая эволюция культуры не вела в прямо противоположном направлении — от естественного отбора к режиму благоприятствования более слабым, но и более рафинированным, от тенденции к однообразию, которой чреват «естественный отбор» в обществе, к щадящему разнообразию чело-

веческих типов, от диктата материально- экономической необходимости к признанию самоценности высших форм опыта? Сегодня сторона, чувствующая явное превосходство в материальной силе — экономической, технической и военной, — стремится убедить всех, что там, где сила, там и правда, что естественный отбор как торжество силы перечеркивает все другие критерии, которые выработала человеческая культура в ходе трудных побед разума над инстинктом, морали и справедливости — над культом силы, духа — над материей.

Не вправе ли мы полагать, что на сегодня главный вопрос, касающийся всей глобальной проблематики, состоит в том, как в новых условиях глобального мира заново утвердить приоритеты культуры и морали, защитить право так называемых «неадаптированных» (а к ним относится большинство человечества) на существование, скорректировать социал-дарвинистскую стихию рынка процедурами, позволяющими сохранить разнообразие человеческих практик, в особенности относящихся к высшему «постматериальному» типу.

Наша задача — оценить соответствующий потенциал российской цивилизации, коренящейся, в частности, в ее православном архетипе.

Сегодняшние вершители судеб глобального мира склонны отказывать другим цивилизациям (нашей — в особенности) в праве участия в формировании облика глобального мира и коррекции его нынешней, американоцентристской одномерности. По-видимому, они рассчитывают на то, что глобальный мировой порядок может быть едва ли не навечно закреплен в том виде, в каком его ныне формируют «наиболее приспособленные». Но история показывает, что вечных порядков не бывает. Если новый глобальный порядок окажется очевидно несправедливым и одномерным, он будет пересмотрен в какой-то следующей фазе мирового исторического цикла, которая станет ответом на нынешнюю американоцентристскую фазу.

Вероятно, мы бы существенно выровняли такую драматическую цикличность мировой истории в духе более благополучно-линейного (в той мере, в какой это доступно в нашем грешно-несовершенном мире) эволюционизма, если бы уже на ранних стадиях глобальной эволюции нам удалось расширить число планетарных субъектов глобализации, партнерски выверяющих ее экономические, политические и культурные «балансы».

Вот почему сегодня так важно реабилитировать «маргиналов» современной глобализации, обрекаемых на пассивность и молчание, на роль объектов чужой мироустроительной воли.

Необходимо, с одной стороны, не заниматься догматической апологетикой глобализации, как она складывается сегодня, под односторонним воздействием известных мировых сил, смело вскрывать ее изъяны и пороки, а с другой — раскрывать потенциал иных цивилизационных субъектов и культур, способных скорректировать опасные одномерности глобализма в случае собственного более активного участия в формировании грядущего миропорядка и в процессе принятия глобальных решений.

Что именно способна привнести российская цивилизация в глобальный миропорядок, каков может быть ее голос в мировой симфонии цивилизаций, какие новые шансы для человечества сопутствуют ее творческому самоопределению в грядущем глобальном мире — вот темы нашего исследования .

Литература

1. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991.
2. *Архим. Киприан (Керн).* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996.
3. *Орешкин Д.* Между Востоком и Западом. Размышления географа о роли и месте России // Диалог. 1991. № 1.

Ю.М. ОСИПОВ

Неоэкономика
(опыт философско-хозяйственного рассмотрения)
(Философия хозяйства. 2001. № 3)

Когда что-то происходит в реальности новое, но пока еще не совсем ясное, непонятное, а главное — по смыслу не определенное и словесно еще не обозначенное, приходится прибегать к таким словесным довескам, как «ново» и «после», а в латинском варианте — «нео» (neo) и «пост» (post). Несмотря на то, что этим иногда просто прикрывается вдруг возникшая онтологическая пустота или самое обыкновенное когнитивное бессилие, в том числе и вполне прозаическая нехватка слов, данный прием позволяет воздвигнуть некий смысло-знаковый пункт, как бы висящий в вакууме, но который способен — при дальнейшем изучении и осмыслении предмета — послужить

опорой и даже мостиком к достаточно удовлетворительному, т. е. определившемуся и уже верно обозначенному, знанию.

Новизна, открывающаяся в реальности, на то и новизна, чтобы не быть легко и сразу схватываемой: к ней еще надо подобраться, найти слово, настолько меткое, чтобы навсегда или надолго покорить ускользающий предмет, установить над ним свою власть. Вещь отнюдь не всегда и охотно вещает, и заставить ее заговорить — задача исследователя, ученого, мыслителя. Потребен некий искрящий контакт между изучающим субъектом и изучаемым объектом, который просто так не возгорается. Субъект должен вникнуть в объект, а объект — войти в субъекта. Только при таком союзе, да еще и при условии обнаружения подходящих слов, обычно метафорических, символических, образных, возможно осуществление познавательной мечты, всегда желанной, но не всегда достижимой.

Вот и мы, вместе со многими знатоками современной экономики и зарождающихся в ней новых тенденций и черт, вынуждены прибегать, во всяком случае, для начала, к прибавке «нео», размышляя и говоря, быть может, не столько даже о modern-экономике, сколько о futur-экономике, т. е. о том хозяйственном устройстве, которое не столько уже есть — как законченность, сколько, по-видимому, еще только будет. Речь идет более о грядущем, однако уже и заявившем о себе, устройстве.

Неоэкономика

Мы пользуемся именно прибавкой «нео», а не «ново», ибо первая более принята сегодня в ученом мире и имеет уже и международное распространение. Неоэкономика — новая экономика. Определение достаточно в общем-то пустое, мало о чем говорящее. На этих «нео» и «новая» далеко не уедешь. Надо раскрывать то, что за ними стоит. Однако и в них самих есть что-то значимое, если исходить из того, что новое есть все-таки действительно новое, а не просто каким-то образом и как-то подновляющееся старое. Степень новизны должна быть весьма значительной, чтобы на что-то «навесить» столь мощный предикат — новое!

Новая экономика

Нас такое определение устраивает, ибо мы видим, что в современной «продвинутой» экономике действительно происходит что-то значительное: идет, — может быть, лишь начина-

ется, — серьезная качественная мутация, в результате которой на свет явится не просто обновленная, как это было прежде (например, в конце XIX в., в середине XX, в последней четверти XX в.), а и в самом деле новая экономика, причем именно экономика, т. е. тот способ хозяйства, который подпадает в нашем понимании под наименование экономики, — со всеми ее товарообменами, оценками, деньгами, капиталами, финансами, денежными доходами, налогами, кредитами и т. д., и т. п. Говорить о преодолении собственно экономики, — повторяем, экономики в нашем понимании, — пока нет резона, ибо ничто и нигде пока не свидетельствует об исчезновении такого фундаментального начала, как стоимость, — тоже, разумеется, в нашем понимании; стоимость по-прежнему есть, она все еще в силе, ее значение не только не падает, но даже и возрастает. Экономика никуда не исчезает, — может, и до времени, — но она сильно изменяется, настолько сильно, что возникает необходимость и возможность говорить о ней как об именно новой экономике.

Экономика — это стоимость. Мы не устаем это повторять, так как, во-первых, это нам представляется реалистичным, во-вторых, содержательно (онтологически) важным, в-третьих, размыслительно (гносеологически) значимым. И коль скоро перед нами новая экономика, то соответственно что-то новое должно иметь место прежде всего в стоимости или, во всяком случае, произойти со стоимостью.

Всякий, кто имел возможность как-то ознакомиться с историей экономики, знает, что экономика качественно изменялась. Докапиталистическая экономика — это одно, капиталистическая — другое. Есть экономика без капитала, а есть экономика с капиталом, мало того, есть экономика непосредственно капитализированная, т. е. уже подпадающая под власть капитала. Этот факт давно был замечен политической экономией, выделявшей так называемое «простое товарное производство» и «капиталистическое производство», что как раз и означает «без капитала» и «под капиталом». И там, и здесь стоимость, однако с разной значимостью и функциональной ролью: там — более посредник, здесь — властитель и основная цель. Согласимся, что есть разница. И она даже не вся: в первом случае стоимость непосредственно связана с производством благтоваров, что вынуждает наблюдателя-экономиста говорить о материальной, чуть ли не вещественной обусловленности стои-

мости, ее трудовой или полезностной субстанциальности, ее, скажем так, определяющей объективности (отсюда именно производство стоимости и товарообмен на основе произведенной стоимости, отсюда и зависимость стоимости денег, или воплощенной в деньгах стоимости, от стоимости, производимой в обществе, что означает, что деньги лишь другая ипостась все той же производимой стоимости); во втором случае дело обстоит сложнее: здесь уже имеет место появление иной ипостаси стоимости — капитала, в связи с которой стоимость хоть и не порывает с производством благ-товаров, но перестает быть лишь его внутренней посредницей, а становится так же и внешним определителем, что заставляет исследователя говорить не просто о производстве стоимости, а о производстве стоимости… стоимостью, а соответственно и о более сложной обусловленности стоимости, ее не такой уж материальной природе, как и не такой уж зависимости от трудового и полезностного начал, как это казалось ранее, не такой уж и ее объективности (отсюда уже возможность вменения стоимости, а не одного лишь ее производства, в том числе и вменения субъективного, что делает оценки не столь уж материально обусловленными и позволяет заметить в стоимости существенное нематериальное — идеальное — начало; тут уже является и сама трансцендентность[1] .

Выходит, что в результате капитального переворота (или экономической революции) произошло не просто усложнение бытия стоимости, изменение ее роли и повышение значимости, но и, что особенно важно, изменение… нет, не качества стоимости, ибо качество стоимости как феномена бытия не может просто так измениться — раз феномен продолжает существовать, а произошло, скорее, изменение в качестве стоимости или, в некотором роде, качественное изменение стоимости, т. е. не

[1] Тот факт, что политэкономия и в условиях «капиталистического производства» пыталась все объяснить в дискурсе «простого товарного производства», т. е. материальности, объективности, «трудовости» и полезности стоимости, не замечая (или мало замечая) ее идеальности, субъективности, «нетрудовости», неполезности, как и ее трансцендентности, не говорит вовсе о том, что всего этого не было в реальности, причем и в рамках простой, т. е. некапиталистической, экономики (все это изначально было, даже в простой экономике, но тогда этого действительно можно было и не заметить, что подтверждается блестяще тем же самым «незамечанием», которое имело место уже при капитализме).

изменение качества как такового, а изменение внутри качества, ибо стоимость перестала сидеть, как прежде, в производстве благ-товаров, вышла из него, встала над ним и стала в него сознательно входить ради выхода из него в возросшем масштабе, что и привело не просто к поведенческим (функциональным) и структурным в ней переменам, а к высвобождению и заявлению о себе иных, содержащихся в ней, но зажатых качеств (качественных черт).

И стоимость вдруг предстала… другой стоимостью: производственная стоимость, опосредствуемая денежной и меновой — в ходе товарообмена, заявила о себе как о капитальной стоимости, для которой производственная, денежная и меновая стоимости оказываются всего лишь внутренними моментами реализации. Будучи ранее более всего производственной, стоимость оказывается в условиях господства капитала производительно-вменительной. Сидевшие где-то в «нави» качества переходят в «явь», они уже не скрываются где-то скромно, а решительно выходят на поверхность. В итоге происходит изменение не вообще качества стоимости, а лишь качества в качестве стоимости, не вообще природы стоимости, а лишь природы в природе стоимости. Является в принципе та же стоимость, но уже в другом образе, т. е. является и другая стоимость. В итоге экономической революции и обширной капитализации экономики возникла и новая экономика — по тем временам и меркам.

И вот снова новая экономика или неоэкономика (этим «нео», надо полагать, подчеркивается какая-то особая новизна этой новой — по сегодняшним оценкам — экономики). Снова, можно предположить, изменяется качество стоимости и, конечно же, в пределах самого этого качества (стоимость, повторим, покуда никуда не девается, а продолжает быть, еще и усиливаясь). Что же происходит? А происходит, кстати, то, что можно и было бы предположить, вдумавшись в логику предшествующего нью-экономического переворота — капитального. А почему, скажем, стоимости не продолжить путь наверх — в надпроизводство, а раз капитал уже в надпроизводстве, но еще в сопряжении с производством, то почему бы стоимости не двинуться еще дальше от производства, уже в рамках капитала, и уйти при этом и в над-капитальную сферу, тем более что банковский капитал нечто подобное уже давно демонстрирует? Почему бы стоимости не стать стоимостью, не производящей

стоимость как капитал вообще (пусть и с вменением), а ее — эту стоимость — прямо присваивающей — через то же вменение и хорошо известное перераспределение уже произведенной стоимости? Для этого, конечно, нужен особый капитал в капитале, способный подчинить себе капитал вообще, т. е. некоторый суперструктурный капитал, который, будучи при этом и банковским, возвышается надо всем капиталом, в том числе и банковским, да не просто возвышается, а как бы и создает весь капитал, а за ним и всю экономику. Не контролирует, что понятно, а именно создает, когда любые частные (или индивидуальные) капиталы становятся в каком-то важном отношении уже от него производными.

Настала пора осмыслить это новое, хотя и не такое уж новейшее — по истокам и примерам, состояние капитал-экономики. Разумеется, наука давно уже заметила эффект контроля над действующими капиталами сверху, как и эффект вменения капитала и стоимости сверху, так же как и эффект перераспределения производимой в обществе стоимости и прибавочной стоимости посредством капитальных действий сверху (достаточно упомянуть о том же феномене монополистического капитала, как и о феномене финансового капитала, замеченных и изученных политэкономией). Однако сегодняшнее состояние капитал-экономики позволяет сделать куда более серьезные выводы относительно стоимости, капитала и их реализаций — в направлении иерархически-пирамидального их строения и бытия, как и созидательной роли присущего им верха-центра. Пора уже перестать трактовать капитал-экономику как составленную из частных капиталов, чуть ли не самостоятельно возникающих и даже возникающих чуть ли не из ничего. Ничего подобного уже давно нет и быть теперь вообще не может. Общественный капитал ныне не столько уже составленный из микрокапиталов, сколько на эти микрокапиталы рассредоточивающийся (отсюда и рынок, к примеру, уже не базисная стихия взаимодействующих между собой товаро-капиталовых агентов, а вспомогательный механизм ограниченно-свободной настройки, обслуживающий выходящую за пределы собственно рынка — совсем даже и не рыночную — организацию).

Новую экономику не просто понять, ибо в ней нет какого-нибудь явного Госплана, на который можно было бы все и повесить. Открытого и просто так обозримого центра нет. Однако он есть! Им как раз и является тот самый суперструктурный

капитал, или суперкапитал, о котором мы только что говорили. Конечно, это не единый капитал, но это, безусловно, как бы самый верхний капитал, а главное — решающий. Но дело даже не в нем как таковом — просто жизнь ныне экономическая так устроена, что она сама по себе уже полагаться на какой-то там стихийный процесс не может. Здесь все сразу: объективная потребность в организации из центра и сверху, с одной стороны, и ее субъективная возможность — с другой. Есть потребность в суперкапитале, и этот суперкапитал уже в наличии. Общественный капитал, а вместе с ним и вся экономика выстраиваются теперь так, чтобы иметь внутри себя это центростремительное (к центру и вверх) и одновременно центробежное (от центра и вниз) структурообразование и функциональное осуществление. Отсюда, с одной стороны, порождение всем ходом воспроизводства экономики суперкапитала с его центро-общественными функциями, а с другой — реальное исполнение суперкапиталом возлагаемых на него функций. И ни один микрокапитал не может теперь не считаться с именно таким устройством экономики, наоборот, он в нем весьма охотно и обретается.

Получается, что экономика каким-то образом, достаточно скрытым и неопределенным, как бы изливается из этого верха-центра, ибо ее структуризация и реализация уже не могут не определяться в основных параметрах «желаниями» верха-центра.

Мы привыкли к тому, что «макро» есть всего лишь производное от «микро», но теперь нам надо смириться с другим исходным положением: «микро» есть всего лишь производное от… не совсем уже и «макро», ибо это «макро» вовсе не то «макро», к которому мы «прикипели», а уже произведенное «макро» — верхом-центром, т. е. не «макро» в привычном понимании, а совсем другое «макро».

Неоэкономика — вовсе не суперлиберальная экономика, в которой все «компьютерщики» буквально купаются, сидя у себя дома, в виртуально-информационной свободе, а экономика, отличающаяся особой суперорганизованностью, — и суперорганизация эта превосходит не только рыночно-конкурентную организацию, не только корпоративно-монопольную, не только межгосударственно-трансмонопольную, но даже и новейшую виртуально-информационную. Это особого рода организация, у которой пока нет другого наименования, кроме неоэкономической.

Экономическая наука, давно утерявшая связь с философией и религией, уже не способна возвышаться над экономикой ради выявления метасмыслов, для нее характерных, а потому, бегая как подопытная крыса по лабиринту, вынуждена лишь отмечать новые явления и черты, характеризующие частности, а не экономику в целом. Заметив компьютеры и Интернет, исследователи тут же принялись толковать о неоэкономике, перенося на целое то, что относится лишь к частному. Так уже было с постиндустриальностью, так теперь происходит с неоэкономикой, так будет и с постэкономикой. Компьютер, как в свое время машина или позднее тот же химический процесс, всего лишь частность, хотя, безусловно, и революционная — сначала в своей части, а затем и для целого. Компьютер изменяет экономику, но не компьютер же в природе экономики: если в экономике что-то качественно меняется под воздействием компьютера, то это что-то — не компьютер.

Была когда-то экономика ручного труда, потом стала экономика технического (машинного) труда, затем появилась экономика научно-технического труда (уже и труда-творчества), теперь вот экономика компьютеризованного труда (теперь уже и труда-творчества-игры). Перемены в характере труда, в его оснащении, имеют огромное значение для экономики, ее эволюции, но качество экономики изменяется при этом по-своему, в соответствии со своей логикой. Это необходимо непременно учитывать. Изменения частностей — важно, но нужно иметь в виду всегда и в первую очередь целое, у которого есть своя собственная смысло-качественная начинка, в пределах которой и происходят какие-либо смысло-качественные изменения, причем не обязательно под частным или внешним давлением, а, допустим, в силу и своей внутренней потенции.

Если говорить о своей (для экономики) — смысло-качественной начинке, характерной для целого, то лучше всего она выражена, о чем при желании нетрудно и догадаться, в стоимости, а не в товаре, деньгах, капитале, финансах, что по отношению к стоимости — все равно та или иная часть, хотя по природе своей и экономическая.

Открытие стоимости — величайшее достижение пытливого человеческого ума, еще воистину философствующего, а не только ис-след-ующего — как сейчас. Идти по следу бытия-жизни, конечно, надо, но почему же при этом не возвышаться

над бытием-жизнью, не опережать даже — идеально? Только возвышение, названное довольно-таки примитивно абстрагированием, позволяет разглядеть глубины, и только на расстоянии. Вот и стоимость различается лишь на дистанции — масштабно-обобщительной и проникновенной. Упереться в компьютер и виртуальные технологии не мудрено, закричав в восторге о наступлении неоэкономики, а надо бы соприкоснуться вплотную со стоимостью, в нее войти, поосмотреться там да и поозираться вокруг — уже из стоимости. Что тут нового, чтобы о новой экономике-то вещать?

Обратимся к истории стоимости, к логике ее бытия-развития.

Стоимость, которую мы рассматриваем одновременно как субстанцию, отношение и оценку, т. е. триипостасно, прошла свой исторический путь — от более простого и более низового бытия к бытию более сложному и более верховому, — и в этом «более» есть свой резон, ибо стоимость всегда была сложной и верховой, даже в свои самые «первобытные» времена, а развиваясь, усложняясь и изменяясь со временем, не теряла никогда и своих более простых и низовых, если так можно выразиться, компонентов — менялось лишь соотношение между простым и сложным, низовым и верховым, а вместе с ним и само «воплощение» стоимости, ее, так сказать, плоть.

Сначала стоимость была напрямую связана с товарообменом и только товарообменом, она непосредственно из него выходила (товар обменивался на товар и возникал феномен стоимости); затем, когда появились деньги, стоимость, не прерывая связи с товарообменом, получила возможность бытийствовать как бы и вне обмена (бытие стоимости усложнилось, ибо она уже и в деньгах, т. е. с обменом, но и вне обмена); далее деньги стали предшествовать товарообмену, как и вообще хозяйствованию — обязательным условием того и другого стала предварительно накопленная сумма денег, с которой все хозяйственное действо и начиналось (бытие стоимости еще более усложнилось: она еще внизу, но уже и впереди, а не позади, т. е. не как только результат, но и как начало); затем возник феномен капитала, когда деньги-стоимость предшествовали не просто хозяйственному процессу, а процессу, направленному на их — денег-стоимости — само-возрастание (тут уже появился эффект явного отрыва от низа и известного возвышения стоимости над ним, — бытие стоимости еще более усложнилось,

она теперь бытийствовала всего более для себя, а не для товарообмена или вообще непосредственного хозяйственного действа; здесь уже имела место, конечно, революция — та самая пресловутая экономическая революция, о которой мы все время толкуем; здесь уже возник эффект господства стоимости над хозяйством, а не одного лишь его обслуживания); далее развивались кредит и ценно-бумажный капитал (фиктивный капитал, фондовый рынок), что сделало стоимостное бытие еще более сложным, верховым и оторванным от непосредственного (или реального) хозяйственного процесса (стоимость теперь не просто господствовала, а господствовала, так сказать, «фиктивно», не слишком вдаваясь в реальные хозяйственные процессы; стоимость была занята не производством стоимости как таковым, а лишь обеспечением такого производства со стороны и сверху, однако обеспечением ради собственного самовозрастания; имел уже место эффект как бы помноженного или многоуровневого самовозрастания стоимости, усложненного верхними уровнями бытия и движения капитала; господство стоимости над хозяйством усилилось, изливаясь при этом из все более и более верхних уровней экономического бытия); далее пошло формирование финансового капитала, главная особенность которого состояла в установлении контроля над всей стоимостью, принимающей форму капитала: производительного, банковского, фиктивного, а вслед за этим и над иными потоками стоимости (в этом состоял серьезнейший шаг в институциализации верхней стоимости, ее возвышающего бытия над непосредственной хозяйственной жизнью, ее господства над нею); далее финансовый капитал, — этот реальный прообраз суперкапитала, о котором мы ранее говорили, — двинулся, соединяясь с государственной институциональностью, на покорение новых стоимостных вершин, подчиняя себе деньги вообще, а вместе с этим и само деньгообразование, чему способствовало крушение золотого стандарта и торжество бумажных и вообще ирреальных денег (о чем это свидетельствовало, догадаться нетрудно: стоимость уже стала подконтрольной в общей своей массе, а не только в ее отдельных потоках); далее, что в общем-то происходило в то же самое время, финансовый капитал, давно уже став транснациональным, а соответственно и трансцендентным, завоевал международную сферу, поставив под контроль взаимоотношения национальных денег (через валютные отношения), а вместе с тем и международные экономические отноше-

ния во всем их разнообразии, как и мировое хозяйство в целом (никакая уже стоимость не ускользала из-под внимания транснационального финансового капитала, слившегося к тому же и с межгосударственными экономическими образованиями); наконец, сложился транснациональный и одновременно трансцендентный суперкапитал, не только контролирующий всю бытующую в мире стоимость всеми возможными и невозможными способами, но и как бы изливающий эту стоимость на мировое хозяйство — управляя ею и всей хозяйственной жизнью, что свидетельствовало уже о совершении новой экономической революции и переходе к собственно неоэкономике.

Мы видим, что историческое развитие стоимости шло не просто по пути усложнения ее бытия, прежде всего характерных для нее отношений и оценок, а по пути усиления в ее бытии верхового начала — надстроечного, производного, суперструктурного, что означало не только более сложную реализацию стоимости, но и перемещение зоны судьбоносных для стоимости и хозяйства решений вверх — от низа к верху. Выходило так, что стоимость все более и более отрывалась от производства стоимости, воспаряла над ним, все более и более устраиваясь в пространстве контроля над стоимостью, ее вменения и перераспределения. Не зона производства стоимости определяла теперь вообще бытие стоимости, а зона надпроизводственного бытия стоимости определяла все более вообще бытие стоимости. Это был действительный переворот в экономике: не низ теперь определял, а верх!

Все это не значило, разумеется, что прекратилось производство стоимости в низах, нет, такое производство, конечно же, не исчезло, но оно осуществлялось теперь уже подконтрольно — с верхов, причем настолько, что стоимостные нижние отношения и оценки, а также стоимостные потоки, оказывались производными от воли верхнего стоимостного эшелона. Возник феномен глобального и трансцендентного (т. е. плохо наблюдаемого, скрытого, во многом и тайного) стоимостного управления производством стоимости, всем ее бытием. Не стоимость теперь зависела от производства благ, от вообще хозяйства, а хозяйство и производство благ зависели от стоимости. Отношения и оценки в низах определялись теперь в верхах. Стоимость определяла стоимость. Стоимость сомкнулась со стоимостью. Возник феномен суперстоимости. Стоимость воистину теперь главенствовала надо всем.

Сначала стоимость сидела в производстве-обмене; затем она вышла за его пределы, оставаясь к нему как бы притягиваемой (находясь, если так можно сказать, в параллельном бытии-полете); потом стоимость пошла круто вверх, закручиваясь в свою собственную бытийно-воспроизводственную спираль, однако питаясь непосредственным производством-обменом; наконец, заняв выгоднейшую позицию верха-центра, обозревая и контролируя все производственно-обменное и надстроечное пространство, стоимость стала воистину определять производство-обмен, как и все вокруг в хозяйственной, да и не только в хозяйственной, жизни. Воспроизводство суперстоимости определяло теперь воспроизводство стоимости вообще и воспроизводство хозяйства и общества в целом (в аспекте управления масштабными процессами).

Можно ли экономику по-прежнему считать капитальной (капиталистической)? Можно, конечно, но этого уже недостаточно. Перед нами другая экономика, а учитывая, что суперкапитал, о котором здесь идет речь, является все-таки на поверхности (относительно ноуменальной стоимости) именно финансовым капиталом, то нашу неоэкономику можно без особой натяжки назвать и финансовой экономикой, а если покороче — финансономикой, или финансомикой.

Разумеется, финансовый признак — не единственный признак неоэкономики, но, надо полагать, главный, ибо он касается самого основного в экономике — реализации стоимости. Стоимость теперь не столько в низах и не столько непосредственно производится микросубъектами, сколько с верхов и сколько, пусть и не очень непосредственно, но все-таки вменяется микросубъектам — нижним производителям стоимости. Производство стоимости не исчезает, она не возникает сама по себе, но производится теперь под опекой как бы верхней стоимости, не столько, быть может, отделившейся от нижней, сколько выделившейся из нее и обретшей функциональную самостоятельность. Все это кажется, конечно же, странным, но это так: обособившаяся наверху стоимость изливается вниз, питая этот низ… стоимостью. Соотношение круто изменилось: без верха низ сегодня ничего не может. Ни тебе денег вообще, ни тебе авансированных капиталов, ни тебе кредитов, ни тебе цен, ни тебе спроса, а соответственно и предложения. Понять эту зависимость низа от верха — понять сегодняшнюю и буду-

щую экономику. Экономика-сверху подминает под себя, а в известной мере и замещает собой экономику-снизу.

Стоимостная власть сверху (или с верха-центра) на практике есть финансовая власть, а ее реализация — финансизм. Последний и представляет собой самый изощренный экономический империализм, а в соединении с глобализмом — экономический ультраимпериализм (как тут ни вспомнить К. Каутского с его тезисом об ультраимпериализме, не оцененным достаточно В.И. Лениным). Мировой финансизм окупается глобальной финансовой рентой, которую вынуждены платить все. Теперь уже не взаимодействующие между собой товаропроизводители, хотя они и остаются, теперь уже не самостоятельные капиталы — с капиталистами и своим наемным трудом, хотя они тоже остаются, теперь неформализованный суперкапитал, который даже и без лица, но которому все служат — не наемно даже, а за саму возможность жить. Не труд теперь только продается, а сама жизнь — и не продается даже, не покупается, «выделяется» (на жизнь, а может, и на нежизнь).

Особенность неоэкономики состоит в том, что стоимость в ней трансцендентно прибывает в реальную хозяйственную жизнь, а прибавочная стоимость из нее трансцендентно убывает (любыми способами: от получения обычных доходов по ценным бумагам и кредитам до финансовых, денежных, валютных, платежных и т. п. кризисов). Деньги более не находятся в достаточной степени в ведении большинства национальных государств, как не находятся в руках национальных агентов капиталы, кредиты, товарные и фондовые инвестиции, доходы, цены и т. д. и т. п. Все это находится в ведении суперкапитала.

Было время, когда экономическая наука могла себя тешить сначала трудовой, а потом и полезностной, теориями стоимости. Все по сути сводилось тогда не к стоимости, а к вещам (предметам и услугам), стоимостью обладающим. Стоимость старались вывести из вещей, идя по следу как раз за ними. То труд в вещах находили, то полезность, что само по себе и реалистично, но… не в отношении к стоимости, ибо она есть все-таки вселяющийся в вещи дух, а не свойство самой вещи. Конечно, понимали и тогда, что им труда никак не поймать, ни полезности никак не схватить, но ведомые научным методом все шли и шли по обозначенному наукой следу, т. е. ис-следовали, но не стоимость как таковую, а лишь то, что стоимость хоть и имеет, но само по себе никак не стоимость. Понимали,

конечно, что стоимость все-таки входит в вещь, но очень хотелось ее измерить чем-нибудь нестоимостным, но вроде бы саму стоимость и субстанциально составляющим. И ответа вразумительного, конечно же, не дали и дать не могли, ибо стоимость — это та еще «штучка», она сама измеряет (т. е. меру стоимостную всему дает), но при этом сама же не измеряется (т. е. не имеет внешней субстанциальной меры). Будучи субстанцией, стоимость в то же время несубстанциальна, т. е. она сама себе субстанция, но никак не субстанция… от чего-либо другого (все равно чего: труда, абстрактного труда, общественно-необходимого труда, полезности, предельной полезности…). В субстанциальном плане стоимость вовсе не вторична — от какой-либо внешней субстанции, а первична. Первична она и в оценках — конкретных товаров, хотя и считается с тем, в какой же товар она вселяется. Если на рождение товара уже была затрачена стоимость (факторов производства), то, конечно же, стоимость рожденного товара будет с этим считаться, хотя и не жестко, как будет она считаться, к примеру, и с качеством товара, и с его редкостью, и с другими характерными моментами).

Стоимость — тайна, поэтому мы и называем ее трансцендентной (даже трансцендентальной). И эту тайну надо сознавать, оставляя стоимости стоимостово, а человеку — человеково. Не надо относиться к стоимости как к механизму, который можно разложить на части и все сразу же разузнать о его работе; стоимость принципиально не механистична и не раскладываема, она не только всегда целостна, но и в целом от исследователя сокрыта. Заметим попутно, что это вывод вовсе не экономической теории, которая, разочаровавшись в разложении стоимости и ее познании, ухитрилась в конце концов вообще выбросить понятие стоимости из своего арсенала, а вывод философии хозяйства, для которой трансцендентность, как и неразложимая целостность, — совсем не пустой звук; философия хозяйства видит стоимость, но и замечает при этом ее трансцендентность, а потому не ставит перед собой никаких препарационных относительно нее задач; не стремится философия хозяйства и рассчитывать что-либо в экономике, заменяя стоимость: ценообразование — дело в конечном итоге самого трансцендентного стоимостного процесса. Никакими затратами труда и никакими полезностями величин цен не объяснить, ибо вовсе не они «мерят» цены, а как раз цены их и «мерят» — в ценах, разумеется.

Если быть откровенными, то вынужден заметить, что уже весьма надоело разъяснять одно и то же: что феномен стоимости есть; что его нельзя игнорировать; что стоимость есть экономика, а экономика есть стоимость; что стоимость познаваема как трансцендентная целостность (как музыка, идущая изнутри); что стоимость никак не материальна, хотя и вселяется в материальные вещи, а если и материальна, то по-особому: невидимо, неощущаемо, нефиксируемо; что стоимость триипостасна: она есть одновременно субстанция (нематериальная), отношение и оценка; что стоимость никем и ничем, как и с помощью чего-либо в нее извне входящего (труда, полезности), не измеряется, что измеряет она — и себя, и все вокруг, вступающее в экономический оборот; что любое измеренческое суждение будет заведомо неполным, ибо всегда останется что-то, что непременно ускользнет изпод внимания рассчитывающего (стоимостное измерение поэтому трансцендентно); что стоимость не только посредник, но и господин, что она не только споспешествует, но и управляет; что стоимость — специфический хозяйствующий субъект; что самой стоимостью можно управлять, а через нее и всем хозяйственным миром; что наилучшим (сложным, суперорганизационным, тайным) способом извлечения прибавочного продукта является стоимостной механизм; что ныне все вокруг подконтрольно стоимости, а сама стоимость подконтрольна суперстоимости, т. е. стоимости в стоимости, владеющей верхом-центром, что суперстоимость — это тоже самовозрастающая стоимость, а суперкапитал — агент бытия и самовозрастания суперстоимости (со своим, своеобразным, конечно, круговоротом), и т. д. и т. п.

Никто, или почти никто, не хочет над этим серьезно задуматься, возбудить воображение, заметить то, что не перед носом. Или полное безразличие к стоимости, или же труд, полезность — полезность, труд, а то еще и энергия, информация — информация, энергия… и так до бесконечности. Всем «сторонникам» стоимости, сводящим, однако, стоимость лишь к оценке, очень хочется все самим рассчитать, т. е., с одной стороны — выполнить работу за стоимость, а с другой — ее тем самым и упразднить. Так вот, стоимость на то и стоимость, чтобы все рассчитывать самостоятельно, чтобы в итоге от людей до конца не зависеть (участие людей-рассчетчиков в самом экономическом процессе сути дела тут не меняет, ибо все эти

люди лишь участники глобального расчета, но не его окончательные вершители: процесс вершится в конечном итоге сам).

Упразднить стоимость можно, но тогда чем ее заменить? Стоимость может быть упразднена, но вместе, увы, с экономикой. Возможно, когда-нибудь это и произойдет, но пока на улице экономика и стоимость, а потому оставим стоимости стоимостово и не будем нарочито изгонять ее из хозяйственной жизни. Что касается требований все новых и новых аргументаций в пользу в общем-то видимого, но как-то упорно не замечаемого, т. е. стоимости и ее метанаучного понимания, то это лишено всяких разумных оснований, ибо это требования, — тут приходится заранее извиниться, — слепого к зрячему, а что может зрячий объяснить слепому, к тому же добровольно и радостно себя ослепляющему? Ничего! На этом мы, пожалуй, с данной репликой покончим: желающий видеть да увидит, желающий не видеть, ничего, конечно же, не увидит. Каждому свое!

Экономическая наука может сегодня торжествовать, нет, не по поводу очередной победы, вовсе нет, а в связи с открывающимися новыми возможностями для ис-след-ований, что фактически то же самое — для рас-след-ований, а то и прямотаки для следо-пытств. Наука вновь берет новый след — теперь от компьютеров, информатики и Интернета. Революция! Вот, где просторы, вот, где новизна, вот, где факты! Сплошной восторг! Праздник!

Наступает информатизационная цивилизация, или, покороче, информцивилизация. Факт. Никто с этим не спорит: была эпоха каменная, потом — металлическая, теперь вот уже и пластмассовая (за чем обнаруживаются сразу и «пластичность», и «массы», как и пластичные массы и массовая пластичность, — а чуть по-другому: гуманизм, PR-демократия и глобализм). Пластмассовая — значит и информационная. Теперь все в пластмассовом ящике и из пластмассового ящика. Экран. Показывающий что-то — ирреальность и от чего-то отделяющий — от реальности. За экраном — виртуальность, однако не сопряженная органично с реальностью, а ее вовсе и не органично («синтетично», пластмассово) во многом и заменяющая. Теперь надо жить (жить ли?) там, в ящичной виртуальности: хочешь хозяйствовать — в ящик, хочешь экономики — туда же… Эта-то виртуальная, внутриящичная и изъящичная, пластмассовая экономика, обозначенная «передовой» наукой как информацион-

ная, и является как раз, по мысли этой же «передовой», естественно, западной науки, неоэкономикой.

Почему нет? Разные мифы создает наука о реальности, пусть будет и такой — неоэкономический. Почему же миф? А потому что всю богатую реальность наука вновь будет стараться по своему обыкновению впихнуть в частное — поверхностное и однобокое — прокрустово ложе вдруг открывающегося, но неизбежно ограниченного, дискурса. Всю реальность этим вновь открытым дискурсом ей не покрыть, даже если дискурс этот и пласт-массовый, т. е. пластичный и массовый одновременно. Лишь очередной тощий и неуклюжий миф может появиться, от которого науке вскорости самой тошно и станет.

Что может произойти с экономикой, а в чем-то уже и происходит, в связи с информфактором?

Дело тут, конечно, не только и не столько в образовании большого производственного и потребительского информсектора, хотя это и важно, сколько, с одной стороны, в изменении механизма функционирования экономики, а с другой — в возможности некоторых существенных подвижек в самом существе экономики. Великий объем и небывалая скорость обработки и передачи информации в неограниченном планетарном масштабе, — это, прямо скажем, не шутки. И впрямь перед нами разворачивается торопливо другая экономика.

Какая же?

Хороший вопрос и нужный вопрос. Да вот как на него поудовлетворительнее ответить? А делать нечего, надо как-то отвечать, задавшись, по-видимому, уже другим, не менее замысловатым, вопросом: на что же в конечном счете работает в системе экономики расцветающий информфактор?

Да, правильно, надо начинать и заканчивать со стоимости и стоимостью. Но подобраться к ней можно лишь, разобравшись сначала с деньгами, а затем уже с капиталом, кредитом, ценными бумагами и всеми другими экономическими вещами. Мы могли бы, конечно, начать с товарообмена, склонив свою буйную постиндустриальную голову перед классикой, но… что бы мы увидели, кроме возрастания скорости и обезграничивания пространства товарообмена, новой структурной перестройки мирового хозяйства? Это важно вообще для хозяйственной жизни, но не для понимания сути происходящего, ибо суть… да, да… именно там — в стоимости и во всей обрамляющей ее экономической системе. А ближайший путь к стоимости сего-

дня — через деньги, которые давно уже — не один из реальных товаров, хотя и товарны они по своей природе, которые уже не выходят из товарообмена и его обслуживают, а давно уже входят в товарообмен и его определяют, которые давно не являются уже лишь элементами помимо-них-реальности, а оказываются моментами создаваемой ими же реальности, которые давно уже не столько оцениваются неденежными товарами и их субъектами, сколько сами оценивают эти товары и этих субъектов, которые давно уже не собираются снизу и потом льются сверху, а сначала выливаются с верха и потом уже подбираются с низа. Деньги сегодня — не классические вовсе деньги. Это не возникающие объективно, а создающиеся субъективно деньги, что не говорит о каком-то безграничном субъективном произволе в денежном вопросе, но что произвола субъективного вовсе и не исключает. Владение деньгами, их образованием и их потоками — самое важное в современной (либеральной?) экономике. Не землей сегодня надо непосредственно владеть, не средствами производства, не трудом, даже не знаниями, а… деньгами, владение которыми обеспечивает и владение всем остальным в экономизированном (т. е. купле-продажном) смысле. Все решительно изменилось, все перевернулось! Человечество и не заметило, как уже оказалось в новой, по сути, экономике — в неоэкономике.

Какие же дивные запахи чуются нам из чарующе пахнущей денежной кухни, на которой уже в дело пошел наш блеющий звонко агнец-информфактор? Предположить, что он — этот агнец — взорвет вдруг, как усатый террорист, эту самую кухню, конечно, можно, но… каким тогда образом сможет этот террорист — в случае везения — хотя бы убраться восвояси… без денег, без бензина, без жратвы? Но может быть, наш агнец-террорист взорвет только эту денежную систему (сожжет, скажем, лишь скверную поварскую книгу), а затем появится, — надо полагать, достаточно быстро, — другая, уже хорошая, отвечающая всем «законам» трудовой или полезностной теории стоимости денежная система (новая, уже правильная, поварская книга)? И такое предположить можно… если, разумеется, принять наших денежных поваров за безмятежных идиотов. А они, эти повара, совсем даже и не идиоты, — и прекрасно могут управиться с попавшим в их руки агнцем. Да и агнец ли это? Уж не блюдо ли готовое перед нами, приготовленное в виде

агнца для щедрого угощения жадной до новизны общественности… может, и не на денежной, но близкой к денежной, кухне?

Вопросы, вопросы?..

Более вероятным представляется все-таки вовлечение информфактора в лоно денег и стоимости, чем их — денег и стоимости — упразднение или существенный подрыв с помощью этого фактора; более вероятным представляется эффективное использование информфактора в интересах господствующей уже денежно-стоимостной власти, чем упразднение или существенный подрыв этой власти. Информфактор способен сыграть выдающуюся роль в развитии уже в общем-то возникшей неоэкономики, настолько выдающуюся, что завтра мы экономики уже и не узнаем (будем мучиться от отсутствия необходимого дискурса, либо погрузимся в надуманные и неразрешимые дискурсивные противо-речия — к выгоде диссертантов). Нет, не свежий запах победы над скверной денежной системой почуется нам из мировой денежной кухни, ибо его там и быть не может, а тлетворный запах от рождения нового мирового денежного чудовища, который только и может там объявиться — где молодо, там и тленно!

Утверждение электронных денег и электронного экономического счета, как и возможность привлечения и обработки колоссальных массивов информации, ее быстрого и повсеместного (повсюду и сразу) распространения, а также сцепления всех без исключения действующих лиц экономического низа в некую электронную совокупность, из которой они не могут выходить по определению, как и, наоборот, контроль верха-центра над необходимой для управления низом информацией в сочетании с властью над деньгами и с распространением по электронной системе управляющих импульсов и побуждений, может привести к возникновению вполне тоталиризированной электронной экономики, или электрономики. Конечно, не все тут просто, но почему же нам не исходить из данного предположения как хотя бы наиболее вероятного, — печется-то электронный пирожок все на той же кухне — неоэкономической? Да и стоимость по своей природе (идеально-трансцендентной) не слишком этому противоречит. Давно уже пора расстаться с убеждением, что стоимость возникает благодаря исключительно непосредственным товарообменным отношениям («товар — товар»), ибо последние давно уже подчинены иным стоимостно-образующим отношениям, которые есть уже даже не отно-

шения «товар — деньги» (снизу вверх), а отношения «деньги — товар» (сверху вниз). Деньги теперь — не итог, а начало. А электронные деньги — тем более.

Вот говорят, что сейчас воцарится чуть ли не полная электронная демократия (Интернет, доступ к информации и т. д.). Но, во-первых, откуда нашим демократам денег-то взять, если деньги все электронные и на карточках; во-вторых, как им обойтись без денег, т. е. без соответствующих (общих) оценок и разрешительных (разрешенных или разрешающих) расчетов; в-третьих, где и как они возьмут всю необходимую для судьбоносного хозяйствования информацию? Нам кажется, что электрономика будет еще более тайной экономикой, чем она является сейчас. Вообще неоэкономика — тайномика, — и с этим, думается, надо в первую очередь считаться. Демократия останется — как остаток, но, во-первых, для профанов, во-вторых, для наивных, — да и то лишь останется как управляемая демократия.

И если электрономике, т. е. вполне развитой неоэкономике, суждено не состояться либо состояться и вскорости погибнуть, то не по причине электронной демократии, как и не по причине электронного разбоя. Это может произойти из-за… самой электрономики, так как либо она сама себя вообще не выдержит (мы имеем в виду, конечно, глобальную — на весь земной шар — электрономику), либо усилия по ее реализации будут превышать допустимые любой эффективностью пределы. Тотальная (в планетарном масштабе) неоэкономика может не состояться и вследствие борьбы больших социохозяйственных пространств-структур против глобализации вообще и электронного тоталитаризма в частности. Такое возможно, но это обусловлено уже не экономической исторической логикой: тут начинает брезжить призрак даже и постэкономики.

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

Основания и смысловые контуры неоэкономики (Философия хозяйства. 2001. № 3)

Неоэкономика (новая экономика) — это экономика, основанная на глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь экономический атлас мира гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые

экономические отношения, в которых производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи.

Концептуальные основания и механизм реализации этого строя наукой еще не разработаны, хотя есть понимание того, что новая экономика — это особый экономический строй, который базируется: 1) на трансформации знаний в финансовые и управленческие инновации и формирование на этой основе глобального контроля над деньгами и их потоками (глобального монетаризма); 2) на глобальном контроле над инновациями с целью концентрации знаний в высокоразвитых странах; 3) на особого рода глобальных рентах — интеллектуальной и финансовой; 4) на особого рода хозяйственных сетях, посредством которых реализуются глобальные ренты.

Попыток объяснения феномена неоэкономики предпринималось много, но очертить контуры этого типа хозяйственного миропорядка стало возможным лишь во второй половине 90-х гг. XX в., после мирового финансового кризиса. Принято считать, что основоположником исследования этого феномена является Д. Белл (его основные работы по теории постиндустриального общества широко обсуждались в советской науке). В 80-е и особенно в 90-е гг. западной экономической наукой был расширен спектр исследований данного направления в работах Л. Туроу, Ф. Фукуямы, М. Кастельса, П. Дракера, Э. Бриньолфсона, Л. Кин, Ш. Янг, Э. Макафи, А. Тоффлера и Х. Тоффлера, Б. Гейтса. Усилиями этих и ряда других западных ученых был заложен солидный фундамент теории новой экономики. Заметен также вклад российского ученого В.Л. Иноземцева и его последователей в основном в русле идей постиндустриального общества.

Мировой финансовый кризис 1997—1998 гг., до основания потрясший мировое хозяйство, был глобальным взрывом деструктивного потенциала финансового капитала. Стало ясно, что глобальная финансово-информационная система полностью вышла из под контроля правительств. Человечество больше уже не могло уклоняться от выбора: либо продолжать сползание к эсхатологическому концу экономики, либо развернуть вектор эволюции мирового хозяйства в позитивное направление. Сегодня можно утверждать: позитивное начало одержало победу и ростки новой экономики, которые все заметнее пробивались с начала 90-х гг., сегодня сформировались в устойчивые тенденции.

Информационная составляющая, которая в течение последней четверти СС в. была технологической служанкой мировых финансов, после мирового финансового кризиса перешла на службу владельцам метатехнологии[2], включившись в глобальную информационно-предпринимательскую систему. Это был качественный переход производительных сил из одного состояния в другое. Качественно отличное привнесли хозяйственные (предпринимательские) сети, разместившиеся в глобальной электронной паутине — Интернете.

О зарождении предпринимательских сетей в недрах геофинансовой экономики как несущей конструкции новой экономики, написано уже много [1—3], состоялись и защиты диссертаций по этой проблематике. В начальный период после рождения Интернета[3] предпринимательские сети заявили о себе как о самостоятельном субъекте мирового хозяйства в форме виртуальных корпораций, неподконтрольных даже ТНК. Главным конкурентным преимуществом этих сетей являлись низкие трансакционные издержки как результат организации бизнеса, основанного на доверии. В тот период такие сети многие называли нравственными сетями. Но после финансового кризиса все переменилось.

О существовании виртуальных корпораций знала не только экономическая наука, за ними внимательно следили и ТНК. Когда выгоды от спекулятивных операций финансового

---

[2] Метатехнологии — это последние поколения технологий (последние программные комплексы «Майкрософт», новейшие сетевые программные комплексы и др.), которые открывают их создателям принципиальный путь к тотальному контролю мирового хозяйства. Метатехнологии являются логическим завершением процесса: в обмен на доступ к качественно большей эффективности субъект рынка сознательно или (как правило) бессознательно отдает не только деньги, но и потенциальную возможность тотального и оперативного контроля за своей деятельностью, а также произвольного и многообразного воздействия на нее.

[3] Современный Интернет обязан своим появлением компьютерной системе «Арпанет», разработанной в конце 60-х гг. в одном из военных ведомств США (ARPA — Advanced Recearch Project Agency). Собственно Интернет появился совсем недавно — в 1990 г. — благодаря швейцарскому ученому Тиму Бэрнерсу Ли, который создал взаимосвязанную систему между несколькими компьютерами. Кстати, в том же году «Арпанет» прекратил свое существование. В 1991 г. был предложен первый сервер World Wide Web (WWW), и с этого момента началось построение мировых компьютерных сетей [2, 216].

капитала растаяли, ТНК взялись за предпринимательские сети. Потеряв одно конкурентное преимущество, ТНК решили восполнить потерю другим — экономией на трансакционных издержках. За два года после финансового кризиса ТНК удалось включить в орбиту своего влияния основные виртуальные сети. Особенно бурно шел процесс поглощения ТНК инновационных и электронных фирм. Сопротивлявшиеся были разорены. Это не просто новая волна поглощений, а качественно новых поглощений, знаменовавших начало мировой трансакционной революции.

Победа над автономными производственными сетями досталась ТНК дорогой ценой, она поглотила громадные массы финансового капитала. Такое стало возможным в результате финансового кризиса. Специфика этого кризиса в том, что он не выражался только в потерях, а в том, что общий его результат равен нулю: потери, которые понесли одни страны, были трансформированы в огромные доходы, которые получили совсем другие страны и США прежде всего. Именно США смогли сконцентрировать у себя подавляющую часть потерь от мирового финансового кризиса. Однако, поскольку традиционное приложение спекулятивного капитала уже не давало прежней отдачи, прекратились атаки инвестиционных фондов на национальные финансовые рынки стран периферии[4], ТНК приступили к переориентации свободных потоков денежных средств на средства и технологии электронного управления бизнесом.

Наиболее отчетливо переход американской экономики на новую модель показало смещение инвестиционной привлекательности с индекса Наздак к индексу Доу—Джонса, несмотря на то, что значения обоих индексов существенно снизились. Эта смена приоритетов в финансово-экономических индикаторах означала победу традиционных корпораций, которыми и представлен индекс Доу—Джонса, над виртуальными. Падение ведущих биржевых индексов мира есть естественная реакция экономики на глубинные перемены в ее недрах. Вот почему это

[4] Вот чем объясняется активизация борьбы стран золотого миллиарда с оффшорными зонами после мирового финансового кризиса. Именно они выступали в качестве пусковой площадки, с которой наносился удар по финансовым рынкам. Прекратились эти атаки, и оффшоры стали ненужными, даже опасными для самих стран золотого миллиарда, поскольку они не поддаются включению в сети.

падение не вызвало паники в США, но наделало много шума в России.

Перенаправив громадные потоки короткого финансового капитала на захват виртуальных корпораций и овладев их бизнесом и новейшими информационными технологиями, ТНК начали быстро получать отдачу от своих вложений на экономии трансакционных издержек и, прежде всего, издержек контроля. Перенаправление короткого финансового капитала символизировало качественные перемены в самом капитале, спекулятивный капитал стал превращаться в самый обыкновенный производительный. Ясно, что одно только перенаправление потоков финансового капитала не могло изменить его сущность. Однако к этому периоду в недрах производительных сил созрели и другие важные предпосылки.

Именно в 90-е гг. в мире стремительно нарастал технологический разрыв между развитыми и развивающимися странами, к которым справедливо относится и новая Россия. Обвал российского финансового рынка в августе 1998 г., на который американский рынок практически не отреагировал, символизировал о совершенно разном воздействии горячего спекулятивного капитала на национальные хозяйства. Скорость развития информационных технологий качественно выше, чем обычных, поэтому они оказываются единственным видом существующих в настоящее время технологий, по отношению к которым «короткий», спекулятивный капитал оказывается нормальным производительным. Их технологический цикл настолько мал, что вполне соответствует скорости обращения финансового капитала. Вот главная причина модификации финансового капитала в условиях неоэкономики.

Фундаментальную роль в коренном изменении производительных сил сыграл феномен соединения труда физического и интеллектуального в одном человеке. Материальной субстанцией стоимости становится товар-знание. Речь идет об эволюции фактора труда, его трансформации из товара рабочая сила в товар-интеллект. Другими словами, интеллектуальный труд, который до сего времени считался общественным благом, становится частной собственностью. Пока сложно оценить столь глубокую модификацию фактора труда. Возможно, это очередная западня глобализаци. Но нельзя не признать того факта, что в последние годы США, как пылесос, втягивает в себя интел-

лект всего мира, достигнув невиданной концентрации интеллекта на своей территории.

В свою очередь товар-знание требует особых технологий управления — инновационного менеджмента. По существу, в управлении бизнесом в неоэкономике происходит глубинная трансформация, вызванная преобразованием функциональной стороны менеджмента с финансового на симбиоз инновационного и финансового. Смысл этой трансформации в том, что привычное финансирование нововведений методом венчурного финансирования специальными венчурными фирмами и фондами переходит непосредственно в ТНК, но под контролем глобальных финансовых сетей.

Трансформация менеджмента неизбежно ведет к изменению самой логики ведения бизнеса и внутренней структуры фирмы, или, по меткому выражению М. Кастельса, к такой логике организации бизнеса, в которой власть структуры оказалась сильнее структуры власти (структуры капитала). В бизнесе происходит вычленение его сердцевины, представленной:

• финансами, а вернее финансовым потенциалом компании — своими ресурсами либо свободным доступом на рынки капитала за счет обладания высоким финансовым рейтингом;

• главными технологиями, прежде всего метатехнологиями;

• научными исследованиями и разработками;

• логистикой контроля бизнеса на основе электронного управления во всех секторах: B2B, B2C, B2E.

Обладание такой сердцевиной в условиях неоэкономики открывает фирме путь к тотальному контролю бизнеса, поскольку к такой сердцевине, как к магниту, притягиваются недостающие звенья завершенного бизнеса. Центральная роль в этой сердцевине отводится системным аналитикам. Они и представляют «мозговые центры» глобальных сетей. Ясно, что для компаний стран периферии именно этот блок управления недоступен. А недоступен потому, что консалтинг в неоэкономике логично встраивается в новую структуру экономической власти. Вот почему крупнейшие западные консалтинговые компании пристроились к нашим ведущим корпорациям и ведут откровенный промышленный шпионаж, который стал уже неотъемлемым атрибутом глобального тотального контроля странами золотого миллиарда национальных хозяйств стран периферии. Вот почему все титулованные консалтинговые,

рейтинговые, аудиторские компании принадлежат именно этим странам.

Современная американская экономика, основанная на сложении миллионов интеллектов, сделала качественно новый шаг в эволюции хозяйства, а значит и к качественно новому типу экономического равновесия в национальном хозяйстве, подчинив требованиям равновесия считавшийся до недавнего времени исчадием экономической нестабильности спекулятивный капитал национального финансового рынка. В реальном мире это привело к тому, что спекулятивный финансовый капитал делает находящихся на одном полюсе технологического разрыва еще более сильными, оказавшиеся национальные хозяйства на другом полюсе разрыва еще более слабыми. Иными словами, с вступлением мирового хозяйства в эпоху неоэкономики еще глубже обозначился водораздел между национальными хозяйствами по уровню финансово-экономического равновесия.

Качественные перемены в производительных силах и в самой логике организации бизнеса привели к глубинным изменениям в экономических отношениях. Новая экономика — это экономика, основанная на связях. В ней связь поглощает отношение. Связь есть производственное отношение, в котором в основном согласованы противоречия. Именно на этом зиждется новая форма эффекта — экономия на трансакционных издержках. М. Кастельс блистательно сформулировал эти перемены: «Если капиталистические производственные отношения попрежнему сохраняются, то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое время повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей» [4, 502]. Согласовать все противоречия, конечно же, не удается, но многое стало возможным. Видимо это обстоятельство позволило М. Кастельсу поставить жесткий вердикт: «На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде больше не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет воз-

можность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия» [4, 503].

Последняя фраза Кастельса имеет фундаментальное значение. Как честный ученый он дал понять, что глубинное противоречие новой экономики — это противоречие между этносами. Ведь сеть — это не система взаимодействия равноправных партнеров, а жестко иерархичная система, включающая тех, кто формирует формат сети, и тех, кому в нее дозволяется войти, или тех, кто обладает сердцевиной бизнеса, и тех, кто сеть дополняет до завершенной формы. Первые занимают верхний этаж иерархии и представляют страны золотого миллиарда. Они устанавливают не только формат, но и режим функционирования всей сети: сайт, интерфейс и порядок их работы. Это и есть основной источник ренты, плательщиком которой выступает население остального мира. Единственной помехой такой сети выступают культурные ценности народов стран периферии, а проще — национальные обычаи и традиции этих народов. Именно они и станут в неоэкономике главной причиной столкновений целых народов.

Приведенные явления и процессы коренным образом изменили облик мирового хозяйства и вывели на историческую сцену новый мирохозяйственный порядок — неоэкономику. Однако теоретический инструментарий, с помощью которого можно было бы объяснить смысл перехода к неоэкономике, пока удовлетворительно не разработан, как и нет достаточно целостного обобщающего представления о неоэкономике. Смысловые контуры новой экономики с определенной долей сомнений укладываются в следующие тезисы:

• знания непосредственно трансформируются в капитал, в результате капитал-собственность размывается, а бремя ответственности переходит к носителю знаний;

• возвышение роли капитала-функции качественно меняет содержание менеджмента, ослабляя его эксплуататорские

аспекты; от эксплуататора акцент в отношениях смещается к эксплуатанту;

• высшей ступенью эволюции оргструктур бизнеса становится сеть, организованная в виртуальную корпорацию с ядром в ТНК;

• в балансе этики и права как базовых регуляторов экономических взаимоотношений право начинает уступать свое легитимное первенство этике, открывая магистральный путь снижения трансакционных издержек;

• классические формы доходов модифицируются, на авансцену выходят интеллектуальная и финансовая ренты, с помощью которых осуществляются перераспределение и присвоение части мирового дохода;

• фундаментальное противоречие между финансовой и этической экономией рождает новую общественную форму — неоэкономику, в которой это же по сути противоречие лишь сильнее вуалируется, опускается на большую глубину, но не устраняется;

• принципы рыночной экономики, на которых выстроено все современное здание западной экономической науки, разрушаются, но это диалектическое отрицание, не ведущее к гибели капитала;

• зарождается и усиливается новая форма проявления отношений между трудом и капиталом — неопределенные в пространстве и времени связи между разобщенным трудом[5] и в высшей степени отмобилизованным капиталом;

• усиливающаяся глобализация всех видов бизнеса становится имманентным фактором, определяющим облик как национального, так и мирового хозяйства.

---

[5] А как обстоят дела в России? Что на этот счет говорят российские социологи? Где их исследования о тотальном разобщении трудового потенциала России за годы реформ? Что случилось с городским населением и каков удельный вес в нем челноков, лоточников, бомжей, проституток — отпетых индивидуалов? Что произошло с сельскими тружениками? За счет чего они кормят свои семьи? Каков удельный вес реальных единоличников в современной деревне? Если российские социологи дадут ответы хотя бы на эти вопросы, это поразит воображение людей в здравом рассудке. Реформаторы сделали все возможное, чтобы активную часть населения России перевести в режим бытия «каждый сам по себе». Лишив себя соборности, мы своими же руками убили иммунитет противостояния Западу.

Рис. 1. Морфологическая схема неоэкономики

Совершенно очевидно, что не раскрыв атрибутов неоэкономики, невозможно сформулировать парадигму современной

научной экономии. С большой долей условности контуры новой экономики и ее атрибуты можно выразить следующей морфологической схемой (рис. 1).

В неоэкономике время превратилось в фундаментальный фактор (аргумент) в модели общего экономического равновесия. Высокая частота колебаний как характеристика реактивных денег в геофинансовой экономике интерпретировалась нами через фактор времени — короткие сроки оборота спекулятивного капитала. Однако частота смены технологий в неоэкономике тоже сокращается, поэтому в развитых странах реактивные деньги все больше принимают смысл производительного капитала. Изменение экономической сущности фактора времени как основы деления капитала на постоянный (срок более года) и переменный (срок менее года) привело к необходимости пересмотра содержания самой основы стоимости, а, значит, и цены, и издержек. За этим стоит изменение принципов разделения затрат на капитальные и текущие. Исследователи Массачусетского технологического института в последние годы пришли в выводу: на программное обеспечение и компьютерное оборудование приходится примерно 10% от общей суммы действительных инвестиций корпорации в информационные технологии; значительно большие суммы приходится инвестировать в новые технологии, новые продукты, подготовку кадров, но в отчетности такие расходы отражаются не как инвестиции, а как текущие затраты [5, 94].

Модификация стоимости и издержек проявляется прежде всего в изменении сущности расходов на взаимодействие или сохранение стоимости. В структуре издержек традиционной экономики, если их разделить на расходы на преобразование факторов бизнеса для получения конечного продукта (производственные расходы) и расходы на согласование или трансакционные издержки (затраты на поиск информации, координация взаимодействия как внутри фирмы, так и за ее пределами, обмен данными, контроль эффективности взаимодействия), к концу СС в. наступил паритет. Апофеозом эпохи индустриального общества стало радикальное сокращение производственных издержек. Но стремление к получению дополнительных выгод от масштаба производства неуклонно вело к нарастанию трансакционных издержек. В результате в общих издержках трансакционные достигли в банковской сфере 65—70%, а в целом в экономике США 50% [6, 4].

Стремительный рост трансакционных издержек в эпоху геофинансовой экономики вел мировое хозяйство в тупик. Эффективность мирового хозяйства заметно снижалась. Создавалось впечатление, что мир забыл о теореме Коуза. Но она работала, только уже не по отношению к абстрактной фирме, а ТНК. Напротив, в ТНК наблюдался небывалый рост производительности труда. Столь противоречивые процессы требуют ответа на вопрос: как взаимосвязаны трансакционные издержки и производительность труда? Перефразируя известное определение Ф. Энгельса, можно сказать: производительность труда в том и заключалась, что доля традиционных издержек в стоимости товара снижалась, доля трансакционных увеличивалась, но увеличивалась так, что общие затраты, заключенные в стоимости товара, уменьшались.

Наступление неоиндустриального общества связано с радикальным сокращением трансакционных издержек. Достигается это благодаря устранению географических, отраслевых и корпоративных препятствий к экономической интеграции. Успех был подготовлен предшествующим периодом бурного развития компьютеризации бизнеса и сетевого программного обеспечения, либерализации рынков, повышению мобильности капитала, введению единых стандартов качества, финансового учета и др., признанием английского языка в качестве общепризнанного языка делового общения. Наступила эпоха триумфа теоремы Коуза. Радикальное снижение трансакционных издержек открыло огромные возможности роста производительности труда в сетевых структурах.

Неоэкономика дала новый импульс снижению не только трансакционных, но и традиционных издержек: издержек хранения запасов, но главное — издержек тиражирования. Ясно, что издержки на производство одного и десяти тракторов различаются примерно в 10 раз, но издержки на тиражирование программного комплекса минимальны. Они не в прямой, а скорее в обратно пропорциональной зависимости к издержкам на производство самого объекта тиражирования.

Что же ждет Россию в неоэкономике? Для России, до сих пор не имеющей стратегии экономического развития, критически важное значение имеет осознание главного вектора в эволюции мирового хозяйства. Лишь в этом случае Россия получит шанс встроиться в мировой хозяйственный процесс как великая держава.

Из предыдущих рассуждений следует, что у современной России, имеющей огромный исторический опыт ведения хозяйства на основе эффективного (хотя и не без принуждения) соединения труда физического и труда интеллектуального в одном человеке, велик шанс занять лидирующие позиции в неоэкономике. Но это только на первый взгляд. Успех в неоэкономике, которая выросла из недр экономики, основанной на капитале, обусловлен успехом в оперировании капиталом. Но этого-то и нет в новой России. Именно поэтому не развито в новой России венчурное финансирование, из которого только и может вырасти инновационный менеджмент в частном секторе.

В условиях неоэкономики любой фирме для сохранения конкурентоспособности на глобальном рынке необходимо быть по сути лучшей в мире. При общем снижении трансакционных издержек успех в конкурентной борьбе одержит тот, у кого ниже производственные издержки. В России они в 2 раза выше, чем в Европе и в 2,5—3 раза выше, чем в США. Это значит, что российские фирмы за редким исключением в неоэкономике попросту неконкурентоспособны. Такова цена за технологический разрыв, привнесенный ельцинскими реформами. Возможно, наши фирмы захотят купить новейшие технологии за границей, поскольку, как утверждают некоторые реформаторы, теперь доступно все. Однако в это мало верится, да и денег на покупку нет. Маршруты финансовых потоков основных российских компаний четко вписаны в глобальные финансовые сети, мозговые центры управления которыми расположены, конечно же, в странах золотого миллиарда.

Однако дело не только в деньгах. России не привыкать к убыткам, наносимым ей Западом веками. В данном случае основная угроза российскому бизнесу и России как таковой идет со стороны английского языка. Становление английского языка как всеобщего языка делового общения на планете дает неоспоримые преимущества США и Англии в неоэкономике. Язык — это не только носитель знаний, а сгусток знаний любой нации, поэтому родной язык в деловом общении — это добавленное знание, которое трансформируется в особую языковую ренту как разновидность интеллектуальной ренты.

Мир давно живет в эпоху рент, но такого их разгула мир еще не знал. Вновь актуальным становится известное высказывание Дж. Кейнса: «Если мир после нескольких тысячелетий беспрерывных индивидуальных сбережений так беден в отно-

шении накопленных капитальных активов, то это следует объяснять, на мой взгляд, не расточительными наклонностями, свойственными человечеству, и даже не разрушениями от войн, а высокими премиями за ликвидность, прежде причитавшимися собственности на землю, а теперь достающимися деньгам». Такую экономику Кейнс называл денежной экономикой. С тех пор прошло больше полувека, но нарастание значимости рент лишь усиливалось. Сегодня мы являемся свидетелями рождения системы тотального контроля мирового дохода и его распределения посредством интеллектуальной и финансовой рент.

Любые ренты оказывают угнетающее воздействие на экономику. Однако факторов, снижающих эффективность мирового хозяйства, в условиях неоэкономики значительно больше. Вот некоторые из них:

• с переходом интеллекта из общественной собственности в частную неминуемы потери части интеллектуального потенциала планеты;

• тотальная приватизация интеллектуальной собственности ведет к широкомасштабному патентованию нематериальных активов, выступающему мощным детонатором роста мировых цен на все традиционные товары и услуги; рост мировых цен ведет к дальнейшему обнищанию стран периферии и сказочному обогащению стран золотого миллиарда;

• каждая новая рента все сильнее угнетает реальный сектор экономики: от шальных денег в форме финансовой ренты страны золотого миллиарда переходят к шальным деньгам в форме интеллектуальной ренты;

• перекошенность макроэкономичских параметров в странах периферии не оставляет надежд на эффективное управление национальным хозяйством на основе традиционного научного знания, что делает страны периферии беззащитными плательщиками дани странам золотого миллиарда;

• в результате отсечения интеллекта из традиционных компаний стран периферии они становятся принципиально неконкурентоспособными со всеми вытекающими из этого последствиями.

Последнее обстоятельство играет в современной России фундаментальную роль. Известно, что поиск оптимального пути развития бизнеса всегда сопряжен с издержками. Жизнь показывает, если службы маркетинга и логистики выполняются внешними консалтинговыми компаниями, то это всегда очень

дорого и непостоянно. Отсюда вытекает принципиальная неприемлемость позиции ряда отечественных ученых, склоняющих российскую фирму к передаче решений проблем логистики и маркетинга самостоятельным компаниям.

Но главная опасность, которую несут российской экономике новоявленные отечественные маркетологи и логистики, замалчивается. Дело в том, что вынося интеллектуальный труд за границы фирмы под предлогом объективного процесса размывания границ фирмы и сосредоточивая этот труд в самостоятельных консалтинговых и подобных компаниях (ясно, что иностранных), производственная российская фирма превращается в беспомощную, полностью зависимую от интеллектуальных компаний. При этом, конечно же, не упоминается, что эта логика положена в основу современной экономической доктрины США. Но ее почему-то вдалбливают в голову российских студентов наши же преподаватели.

Вопрос: Почему США так болезненно воспринимают казалось бы естественную попытку воссоединения континентального Китая со своей островной частью — Гонконгом и Тайванем?

Ответ: Экономика этих островов — это вынесенные за национальные границы США американские производства. Если Китай наложит на острова свою государственность, то США теряет часть контроля над собственным производством.

Экономика России ничего общего с Китаем не имеет. Но если логику США, формирующую определенное хозяйственное мышление (с позиций экономики хозяев), наложить на современную Россию, то невольно возникает вопрос: какой смысл ослаблять интеллектуальный потенциал российской фирмы? Ведь в США интеллектуальный труд стоит во главе бизнеса, он сосредоточен в центральных офисах ТНК, расположенных в США и только в США. У нас же интеллектуальный труд пытаются вытащить из фирмы, тем самым ослабив ее конкурентные позиции, поскольку интеллект сегодня есть главное конкурентное преимущество фирмы. Из этих рассуждений вытекает и ответ: ослабление фирмы необходимо для того, чтобы подготовить российские фирмы для сдачи на милость победителя из США и других стран золотого миллиарда.

Новая экономика открыла новую страницу противостояния стран золотого миллиарда и стран остального мира. Это

противостояние протекает сегодня в разных формах, к примеру в следующих.

1. Резкого усиления требований стран золотого миллиарда к странам-должникам по возврату внешнего долга.

2. Активизации консалтинговых фирм с мировым именем в странах периферии и втягивания в свои сети самой одаренной и образованной молодежи этих стран.

3. Начала нового витка войны интеллектов между странами золотого миллиарда и странами остального мира.

4. Разжигания пиаровской кампании в поддержку концепции экономического гражданства А. Тоффлера и Х. Тоффлера, размывающего основы государственности.

В современной России Запад активно вытесняет русский язык из делового общения. Несомненно, завтра Запад приступит к тотальному вытеснению русского языка из обыденного общения, а вместе с ним и русской философии, и учения о русской душе. Что же останется от Святой Руси?

Запад решил дать России последний бой. Он понял, что надув Россию в основном руками ее же граждан на финансовом фронте, он не одержал победу над Россией, поэтому приступил к атаке на интеллектуальном фронте. Истинная сила России — в мощном интеллектуальном потенциале ее народа, особом интеллекте, только и вырастающем у людей, живущих в бескрайних, неустроенных, холодных палестинах. Это не понятно Западу, это его пугает. Запад ведь должен дойти до края, такова его философия. А Россия бескрайна, поэтому Западом непознаваема. Вот почему Россия была, есть и останется враждебной Западу, поэтому никаких перспектив вступления в ВТО у России нет. Туда не берут страны, до конца непросчитываемые.

Смею утверждать, что нынешний виток напряженности между Россией и США — это переломный момент в войне интеллектов, завуалированной широкомасштабной пиаровской кампанией. Новая экономика неотвратима. Война уже началась. Как и всякая война, война интеллектов требует концентрации всей мощи государства и нации. Как и всегда, Россия подверглась агрессии со стороны Запада. Дай Бог, нашему государству решимости, а нам вдохновения!

Литература

1. *Чечеткина О.В.* Создание предпринимательских сетей в России: вызов финансизму в России // Философия хозяйства. 2000. № 3.
2. *Недзвецкая Н.П.* Новая экономика и проблемы глобализации финансовых рынков // Философия хозяйства. 2000. № 5.
3. *Простаков И.В*. Новые технологии и рынок финансовых услуг: пример Италии // Философия хозяйства. 2000. № 5.
4. *Кастельс М.* Становление общества сетевых культур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
5. Эксперт. 2000. № 48.
6. *Ганзин Г*. Феномен новой экономики // Логинфо. 2001. № 1.

В.М. КОЛЛОНТАЙ

Пределы новой экономики (Философия хозяйства. 2001. № 1)

Изменения, происходящие сейчас в мировом хозяйстве, многогранны и стремительны. Очень важно не упустить нарождающиеся явления и тенденции, уловить их по возможности вовремя и во всей их совокупности. Отсюда наше стремление изучать «новую экономику» и как можно скорее определить ее основные черты. Но не менее важно знать границы, пределы происходящих изменений, не преувеличивая новое. Поэтому наряду с попытками охарактеризовать складывающийся новый хозяйственный строй представляется необходимым также сопоставлять новые тенденции со старыми для того, чтобы представлять масштабы и удельную значимость каждой.

И тут мы сталкиваемся с серьезными трудностями. Начнем с того, что важнейшим явлением современности считается появление нового — интеллектуального — фактора (стремительное возрастание роли информатики, знаний, творчества в экономических процессах) в качестве самостоятельного элемента формирования богатства (стоимости). Дело в том, что сейчас отсутствуют сколько-нибудь удовлетворительные измерители этого явления. Рыночные оценки скорее отражают успехи в коммерциализации и монополизации этих сторон человеческой деятельности, нежели дают удовлетворительную основу для их сопоставления с другими факторами экономического

развития. Вложения в образование и подготовку кадров чаще всего даже не включаются в понятие инвестиции.

Это обстоятельство заметно осложняет все исследование новой экономики. Взять к примеру высказываемое мнение, будто рост интеллектуального фактора приводит к смене прежней аксиомы убывающей эффективности хозяйственной деятельности на противоположный подход — поговаривают о нарастающей эффективности экономической деятельности. На ряде экономических участков такое явление наблюдается. При ничтожных дополнительных затратах эффективность компьютерной или интернетовской сети увеличивается по мере роста числа участников. Но масштабы таких процессов не известны; ясно, однако, что они не безграничны, хотя бы потому, что существуют пределы возможностям эффективного усложнения любой системы. Более того, в масштабах всего общества продолжают действовать ресурсные и другие ограничители, а следовательно, и тенденции к убывающей эффективности.

Итак, рассуждая о новой экономике, нам приходится ограничиваться умозрительным выявлением новых явлений и тенденций, масштабы которых (в сопоставлении с другими) нам не ясны. Наш понятийный аппарат и существующая статистика не приспособлены к сопоставительному отслеживанию новых явлений и тенденций и поэтому еще долгое время мало чем смогут помочь нахождению взвешенных решений. Предстоит еще длительный итеративный процесс умозрительного выявления тенденций, разработки частичных концепций, а также сбора, обработки и сопоставления новых данных, прежде чем мы сможем дать существенную характеристику тому, что мы (пряча свои незнания) туманно называем постиндустриальным обществом.

В настоящей статье мне хотелось бы обозначить некоторые узловые проблемы и противоречия, без анализа которых, на мой взгляд, вряд ли можно будет далеко продвинуться в понимании новой экономики.

Мир сейчас переживает очень своеобразный кризисно-переходный период. Трансформация индустриального общества в постиндустриальное переплетается с завершающим этапом очередного длительного (полувекового) экономического цикла (такие циклы анализировались Н. Кондратьевым, Й. Шумпетером и др.). Обе эти трансформации имеют свои специфические особенности, принципиально отличающие их от

воспроизводственных циклов и кризисов, которые исследовал К. Маркс и советские экономисты. Основная специфика состоит в том, что в отличие от последних, оба происходящих ныне перехода носят преимущественно структурный характер.

Полувековые экономические циклы являются пульсирующей формой преобразования производственной, энергетической, транспортно-коммуникационной, организационно-управленческой и других аспектов хозяйственной жизни [1]. В ходе каждого цикла происходит взаимная увязка всех этих преобразований в единую модель развития. Каждый такой цикл имеет свои ведущие отрасли (например, текстильная, машиностроительная, химическая промышленность) и модификации механизмов хозяйственного регулирования.

Переход от одного к другому длительному циклу — это многоплановый структурный процесс: происходит глубинное преобразование производственно-технических и организационно-управленческих структур, меняется характер и функционирование хозяйственного механизма. Преобразуется не одна или несколько отраслей, а весь хозяйственный комплекс, производственная сфера, энергетическая, транспортная, коммуникационная инфраструктура, организационно-управленческие методы и структуры, механизмы хозяйственного регулирования. Для такого перехода требуются значительно большие накопления капитала, повышенная мобильность всех ресурсов, преобразование всего организационного, культурного и мировоззренческого контекста развития. В такой период ломаются почти все прежние связки хозяйственных субъектов, многие устоявшиеся пропорции, нормы и стандарты, взаимосвязи и взаимозависимости, рассыпается большинство устоявшихся закономерностей. Прежние распределительные механизмы уступают место многочисленным новым каналам распределения ресурсов и богатств. Если оперировать понятиями нелинейного анализа, — наступает стадия бифуркации и последующей самоорганизации хозяйственной системы.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу — это значительно более масштабное и продолжительное явление. Оно предполагает, в частности, инкорпорирование в анализ происходящих процессов интеллектуального фактора (информации, знаний, творчества) как самостоятельного элемента хозяйственного развития. Одновременно идет процесс глобализации — расшатывания сложившихся национально-

хозяйственных комплексов и формирования на отдельных участках (особенно финансовом) глобального рынка. Эти и другие составляющие перехода к постиндустриальному обществу (и особенно их лимиты и взаимодействие) еще далеко не изучены.

В настоящее время мы пытаемся из лавины событий, явлений, тенденций вычленить то, что представляется наиболее перспективным и определяющим на будущее. Но как при этом разграничить более краткосрочные явления и тенденции, присущие переходу от одного длительного (полувекового) цикла к другому, от принципиальных закономерностей постиндустриального общества?

История показывает, что такой переход — это период, когда резко повышается требование гибкости, маневренности, адаптивности хозяйственных субъектов и мобильности всех ресурсов. Эти же требования (хотя и несколько в иной форме) предъявляет научно-технический прогресс. В какой степени они станут характерной чертой постиндустриальной экономики? Насколько вообще непрерывные структурные перестройки заменят в будущем периоды относительно стабильного развития?

Нарождающийся ныне новый длительный цикл характеризуется, в частности, формированием крупного кластера отраслей высокой технологии и сферы обслуживания. Наиболее удачливыми новыми корпорациями последних двух десятилетий являются те, которые сами, производя высокие технологии, обеспечили им применение в сфере услуг и информатике [2]. Этим во многом определяется стремительное развитие обеих сфер. В какой мере такое развитие является характеристикой постиндустриального общества? Каковы пределы такого развития? Насколько новые сферы могут замещать производственные секторы как двигатель экономического развития?

Переход от одного длительного цикла к другому нуждается в небывалой мобильности ресурсов и огромных накоплениях. Не случайно на каждом таком этапе в истории наблюдался всплеск относительной самостоятельности финансовой сферы, возникали новые финансовые институты и перераспределительные механизмы, бурно росла спекуляция и обострялась борьба за монопольные позиции и ренту. Специфика современного этапа заключается в формировании крупнейших мировых финансовых центров (МФЦ), не только сконцентрировавших у себя значительную финансовую мощь, но и являющихся креди-

торами большинства (национальных и корпоративных) хозяйственных субъектов, а также центрами сосредоточения информации об их состоянии [3]. Важным дополнительным фактором могущества этих центров является небывалое распространение кредита, огромная рециклируемая задолженность государств, муниципалитетов, корпораций и домашних хозяйств [4]. МФЦ существенно меняют критерии экономических решений и мотивацию хозяйственной деятельности в сторону более краткосрочных операций и извлечения сиюминутной прибыли. В немалой степени они способствуют оттоку инвестиций из производственной сферы в виртуальную (финансово-спекулятивную). В известной мере это соответствует нуждам бурного научно-технического прогресса. Но в то же время это подрывает долгосрочные перспективы хозяйства. Возможно, центральной задачей дальнейшего развития станет восстановление взаимоукрепляющего сотрудничества производства и финансов.

Среди неолибералов принято считать, что ослабление государственного вмешательства в экономику и устранение барьеров свободному передвижению товаров, услуг и капитала приведут к формированию более эффективного глобального рынка. Но все наши представления о рынке основываются на опыте функционирования национальных рынков, которые обусловлены определенным государственным регулированием, сравнительно однородным экономическим и правовым пространством, общим культурным и историческим наследием. Как станет функционировать рынок, вышедший на глобальные просторы, где отмеченные предпосылки и условия в значительной степени отсутствуют? Будет ли он более эффективным или более разрушительным? Частичный ответ на эти вопросы дают сдвиги, наблюдаемые в функционировании рынка за последние десятилетия.

Одной из важнейших особенностей последних десятилетий является резкое обострение конкурентной борьбы как между корпорациями, так и между государствами [5—7]. В немалой степени это является преднамеренным результатом политики либерализации, приватизации и устранения барьеров свободному передвижению товаров, капиталов и услуг, настойчиво проводившейся сторонниками неолиберализма. Свою роль играет также тот факт, что сейчас определяются структуры и расстановка сил на длительный период и каждый хозяйственный

субъект торопится захватить возможно более выгодные и влиятельные плацдармы.

Наконец, немалую роль играют подвижки, наблюдаемые в извечных межгосударственных противоречиях — при растущей разрушительности и опасности чисто военных и насильственных конфликтов центр тяжести борьбы все чаще переносится в сферу экономических противостояний, в область борьбы за более сильные мирохозяйственные позиции.

Необходимо различать теорию и практику неолиберализма. Согласно господствующим доктринам, все делается для того, чтобы сократить хозяйственную роль государства. В реальной жизни дерегулирование — это ослабление лишь некоторых функций государства — социального страхования, макроэкономического регулирования, управления государственным сектором. Зато открываются новые участки конкурентной борьбы, где государство очень активно. То и дело возникают новые формы протекционизма («добровольные экспортные ограничения», антидемпинговые разбирательства). Поощряется развитие передовых конкурентоспособных предприятий и отраслей. Большинство стран разрабатывает новые стратегии развития и промышленной политики [8]. Другой участок острой межгосударственной борьбы — разработка принципов и правил (норм) мирохозяйственных отношений, утверждение технических стандартов, основ экономического учета, аудита и налогообложения, воздействие на повседневную работу международных экономических организаций. Растущее значение приобретают создание благоприятных условий для привлечения иностранного капитала (все чаще ценой самоослабления или саморазрушения), борьба за валютно-финансовые позиции страны и т. п. Государства благосостояния преобразуются в государства — активных участников конкурентных схваток.

Конкуренция между частными компаниями также преобразуется и обостряется [9]. Наряду с ранее упомянутыми обстоятельствами, этому способствуют сдвиги, произошедшие в уровне и распределении доходов. В наиболее развитых странах появились существенные «дискретные» доходы (превышение доходов над обязательными расходами на жизнь), которые сулят особо высокие прибыли находчивым предпринимателям. Борьба теперь идет не столько за рынки предметов первой необходимости, сколько за шальные деньги (идущие на то, что раньше классифицировалось как предметы роскоши). Соответ-

ственно возрастает роль всевозможных средств прельщения покупателя, «воспитания его вкусов», создания искусственных потребностей, «престижного» потребления и т. п.

Стремительный рост сферы услуг оказывает свое воздействие на формы и методы конкурентной борьбы, существенно обостряя ее. Дело в том, что во многих сферах услуг наблюдается диспропорционально-большая концентрация деятельности и прибылей в узком кругу наиболее успешных лиц и предпринимателей — звезд театра и кино, мастеров спорта и искусства, наиболее престижных (разрекламированных) компаний. Широко практикуется правило «победитель забирает все» [10]. С распространением аудиометодов учебы и консультаций аналогичные подходы перебрасываются во все новые сферы; соответственно там обостряется борьба за первые места. Вся система патентов, норм и стандартов создает аналогичное положение во многих звеньях производства, поскольку вырвавшиеся вперед обеспечивают себе, хотя бы на время, монопольное (или почти монопольное) положение.

В условиях современного переходного периода быстро меняются организационно-управленческие основы деятельности хозяйственных субъектов. Неопределенность, порождаемая научно-техническим прогрессом и глобализацией, толкает многих ведущих производителей на путь децентрализации и перекладывания неизбежного риска на формально независимые предприятия. Реорганизация ведущих хозяйственных субъектов сопровождается созданием множества новых каналов установления зависимости и контроля (рыночными, формализованными, и нерыночными, неформальными методами). Преобладающей становится организационно-управленческая структура (на микро- и макроуровнях), при которой компактное руководяще ядро (в котором сосредоточены административный и финансовый контроль, стратегические научно-технические исследования) окружено пестрой периферией субподрядчиков и консультативных фирм (разного уровня квалификации). Чаще всего ядро сосредоточивает свои усилия на выгодной специализации, достижении «мирового уровня качества» и лидерства в своей области. Между ведущими производителями устанавливаются сложные сочетания долгосрочного сотрудничества и постоянной конкуренции за лидерство [11]. В результате непрерывно возникают и разваливаются олигополистические рынки.

На периферии идет постоянное расслоение участников. Наиболее квалифицированные из них обеспечивают себе более или менее равноправные отношения взаимозависимости с ядром. Менее квалифицированные ведут ожесточенную конкурентную борьбу за возможность приобщиться к деятельности объединения. Чем ниже квалификационные данные, тем острее конкуренция (превращающаяся в борьбу за выживание). Соответственно обостряются социальные проблемы маржинализуемых слоев в развитых странах и в еще большей степени осложняется положение большинства населения развивающихся стран, где проживает более 3/4 населения земного шара.

В свое время Й. Шумпетер много рассуждал о «созидательном разрушении», пытаясь доказать, что преобладает созидательная компонента. В отношении определенного сегмента (преимущественно в экономически развитых странах) бесспорно наблюдается рост материального уровня жизни. Но для большинства людей негативная, разрушительная сторона нынешней модели развития все чаще становится преобладающей.

Многие из рассмотренных противоречий и проблем современного этапа осознаются сейчас на Западе, и против эксцессов предшествующего разрушительного периода начинают выступать растущее число ученых и политиков, общественных и государственных организаций. То, в какой мере их усилия увенчаются успехом, определит, к чему приведут происходящие сейчас трансформации и их последствия для человечества.

Продолжение ныне превалирующих тенденций чреваты непреодолимыми социально-экономическими трудностями и гибелью немалой части человечества. Но в сохранении нынешнего мирохозяйственного порядка, структур и механизмов регулирования заинтересованы мощные силы — транснациональные корпорации, международные финансовые центры, международные экономические организации, международно-координируемая организованная преступность, некоторые ведущие государства, претендующие на роль гегемона в мировом сообществе. В какой мере они вынуждены будут отступить перед натиском демократических сил и общественных организаций, в какой мере последние смогут разработать позитивную программу разумных и реалистичных преобразований, покажет будущее.

Если попытаться выявить основные этапы длительного хозяйственного цикла, то — крайне упрощенно — можно говорить о прохождении через следующие фазы:

1) кризис предшествующей модели развития, поиск и нахождение на микроуровне новых технических и организационно-управленческих решений;

2) внедрение новой продукции и изобретений;

3) образование разрастающихся сегментов новой взаимоувязанной совокупности обновленной продукции, технологий, ресурсной базы, средств связи и коммуникаций, организационно-управленческих структур и механизмов регулирования и согласования (пропорции);

4) относительно стабильное развитие на новой основе (преобразование отстающих частей экономики);

5) столкновения преобразований с экономическими и неэкономическими ограничителями;

6) кризис (бифуркация) и переход к новому циклу.

При анализе ныне происходящего очень важно не только выявить наметившиеся тенденции, но и различить те явления и тенденции, которые соответствуют будущей модели развития, от тех явлений и тенденций, которые порождены переходным этапом и присущи только ему. В частности, встает следующий вопрос. Повышенная гибкость и маневренность хозяйственных субъектов, большая мобильность ресурсов, завышенная потребность в накоплении, возникновение множества новых дополнительных каналов перераспределения ресурсов и доходов — все это качества, особенно важные на первом и шестом этапах. Но в них также испытывает потребность экономика в условиях бурного научно-технического прогресса. В какой мере эти черты сохранятся (в нынешнем или преобразованном виде) и в какой степени они могут быть заменены более знакомыми и стабильными формами развития в постиндустриальном обществе?

Главные особенности современного развития — это становление общества, базирующегося на знании, и бурный процесс глобализации. Каковы основные зоны их взаимодействия? Какие новые тенденции и проблемы это взаимодействие порождает? Не порождают ли нынешние тенденции ситуацию разнонаправленного развития центра и периферии мирового хозяйства? Не будет ли это означать конец возможностей догоняющего развития и необходимость для каждой из периферий-

ных стран выискивать свою специфическую нишу в мировой экономике?

Конкретные формы и особенности этих процессов в немалой степени определяются идеологией и политикой либерализации, дерегулирования и приватизации, активно проводившейся более четверти века западными странами. Этот контекст способствовал сокращению ряда важнейших социально-экономических функций государства (макроэкономическое регулирование, социальная защита обездоленных и др.). В то же время государство по ряду направлений (разработка стратегий адаптации к глобализации, новые формы протекционизма, борьба за укрепление валюты, экономическая дипломатия и т. п.) расширяет свою деятельность, втягивается в конкурентные противостояния за мирохозяйственные позиции. Общий настрой, господствовавший весь конец XX в., согласно которому хозяйственная роль государства должна сокращаться, сейчас уже сменяется растущим пониманием необходимости перехода к новым формам смешанной экономики, усиления социальных функций государства, его участия в охране окружающей природной среды. В этом видятся признаки перехода от разрушительного (неолиберального) этапа к более конструктивному с точки зрения общественного развития.

Переход к новому длительному циклу характеризуется стремительным ростом роли и значения творческого фактора, знаний и информации в формировании и функционировании новой модели хозяйственного развития.

В настоящий момент это обстоятельство приводит в хаос экономическую статистику и основополагающие расчеты, поскольку совершенно неизвестно, как оценивать вклад этих факторов в хозяйственное развитие (существующие оценки лишь увеличивают амплитуду колебаний, порожденных рынком). В результате привычный анализ макроэкономических пропорций нарушается, дает искаженное представление о происходящих процессах.

Так, принято считать, что основным участием иностранцев в процессе накопления в США является скупка ценных бумаг; при этом не учитываются огромная утечка мозгов (в пользу США) и скупка патентов, вклад которых огромен.

В условиях перехода от одного длительного цикла к другому с большой остротой встает вопрос о механизмах сопряжения обособленных, специализированных, технологически и

производственно взаимосвязанных хозяйственных субъектов. При нынешнем уровне общественного разделения труда актуальность этого вопроса очевидна. Исторически известны четыре таких механизма, каждый из которых претерпевает свою сложную эволюцию. Теоретически они, как правило, рассматриваются раздельно. На практике же они взаимодействуют в различных сочетаниях.

Во-первых, это единая собственность, при которой централизованно иерархически насаждается продуманная взаимоувязка отдельных производителей. Чем крупнее и сложнее хозяйство, тем труднее обеспечить на такой основе эффективное взаимодействие. Проблемы советского планирования (особенно на поздних этапах) невольно приходят на ум. Но в рамках большинства ТНК сейчас подобные механизмы играют большую роль.

Во-вторых, различные формы сговора предпринимателей, будь то для утверждения своего монопольного положение на определенном участке мирового рынка, будь то для объединения сопряженных мощностей, потенциалов и/или рынков сбыта (современные стратегические партнерства).

В-третьих, государство своими разнообразными вмешательствами в хозяйственную жизнь создает самые различные механизмы сопряжения как на микро-, так и на макроуровнях. В одних случаях государство непосредственно берет на себя функции распределения ресурсов и инвестиций (военная экономика), в других — оно по-разному подправляет, модифицирует действия рынка и конкуренции.

В-четвертых, — последние по счету (ввиду необходимости рассмотреть их подробнее), но не по значению, — это свободный рынок и конкуренция.

Эффективное современное хозяйство требует сочетания всех рассмотренных выше механизмов сопряжения хозяйственных субъектов. Однобокая ориентация на рынок и необузданную конкуренцию (осуществлявшаяся по настоянию неолибералов) привела к расшатыванию самого рыночного механизма, к росту его нестабильности, непредсказуемости и разрушительности.

Обострение конкуренции, которая становится все более разрушительной, разнонаправленность развития центра и периферии в условиях растущей взаимозависимости стран, отраслей и хозяйств чреваты серьезными потрясениями.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного техноэкономического развития. М., 1993.
2. *Ohmae K.* The Invisible Continent. Four Strategic Imperatives of the New Economy. N. Y., 2000.
3. *Коллонтай В.М.* Регулирование финансов и финансовые центры // Философия хозяйства. 2000. № 4.
4. *Warburton P.* Debt and Delusion. L., 2000.
5. *Stopford J., Strange S.* Rival States, Rival Firms. Competition for World Market Shares. Cambridge, 1995.
6. *Erdman P.* Tug of War. Today's Global Currency Crisis. N. Y., 1996.
7. *Greider W.* One World. Ready or not. N. Y., 1997.
8. *Palan R., Abbott J.* State Strategies in the Global Political Economy. L., 1999.
9. *D'Aveni R., Gunther R.* Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering. N. Y., 1994.
10. *Frank R.H., Cook Ph.S.* The Winner-Take-all Society. N. Y., 1995.
11. *Bryan L. et al.* The Race for the World. Strategies to Build a Great Global Firm. Boston, 2000.

Ю.М. ОСИПОВ

Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антагонизм? (Философия хозяйства. 2002. № 3)

Уговор с читателем

Не все, читатель, что сегодня кажется в научном языке самоочевидным и бесспорным, таковым и является. Тут не все просто. Жизнь и жизненные размышления, т. е. не книги и не книжничество, рождают новые смыслы, вкладывая их в старые слова и придумывая новые обозначения. Не будем бояться смысло-знакового обновления, если, конечно, оное необходимо. Кроме того, мы вовсе не настаиваем на непременном признании того, что будет сказано ниже (не настолько уж мы наивны), но хотели бы оказаться «вслушанными», а не только вскользь услышанными, к примеру, во время получасового сидения на каком-нибудь научном форуме. Жизнь не только требует, но и *дает* новые смыслы, — и их благодатный шелест нарастает.

Хозяйство и экономика

Все мы привыкли к синонимическому употреблению понятий «хозяйство» и «экономика», тем более что они весьма близки по своей семантике[6]. Однако забудем на время о синонимичности привычных слов и попробуем их немного отделить друг от друга, разумеется, не ради игры в слова, а по причине смысловой неоднозначности того, что они отражают. Однако договоримся, что приоритет мы, как люди русские (чуть было не сказал... русскоязычные), отдадим русскому слову хозяйство, а не греческому слову экономика, что обусловлено не тем, что «экономика» хуже «хозяйства», а тем, что «хозяйство» куда как нам ближе, понятнее и для нас значительнее. Можно, например, сказать русскому человеку — хозяйство Бога, а вот экономика Бога… нельзя, — язык что-то не поворачивается. Хозяйство для русского ума — сакрально, а экономика — нет. Но это не все. Долгое время русские и говорили именно о хозяйстве, а не об экономике, — надо полагать, вовсе не случайно. Хозяйственные «атавизмы» сохранились аж до XX в., к примеру, «народное хозяйство», «мировое хозяйство», «городское хозяйство», «сельское хозяйство», «домашнее хозяйство» и т. д. А теперь попробуем выразиться иначе: «народная экономика», «городская экономика», «сельская экономика», «домашняя экономика»... разве лишь у «мировой экономики» есть повод быть внутренне согласным с «мировым хозяйством», да и то лишь более знаково, чем по смыслу, ибо мировое хозяйство, читатель, все-таки не мировая экономика, — тут что-то не так, как совсем уж не так в вышеприведенных словесных парах («народное хозяйство» — «народная экономика» и т. д.). Нетрудно в общем-то при желании уяснить, что «хозяйство» здесь не то же, что «экономика», как не очень уж трудно заметить, что «хозяйство» явно не сводимо к «экономике», оно значительно богаче и сложнее по смыслу.

Жизнь сама распорядилась в пользу различения понятий «хозяйство» и «экономика». Что такое «экономический расчет»? Можно, конечно, сказать, что любое хозяйственное исчисление, как и любой хозяйственный проект, суть и экономические нечто, но если немного поразмышлять, то окажется, что за экономическим скрывается не вообще хозяйственное, а непосредственно... *денежное.* Да, именно денежное. Экономиче-

[6] Греческое oikonomia — управление хозяйством.

ские счет и расчет — феномены денежные, они осуществляются на основе денег и в деньгах. Отсюда экономика сопряжена непосредственно с деньгами, т. е. с товарообменом, оценками, стоимостью, — и представляет она собой не вообще хозяйство, а особое хозяйство — денежное или, лучше сказать, «оденеженное» хозяйство. Экономика — частный случай хозяйства, его особая реализация, специфическая организация.

Нам возразят: с каких это пор в качестве доказательства в науке применяется столь сомнительный словесно-смысловой подход? Мы ответим. Во-первых, нами осуществлено не доказательство, а всего лишь, если так можно выразиться, обращение внимания. Во-вторых, в жизни всегда есть смыслы и слова, с ними связанные, в которых содержатся и отражаются вполне существенные реалии, но не прямо, не в лоб, а косвенно, по касательной, — и эти смыслы и слова надо тоже уметь подмечать. В-третьих, реальность, быт, жизнь всегда солиднее любых умственных рефлексий, ибо в реальности, в быту, в жизни ничего не выдумывается, а с необходимостью фиксируется. Наша, т. е. ученая, задача — не проходить мимо реальности, не брезговать ни одним ее смысловым заходом и словесным откликом. Реальная хозяйственная жизнь вовсе не случайно сопрягла воедино экономику и деньги, деньги и экономику, не забывая при этом и о хозяйстве как хозяйстве, способном осуществляться и без денег.

Многое ли в деятельности матери-домохозяйки, крестьянина или ученого сопряжено непосредственно с деньгами? Может, и многое, но далеко не все. Далеко не все оформляется и рассчитывается экономически. Экономика — только часть хозяйственной жизни матери-домохозяйки, крестьянина или ученого. А все ли покрывается экономикой в деятельности предприятий, магазинов и даже банков? Если поразмышлять, то нетрудно и здесь найти кое-что, что не сводится к собственно экономике.

Экономика — не просто частный случай хозяйства, это еще и некая надстройка в хозяйстве, сидящая в нем особая структура. Хозяйство шире и емче экономики. Это, безусловно, базисное понятие, обладающее и знаком первичности. Экономика вторична. Экономика внутри хозяйства, а хозяйство объемлет экономику. Приоритет не у экономики, а у хозяйства. Приоритет смысловой и генетический. Сначала хозяйство, затем экономика.

Что же такое хозяйство? *Сама жизнь, самое бытие, сама деятельская реальность.* Любое иное определение хозяйства, как то: производство-потребление благ, труд или преобразование природы в потребительные блага, как, собственно, и оптимальное использование ресурсов для производства потребительных благ и т. д., оказывается слишком узким и частным определением, ничего толком не говорящем о масштабе и целостности феномена, который назван человеком, в данном случае русским человеком, его предком, хозяйством. Хозяйство, этимологически восходящее к хождению, выхажива-нию и даже восхождению, покрывает не одно что-либо в жизни, а самою жизнь, во всей ее полноте. Все жизнеотправление человека есть хозяйство, не говоря уже о собственно трудоотправлении.

Почему мы столь крепко связываем экономику с деньгами, ценами, стоимостью? Разумеется, не по своему желанию, — так распорядилась сама хозяйственная реальность. То же понятие экономии как некоего рационального расчета, сбережения, выгоды пришло в хозяйственную жизнь именно от товарообмена, оценок, денег, стоимости, ибо только при наличии всех этих моментов оно наполняется смыслом, как и получает возможность вполне реализоваться (при расчете стоимостным образом, т. е. в деньгах, тех же издержек, затрат, прибылей и т. п.). Экономия — дело экономики, а не хозяйства вообще, которое более думает о самой жизни, ее воспроизводстве, не слишком задумываясь при этом об экономии, которую ни заметить, ни почувствовать, ни выразить оно практически не может. Для этого хозяйству надо стать и быть экономикой[7].

Мы прекрасно понимаем, что все наши попытки разделить смысловым образом хозяйство и экономику наталкиваются на сопротивление, ибо читатель вовсе не собирается просто так уступать привычных семантических позиций, не видит острой необходимости в различении хозяйства и экономики. Тогда нам остается одно: попросить читателя учесть, что хозяйство

[7] Обычно говорят об экономии труда, к которой якобы прибегает тот же крестьянин, ведущий натуральное хозяйство. Но, во-первых, это заключения досужего научного ума, а не крестьянина, во-вторых, крестьянин трудится столько, сколько нужно, хотя и старается не делать лишнего, как и делать все со сноровкой, т. е. хорошо, быстро. Экономия крестьянина носит естественно-трудовой, практически (во всяком случае, специально) неосознанный характер. Хозяйством крестьянин занимается не ради экономии, а ради жизни вообще, хотя и не без какого-то вполне и по-своему рационального расчета.

бывает разное — с деньгами и без денег, что хозяйственная жизнь даже в условиях денежного хозяйства не сводится только к опосредованию ее деньгами, т. е. полна и неденежных процессов, а учтя это, признать, хотя и условно, что денежное («оденеженное») хозяйство мы будем называть экономикой, разумея при этом, что хозяйство не только появилось ранее экономики, но и по объему смыслов не сводимо к этой последней. Важно в конце концов не само по себе обозначение чего-либо, а смыслы, которые открываются в итоге того или иного обозначения — как в этом «чего-либо», так и во всем другом, что из предпринятого обозначения проистекает.

Экономика и хозяйство

Экономика восходит к социальному разделению хозяйственной жизни, к хозяйственной специализации, а также к вытекающим из всего этого товарообмену и товарным оценкам. Мы не будем подробно останавливаться на исходе экономики, ее причинах. Так или иначе, но жизнь хозяйственная получает особую социально-вещественную организацию, при которой, во-первых, человек противостоит человеку как особый хозяйствующий субъект, во-вторых, связующим посредником между людьми становится вещь (товар, деньги), а в более утонченном выражении — некая вещная идея (стоимость), в-третьих, человек, при всей своей самостоятельности, оказывается в плену у этой вещно-идеальной организации, занимаясь не воспроизводством жизни в ее натуральной непосредственности, а производством товаров, денег, стоимости с последующим уже воспроизводством жизни, конечно же, в ее искусственной опосредованности.

Согласимся, читатель, что мы действительно получаем разные хозяйства — *непосредственное,* т. е. натуральное, единое, общественное, человеческое, и *опосредствованное,* т. е. искусственное, разделенное, социальное, вещное. И если в первом случае человек хозяйствующий следует природохозяйственному, т. е. жизненному, расчету, то во втором он уже руководствуется расчетом товарным, денежным, стоимостным или, что то же самое, расчетом *экономическим.*

Не просто блага производит человек экономический, не просто жизнь, а *деньгами,* и лишь производя *деньги,* он производит блага и жизнь. Не жизнь является целью, условием и средством хозяйства, а деньги, т. е. все, что угодно, но только не жизнь, т. е. *нежизнь.* Между жизнью текущей и жизнью со-

вершающейся располагается в экономическом хозяйстве *нежизнь,* да так уютно, что жизнь в итоге оказывается как раз внутри нежизни, ибо деньги (стоимость) подчиняют себе все — и хозяйство, и саму жизнь.

И если в неэкономическом хозяйстве жизнь и хозяйство сопряжены между собой непосредственно, составляя нераздельное целое, то в экономическом хозяйстве жизнь становится заложницей хозяйства, в котором решающую роль играет нежизнь, что означает, что жизнь отделяется от хозяйства, а между хозяйством и жизнью оказывается нежизнь.

Почему же мы позволяем себе так строго сказать — «*нежизнь*»*? Да* потому что речь идет о чем-то явно *неприродном,* созданном не Богом Творцом, а самим человеком, о чем-то искусственном, изобретенном, техническом. И чтобы получше убедиться в этом, надо попристальнее взглянуть на все это экономическое, да не на древнее, а на сегодняшнее, на то, что вокруг нас и уже в нас, что на нас воздействует и к чему мы стремимся, что нами управляет и ради чего мы сами управляемся.

Когда-то экономика выходила из неэкономики (или предэкономики), более того, долгое время экономика обслуживала неэкономику, т. е. имели место *хозяйство с экономикой,* и искусственность экономического, его неприродность, не очень-то ощущались. Экономическое казалось вполне или почти естественным. Что, собственно, неестественного в обмене продуктами между земледельцами и скотоводами, между лесовиками и степняками, между производителями потребительских благ и производителями орудий труда? Да ничего, все вполне естественно, во всяком случае, если и неестественно, то в такой мизерной доле, что и говорить об этом не было никакого смысла. И не говорили. Долгое время. Но на все есть свои сроки. Пришлось заговорить. С победой так называемого капитализма, когда не говорить было уже нельзя. А уж сегодня...

...Сегодня мы имеем *триумф экономики...* и соответственно... *триумф нежизни...*

Что значит триумф экономики? Очень многое. Здесь и великое развитие экономического начала, и его господство, и овладение им всеми (или почти всеми) клеточками человеческого бытия. Мир сейчас живет под знаком экономической цивилизации, что, правда, не очень-то сознается, ибо все еще продолжают толковать об иных цивилизациях, не замечая почему-то главной и воистину глобальной — экономической (как тут

не вспомнить К. Маркса с его увлечением историческим экономизмом). В триумфе экономики и победа вещи над человеком, торжество техники, инженерии, а теперь вот и информатики. Что говорить о потребительстве, созидании потребностей, гонкой за их удовлетворением? Все это есть, и все это свидетельствует об историческом успехе экономики, вырывающейся на оперативный простор в результате великой экономической революции, ставшей историческим фактом в Западной Европе XIV—XVII вв.

Хозяйство — устаревший ныне термин, годящийся разве для ретроспективных реминисценций да синонимических употреблений. Теперь всюду экономика, экономическое мышление, экономическое поведение, экономическая деятельность (бизнес), экономическая наука. Так стоит ли толковать о хозяйстве как о чем-то актуальном? Где оно нынче, это самое хозяйство?

А хозяйство, тем не менее, повсюду, хотя и в значительно зажатом состоянии. Экономика — все равно хозяйство, пусть и с мощной неестественной компонентой. Кроме того, хозяйство, как что-то естественное, связанное с жизнью, а не с нежизнью, ухитряется противостоять экономике, ограничивать ее, ослаблять пыл, переваривать, гуманизировать, натурализовывать, экологизировать. Жизнь ведь остается жизнью, а потому и хозяйство остается хозяйством. И как ни трудно нынче хозяйству как хозяйству, оно есть и не может не быть. Жизнь просто так не останавливается.

Однако жизнь сопряжена с нежизнью. Нет, не со смертью, что само собой, а именно с нежизнью — хозяйственной нежизнью. Не жизнь определяет сегодня жизнь, а нежизнь властвует над жизнью, причем даже благодетельствуя жизни, давая ей *изобилие* — и благ, и потребностей, хотя и не по всему социопространству одинаково (есть места и без всякого изобилия, скорее, наоборот, пустые места, что тоже идет от экономики, но об этом как-то не принято говорить в «цивилизованном» мире). Экономика движет вперед хозяйство, сообщая ему *замысел* и энергию *прогресса.* Стоимость обгоняет хозяйство, держит на привязи, тащит вперед, ведет в будущее, качественно изменяет, делает иным. Жизнь зависит от нежизни, причем настолько, что вынуждена все время становиться — по экспоненте — другой жизнью, наполненной, опять же, нежизнью. Нежизнь бежит от нежизни, захватывая жизнь и заставляя ее бежать от жизни, устремляясь к нежизни. Изобилие от нежизни оборачивается

дефицитом — дефицитом самой жизни. *Изобилие экономики* сопровождается *дефицитом хозяйства.* Хозяйство едва держится, подавленное экономикой. Финансы важнее природы, важнее хозяйства, мало того, важнее... самой экономики. Экономическая эффективность, а это уже давно собственно *финансовая эффективность,* делает неэффективным все и вся — природу, человека, хозяйство, саму экономику. Эффективно то, что эффективно с финансовой, т. е. чисто стоимостной, точки зрения, а не с какой-то там природной, человеческой, хозяйственной, даже экономической, если это экономическое еще сопряжено с производством реальных жизненных благ, а не стоимостных фантомов в виде тех же доходов по ценным бумагам. Экономика, ставшая собственно *финансовой экономикой,* захватила хозяйство, заставив его вертеться в бешеном вихре финансовых потоков, еще более отрывающих экономику от хозяйства, а хозяйство от жизни, еще более превращающих экономику и хозяйство в нечто ирреальное.

А где ирреальность, там и *химера,* т. е. соединение реального с ирреальным, жизненного с нежизненным, нормального с ненормальным, возможного с невозможным. Великая экономическая бессмыслица воцарилась над хозяйственной жизнью человека, не только лишая ее натуральных и сакральных смыслов, но и превращая хозяйство *в антихозяйство, а* экономику в *антиэкономику.*

Ну уж, воскликнет уверенный в себе и в научных истинах читатель, так уж и плохо все вокруг, что ж теперь, в каменный век что ли возвращаться, в это ваше сакральное и натуральное хозяйство?

Нет, ответим мы. Ничего такого не надо. Человечество уже никогда не вернется к натуральному в древнем смысле хозяйству, но почему бы человеку хозяйствующему не подумать над какой-нибудь альтернативой превратившемуся в *финансово-информационно-технический фантом экономическому хозяйству?* Почему бы не подумать об этом, о своем будущем?..

Возможность постэкономики

Возможность есть возможность. Где возможность, там и невозможность. Однако есть и возможность возможности. Не предвосхищая ничего за человечество и его реальности, подумаем немного над этой возможностью возможности, может, что и провидится. Однако снова об экономике.

Что, собственно, нужно осознать современному человеку? Тот факт, что он находится во власти чего-то не только не сакрального, не только не природного, но даже и не слишком человеческого. Как назвать это *что-то,* что опосредует жизнь человека хозяйствующего, что отделяет человека от человека, что овеществляет человеческие отношения, делая их какими угодно, но только не человеческими, т. е. правовыми, техническими, информационными, что навязывает человеку свое понимание жизни и свою игру, что заставляет человека преклоняться перед фантомом-фикцией-химерой и вести отчужденный от него счет (счет ради счета), что выводит человека на строительство всемирного муравейника, в котором каждый человек-муравей управляется по «сотовому Интернету», что тотально определяет жизнь человека, превращая человека в биоробота и т. д.

Политэкономия в свое время дала ответ, на который, к сожалению, мало обращают внимания, назвав данный феномен товарным, денежным, капитальным, т. е. экономическим, *фетишизмом,* как и просто *овеществлением хозяйственных отношений, отчуждением вещи от человека, обретением вещью власти над человеком.* Это был превосходный ответ, ныне почти забытый. А за прошедшие 15—25 лет феномен куда как усилился. Фетишизм экономический, ставший в основном финансовым, дополнился фетишизмом техническим, научным, информационным, наконец, фетишизмом западной и мировой (по западному образцу) цивилизаций. Сегодня человек живет под знаком многозначного фетишизма, восходящего в целом к *фетишизму экономической цивилизации.*

Хозяйство — не экономика. Хозяйство может осуществляться и без экономики. Это, конечно, естественное, природное, натуральное хозяйство. Это хозяйство, в котором культура не выходит за рамки человеческого естества, не обособляется от жизни, не становится над природой и человеком, не конкурирует с человеком, жизнью, Богом. Хозяйство реализуется само по себе, без лишних слов, без надуманного счета. Хозяйство в этом смысле *дословно,* почти инстинктивно, если так будет понятнее для хорошо образованного читателя. Для такого хозяйства не нужны ни деньги, ни банки, ни адвокаты, ни полицейские, как не нужна водка, сигареты, бензин, чтобы сначала выставлять акцизы и затем не выплачивать зарплату. Культура такого хозяйства иная, она максимально свободна от вещно-

словесной атрибутики, она вполне (или почти вполне) адекватна самой человеческой жизни. Минимум вещей, минимум слов, минимум посредствующих призраков. Но зато максимум естества, духа, красоты.

Нет, уважаемый читатель, мы не призываем двигаться назад, в сельскую глубинку. Мы лишь хотим заострить внимание на понятии хозяйства, настаивая на том, что хозяйство и есть сама жизнь, а потому чем ближе к жизни, тем ближе к хозяйству, и чем дальше от хозяйства, тем ближе к нежизни. Нет, мы не призываем отменить экономику, что невозможно и ненужно, но мы не возражаем против *преодоления экономики,* позволяющего приблизиться к хозяйству, что, пожалуй, нужно, хотя и вряд ли возможно. Мы хотим, чтобы в мире хозяйствовал все-таки человек, а не биоробот, чтобы человек хозяйствующий был человеком сначала хозяйственным, а затем уже человеком экономическим, чтобы хозяйство обнимало экономику, а не экономика довлела над хозяйством.

Несбыточная мечта. Экономическое слово и экономический счет вряд ли уступят место хозяйственному дословию и досчету. Органика хозяйства и жизни просто так не наступит. Экономика еще не сказала своего последнего слова, у нее еще есть резервы. Правда, резервы эти особенного свойства: они уже более технические или технико-информационные, чем социальные. Экономика делает свое дело, она активно технологиэирует хозяйственную жизнь, превращая ее в *техномику.* И если наступит некая *постэкономика,* то это будет не хозяйство в нашем понимании, а *технохозяйство,* т. е. еще более далекое от человечности хозяйство. Экономика готовит переход в постэкономику, но это не будет переходом в естественное для человека хозяйство, ибо ничего другого, кроме техномики, т. е. еще большей нежизни, экономика предложить не может. Человечество должно пройти свой изобретательский путь до конца.

Resume

Экономика не просто выходит из хозяйства, в нем сидит, его пронизывает и его определяет. Экономика в чем-то существенном *антихозяйственна.* Естественность она подменяет искусственностью, жизнь — нежизнью. Курс каких-то там акций на какой-то там нью-йоркской бирже оказывается важнее и судьбоносное нормальных жизнеотправлений многомиллиардного человечества, а курс какого-то там доллара важнее и судьбоноснее нормальной жизни и нормального хозяйства той же

России. Ничего не поделаешь — царство *экономического абсурда.* Но абсурд на то и абсурд, чтобы из *абсурда экономики* родить *экономику абсурда,* т. е. экономику пустоты, призрака, блефа, а потому и породить *антихозяйство.* Но экономика не способна вернуться к хозяйству, если ее не вернуть к нему насильно, а способна лишь идти по проторенной дороге — к техномике. А техномика равнодушна не к одному лишь хозяйству, но и к экономике, ибо в экономике еще остается хозяйствующий субъект, пусть и экономический, еще есть социум, еще есть выбор, еще есть самоорганизация общества, а вот в техномике ничего такого уже нет. Человек экономический, сам того не замечая, быстренько превращается в человека техномического, т. е. подчиненного уже не стоимости, которая есть еще социальный, хотя и неприродный, феномен, а какой-то совсем уж технической меровой силе. И отказываться от этого «прогрессивного» превращения никто, судя по всему, не будет. И если человеку суждено-таки вернуться в хозяйство, то это может произойти лишь вопреки воле «прогрессивного» человечества.

P.S. Хозяйство — жизнь, экономика — не смерть, но и не жизнь, это — нежизнь. Между экономикой и хозяйством есть содержательное единство, но есть и важное смыслореэультатное противоречие, переходящее в острый и судьбоносный *антагонизм.* Историческая инициатива за экономикой, а следственно — за *нежизнью.* Так вот.

А.А. ПОГРЕБНЯК

Глобальная экономика и всеобщая экономия (Философия хозяйства. 2002. № 3)

Существуют и, наверное, существовали всегда два рода философских систем.

К первому роду относятся системы, сознательно или бессознательно стремящиеся универсализировать ту или иную точку зрения на мир — например, разума или веры, личности или общества, природы или истории, нации или «глобального сообщества».

Ко второму — пытающиеся предельно дистанцироваться от любых господствующих или просто имеющихся в наличии мнений и позиций, подвергнуть сомнению всякий авторитет, сохранить свободу в отношении навязываемых культурой и социумом интересов и потребностей, критически воспринять все,

грозящее оказаться догмой, деконструировать все без исключения понятия и смыслы.

В одном случае речь идет о том, чтобы обосновывать, в другом — взыскивать с оснований: обретение почвы или «апофеоз беспочвенности». Но *реальная* философия все-таки должна оказаться превыше этого «или», поскольку в своем неминуемом устремлении к безосновному она неизменно обосновывает позицию и право самого философствующего. Поскольку философствовать — значит *быть*, быть в противовес всем определенностям бытия и все-таки не проваливаться в неопределенность небытия.

Обращение к сюжету глобальной экономики не должно объясняться мнимой всеядностью философского дискурса. Напротив, только в том случае, если нечто под названием «глобальная экономика» готово бросить вызов бытию всего сущего, а не только некой частной особенности нашей жизни, данное обращение может и должно состояться.

Тема глобализации является сегодня *общим местом* разговоров о специфике современной политико-экономической ситуации — точно так же, как это имеет место, например, с постмодернизмом применительно к современному состоянию культуры и искусства. Исследователи склонны отмечать даже банальность [1, 5] и поверхностность [2, 591] концепции глобализации. Но если адепту позитивной науки (социологии, политологии, футурологии или экономической теории) пристало решительно продвигаться вперед, от сбора фактического материала — к обобщенному видению ситуации, и далее, от обнаружения конкретных проблем — к поиску путей их разрешения, то представители философского знания (отнюдь не позитивного: философия постигает «дух» явления, а сущность духа, как известно, заключена в негативности) вынуждены пятиться назад, вопрошая: а что за *истина* раскрывается нам именно в этом, по видимости — единственно возможном, несмотря на его банальность и поверхностность, образе мира, неотъемлемой чертой которого является «глобальная экономика»? — Надлежит напомнить только, предупреждая возможный скепсис по поводу «истины», что последняя означает для философа не то или иное «адекватное» представление или «подлинное» положение вещей, но тот способ, каким человеку открывается его собственное бытие — не в виде «предмета», «сущности» или

«свойств», но как возможность трансцендировать любой наличный порядок.

Как отмечает С.С. Аверинцев, такой термин риторики, как «общее место», лишь начиная с романтизма становится бранным словом (как, впрочем, и сама «риторика»); однако для метафизического мышления он отражает нечто крайне существенное, а именно — сталкивает с проблемой необходимости указывать на нечто «очевидное» как на исходный контекст наших мыслительных построений [3, 134]. Это означает, что глобализация сегодня может оказаться не столько темой или предметом, сколько сущностью трансцендентального порядка: скорее тем, на чем основываются наши возможные выводы, нежели тем, что само из чего-то может быть целиком выведено. Поэтому в чем-то правы полагающие, что в качестве технического термина «глобализация» не вполне состоятельна — она есть титул проблемы, имеющей, возможно, метафизическое измерение.

Итак, «общее место» связано с тем, что представляется нам непосредственно очевидным. В контексте заявленной темы очевидность слагается из, как минимум, трех моментов: 1) глобальность является сегодня неотъемлемым атрибутом процессов, традиционно рассматриваемых в качестве жизненно важных для человека; 2) глобализация как процесс — явление сугубо современное, хотя и имеющее, по видимости, корни, уходящие в далекое прошлое; 3) роль экономической составляющей в форме и содержании данного явления едва ли может быть переоценена.

Далее, тема глобализации охватывает собой целый круг хорошо известных проблем — здесь и разделение мира на глобальный центр и глобальную периферию, и предельное ускорение связей и коммуникаций, и непомерно возрастающая роль наднациональных структур (пресловутые ТНК), а также виртуализация экономики, фундаментальное противоречие между мировой экономикой и национальной политикой и т. д. и т. п. Все эти черты, аспекты и проявления можно выделять, описывать, классифицировать, строить на их основе предположения о будущих тенденциях и т. п.

Однако метафизическое измерение вопроса состоит не в том, что глобализация означает исключительно масштабный, но все-таки *внутримировой* процесс, а в том, что сам мир здесь

оказывается как бы вывернутым наизнанку — когда «очевидные» вещи обнаруживают под собою едва ли очевидный контекст.

Дело в том, что очевидность столь же естественна, сколь и идеологична, столь же явственна, сколь и сокровенна. Если глобальность каких-либо процессов сегодня представляется явлением естественного порядка, хотя мы и склонны предполагать, что «так было не всегда», то разве не надлежит спросить, *что конкретно* получает доступ к «есть» этой естественности? Какая сущность воплощена порядке вещей, который определяется словом «глобальный»? Сущность, как известно, — это то, в чем мыслится бытие явления, т. е. его соотнесенность с миром. При этом, однако, нельзя забывать про трансцендентность, т. е. не-вещность, не-предметность мира, его, если угодно, экстатичность. Явление приручает мир, делает его представимым и выносимым, скрадывает его беспокойную суть — но в то же время, всякое явление все-таки остается проявлением мира. Это значит, что в своей предметности и очевидности оно стремится к своего рода пределу осуществления — к точке той абсолютной ясности и отчетливости, когда нашему сознанию ничего больше не остается, как задаться вопросом: а почему все в мире сложилось так, а не иначе, и что может следовать из вот так вот сложившегося положения вещей для самого мира, для нас самих?

Наш тезис состоит в том, что именно феномен глобальной экономики является пределом актуального видения и возможного понимания мира современным человеком, вследствие чего неизбежно складывается ощущение ограниченности той ситуации, в которой этот человек оказался — постольку, поскольку интуитивно всякий человек (в той мере, в какой он способен отнестись к своему бытию как к проблеме) предполагает несводимость своего бытия ни к какому общему знаменателю и поскольку не что иное, как претензия на такого рода приведение, явлена в факте глобального экономизма.

Итак, сущность современности может быть выражена так: «Впервые в человеческой истории все может быть сделано где угодно и продано кому угодно» [4, 139], или так: «Внешние препятствия оказываются не более чем технологическими, а сохраняются одни лишь внутренние соперничества. Таков мировой рынок, доходящий до самого края земли и собирающийся

распространиться на целую галактику; даже небесные пространства становятся горизонтальными» [5, 126].

Здесь важно не то, что экономика глобальна, а то, что глобальность истолковывает себя в экономическом ключе. В самом деле, нет глобализации вообще, но есть глобализация как реализация некой *картины мира*, как истолкование одного из частных измерений жизни в качестве ее (жизни) «мировой сущности». Как явствует из приведенных цитат, имя, приличествующее этой сущности, — «глобальный экономизм» (под экономизмом имеется в виду то, что вкладывал в этот термин С. Булгаков).

Стало быть, экономика из сферы обеспечения жизни превращается уже не в образ жизни той или иной части человечества, а в критерий осмысленности существования как такового. С некоторого момента «экономизация» бытия, или «коммодификация» жизни (т. е. вовлечение всех ее измерений в товарно-денежный оборот), приобрела необратимый характер. Вот почему с этого момента не столь уж существенно, в самом ли деле мир стал тождествен рынку, — а то только существенно, что все, что *не* попадает на мировые рынки, может отныне мыслиться единственно как остаток, атавизм, бессмыслица.

Экономика как определенный жизнеустроительный проект, конечно, в принципе глобальна — и экономисты как идеологи этого проекта всегда это понимали. Надо только отдавать себе отчет, что та бытийная специфика, которая силами экономики была проведена в жизнь, не есть нечто, чем исчерпывается действительность в ее существенных чертах, и тем более — не есть «совершенно объективная» истина бытия в мире. Скорее, глобальный экономизм *претендует стать* чем-то объективным и исчерпывающим — и если что сегодня об этом и свидетельствует, так это все еще не лишенная окончательно слова изнаночная сторона современной действительности. Сущность мира состоит в том, что он выставляет себя в качестве картины, представляет в качестве спектакля, поставляет в качестве товара — но явлена эта сущность в том, что осталось за рамками; в том, что происходит на «другой сцене»; в том, что не имеет цены. Есть ли у нас ресурсы говорить об этих вещах — тем более, что ресурсы «редки», т. е. априори принадлежат экономике?

Экономика стала судьбой мира в силу того, что именно товарно-денежные отношения смогли воплотить в реальности

тот синтез бытия и мышления, который свойственно разыскивать человеку. В самом деле, как оказалось, всеобщая суть вещей — это не какое-то их скрытое, потаенное свойство, но, напротив, записанная на их поверхности способность быть обмениваемыми друг на друга, в результате чего происходит постепенная редукция многообразия жизни (как природной, так и социальной) к всеобщему эквиваленту, тотальной конвертации всех различий в пространстве единой обменной сети. Отметим, что «сеть» неслучайно стала образом современной действительности: здесь возведена в абсолют сама относительность, субстанциализировано само отсутствие субстанции, догматически фиксирована гиперкритичность всего и вся — на рынке все равно что продавать, по телевидению все равно что показывать, в Интернете — что размещать, и т. д. (понятно, что существующими ограничениями «неограниченность возможностей» не столько связывается, сколько «рефлектируется» — с помощью этих «рамок» тематизируются новые горизонты, они мотивируют к поиску «новых решений», стимулируют «творческую активность» и т. п.).

Стало быть, «классическая» проблема единства мира оказалась разрешена отнюдь не классическим образом — не на уровне небесной идеальности понятия, но на уровне реальности самого что ни есть земного отношения. Хотели возвести стройную систему, предварительно разыскав подлинное первоначало, а между тем оказались в безначальном пространстве мирового супермаркета, где сущность вещей — их цена — определяется, исходя из их взаимной близости или далекости: так, например, золото в качестве богатства становится жизненной целью, а жизнь в свою очередь — оборачивается жаждой золота, страстью к наживе, только лишь вследствие предельной *от*-даленности друг от друга этих вещей, жизни и золота. «Отдаление» означает рассмотрение *дали* как того, над чем мы властны, как того, что вписывается в пространство нашего проекта. Так, абсолютное богатство это нечто одновременно и наиболее далекое, ибо связано с «космической» величиною суммы, и наиболее близкое, ибо не означает ничего иного, кроме банальной «покупательной способности». Так, можно поставить нечто в качестве «жизни» в центр, и тогда «самое отдаленное» станет золотом, т. е. символом «богатства», и наоборот, только нечто, рассмотренное в качестве «богатства», может задать простран-

ство для «жизни», заполненное более или менее «близким» — т. е. более или менее пригодными средствами обретения золота или какой-то еще «наличности»; традиционные понятия «трудоемкости», «редкости», «интенсивности потребностей» суть только различные способы истолкования этого исходного экзистенциального от-даления вещей[8]. Так что нет ничего демонического[9] в деньгах — напротив, они делают очевидным, в каком смысле человек вообще может оказаться способным волить единством мира в предметной, т. е. рационально представимой форме[10].

Итак, феномен глобальной экономики есть наиболее отчетливый симптом, выражающий смысл картины мира современного человека (обратим внимание, что акцент на слове «мир» предполагает возможность возведения данной картины в абсолют, вследствие чего экономика может быть рассмотрена как метаязык современности, а акцент на слове «картина», напротив, подразумевает возможность непризнания претензий этого квази-абсолюта, вследствие чего экономика может быть

---

[8] Ср.: «От-даление есть ближайшим образом и большей частью усматривающее приближение, введение в близость как добывание, приготовление, имение под рукой» [6, 105].

[9] «Глобальный монетаризм… категорически осуждает все попытки задержать дематериализацию богатства, сохранить его в не подлежащей обмену и отчуждению форме. Деньги должны реализовать свою способность купить абсолютно все, включая как материальные субстанции, например, землю, так и духовные ценности, например, патриотический долг или профессиональную честность эксперта» [1, 166].

[10] Ср.: «Таков парадокс товарной формы: она — этот посюсторонний, “патологический” (в кантовском смысле слова) феномен — дает нам ключ к разрешению фундаментальной гносеологической проблемы: как возможно общезначимое и объективное знание?» [7, 24] — и далее: «Прежде чем мысль могла появиться как идея чистого качественного определения, этого *sine qua non* [непременного условия] современного естествознания, чистое качество уже работало в деньгах, в этом товаре, который сделал возможным (со)измерение стоимости любых товаров, независимо от их конкретных количественных характеристик. Прежде чем физика смогла сформулировать понятие чистого абстрактного *движения*, осуществляющегося в геометрическом пространстве независимо от любых количественных параметров движущихся объектов, социальный акт обмена уже реализовал такое “чистое”, абстрактное движение, которое оставляет совершенно незатронутыми конкретно-чувственные особенности объекта, увлекаемого этим движением: такова передача собственности» [7, 24—25].

рассмотрена как некий гипертекст, всегда способный обнаружить ресурсы для своего переистолкования). Понятием «всеобщей экономии» и обозначается, скажем мягко, не вполне традиционный сценарий истолкования сюжета глобальной экономики (или, лучше сказать, экономического глобализма).

Выше было сказано о двух возможностях философствования. Так вот, с одной стороны, можно анализировать феномен глобальной экономики на основании принадлежности к одной из противоборствующих точек зрения — к примеру, можно ставить на «консервативную геополитику», а можно — на «прогрессивную глобалистику» (употребляя выражения Л.Г. Ионина). С другой, однако, философ вправе задаться вопросом о самой природе предлагаемых альтернатив — не являются ли они проявлениями некой единой сущности, которую гораздо важнее осмыслить в ее исходной целостности, нежели отдаваться на откуп пусть непротиворечивой, но зато односторонней стратегии истолкования? В первом случае гарантированы однозначная понятность и оценка по принципу «свой — чужой», во втором легко навлечь на себя обвинения в невнятности, противоречивости, излишней умозрительности, а при «удачном» стечении обстоятельств — оказаться объектом догматической приверженности и соответственно ценой лжеистолкования, вульгаризации и фальсификации стать «классиком» очередной мироспасительной доктрины, как это часто бывало с большими философиями.

Концепция всеобщей экономии, разработанная Ж. Батаем, восходящая своими корнями к философии Ф. Ницше и развиваемая рядом представителей так называемого постструктурализма (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и др.), оказывается именно в такой ситуации: ее смысл достаточно «туманен» для не привыкших «философствовать молотом», зато значение отдельных формулировок легко может быть приспособлено для идеологического обоснования различных политических платформ (как это прекрасно показано в уже цитированной книге А.С. Панарина «Искушение глобализмом» [1, 181—230][11]).

[11] В целом сочувственно относясь к позиции А.С. Панарина, согласно которой своей философией постмодернисты оказывают неоценимую услугу «глобальным элитам», заинтересованным в ниспровержении «Больших Субъектов»

Итак, мы должны попытаться разглядеть в сценарии всеобщей экономии не очередное ответвление эконом-глобализма, не хотя и критическую, но все же только очередную его версию; надо увидеть в нем способ задействования ресурсов глобальной экономики вопреки ее собственной имманентной сущности.

Метафизический и социкультурный контексты, в которых развивается концепция всеобщей экономии, детально анализируются в замечательном исследовании С.Л. Кропотова «Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида». Основная идея может быть выражена следующим образом: поскольку всеобщность мировых процессов сегодня мыслима единственно в форме экономического, т. е. нацеленного на максимально эффективное использование ресурсов, обмена, постольку изначально утопично пытаться представить себе субъекта этих процессов как обладающего некими неотчуждаемыми достоинствами, позволяющими ему однозначно присваивать себе «прибыль» от этих обменов. Скорее, современный субъект сам конституируется мировыми уравнениями и планетарными потоками — в лучшем случае как перевалочный пункт или сфера обслуживания. Отсюда — субъект должен не настаивать на существовании чего-то априори бесценного — «права человека», «свобода личности», «демократия» и пр. давно уже стали ресурсами, средствами обеспечения процессов, протекающих на «другой» сцене, — но попытаться включиться в динамику мирового экономического процесса, в то же время не отождествляясь с его направленностью. Иначе говоря, мы включены в мировую экономику, пока верим,

---

как потенторов социального активизма, автор хотел бы все же отметить, что в этом постмодернизм (вернее, постструктурализм) разделяет судьбу всякой большой философии — разве платонизм, гегельянство, марксизм, ницшеанство в свое время не использовались как средство для захвата и удержания власти? Между тем, недостаточно просто указать на факт использования конкретных метафизических идей для такого рода целей; необходимо также показать, что эти идеи именно в силу их метафизического характера непременно содержат в себе еще и критический потенциал, своего рода противоядие. Поскольку на сегодняшней день помимо постструктурализма едва ли существует какая-либо другая *актуальная* метафизика, навряд ли возымеет успех попытка реанимировать философии прошлого, не пытаясь их прочесть на языке философии настоящего.

что в мире есть нечто, ради чего существуют купля и продажа; и мы смотрим на мировую экономику извне, если постигаем контекст, в котором *все сущее* является обменом купли-продажи; тогда впервые становится настоятельным вопрос не о *цене* тех или иных вещей, но о *смысле* нашего взгляда на мир.

В самом деле, по отношению к Экономике — или к Капиталу (давно пора писать их с большой буквы) — более не существует видимой оппозиции[12]: любая «революционная» отличность автоматически конвертируема во вполне «товарную» особенность — так, если теракты завораживают своей бессмысленностью, то их зрелищная сторона наделяется смыслом «экзотического» товара. Это означает, что экономическое пространство становится чем-то радикально внешним для наших воли и представления [9, 143—148].

По мнению С.Л. Кропотова, именно Ницше «стал одним из первооткрывателей сверхчеловеческого масштаба современной экономики» [9, 162]. Известно, однако, что объектом критической рефлексии для Ницше выступала не экономика в традиционном смысле слова, а моральное сознание европейского человека. Однако экономика и мораль имеют по крайней мере одну общую черту в контексте западного мировоззрения — в обоих случаях налицо претензия на универсальность оценки действительности (в этом смысле моральный индивид и экономический человек в качестве «разумного эгоиста» лишь по видимости являются противоположностями). Объявляя современную ему эпоху нигилистической, Ницше имел в виду воцарение ситуации, когда система универсальных ценностей перестает соотноситься с той реальностью, которая эти ценности вызвала к жизни — нигилизм означает автономизацию системы оценок,

[12] Ср.: «Капитал торжествует повсюду. Надо всем. Это ни для кого не секрет. Сегодня он считает, что способен подчинить все что ни есть. И подчиняет. В общем, мир стал вдруг как будто слишком маленьким, когда не осталось больше никого, кто мог не быть его частью. Когда не осталось больше никого, кто не хотел бы быть частью мира, ставшего вдруг целиком и полностью капиталистическим. То есть кажется, не осталось больше никого, кому не хотелось бы принадлежать хоть к какому-то миру, когда стало казаться, что мир мог стать для всех капиталистическим. Конечно же, не осталось больше ничего, что могло бы не быть капиталистическим, — *ведь не осталось больше ничего, что не обязано быть капиталистическим, просто ради того, чтобы хоть чем-нибудь быть* (курсив мой. — *А.П.*)» [8, 100—101].

когда субъект становится мыслим не как их причина, но исключительно как их следствие. Чтобы преодолеть это «забвение жизни», Ницше пытался выработать имморалистическую философию.

В основе данного проекта лежала интуиция целостного человека, а не человека как воплощения тех или иных предсуществующих ценностей. Напротив, ценности — не более чем точки зрения, которые полагает воля к власти в качестве сущности всякой жизни. «Ненависть, злорадство, хищность, властолюбие и что бы еще ни называлось злым принадлежат к удивительной экономии сохранения рода, разумеется дорогостоящей, расточительной и в целом весьма глупой экономии, которая, однако, до сих пор *убедительным образом* сохраняла наш род» [10, 513]. Оставим без обстоятельного комментария дарвинистские и антихристианские мотивы, звучащие в этой цитате из «Веселой науки» и сосредоточимся на удивительности той экономии, которая объявлена расточительной и даже глупой. Заметим только, что метафизика воли к власти все же не тождественна примитивному социал-дарвинизму: сущность подлинной силы — не жить за счет уничтожения слабых, но искоренять слабое в себе самой, разыскивая *другую* силу, воля ее, желая в качестве вызова собственному могуществу. Так, при негативных оценках глобалэкономизма (например, в лице политики «золотого миллиарда») едва ли стоит апеллировать к аутентичному ницшеанству — поскольку экономия воли к власти означает не чрезмерную эксплуатацию наличных ресурсов ради сохранения традиционных привилегий, но постановку таких целей, средства достижения которых еще только предстоит разыскать. Иначе говоря, в пределе речь идет не о том, конечно, чтобы использовать богатства слабых ради выгоды сильных, но о том, чтобы поставить проблему тех целей, которые способен реализовать мир в его целости — понятый как специфическая сила, в составе которой равно необходимыми могут оказаться как «сильные», так и «слабые» (и более того — перед лицом «космической перспективы» они могут даже поменяться местами).

Эта интуиция будет превращена в философский концепт Ж. Батаем. Батай последовательно будет противопоставлять всеобщую экономию экономии ограниченной как стратегию, основанную на принципе растраты, стратегии, основанной на

принципе накопления; при этом последняя будет исходить из безусловной ценности жизни, в то время как первая — отдавать предпочтение смерти. Понятно, сколь отпугивающей может показаться подобная, с виду тотально негативистская и бесчеловечная философия ищущему «плодотворности» и «результативности» исследователю; более того, куда же исчез ницшеанский пафос жизненности?

Но дело том, что Батай одним из первых постиг следующее обстоятельство: человеческая жизнь, насколько мы можем ее мыслить, уже загодя подчинена логике рынка в самом широком смысле этого слова — человек в любом случае оказывается потребителем и производителем товаров, услуг, благ, смыслов и т. п., а в плоть его сознания надежно имплантированы всевозможные «экономиксы», мотиваторы, утилизаторы и рационализаторы. В этом смысле, и феномен смерти обыкновенно мыслится нами в терминах «жизни» — как «несчастный случай», «нормальная» или «достойная смерть», и акт растраты — как возможная стратегическая уловка в долгосрочном накопительном проекте. Именно против этой изначальной коррумпированности сущности бытия направляет свою философию Батай.

«Феномен всеобщей экономии, как определяет его Ж. Батай, относится к материальному или интеллектуальному производству избытка, например энергии, информации или смысла, который в принципе не может быть утилитарно использован, хотя на практике и встречаются попытки его эгоистической утилитаризации, в том числе классово-корытного присвоения» [9, 198]. Субъекта, который стремится к производству абсолютного излишка, т. е. того, что может быть только растрачено и, таким образом, противопоставлено логике рационального обмена, Батай называет «суверенным». Отсюда понятно, что под смертью понимается не то, о чем информирует нас экономически детерминированные культура, общество и здравый смысл, а то, что таковыми всегда уже табуировано в качестве иррационального, т. е. антиэкономического — не подлежащего накоплению, использованию, инвестированию. Речь идет о том, что еще только предстоит произвести суверенной операцией; или, как комментирует эту идею Ж. Бодрийяр: «Смерть — это всегда уже имеющийся избыток и доказательство того, что жизнь недостаточна лишь при изъятии из нее смер-

ти, что жизнь существует лишь при вторжении в нее смерти и при обмене с ней, иначе она обречена на дисконтинуальный режим ценности, а значит на абсолютный дефицит» [11, 277].

Следует правильно понимать, что здесь имеется в виду. Здесь нет скрытого призыва к экономическому самоубийству хозяйствующего субъекта, будь то индивид, предприятие или государство — как если бы речь шла о выборе заведомо неэффективной стратегии развития (понятно, что таковая также, подобно «абсолютной ренте», включена в котировку рыночных возможностей). Речь идет о том, чтобы попытаться осмыслить каждый единичный акт обмена и всю мировую экономику в целом в контексте вопроса о том, о чем способен свидетельствовать тот способ бытия, который на языке современной экономики обозначается как «растрата», а на языке экономически детерминированной жизни — как «смерть». С другой стороны, если *вся* жизнь индивида, народа, человечества подчиняется логике рынка, производству и потреблению, т. е. *однозначно толкуемому отношению ко всем вещам без остатка*, то в каких же еще терминах сумеем мы описать эту жизнь[13]?

Таким образом, если глобальная экономика объемлет собой все сущее, но приемлет в вещах единственно то, что может быть включено в цепочку эквивалентного (т. е. осмысленного, а соответственно прибыльного) обмена — и в этом заключается ее ограниченность, — то всеобщая экономия предписывает субъекту обретать в вещах мира избыточное, излишнее, иррациональное и нерентабельное измерение — однако не как нечто, что можно сохранять, утверждать и приумножать (все это относится к интересам ограниченной экономии), но как то, что не может быть конвертировано посредством привязки к какой-либо общезначимой шкале ценностей; как то, что всегда готово оспаривать подобные шкалы, утверждая свои собственные —

[13] «Сделай паузу — скушай Твикс!», — очевидно, означает: «Не делай паузы, оставайся включенным!» — включенным в глобальную экономическую систему, где «свободное время — это, так сказать, форма “сложного труда”» [11, 68]. Кстати, еще Гегель в «Феноменологии духа» показал, что истолкование всеобщего как полезности (именно такое истолкование лежит в основе экономизма) есть, с одной стороны, вершина в деле постижения всеобщего в *предметной форме*, но с другой — как раз в силу внешнего характера предметной действительности, — подобное истолкование сулит самости страшные приключения на путях абсолютной свободы и ужаса [12, 311—315].

дабы, если придется, оспорить и их. Было бы недоразумением понимать всеобщую экономию как потребление бессмысленных вещей и производство бессмысленных действий — скорее, надо говорить о чем-то *сверх*-смысленном.

«Объектом» всеобщей экономии могут быть и дом, и страна, и даже планета — или просто твои собственные глаза, лишь бы только всегда хватало мочи их открывать и закрывать, не ориентируясь исключительно на ритмы мировой конъюнктуры. Действительность нас самих никогда не совпадет с суммой наличных в мире возможностей, сколь бы прибыльным не оказалось наше предприятие по их извлечению. Удивительность (и глупость) этой экономии состоит в том, что действительным (суверенным, по Батаю) нечто делается не в силу того, что эту действительность возможно запасти заранее или заручиться гарантиями какой-то внешней инстанции. В общепринятом смысле экономический обмен имеет внеположную цель — обеспечение существования; правда, целью существования оказывается способность к экономическому обмену — порочный круг ограниченной экономии; всеобщая экономия разрывает этот круг тем, что само существование, т. е. способность к обмену, также может быть обменено — но неэквивалентно, на то, что «при прочих равных» называлось бы смертью, тем самым исключаясь из оборота.

Здесь будет уместно процитировать великолепные строки из «Бытия и времени» М. Хайдеггера: «Лишь бытиесвободным *для* смерти дает присутствию не условную цель и вталкивает экзистенцию в ее конечность. Будучи выбрана, конечность экзистенции рывком возвращает из бесконечной многосложности подвертывающихся ближайших возможностей удобства, легкомыслия, увиливания и вводит присутствие в простоту его *судьбы*. Этим словом мы обозначаем заключенное в собственной решимости исходное событие присутствия, в котором оно, свободное для смерти, *передает* себя себе самому в наследованной, но все равно избранной возможности» [6, 384]. Смерть не есть абстракция небытия и предмет незнания, но возможность помыслить целость мира как конкретность собственной судьбы.

«Сети» глобальной экономики обращаются к нам с неизменным «специальным предложением» — для нас, специально для нас, запасено то-то и то-то, и всегда к тому же что-то еще:

новая модель, великолепное качество, уникальный шанс… От этого предложения трудно отказаться, ибо оно имитирует структуру нашего желания. И только с помощью таких уже малоубедительных философем можно попытаться дать слово той очевидной абсурдности закадрового вопрошания — а зачем это все?

Затем, что в качестве нашего бытия мы вот уже сколько веков сообщаем себе беспокойное единство двух разнонаправленных сущностей, о которых Хайдеггер в более позднем тексте писал как о споре мира и земли: «Мир есть разверзающаяся разверстость широких путей простых и сущностных решений в судьбе народа в его историческом совершении. Земля есть выход на свет постоянно замыкающегося, тем самым укрывающего и прячущего себя, того, что ни к чему не испытывает напора. Мир и земля сущностно отличны друг от друга и, однако, никогда не разделены. Мир основывает себя на земле, а земля пронизывает мир своим воздыманием в нем. Но сопряженность мира и земли отнюдь не прозябает в пустом единстве противоположностей, которым нет дела друг до друга. Мир, возлежа на земле, стремится вывести, возвысить ее над ее пределами. Как мир разверзающийся, он не терпит ничего затворенного. А земля, будучи землей укрывающей, склонна к тому, чтобы вбирать в себя и удерживать в себе мир» [13, 81].

Предельно упрощая, скажем: мир, живя полнотою своих проектов, грозит растратой земле с извечной скудостью ее «богатств»; земля, без устали сберегая живущее в ней, сулит смерть миру с его непомерными амбициями. И человек пребудет хозяином этой земли и этого мира, покуда будет готов связывать себя с судьбой выбранного им способа быть, сколь бы жестоким ни был ее приговор — и это остается в силе, даже если речь идет о глобальной экономике как о способе бытия: быстрее всего порастают мхом остовы планетарных устремлений. Экономист должен показать, как наиболее эффективно использовать свой потенциал в глобальной экономике. Философ — как пережить свою необходимую сопряженность с нею, не питая иллюзий о какой-то иной жизни. Глобальная экономика приучает нас относиться к трагифарсу не как к одному из возможных сценариев, а как к ситуации бытия вообще: трюк состоял в том, чтобы многократно умножить цену жизненной простоты (о каковой, кстати, современный человек знает ис-

ключительно понаслышке), сообщив ей статус редчайшего из благ, обретение которого к тому же приводит к катастрофическому обесценению всех прочих дорогостоящих ресурсов. Впрочем, нечто ведь лучше, чем ничто, говорят философы — вспомним в этой связи хотя бы героев Константина Вагинова:

«И хотя теперь почти не верил в загробное существование Тептелкин, сон Сципиона был для него пленителен; музыка пела, и рвалась, и падала каскадами; и хотя теперь он чувствовал, что его любовь к Возрождению смешна и необоснована, он никак не мог расстаться, порвать с широтой горизонта.

Спешит лысый в книжный магазин, как за водой живой.

— Не правда ли, Марья Петровна, мы не можем жить без Цицерона, — говорит он и греет ноги у кафельной печки. А огонь трещит, трещит» [14, 151].

Литература

1. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М., 2000.
2. *Иноземцев В.Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999.
3. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
4. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.
5. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.; СПб., 1998.
6. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
7. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
8. *Сюриа М.* Деньги: крушение политики. СПб., 2001.
9. *Кропотов С.Л.* Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург, 1999.
10. *Ницше Ф.* Веселая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
11. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
12. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб., 1992.
13. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
14. *Вагинов К.* Козлиная песнь: Романы. М., 1991.

И.Р. БУГАЯН

О закономерностях перехода доминантных свойств от одного фактора производства к другому (Философия хозяйства. 2002. № 3)

Как известно, существуют четыре фактора производства: капитал, труд, земля, предпринимательская деятельность. В производственной функции Кобба—Дугласа степенные показатели (эластичности по факторам производства) даны как постоянные величины. Тем самым зафиксировано, что единица прироста труда имеет в три раза большее влияние на производство, чем единица прироста капитала. Другими словами, признается, что переменный капитал является в данной производственной функции доминирующим фактором.

Сама концепция доминирования того или иного фактора производства весьма продуктивна для проведения экономического анализа. Но правильно ли, если доминантные свойства раз и навсегда закрепить за одним из факторов производства?

Для исторического периода, рассмотренного Коббом—Дугласом, предложенные ими характеристики факторов производства достоверны. Но если взять более обширный пласт времени, а это необходимо сделать, поскольку рыночные отношения существуют, по разным оценкам, пять-семь тысяч лет, то откроется несколько иная картина.

На наш взгляд, в разные исторические периоды развития рыночных отношений доминантными свойствами обладали разные факторы производства. Образно говоря, по мере развития общественных отношений они как бы передавали друг другу эстафетную палочку доминантного влияния на производство.

В эпоху глубокой древности, в период становления рыночных отношений и возникновения денег (примерно 6 тыс. лет назад) доминантным влиянием на производство обладало предпринимательство, которое носило посреднический характер, а доминантным товаром, т. е. товаром, собственность на который позволяла присваивать прибавочный продукт, — деньги. Денежный товар открыл возможность использовать разницу в ценах для присвоения прибавочного продукта. Это вызвало появление целого сообщества людей, которые сделали посредническое предпринимательство, осуществляемое в форме морских перевозок, и необходимо сопутствующее им развитие навигации, мореходства основными видами деятельности. Постепенно

эти люди сформировались в этнос, вошедший в историю как финикийцы (самоназвание — хааниты), которых римляне называли пунийцами. Именно последним принадлежит заслуга во введении в оборот бумажных денежных знаков, науки о бухгалтерском учете, навигации и многого другого, связанного с предпринимательской деятельностью.

Финикийцы не создали великих государственных тел; они селились лишь там, где можно было с наименьшими издержками заниматься посреднической деятельностью — вдоль берега Средиземного моря: сначала на Азиатском, потом на Северо-Африканском побережьях. Таким образом, они проявляли незначительный интерес к прочим факторам производства, даже к земле. Решающее значение они придавали лишь возможности заниматься посреднической предпринимательской деятельностью, что и являлось для них основным источником роста прибавочного продукта и, таким образом, носило доминантный характер. Поскольку инструментом посреднического предпринимательства в то время являлись деньги, то можно смело утверждать, что последние и выступали как доминантный товар.

В тот исторический период степенной показатель фактора «предпринимательство» был наивысшим по сравнению со степенными показателями других факторов, т. е. он доминировал, возможно, составляя более 0,5. Именно этим можно объяснить несметное даже по сегодняшним представлениям богатство этносов, возникших на основе доминирования фактора производства предпринимательства и доминантного товара денег. Самые известные среди них, в смысле высоких предпринимательских способностей, успехов в посреднической деятельности, были посредниками по обмену всех товаров от берегов Немецкого (Балтийского) моря и Испании до Малабарского берега в Индостане. В обменных операциях они проявляли величайшее мужество, настойчивость и предприимчивость.

Деньги как доминантный товар и торговля, породив лучшие качества финикиян, одновременно поглотили все их духовные интересы. Они не сотворили величественной религиозной системы, искусств, наук, не хотели — или не умели — выполнять тяжелый труд, чтобы создать и обеспечить себе блага самостоятельного существования.

Самым известным городом финикиян был Карфаген («Новгород»).

Финикияне тщательно разрабатывали только те отрасли знаний, которые имели отношение к торговле и мореплаванию: наличествовали планы государственных займов в современном нам смысле слова, в обращении были денежные знаки, соответствующие нынешним ассигнациям; они ответственны за появление банковского дела и финансовых операций.

Доходы финикиян, в частности Карфагена, и по сегодняшним меркам значительны. Когда после второй Пунической войны римляне наложили на Карфаген огромную контрибуцию в 340 000 талантов (примерно 10 000 т серебра в год) на 50-летний срок, карфагеняне не только уплачивали эту сумму без специальных налогов, но и предложили через 14 лет погасить сразу все оставшиеся взносы.

Если бы задачи государства сводились только к управлению финансами, то нигде и никогда они не были бы решены лучше, чем в Карфагене.

Свидетельством тому, что доминантные свойства, выраженные в превосходящем степенном показателе, не закрепляются раз и навсегда за тем или иным фактором производства, является тот факт, что могущество того или иного этноса, возникшего на доминанте определенного фактора производства и соответствующего ему товара не остается вечным. Исчезновение финикийцев как ведущей экономической силы — уход не одномоментный, а сопровождающийся длительными кровопролитными войнами с нарождающимися этническими образованиями (в данном случае, речь идет о длительных, в течение 140 лет, пунических войнах между Римом и Карфагеном, между римлянами и финикийцами), вызван усилением иного фактора и иного доминантного товара.

Разрушение Карфагена свидетельствовало о том, что доминантным фактором производства стал труд, а доминантным товаром — рабы. Степенной показатель в производственной функции фактора — «труд» — превзошел степенной показатель фактора — «предпринимательство», что и явилось экономической основой длительного господства этноса арийцев, будь то римляне, эллины (преимущественно в Европе), парфяне, армяне (преимущественно в малой Азии).

Рим, созданный арийцами, вышел победителем только потому, что рабы стали приносить больший прибавочный продукт, нежели посредническая предпринимательская деятельность.

Глубинная суть этих столкновений и войн заключалась в объективном и сущностном развитии материальных и интеллектуальных условий экономической деятельности, которая все больше выявляла, что прибавочный продукт, создаваемый трудом рабов, используемых арийцами, возрастает темпами, опережающими по сравнению с прибавочным продуктом от посреднической предпринимательской деятельности семитов, в данном случае финикийцев. Поскольку успех в ведении любых войн во многом зависит от финансирования, то со временем у римлян нарастали преимущества в оснащении армии и в проведении военных операций. Внешне это проявлялось в том, что в ходе этих бесчисленных войн римлянам всякий раз удавалось не только выставлять лучших, но и численно превосходящих армию карфагенян солдат. В этих условиях даже блестящий дар Ганнибала, последнего из «львиного рода Гамилькарова», в конечном итоге оказался бессилен.

Карфаген был, пожалуй, единственным городом, где денежное хозяйство преобладало над всем прочим, в Риме же — наоборот.

К моменту столкновения Рима и Карфагена силы обоих были приблизительно равны. Но в Риме доминантным товаром были рабы, а в Карфагене — деньги; в Риме большинство населения было собственниками, а в Карфагене — нет.

В финансовом отношении Карфаген далеко превосходил Рим, но это было, пожалуй, единственным его преимуществом. В целом же общественные отношения Карфагена, базирующиеся на товаре, теряющем свое доминантное значение, — деньгах, отставали, и победа Рима была лишь вопросом времени[14].

В основе последовавшей затем гибели Рима, как и гибели Карфагена, лежала одна и та же причина — потеря большинст-

[14] Доминанта денег — причина близорукой, своекорыстной, мелочной политики карфагенских правителей. Карфагенский сенат не дал Ганнибалу необходимых средств, когда он мог достигнуть успеха; презренные доносы карфагенских олигархов на Ганнибала и их жалобы в Рим вынудили его бежать, избавив свое отечество от величайшего позора — выдать своего лучшего сына его неумолимому врагу [1, 95].

вом горожан собственности из-за смены одного доминантного товара — рабов, другим — землею[15].

В Риме господство крупнотоварного производства, основанного на рабском труде, дошло до предела. Отсутствие критической массы мелко- и среднетоварного производства, базирующегося на личном труде собственника, одинаково губительно.

В недрах рабовладельческих отношений зарождались более совершенные, феодальные, основанные на новой доминанте — земле (зарождалась так называемая система колоната)[16]. Могущество Римской империи пошатнулось, она распалась на две части: Западная Римская империя (в V в. н. э. свергнули последнего ее императора) и Восточная Римская империя, в дальнейшем называвшаяся Византией (была завоевана турками в XIV—XV вв.).

Римляне должны были уступить и уступили историческую арену новым этносам, обладающим новым доминантным товаром — землей.

Звезда древних арийцев, как до этого семитов, могла ярко светить ровно столько, сколько времени степенной показатель фактора производства — труд — превосходил степенные показатели остальных факторов. По мере изменения соотношения между степенными показателями и увеличения степенного по-

---

[15] Если римлянин считал основным богатством рабов, то хуннский царевич Модэ, ставший царем в 209 г., — землю. Предки гуннов — хунну — были небольшим по численности народом, сложившимся в IV в. до н. э. на территории Монголии. В III в. до н. э. они переживали тяжелые времена, платили дань восточным кочевникам дун-ху, которые сначала пожелали получить самых лучших лошадей. «Не стоит воевать из-за коней», — подумал Модэ. Затем дун-ху потребовали прекрасных женщин, в том числе и жену царя. «Жизнь наша и существование государства стоят дороже, чем женщины», — решил Модэ. Наконец, дун-ху потребовали кусок пустой земли, служившей границей между ними и хунну. Это была пустыня на востоке Монголии, и некоторые считали: «Эта земля не нужна, ведь мы на ней не живем». Но Модэ сказал: «Земля — основание государства. Землю нельзя отдавать!». После этого приказал воинам немедленно двинуться в поход на дун-ху и победил их.

[16] Колонат — форма производственных отношений между крупными земельными собственниками и непосредственным производителем — колоном, получившая широкое распространение в Римской империи. При системе колоната крупная земельная собственность дробилась на парцеллы — небольшие земельные участки, сдаваемые землевладельцем в аренду колонам, которые постепенно прикреплялись к земле.

казателя фактора производства — земля — убывало могущество этих этносов и усиливались этносы, которых они называли варварами. В конечном итоге с достижением превосходства степенного показателя фактора производства «земля» над степенными показателями других факторов производства, воцарились новые этносы. Они уже возникли на основе фактора производства «земля»; наиболее заметными среди них, обладающими наибольшим богатством в виде земли стали россияне — Третий Рим.

Этнос русских возник на основе не только культуры и технологий Византии[17], но, главное, на совершенно новом, невиданном в Византии доминантном товаре — земле[18].

Одной из наиболее близких к римской системе колоната разновидностей феодального землевладения, зародившейся в IX—X вв. и получившей широкое распространение на Руси, была «вотчина».

Каждый вотчинник служил князю лишь по договору, считал себя самостоятельным, вел почти натуральное хозяйство; господская запашка была невелика, барщина еще только зарождалась. Основной формой эксплуатации зависимых крестьян являлся натуральный оброк.

После того, как Иван Грозный наделил опричников за службу поместьями, которые, так же как лены и феоды в Западной Европе, были первоначально формой условного землевладения, привилегии вотчинников оказались значительно урезанными. Поместья дворян по своим размерам сильно уступали вотчинам. Это вызывало рост господской запашки, расширение

---

[17] Начало заимствованию культуры и технологий Византии положил князь Олег (родился предположительно в 912 г.; др.-рус. князь. Правил с 879 г. в Новгороде, с 882 в Киеве); В 907 г. совершил поход в Византию, взял Царьград (он же Константинополь — столица Византии, ныне крупнейший город Турции — Стамбул), Олег как дальновидный политик не стал разрушать культуру Византии, которая впоследствии была заимствована Россией; в 911 г. заключил с ней договор. Киевские князья роднились с византийскими императорами.

[18] Наивысший расцвет Российской империи пришелся на годы правления Екатерины II (чем больше земли, тем больше прибавочного продукта). Екатерина II Алексеевна (1729 — 1796) — росс. императрица с 1762 г. В годы ее правления были присоединены: Сев. Причерноморье, Крым, Сев. Кавказ, зап.-укр., белорус. и литовские земли.

барщины, увеличение натурального оброка, частично заменяемого денежным.

Поместье по сравнению с вотчиной было экономически более развитой формой землевладения. По указу от 23 марта 1714 г. о единонаследии вотчинник и помещик юридически становились уравненными в правах землевладения. Наступил новый, более зрелый этап русского феодализма.

Доминирующая роль земли получила юридическое оформление. Однако к этому времени во многих странах Западной Европы (Италии, Голландии, Англии, Франции и др.) уже выдвигался в качестве доминантного новый товар — рабочая сила. Развитие на его основе капиталистической мануфактуры вызвало необходимость совершенствования феодальных общественных отношений в Пруссии, Польше, России, Японии и других странах. Феодальные поместья приспосабливались к новым условиям. Дворяне создавали крупные предприятия мануфактурного типа, на которых крепостные крестьяне отрабатывали барщину, превращались в постоянных «работных людей», или «фабришников», получали «кормовые деньги».

Со второй половины XVIII в. дворянское предпринимательство приобрело в России большой размах. Так же, как прусские юнкеры и польские паны, русские дворяне чаще всего создавали винокурни, полотняные и суконные предприятия, поташные заводы и шелковые мануфактуры.

Так система феодальной эксплуатации крепостных крестьян переносилась в промышленность, где уже господствовал новый доминантный товар — рабочая сила. Развернувшаяся конкурентная борьба между промышленными предприятиями, основанными на разных доминантных товарах: теряющем свое прежнее значение — земле и приходящем ему на смену — рабочей силе, неизбежно должна была привести и привела в России к глубокому кризису вотчинной промышленности в первой половине XIX в. Ко времени реформы 1861 г. она почти исчезла, уступив место капиталистической мануфактуре.

Почему могущество Руси пришло в упадок? Изменилась субординация факторов производства. Степенной показатель фактора производства — капитал — превзошел степенные показатели всех других факторов производства, в том числе, и земли. Появился другой доминантный товар — рабочая сила, на основе которой возникли новые этносы, населившие Америку,

Австралию, все отношения между людьми при этом строятся на взаимоотношениях, связанных с наймом рабочей силы.

Процесс преобразования экономических отношений в России, сложившихся на основе земли как доминантного товара, с появлением нового доминантного товара — рабочей силы — проходил крайне неравномерно. С 1861 по 1890 г. громадное большинство россиян, включая революционеров-народников и атакуемых ими сторонников самодержавия, объединяла общая вера в особенную, совсем не такую как на Западе, дорогу России.

В 90-е гг. XIX в. иллюзии о возможности отказа от рынка, основанного на доминантном товаре рабочая сила, рухнули. Рубежом стал голод 1891 г.

В январе 1890 г. Россия оставалась такой же, как в 1861 г. А в 1905 г. ее было не узнать: появились электрическое освещение, телефон, кино, радио, трамвай, автомобили, уже строились самолеты. Новые, очевидные, бросающиеся в глаза черты жизни свидетельствовали о том, что в России доминирующим фактором производства стал капитал, а товаром — рабочая сила, и что это закономерный этап экономического и исторического развития.

Драматизм ситуации состоял в том, что крестьяне, будучи арендаторами (да не прямыми, а через общину, с периодическими переделами «по едокам»), еще не разделились на классы, типичные для рынка, где доминантный товар — рабочая сила. Поэтому объективно они оставались экономической опорой рыночных отношений с доминантным товаром «земля». Выступая против феодального землевладения политически, крестьяне стремились сохранить его экономическую базу — общину. Характерен в этой связи Всероссийский съезд крестьян в Петрограде (25 мая 1917 г.), по сути, первый открытый крестьянский референдум о форме собственности на землю. Съезду была дана возможность проголосовать либо за проект резолюции кадетов, предусматривающий частную собственность на землю, либо за проект эсеров, предлагающий общинную собственность; 80% участников съезда проголосовали за резолюцию эсеров.

В то же время в городах происходил неуклонный промышленный бум, особенно в южных районах, где крепостничество, основанное на прежнем доминантном товаре, не успело пустить глубокие корни. За последние 10 лет XIX в. Россия уд-

воила выпуск промышленной продукции, причем чугуна, стали, продукции машиностроения произвели больше в 3, 6 и 4 раза соответственно; было проложено 21 тыс. верст железных дорог (больше, чем в США и Японии). Из 14,5 тыс. российских предприятий к 1900 г. 2/5 были построены с 1890 по 1900 г., т. е. по последнему слову техники, технологии, и имели отменную конкурентоспособность.

Разнонаправленное развитие промышленности, основывающейся на новом доминантном факторе производства — капитале, и сельского хозяйства, базирующегося на старой доминанте — земле, привело в период с 1890 по 1904 г. к нагнетанию неистового социального напряжения, разразившегося в конце концов социальными взрывами 1905 и 1917 гг.

Верх взяли приверженцы общины. Историческая необходимость нового рынка, основанного на доминантном товаре «рабочая сила», была вынужденно подменена старой петровской политикой в новом идеологическом обличье[19].

Надо признать, что эта политика дорогой ценой, но все же решала свои задачи, пока доминантными фактором производства оставался капитал, а товаром — рабочая сила.

Но по мере развития цивилизации степенные показатели факторов производства продолжали изменяться и наивысшего размера вновь достиг показатель, связанный с фактором производства — предпринимательство.

Кругооборот, совпадающий по времени с «парадом планет по отношению к земле» (повторяется раз в 6 тыс. лет) и возврат к предпринимательству как к современному доминантному фактору производства, вызванному НТР и НТП, придал ему новое качество. Предпринимательство стало основываться на новых и информационных технологиях. Другими словами, хотя и произошел возврат к предпринимательству как к доминирующему фактору производства, современным доминантным товаром уже являются не деньги, как 6 тыс. лет назад, а другой доминантный товар — новые и информационные технологии. Следовательно, своеобразный кругооборот доминантных свойств факторов производства с периодизацией 6 тыс. лет вовсе не означает, что происходит и возврат к тем же самым това-

[19] Об этом подробно см.: [2].

рам, которые некогда были доминантными. Доминантные свойства одних и тех же факторов производства скорее всего будут проявляться в иных доминантных товарах, нежели в предыдущем кругообороте[20]. Эта качественная, постоянно повторяющаяся закономерность потребовала количественной определенности[21].

Известная производственная функция Кобба—Дугласа $F = AK^{\alpha} T^{1-\alpha}$, $o<\alpha<1$ (А — некоторая постоянная) в свете вышеуказанных рассуждений должна быть модифицирована следующим образом:

$$F(P, T, Z, K) = A P^{\alpha} T^{\beta} Z^{\gamma} K^{\delta}, \qquad (A)$$

где P, T, Z, K — выраженные в денежных единицах факторы производства.

Показатели α, β, γ, δ, связаны между собой уравнением $\alpha+\beta+\gamma+\delta=1$.

P — оценка в денежных единицах затрат на создание условий, максимально благоприятных для предпринимательской деятельности;

T — оценка в денежных единицах затрат на подготовку необходимых трудовых ресурсов;

Z — оценка «полезного» земельного фонда;

K — объем «основного» капитала.

В связи с тем, что в середине XX в. произошла смена доминантного товара и рабочая сила уступила доминантные свойства новым и информационным технологиям, имеет смысл остановиться на показателях производственной функции, которые ответственны за эту трансформацию, поскольку, как уже отмечалось, именно они подвержены изменениям, которые и вызывают переход доминантных свойств от одного фактора производства к другому.

Основания производственной функции отражают количественные характеристики экономического развития, а качественные — ее показатели степени.

В числе новых закономерностей, вызванных сменой технического прогресса научно-техническим и научно-

[20] Так, например, нынешний возврат к предпринимательству как доминирующему фактору производства внешне проявляется в доминанте уже не денег, как во времена финикийцев, а новых и информационных технологий, объединяющих западных европейцев в единый этнос — ЕС.

[21] См. об этом подробно: [3,34—37].

технической революцией — резкое возрастание морального износа второго вида, в результате которого все больший объем оборудования, электронной, вычислительной и другой техники и технологий оказывается не пригодным к дальнейшей эксплуатации, экономически убыточным, другими словами, подлежит выводу из производства. Это накладывает новые условия на показатели производственной функции; область их изменения должна быть, на наш взгляд, существенно расширена, что необходимо для улавливания появившихся новых закономерностей. Речь идет, по существу, о том, что в отличие от классического варианта (где диапазон изменения показателей $\alpha>0$, $\beta>0$, $\gamma>0$, $\delta>0$, $\alpha+\beta+\gamma+\delta=1$), необходимо допустить изменение показателей в диапазоне $-1<\alpha<1$, $-1<\beta<1$, $-1<\gamma<1$, $-1<\delta<1$.

В этом случае уместно говорить, что производственная функция имеет отрицательную эластичность по соответствующему фактору производства — факт, парадоксальный с количественной, «обычной», и естественный — с качественной точки зрения.

Устаревшие технологии имеют так называемую «отрицательную» эффективность. Поэтому основания производственной функции с отрицательным показателем можно заменить дробью, т. е. величиной, меньшей единицы, но уже с положительным показателем. Новым же технологиям, хотя и имеющим стоимостное выражение, меньшее «единицы», будет соответствовать величина, большая «единицы», причем в положительной степени.

До сих пор попытки создать модели смены технологических укладов оказывались не в состоянии вобрать в себя переход от одного доминантного фактора производства к другому, поскольку они не учитывали качественных изменений, не говоря уже о таком допущении, как изменение показателей в диапазоне от –1 до +1. В результате происходило усложнение классической модели дополнительными специфическими множителями, которые, однако, не в состоянии непрерывно улавливать происходящие изменения.

Например, приводится динамическая модель [4], где при построении двухфакторной производственной функции научно-технический прогресс может быть учтен с помощью введения множителя НТП e^{pt}, где p — параметр ($p>0$), характеризующий темп прироста выпуска под влиянием НТП:

$$y = e^{pt} f(x_1(t), x_2(t)) \ (t=0,1,...,T).$$

Эта производственная функция включает только нейтральный, т. е. не материализованный в одном из факторов, технический прогресс.

Приводится модель смены технологического уклада с двухфакторной производственной функцией [5], неявно учитывающая изменения показателей функции Кобба—Дугласа при переходе от старого к новому способу производства. Однако об области изменения параметров речь не идет.

Литература

1. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1993.
2. *Бугаян И.Р., Криченко С.И.* Рынок и политика: соотношение и мера (исторический аспект) // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. 1992. № 3—4.
3. *Бугаян И.Р.* Макроэкономика. Сер. Учебники, учебные пособия. Ростов н/Д., 2000.
4. *Замков О.О., Толстопятенко А.В., Черемных Ю.Н.* Математические методы в экономике. М., 1999.
5. *Колешаев В.А.* Математическая экономика. М., 1998.

А.И. НЕКЛЕССА

Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство (Философия хозяйства. 2002. № 1)

Куда идет мир: к многополюсному социуму, к новой биполярности США и Китая, к монополярной системе правления страны-гегемона либо международной администрации, к безбрежному и анонимному пространству, управляемому и направляемому безликими сетевыми организациями, или же к распаду всякой устойчивой социальности и вселенскому хаосу? Что, в конце концов, происходит; созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повышается или понижается на планете градус цивилизации? Вот, пожалуй, центральные вопросы, интригующие и завораживающие тех, кто занимается сейчас современной «игрой в бисер» — вычерчиванием социально-политической картографии наступившего века.

То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, становится очевидным. Новые организационные схемы и принципы управления взрывают прежние со-

циоконструции, меняя привычные коды власти. Существующие карты XXI в., однако, пока весьма расплывчаты, неточны, а порой более чем двусмысленны. На их виртуальных листах видны одновременно и контуры «великой суши» Четвертого Рима — грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» — нестационарной, турбулентной системы международных связей, не нуждающейся в устойчивой государственности.

Между тем на едином глобусе обновленной реальности мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием, — тут можно вспомнить и Ирак, и Боснию, и Косово, и Македонию, и Афганистан, и другие, менее заметные ситуации, — исподволь выстраивается в единый типологический ряд. Умножаясь в числе и расширяясь в пропорциях, эта динамичная паутина социальных вывихов и пришедших извне властных компенсаций постепенно сливается в неведомый ранее социотопологический синтез — сложный рельеф повсеместно контролируемого и управляемого хаоса. Так что новый камзол мирового порядка, скорее всего, имеет скрытую до времени, но дырявую подкладку — ткань универсальной мировой анархии.

Процессы, разворачивающиеся в настоящее время на планете, вряд ли можно счесть однозначными, тем более легко прочитывающимися. Социальные, политические, экономические мутации образуют новые, смысловые конструкции, структура элементов которых в каждом отдельном случае вроде бы ясна, но общий смысл — темен, а механизм действия нередко обескураживает. Осмысление алгоритма глобальной трансформации в его различных проявлениях является в настоящее время едва ли не основным интеллектуальным занятием гуманитарного научного сообщества.

На рубеже нового тысячелетия — этого, пока невнятного *Tertium Quid* современной цивилизации — о контурах новой цивилизации, о механике драматичных изменений, о своем видении будущего сочли необходимым высказаться многие из ведущих исследователей социальной перспективы: Э. Тоффлер и Дж. Несбит, Дж. Гэлбрайт и И. Валлерстайн, З. Бжезинский и Г. Киссинджер, А. Турен и Н. Хомски, Л. Туроу и А. Этциони, М. Кастельси и Э. Лютгеак, С Хантингтон и Ф. Фукуяма, П. Дракер и Э. Гидденс, и др. Среди дискуссионных проблем со-

временности оказались такие ключевые феномены, как глобализация, социальный постмодерн, новый мировой порядок, сетевое сообщество, хозяйственная трансформация мира, интенсивное развитие информационной экономики (или как ее стали определять *knowledge-based economy),* наконец, генезис «новой экономики» в США. В последние годы публикуется, кроме того, значительное число работ как об азиатско-тихоокеанском регионе, о становлении на просторах Восточной и Юго-Восточной Азии комплементарного пространства индустриальной цивилизации — Нового Востока, так и о нарастающей дисперсии власти**,** различных проявлениях асоциальности, о росте влияния деструктивных, террористических организаций и расширении зыбких границ трансконтинентального архипелага Глубокого Юга[22].

Современная цивилизация переживает универсальную трансформацию и в ряде своих жизненно важных проявлений демонстрирует черты новой исторической эпохи. Вот, пожалуй, главный итог, сухой остаток новизны от многочисленных дискуссий XX в. В последнее десятилетие чаще, чем прежде, можно было услышать о неприглядных, теневых сторонах Нового мира. В 90-е гг. в разительном контрасте со схемами *global village* 60—80-х гг. звучали рассуждения о наступлении периода глобальной смуты (З. Бжезинский), о грядущем столкновении цивилизаций (С. Хантингтон), об угрозе планетарного хаоса (К. Санторо), о движении общества к новому тоталитаризму (Иоанн Павел II), о конце либерализма (И. Валлерстайн), об угрозе демократии со стороны не ограниченной в своем «беспределе» рыночной стихии (Дж. Сорос), о поражении цивилизации и пришествии нового варварства...

В ряде исследований проявилась весьма критичная оценка процесса глобализации, указывающая как минимум на его неоднозначность [1—8]. Заметно чаще звучит тема деконструкции, связанной с глобализацией массовой мифологии, затевающей драматичные реалии возникающего постсовременного мира, сковывающей процесс его осмысления. Лишь с недавних пор осознается различие между глобализацией как тенденцией, определяемой мощью цивилизации, ее способностью эффективно проецировать

[22] Подробную библиографию зарубежных работ по данной проблематике см. в статье автора «Осмысление Нового мира», опубликованной в журнале «Восток» (2000, № 4).

себя в планетарном масштабе, и глобализмом как определенным цивилизационным стандартом, мировоззрением, имеющим свои теневые стороны и порождающим собственную антитезу — идеологию и движение антиглобализма.

К началу нового века на планете отчетливо проступили контуры ее монополярной геометрии. «Окончание тысячелетия совпадает с периодом, когда преимущество Америки превратилось в доминирование, — констатировал в 2000 г. Генри Киссинджер. — Никогда прежде ни одна страна не достигала такого преобладающего положения в мире и в столь многих областях деятельности, начиная от производства вооружений до предпринимательской активности, от технологических достижений до массовой культуры» [9]. А Сэмуэль Бергер, помощник по национальной безопасности президента Уильяма Клинтона, выступая в Национальном клубе печати с докладом «Американское лидерство в XXI веке», закончил речь следующими словами: «Америка достигла такого уровня, когда по своей силе и процветанию мы не имеем себе равных. Это очень хорошая позиция для вступления в новую эру» [10, 83].

«Кто равен мне в мире сем?» На пороге третьего тысячелетия перед Соединенными Штатами, ставшими глобальной державой — моделью Нового Рима в постсовременной Ойкумене, — раскрылись волнующие перспективы. Однако лидерство США в мире все чаще связывается с экономическим и военным превосходством и *все* реже с превосходством культурным и моральным. Генри Киссинджер в процитированной выше статье (опубликованной, кстати, под характерным названием «Наше близорукое видение мира») отмечает, что американское общество «в результате окончания холодной войны испытало искушение навязать миру в одностороннем порядке свои предпочтения без учета реакции других народов либо иных долгосрочных издержек данного курса» [9]. Критике**,** в частности, подвергались наметившееся расхождение между политической риторикой и повседневной практикой американской администрации, ее неспособность плавно и гармонично трансформировать декларируемые принципы правления в общепринятые нормы поведения, появились сомнения и в отношении способности США удержать мировую ситуацию от сползания к хаотизации и последующему коллапсу.

Действительно, построение универсального сообщества, основанного на началах свободы личности, демократии и гума-

низма, на постулатах научного и культурного прогресса, на идее вселенского содружества национальных организмов, на повсеместном распространении модели индустриальной экономики — все эти цели и принципы оказались под вопросом. Напротив, происходит размывание структур гражданского общества, секулярного мироощущения, демократических принципов и процедур, все чаще используемых как камуфляж для совсем не демократической политики. «Не будет преувеличением утверждение, что в наиболее сознательных кругах западного общества начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма, — описывает создавшееся положение Збигнев Бжезинский. — Эта неуверенность усиливается получившим широкое распространение разочарованием последствиями окончания холодной войны. Вместо нового мирового порядка, построенного на консенсусе и гармонии, явления, которые, казалось бы, принадлежали прошлому, внезапно стали будущим» [11, 251]. В провозглашенной Америкой «Национальной стратегии для нового столетия» прямо констатировалось, что баланс безопасности в мире динамичен и неустойчив, поскольку подвержен угрозам, опасный потенциал которых «имеет тенденцию к росту». В самих в Соединенных Штатах к началу века также обозначились определенные негативные тенденции в обществе и экономике, появились симптомы дисгармонии, спада, да и социально-политическое обустройство планеты при помощи одних только финансово-правовых технологий стало выглядеть все менее вероятным.

Страна ощутила дыхание времени, приближение некоего исторического момента истины. В этих условиях американская элита и новая администрация Джорджа Буша-младшего, судя по ряду признаков, пришли к выводу о необходимости активных действий на опережение возможных негативных сценариев развития событий.

Между тем утверждающийся на планете порядок все отчетливее проявляет себя как порядок экономический — *Pax Oeconomicana.* Глобальная экономика — свершившаяся мировая революция нашего века, и она же становится повсеместно правящей системой. Однако появление этого глобального субъекта не привело к удалению с поля прежних игроков. Возникла эклектичная реальность, более сложная и порой парадоксальная в своих проявлениях, сочетающая характерные черты обеих структур. При

этом происходит также существенный сдвиг в привычных способах проекции власти.

Экономика меняет свое содержание, ей тесно в рамках прежних смысловых конструкций. Она начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом, как политика и даже идеология наступающей эпохи, становясь, по сути, новой властной системой координат. В результате привычные геополитические ориентиры уступают место геоэкономическим реалиям нового космоса[23]. Силовые маневры эпохи уже не связаны ни с завоеванием территорий, ни даже с прямым подчинением экономического пространства противника. Они скорее наделены на навязывание окружению своей политической воли и видения будущего, на установление и поддержание желаемой топологии мирохозяйственных связей, на достижение стратегических горизонтов**,** определяемых закономерностями геоэкономической конкуренциии масштабного управления рисками, на упрочение либо подрыв той или иной системы социально-экономических ориентации.

Столкновение стилей и форм хозяйствования, соперничество основных центров мирового развития, социальные и финансовые коллизии, непростые взаимоотношения между региональными сообществами — все это драматичные игры нашего времени, сопровождаются утверждением и одновременно реконфигурацией системы глобальной безопасности. Использование военной силы в этом контексте все чаще сводится к рамочной и превентивной демонстрации воли к ее применению, впечатляющих технических возможностей, точечных, но мощных ударов, нежели к полномасштабной и долговременной реализации привычной логики боевой мощи. Параллельно на просторах планеты разворачиваются нешуточные, хотя подчас невидимые обывателю сквозь го-

[23] Геоэкономика — относительно новое понятие. Оно вошло в социальные науки В 90-е гг. XX в.. и различные исследователи трактуют его по-своему. В предмете геоэкономики мне видятся три аспекта: (I) слияние политики и экономики особенно в сфере международных отношений; (2) географическая локализация определенных сфер экономической деятельности в контексте нового типа мирового разделения труда, связанного с формированием системы глобального управления; (3) географически определяемые формы и закономерности хозяйственной деятельности. Очевидно, что экономика тропической Африки и экономика Европы, экономика стран, расположенных в глубине континента и прибрежных, различны в силу резких климатических и географических особенностей.

лубой кристалл СМИ, геоэкономические войны, в ходе которых складываются очертания новой реальности, другого мироустройства.

Два взаимосвязанных процесса заметно изменили к началу нового тысячелетия облик мировой экономики. Во-первых, появление у нее оболочки, надстройки над микро- и макроэкономическими процессами в виде глобальной метаэкономики со своими специфическими законами и реалиями (наподобие штабной экономики, мирового дохода, универсального финансово-правового регулирования, новой экономический ренты и т. п.). Во-вторых, смена ее центрального вектора, связанная с открывшейся возможностью масштабного перераспределения мирового дохода на основе сложноподчиненной геоэкономической конструкции, увенчанной, в перспективе, короной общемировой налоговой системы. В мире, таким образом, прочерчивается универсальный социальный горизонт, чье имя — тотальный рынок. Выпукло высветились такие феномены, как мировая резервная валюта — алхимический кредит последней инстанции; глобальный долг, процентные выплаты по которому служат источником новых займов; последовательная приватизация прибыли в купе с социализацией издержек; свобода движения капиталов и параллельно — препоны на путях перемещения трудовых ресурсов; экспорт сверхэксплуатации и манипулирование рынком; управление рисками и хорошо темперированная хаотизация; универсальная коммерциализация жизни и максимизация доходов без учета динамики социальной среды и хозяйственной емкости биосферы.

Стремление к господству над природой — после впечатляющего инновационного прорыва — уступает место изощренному управлению людьми — системной оптимизации ранее обретенного знания, эффективному использованию его плодов, инвентаризации глобального имущесгва, составлению глобального каталога ценностей объектов. Последовательно формируется мирохозяйственная среда, в которой производство нерыночного объекта *(не-товара)* становится процессом эфемерным и маргинальным. Новая сервисная экономика высокопрофессиональных услуг, цифровая экономика и экономика знаний резко раздвигают экономический горизонт, начавший сужаться в мире «пределов роста» природозатратной экономики. В отличие от нее экономика инновационная способна снижать значение подобных ограниче-

ний, а информационная — их практически не имеет. Происходят миниатюризация и оптимизация промышленных механизмов, уменьшается их потребность в энергоносителях, ряд современных отраслей производства носят выраженный невещественный характер. Кроме того, творческий дар (от слова *даром)* — в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов — возобновляем и неисчерпаем.

В постиндустриальной экономике между тем возникают собственные непростые проблемы. Здесь фактически столкнулись две тенденции: одна, «вязанная с развитием информационных и финансово-правовых технологий, процессом каталогизации человеческого универсума, становлением системы глобального управления; и другая, основу которой составляет получение нового знания о мире и человеке. Трансформация предметного поля современной инновационной экономики в значительной мере связана с впечатляющим развитием социальных, финансовых, правовых, информационных и других «мягких», социогуманитарных технологий. Однако «сырьевая составляющая» этого экономического пространства — индустрия идей, импакт-факторов, семантических системообразующих концептов — все еще с трудом осознается как актуальная экономическая реальность.

Человек-творец — основа этой сферы. В странах нового технологического сообщества наиболее эффективным видом капиталовложений оказываются вложения не только в информатику, но и в человеческий капитал. Реально функционирующая экономика объединяет достижения этих двух сфер; информационной и инновационной (хотя и с заметным креном в сторону первой составляющей), резко снижая роль, подчас маргинализируя, значение таких, казалось бы, основополагающих институтов, как частный собственник, основные фонды и даже издержки производства. Одновременно в ее недрах вызревает драматичный конфликт между управленческой элитой и производителями нового знания, своего рода новый классовый конфликт XXI столетия.

Управленческая, административная тенденция тесно связана с институтом гигантских ТНК и ТНБ. Эти экономические организмы, обладая колоссальной экономической мощью и контролируя мировое экономическое пространство, совместными усилиями выстраивают сложноподчиненную конструкцию глобальной экономики. Достаточно сказать, что в списке 100 крупнейших экономик мира (понимаемых как национальные и транснациональные

экономические организмы) 51 позицию занимают ТНК. Здесь не столько создается новый продукт, наделенный теми или иными потребительски ми свойствами, сколько формируется долгосрочная «колея» организованной, олигополизированной торговли (преимущественно в виде макродиад, парного дублирования производства). Имеет место также субъективация стоимости, произвольное оперирование издержками производства, их подчиненное маркетинговой стратегии, активная торговля брэндом *(«продается товар, покупается брэнд»)* и интеллектуальной собственностью, сброс рисков на мелкие и средние предприятия через систему аутсорсинга и т. п.

Альтернативный тренд проявляется в росте численности и качественном развитии разнообразных венчурных средних, мелких и микропредприятий. Его специфика состоит в том, что центром тяжести предприятий новой экономики постепенно становятся не основные фонды и даже не управленческий ресурс, но непосредственно информация и человеческий капитал, все чаще — некоторое критическое число творческих личностей, от наличия или отсутствия которых порой зависит судьба самых мощных организаций. Но основную альтернативу прежним управленческим кодам представляют, пожалуй, сети, основной организационный принцип высокоразвитой, автономной, персонализированной среды действия.

Сеть — это стратегическая кооперация, приспособленная скорее для координации действий субъектов, нежели для управления объектами. Иначе говоря, здесь естественно сосуществуют достаточно различные политики в рамках определенного семантического интеграла. Распространение подобных организаций и усиление их влияния — магистральная тенденция наших дней. По потенциалу управленческих кодов, по эффективности процедур эти социальные и экономические организмы выше привычных форм организационной культуры. Подобный тип лучше приспособлен к динамичному, турбулентному состоянию среды, где вместо непрерывной функции реализуются цепочки дискретных проектов в некоем общем контексте. Сетевая культура расцветает именно на разломах, в момент кризиса или взлета. Проектная логика способна в этих непростых условиях минимизировать влияние долгосрочных, инерционных кодов и связанных с ними принципиальных ошибок. Кроме того, сетевая организация, будучи принципиально абюрократичной, способна к чудесному

качеству — преадаптации, т. е. может схватывать на лету ту или иную тенденцию и готовить результат, для которого пока нет массового потребителя.

Оба тренда, однако, не существуют в хозяйственной реальности как автономные и открыто противостоящие. Скорее, это две стратегические установки, нередко реализованные в недрах единых хозяйственных организмов, правда в заметно различных пропорциях. Отражается данная дихотомия также в перманентной конкуренции (диалоге) двух типов деятельности на всех уровнях экономического космоса. Ученый, привыкший оперировагь специальными терминами, сказал бы, что вся эта реальность голографична (или изотропна) и был бы прав.

Все более заметное воздействие на судьбы экономики и цивилизации оказывает энергичная и призрачная неоэкономика финансов — этот квази-Север новых мировых пространств. Ее генезис теснейшим образом связан с утверждением в XX в. идеологии кредитного замысла, распространением транснациональных схем координации и управления хозяйством, глобализацией деятельности банковского сообщества, появлением феномена оффшорных зон и огромных массивов беспризорных денег (или на профессиональном языке — евродолларов). И, в конечном счете, с рождением нового поколения экономических игр: масштабных финансовых технологий, реализованных благодаря революции в области информатики.

Новое информационное пространство позволило эффективно объединить географически разноликий мир в единое целое, осуществлять глобальный мониторинг экономической деятельности, контроль и управление ею. При этом интенсивно развивавшаяся отрасль информационно-коммуникационных услуг быстро превратилась в самостоятельный сегмент мирового хозяйства, часть постиндустриальной сферы, растущую едва ли не самыми бурными темпами. Действительно, если привычные виды промышленного производства, имеющие дело с материальными объектами, оказались в тисках пределов роста, то горизонты виртуальной реальности стали своего рода дальним рубежом цивилизации, вполне свободным от подобных ограничений. Финансовая интеграция мира — это одновременно и жизненная субстанция, и действенный символ современного прочтения глобализации. Здесь сошлись воедино экономическая интеграция, повсеместная, тотальная информатизация и транснациональная коммуникация.

Здесь же отчетливее всего проявился сам дух нового универсализма, заменивший проект мирового гражданского общества идеей глобального планирования и тотального контроля за распределением ресурсов.

Практическое становление всей этой неоэкономики тесно связано с фатальным кризисом бреттон-вудской системы, проявившимся в начале 70-х гг. и вполне совпавшим с логикой развития информационной революции, что имело следствием виртуализацию денег, рост всего семейства финансовых инструментов. В результате мир финансов практически стал автономным космосом, утратив прямую зависимость от физической реальности (что нашло свое выражение в отказе от рудиментов золотого стандарта, т. е. самого принципа материального обеспечения совокупной денежной массы). Пороговым событием, пожалуй, явилось изменение статуса фактической мировой резервной валюты — доллара. В 1971—1973 гг. США отказались от золотого обеспечения своей валюты. Перестал действовать, хотя и усеченный после 1934 г. (существовавший только для других стран), принцип обмена американских бумажных денег на золото[24].

Новая финансовая реальность оказалась необычайно эффективной и жизнеспособной именно в условиях теологизации, компьютеризации и либерализации валютно-финансовой деятельности, раскрепощенной как в национальных границах, так и, в особенности, на просторах транснационального мира. Быстрое развитие микропроцессорной техники, цифровых технологий, телекоммуникаций создавало единую виртуальную среду, способную координировать события и действия в масштабе планеты, причем в режиме реального времени, оперативно производить многообразные платежи и расчеты и мгновенно перемещать их результаты в форме электронных денег; стимулируя рост новой глобальной субкультуры — *финансовой цивилизации.* К концу прошлого века на планете сформировалось вполне автономное «номинальное» поле разнообразных валютно-финансовых операций, нередко расходящихся на практике с интересами человечества, по-

[24] Рыночная цена последнего вскоре после устранения фиксированной связи доллара с золотом поднялась практически на порядок, причем в условиях роста добычи желтого металла с применением современных технических средств. В целом же обесценивание доллара за последние сто с чем-то лет составляет два-три порядка, причем большая часть падения его реальной покупательной способности приходится на вторую половину этого срока.

требностями и нуждами «реальной» экономики, ее возможностями, объемом. Более того, подвергающих дальнейшее развитие общества, а возможно, и само его существование серьезной опасности.

За последние десятилетия в мире было разыграно несколько стратегических валютных и финансовых комбинаций, последовательно поднимавших ставки в этом глобальном казино. Один за другим возникали многоходовые, долгосрочные сюжеты — распространения мировой резервной валюты, обеспечивающей источник перманентного кредита (евродоллары); масштабной игры с нефтедолларами, превратившей ресурсы третьего мира в плоть и кровь глобальной кредитно-финансовой системы; аккумулирования совокупного глобального долга, последующей его рециклизации и перехода финансового сообщества к косвенному управлению такими макроэкономическими объектами, как национальные экономики, что, в частности, позволило отодвинуть далеко в будущее сценарий резкого скачка цен на природные ресурсы. В результате вместо взлета стоимости полезных ископаемых к концу столетия на планете разразился настоящий сырьевой бум.

Технология масштабной экономической игры выглядела приблизительно следующим образом. В начале 70-х гг. произошло радикальное изменение цены на нефть, оплачиваемой в новых, реформированных долларах, которое привело к настоящему взрыву на рынке кредита за счет нефтедолларов. Кредит стал общедоступным, даже избыточным. Началась яростная конкурентная борьба за клиентуру, процентные ставки серьезно понизились (и даже, в условиях инфляции, порой становились отрицательными), т. е. финансовые ресурсы на глазах превращались в скоропортящийся товар. В результате возник своего рода финансовый клондайк. И в числе основных потребителей избыточных средств оказались в значительной мере развивающиеся страны, недавно обретшие независимость. При этом проценты по вкладам, как правило, погашались за счет новых займов, банки имели устойчивый доход, а экономика процветала в условиях низких учетных ставок и массированных капиталовложений. Однако подобное благополучие зиждилось на весьма непрочном фундаменте. Именно тогда в результате коллективных усилий различных сторон в мире сформировалась основа перманентного глобального долга.

К началу 80-х гг. ситуация драматичным образом изменилась. В условиях следующего этапа повышения цен на нефть новый виток инфляции потребовал принятия достаточно жестких мер, в том числе увеличения процентных ставок. Кроме того, к этому времени сами нефтедобывающие страны увязли в трясине многочисленных, нередко весьма дорогостоящих и амбициозных проектов. В странах же Севера были оперативно задействованы финансово-экономические механизмы, позволявшие перераспределять геосферную ренту в свою пользу. И, наконец, на роль крупнейшего заемщика стали претендовать Соединенные Штаты, столкнувшиеся в силу ряда обстоятельств с устойчивым ростом государственных расходов и бюджетного дефицита. Оскудение кредитных рынков быстро создало проблему выплат по ранее взятым долговым обязательствам, множество развивающихся стран стали погружаться в дурную бесконечность потерянного десятилетия, в результате чего еще более ужесточалась политика банковского сообщества, оказавшегося перед угрозой глобального финансового краха. И действительно, первой его ласточкой стал долговой кризис 1982 г.

Спасением явился переход банковских учреждений к коллективным действиям. (Не случайно рождение в том же году влиятельных организаций кредиторов — Парижского и Лондонского клубов.) Во главе новой комплексной стратегии оказались международные экономические организации: Международный валютный фонд и Всемирный банк, созданные в рамках бреттон-вудской системы для других целей, но обретшие второе дыхание, вовремя оценив открывшиеся перспективы. Основой политики стали методичная реструктуризация задолженности странзаемщиков, санация их финансового положения, сокращение бюджетного дефицита, а также структурная перестройка экономик, сопряженная с широкой приватизацией, максимальной либерализацией цен и внешней торговли, ведущая к росту экспорта, а соответственно и валютной выручки, необходимой для расчетов с кредиторами. В итоге мировая финансовая система устояла, однако глобальная экономика приобрела качественно иной облик.

При анализе стратегии адаптации периферийных экономик к глобальному рынку — *программ структурной перестройки* и *финансовой стабилизации* — обращают на себя внимание следующие обстоятельства,

Во-первых, в отличие о г прежних рецептов догоняющего развития алгоритмы структурной перестройки были нацелены на создание жизнеспособной геоэкономической модели перераспределения мирового дохода. Имеет эта модель и весьма серьезные социальные следствия, связанные со сжатием внутренне о потребления в странах-должниках (и его перераспределением в пользу мира внешнего), ибо радикальное уменьшение бюджетных расходов, конечно же, влияет на положение широких слоев населения.

Во-вторых, стабилизируя состояние финансовой среды и стимулируя ее развитие (формируя платежеспособный спрос на финансовые ресурсы и услуги), данный пакет реформ призван решить также другую стратегическую задачу — обеспечить долгосрочную встроенность *(adjustment)* Юга в систему северо-центричного глобального рынка в качестве его ресурсно-сырьевой составляющей, выводя ситуацию пресловутых ножниц цен на качественно новый уровень.

Таким образом, органичное в русле рассматриваемых реформ снижение либо полная отмена экспортных пошлин — помимо стабилизации долговой проблемы (или, быть может, правильнее сказать перевода этой долгосрочной проблемы на хорошо обустроенную колею, уходящую в бесконечность) — формирует благоприятный торговый климат для стран-импортеров сырьевых продуктов. Тем самым, по сути, стимулируется сырьевой бум: изобилие дешевых ресурсов в силу естественного в подобных условиях падения цен, а распределение прибыли становится доходным занятием структур, контролирующих международные торговые операции. При этом у стран-потребителей остаются рычаги для изменения в свою пользу схемы распределения геосферной ренты: за счет введения высоких импортных тарифов (под предлогом антидемпинговых процедур) либо в форме высокого налогообложения первичной обработки дешевого сырья у себя в стране (как бы выравнивая конечную цену продукта по высокой внутренней планке). Но также и в форме потребления фактически бесплатных экологических ресурсов ввиду отсугсгеия глобального рыночного механизма в этой сфере.

И еще одно важное обстоятельство. В самой аксиоматике данной концепции реформ, в сущности, было заложено некое фундаментальное противоречие между стимулированием развития рыночной среды, национального частного сектора и внерыночным характером действий международных организаций, факто-

ром их целенаправленного, устойчивого влияния на процесс принятия решений в странах-реципиентах. В результате, несмотря на декларируемые цели, фактический контроль за социально-экономической деятельностью зачастую переходил не столько к местному частному сектору, сколько к иностранным донорам и международным организациям, формируя контекст своеобразного, североцентричного «макроколониализма».

Кризис индустриального мира привел не только к воплощению оптимизационных и паллиативных схем по его преодолению. Одновременно новая эра открыла шлюзы, сдерживавшие развитие откровенно спекулятивных тенденций. Быстрыми темпами стала расти хищническая квази-экономика, паразитирующая на новых реалиях и имеющая мало общего с конструктивным духом хозяйственной практики Нового времени. Создается впечатление, что в мире происходит постепенное, но постоянное, последовательное вытеснение идеологии честного труда альтернативной ей идеологией финансового успеха. Деморализация экономических отношений — явление весьма тревожное, влекущее за собой массу серьезных следствий. Еще Аристотель рассматривал экономику как часть более широкого текста политики и этики. По самой своей сути**,** основам она не есть некая универсальная технология, действенная на все времена и для всех народов, но, хотя это не всегда очевидно, весьма специфичный феномен культуры. Не исключено, что тотально аморальная экономика в длительной перспективе попросту невозможна.

Помимо уже рассмотренных доводов, приведем один, быть может, не самый главный, но на сегодняшний день активно обсуждаемый и толкуемый аргумент. Так, разрушение привычного контекста экономических операций, кризис самой атмосферы доверия, вытеснение морали правом, утверждение сугубо формальных, а то и прямо математизированных условий экономической деятельности приводит, в конечном счете, к экспоненциальному росту необходимости их перманентной юридической фиксации, что скачкообразно увеличивает количество конфликтных ситуаций на различных уровнях экономического процесса. Иными словами, ведет к возрастанию затрат и подрывает сложившуюся систему взаимоотношений. Утрата же доверия в стабильность самого контекста экономических операций (зачастую связанная не столько с реальной ситуацией, сколько с ее конъюнктурной интерпретацией, т. е. с общественной психологией) проявляется как в

экономических, так и в социальных потрясениях, с далеко идущими последствиями.

Глобализация финансовой деятельности при относительной слабости институциональной и правовой среды в масштабе планеты, отсутствии соответствующих регулирующих органов позволяет действенно преодолевать ряд законодательных ограничений и норм, существовавших в пределах национальных границ. На карте мира появляются как бы условные государства: терминалы транснациональных организмов, наподобие оффшорных зон, чье истинное предназначение нередко — реализация разнообразных схем лукавой экономической практики, включая асоциальные и криминальные комбинации. В наметившемся расщеплении социальных и финансово-экономических целей общества можно усмотреть определенную историческую преемственность от времен Великой депрессии, реализовавшей в свое время в массовых гекатомбах уничтожение продуктов хозяйственной деятельности человека ради достижения финансовой выгоды, и проложив тем самым путь для еще более внушительного вида поставленной на поток экономики деструкции — индустрии высокотехнологичных, промышленно- и ресурсоемких войн XX в.

На пороге нового столетия уже сама кризисность мира становится одним из парадоксальных источников дохода. Выражается это в разрастании комплексной экономики управления рисками, хеджировании, опционах, фьючерсах, появлении инновационных форм страхования, реализации схоластичных, но изощренных, хорошо продуманных схем валютно-финансовых спекуляций и интервенций, развитии финансовой математики целенаправленной организации и даже прямом провоцировании финансово-экономических пертурбаций. К примеру, колоссальный по объему рынок вторичных ценных бумаг (производных финансовых инструментов) — хотя его количественная оценка дело весьма непростое — в несколько раз превышает совокупный валовой продукт всех стран, в связи с чем беспокойство проявляет, в частности, американская комиссия по стандартизации финансовой отчетности, пытающаяся хоть как-то рационализировать этот неустойчивый сегмент финансового рынка. В результате в смысловом поде мировой экономики, параллельно двум столь значимым для нее реалиям мировой резервной валюты и глобального долга, кажется, сформировался третий, самостоятельный и внушительный феномен глобального риска. Заодно прорисовывают-

ся другие впечатляющие перспективы: например, столкновения различных финансовых инструментов и валют в борьбе за многомерное *Lebensraum* геоэкономических континентов и электронных сетей — специфическое жизненное пространство XXI в.

Все это постепенно лишает деньги прежнего содержания (и в каком-то смысле реально го наполнения), превращая их в средство управления и род особой, энергичной, подчас агрессивной информации. В настоящее время ежегодный объем мировых финансовых трансакций оценивается астрономической суммой порядка полуквадраллиона долларов, что создает ситуацию кредитного риска в глобальном масштабе. Поток операций на валютно-финансовых рынках в десятки раз превосходит реальные потребности финансирования международной торговли, их ежедневный объем примерно соответствует совокупным валютным резервам всех национальных банков (которые теоретически могли бы быть использованы в целях стабилизации при развитии кризиса) [12, 9]. Еще в 1997 г. базирующийся в Базеле Банк международных расчетов *(Bank of International Settlements)* опубликовал свой ежегодный отчет, в котором констатировал реальный характер угрозы срыва мировой банковской системы, ее постепенного выхода за пределы действенного контроля и профессионального прогноза. Аналогичные опасения высказывал, начиная с 1998 г., и председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен, допускавший вероятность «системных нарушений (высокотехнологичной финансовой системы. — *А.Н.),* превосходящих нашу способность понимания или возможности эффективного ответа».

Финансовый кубик Рубика постепенно объединяет сюжеты мировой валюты, глобального долга и управления рисками в единый, взаимосвязанный комплекс. Теоретически можно представить контуры еще одного вида глобальной игры — *контролируемой деструкции,* или *организованного хаоса,* логически завершающей утверждение на планете особой, одновременно иерархичной и турбулентной среды, далеко отстоящей от идеалов мирового гражданского общества. Суть механизма — возможность организации и использования кризисных ситуаций с целью повышения контроля над динамикой тех или иных процессов, изменения прав собственности и пропорций архитектуры геоэкономических пространств. Иначе говоря, успех данной стратегии создает условия для перманентного внешнего управления самыми разнообразными

экономическими массивами, а в перспективе и всей социальной средой. Клиентам, оказавшимся в сложном положении, предлагается универсальный свод правил — своего рода кодекс должника — предполагающий выполнение ряда обязательных базовых условий для получения помощи по выходу из кризиса. Например, функционирование национальных денежных систем на основе внешней валюты (что укрепляет положение мировой резервной валюты); определение квот и траектории заимствований финансовых ресурсов, установление жесткой взаимосвязи объемов национального бюджета, экспортной выручки, уровня внутреннего потребления и внешних выплат (продлевающих жизнь глобальной долговой экономике); осуществление обязательного страхования финансовых и национальных рисков (расширяющих поле управления рисками); проведение заранее оговоренной социальной политики и т. п.

В своей инволюции модель расширенного воспроизводства — экономическая парадигма Нового времени — прошла несколько нисходящих ступеней. Вначале был соблазн сверхдоходов, получаемых за счет эксплуатации иных регионов и видов деятельности, искусно поставленных в подчиненное положение (ср. «ножницы цен»). Данный процесс, в свою очередь, стал источником дополнительных ресурсов, питательной средой для различного рода финансовых операторов и развития соответствующих технологий, приведших к утверждению своеобразной постиндустриальной надстройки над привычной хозяйственной деятельностью — финансово-правовой системы.

Метаморфоза денежной сферы в необъятный виртуальный континент в свою очередь способствовала развитию целого семейства изощренных финансовых практик. По форме — более или менее легальных операций и инициатив, однако, по сути — все отчетливее расходящихся с нуждами реальной экономики, разрушающих ее смысловое поле, паразитирующих на результатах конструктивной деятельности человека. Дошло дело и до откровенных спекулятивных, целенаправленных атак и акций, имеющих целью получение дополнительной прибыли без всякого производства реальной стоимости (поскольку организация спроса носила «квази-стоимостой», провокационный характер), как не создают ее кражи или азартные игры, хотя и они способны перераспределять материальные ценности и приносить доход. А ведь здесь речь идет об играх, основанных не на слепой случайно-

сти, а методично организуемых и управляемых, т. е. в определенном смысле — шулерских.

Следующий этап — смещение подобных практик в серую, трудно контролируемую зону сомнительных операций, использующих разночтения в законодательствах различных территорий или общее несовершенство правовой базы, с трудом и не всегда охотно успевающей за стремительным разрастанием семейства финансовых инструментов. Тут порой происходит фактическое смыкание полулегальных спекулятивных комбинаций с прямо криминальными действиями, слипание горячих денег и денег грязных. Проявляется также (в качестве самостоятельного вида квазиэкономической активности) и такой род хозяйственного вампиризма, как прямая деконструкция цивилизации, инволюционное расхищение ее плодов, наиболее подходящее название для которого, пожалуй, — «трофейная экономика». Завершающим логическим звеном в этой цепочке становится общий хаос, но хаос управляемый и направляемый.

Некогда Новое время, освобождаясь от заскорузлой психологии собирания богатств, формировало энергичную экономику, преображавшую, перестраивавшую мир, превращая золото, сокровища в деятельный капитал. И вот теперь капитал постепенно умаляет свою производственную составляющую, вновь трансформируясь в квази-золото финансово-информационных потоков. В подобной механике мира цели социального развития оказываются в какой-то момент подчинены корыстным и, в общем-то, конъюнктурным интересам финансовой олигархии. При этом финансовая неоэкономика, в конечном итоге, является таким же тупиком торгового модуса геоэкономики моря, как военная промышленность и связанные с нею войны — тупиком, жерновами производственной экономики суши.

Нынешняя трансформация хозяйственной деятельности не только освобождает скованного виртуального джинна, но одновременно пестует химеричного неокриминалъного Голема, растущего и набирающего вес. В последние годы происходит заметное умножение сфер человеческой практики а рост числа территорий, прямо пораженных трофейной и криминальной активностью, сливающихся в единый феномен *деструктивной квазиэкономики* — более чем специфической хозяйственной сферы, уже сейчас ворочающей сотнями миллиардов долларов и подчиняющейся качественно иным, нежели легальная экономика, фундамен-

тальным законам (фактически производя ущерб, т. е. своего рода *отрицательную стоимость)*[25]. Эффект от разрастания, усложнения, диверсификации подобного параэкономического базиса постепенно сказывается и на большом социуме, подрывая его конструктивный характер, вызывая моральные и материальные деформации, ведя, в конечном счете, к перерождению общества.

В результате развития этих тенденций все труднее избавиться от впечатления, что утро нового века постепенно заслоняет отбрасываемая из будущего тень *Второй великой депрессии,* но на этот раз глобальной и, что более важно, — выходящей за рамки собственно экономических неурядиц.

Литература

1. *Barnet R.J., Cavanagh J.* Global Dreams, Imperial Corporations and the New World Order. N. Y., 1994.
2. *Maptin H.-P., Shumann.H.* The Global Trap: Globalization and Assault on Prosperity and Democracy. Pretoria; L., 1997.
3. *Greider W.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1998.
4. *RodrikD.* Has Globalization Gone Too. Farr&Wash., 1997.
5. *RodrikD.* Globalization and its Discontents. N. Y., 1998.
6. *Doremus P.N., Keller W.W., Pauly L. W., Reich S.* The Myth of the Global Corporation. Princeton, 1998.
7. *Shut II.* The Trouble with Capitalism. An Inquiry into the Causes of Global Economic Failure. L.; N. Y., 1998.
8. *Gray J.* False Dawn. The Delusions of Global Capitalism. L., 1998.
9. *Kissinger H. //* Washington Post. 2000. October 1.
10. *Бергер С.* Американское лидерство в XXI веке // Компас. 2000. № 5.
11. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.
12. Internationale Politik. Bonn, 1997. No. 12.

[25] Введение подобной категории, представляется вполне оправданным для данного типа человеческой деятельности, соответствующей производству вреда, причинению ущерба окружающей среде, техносфере и людям. Отчасти отрицательная ценность подобного рода активности уже учитывается в современных экономических отношениях, например, в виде наложения штрафов, повышенном налогообложении, судебных издержках, иных финансовых санкциях и т. п.

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

Преодоление пространства и времени как атрибут экономической глобализации (Философия хозяйства. 2002. № 3)

В последние годы в мировом сообществе стремительно нарастает обеспокоенность уникальным явлением — экономической глобализацией. Организованные действия антиглобалистов стали привычными сюжетами в средствах массовой информации. Не осталась в стороне и экономическая наука. В России опубликованы ряд монографий и десятки статей по проблемам глобализации, научные фонды возвели эту проблематику в разряд приоритетной, она уже проникла в учебный процесс высшей школы.

Еще более широким фронтом идет исследование феномена экономической глобализации на Западе. Но и в трудах западных ученых подчеркивается полная неясность последствий экономической глобализации для судеб человечества. Так, ученые всемирно известной компании «PricewaterhouseCoopers» завершили свое исследование словами: «Открытым остается лишь один вопрос: каковы будут социальные и государственно-политические последствия глобальной экономики, которая переходит на рубеже тысячелетия из состояния экономической необходимости в состояние экономического достатка. Этот вопрос вопросов, который будоражит воображение и интригует открывающимися возможностями для прогресса человечества» [1, 264]. Так считают американские исследователи.

Более определенно по поводу последствий глобализации выразились немецкие исследователи: «Перемещение производства в более благоприятные зоны, упрощение его структуры, массовые увольнения — все это говорит о том, что высокопроизводительная и высокотехнологичная экономика оставляет обществу всеобщего благоденствия все меньше рабочих мест и делает его потребителей лишними людьми. Назревает экономическое и социальное потрясение неслыханных масштабов» [2, 142]. Столь печальный исход, рисуемый немцами, вовсе не противоречит более оптимистичной позиции американцев, поскольку именно Германии американские ученые прочат наибольшие проблемы в глобальной экономике. Это значит, что одним из фундаментальных противоречий глобальной эконо-

мики является конфликт не столько цивилизаций, сколько этносов, населяющих планету.

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что феномен экономической глобализации — это сложная многоаспектная проблема с неясными последствиями для судеб человечества, потому требующая к себе самого пристального внимания науки.

Экономическая глобализация — это форма ведения бизнеса на основе свободного трансграничного перемещения факторов бизнеса и его результатов, а поведение предпринимателей подчинено жесткой логике эффективности создания добавленной стоимости.

Экономическую глобализацию как продукт эволюции мирового хозяйства, как инструмент формирования нового хозяйственного миропорядка — неоэкономики, необходимо анализировать с позиций генезиса производительных сил и производственных отношений.

Генезис производительных сил в условиях глобализации наиболее отчетливо проявляется в эволюции товара и в эволюции оргструктур бизнеса. В эволюции товара происходит переход от традиционного рынка товаров к рынку прав. По сути, это важнейший атрибут экономической глобализации. Рынок прав базируется на принципах, отличных от принципов функционирования рынка товаров, поскольку центр тяжести в экономических отношениях переносится из сферы управления товарным производством в сферу управления субконтрактными отношениями по созданию добавленной стоимости. «Как результат, — пишут американские исследователи, — следует ожидать еще более грандиозного роста стоимости корпораций, что также сложно понять с точки зрения общепринятых принципов организации бизнеса. Мы попали, по крайней мере на время, в парадоксальную область: рынок прав, но и большинство традиционных принципов управления бизнесом все еще в силе» [1, 18].

Практическая реализация субконтрактных отношений осуществляется посредством аутсорсинга. Аутсорсинг — это передача внешним самостоятельным структурам определенных хозяйственных функций предприятия, который является базовым инструментом декапитализации традиционной экономики. Технологии аутсорсинга базируются на стандартизованности бизнеспроцессов. Это высшая стадия стандартизации, путь к

которой, по выражению Билла Гейтса, пролегал через ряд этапов:

• 1980-е гг. — годы качества, когда в мире развернулась активная работа по повышению качества продукции на основе ее стандартизации;

• 1990-е гг. — годы реинжиниринга, или рационализации бизнеспроцессов на основе их стандартизации;

• следующее десятилетие — годы скорости бизнеса, что выразится в кратном опережении темпами роста капитализации рынков темпов роста ВВП. ТНК, по смыслу близкая к структуре активов коммерческого банка. В обоих случаях выданные кредиты занимают солидную долю в составе активов. Былая сила банка становится силой ТНК. Но это удвоенная сила, поскольку здесь имеет место непосредственное слияние предпринимательского и финансового капиталов, а не их слияние посредством личной унии, как век назад. В этом и проявляется реальная власть капитала сегодня.

Противостоять этому может только государство. Для этого необходимо изменить банковскую систему, иначе банки начнут постепенно отмирать, как ненужный институт. Ненужный потому, что в электронном бизнесе перевод денег — не проблема, а кредитную функцию ТНК уже освоили. Этот бизнес ТНК знает лучше, поскольку производственные риски им более понятны [2, 83].

И все же центральной характеристикой производительных сил в условиях глобализации является преодоление бизнесом пространства и времени. Истоки преодоления времени были заложены в переходе мирового хозяйства на плавающие валютные курсы. Этот переход укоротил инвестиционный период. По этому поводу профессор Бостонского университета П. Стритен пишет: «Плавающие валютные курсы усиливают неуверенность и являются препятствием для долгосрочных обязательств» [3, 36]. Сжатие инвестиционного периода неизбежно становилось преградой на пути стратегического развития бизнеса. Однако напряжение в мировом хозяйстве с этим связанное начало постепенно ослабевать с появлением современных информационных технологий.

Электронное управление бизнесом довело горизонты планирования до суток. Это значит, что предприятия реального сектора освоили технологии ежедневного получения баланса, что ранее было доступно только банкам. В результате этих пе-

ремен бизнес перешел на новую модель создания доходов: $E=mc^2$.

Это ведет к невиданному росту капитализации хозяйства. «Капитализация мировых рынков капитала возросла с 1980 по 1999 г. с 2 до 20 трлн дол.» [1, 21]. Но будущий рост капитализации будет уже экспоненциальным. Специалисты прогнозируют через 8—10 лет капитализацию в 200 трлн дол., а рост индекса Dow Jones с нынешних 10 000 до 100 000 [1, 21].

Столь радужные перспективы бизнеса требуют обстоятельного доказательства. Специалистами «PricewaterhouseCoopers» утверждается, что «до 80-х годов реальная стоимость капитала была равна нулю или отрицательной величине в течение нескольких десятилетий, реальная доходность капитала, равная разнице между номинальной доходностью и инфляцией, была близка к нулю или отрицательной величине из-за высокой инфляции» [1, 29]. Если бы так было, то мировое хозяйство неизбежно деградировало бы. Но этого не происходило, а не происходило потому, что именно в эти годы шла бурная капитализация финансовых рынков, представленных предприятиями реального сектора экономики. Другими словами, происходила трансформация реального капитала в капитал финансовый, шло наращивание потенциалов национальных финансовых рынков, рост которых в дальнейшем только ускорился. Только после того, как накопление капитала на национальных финансовых рынках достигло критической массы, чтобы влиять на более слабые рынки, произошел перелом в поведении крупных корпораций, они начали выходить за национальные границы, перенося туда реальное производство. Эти события завершились тем, что «компании теперь имели дело с реальной стоимостью своих операций и внезапно осознали, что обладание и управление всеми составляющими производства не может дальше быть предпочтительной экономической моделью» [1, 29].

А какая же модель бизнеса становится предпочтительной? Те же авторы утверждают: «Руководители компаний в большинстве своем ощущают в настоящее время настоятельную необходимость перехода от традиционной модели бизнеса к декапитализированной модели *e*-бизнеса. В стремлении увеличить прирост доходности капитала и сконцентрировать усилия на основной деятельности брэнд-компании все меньше опираются на свой физический капитал. Стратегия их заключа-

ется в передаче составляющих производственного процесса, связанных с физическим капиталом, внешним структурам и в распределении их по цепочке поставщик—потребитель» [1, 32]. По существу, это и есть механизм формирования предпринимательских сетей в глобальной экономике.

Предпринимательские сети формируют, прежде всего, мощные корпорации, причем осмысленно. С чистого листа предпринимательские сети не строятся. Это самая опасная иллюзия стран «третьего мира», в том числе и России. Иллюзии формируют отдельные западные ученые, подменяя реальные события их видимостью. Ведь корпорации, освобождаясь от физического капитала, не передают его, а продают. Так наращивается реальная капитализация их брэнда. В результате высвобождаются громадные объемы капитала, не связанного с физическими активами. Поэтому никакой декапитализации компаний не происходит, а происходит глубокая трансформация капитала-функции при неизменном капитале-собственности. Вот почему оценку капитальной позиции таких компаний нельзя осуществлять традиционными методами, что справедливо отмечают те же авторы. На наш взгляд, пригодной методикой остается лишь

Наиболее глубинные изменения происходят в эволюции оргструктур бизнеса. Прямое соединение предпринимательского и финансового капиталов и передача на аутсорсинг производительного капитала — такова модель организации современного бизнеса. Формат оргструктуры такого бизнеса — сеть. Идет активная мутация традиционной оргструктуры бизнеса посредством особой комбинации нефинансовых (производственных) и финансовых организаций под особым патронажем государственных и общественных организаций.

Наиболее важные перемены происходят в кредитной функции фирм и банков. Современные ТНК кредитуют не меньше, чем банковская система. Суть мутации в том, что ТНК освобождаются от тяжелых активов, заменяя их финансовыми. В результате формируется структура активов адаптированная для оценки деятельности корпораций методика CAMEL. Американцы предлагают для тех же целей модель опционов.

Брэнд-капитал формирует совершенно новый облик бизнеса и самих корпораций, которые «становятся системными интеграторами раздельно производимых узлов» [1, 33]. Такие корпорации во многих случаях могут вообще ничего не произ-

водить, готовая продукция при этом поставляется сетью внешних структур в их центры заказа или напрямую потребителям.

Главное отличие облика обновленных корпораций от их предшественников состоит в переходе от стратегии навязывания продукции к стратегии притягивания потребителя. У системного интегратора остается под контролем конечный сбыт, поэтому совокупную добавленную стоимость формирует он, он же ее и реализует, добавляя к ней то, что посчитает нужным. Это и есть новая схема наращивания капитализации, которая обладает еще большей скоростью наращения, нежели в условиях традиционного бизнеса.

В условиях экономической глобализации каждой стране, в том числе и России, хочется вырастить своих Мамонтовых во главе ТНК. Однако проблема создания российских ТНК состоит в том, что по сложившимся в мировой экономике правилам для этого необходимо вынести штабквартиру российской фирмы за рубеж. Этот шаг сегодня обязателен для любой компании из стран периферии, иначе она не будет отлистингована на мировых биржах, поэтому прямой доступ на мировые рынки капитала она не получит. При этом не должно быть заблуждений насчет ADR, поскольку депозитарные расписки этой проблемы не решают, это лишь преддверие к решению проблемы. По сути, это западня экономической глобализации. Предложенный Западом сценарий формирования новых ТНК ведет к тому, что они выпадают из зоны налогового контроля и стратегического управления России. Готова ли Россия к этому? Это значит, что выращивание Мамонтовых в новой России весьма проблематично.

Не менее сложно протекает и генезис производственных отношений. Современные производственные отношения как и производительные силы разорваны в пространстве и времени. В результате производственные отношения трансформируются в производственные связи. Эту метаморфозу удачно характеризует следующая ремарка: «На фирму может работать кто угодно и сколько угодно. Компания получает заявление о приеме на работу из всех уголков мира через компьютер и посредством компьютера их увольняет» [2, 19]. Именно эта мутация производственных отношений выражает суть трансформации рынка товаров в рынок прав.

Отношение — это форма взаимодействия между людьми, имеющая, безусловно, социально-экономический характер.

Связь — это онтологическая форма взаимодействия между животными. Замена хозяйственных отношений на хозяйственные связи есть переход к «звериному» типу экономики. В нем нет ничего человеческого. Естественный отбор — основной экономический закон формирования сетевого *E*-бизнеса — первичного звена глобальной экономики.

Звериный закон жесток и беспощаден. Он породил новые типы рисков, не свойственных человеку, поскольку вместе с упразднением хозяйственных отношений из бизнеса упраздняется и этика — единственный естественный ограничитель рисков. В результате приватизации духовной составляющей хозяйство лишилось последнего естественного стабилизатора. Но важно иметь в виду, что, наращивая риски, страны «золотого миллиарда» экспортируют их на периферию, импортируя взамен ликвидность посредством глобального контроля денежного обращения.

Продукт жизнедеятельности экономики есть стоимость. Под лозунгом торжества стоимости произошла полная победа экономики над хозяйством. У стоимости два начала: материальное и идеальное. В традиционной экономике в стоимости бизнеса материальное всегда преобладало над идеальным. Экономическая глобализация перевернула эти начала. Наступил триумф идеального, но частного, приватизированного. Выразилось это в переходе от товарных рынков к рынкам прав.

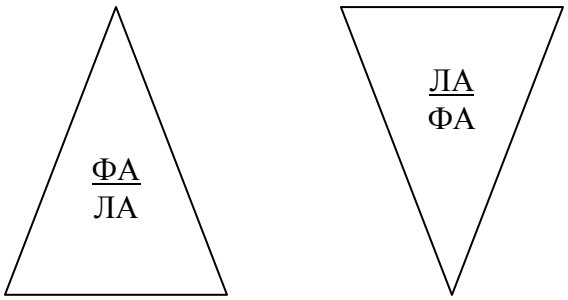


Рис. 1

Примечание: ФА — физические (тяжелые) активы;
ЛА — легкие активы (финансовые и интеллектуальные).

Метаморфоза в структуре стоимости бизнеса нашла яркое отражение в балансе фирмы. Схематично это можно представить в следующем виде (рис. 1).

ЛА — это, по сути, сплав финансового и предпринимательского капиталов, не производительного, а именно предпринимательского. Эта метаморфоза знаменовала переход от созидания стоимости к формированию (созданию) добавленной стоимости.

Важно понять внутренний потенциал новой корпорации. Ясно, что притягивать потребителя можно только особыми условиями продаж. Центральное место в этих условиях занимают торговля в кредит. Вот где пригодился высвобожденный громадный финансовый капитал. Он был накоплен в традиционных корпорациях, а в новых высвобождается из традиционного основного и оборотного капиталов (традиционного капитала-функции) и переключается на реальное функционирование брэнда прежде всего посредством широкомасштабных продаж в кредит и развертывания новейших моделей товара. Высвобождение капитала происходило и происходит с выгодой, выраженной разницей стоимости факторов бизнеса в США и Азии, а также феноменом эффекта продажи бизнеса по частям, хорошо известным профессиональным оценщикам и «золотым мальчикам».

Вот и вся премудрость декапитализации. Просто торжествует стоимость, она заговорила в глобальной экономике. Именно реализация стоимости объясняет бурный рост финансово-экономического потенциала корпораций в неоэкономике. Отсюда и рост индекса Dow Jones, а вместе с ним и кредитного потенциала корпораций. Последнее обстоятельство позволило совершить принципиальный переход от кредитования производителя к кредитованию потребителя. Именно долг притягивает лучше всего. Он даже не притягивает, а подчиняет. Глобальная экономика — это триумф процента в форме глобальной финансовой ренты. В результате ТНК трансформируются в ИНК — корпорации-интеграторы.

Компании-интеграторы обладают огромной кредитоспособностью. Кредитоспособность — это способность и желание заемщика своевременно и полностью выполнять свои обязательства по мере их наступления. Гибкость использования основных и оборотных активов является основным фактором кредитоспособности фирмы в условиях глобализации. Гибкость характеризуется следующими показателями:

• возможностями перехода на новые типы продукции на имеющихся мощностях;

• возможностями использования активов в других отраслях;
• сроками морального устаревания активов;
• возможностями быстрой продажи активов;
• легкостью транспортировки активов.

Важность фактора гибкости использования активов в условиях глобализации возросла потому, что риск стал объектом торговли, а результат его продажи есть доход в форме дифференциальной финансовой ренты.

Абсолютный уровень кредитоспособности оценивается вероятностью дефолта за определенные промежутки времени. Принято различать кредитоспособность долгосрочную (вероятность наступления дефолта в течение 2—5 лет) и краткосрочную (вероятность дефолта в течение года), а также кредитоспособность по обязательствам в национальной и иностранной валютах. Однако столь ясное определение кредитоспособности не предполагает количественной его интерпретации. Методики мировых рейтинговых агентств по оценке кредитоспособности не содержат никаких формализованных процедур, а базируются исключительно на субъективных мнениях аналитиков. Финальная рейтинговая оценка кредитоспособности как странам, так и фирмам присваивается путем голосования аналитиков после предварительной дискуссии. Следовательно, кредитный рейтинг — это непроверяемый критерий экономического состояния, хотя он и выступает важнейшим финансовым параметром в современном мире. Именно эти обстоятельства выдвинули рейтинговые агентства в мощный наднациональный институт власти, причем как экономической, так и политической[26].

[26] По этому поводу немецкие исследователи пишут: «Наиболее влиятельное из этих неприметных агентств, работающих на финансовых рынках, находится в Нью-Йорке в массивном одиннадцатиэтажном здании из песчаника. Здесь, в тени башен-близнецов Центра международной торговли, 300 высокооплачиваемых аналитиков работают на крупнейшую в мире и наиболее востребованную службу Mood‘s. Висящий над парадным входом и покрытый листовым золотом рельеф площадью более чем 12 квадратных метров объясняет философию и интересы компании: “Коммерческий кредит — это изобретение современного мира, и доступ к нему имеют только просвещенные и наилучшим образом управляемые страны…” По ту сторону позолоченного кредо лежит царство власти и секретности, не имеющее себе равных. Нигде в мире тайны столь многих правительств и компаний не охраняются столь надежно. Человек из Mood‘s правит миром» [2, 97, 99]. Читателям стоит заду-

Взаимоотношения национальных хозяйств предопределяются односторонним диктатом процентного спрэда между стоимостью капитала в центре и на периферии. Приведенные суждения вновь обостряют многолетние научные споры по поводу императивного характера «правила суверенного потолка». Классический смысл этого правила выражается в финансовом постулате: кредитный рейтинг фирмы не может быть выше рейтинга страны. В связи с усилением экономической глобализации эти научные споры вспыхнули с новой силой.

С одной стороны, межстрановая диверсификация бизнеса и финансов ведет к ослаблению воздействия странового риска на общий риск компании. Но с другой, процедура выставления международного кредитного рейтинга компании опирается на страновой рейтинг. Такое двусмысленное толкование правила суверенного потолка вводит российские компании в заблуждение[27]. Природа туманного толкования правила суверенного потолка мировыми рейтинговыми агентствами заключается в осмысленном вуалировании истинной власти этих агентств как институтов мировой финансовой власти. Они скрывают механизм финансовой колонизации стран остального мира. Инструментом же финансового закабаления стран периферии выступает процентный спрэд, сознательно формируемый и управляемый мировыми рейтинговыми агентствами.

Процентный спрэд — сложная категория экономической глобализации. Именно огромный спрэд вынуждает страны периферии выстраивать свою денежную политику на базе валютных резервов. В качестве базовых валют выступают валюты все тех же стран «золотого миллиарда». В результате кредитная политика периферийных стран оказывается скованной величиной валютных резервов. Так парализуется национальный кредит. Кроме того, теряется и эмиссионный доход национального хозяйства.

маться — а не по этому ли зданию, где прятались истинные властелины мира, был нанесен удар 11 сентября 2001 г.?

[27] Диверсификация капитала по национальной принадлежности приводит к тому, что компании со смешанным капиталом находятся под защитой или влиянием не одной страны, а нескольких. Ясно, что действие потолка для таких компаний имеет уже другой смысл. По сути — это механизм подрыва национальных финансовых систем. Все это плоды экономической глобализации, как фундаментального фактора, переворачивающего традиционное представление об экономическом анализе.

После мирового финансового кризиса конца 90-х гг. проблема процентного спрэда в мире лишь обострилась. Это признает и такой авторитет в финансовых кругах, как Дж. Сорос, который заявил: «Цена капитала является одним из наиболее важных факторов конкурентоспособности. Таким образом, пропасть между странами центра и периферии становится еще боле глубокой. Более того, это уже произошло. Спрэд по кредитам, предоставляемым странам периферии, в настоящее время гораздо больше, чем до кризиса 1997—1999 гг.» [4, 335]. Добавить к этому нечего. Увеличение спрэда — это демонстрация нарастающего технологического разрыва. В результате мощь финансового мультипликатора сказочно возросла.

Очевидно, рост процентного спрэда возможен при одном условии — слабости банковских систем стран периферии. Дж. Сорос пишет по этому поводу: «Несомненно, недостатки национальных банковских систем явились главным фактором, определившим масштабы экономического урона, вызванного кризисом. Подобно урагану он нанес наибольший ущерб самым слабым, так что укрепление национальных банковских систем может дать значительный положительный эффект» [4, 345].

Приведенные суждения о глубинных изменениях в хозяйственных отношениях в результате усиления экономической глобализации в конечном счете ведет к формированию новой модели общества, получившей в научной литературе название 20х80. В наступившем столетии для функционирования мировой экономики будет достаточно 20% населения. «Пятой части всех ищущих работу, — пишут немецкие исследователи, — хватит для производства товаров первой необходимости и предоставления всех дорогостоящих услуг, какие мировое сообщество может себе позволить» [2, 20]. Эти 20% в какой бы то ни было стране будут активно участвовать в жизни общества, остальные окажутся не у дел, а их проблемы трудно вообразить.

По мнению многих ученых, модель общества 20х80 — главная западня экономической глобализации. Путь к этой западне пролегает через разрешение многовековой дилеммы бизнеса «эффективность—справедливость». Эта дилемма резко обострилась в связи с натиском экономической глобализации. Авторы известной монографии «Западня глобализации» убедительно доказали феномен утраты ТНК социальной миссии. Современные ТНК озабочены исключительно ростом эффективности. Нет сомнений, что эффективность — это единственный

критерий целесообразной деятельности. Но без социальной составляющей он не может быть воспринят человеком. Вот где корень противоречий между эффективностью и справедливостью в условиях глобализации. О какой справедливости может идти речь, когда «всего лишь 358 миллиардеров владеют таким же богатством, как и 2,5 миллиарда человек, вместе взятые, почти половина населения Земли» [2, 46].

Исторически забота о социальной составляющей в экономике лежала на государстве. Однако сегодня все больше свидетельств того, что государства начинают отказываться от своей исторической миссии, склоняясь к прямой поддержке курса ТНК на эффективность. Британские транснациональные корпорации вскоре получат особое конкурентное преимущество в борьбе с соперниками из других стран. Глава британской службы контрразведки МИ-5 предложил к услугам британских корпораций секретную информацию, добытую агентами его спецслужбы. В обмен МИ-5 желает получать от британских корпораций конфиденциальную информацию об их зарубежных партнерах. В первую очередь МИ-5 интересуют сведения о компаниях и банках из Центральной и Восточной Европы. Подобное «взаимовыгодное сотрудничество» между спецслужбами и частным бизнесом уже несколько лет процветает и в США. Процесс «приватизации» секретных служб, или, скорее, создания «совместных предприятий» между государством и частным сектором в области национальной и финансовой безопасности, набирает обороты» [5, 40].

Особую остроту в современную экономическую глобализацию привносит феномен преодоления пространства. Преодоление пространства человечество интересовало по сути на протяжении всей его истории. Этот атрибут экономической глобализации завоевывался в жестоких войнах. Впервые Россия испытала его на себе в период татаро-монгольского нашествия. Это был прообраз современной экономической глобализации. Принципиальное различие в том, что современная глобализация преодолела не только пространство, но и время. Преодоление пространства открывает путь к получению рентных доходов, преодоление времени — к формированию добавленной стоимости. Первая форма доходов, как известно, описывается моделями аннуитетов, линейными по своей природе. Вторая форма доходов формируется по экспоненте. Вот почему жизненный уровень в Золотой Орде, центре глобального хозяйства

чингизидов, был существенно ниже, чем на периферии — в зависимых русских княжествах. Татары жили на ренту, а русские создавали добавленную стоимость, потому и жили лучше.

Сегодня все наоборот. На ренту, в основном природную, живет периферия, довольствуясь нищенским уровнем жизни, а страны «золотого миллиарда», освоившие создание добавленной стоимости на глобальном пространстве, процветают. Мало того, жизнь на ренту стремительно деградирует, поскольку в условиях преодоления времени ускоряется обесценение простейших традиционных технологий, доминирующих сегодня в добывающих отраслях. Это общеизвестный факт. Больше всего обесценивается рентный доход от добычи нефти. М. Делягин пишет по этому поводу: «Сегодня этот процесс связывают в основном с нефтью, мировой рынок которой либерализован в наибольшей степени даже среди биржевых товаров» [6, 128].

Наконец, России пора понять, что каждый период сближения с Западом есть период упадка России. Будто в назидание будущим поколениям наш великий соотечественник Д.И. Менделеев в своих публикациях часто применял слово запАД, тем самым подчеркивая исходящий от Запада ад для России. Это значит, что Россия должна от экономической глобализации защищаться всеми доступными способами.

Движение национального хозяйства России к состоянию устойчивого финансового равновесия, только и гарантирующего сохранение независимости страны, возможно по двум направлениям:

• осознанному управлению параметрами финансового равновесия и, прежде всего, рисками;

• трансформации национального хозяйства на основе таких принципов, которые ведут к общему снижению рисков в нем.

Первый путь связан с преодолением немалых трудностей и благоприятными перспективами развития аппарата риск-менеджмента. Нет сомнений, что успехи риск-менеджмента во многом будут связаны с прорывом в финансовой науке в области исследования координат критических точек перехода из одной зоны финансового равновесия в другую. Но нельзя питать иллюзий, будто наступит время и человечество в условиях меновой экономики научится полностью управлять рисками, поскольку для этого необходимо с приемлемой точностью измерить риск в национальном хозяйстве. Но это невозможно в

принципе, если понимать риск как дистанцию между плановыми и фактическими данными. Для этого, прежде всего, необходимо смоделировать плановые данные в масштабах национального хозяйства, что в меновой экономике немыслимо.

Однако нельзя не замечать, что усиливающаяся глобализация бизнеса в планетарном масштабе открывает невиданные возможности в стратегическом финансово-экономическом планировании и моделировании. Другое дело, что в условиях торжества финансовой экономики эти успехи стран «золотого миллиарда» достигаются за счет огромных потерь стран периферии.

Но есть и альтернативный путь к достижению устойчивого финансового равновесия в национальном хозяйстве любой страны. Этот путь открывает этическая экономия. Этика сама по себе есть инструмент снижения всех типов рисков и деловых прежде всего. По существу, усиление принципов этической экономии в реальной практике открывает человечеству дорогу к новому укладу экономических отношений, а в конечном счете, — к новой эволюции человеческой цивилизации. На этом цивилизационном этапе хозяйственная деятельность будет базироваться прежде всего на снижении рисков, что открывает огромные качественно новые возможности для роста эффективности мирового хозяйства и национального как его части. Возможно, магистральным направлением реального воплощения принципов этической экономии в национальном хозяйстве будет развитие сетевого бизнеса, ростки которого уже зарождаются в России.

Новые ростки в бизнесе, прорастающие из недр финансовой экономики вопреки всесилию финансов, высветили контуры неоэкономики как позитивной исторической формы хозяйства в противовес финансовой экономике. Западные исследователи справедливо утверждают, что в условиях неоэкономики все участники рынка со всех концов света имеют равные шансы на успех, хотя реализация этих шансов во многом зависит от выработки адекватной экономической политики государств. Это касается прежде всего России[28]. Новая экономическая по-

[28] «Здесь стоит выделить Россию и Индию, громадное высокообразованное население которых и технологически ориентированные кадры являются в лучшем случае безработными в существующей мировой экономической сис-

литика должна содержать меры по выводу экономики России из состояния финансового равновесия на низком уровне, что позволит успешно встроить национальное хозяйство в мировую экономику. Для этого прежде всего необходимо следующее.

1. Сформировать нормативную базу субконтрактных отношений в бизнесе, что даст мощный импульс развитию частного предпринимательства на базе информационных технологий и откроет путь к экспоненциальному росту капитализации российского бизнеса.

2. Предпринять решительные шаги Правительству РФ по завершению перехода всех субъектов национального хозяйства на международные стандарты учета, отчетности и качества продукции и услуг. Только завершенная стандартизация всех элементов бизнес-процессов резко улучшит хозяйственный и прежде всего финансовый климат в стране и откроет путь российскому предпринимательству в международные бизнес-сети.

3. Разработать Минэкономразвития уже не промышленную политику, что безнадежно поздно, а новую экономическую политику по формированию метарынков на базе национальных компаний-интеграторов, взращенных из успешных российских корпораций.

4. Выстроить мощный интерфейс между всеми ветвями власти и бизнесом, который только и способен сформировать прозрачные отношения между всеми субъектами национального хозяйства как основу процветания граждан.

5. Государству приступить к стремительному освоению функций глобального предпринимателя, отказавшись от прямого участия в управлении тысячами предприятий реального сектора. На этом пути предстоит освоить современные технологии управления национальными деньгами и инструменты эффективной защиты произведенной стоимости национальным бизнесом.

Литература

1. *Минс Г., Шнайдер Д.* Метакапитализм и революция в электронном бизнесе: какими будут компании и рынки в XXI веке. М., 2001.
2. *Мартин Г.П., Шуманн Х.* Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М., 2001.

теме. Принципиальная проблема этих стран в неадекватности их финансовой и физической инфраструктуры» [1, 260].

3. *Стритен П.* Интеграция, взаимозависимость и глобализация // Финансы и развитие. 2001. Июнь.
4. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
5. Эксперт. 2001. № 34.
6. *Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.* Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.

В.М. КОЛЛОНТАЙ

Мировое хозяйство или глобальная экономика? (Философия хозяйства. 2002. № 3)

О глобальной экономике говорят сейчас очень много. Этот термин как бы призван обобщить те новые явления, которые возникли в мировом хозяйстве за последние десятилетия. При этом каждый вкладывает в него свое собственное содержание. Поэтому начнем с уточнения подходов.

Если под глобальной экономикой подразумевать результаты бурного роста международной торговли и инвестиций, то здесь явно есть обширная тема для разговора. Если иметь в виду формирование новых центров экономической власти и принятия решений, то здесь также бесспорно существует богатый предмет для обсуждения. Если исходить из того, что глобализация (в ее неолиберальной форме) сильно продвинулась на многих участках мирового хозяйства и постоянно порождает свои новые закономерности, то и с этим вряд ли кто-либо будет серьезно спорить.

Если же считать порожденную нынешней неолиберальной глобализацией модель глобальной экономики единственно возможной, то здесь мы вступаем в очень спорную зону. А если говорить о глобальной экономике как о жизнеспособной хозяйственной основе единого мирового сообщества, то мы окажемся на совершенно зыбкой почве.

В свете сказанного в данной статье предлагается рассмотреть новые явления и тенденции в мировом хозяйстве с тем, чтобы точнее выявить, какое содержание можно вкладывать в понятие «глобальная экономика» (и не уместнее ли говорить о глобальных рынках).

Наиболее существенным явлением в мировом хозяйстве за последние десятилетия следует, видимо, считать бурное

расширение ареала товарно-денежных отношений. Происходит это по ряду направлений.

- В капиталистически развитых странах стремительное общественное разделение труда приводит к обособлению многочисленных предпринимателей, которые преимущественно через рынок подключаются к существующим системам взаимосвязей и взаимозависимостей.
- В освободившихся от колониализма странах проводится активная политика хозяйственной модернизации и индустриализации, рост числа хозяйственных субъектов, преимущественно связанных между собой рынком.
- Распад социалистической системы сопровождается приватизацией и хозяйственными реформами, также расширяющими сферу рыночных отношений.
- Идет стремительная приватизация — вовлечение в рыночный оборот общечеловеческого и национального достояния. Научно-технический прогресс привел к самостоятельному юридическому оформлению интеллектуальной собственности (патенты, лицензии и т. п.), которые все чаще становятся предметами купли-продажи. Аналогичный процесс (хотя и в меньших масштабах) наблюдается с правами на загрязнение окружающей природной среды.
- Одновременно в сфере финансов наблюдаются глубокие изменения (снятие ограничений с многих видов операций, секьюритизация, появление новых видов ценных бумаг и т. п.), которые особенно быстро расширяют сферу рыночных отношений.

В результате сложилась специфическая обстановка длительного бурного расширения товарно-денежных отношений (это, между прочим, в немалой степени способствовало тому, что западный мир на протяжении нескольких десятилетий не испытывал обычных для капитализма глубоких воспроизводственных кризисов, порождая иллюзию, будто найден секрет бескризисного развития).

Важнейшим следствием отмеченных выше процессов является дальнейшее резкое усложнение всех хозяйственных систем, стремительный рост взаимосвязей и взаимозависимостей, возвышение роли разных форм посредничества. На фоне широкого распространения теории и практики неолиберальной глобализации («Вашингтонский консенсус») явно опережающими

темпами растет международный обмен товарами, услугами, инвестициями и идеями.

Расширение товарно-денежных отношений происходит крайне неравномерно, можно сказать, анклавно (как в качественном, так и в отраслевом и территориальном плане). В результате в мировом хозяйстве сейчас существует множество разных рынков с совершенно неодинаковой степенью глобализации. Финансы (и вообще услуги) глобализируются значительно быстрее и полнее, нежели товарные рынки. Возникающие при этом взаимозависимости (как на национальном, так и на глобальном уровнях) носят крайне асимметричный характер, преумножая всевозможные механизмы подчинения, зависимости и эксплуатации.

Другим важнейшим изменением в мировом хозяйстве является появление новых «глобальных» актеров. В первую очередь — это транснациональные корпорации (ТНК) и мировые финансовые центры (МФЦ). Благодаря активной политике неолиберальной глобализации и дерегулирования они получили широкие возможности выскальзывать из-под государственного контроля и регулирования, приобрели немалую относительную самостоятельность, превратились в важные центры экономической мощи и принятия решений. Кроме того, ныне ведущие международные экономические организации (ОЭСР, МВФ, ГАТТ/ВТО) из малозначимых учреждений послевоенной реконструкции превращаются в мощные центры принятия обязательных для государств решений, в центры по формированию институционально-правового каркаса неолиберального мирового экономического порядка. Вся эта деятельность подкрепляется разветвленной сетью средств массовой информации, обеспечивающих идеолого-пропагандистское прикрытие происходящего.

Если раньше глобализация подталкивалась в основном державами-гегемонами и отдельными наиболее экспансионистскими корпорациями, то теперь этот процесс приобретает мощные собственные движущие силы. При этом на решающих участках неизменно растет уровень концентрации хозяйственной деятельности и принятия решений. Прежняя конфигурация, когда отдельные компании монополизировали национальные рынки, сменяется новой, при которой несколько корпораций (или альянсов) захватывают львиную долю более специализи-

рованных, но уже глобальных рынков. Для «невидимой руки» А. Смита остается все меньше и меньше места.

Из стихийного процесс глобализации все больше превращается в институционально оформленный, сознательно направляемый. Но нельзя не отметить существенное различие между нынешними процессами и историей формирования рынка на национальном уровне. Тогда государство, экономическая политика и хозяйственные механизмы в значительной мере подчиняли разрозненную хозяйственную деятельность национальным (вернее государственным) интересам и — хотя бы частично — решению задач, стоящих перед обществом в целом. Сейчас существующие международные экономические организации целиком ориентируются на интересы наиболее могущественных хозяйственных групп и руководствуются идеологией экономического детерминизма (если не дарвинизма).

Большие изменения наблюдаются в прежних мирохозяйственных центрах и в первую очередь в США. За многие десятилетия эти государства накопили огромный экономический и научно-технический потенциал, подняли общий жизненный и образовательный уровни своего населения, далеко оторвались по многим важнейшим экономическим параметрам от остальных стран мира. На этом фоне стремительный научно-технический прогресс и бурная глобализация открыли перед прежними мирохозяйственными центрами небывалые перспективы дальнейшего развития. Последние два-три десятилетия Соединенные Штаты и другие ведущие страны Запада совершают сложный переход к принципиально новой модели хозяйственного развития. Конечный результат этого перехода далеко не очевиден и широко обсуждается, будь то в контексте «постиндустриального общества» или «новой экономики». Бесспорно одно: в прежних мирохозяйственных центрах происходят перемены, кардинально меняющие многие прежние экономические закономерности и сам характер мирового хозяйства.

В результате многочисленных преобразований, особенно в США (секьюритизация, кредит, положение доллара), притуплена проблема накоплений и спроса, существенно повышена конкурентоспособность на микроуровне; созданы разнообразные финансовые механизмы перекачки огромных ресурсов главным образом в США. В 2001 г. дефицит США по текущим

статьям платежного баланса превысил 450 млрд дол., иначе говоря, более 4% ВВП страны.

Процесс глобализации вынудил все страны мира (в том числе и прежние мирохозяйственные центры) по-новому подойти к проблеме конкурентоспособности, попытаться поднять ее с микроуровня на макроуровень. С 80-х гг. повсюду начинается интенсивное изучение реальных и потенциальных факторов конкурентоспособности, каждая страна приступает к разработке собственной стратегии повышения своей конкурентоспособности и укрепления своих мирохозяйственных позиций. Одни страны (например, Франция) делают ставку на форсированную экспортную ориентацию отдельных наукоемких отраслей, другие (Швеция, Германия) — на повышение качества в существующих экспортных отраслях, третьи делают упор на усиление финансовых институтов. В Соединенных Штатах был разработан широкий круг мероприятий по повышению производительности и эффективности, по привлечению зарубежных финансовых средств, по укреплению позиций доллара.

Малоафишируемой стороной упомянутых стратегий повсеместно стали наступление на жизненный уровень населения, свертывание прежних социальных завоеваний. Дерегулирование и сокращение хозяйственных функций государства приходились в первую очередь на эту сферу. В то же время, несмотря на все разговоры о сокращении хозяйственных функций государства, повсюду наблюдается активное и разностороннее участие государства в поднятии конкурентоспособности своей страны — соответствующая валютно-финансовая политика, совершенствование инфраструктуры, поощрение научно-технических исследований и подготовки кадров, государственные заказы, дипломатическая поддержка «своих» предпринимателей и т. д.

Все эти процессы в немалой степени способствовали сравнительно благополучному развитию США и других мирохозяйственных центров на протяжении всего конца XX в. В то же время происходящие процессы порождают серьезные негативные последствия (экономические и общественные), которые нельзя игнорировать, коль скоро мы говорим о возможном переходе к глобальной экономике.

На протяжении нескольких веков хозяйственное развитие происходило в национальных рамках. Постепенно формирова-

лись национально-хозяйственные комплексы, которые во многом определяли господствующие экономические тенденции и закономерности. Историческая и культурная общность, единство национальных интересов, государственная политика создавали определенный контекст, в рамках которого отдельные хозяйственные единицы и предприниматели должны были — в большей или меньшей степени — подчинять свою деятельность общественным интересам (это очень важный, но часто игнорируемый аспект «невидимой руки» А. Смита).

Как известно, частный предприниматель всегда стремится экстернализировать возможно большую часть своих расходов, трудностей и проблем, переложить их на других — на партнеров или конкурентов, на природную среду или на государство. Однако в рамках единого национального общества и национально-хозяйственного комплекса возможности экстернализации ограничиваются (сдерживаются) множеством факторов — начиная с общенациональной идеи и государственной социально-экономической политики и кончая закономерностями перелива капитала и тенденциями выравнивания прибылей. Правда, существовала еще своего рода внешняя экстернализация — внешнеэкономические операции подчас можно рассматривать как разновидность экстернализации между государствами.

Глобализация расшатывает национальные рамки, ослабляет национальное государство, размывает национально-хозяйственные комплексы. Производственные и технологические цепочки растягиваются; причинно-следственные связи запутываются, а то и теряются. В результате получившая свободу экстернализация (в ее многочисленных формах) бурно выплескивается на глобальные просторы, где она временно растворяется, чтобы вскоре объявиться, но уже в форме всевозможных глобальных проблем.

Экстернализация глубоко «встроена» в современные рыночные механизмы и в существующее мировое хозяйство. Какие же глубокие преобразования потребуются при переходе к глобальной экономике, чтобы справиться с проблемами экстернализации в условиях неолиберального глобального рынка, да еще при отсутствии «заграницы»?! И можно ли всерьез такое допустить?

Происходящие в мирохозяйственных центрах изменения преобразуют многие важнейшие экономические закономерности и механизмы. Особенно серьезные трансформации претерпевает конкуренция, которая все чаще теряет свою роль стимулятора роста производительности и эффективности, превращаясь в повышенный источник разрушений. С ростом глобализации в конкурентной борьбе сталкиваются все более крупные и могущественные хозяйственные субъекты, что само по себе повышает ее разрушительность.

Более того, экономическая конкуренция все теснее переплетается с межгосударственным соперничеством. Становясь участником конкурентной борьбы, государство нередко привносит в нее разрушительные подходы, свойственные вооруженным конфликтам. Не случайно, в последнее время постоянно говорят о валютных, торговых, патентных и иных войнах.

Немаловажным фактором нынешних преобразований конкуренции является специфика современного кондратьевского цикла. Ведущими в нем стали наукоемкие отрасли, сфера обращения и сфера услуг, которые качественно отличаются от ведущих отраслей предшествующих циклов. Их продукция предельно индивидуализирована; при этом она легко копируется и тиражируется, что непосредственно сказывается на всей структуре издержек и цен. Ввиду большого значения качественных показателей, стандартов и зафиксированных норм решающую роль в конкурентной борьбе все чаще играет захват лидирующих позиций (позволяющих определять стандарты). Борьба за первенство в изобретениях, в популярности, в оказании широкого спектра услуг, в вовлечении покупателя в свою орбиту и т. п. придает особое ожесточение современной конкуренции во все новых и новых областях. Доходы и прибыли не делятся, а целиком присваиваются победителем-монополистом (в худшем случае — олигополистом). Разрушительные последствия такого положения огромны.

Наконец, особо следует остановиться на преобладающих ныне организационно-управленческих структурах. Прежде определяющим было стремление сосредоточить в руках одного собственника большинство важнейших звеньев хозяйственной цепочки. Сейчас, в условиях бурного научно-технического прогресса, предпочтение все чаще отдается иным структурам, при которых в компактном, высококвалифицированном ядре сосре-

доточиваются административный и финансовый контроль, стратегическое планирование, научно-исследовательская деятельность, а большинство рискованных операций перепоручается формально независимым субподрядчикам. Такая организационно-управленческая схема (с вариациями) получает широкое распространение как на микро-, так и на макроуровне.

Мирохозяйственная периферия сильно разрослась за последние десятилетия врезультате активного втягивания в товарно-денежные отношения огромных модернизирующихся стран и регионов. Раньше (наряду с интегрированными в мировое хозяйство секторами) существовало значительное количество натуральных и полунатуральных хозяйств, обеспечивавшее себя пусть скудными, но все же средствами к существованию. За последнее время этот сектор почти полностью исчез, в основном перекочевав в городские трущобы. Кроме того, мирохозяйственная периферия постоянно расширяется за счет разоряющихся товаропроизводителей (как в центрах, так и на периферии).

Периферия мирового хозяйства крайне неоднородна и поляризована. С одной стороны, там постоянно возникают анклавы, тесно взаимодействующие с центрами, устанавливающие пусть асимметричные, но все же отношения взаимозависимости с мирохозяйственными центрами. Отдельные страны (вроде Сингапура, Южной Кореи, Бразилии) разными способами — агрессивной экспортной стратегией, формированием субрегиональных центров и т. п. — отвоевывают себе сравнительно равноправное положение. На микроуровне таких успешных анклавов множество.

С другой стороны, быстро растут маржинализуемые сегменты мирового хозяйства — обширные районы (по всему своему образу жизни, по экономическому потенциалу, по уровню накоплений, образованию и квалификации и т. д.), не способные к интеграции в усложняющееся мировое хозяйство. Их население — это социально-экономические изгои, вытесняемые неолиберальной глобализацией на обочину мирохозяйственных отношений, лишенные средств существования и перспектив на выживание. Немалая их часть становится жертвой организованной преступности, в отчаянии приобщается к террористическим движениям, образует растущую социальную базу политического экстремизма. Такое положение одного миллиарда лю-

дей является важным средством давления на остальное человечество, заставляющее его подчиниться императивам рынка и нового мирохозяйственного порядка, его дисциплине и механизмам управления. Но это одновременно и сильнейший дестабилизирующий фактор всей системы, создаваемой современной глобализацией.

Основная часть мирохозяйственной периферии находится в раздвоенном положении — живет надеждами найти сколько-нибудь приемлемое место в формирующемся экономическом порядке, но вынуждена постоянно выискивать пути и средства, чтобы не дать себя маржинализировать. Интегрироваться в складывающуюся новую систему может только незначительная часть многомиллиардного населения периферии; поэтому конкурентная борьба за выживание там намного острее, нежели она когда-либо была в предшествующие периоды развития мирового хозяйства. Интеграция в мировой рынок Китая (с его на порядок более дешевой рабочей силой) предвещает дальнейшее обострение этой борьбы. Уже сейчас многие ТНК разрабатывают планы перевода в Китай своих предприятий из стран Юго-Восточной Азии — оставляя последним нескончаемую вереницу социальных и экономических проблем заброшенных промышленных очагов.

Формально свободный рынок и свободная конкуренция, якобы присущие мирохозяйственной периферии, на практике находятся под постоянным воздействием силовых полей (финансовых, технологических, правовых, долговых и др.), генерируемых мирохозяйственными центрами.

Попробуем подвести некоторые предварительные итоги. Понятие «глобальная экономика» по многим направлениям вводит в заблуждение. То, что называется «глобальным», реально охватывает лишь меньшую часть человечества: один миллиард в мирохозяйственных центрах и еще столько же (или немногим больше) в воспроизводственно интегрированных странах периферии. Рынок — основные экономические регуляторы, действующие в этой глобальной экономике — способствует не унификации хозяйств в мире, а их расслоению, фрагментации и стратификации. Такие тенденции всегда существовали в мировом хозяйстве, но сейчас они намного сильнее, тогда как контртенденции заметно слабеют.

Исторически мировое хозяйство всегда состояло из промышленно передового центра и более отсталой периферии. Отдельные звенья последнего пытались (с большим или меньшим успехом) путем модернизации и догоняющего развития сократить имеющийся разрыв в общем движении к более развитому индустриальному обществу. В этом смысле можно сказать, что все мировое хозяйство развивалось тогда по одному вектору. Современное мировое хозяйство отчетливо состоит из трех частей, каждая из которых — со своим особым вектором развития.

Во-первых, мирохозяйственные центры, развивающиеся по новым схемам, ориентирующиеся не столько на снижение издержек, сколько на повышение качества. Преобладающие там организационно-управленческие структуры, гипертрофированная роль финансовых и правовых институтов, огромный научно-технический потенциал закрепляют их господствующие позиции в мировом хозяйстве, открывают большие возможности экстернализации своих трудностей и проблем (а иногда позволяют отгородиться от периферии).

Во-вторых, интегрированная в мировое хозяйство периферия, по многим каналам подпитывающая развитие центра. Периферия сильно дифференцирована и отдельные ее звенья находятся в разной степени асимметричной взаимозависимости с центром. Но практически для всех из них догоняющее развитие наталкивается на растущие экономические и политические препятствия: увеличивающуюся капиталоемкость, квалификационнаые и качественные требования, рост задолженности, недостигаемые стандарты и нормы, непосильные условия и требования международных организаций и т. п. Их стратегии развития вынуждены все больше ориентироваться не на догоняющее развитие, а на поиск приемлемых мирохозяйственных ниш. Объективно многим из них требуется переориентация с внешних на внутренние рынки.

В-третьих, маржинализуемые социально-экономические изгои, которые в обозримом будущем имеют ничтожные шансы найти сколько-нибудь приемлемое (не говоря уже о достойном) место в мировом хозяйстве. Те из них, кто активно протестует против создавшегося положения, превращаются в политических изгоев и подвергаются постоянному военно-насильственному давлению. Это сильнейший дестабилизирую-

щий фактор любых складывающихся в мире хозяйственных и общественных отношений.

В той мере, в которой одновекторность является признаком «экономики», понятие «глобальная экономика» не отражает современное положение в мировом хозяйстве. И пока сохраняется неолиберальная глобализация, такое разновекторное развитие будет только усиливаться. При этом резкое возрастание роли финансового, институционально правового и научно-технических факторов способствует формированию совершенно новой системы подчинения и эксплуатации.

Аналогичные взаимоотношения неоднократно возникали в ходе формирования национальных рыночных хозяйств. Но в то время государство и общественные институты играли ощутимую роль в обуздании негативных сторон рыночных механизмов. Существующие сейчас глобальные политические институты совершенно не способны выполнять аналогичные функции в отношении глобальных рынков. Защита общественных интересов, решение социальных или экологических проблем вообще не входят в их компетенцию и основные функции. Они даже не могут порции, чреватые серьезными воспроизводственными и финансовыми кризисами.

Нельзя не подчеркнуть также, что принимаемые на глобальном уровне решения (политические, военно-стратегические, экологические и отчасти экономические), как правило, проводятся в жизнь деятельностью национальных государств. В результате завязывается сложнейший узел взаимоотношений и взаимодействий глобального и национальных уровней. Это обстоятельство становится важным фактором не сокращения, а сохранения и преобразования современной роли национальных государств. При этом взаимодействие глобального и национальных уровней сейчас сильно отличается от исторически аналогичного взаимодействия государственного и локального уровней на заре формирования национальных государств (во многих отношениях не в пользу глобального).

В свете всего сказанного представляется, что понятие «глобальная экономика» малоприменимо к нынешнему мировому хозяйству. Более полезным оно может оказаться как средство выявить, куда ведет неолиберальная глобализация, какие противоречия она порождает и насколько жизнеспособным может быть результат нынешних тенденций развития.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Неоэкономика: онтологические изменения и теоретические начала (Философия хозяйства. 2002. № 4)

Термин «новая экономика» появился в 90-е гг. XX в. в США. И хотя следует отметить неоднозначность его трактовки, все же он широко проник как в деловую практику, так и в научную литературу. Высказанные ранее мифы о будущем обществе, сформулированные в последующем В.И. Вернадским в гипотезу о ноосфере, в настоящее время приобретают реальные контуры и очертания. Информационная революция, завершая технико-экономический цикл развития революции промышленной, в свою очередь положила начало принципиальным структурным изменениям во всех сферах и областях деятельности человека, включая и сознание последнего. Эти изменения, безусловно, нуждаются в дальнейшем осмыслении и практическом использовании, на чем основывается вся история.

Понятие неоэкономики

Сам термин «неоэкономика» (новая экономика), как показывает анализ литературы, трактуется двояко. Во-первых, он употребляется как синоним постиндустриальной, постэкономической ступени развития, в которой органически переплетаются традиционный сектор экономики с новыми элементами, придавая всей системе принципиально иное качество. Во-вторых, в узком смысле слова — это характеристика тех новых изменений, которые возникают в современной экономике.

Если воспользоваться схемой С.Ю. Глазьева, то структура экономики индустриального типа может быть представлена 1—3 технологическими укладами [1]. Основной общественной формой организации и развития для этого этапа выступает производительный капитал, а нормой, параметром регулирования является средняя норма прибыли предприятий машиностроительной отрасли и нефтехимии. Формирование новой экономики соответственно связано с 4 и 5 технологическими укладами. Это, прежде всего, производство и использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений телекоммуникаций, использование достижений тонкой химии и биотехнологии, космических технологий.

Новая экономика, таким образом, обусловлена, прежде всего, новым технологическим прыжком пятого цикла, о чем свидетельствует табл. 1.

Таблица 1

Технологические прыжки и циклы

Циклы	1 цикл	2 цикл	3 цикл	4 цикл	5 цикл
Начало цикла	1780 г.	1845 г.	1890 г.	1945 г.	1990 г.
Применение	Паровая машина	Поезда	Освещение, кино, моторы	Автомобиль, телефон, телевизор, компьютер	Software, мультимедиа, экономика услуг
Технология и сырье	Пар	Сталь, уголь	Электричество, химия, нефть	Электроника, ядерная технология	Информационные технологии, био- и генная техника
Сети	Торговые сети	Сети транспорта	Энергосети	Коммуникационные сети	Глобальные сети, знания

Источник: [2, 43].

Из нее следует, что современная экономика усложнилась, изменив свою структуру под влиянием и воздействием тех аспектов, которые свойственны прежде всего новой экономике. Свойственные для нее проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношения. Как влияние, например, электричества проникло во все производства в конце XIX в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала ведущей в конце XX—начале XXI столетия.

Неоэкономика и онтологические изменения

В связи с этим новым технологическим прыжком произошли принципиальные изменения во всех сферах, с которыми надо считаться людям-практикам, ученым, политикам. Во-первых, информация стала самостоятельным ресурсом, имею-

щим специфическую ценность и весьма отличительный от традиционных отраслей производственный процесс, форму организации и управления. Доля информационного сектора[29] за последние 15 лет кратно выросла и составляет в развитых странах 45—65% [3, 7]. Воспроизводимость — безграничность — временная определенность — три признака, которые принципиально отличают информационной ресурс от других ресурсов, что вносит существенные изменения в систему отношений, ценовое измерение и др.

Во-вторых, информация и весь информационный сектор является самым мощным источником, генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост. По сути, это дополняет современную теорию эндогенного экономического роста. Например, к 2000 г. в известных странах, имеющих характеристику индустриально развитых, информационный фактор составил 50—75% добавочной стоимости [4, 11]. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, составляющие 25% работающих, производили 56% стоимости национального дохода[30] [5, 173—174]. Т. Эггертссон отмечает, что если предположить страну j, а y — душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W этот доход есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y^1_j=f(W)$ [6, 9].

Следовательно, от степени и активности комплексной разработки научно-информационных отраслей и отраслей, обеспечивающих воспроизводство «человеческого капитала», в конечном итоге зависят не только макроэкономические показатели текущего благополучия, но и показатели динамики разви-

[29] Актуальными сегодня является исследования по инвентаризации отраслей на современные, полутрадиционные и традиционные, исходя из их роли в технико-экономическом и социальном развитии.

[30] Чтобы определить стратегические приоритеты развития (в Белоруссии они известны сегодня как жилье, продовольствие, экспорт), также необходимо проанализировать долю каждой отрасли и сектора в ВВП, структуре национального богатства, общей экономической структуре. Думается, приоритеты после этого получатся совершенно иными.

тия как в «старом», традиционном, так и в «новом» измерении[31].

В-третьих, наметилось изменение в механизме и траектории экономического прогресса. Внедрение информационных технологий, не разрушая традиционных укладов, все же в целом создает новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический эффект (кумулятивный по Т. Веблену, «созидательного разрушения» по Й. Шумпетеру), макрогенераций[32], где на гребне волны возвышения совпадают амплитуды различных циклов: технико-технологического, ресурсно-энергетического, капитального, финансового, социально-экономического и информационного [9—12]. И хотя влияние законов информации на всю совокупность порядков и отношений еще ждут своих специальных исследований, все же уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов информационный цикл является доминирующим.

Информационный цикл отражает, прежде всего, способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбор, обработку, производство, накопление, обновление, защита, передача, обмен и использование целесообразной информации. По мнению Д. Норта и Р. Фогеля, именно способы мышления и методы сбора информации являются главными в объяснении экономической истории государств.

Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а его траектория имеет дискретный характер, фиксируя переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие на-

[31] Развитие новой экономики вызвало необходимость поиска новых агрегированных показателей, способных отражать не только стоимостные результаты экономической деятельности, но и накопленный потенциал хозяйства, не попадающих в рыночную систему оценок, но имеющих общественную значимость, характеризующих возможности и условия развития и роста (см., напр.: [7]).

[32] О влиянии макрогенераций на эволюционный процесс см.: [8].

учные, практические, информационные и психологические изменения людей.

В-четвертых, и это вытекает из предыдущих положений, изменяются структура и форма общественного богатства. Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное, социокультурное или человеческое. Информационное богатство имеет крайне специфическую потребительную ценность. «Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания», — пишет Т. Сакайя [13, 352]. Примером здесь может быть цена галстука или косметики известной фирмы, кратно превосходящая цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которые обеспечили в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы, ее популярность.

Если предположить, что экономическая деятельность — это прежде всего деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. Информация, таким образом, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии.

В настоящее время заслуживает поддержки и развития мысль о том, что инструменты и машины, будучи овеществленным трудом, суть в то же время овеществленная информация. Эта идея справедлива по отношению к капиталу, земле и любому другому фактору экономики, в котором овеществлен труд. Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации [4, 398]. Но информация, как, например, деньги, акции, права собственности и пр., может существовать и существует как самостоятельный ресурс, о чем уже отмечалось. В ней находят отражение понятия экономического времени, о чем когда-то говорили Й. Шумпетер и Н. Кондратьев.

В-пятых, на базе бурного развития электроники, кибернетики, космических спутников связи, программного обеспечения информационная революция осуществила переворот в средствах телекоммуникации, завершив формирование глобального общества со всеми его признаками и характеристиками, которые еще только обсуждаются. Действительно, благодаря, например, транспортной инфраструктуре, внедрению новых поколений авиационного, автомобильного, водного и железнодорожного транспорта, а также быстрому наращиванию сети международных трубопроводов сократилось экономическое пространство и спрессовалось время, сблизив расстояние между странами, фирмами, людьми. Перевозки грузов и пассажиров значительно ускорились и стали дешевле. Например, средняя стоимость человеко-мили воздушных перевозок в 1930 г. составляла по курсу 1990 г. в 1950 г. 30, а в 1990 г. — 11 центов. За последние шесть десятков лет более чем в 6 раз подешевели авиаперевозки. Реальная стоимость морских грузоперевозок с 1920 по 1980 г. упала почти на 75% при том, что общий тоннаж мирового торгового флота с 1950 по 1999 г. возрос в 6,4 раза, а объем перевезенных грузов — в 10 раз.

Всемирная сеть Интернет к 2001 г. охватила более 300 млн пользователей, а еще в 1991 г. их было 5 млн, а в 1996 г. — 60 млн [15, 17]. Через каждые 100 дней информационный объем удваивается, а ежегодный рост составляет 7,3 раза.

В результате этого возникла принципиально новая ситуация. Прежде всего резко возросла мобильность капиталов и изменились смысл и формы организации производства, в отдельных видах которого расстояние не имеет решающего значения. Виртуальность экономических процессов приобретает устойчивую характеристику. Можно, например, получать образование, находясь вдали от учебных заведений и центров, что повышает качество человеческого капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заключать контракты также можно, преодолевая расстояния, что меняет понятие экономического субъекта.

В-шестых, произошел не только количественный, но и качественный скачок в развитии транснациональных корпораций (ТНК). Прежде всего сами ТНК получили идейно-концептуальную завершенность. Понятие периферии и центра благодаря информационным сетям потеряло свое первостепен-

ное значение и смысл. Это изменило структуру, направления и объем инвестиций, а последние, как известно, являются решающим фактором социально-экономического развития. Особенно в долгосрочной перспективе.

С середины 80-х гг. индекс роста прямых зарубежных инвестиций значительно опережал аналогичный индекс валовых внутренних вложений, и к концу 2000 г. превышение составило более, чем семикратный уровень. Отношение зарубежных активов к мировому продукту возросло с 4,9% в 1945 г. до 56,8% в 1995 г. В итоге значительно расширился диапазон возможностей удовлетворения предпочтений потребителя. Электронная форма торговли и расчетов эти возможности превращает в действительность, ускоряя и увеличивая объем трансакционных сделок, а вместе с ними и величину трансакционных издержек. Правда, распределение выгод от внедрения электронных трансакций и фактических трансакционных издержек осуществляется непропорционально из-за отсутствия опыта в подобного рода мероприятиях.

Однако с глобальной точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий [15, 18]. Вследствие этого экономики стран, как экспортирующих, так и принимающих капиталы, сами становятся все более транснациональными и зависимыми от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня международные институты являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта. Можно для иллюстрации вспомнить высказывание Капицы о принципиальной разнице обмена между людьми яблоками и идеями, обогащающая во втором случае общество на количество воспринятых идей.

В-седьмых, существенно исходя из ограниченности суверенитета страны меняются содержание национальной полити-

ки, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической, влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической[33]. Глобальная политика определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. [15, 19].

И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают новую экономику. Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенства стран. В то же время государство, создающее жесткие границы, также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. И уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства — информационная, т. е. разнодоступность стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой — глобальную ренту можно получить, лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то новое «экономическое поле», которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не

[33] Об изменении стратегии конкурентной политики на разных стадиях развития государства обоснованно и глубоко писал М. Портер [16]. В отечественной же литературе, к сожалению, о конкуренции говорится безотносительно проявления ее различных форм на конкретно-исторических этапах развития. Это тот же «черный ящик», которым была конкуренция и фирма в западной литературе в начале XX в.

имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело пользуются всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели его, соблюдая известные рыночные правила и демократические процедуры.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создала экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения — неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию. Этика, которую в свое время провозгласил А. Смит, нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях «расколотой цивилизации» [17—20].

Новой экономике — новое теоретическое мышление

Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени, влиянию силы монополий, воздействующих через цену на социально-психологическое поведение. Логическим продолжением является поиск новой теории для новой экономики. Некоторые аспекты аналитического восприятия новых тенденций в связи с информационно-компьютерной революцией отражены выше. Здесь зафиксируем лишь отдельные, наиболее важные, на наш взгляд, чисто теоретические проблемы влияния расширения хозяйственной деятельности за привычные рамки производственно-материальной деятельности, существенно изменившие всю систему отношений, но до

сих пор остающееся под углом зрения оценки «традиционной» неоклассической теорией.

Прежде всего теория новой экономки должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый — признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся конкурентную среду[34]. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, — это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения.

Информационные технологии делают не только предметом труда, но и предметом экономической науки сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах [21, 169—294]. Еще ранее экспериментально доказано, что тонкие материи, заметившие себя в исследовательском фокусе, значительно меняют свои свойства. Это означает необходимость пересмотра аксиом. Человек же, принимающий себя как игрок в массе игроков и понимающий правила игры, вероятнее всего будет выбирать для себя варианты поведения, в которых

[34] Просто знание и знание о знании существенным образом меняют предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем «экономический спектакль» по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот «спектакль» хотя приносит доходы, уже больше не привлекает «зрителей». Иначе говоря, критикуется как современная практика, так и существующая теория.

Но как возникла современная ситуация и кто ее «режиссеры», это остается пока существеным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет обстоятельств разнородности олигополистического поведения позволяет выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

учтет себя как наблюдаемого среднестатистического индивида и выполнит определенные функции наблюдателя, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть, и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной «ловушки».

Надо отметить, что возможных аналитических вариантов, а следовательно, и вариантов поведения в зависимости от степени достоверности циркулируемой информации может быть целое множество, в котором иногда теряется даже тот, кто запускает ложную или ограниченно правдивую информацию. И для этого есть основание, поскольку, впитав определенного качества информацию, люди будут руководствоваться именно последней, даже если она не будет отвечать реальным условиям и практике. И такой факт надо будет признать уже объективным и считаться с ним как с реальностью. Такая и другие аналогичные ситуации, которых может быть множество, еще далеко не изучены, по крайней мере экономической теорией. Однако фактом остается огромное влияние пиаровских технологий на сознание в целом и его составные части, включающие, например, экономическое, политическое и другие уровни и формы. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать, определяя при этом вероятность выбора потребителем, группой потребителей или принятия очередного политического решения, в котором всегда присутствуют чьи-то предпочтения в проведении определенной экономической политики.

Новую теорию нельзя придумать. Можно, отразив вначале ее исходные, а потом и общие положения, которые так или иначе уже высказывались в оценке новых тенденций реальных процессов, прописать их непротиворечивой концепцией, обобщив лишь в последующем целостной теорией. Сейчас в части создания «новой теории информационной экономики» можно наблюдать лишь этап генерации гипотез и выдвижения отдельных положений, отражающих изменения и влияния экономики информации. Выскажем некоторые из них.

Итак, информация из разряда косвенных признаков, принимаемых во внимание экономическими агентами, становится основным ресурсом, услугой и продуктом. Впервые проблема информации как всеобщего товара была затронута в статье А. Харта [22]. Более тридцати лет назад он доказал, что невоз-

можно преодолеть производственный цикл без притока новой информации. Впоследствии концепция стоимости информации получила развитие в статистических исследованиях, некоторых инженерных науках, в науке управления. Что касается экономической теории, то включение информации в область анализа дало основание Дж. Хиксу, П. Самуэльсону, Дж. Дебре и другим современным экономистам в последующем[35] несколько иначе посмотреть на теорию общего экономического равновесия. В этой теории единственным фактором, определяющим поведение индивидов, является цена, которая выполняет главную информационную функцию. Кроме этого, неоклассическая теория в своем анализе исходила из аксиомы равного и полного доступа к информации всех субъектов хозяйствования, что далеко от реальности.

Но как показывает более глубокий анализ, на принятие решения оказывает влияние и неценовые переменные или, иначе говоря, сигналы о множестве различных других обстоятельствах. Из этого вытекает, что представленная «традиционной» неоклассической теорией ситуация конкурентного равновесия есть также идеальный частный случай.

Информация — это не только экономическая категория, как утверждает К. Эрроу [23, 98—107]. Она своим содержанием выходит далеко за «экономическое поле». Однако в современной экономике информация действительно приобрела устойчивый и экономический статус и соответственно характеристики. Прежде всего, это товар, обладающий стоимостью и потребительной стоимостью. Специфичность как стоимости, так и потребительной стоимости информации придает в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство неделимости и временного периода существования. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать, например, размером высокой цены на суперпопулярный галстук известной фирмы, которая после прохождения пика моды уже не может стабилизироваться так же как, например, на зерно после урожайного (неурожайного) года. И никто не будет скупать эти галстуки по дешевой цене в надежде в последующем продать их по цене более высо-

[35] Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц и М. Спенс получают в 2001 г. Нобелевскую премию за разработку идей теории рынка несовершенной информации. Это свидетельствует о важности этого теоретического направления и необходимости его дальнейшей разработки.

кой. Это является следствием того, что исчезает общественная полезность, которая лишает основу цены для ее повышения.

Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют информационным рынком. И рыночный, и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассиками теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности этого общества является прежде всего общественным благом. Это своего рода и институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества. Уже не распределение материального продукта выступает основным критерием нарушения прав человека или же проявлением монополизации локальных рынков. Как государство, так и монополии обязуются под общественным контролем (если это получается) предоставлять необходимую информацию не только «для служебного пользования», но и для социально-политической и экономической регламентации. Парадоксально то, что на современный рынок в связи с развитием информационной сферы все большее влияние оказывают нравственные ценности и сами организационные механизмы. В частности, контроль за качеством продукции должны осуществлять нерыночные институты, поскольку, как пишет К. Эрроу, «индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел» [23, 107]. Дж. Сорос подавление естественной информационной свободы рынком назвал смертельной угрозой для современного общества с его ориентацией на демократические ценности, для чего в первую очередь предложил и потребовал изменить содержание системы отношений в мировых финансовых сферах.

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку участники трансакций не отражают уровень эквивалентных отношений. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые имеют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке нематериальных активов интеллектуальной собственности как в настоящем, так и в будущем.

Известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает меновых пропорций. Оценка предельных издержек и предельной выгоды в части информационной деятельности не имеет, кроме всего прочего, устойчивых критериев. Иначе говоря, информационный обмен всегда сопровождает асимметричность операций и отношений. Во-первых, заказчик и производитель информации закладывают далеко не одинаковые критерии в оценку производимого информационного продукта. Во-вторых, этот же заказчик, авансируя производство какого-то научно-информационного продукта, рискует и не получить ожидаемый продукт, контуры которого, кстати сказать, достаточно размыты как по потребительским качествам, так и по обоснованию необходимого объема финансирования. В-третьих, информация обладает свойством целостности, когда ее необходимо полностью представить покупателю для оценки, чтобы можно было принять решение об оплате. Однако полученная информация уже может не оплачиваться по причине того, что она получена на этапе первоначального знакомства с нею. В-четвертых, продавец информации, получив деньги за информационную услугу, не лишается последней полностью, как это бывает с материальным товаром. Он может и дальше продавать ее, делая расходы только для тиражирования. В-пятых, информационный продукт очень сложно оценить по потребительским качествам без квалифицированных экспертов, которых широко привлекают для этого, но которые также подвластны разного рода житейским влияниям. Кстати сказать, консалтинговый и инжиниринговый бизнес это есть не что иное, как практическое проявление деятельности экспертов на рынке информационных услуг. В этом бизнесе покупатель и продавец участвуют вместе в создании благ.

Вышесказанное позволяет заключить, что информационный рынок имеет тенденцию к монополизации, а следовательно, к экономической и политической дискриминации. Например, если все фермеры знают прогноз погоды и виды на будущий урожай, то они не будут платить за эту информацию. Однако неоплаченная информация подорвет стимулы для ее воспроизводства в будущем. К тому же фермеры в свои решения могут лишь как-то закладывать информацию о всех лицах, которые ею располагают, и о том, как будут поступать будущие конкуренты, обладающие какими-то сведениями. Продолжение

этой логики приведет к тому, о чем когда-то высказался Ф. Хайек, который конкуренцию определил как процедуру нового открытия. Речь идет о том, что накопление информации может вестись как бизнесом, так и правительством для снижения неопределенности, которая в последующем помогает преодолеть риск и конкурентную ситуацию.

Перед выборами на политическом рынке избирателям достаточно сложно, если не сказать, что это вообще невозможно при современных политтехнологиях, оценить достоверность той или иной информации о кандидате и принять решение своим скромным голосом, подтверждая как бы свое участие в демократической процедуре выборов.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон — это закон убывающей доходности, сформулированный в XVIII в. Т. Мальтусом и Д. Рикардо. Как гласит теория, каждое последующее вложение капитала из-за ограниченности ресурсов и под влиянием конкуренции снижает свою отдачу. Высокоприбыльная отрасль притягивает конкурентов, в результате чего начинают расти издержки, снижаться цены, а следовательно, и доходы. В результате ситуация на рынке стабилизируется. Но это наблюдается лишь в «традиционных отраслях», т. е. таких, как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и частично промышленность перерабатывающая. Об этом говорил еще в конце 50-х гг. К. Кларк, представляя свою «трехсекторную» экономическую модель.

В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. И поэтому почти всегда цены на новые товары в несколько раз превышают их действительный полезный эффект. С точки зрения окупаемости это вполне объяснимо. Более того, заложенная доля рентабельности даже первыми экземплярами удовлетворяет коммерческий интерес инвестора. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь те, что необходимы для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И даже кратно сниженная цена, таким образом, обеспечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги. И получается, что чем больший объем производства (тираж), тем больше получаемый доход.

Фирма, создающая наукоемкую продукцию, получает также дополнительные источники доходов за счет внешнего эффекта от распространения продукта. Например, широкое распространение программы Windows потребовало дополнительных программных приложений, которые уже распространялись на платной основе. Активное влияние внешнего эффекта от распространения ощущается и в отраслях промышленности, эксплуатирующих средства связи, ибо там вырабатываются нормы, делающие коммуникацию не только необходимой, но и возможной.

Возникает новая норма, не только регламентирующая поведение хозяйствующих субъектов, но и предающая целостность современной экономической системе, — средняя норма прибыли высокотехнологических отраслей. Эта норма прибыли является нормативом и базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким ограничением была средняя норма прибыли промышленного капитала.

Для новой теории принципиально важным является рассмотрение того, что раньше выступало предметом классической политэкономии — производственных отношений современного общества. «Неоэкономика (новая экономика), — пишет В.Г. Белолипецкий, — это экономика, основанная на глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь этот атлас мира гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые экономические отношения, в которых производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи» [20, 315]. Связи, таким образом, в современной экономике разрешают противоречия существующих производственных отношений через согласовавание интересов хозяйствующих субъектов (сторон). Основной же предмет согласований этих субъектов в современном регулировании производственных отношений — это трансакции и попытка повышения эффективности через снижение трансакционных издержек. Вот как охарактеризовал эти изменения М. Кастельс: «Если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются, то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое повседневной жизни. Они живут друг за счет друга,

но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от объема накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия» [13, 502—503]. Эта мысль требует не только осмысления, но и проверки. Однако фактом остается то, что эти изменения являются существенной реальностью, в которой современный мир находит свое развитие. Но их можно углубить лишь на политико-экономическом срезе.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Экономическая теория технического развития. М., 1990.
2. Deutschland. 2001. № 2.
3. *Мельянцев В.* Информационная революция — феномен «новой экономики» // Международная экономика и международные отношения. 2001. № 2.
4. *Цвылев Р.* Метаморфоза индустриальной экономики: проблема экономических изменений // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2.
5. *Марцинкевич В.И.* Человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991.
6. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001.
7. *Karunarathe N.D.* Analytics of Information and Empiric Ox the Lufor — Economy // The Information Society. 2000. No. 4.
8. *Маевский В.В.* Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы // Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000.

9. *Меньшиков С.М., Клименко А.О.* Длинные волны в экономике. М., 1989.
10. *Яковец Ю.В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.
11. *Герловин И.Л.* Основы единой теории всех взаимодействий в веществе. Л., 1990.
12. *Дятлов С.А.* Предмет и метод информационной экономики // Экономическая теория на пороге XXI века—2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М., 1998.
13. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
14. *Стоуньер Т.* Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
15. Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8.
16. *Портер М.* Международная конкуренция. М., 1993.
17. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
18. *Туроу Л.* Будущее капитализма. М., 1999.
19. *Иноземцев В.Л.* Расколотая цивилизация. М., 1999.
20. Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.
21. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998.
22. *Эрроу К.* Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5.
23. *Hart A.* Risk, Uncertaity and Unprofitability of Compounding Profitabilities // Studies in Matematical Economics and Econometrics. Chicago, 1942.

А.И. НЕКЛЕССА

Глобализация, геоэкономика и сетевая культура (Философия хозяйства. 2002. № 4)

Процесс глобализации заметно повлиял на социальную и экономическую мысль конца XX в., выдвинув идею новой композиции мирового контекста, его пределов и ориентиров. Вектор динамики — переживаемая человечеством социокультурная революция, равно меняющая как идеалы мироустройства, так и механизмы практической деятельности. «Горизонтальная» оп-

позиция *Запад — Восток* дополнилась во второй половине столетия отчетливой социальной вертикалью *Север — Юг* с последующим расширением этих пространств за пределы их условной географической локализации, очерчивая планетарные, взаимопроникающие, но все же раздельно, словно слоеный пирог, сосуществующие ареалы *«мирового Севера»* и *«мирового Юга»*.

К концу века совершилась также радикальная трансформация «Третьего мира», его разделение на динамичное пространство тихоокеанского Нового Востока и «потерянное поколение» Юга, к которому принадлежит большинство стран Африки. С распадом СССР и сопряженных внешнеполитических конструкций обозначилось пестрое, турбулентное и одновременно аморфное пространство «стран с переходной экономикой». Параллельно начал прорисовываться контур принципиально иных социоконструктов: транснациональных Квази-Севера и Глубокого Юга, обладающих разным социальным горизонтом, но постепенно сливающихся в единый «диффузный архипелаг», дестабилизируя прежние скрепы цивилизации. В мире выстраивается достаточно новая система отношений — поствестфальская структура мировых связей старых и новых субъектов планетарного сообщества. Интерес вызывают как перспективы отчетливо монополярной, «имперской» структуры социума, так и возможности экспансии сетевой схемы социальной регуляции, ее метаморфозы, отношения с более привычными системами управления, возникающие при этом взаимозависимости, симбиозные формы и т. п. Наконец, актуальной темой исследований становится феномен системного терроризма, представляющий органичную часть культуры сетевых организаций.

Лучше всех новое положение вещей понимают, по-видимому, США, что подтверждается их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются преадаптацией — т. е. активной политикой, нацеленной на опережение событий. Параллельно с возвышением Америки очерчиваются горизонты развития иного глобального субъекта — экономистичного универсума Нового Севера, порождения универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит.

Картография постсовременности

Несмотря на очевидную трагичность, события 11 сентября 2001 г. важны все-таки не сами по себе. Они послужили, во-первых, прожектором, высветившим новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. И, во-вторых, — стали триггером для определенных действий в сфере мировой политики.

Социокультурная революция проявляет себя в разнообразных процессах, меняющих как среду обитания человека, так и общественное сознание. Параллельно с широко обсуждаемой *глобализацией* (формированием субъекта мирового управления, штабной экономики, единого информационного пространства и т. д.) на планете не менее интенсивно развивается другой драматичный процесс, однако же, привлекавший до поры гораздо меньше внимания. Процесс этот — *индивидуация*, появление активных, влиятельных личностей, обладающих доступом к могучим финансовым, экономическим, техническим ресурсам и рычагам воздействия. Конечно, под влиянием кодов глобализации модель поведения большинства людей на планете заметно унифицируется, уплощаются, «объективизируется», все более совмещая субъекта с исполняемой им социальной функцией (ролью). Но энергии, развитые противостоянием «глобальной матрице», попытками ее трансценденции, — а также созданные цивилизацией могучие инструменты — создают весьма специфические условия для экспансии пассионарного индивида. Складывается при этом и особый механизм частной власти, новый класс неформальных организаций (как публичных, так и непубличных), способных совершать акции подчас планетарного значения и пропорций. Именно в контексте подобной глобальной развертки «одиннадцатое сентября» прозвучало особенно сильно и сыграло свою особую роль. Как бы мы ни расценивали внутреннее содержание «феномена бен Ладена», само появление данного стереотипа («гиперличность», «личность, противостоящая миру», «человек против цивилизации», «враг мирового сообщества») говорит о многом…

Я бы даже обострил подобную постановку вопроса, предположив, что не сам мир, не порядок вещей изменились в тот роковой день, но качественную трансформацию претерпели его прочтение и интерпретация, сама общественная психология, усомнившаяся в привычных устоях бытия, и изменились они,

судя по многочисленным признакам, весьма ощутимо. Что, в свою очередь, сказалось на деятельности аналитического сообщества, на приоритетах в его повседневной работе, на стоящих перед ним задачах концептуального порядка. А, кроме того, на интересе различных кругов к тем или иным интеллектуальным достижениям в области стратегического анализа и прогноза.

Феномен «11 сентября» продемонстрировал, что глобальный теневой контекст в наступившем столетии может стать реальной и перманентной угрозой, однако же, его характер, внутренние механизмы, движущие силы порой ставят в тупик не только практических политиков, но и опытных исследователей исторической перспективы. Новый терроризм учитывает взаимосвязанность глобального мира, системный характер протекающих в нем процессов — предъявляя соответствующую стратегию угроз. Его акции строятся на принципе домино, а менталитет организаторов напоминает стиль мышления опытных шахматистов. Планетарный контекст повышает значение символических объектов, жестов и процедур при реализации данной концепции действий. В глобализированном сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные последствия в другом, к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемых, но достаточно уязвимых для подобного рода системных влияний.

Диапазон прочтений картографии формирующегося миропорядка сейчас необычайно широк (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и с порога XXI в. можно разглядеть ландшафты, неведомые историческому взору. Отвергнув ранее патернализм религии и традиционного общества ради обретения совершеннолетия и личной свободы современное массовое общество теперь, кажется, склонно обменять завоеванную, но оказавшуюся столь обременительной и связанной со смертельным риском свободу на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт и безопасность. В подобных условиях на мировую арену выходит «системный терроризм»: система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих могучим эффектом резонанса — долговременного, хорошо просчитанного последействия. Речь, таким образом, идет о весьма специфичном инструменте частного (непубличного) управления обществом со стороны влиятельных, но безликих организа-

ций — этой аморфной и эклектичной «власти без государства», оперирующей транснациональными эскадронами смерти.

На сегодняшний день можно выделить три ключевых аспекта формирующейся реальности Нового мира:

• первый аспект — цивилизационная динамика на рубеже тысячелетий;

• второй аспект — актуальные трансформации, происходящие в сфере международных отношений;

• наконец, третий аспект — изменения в области структур управления и генезис новых оргструктур.

Если же попытаться обобщить разнообразные мнения, которые высказываются в интеллектуальном сообществе о сути процессов, происходящих в мире, то они, пожалуй, могут быть сведены к трем концептуальным позициям.

Первая из них достаточно проста. Она сводится к тому, что в мире, по большому счету, ничего принципиально нового не происходит. К примеру, непосредственно после событий 11 сентября в газете «Wall Street Journal» появилась статья Френсиса Фукуямы, суть которой в том, что трагические и турбулентные события последнего времени, в конечном счете, отражают последовательное продвижение в будущее локомотива Модернити. И те негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, — это лишь своего рода издержки процесса модернизации, который по-прежнему развивается. И развивается весьма интенсивно.

Вторая точка зрения заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, качественные изменения. Что процесс модернизации в его фундаментальном смысле — в первоначальном и основном значении этого понятия — зашел в тупик. В мире же набирает силы принципиально иной процесс — чаще всего определяемый как «социальный постмодерн» — проявляющийся, то как культурно-цивилизационная полифония, то как более-менее завуалированная демодернизация, а в своем экстремальном аспекте — как процесс неоархаизации мира. Эта же точка зрения отражена, в частности, в концепции Хантингтона, поскольку речь в ней идет о столкновении различных систем ценностей (культура Модернити — лишь одна из них), о планетарном, «горизонтальном» столкновении существующих культурно-исторических типов общества (цивилизаций).

Данной позиции, однако, свойственна, на мой взгляд, некоторая неполнота. Дело в том, что новая социально-культурная феноменология и демонстрируемая нам система ценностей не сводимы к какой-либо одной, хорошо известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то целостной, хотя и не слишком внятной пока системы ценностей. То есть, не исключено, что, находясь на самой кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении некой цивилизационной альтернативы, со своими законами и логикой социальных институтов.

Но в таком случае — и это составляет суть третьей точки зрения (которой я придерживаюсь) — происходящие в настоящее время события есть не что иное как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, происходит столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, с неким призраком цивилизации, нависающей из будущего[36].

Поствестфальский мир

Актуальный аспект происходящих перемен — трансформация самой среды, номенклатуры международных политических и экономических отношений. То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, становится очевидным. Однако реальный дизайн существующих на сегодняшний день социополитических карт XXI в. еще весьма неточен, расплывчат, порой — более чем двусмысленен. На их виртуальных листах видны одновременно и контуры «великой суши» Четвертого Рима — грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» — нестационарной, турбулентной системы международных связей.

Чтобы не быть голословным, перечислю некоторые актуальные проблемы, связанные с происходящей трансформацией мирового контекста:

---

[36] Подробнее о «цивилизованной трасформации» см.: [1].

• перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень;

• появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;

• транснационализация элит и появление новой социальной общности — мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);

• слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления;

• пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геоэкономического универсума;

• феномен страны-системы;

• деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров;

• наметившиеся горизонты «судейской власти»;

• развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительный итог многочисленным изменениям, то можно, пожалуй, утверждать, что в мире выстраивается иерархичная и динамичная (поствестфальская) система международных связей, и то, что понимали под международными отношениями еще лет десять назад в настоящий момент уже фактически не существует.

Действительно, международные отношения перестают быть сферой, где формально равные и суверенные субъекты выстраивают коалиции, а также взаимоотношения этих коалиций. Мы, фактически, имеем дело с новым явлением, когда возникает глобальная иерархия (интернациональная номенклатура), утверждается институт международных регулирующих ор-

ганов («глобальная держава», Большая семерка, НАТО и т. п.) и отверженное племя государств-париев. Подобный статус международных отношений, конечно же, существенно подрывает логику модернизации, сам менталитет Нового времени, поскольку мы имеем рецидив конструкций, характерных, скорее, для сословного, «феодального» мира.

Другое свойство поствестфальской системы — ее принципиальная нестационарность, предполагающая турбулентный характер ряда процессов и перманентное управление хаотизированной средой. Стабильность при этом начинает пониматься не как статичная, но как динамичная категория, определяющее свойство которой — способность к опережению негативного развития событий, их превентивное регулирование (т. е. скорее *crisis management*, чем *crisis resolution*)[37].

Важный аспект перемен — смена актуальных кодов управления. Новые ценности, организационные схемы и принципы взрывают прежние институции, изменяя привычные коды власти. Происходит маргинализация корпуса «легальной власти», национальной публичной политики, ее принижение альтернативной системой социальной регуляции — властью «неформальной», транснациональной, геоэкономической. И параллельно — совершается глобальная экспансия сетевых структур, этого весьма пестрого конгломерата социальных, политических, экономических, культурных организмов. Тут присутствуют клубы различного уровня влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, разного рода асоциальные, террористические организации, весь пестрый и эклектичный мировой андеграунд[38].

Новая культура, подобно вирусам, может соприсутствовать во плоти прежних социальных организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного «столкновения цивилизаций» — конфликта между централизованной иерархией и сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями. Сетевая организация лучше приспособлена к динамичному, турбулентному состоянию социальной среды, где вместо не-

[37] Подробнее о трансформации международных отношений см.: [2].
[38] Подробнее о роли сетевых структур о современном мире см.: [3].

прерывной функции она реализует дискретные проекты. Сетевая культура и возникает-то с особой интенсивностью именно на разломах, в моменты социального кризиса или взлета. Проектная логика способна в этих непростых условиях минимизировать влияние долгосрочных, инерционных воздействий и связанных с ними принципиальных ошибок.

У всех этих образований единая основа — деятельный человек. Деятельные люди существовали в мире всегда. Но никогда прежде они не имели такой свободы в оперировании финансовыми, информационными потоками, не обладали такими широкими техническими и экономическими возможностями. Сетевые сообщества (и террористические, в частности) формируются из личностей, которые творят концептуальное целеполагание, создавая под свои проекты временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея (или, скажем, финансовая цель) содержит вызов и перспективу, то определенный класс людей собирается в кластер. Эти коллективы могут действовать совместно, не сливаясь при этом в единую организацию, но автономно, в общем русле разделяемых целей и идеалов. Подобная среда в глобализирующемся мире становится все более действенной и все более влиятельной.

Глобальная трансформация

Итак, за последние десятилетия в мире произошли серьезные, системные изменения. К сожалению, осознание глубины перемен явно запаздывало, их стандартная оценка не выходила за определенные психологические, интеллектуальные или политкорректные рамки. Хотя нельзя сказать, чтобы будущее представлялось безоблачным, особенно в последние годы: проскальзывало предчувствие драматичных событий, в числе которых ожидался и некий особый террористический акт. Предполагалось, правда, что, скорее всего, он будет связан с локальным применением средств массового поражения. Но в любом случае, подобное событие должно было изменить общественное сознание, высветить новизну ситуации, ускорить социальное время. Именно это и произошло.

Многое в настоящий момент видится яснее, очевидней становится масштаб перемен и более внятной сама логика глобальной трансформации. Наверное, не ошибусь, если скажу, что совершившиеся за короткий по историческим меркам срок изменения коснулись буквально всех сторон социальной реаль-

ности. Сломалась не только ось социально-политических координат Восток — Запад, но заметно трансформировалась и альтернативная ось Север — Юг. Одно из неизбежных следствий подобной глобальной трансформации — проявление дефектности привычного интеллектуального инструментария, что порождает конъюнктурную суету и множащиеся ошибки. В обычных условиях тема полноценных социокультурных штудий, развернутый семантический анализ актуального контекста не представляют практического интереса для органов государственного управления, центров политического и экономического планирования и задвигается ими на второй, если не третий план. Однако в условиях серьезного искажения стратегической перспективы императив удержания контакта с реальностью рано или поздно вынуждает производить болезненную смену языка анализа, без чего равно затруднительны и концептуальная разведка, и сценарный анализ, и нормативное прогнозирование (планирование), а порой даже простое понимание нового реестра событий. Между тем мышление управленческого корпуса даже в этих условиях с трудом преодолевает свойственную ему ригидность и привычку к редуцированным механизмам «реальной политики»…[39]

Горизонт прогноза у данного, складывавшегося в течение десятилетий подхода, однако же, ничтожен, это явно не та система управления, которая может результативно функционировать в динамичном, радикально меняющемся мире. Человеческое сообщество и происходящие в нем процессы не принадлежат миру мертвой материи и области точных наук, социальная среда не только изменчива сама по себе, но — что серьезно усложняет анализ — изменчивыми могут оказаться ее привычные стандарты и познанные ранее закономерности. Сегодня многие проверенные временем социальные алгоритмы не работают или работают недолжным образом, хотя, наверное, это тема для отдельного разговора. Замечу лишь, что хорошее знание актуального контекста позволяет использовать совершенно новые коды социодизайна. Социальное проектирование вступает в эру быстро сменяющих друг друга креативных моделей «одноразового применения», имеющих короткий период жизни, заметно снижающих роль обобщений, индивидуализированных приме-

[39] Подробнее о проблеме стратегического планирования см.: [4].

нительно к той или иной ситуации вне пространств стандартных конструкций и привычных методов социопроектирования, что на первый взгляд требует колоссальных затрат.

Фундаментальное преимущество в этом случае оказывается в руках субъектов, контролирующих сам процесс протеообразного «формотворчества», установления тех или иных виртуальных (в первоначальном значении этого слова) правил игры применительно к тем или иным изменчивым обстоятельствам. Подобное нестабильное, динамичное состояние хаотизирующейся, теряющей свою привычную структурность среды — среды, в которой традиционные социоконструкции лишены поддержки и продолжают существовать в прежних формах лишь «по инерции» (ситуация, столь знакомая жителям России) — позволяет успешно развиваться лишь одному, особому классу («новому классу») социальных организмов: *диссипативных структур*, для которых подобное положение вещей является естественным (приспособленность к динамичной среде вне груза стандартных форм и обязательств) и которые несут в себе базовую инфраструктуру нового мира (т. е. инфраструктуру сосуществования с хаосом и управления им).

Лучше всех новое положение вещей понимают, по-видимому, США, что подтверждается их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются преадаптацией — т. е. активной политикой, нацеленной на опережение событий, частично отраженной в кристаллизующейся концепции нанесения превентивных ударов по странам, угрожающим США. На едином глобусе обновленной реальности мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием, — а тут можно вспомнить и Ирак, и Боснию, и Косово, и Македонию, и Афганистан, и другие, менее заметные ситуации, — выстраивается в единый типологический ряд. Умножаясь в числе и расширяясь в пропорциях, динамичная патина социальных вывихов и пришедших извне властных компенсаций постепенно сливается в неизвестный ранее социально-топологический синтез — сложный рельеф повсеместно контролируемого и управляемого хаоса.

Соединенные Штаты на сегодняшний день самая мощная страна (страна-система) в мире, *«господствующая мировая держава»*, по выражению госсекретаря США Колина Пауэлла. Это своего рода Новый Рим, «глобальный город», окруженный

концентрическими кругами «провинций» и различным образом зависимых стран. С каждым годом аллюзии на данную тему становятся более яркими, емкими: принятие ключевых решений в сфере мировой политики, войны, ведущиеся при участии варварских армий, союзников и наемников, императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся на всю доступную Ойкумену... (Кстати, не так давно в статье на военную тему, опубликованной в одном из американских журналов, мне встретилась ясно выраженная мысль — забота о национальной безопасности США предполагает сегодня не столько *оборону* страны, сколько *продвижение* ее интересов по всему миру [5, 27]). Но Америка, вместе с тем, видит для себя и определенный критический горизонт. В качестве конкретных сроков называются 2015—2020 гг. (но подчас и более ранние, и более поздние рубежи), когда положение США может стать менее благоприятным, нежели оно является на сегодняшний день. При одном условии: если не действовать на опережение негативных тенденций и событий, но именно поэтому, если действовать, то — сейчас.

Таким образом, действия, осуществляемые Соединенными Штатами в Афганистане и других горячих точках планеты, в определенном смысле вообще не имеют временной границы. Они скорее вписываются в некий стратегический рисунок, представляя звенья, «опорные площадки» выстраиваемой гибкой и динамичной системы управления турбулентными процессами на планете (контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции), которая идет на смену прежней, вестфальской системе статичных международных связей. Одновременно с этим привычная стратегия сдерживания (устрашения) заменяется доктриной упреждающих действий.

Представляется, что для США сейчас важна все-таки не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перед Америкой стоит более серьезная задача, которая и решается на практике — перехват стратегической инициативы, создание и апробация новой схемы мирового управления. Я бы охарактеризовал ее как динамичную, глобальную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*inter-national relations*).

Геоэкономический универсум

Параллельно с возвышением Америки очерчиваются горизонты развития иного глобального субъекта — экономистичного универсума Нового Севера, порождения универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит (как прежнего Севера, так и Юга), превращения их в своеобразную интернациональную корпорацию — Новую Лапутанию. Речь в данном случае также идет о становлении глобальной иерархии, но иерархии не государств, а субъектов «неформальной», непубличной власти, выстраивающих собственную транснациональную систему общественной регуляции.

«Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, — описывает создавшееся положение вещей хорошо разбирающейся в перипетиях финансово-экономического космоса интеллектуал-финансист Джордж Сорос. — Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели» [6, 114][40]. Подобная схема имеет, однако, не только привычное социальное и географическое прочтение…

Здесь мы вплотную подходим к загадке капитализма. В данной сфере обитает немало химер и мифологем. Капитализм — не просто форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая в лоне рыночной экономики. В определенном смысле — это выход за пределы экономики, психологический и социальный прорыв, малодоступный человеку традиционной культуры. От рынка капитализм, впрочем, отличает не столько объект деятельности, сколько ее масштаб и цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация. Фернан Бродель, описывая данное непростое явление, назвал его «противорынком», поскольку его суть «в явно

[40] См.также: [7].

другой деятельности», «в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места» [8, 57, 50, 58].

Субстанция капитализма — это, по сути, энергичная социальная стратегия, целостная идеология и одновременно далеко идущая схема специфичного мироустройства, *денежного строя*, субстратом которого является не само производство или торговые операции, но операции системные, направленные на контроль над рынком и имеющие целью перманентное извлечение системной прибыли (устойчивой сверхприбыли). Обретая универсальную власть главным образом не через административные, национальные структуры, а посредством хозяйственных, интернациональных механизмов, капитализм по самой своей природе не ограничен государственной границей и распространяется далеко за ее пределы, рассматривая всю доступную Ойкумену как единое пространство для своей деятельности. Для людей, придерживающихся подобных взглядов, деньги имеют прежде всего символическое значение: они не столько богатство или средство платежа, сколько символ статуса и орудие действия в этом мире, инструмент управления им. Хозяйственная же деятельность или экономика в привычном понимании сама по себе имеет вторичный характер. Психологически гораздо ближе оказывается стилистически рафинированная и отвлеченная аристотелева хрематистика — эта расчерченная доска иных схем и планов, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. Действительный соблазн здесь таится скорее в уходящем вдаль горизонте планирования, в возможностях проекции скрытой до поры власти, что позволяет развернуть особое поколение технологий и инноваций.

Зарождение капитализма, его первую, *торгово-финансовую* фазу обычно связывают с XVI—XVIII вв., хотя по ряду параметров эти истоки можно датировать более ранним временем, что, правда, нередко и делается с использованием понятия «протокапитализм». Расцвет данной фазы был тесно связан с эпохой географических открытий, кардинально изменившей экономическую картографию, сместив центр тяжести из средиземноморского в атлантический ареал. Колониальный мир породил изобилие материальных ценностей и драгоценных металлов, вызывая к жизни все более изощренные формы кре-

дитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в виртуальный космос финансовых операций, рождая такие эпохальные изобретения, как центральный банк, государственный долг или ассигнация. Закат же торгово-финансовой фазы совпал с упрочением на исторической арене национального государства, которое забирает наиболее прибыльную часть этой деятельности — кредитование правителей, начав само финансировать собственные нужды, путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии национальной валюты, особенно в форме банкнот.

Капитализм, однако же, успешно преодолевает кризис, переживая яркую историческую метаморфозу, занимая и одновременно формируя новую нишу деятельности, иногда прямо отождествляемую с ним (что порождает ряд аберраций и иллюзий) — *индустриальное промышленное производство*. Эта сфера хозяйственной активности развивается в тот период по стремительно восходящей линии, с лихвой оправдывая практически любые капиталовложения, создавая на основе столь характерных для христианской цивилизации радикальных новаций и перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало свою долю и государство, чьи инфляционные и эмиссионные риски уверенно оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики. В общем энтузиазме эпохи — в обретении рыночной конкуренцией второго дыхания и в звездном часе либерализма — временно растворяются, отходят на второй план многие специфические черты денежного строя. Здесь, кажется, особенности капитализма, действующего в христианском обществе, подчас принимаются за черты самого общества и наоборот. Однако в завершающем второе тысячелетие веке индустриализм переживает как стремительный взлет, так и серьезный кризис, предопределяя тем самым появление третьей фазы капитализма — *геоэкономической*.

Что же произошло в XX в.? Промышленное производство испытало воздействие ряда фундаментальных факторов.

• Во-первых, — ограниченность платежеспособного спроса в сравнении с экспансией производственных возможностей и, как следствие, необходимость вовлечения в процесс расширенного потребления все новых групп населения или же

развития новых, порой искусственных потребностей у платежеспособной его части, либо создания механизмов целенаправленной деструкции материальных ценностей.

• Во-вторых, — обозначившиеся границы хозяйственной емкости биосферы, перспектива ухудшения ее качества, а также исчерпания критически важных видов природного сырья.

• В-третьих, — усложнение отношений с научно-техническим прогрессом, в частности, из-за его двусмысленного воздействия на норму прибыли, учитывая необходимость перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаревания. А также из-за потенциальной способности неконтролируемых инноваций выбивать почву из-под ног у сложившихся хозяйственных организмов и даже целых отраслей. Произошли, кроме того, серьезные изменения в направлении реализации творческого дара, в характере инновационной динамики и, пожалуй, в диапазоне ее возможностей.

Последнее утверждение, впрочем, — наиболее спорная часть триады. Однако если мы сравним состояние инновационной сферы в начале XXI в. и, скажем, века XX, перечисляя конкретные прорывные достижения, то с удивлением обнаружим, что инновационный подъем в последнее время не возрастает, а скорее затухает, правда не равномерно, хотя и достаточно заметно, начиная примерно с 1980-х гг. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия — *radical innovations* сменяются и размываются многочисленными, эффектными рационализациями этих открытий — *progressive innovations*, происходит универсальная технологизация науки. Переживают расцвет информационные и финансово-экономические технологии (оптимизационные по своей природе), социальные инновации, другие «мягкие» инновации и технологии.

На протяжении XX в. человечество было свидетелем трех инновационных волн, различных по своему характеру и последствиям. Первая волна, прокатившаяся по планете в начале столетия и преобразившая стиль жизни цивилизованного человечества, была связана с реализацией таких фундаментальных изобретений, как электричество, двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия, искусственные материалы, новые средства коммуникации и индустрии развлечений. Вторая волна, уже

заметно более слабая по степени своего воздействия на материальную культуру, датируется серединой века, была тесно связана с процессом развития военных технологий. Ее результатом явились такие направлениями деятельности, как ядерная энергетика, ракетно-космическая техника, информатика и вычислительная техника. Последняя же волна инноваций прошлого века проявилась в совершенно иной области — в сфере информационных (оптимизационных по своей природе) и финансово-правовых технологий. Ее яркие порождения: механизм мировой резервной валюты (не обеспеченной другими материальными ценностями), система перманентного глобального долга, универсальная система перераспределения ресурсов и доходов, управление рисками и т. д.

В результате за последние тридцать с небольшим лет сложился глобальный механизм перераспределения мировой ренты (квазиренты), ее своеобразной «возгонки». От достаточно простых технологий перераспределения горной ренты от стран — владельцев природных ресурсов в пользу промышленных экономик (по типу «ножниц цен») современный мир перешел к использованию ряда других механизмов. К их числу относится выстраиваемая система взимания технологической и интеллектуальной ренты (система защиты интеллектуальной собственности, выстраиваемая в настоящее время в рамках ВТО) с самой промышленности. А также управление конфигурацией антропопотока (иммиграционное законодательство, регулирующее перераспределение особой, «антропологической ренты»). К механизмам перераспределения ресурсов и дохода можно также отнести применение при помощи международных институтов развития технологий структурной адаптации и финансовой стабилизации, сжимающих внутренний спрос при одновременном повышении экспортных возможностей с направлением полученных ресурсов на обслуживание перманентного глобального долга. В настоящее время решается задача по установлению единого протокола движения финансовых средств, достижения транспарентности финансовых трансакций, формирование основ глобалльной эмиссионно-налоговой системы. Обобщенная формула данного механизма — фиксирующая факт установления современной «штабной экономикой» единых правил игры на планете — получила на сегодняшний день название «вашингтонского консенсуса».

Специфику подобной — глобальной — формулы экономики можно описать следующим образом: если до некоторого момента мировая экономика представляла сумму экономик национальных, — самостоятельных субъектов, действовавших на глобальном поле, — то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект, «штабная экономика», которая при посредстве выстроенных ею механизмов и правил поведения уверенно действует на национальных площадках, превращая их в универсальный объект. На планете утверждается единый тип хозяйствования, имеющий общий свод регуляций, формируется геоэкономический мир как система долгосрочного планирования и перераспределения — посредством финансово-правовых технологий — мировых ресурсов и дохода.

Аналогом и моделью архитектоники прорисовывающейся геоэкономической (трансэкономической) конструкции может служить известный многоярусный «китайский шар». Геокон последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в сложноподчиненную топологию экономистичного универсума. На нижнем, географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более высокий локус — производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством товаров и услуг. На транснациональном ярусе — производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах и услугах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства — сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также системный контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда в легальный сектор проникают правила игры, в которых правовой, а тем более, моральный контекст утрачивает былое значение. Наконец, на высшем этаже геокона — это ткущаяся паутина «штабной экономики», система глобального управления метаэкономикой, прямо и косвенно сочетающая экономику с политикой, предвосхищая унификацию источника легальных платежных средств, тотальный контроль над их движением и появление единой, диверсифицированной систе-

мы налоговых платежей. Все это вместе взятое способно превратить пространства и «земли» геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира — волшебный источник специфической квазиренты.

Между тем искажение и истощение творческого начала цивилизации, господство кодов оптимизации привело к заметному падению производительности капитала: процесс, идущий в американской экономики с конца 60-х гг. (к 2002 г. производительность капитала в экономике США упала приблизительно на 40%, т. е. отступив к уровню начала XX в.). Вопреки ярким лозунгам о научно-технической революции экономический рост все заметнее смещается из сферы фундаментальных инноваций в область информационных технологий, оптимизационных по своей природе: его основными источниками оказываются рост производительности труда, глобальный масштаб деятельности и т. п. С окончанием «космического проекта», ступором в области термоядерной энергетики и кризисом военно-промышленного производства экономика развитых стран оказалась в ситуации стратегической растерянности, вне зоны «большого проекта», что, в частности, вынудило администрацию США пойти на значительное увеличение военных расходов и расходов в сфере безопасности в целом, а также реанимировать программу ПРО.

Ю.М. ОСИПОВ

Глобальная экономика: не миф, а реальность, хотя и трансцендентная (Философия хозяйства. 2002. № 2)

1. *Глобальность* это *все-общность*, когда все и всё, и все и всё в общности, причем в общности растворяющей, когда все и всё исчезают, становясь *общи*йм (вроде бытия, но только не бытие, а *общи*й). Исчезает личное, личностное, ликовое, однако не в *равно*-правии, а в *разно-не*-правии, ибо личное, личностное, ликовое сосредоточивается в *центре*, конечно же, в *без*-убразном и *без*-обрбзном центре, а безличное, безличностное и безликое растекается по внецентровому пространству-времени, разумеется, тоже *без*-убразному и *без*-обрбзному. Глобальность — *пирамида* (уже и не храм)!

2. *Глобализация* — достижение глобальности (объективное и субъективное), а *глобализм* — сознательное осуществление глобализации.

Глобализация экономики, экономический глобализм, экономическая глобальность.

У экономики, а экономика есть особое хозяйство, его частный случай, как и у экономической цивилизации, которая есть целый мир экономического человека, нет другого исхода, кроме глобальности, а соответственно *глобальной экономики*. Последняя — исходная потенция самой экономики. Экономическая революция, от которой пошла экономическая цивилизация, не может не завершиться *глобальной экономикой*, которая тоже есть *революция* — уже наших дней.

Глобализм, глобализация, глобальность сметают всех и вся, превращая этих всех и вся в общие! Бытия больше нет (или не будет), как нет уже и истории (или чуть-чуть и не будет).

Наступает *новый мир*, которому еще нет слова, но который можно обозвать, наряду с другими обозначениями, просто и метко *глобо* (GLOBO).

Мир — это *разнообразие*, а у глобо уже нет разнообразия, — у него лишь *одно-без-убразие* (какой, скажем, образ у Буша, Соланы или… любого другого, кроме, разумеется, виртуально-раскрученного имиджа, кстати, аболютно безубразного?).

Не *мир образов*, а *скопище имиджей*!

Ни стран, ни языков, ни культур, хотя они, кажется, еще есть, но в *кажимости*, а кажимость и есть ныне реальность, т. е. не реальность, а *кажимость*, ибо вокруг одни имиджи — стран, языков, культур.

И не миф это вовсе, а реальность, а по-настоящему все-таки — *кажимость*!

3. Глобальная экономика, со всей ее тотальной экономизацией, маркетизацией, капитализацией, финансизацией, олигархизацией, централизацией, провинциализацией, империализацией, колонизацией, сциентификацией, дефилософизацией, секуляризацией, технизацией, технологизацией, инженеризацией, коммуниканизацией, стандартизацией, информатизацией, мегаполизацией, деэтатизацией, денационализацией, космизацией, виртуализацией, менеджеризацией, манипулизацией, пиаризацией, криминализацией, антикультуризацией, массме-

дилиазацией, зомбизацией, имитатизацией, импровизацией, феминизацией, инфантилизацией, дебилизацией… — реальный, в лоне кажимости, факт.

Конечно, более всего пока голобализация, но уже и *глобальная экономика* — хотя бы как надстройка, но она *уже*, а не *еще* — уже *есть* и уже *ест* — всех и вся!

4. *Новый прогресс* (ПРО-гресс) возможен теперь только на основе и в рамках глобальной экономики, или *хозяйственной глобальности*, т. е. при всяческих *без*-ах, но при полном контроле над всеми хозяйственными ресурсами планеты и человечества, как и надо всем хозяйственным процессом, более того, надо всем человеческим хозяйством, принимающем образ (имидж) *над*-человеческого, а потому уже и *не-совсем*-человеческого, *над*-хозяйства, следственно, в чем-то уже и *не*-хозяйства.

Хозяйство — жизнь, ее обеспечение, но и ее возвышение. И вот наступает момент, когда является вдруг надхозяйство, или ноосферное действо, для которого важнее уже не жизнь, а *над*-жизнь, что-то не то, не наше, не от мира сего, когда сам человек, или существо, называемое человеком, сам является уже и главным хозяйственным продуктом — от начала до конца (феномен *чиповейства*).

Человек (существо в человеческом образе-имидже) хозяйствует, а продуктом его хозяйственной деятельности является уже не благо для человека, а *сам* человек, который, конечно же, уже и не человек (не-совсем-человек, *чиповей*). Но и этого мало: такие теперь рождаются проекты, что и подумать страшно (какое-нибудь преодоление времени-пространства, материи, гравитации, но также и самой смерти, не говоря уже о том, что еще не приняло прямого проективного облика).

После-человек, *после*-жизнь, *после*-хозяйство!

Глобальность ведь во всем — вширь, вглубь, ввысь, в разные стороны. Это *освоение* и *преодоление* мира, его превращение в *после*-мир.

Фантастика, миф, сказка? Нет, это уже реальность, однако еще не полностью вычерченная.

5. Глобализованный мир — *другой* мир. Во *всем* другой. Он отличается от *до*-глобализованного мира так же сильно, как мир цивилизованный от мира первобытного, как мир индустриальный от мира аграрного, как мир городской от мира сельско-

го,как мир гражданский от мира тюремного… Совершенно *другой* мир! И он решительно наступает. Идет *глобализационная революция*, по сравнению с которой все прочие революции, даже и само Возрождение — лишь скромные прелюдии.

Вот такой имеет место глобальный разворот, если не выворот, а может, и изворот!

6. Главное противоборство сейчас — не глобального мира с до-глобальным, а глобального мира, который наступает, с тем миром, который может наступить. И будущий мир зависит не столько от борьбы нового мира со старым, сколько от борьбы уже новых мир*ов* — между собой.

Впереди глобальность, и от нее уже не уйти. *Антиглобализм* — не борьба за старый мир, как бы и за неглобализованный, а за *особую* глобальность, такую, которая, вдруг повезет, не закроет совсем человека в человеке.

Раскат глобализации велик, ее уже не остановить. Но можно ли получить какой-либо приемлемый из этого итог? И вот тут-то приходится убеждаться, нсколько мир трансцендентен и насколько слаб человек, как и насколько «гордынен» человек в своей слабости. Последствия глобализации никто нигде и никак рассчитать не может. Они воистину трансцендентны. Но как-то ориентироваться человеку в новом мире все-таки надо. Отсюда и *глобалистика*, или *глобоведение*, которые есть не более чем *осознанная осторожность*. Антиглобализм — не антиглобализация как таковая, а стиль поведения в условиях неизбежной глобализации, но с желанием выжить.

7. Российская буржуазная революция 1990-х — *революция глобалистская*. Не понимать этого — ничего не понимать! Россия насильно выливается в глобальность, в ней быстро исчезая. Теперь ей как-то быть — всего лишь «общить» в глобальности. Уже нет в полном смысле бытия, а есть какое-то *перебывание* (от перебиться) в глобальности. И Россия почему-то не хочет выскочить из глобоболота. Вязнет. Чему как раз и рады элита и ее правительство. Расчет здесь простой — пожертвовать Россией ради призрачного места в глобализованном мире (да и не места вовсе, а какого-то размещения, но не страны, нации, народа, а этой самой глобализованной элиты). Если Россия в чем-то и участвует, то только в глобализации — как ее вполне подвластный исполнитель.

Россия легко сдалась и отдалась, ничего такого особенно и не осознавая.

Что не получилось у революционеров в 1917 г., получилось у реформаторов в 1991 г.

Была Россия, да как-то и стерлась!

Такова *эсхатология*! Однако глобоболото гораздо больше России, а потому на российскую эсхатологию накладывается эсхатология мировая. А это делает российскую эсхатологию совсем уж трансцендентной: исход тут никак уже никому и не виден. Конец России — еще не конец России, а конец, быть может, самого мира, так как в борьбе миров мир и кончится, чего нельзя сказать о России — будущей России.

8. Новый, он же глобализованный, мир принципиально и изначально *эсхатологичен*. Не успел утвердиться, а уже в *апокалиптическом экстазе*. И это понятно, ибо нет уже Цели, нет Смысла, нет Разрешения. Ради чего все это? Для кого? Зачем?..

У нового мира нет будущего, он *обречен*. Не *на*-речен, а именно *об*-речен, — речь его обходит. У него нет Слова!

Ибо *не*-человеческий он!

Только отрицание этого нового мира может дать Слово, а вместе с ним и Жизнь!

9. *Апокалиптика* — не новость для человеческого мира. Мир человеческий в основе и в принципе своем *апокалиптичен* (болезни, беды, войны, лишения, насилия, издевательства, пытки, гибель, смерть… мало ли что обо всем этом свидетельствует). То ли миру надо преодолеть апокалиптику, для чего и существуют религии, творчество, культура, либо с нею надо смириться, для чего тоже создаются соответствующие идеологии, то ли надо дойти до какого-то апокалиптического предела, чтобы потом… глядишь… и в беспроблемность, если не в рай, а может, и окончательно в ад, в пустоту, в ничто. Но пока мир апокалиптичен. И в глобализации надо видеть как стремление избавиться от апокалиптики мира сего, через его стартовое обобщение и всеобщую мобилизацию, так и тенденцию к большому срыву в готовящуюся апокалиптическую бездну. Кому-то видится за горизонтом счастье, а кому-то — большое несчастье. Что будет? А кто ж знает? Одно ясно: *большая коллизия* — со смертельным иходом: то ли для этих, то ли для тех, а может, и для всех вместе.

Выход?

Прямого выхода нет: *апокалипсис* идет и усиливается, а апокалипсис — не то, что апокалиптика. Новый мир, или глобализованный мир, очень хорошо в апокалипсис вписывается: как апокалиптическая попытка вырваться из апокалипсиса, чтобы стать *иным* миром, либо, наоборот, в него влезть, чтобы в нем и сгинуть. Не будем давать абстрактно диалектических, т. е. мало что говорящих, ответов: либо то, либо другое, либо все вместе, и т. д. А лучше постараемся, во-первых, понять, что происходит, а во-вторых, вести себя в соответствии с тем, что происходит.

А потому требуется *сознательно апокалиптическое поведение*, но со знаком плюс, а не минус, т. е. поведение, несущее *апокатастатический*, т. е. *антиапокалиптический* заряд. Осознание апокалиптики и ее нынешнего раската совсем нам не мешает, ибо может придать мужества, ответственности, аскезы и подвижничества, однако *личного*, ибо пропагандизм ныне не в духе, т. е. не в эффекте.

Если уж говорить о выходе, который неизвестен, то лучше думать о само-выходе, о своем собственном поведении, которые, заметим, осознанно апокалиптивируются, но со знаком минус. Оседлать апокалиптику, но не через революционное движение, которое уже ничего не даст, а через самих себя, что трудно, даже невозможно, но единственно правильно.

10. Кому-то совсем не понравятся такие рассуждения. В Век Науки и в Эпоху Техники такое вот мракобесие?.. И в самом деле, почему же не мракобесие?.. Только что-то беспокойны сейчас души, только что-то все как-то не так получается — особенно хорошее, только почему-то выходит хорошо лишь одно злое?.. Гнусна, ох, как гнусна фотография нынешнего мира, где уже не мир вовсе, а образина — и Россия тут в первых рядах, всего безубразнее и безобрбзнее. Но и чувства здесь — в России — сильнее, в том числе и к убразу и к обрбзию, которых у нее нет, но которых кое-кому все-таки хочется, нет, не героям вовсе, а просто все-еще-человекам.

11. *Глобальная экономика*. Есть ли она? Да, есть, — повторим еще раз. Хотя бы в активном развитии, т. е. еще не конченная. И перепахивает она уже мировую экономику, переворачивает, переделывает. Не учитывать факта глобальной экономики сегодня — непростительная ошибка. Еще хуже не видеть качественных от нее изменений. Глобальная цена, к при-

меру, — уже не та цена, к которой мы привыкли, ибо учитывает она не совсем то, или даже совсем не то, что нам кажется, да и природа самой цены теперь более идеальная, виртуальная, оценочная, как и трансцендентная, ибо кто теперь знает, почему цена такая, а не другая. То же самое можно сказать о любом экономическом параметре — от глубинной стоимости до поверхностного продукта. Иной характер собственности, иной характер денег, иной характер капитала, иной характер доходов… А где теперь, или что теперь, микрохозяйствование, т. е. микроэкономика, чего либо уже нет, либо что ужесовсем другим? А где и что ныне макрохозяйствование, то бишь макроэкономика? А где и что теперь — однако не в перечислении тут дело, ибо изменяется сейчас *все*, как и исчезает *очень многое*: иные времена, иной мир, иная экономика.

Глобализация пожирает все и вся, делая это все и вся *глобализованным*, а *каким* конкретно, так это смотреть надо — тоже конкретно.

12. Изменяется сам характер экономики, ее природа. Кажется, что мало что меняется: все те же деньги, цены, капиталы, бизнес и т. д., но в том-то и дело, что уже *не те же*. Глобализация не просто реконструирует пространство экономики, она переделывает *саму* экономику, отрывая ее все более и более от природы, от земли, от места, от производства, от человека, от общества, не говоря уже о Господе Боге. Между Небом и Землей теперь экономика, ибо все небесное и все земное уже чуждо ей, во всяком случае — не рувно! И цели у такой экономики уже другие, совсем не те, которые еще совсем недавно поражали воображение теоретической экономии. В прошлом уже теория, в прошлом!

13. А что Россия?

России бы полезно стать *не объектом*, а *субъектом глобализации*, однако не той глобализации, которая как апокалиптический зверь набросилась на мир, а той, которую и глобализацией-то не назовешь, которая есть уже *отрицающая глобализация* — отрицающая нынешнюю глобализацию, которая не зверь, а Благо, которая не глобальность, а *обще-житие*, общежитие *больших уравновешивающих друг друга хозяйственных пространств,* вовсе и не монолитных.

Да что тут скажешь: *апокалипсис ведь?!*

Ю.М. ОСИПОВ

Глобальная экономика как феномен современности (Философия хозяйства. 2002. № 5)

1. *Экономическая революция* середины II тыс. от Р. Х. в Западной Европе, означавшая окончательную победу *экономического,* т. е. товарообменного, *способа хозяйства,* ставшего к тому времени *капиталистическим,* обусловила развитие *экономической цивилизации,* достигающей сегодня глобального уровня и превратившего экономику в *глобальную экономику.*

2. *Глобализация экономики* — переворот, однако в рамках экономической цивилизации. И хотя глобальная экономика до конца еще не сложилась, она уже фактически есть, и пройти мимо данного феномена уже невозможно.

Что значит «глобальная» применительно к экономике? Ведь экономика уже по своей сути является глобальной, так как основана на *глобальном феномене стоимости,* для которого нет или почти нет ограничений, если говорить о нем и только о нем. И если только сейчас — на рубеже XX и XXI вв. — заговорили о глобальной экономике, то для этого есть какие-то веские основания.

На первом месте как будто бы масштаб — мировой, планетарный, земле-космический. Это верно, но недостаточно для характеристики глобальности экономики. Лучше сказать: обретение планетарно-космической целостности, во всяком случае, зацепка за эту целостность. Но и этого недостаточно. Можно говорить об овладении временем. Однако и этого мало, — и так будет до тех пор, пока мы не учтем факт и фактор *управления* в отмеченном масштабе и в указанной целостности, осуществляемого *мировой экономической системой,* построенной *иерархически* и *пирамидально,* располагающей и *всемирным экономическим центром (мировым правительством).* Пришло время *глобального управления* с глобальным учетом всего хозяйственного процесса в мире, глобальным над ним контролем и глобальными решениями, которые принимаются как раз наверху и в центре, чтобы об этом ни говорили (невозможно, не может быть, нереально и т. д.).

Глобальная экономика — высшее на сей день достижение экономической цивилизации, а переворот к глобальной экономике означает установление — объективно и субъективно, стихийно и сознательно, ходом вещей и проективно — так назы-

ваемой *«экономики сверху»* взамен *«экономики снизу»* (термины автора), что означает образование и введение стоимости сверху и даже из центра, а не только снизу, как это было раньше (ослабление эффекта производства стоимости в пользу усиления эффекта вменения стоимости, ее кредитования сверху), и одновременно учреждение основных экономических параметров функционирования экономики сверху и даже из центра, что не исключает и учредительного давления на них снизу. Глобальная экономика — экономика *тотального финансизма,* когда финансовая составляющая экономики занимает господствующее положение, царя над производством и обменом, но так же и *тотального информатизма,* когда информация не только мгновенно перетекает во времени—пространстве, но и оказывается подчиненной — в своих основных значениях — верху и центру, где, собственно, и принимаются основные судьбоносные решения для мировой экономики и жизни.

Такая экономика — экономика *эффективно организованной* — сознательно, сверху и из центра — *самоорганизации,* когда самоорганизация сводится по преимуществу к приспособлению к организации, трактуемой как несамоорганизация.

3. Глобальная экономика — это мир без мира, ибо мир — разнообразие миров (этнических, национальных, культурных, цивилизационных), но в то же время и без индивидуальностей (как самостоятельных центров решений), без коллективов и сообществ, без стран и государств, т. е. вообще без общества, ибо общество тоже есть разнообразие как и мир отношений, которые при глобализме превращаются в связи, а потому вместо мира как раз пустое GLOBO.

4. Россия, как и ее хозяйство, растворяется в GLOBO. Экономика России — подчиненная часть глобальной экономики. В данном положении одна Россия. Отсюда и антиглобализм, который стремится, или должен стремиться к мирообусловленному планетарному общежитию. Сейчас важно понять, что есть глобализм и глобальная экономика, чтобы выработать, если на то будет необходимая воля, правильную стратегию и тактику для России.

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика в лучах философии хозяйства (Философия хозяйства. 2003. № 2)

Металогия и метаистория

Не раскрывая сути философии хозяйства, заметим лишь, что философия хозяйства, будучи масштабнее, целостнее и неопределеннее (трансцендентнее) теоретической экономии, рассматривает *экономику* как частный случай *хозяйства,* которое есть не что иное, как сама жизнь, взятая по преимуществу со стороны ее деятельского созидания, что близко *организационно-производительному* аспекту. Есть жизнь и есть хозяйство — везде и всегда, а вот экономика, являясь лишь особой формой или способом реализации хозяйства и жизни, никогда при этом не охватывая полностью ни хозяйства, ни тем более жизни, бывает не везде и не всегда, и в этом смысле она исторична и временна. Соответственно можно говорить о *предэкономике, экономике* и *послеэкономике (постэкономике)*.

Чтобы быть понятнее при последующем изложении, укажем, что экономику мы понимаем как способ реализации хозяйства, основанный на *товарообмене* и *деньгах*, а в более абстрактном выражении — на *стоимости*.

I. Предэкономика. Натуральное хозяйство — натураномика. Сакрализованное хозяйство

1. Начало начал

Обходя здесь стороной вопрос о происхождении человека и его сознания, отметим, что как *хозяйствующий субъект*, т. е. субъект, *осознаниевающий* себя и мир, или вменяющий в мир и в себя свое сознание, человек стал действовать в мире, *ему данном*, что означает, что человек не создал мира и себя в нем, а оказался в *уже созданном*, не им вовсе, мире. И сам факт сознательного хозяйствования, предполагающего умственное отображение мира, проектирование действий и изменение среды обитания, говорит о том, что человек вряд ли был порожден миром, котором оказался и вынужден жить и хозяйствовать. Хозяйствование человека в некотором аспекте есть хозяйство *вне*-мировое и даже *противо*-мировое. В мире, через мир и против мира!

Сознание человека в мире и с миром, но одновременно и вне мира и против мира. Отсюда осознанивание мира, как и са-

мого человека, предполагает, с одной стороны, извлечение мира из мира, т. е. получение знания о мире и использование этого знания человеком, а с другой — введение в мир своего — человеческого — знания, что имеет результатом уже ознанивание человеком мира, или вменение мира в мир. Не все, а может, и далеко не все знание, которое добывает и создает человек, хозяйствуя, является знанием *отобразительным*, значительная, если не большая, часть знания оказывается *вообразительной*. В голове человека хозяйствующего не одно идеальное отображение мира, в котором он живет и с которым хозяйственно взаимодействует, но и свой собственный идеальный мир, который возникает уже по воле самого человека, тот самый идеальный мир, с которым человек вступает уже в *творческое* по преимуществу взаимодействие с окружающим миром. Есть мир *реальный*, или *необходимый* (не-обход-имый, т. е. который не обойдешь, не проигнорируешь, ибо он свершающийся), а есть мир *виртуальный*, или *возможный* (воз-мож-ный, т. е. могущий быть, но могущий и не быть, ибо еще не свершившийся). Человек — вершитель не только реального мира, который, правда, и за пределами человека, ибо он не его, но и виртуального мира, который как раз весь в человеке и из него, а потому человек суть обладатель виртуального мира, в то время как в реальном мире он всего лишь действующее лицо.

Если мир представить *природой*, т. е. рожденным *при* и находящемся *при* постоянном *рождении*, то человек не где-нибудь, а в лоне природы, где он постоянно рождается, постоянно и умирает, т. е. уходит в мир, из которого и выходит. Жизнь и хозяйство человека *природны*. Но нетрудно заключить, что одновременно и *неприродны*, даже и *противоприродны*. Человек, судя по всему, дитя не одной природы, которая, как видно, ему *мать* (матерь, материя!), но которая вряд ли могла сама по себе, даже усердно хозяйствуя, произвести на свет столь неприродное существо. Тут, видимо, потребен *отец* — уже иной, какой-то внеприродной сути хозяйствующий субъект, который уже не матерь-материя, а что-то совсем другое — зачинающее, вживляющее, вдохновляющее, т. е. *дух*, следовательно, и *идея* — человека. Так на нашу интеллектуальную авансцену выходит особого рода хозяйствующий субъект, способный создать в природе и вместе с нею человека, но при этом и саму природу, да что природу — весь мир. И такой хозяйствующий

субъект есть Господь Бог, с чем можно и не соглашаться, но без чего, как выясняется, невозможно ни жить полноценно, ни правильно хозяйствовать. Выходит, что мир, природа, человек, как и хозяйство человека, *божественного происхождения*, у всех у них есть Творец. Отсюда можно говорить о хозяйстве и хозяйствовании Бога, но что интересно, человек у Бога — не только не винтик в Его хозяйственной механике, не только не покорный исполнитель Его воли, но даже и не направляемое Им скрытно существо-зомби, ибо человек при всех мировых и природных ограничениях, на него положенных, имеет *свободу хозяйствования* и возможность *хозяйственного выбора*, более того, человек и сам является *творцом* — себя, своей жизни, своего хозяйства, своей среды обитания. Недаром же человек был создан «по подобию», т. е. подобным Богу, но, важно заметить — не Богом. Бог-то абсолютно свободен, а человек — лишь относительно, ибо человек в природе, в мире, он им имманентен, хоть и тоже весьма относительно. Человек вообще относителен, а если и абсолютен, то лишь в этой своей фундаментальной относительности. Хозяйствование человек — *относительное хозяйствование*, а потому и крайне *противоречивое*: свобода здесь сочетается с несвободой, реальное с ирреальным, знание с незнанием.

И вот что важно: рано или поздно, но человек однажды понял, либо до него как-то вдруг дошло — извне или изнутри, что его мир, как и он сам в этом мире, полон *тайны* — и не только *устройственной* (в аспекте устройства мира), но и какой-то *иномирной* тайны, которую можно почувствовать, вообразить, уяснить, как-то даже и выразить словами, но которую никак нельзя разгадать — до конца! Пришло время, и человек осознал, что в мире есть *трансцендентность*, исходящая от *трансцендентного мира*, что его — человеческий — мир всего лишь *имманентный мир*, лишь сопряженный с трансцендентным миром, что и в имманентности хватает трансцендентного, более того, что трансценденция, идущая от трансцендентного мира, или *абсолютная трансценденция,* как и трансценденция, свойственная имманентному миру, или *относительная трансценденция*, вовсе не нейтральны, а активны и действенны, они работают, ставя человека не только в имманентные, но и в трансцендентные условия бытия, жизни и хозяйствования.

Человек, выходит, может многое, но не все, более того, он не может чего-то явно главного и фундаментального, а именно — того, что восходит к трансцендентному — человек не может ни прогнозировать, ни обойти, ни устранить, ни как-то еще преодолеть трансцендентное начало, — что абсолютное, что относительное, — он должен признавать *великую тайну мира*, с ней быть, с ней взаимодействовать, на нее ориентироваться, т. е. быть в чем-то важном и судьбоносном именно *трансцендентным существом* и именно *трансцендентным хозяйствующим субъектом.*

2. Никакой еще экономики

Оказавшись в природе, человек мог жить и хозяйствовать по-природному или, лучше сказать, в соответствии с природой, рассматривая последнюю как свое жизненное лоно, дающее ему саму возможность поддержания и воспроизведения жизни. *Природная жизнь — природное хозяйство.* И сам человек более всего осознавал себя существом *природным*, проявляя, конечно, свою неприродность, но в неких границах. Потребление природы не мешало принципиально воспроизводству природы. Человек понимал свою зависимость от природы, хотя осознавал и свои неприродные способности, дававшие ему возможность кое-что переделывать в природе, а главное, создавать свой неприродный мир, т. е. творить то, чего нет в природе. Так или иначе, но вышло в итоге так, что наряду с *природным миром* возник *мир неприродный*, который, правда, не замещал собою природу, а дополнял ее, с нею взаимодействуя. Постепенно хозяйство человека становилось все более неприродным, образуя *природно-неприродное единство*.

Неприрода, конечно, противостояла так или иначе природе, их отношения не были сплошь идиллическими, но хозяйство в целом велось человеком так, что возникавшие природно-неприродные конфликты более или менее преодолевались, а общее равновесие между природой и неприродой сохранялось, хотя и неоднозначно на разных уровнях.

Хозяйствуя в природе, человек долгое время сохранял и свое природное состояние как хозяйствующий субъект — как по целям и возможностям хозяйствования, его границам, так и по самому облику человека хозяйствующего, который реализовывал себя по преимуществу как замкнутое в себе и на себя *человеческое сообщество*, в котором ни один человек не был соб-

ственно хозяйствующим субъектом. Хозяйствовало сообщество, а вместе с ним и в его рамках и каждый член сообщества. Сама организация хозяйствующего субъекта была в основе своей *природной,* т. е. той, которая соответствовала природе, но не вообще природе, а и природе самого человека. Человек — *существо общественное*, и иным он быть не может (сознание и язык не велят).

Но будучи также существом неприродным, человек хозяйствующий не мог не искать и иных решений, идя по пути преобразования хозяйственной организации, ибо он был заинтересован так или иначе не в простом, а в качественно изменяющемся, т. е. в сложном, своем воспроизводстве. Творя неприроду, человек выходил на возможность таких себя и своего хозяйства организаций, при которых его жизнь становилась другой, более, скажем так, насыщенной. Отсюда возможность усложнений человеческих сообществ, а с достижением достаточных размеров избыточных благ (сверх необходимых) и *разделенческо-иерархических* усложнений, и не только в самом процессе хозяйствования, а и в самой жизни: одни человеки стали жить одним образом, а другие — другим, соответственно и хозяйствовать они стали по-разному, в разных сферах, с разными целями. Сообщества сохранились, но стали другими — *социально-структурированными*, причем неизбежно образовались верхи и низы, возникли отношения подчинения и управления — вплоть до эксплуатации одних другими. А хозяйство тоже становилось все более неприродным, имея и все более неприродные результаты — появились *города*, а вместе с ними и *цивилизации*, что как раз и означало важнейший качественный скачок на пути от природы к неприроде, а путь человека хозяйствующего и был с некоторых пор именно путем *от природы к неприроде*. В своем хозяйственном рвении человек все более отходил от природы, устремляясь ко все более неприродной неприроде, ее упорно создавая, однако долгое время не порывал с природой, сохраняя с ней весьма эффективную обратную связь, поддерживая с ней — пусть и динамическое — равновесие. И природа позволяла человеку создавать неприроду, ибо веками оставалась по отношению к природе достаточно избыточной.

И Господь Бог, надо полагать, допускал в целом самотворчество человека, наблюдая не без интереса, хотя и с неред-

ким, наверное, негодованием, за все более выходящим из природной обусловленности хозяйствованием человека. Господь, судя по всему, не был особенно доволен человеком, но все-таки не мешал ему, ибо сам обрек его на страдания, на труд, на производство, т. е. на хозяйствование, дав ему при этом и немалую свободу. И человек этой свободой по-своему распоряжался — как мог!

Человек вел в целом природное хозяйство, подчиняя ему свое неприродное, которое выглядело даже и природным, ибо не слишком от природы отрывалось. Человек пользовался природой, ее секретами, переделывая ее, он не столько отрицал природу, сколько ее предполагал. И не только физически, но и идеально. Человек не просто признавал природу за великое благо, он ей даже поклонялся, подстраивая свой идеальный мир под мир природы. Идейность человека была долгое время вполне природной идейностью.

Однако человек сообразил как-то, что он, будучи существом не совсем природным, все же возвышается над природой, хоть ей и поклоняется. Так или иначе, но человека не могла не осенить мысль о другом мире, из которого, возможно, он сам и пришел, о мире, в котором существуют совсем иные, чем на Земле, существа — некие сверхсущества, и такими сверхсуществами оказались для человека духи, боги, а потом и сам единый Господь Бог — творец природы и самого человека. Человек сообразил, что есть *мир обыденный*, низший, и есть *мир сакральный*, высший, что есть связь между этими мирами, наконец, что и сам человек — сын сакрального мира. На низшее хозяйство человека наложилось тогда высшее хозяйство — Божеское, под которым оказалось и хозяйство природы, в лоне которой как раз и действовал человек, а потому человек не мог не рассматривать свое хозяйство, как и всю свою жизнь, *божественно обусловленными*. Так произошла *сакрализация человеческого хозяйства*, его *одухотворение*, а иначе, его *трансцендентализация.* Человек признал *тайну* мира, природы, Бога и хозяйствовал в соответствии с этой тайной, поклоняясь природе, духам, богам, единому Богу, но так же и самой этой тайне.

Поклонение тайне! Очень и очень серьезно, очень и очень важно! Само осознание, что есть другой — высший — мир, что есть невидимая связь с этим миром, что сам ты посланец этого таинственного мира, того самого мира, который ум-

нее, разумнее, дальновиднее этого — низшего — мира, в котором как раз и хозяйствует человек, что человек должен подстраиваться под высший мир, слушать и слышать его, принимая и его руководство, как и опеку, само это осознание делало и человека существом сакральным, как и сакрализовывало всю его жизнь и все его хозяйство. Человек обретал некое *сверхсознание*, которое было как бы *надприродным*, но в силу наличия высшего Божественного начала, перед которым склонялся человек, не переходило той грани, за которой поклонение природе превращалось в презрение к ней.

Никакого заблуждения человека при этом не было, ибо тайна была, есть и будет — меняться может лишь сознание человека и его отношение к тайне — *Тайне!* Осознание тайны, ее признание, наконец, просто вера в нее — никакое не заблуждение, никакая не ошибка, никакая не детская болезнь. Это воистину высшее знание, даже и *сверхзнание,* которое то ли подарено было человеку свыше, то ли человеком самим было обретено в момент какого-то необыкновенного озарения — пусть и растянутого во времени и разрывного, знание, которое и делало человека человеком, ибо человек был и остается пока не кем-нибудь, а существом, *знающим незнаемое,* — а что может быть выше этого?

Хозяйство, которое человек вел в целом по-природному, даже и встраивая в природу свою неприроду, было хозяйством *целостно локализованным* — и иным оно быть не могло. Находясь в природе и с ней в итоге достаточно бережно, по крайней мере, рационально, обращаясь (истощение, не говоря уже об уничтожении, природы грозило — и оборачивалось — гибелью хозяйствующего сообщества), человек не мог не обеспечивать в рамках локального сообщества, пусть и достаточно крупного, целостного природного воспроизводства всего локального сообщества. Присваивалось от природы, вместе с нею производилось, как и производилось наряду с природой, а то и вопреки ей, *все необходимое* для жизни локального сообщества, и это все необходимое *принудительно распределялось* — для потребления, а частично и для обмена. Отсюда так называемый *натуральный* характер такого хозяйства: дело здесь не в одной основополагающей природности и в итоговом равновесии с природой, но и в особенностях самого хозяйственного жизнеотправления, его состава и организации, тяготевших к непосредствен-

ной целостности и явной принудительности. Все в целом, все по принуждению, все откровенно, что не значит, что целостность не могла сочетаться с дополняющим и частично ее реализующим обменом, а принуждение было обязательно тяжким, репрессивным, чуть ли не невыносимым. В таком *натуральном хозяйстве,* или *натураномике,* все было по возможности, по преимуществу и по необходимости *натуральным* (или *в натуре*): что производство, что труд, что блага, что их распределение, что воспроизводство, что сама жизнь. *Натуральная жизнь — натуральное хозяйство — натуральная идеология!* Однако натуральность не обходилась без *сверхнатуральности,* т. е. без *сакральности*. Наблюдая природу, с ней взаимодействуя, живя в ней и ею, видя ее живую и рассматривая как живую, признавая ее огромную силу и величественную мудрость, ощущая не одну зависимость от нее, но и ее покровительство над собой, чувствуя свою к ней причастность, наконец, выделяя в природе что-то такое, что вовсе не подлежит полному и ясному отображению словами, т. е. осознавая одушевленность и одухотворенность природы, наконец, ее божественность, а по-нашему, *трансцендентность*, человек не мог не сакрализовывать природу, а соответственно и свое в ней и с ней хозяйство. Натуральность предполагает и вполне логичную (хотя в то же время и *сверх*логичную) сакральность. *Натуральное хозяйство — сакрализованное хозяйство*, такой же, т. е. сакрализованной, является и вся идеология натурального хозяйства.

II. Экономика. Капиталономика. Финансомика

1. От натурального хозяйства к экономическому хозяйству — от натураномики к экономике, но в то же время и от хозяйства к экономике

Для понимания сути *экономики* вполне позволительно рассмотреть ее как *ненатуральное хозяйство*, соответственно как какую-то противоположность *натураномике,* т. е. найти в экономике какую-то принципиальную искусственность, причем такую, которая абсолютно и не снимает натуральности хозяйства и жизни, их естественности, природности. Отсюда, коли уж искусственность, то, наверное, какая-то параллельная, дополнительная, относительная, т. е. предполагающая и взаимодействующая с натуральностью, хотя ее при этом и как-то отрицающая.

Так как же?

Видимо, так, что в реализации натуральности жизни и хозяйства должен появиться какой-то принципиально ненатуральный момент, заставляющий все хозяйство, а за ним и всю жизнь, выглядеть уже как-то ненатурально — не в натуре. Натура должна отступить, уйти на второй план, а на передний должна выйти какая-то ее противоположность, рождаемая не природой, а неприродой, т. е. самим человеком. Человек вводит в хозяйство какую-то принципиально неприродную компоненту, но куда или во что? — в саму *организацию хозяйства*, которая должна потерять что-то из своей натуральности, а именно — *общественной натуральности*. Общество должно перестать хозяйствовать в натуре и начать хозяйствовать не в натуре, т. е. в *ненатуре.*

Как же это?

А так, что воспроизводство человека, семьи, коллектива, сообщества вдруг перестает быть целостно локализованным, полностью в себе и для себя, а лучше сказать, *единым*. Вместо *воспроизводственного единства*, когда все и всем сразу, т. е. все необходимые блага и обязательно для всех членов воспроизводящегося сообщества, хотя и не обязательно поровну, приходит *воспроизводственное неединство*, или *разделенность,* когда не все и всем сразу, а сначала что-то особенное для отдельной части сообщества, а потом уже — после взаимоперехода частного особенного от части к части, вот тогда уже все для каждой части и соответственно все для всего сообщества.

Выходит, что каждая из частей сама по себе в натуре не воспроизводится, но воспроизводится она в натуре лишь при каком-то особом взаимодействии всех частей сообщества — *социальном взаимодействии,* т. е. ненатуральном, неестественном, неприродном. Такое взаимодействие суть *обмен* — благами, трудом, хозяйствованием, но такой уже обмен, без которого, во-первых, жить невозможно, а во-вторых, при котором и в результате которого нужно получить все необходимое, что заставляет выполнять два важных требования: во-первых, иметь для обмена достаточное количество обмениваемого особенного, чтобы взамен получить все остальное необходимое в воспроизводственной целостности, а во-вторых, обменивать надо в некоторых обязательных пропорциях, т. е. в некоторых *ценностных соответствиях*, и обязательно *возмездно*.

В итоге получается, с одной стороны, разделенное хозяйствующее сообщество, а с другой — сообщество, объединенное уже через возмездный, или *товарный*, обмен. И если главным для натурального хозяйства является принудительное производство и распределение благ, то для ненатурального хозяйства — свободное и самостоятельное по частям производство благ и возмездный — постоянный и достаточный — обмен ими. Такой обмен, который не дополняет лишь принудительное производство и распределение, как это случается в натуральном хозяйстве, а обеспечивает вообще производство и распределение благ, которые становятся уже полностью обменно обусловленными (без обмена неосуществимыми).

Так зачинается экономика — *экономическое хозяйство* — с разделением натурального хозяйства на части и непременным его объединением в целое через товарный обмен между частями. Однако это лишь первое смысловое приближение, ибо остается пока за кадром исключительно важное в реализации такого ненатурального хозяйства — *механизм всеобщего товарообмена*, который тоже не может не задавать экономике ее специфику как способа хозяйства. Мало разделить хозяйство — через обособление частей, т. е. через *частную собственность,* надо еще объединить хозяйство в воспроизводственное целое — но уже через что-то *общее*, что может быть достоянием каждой из частей, но что в то же время должно быть *обще* всему разделенно-объединенному хозяйству. Сам по себе товарообмен на эту роль не годится, ибо он всего лишь процесс взаимодействий частей, а не что-то общее всему и вся — тут, видно, потребна какая-то общая, при этом способная к разделению и частному обособлению, как одновременно и к любому соединению… *субстанция*, такая субстанция, которая везде и всюду — по частям, но которая при этом и переходит от части к части, а также сливается в любые другие части, т. е. какая-то единообразная, однако способная к делениям и слияниям, субстанция. Нетрудно убедиться, что при отсутствии такой субстанции, способной все и вся единообразно выразить — качественно и количественно, по всем частям распределиться, их единообразно определяя, переливаться от части к части, соединяться где надо и когда надо в любые иные части, наконец, представлять единообразно все хозяйственное целое, никакой всеобщий товарообмен невозможен.

И такая субстанция непременно возникает в экономике, принимая облик *денег* — особого *товара — всеобщего эквивалента*, а принято эту субстанцию с некоторых пор называть по-философски и по-научному *стоимостью*. Все и вся в экономике должно стать стоимостью, обмениваться как стоимость, наконец, умирать как стоимость. Для экономики характерен *феномен стоимости*, который не есть натуральный, естественный, природный феномен, а как раз феномен искусственный, неприродный, социальный. В хозяйстве возникает, но при этом как бы в него и вселяется, особого рода *идеальная субстанция*, обязанная своим возникновением и вселением всеобщему товарообмену, тем самым товарообменным возмездным отношениям, которые реализуются в ходе этого самого всеобщего товарообмена, которая представлена в товарных оценках или *ценах*, возникающих в процессе все того же товарообмена, но которая при этом получает и самостоятельное, вполне адекватное себе самой, выражение и существование в виде денег, их массы и их масс.

Все в экономике, т. е. все, проходящее через процедуру товарообмена, получает стоимостное выражение — в деньгах. Все так или иначе становится в экономике стоимостью, т. е. поражается некой неприродной субстанцией, подвергается ее оценке и получает от нее цену. Стоимость пронизывает все и вся, требуя от всего и вся стоимостного бытия-поведения. Только будучи стоимостью и ведя себя как стоимость, можно рассчитывать на бытие в экономике, а соответственно в хозяйстве. И это касается вовсе не одних обмениваемых благ, но и самого человека — *субъекта экономического хозяйства.*

В разделенном товарообменном хозяйстве, или в экономике, хозяйствующий субъект не просто зависит от всеобщего товарообмена, как и от обмена своих благ на все другие необходимые ему блага, но и от ряда стоимостных оценок, вливающихся в его личный *стоимостной расчет* — затратных, продажных, покупочных, доходных, в результате чего хозяйствующий субъект оказывается способным хозяйствовать, вести свое хозяйство, быть участником общественного хозяйства. Возникает необходимость поиска некоего *стоимостного баланса* — между расходами и доходами, определяющего первейшую экономическую целесообразность хозяйственной деятельности, но также и *превышения доходов над расходами*, де-

лающего хозяйственную деятельность совсем уж привлекательной. Так появляется прямая зависимость субъектного хозяйствования и хозяйства в целом от *реализации стоимостного начала.* Мало того, что каждому субъекту надо считать и считать, но при этом еще и считать особым образом — чтобы удовлетворить требованиям реализующейся и работающей стоимости. Отсюда и проблема особой эффективности — *экономической*, со всей ее искусственной, ненатуральной, неприродной мотивацией.

Появляется, таким образом, как бы параллельная хозяйственная механика — экономическая, но которая занимает вовсе не подчиненное положение, а наоборот, главенствующее — пусть исторически и не сразу: наверху стоимость с экономикой, а внизу уже все остальное. Образуется особого рода *хозяйственная иерархия*, при которой экономика, будучи в общем-то надстройкой над фундаментальным хозяйственным базисом — жизнью, оказывается главнее хозяйства вообще и жизни вообще. Где экономика, там уже во главе всего стоимость, она все определяет, все начинает и все завершает — всю хозяйственную жизнь, включая и саму смерть. Данный феномен господства стоимости, когда хозяйственное действо опосредствовано стоимостью, от нее зависит и ею направляется, более того, ради нее и осуществляется, называется *стоимостным фетишизмом*, что совершенно справедливо — стоимость занимает место Природы, Бога и даже самого человека, ее почитают, ей поклоняются, к ней прислушиваются. И если сохраняется какая-то сакральность, то совершенно иного рода — отрицательно-искусственного, как бы *секуляризованная сакральность*, сама себя отрицающая и выворачивающая наизнанку — ложная, обманчивая, лукавая сакральность, ибо стоимость — не от Природы, не от Бога, а от самого человека, правда, уже и сильно изменившегося — экономического.

Движение к экономике — не только движение от натураномики к экономике, но и от хозяйства к экономике, хотя хозяйство, как и сама жизнь, не исчезает и исчезнуть не может, но может оказаться в такой зависимости от экономики, что начинает терять свою собственную самость, отходя на задний план. И в самом деле, разве вокруг нас хозяйство, а не экономика, коли в основе, впереди, в центре и во главе всего хозяйственного находится стоимость, а соответственно деньги и денежный

расчет? Выходит, правы экономисты, что изучают и преподносят не хозяйство, а именно экономику, как будто и забывая о хозяйстве, о жизни, о природе, о Боге, даже и о человеке, который всего лишь элемент в экономической системе и не более как активный или пассивный участник гигантской экономической игры. Экономика как бы вытесняет хозяйство, и не из одних экономических голов, но и из реальности, ибо реальности ничего уже не остается, как представляться — и вполне обоснованно — экономикой и только экономикой.

2. Экономика как капиталономика. Все дальше от хозяйства

Одно дело самому производить блага, привлекая для этого стоимость, и совсем другое — привлекать стоимость, чтобы блага производили другие, а ты сам либо управлял бы этим производительным процессом, либо перепоручил бы это делать другим, либо вообще бы ничего не делал, получая лишь свою долю от общего в данном случае дохода. Все это называется *капитализацией стоимости*, а чуть иначе, *феноменом капитала*, когда *деньги производят деньги* с возможностью даже и перспективной неограниченности — пусть в прерывности и с препятствиями.

Стоимость доставляет стоимость в расширенном масштабе, т. е. возникает эффект *накопления стоимости*, разумеется, в деньгах, что вовсе не исключает их последующего перевода в неденежное богатство.

Богатство. В капиталономике это уже не Богом данное и не природой дарованное, да и не трудом собственным созданное, а полученное за счет стоимостного привлечения не своего труда, но и своего при этом капиталонакопления, богатство. Не натуральное богатство теперь в чести, а стоимостное, т. е. деньги, приносящие деньги, либо *капитал*, а потом уже и богатство натуральное, все более становящееся, правда, искусственным, ибо производительное накопление стоимости непременно и весьма быстро прорывает границы натурального, т. е. сугубо природного, производства, превращая его все более и более в производство ненатуральное, стало быть, и неприродное. Только экономика, ставшая *капиталономикой*, решительно выходит за пределы собственно натураномики, создавая все расширяющийся искусственный мир. Именно капиталономика стала широко применять не только разделение труда, но и машины, как

и вообще технологию, превращая производство уже не столько в трудовой, сколько в технологический процесс, при котором естественный ручной, как и естественный умственный труд, т. е. труд как бы сугубо организменный, становится трудом машинным, механизированным, технизированным. А у такого труда уже неограниченные возможности, с учетом усовершенствований и обновлений его технической составляющей, для роста производительности, расширения производства и его развития, умножения разнообразия.

Хозяйство человека превращается в *капиталохозяйство*, когда основным хозяйствующим субъектом становится *капиталист-предприниматель*, субъект капитала, самовозрастающей стоимости, т. е. некой неестественной субстанции, способной к самодвижению, мало того, к господству над хозяйством, его натурой, причем к такому господству, что хозяйство становится в прямом смысле слова функцией от стоимости, ее самовозрастания, ее воспроизводства. Капитал овладевает экономикой, а вслед за ней и хозяйством, втаскивая их в свое напористое движение, но при этом и качественно изменяя. Именно под напором капитала быстро развивается и окончательно складывается *экономическая цивилизация,* для которой уже нет ничего «святее», чем *накопление капитала*.

Сначала накопление капитала, а затем уже все остальное, — и если накопление капитала в целом идет, совершая чаемые страстно обороты, то можно, при нужде или без нее, обращаться к природе, к человеку, к этике и морали, даже и к Богу. Общество живет теперь не просто с капиталом и при капитале, а прямо-таки по капиталу и под капиталом, становясь обществом воистину *капитализированным*. И ничего другого, как исполнять умильно и гневно капитальный танец, навязчивый и радостный, ему уже не остается.

3. Экономическая свобода и несвобода. Произвол и принуждение. Власть

Стоимость дает свободу *от* очень многого: от личной зависимости, известной как рабство и феодализм, от государственной зависимости — того же абсолютизма, от природы, которую остается только покорять, от моральной идеологии, базирующейся на принципах «неполезной» справедливости, от самого Господа Бога, уже вроде бы и одобряющего безудержное накопление богатства, от тяжелого труда, который можно

переложить на других, от материальной зависимости, ибо появляется достаток и даже избыток потребительских благ, от разного рода культурных, политических, идеологических и прочих запретов и ограничений, столь характерных для традиционных, т. е. достоимостных, обществ. Стоимость дает свободу и *за* очень многое: личную жизнь, индивидуализм, азарт, творчество, потребности, желания, стремления, вообще всяческий активизм, даже и совершенно криминальный и абсурдный. Но стоимость не дает и не может дать свободы *от самой себя*, коли стоимость есть и коли она работает. Здесь уже полная зависимость — человека от стоимости, причем разная — то как субъекта стоимости, то как ее объекта, то как реализатора, то как подрядчика, то как эксплуататора, то как эксплуатируемого. Все и вся, как и все без исключения агенты экономики, в *вихре стоимости.*

Остается ли тут место воле и произволу? Конечно. Отсюда и *конкуренция* — за стоимость и за предоставляемые ею блага, т. е. борьба — как борьба без правил, так и с правилами, но всего менее — по правилам, а всего более — меж правил, а потому произвол ограничивается принуждением — к *закону*. Тут уж никакого сердца, только закон, а вот соблюдение — другое дело, ибо на первом месте не соблюдение, а приспособление к закону, а далее уже просто двойной стандарт: здесь царствует, пусть и во многом формально, закон, а там — произвол.

И стоимость подпадает под закон, но такой закон, который не препятствует сильно стоимости оставаться стоимостью, а потому стоимость с законом, а закон со стоимостью, что, собственно, и лежит в основе *экономической цивилизации*, равным образом, и ее оборотной — *субцивилизационной* — стороне.

Стоимость хороша, умна, расчетлива, но без принудительных рамок она есть самогубительный произвол, — и совершенно нормально, что стоимость обуздывается, т. е. нормализуется, законом — в широком смысле слова законом — становясь стоимостью *организованной — институционально*, а при необходимости и *функционально*, когда закон дополняется и властным действием («окриком»).

Стоимость — *власть*, но и *над стоимостью есть власть*, которая, правда, прижимая стоимость, ей же и служит. Это нестоимостная по сути власть над стоимостью, ее опекающая нестоимостным образом. Обычно она выражается и реализуется

государственностью. Стоимость без государственной власти — позорный миф, а безгосударственной реальностью она может стать только при замене государственной власти какой-то иной властью, которая может в принципе быть и которая даже есть, но пока что наряду с государственной властью либо через нее, т. е. не без государственности.

Стоимость *субъектна.* Субъектна в двояком смысле: как вселенная в субъекты или по субъектам распределенная и как сама по себе субъект, однако особый — социо-процессно-объективный. Стоимость реализуется через субъектов, их решения и действия, их власть над ней, но одновременно и сама по себе — как воспроизводственное сообщество субъектов, в ходе субъектных взаимодействий, но при этом и как *трансцендентный единый субъект*, которого нет, но который есть, причем субъект *решающий,* т. е. принимающий решения — за сообщество субъектов (обычно этого субъекта называют рынком, что верно лишь отчасти, ибо рынок несубстанциален, а вот стоимость — субстанция, которая везде и всюду, которая рождается и умирает, сосредоточивается и растекается, соотносится и перетекает, конкретизируется и превращается, которая непосредственно или опосредованно выражается во всех экономических параметрах и феноменах, чего не скажешь о рынке, который всего лишь механизм реализации стоимости, к тому же не единственный).

Субъектность стоимости — сложное полилектическое нечто. Стоимость не вообще субстанция, не вообще дух, не какая-нибудь энтелехия или стихия, это именно что-то субъектное, действующее субъектно, если хотите, и разумно, если под разумом здесь понимать способность принимать, или даже производить, решения. В момент решения всегда находится субъект, через который действует стоимость. Нужно заметить, что без взаимодействия собственно экономических субъектов ни о какой стоимости вообще не может быть речи, т. е. стоимость субъектна изначальна, генетически, по рождению. Ничего страшного не будет даже в утверждении, что стоимость есть эманация субъектов, что она из них проистекает, но, разумеется, при обменно-оценочном взаимодействии. И стоимость никогда не покидает пространства экономических субъектов, хотя и способна сосредоточиваться сама по себе в деньгах, но все равно в субъектном пространстве. Стоимость неотделима от

субъектного распределения. И нет ничего удивительного в том, что стоимость и сама субъектна, когда речь идет уже не о субъектности, порождающей стоимость, а о субъектности, в которой стоимость выражается и через которую действует. И в объективности механизма стоимости, его действии как общественной силы, следует замечать субъектность, ибо в противном случае стоимость оказывается некой пассивной массой, что совершенно неверно, ибо стоимость не абсолютно массовидна и по своей природе абсолютно не пассивна. Так ведь и само общество можно представить пассивной массой, хотя это далеко не так (что не исключает временами и местами известной массовидности населения и его пассивности). Стоимость — это обобщение, оценка и субстанция, но это и *субъектность*, а потому стоимость и умна, и расчетлива, и мудра. В некотором роде она есть своеобразная *софия-премудрость*, но, разумеется, не божественная, а наша, вполне посюсторонняя, хотя по-своему *трансцендентная*. Добавив к отношению, оценке, субстанции и субъектности еще и трансцендентность, мы получаем, с учетом *идеальности* стоимости, весьма полное и приближенное к действительности понимание стоимости, а вместе с тем и всего экономического в хозяйстве, как и вообще экономики. *Экономика — это стоимость, а стоимость — экономика!*

4. От капиталономики к финансомике. Еще дальше от хозяйства

Капиталономика — тот самый *капитализм*, так хорошо известный, хотя более всего и нехорошо. Характерна первичная, да и последующая маргинальность капитализма, его беспардонная напористость, безнравственность, разрушительность, а потом уже и полезностная мораль, бесстрастная эффективность, механический оптимум. Не очень-то приятно было называться *капиталистом* — поначалу, пожалуй, и вообще бранно-насмешливым словцом, вроде мешочника, скопидома, кровопийцы. Капитализм вышел как бы из преисподней, почти что ниоткуда, из каких-то социо-межнациональных прорех, хотя и сопутствовал экономике и в ней созревал — как некое чудовище, которого вроде бы и не должно было быть, а оно вдруг взяло и явилось — со ста головами и пастями, с жаркими взорами и непомерным аппетитом.

Экономика усложнилась, образовав как бы верхний этаж — *капитал* или *капитальную стоимость*, и верх подчи-

нил себе низ: ничего теперь без капитала и капиталиста, да и сам капитал быстренько усложнился, образовав массу *банковского капитала*, который встал еще выше, чем вообще капитал, ибо имел дело уже не с производством благ, а с теми капиталами, которые занимались производством благ, т. е. был уже *капиталом капиталов*, или *капиталом для капиталов*, а соответственно и *над капиталами*. Это уже была не производительная сама по себе, а *финансовая* деятельность капитала, ибо он манипулировал уже не просто деньгами, а *только* деньгами, не просто стоимостью, а *только* стоимостью, мало того, деньги и производил — *кредитные деньги*.

Всякий экономический субъект является *финансовым*, ибо у каждого есть деньги и он ими распоряжается, т. е. имеет место так или иначе приход денег и имеет место в том или ином виде их уход, т. е. имеет место движение денег в руках или через руки любого экономического субъекта. Такие работающие деньги суть *финансы*, а если какой-нибудь агент только такими деньгами и занимается, то он по сути *финансист* — только финансист, хотя любой экономический субъект в той или иной степени тоже финансист, но не каждого субъекта можно назвать собственно финансистом, ибо для этого нужна все-таки финансовая специализация.

Экономика рождает такое явление, как *финансы*, а это явление в свою очередь рождает такого субъекта, как *финансиста*, и самым обыкновенным и заядлым финансистом является банкир. Отсюда банковский капитал есть, строго говоря, *финансовый капитал*, который именно финансами и занят. Его продукт — *финансовая услуга*, а не что-нибудь еще. И если представить, что банк настолько усиливается, что без его капитала, т. е. и его финансов, уже никуда, то легко заключить, что *банковские финансы* оказываются не то что наверху, но и впереди, да и вообще в самом центре экономических событий.

Деньги — не капитал, но капитал непременно деньги, а если денег нет, то их можно как-то привлекать, чтобы превращать в капитал. Этому и служит *кредит*, или *заемные деньги*, или *заемный капитал*. Деньги может дать банк, любой иной владелец денег, становясь *ссудным капиталистом*, т. е. дающим деньги в рост или за доход — *процент*, ибо этот доход есть отчисление, т. е. доля от дохода реального пользователя деньгами — производительного предпринимателя. Однако за-

получить деньги можно и иначе: посредством привлечения денег от анонимных заимодавцев или через превращение легальных и анонимных заимодавцев в собственников реально действующего капитала. Делается это посредством выпуска *ценных бумаг: облигаций* — для первого случая и *акций* — для второго. Между реальными деньгами и реальным капиталом располагаются *фиктивные деньги* — эти самые ценные бумаги, которые одновременно оказываются уже и *фиктивным капиталом*. Но к привлечению денег все тут не сводится, ибо через владение ценными бумагами, проще всего, акциями, можно уверенно владеть и производительными капиталами, а потому нейтральный заимодавец легко превращается в заинтересованного *инвестора*, т. е. субъекта, не просто дающего деньги под капитал, но и владеющего этим капиталом, а также и получающего с капитала доход. Здесь уже открывается обратная возможность — не только ссужать кого-то деньгами через покупку ценных бумаг, получая доход, но и *приобретать* за деньги сам производительный капитал, т. е. экономические предприятия, вкладывая в них деньги посредством того же самого приобретения ценных бумаг. Отсюда возможность владеть различными капиталами, из разных отраслей и стран, в разное время (через покупку ценных бумаг сегодня и их продажу завтра), что позволяет — помимо игры на рынке ценных бумаг, или *фондовом рынке,* — создавать любые финансовые структуры и образования: от инвестиционных конгломератов до распределенных по пространству финансовых сетей. Суть дела здесь в том, что *чьи-то* финансы уже и *мои* финансы, а *мои* финансы суть уже и *не мои* финансы, а как бы и *совместные*, хотя и не общие. Так возникает феномен *структурных финансов*, или *совместных финансов*, в составе которых всегда чьи-то разные финансы, но эти финансы всегда вместе, в действующей и эффективной совокупности.

Но это не все: возникает феномен *финансовой опеки* над экономикой и вообще хозяйством, когда уже не просто стоимость важна, не капитал даже, а именно *финансы,* или *финансовость*, причем не просто чьи-то финансы, а финансы как что-то субстанциональное, как некая сила, как что-то решающее. Является не что иное, как *финансизм*, причем является так, что уже как бы и не экономика как таковая, а *финансовая экономика*, что для удобства можно и *финансомикой* назвать (а не, ска-

жем, *финансономикой)*. И если ко всему уже отмеченному добавить само денежное хозяйство, валютные отношения, государственные бюджеты и тому подобные тоже в общем-то финансовые вещи, то уже совсем понятно оказывается, что экономика, став капиталономикой, непременно превращается в финансономику, а финансономика, со своим *финансоцентризмом* и со своей *финансовой рентой*, когда все вокруг почему-то под центром, отчего-то должны и почему-то выплачивают старательно финансовую подать, то никакого уже не остается сомнения в том, что высшим на сегодня уровнем развития экономики, или стоимостного хозяйства, т. е. и самой по себе стоимости, является как раз *финансомика*. И разве не соответствует все это идеальной природе стоимости, ее трансцендентности, как и реальным возможностям ее вполне самостоятельного бытия?

Обозревая финансомику, не трудно придти к заключению, что данный способ реализации экономики еще дальше от собственно хозяйства, что финансы уже и в самом деле «между землей и небом», что они царят над реальностью, подчиняя ее себе, своему воспроизводству, своему пониманию всего и вся, своему трансцендентному проекту. Не хозяйство теперь, не экономика даже, которая еще как-то хозяйство обслуживает, не капитал, который гонит вперед хозяйство, отрывающееся от своих корней, а какое-то летучее хозяйство, которое подчиняется уже какой-то ирреальной *финансовой телеологии*, обгоняющей сколько-нибудь реальные и осознанные цели. И может, не так уж был далек от истины прозорливый Ф.М. Достоевский, увязавший воедино *финансы* (банки) и *апокалипсис*, видя их металогическую взаимообусловленность: и финансы у него от апокалипсиса, и апокалипсис от финансов, — и уж не слились ли они теперь воедино, заметим уже мы сами, в феномене финансомики?

III. ***Премодерн, или время. Модерн, или временность. Постмодерн, или безвременье***

3. Приехали

Период победы, бурного развития и *триумфа* экономики, или *экономической цивилизации*, дошедшей до *глобального финансизма,* — особый и абсолютно выдающийся период в хозяйственной истории человечества. Явилась *экспонента*, причем практически неуклонная. Взлет. Создание неприроды, противо-

стоящей, а то и поглощающей природу. Природа есть, но она более не царица. Теперь вокруг искусственный мир: городской, мегаполисный, технический, железо-каменный, пластмассовый. *Новое бытие* человека вообще и человека хозяйствующего. Человек практически *все может*. Теперь это *из-себя-демиург*. Разумеется, есть ограничения, законы природы не преодолены, но зато активно и бесцеремонно используются. *Такого* никогда не было. Человек на какой-то небывалой вершине. Что далее? Тут масса вопросов, ибо никто не знает ни мира, человеком сотворенного, ни его истинного завтра. *Великая неизвестность от новизны*!

Человек не перед очередным историческим этапом, хотя в чем-то это и так: человек перед *абсолютно новым бытием*, которого он не знает и знать не может. Планета освоена и покорена, она уже не бескрайний мир, а ковчег, но для чего? Куда и зачем плывет этот ковчег, в котором очень и очень неспокойно, а уютно, может быть, лишь местами — да и то искусственно. Планета — уже не дом, а потому хозяйство уже не домохозяйство! Ни Бог, ни Природа, ни Дом — не указ! Абсолютная новизна — как перед бездной.

Приехали!

Нельзя не выделить этого в высшей степени примечательного периода — с середины II тысячелетия от Р. Х. до его — этого тысячелетия конца. Европейский период, Атлантический, Карфагенский. Даже с историей — как развивающейся объективностью — этот период покончил. Дальше как будто бы уже не история, а что-то другое — *внеистория*, к примеру. Перелом в человечестве, его бытии, его истории. Крутой и великий. И ничего не остается, как обратить озадаченное внимание к этому славному деяниями периоду. И если признать его современным, т. е. как бы нашим — не древним, то можно назвать его *периодом Модерна* или, для краткости — *Модерном*, ибо это не только период, но и качество, не только длиннота, но и содержание, не только течение, но и смысл.

И уж коли случился Модерн, который, прямо скажем, очень специфичен, т. е. совсем не такой, как все ему предшествующее, ибо и это предшествующее можно от противного к Модерну определить как *Премодерн*, т. е. то, что было *до* Модерна, ему именно предшествовало, было совсем другим.

Соответственно, коль скоро мы почувствовали Модерн, но сделали это с ощущением уже его завершения, ибо впереди маячит что-то не такое, что характерно для Модерна, то мы можем, опять же отталкиваясь от Модерна, ввести понятие *Постмодерна,* т. е. того, что идет на смену Модерну, его так или иначе отрицает, при этом в чем-то и продолжая. Тут уж весь набор диалектики, если не полилектики.

Выходит, что приехали мы не куда-нибудь, а в Постмодерн, который уже не Модерн, не совсем Модерн, совсем не Модерн, а что-то явно другое.

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

Если бы стоимость заговорила… (Философия хозяйства. 2003. № 3)

Идут десятилетия, а умам пытливым до сих пор не дает покоя противоречие между I и III томами «Капитала» Маркса. А все потому, что стоимость — это единственная тайна, так и непознанная экономической наукой. Это не мешает людям всей планеты покупать и продавать все что угодно: сюртуки и автомобили, морские лайнеры и заводы, а некоторые с легкостью торгуют государственными интересами.

Тайна стоимости будоражит умы ученых, но люди предприимчивые давно сообразили, что тайна открывает им сказочные возможности обогащения. Один из американских профессиональных оценщиков бизнеса, посвятивший этому занятию более 30 лет, пришел к выводу: *стоимость подобна красоте и определяется мнением судящего о ней*. Сколько ценителей красот, столько и результатов оценки. Холодный разум протестует, а в жизни все оценивается.

Если бы стоимость заговорила... Она бы поведала о главном — природе неэквивалентного обмена. Стоимость не умеет фальшивить, поскольку она объективна, в том смысле, что не является знаковым феноменом, как деньги. Стоимость это центральная категория в экономике, и только она определяет научность любой экономической теории. Это абсолют, все прочее относительно и условно. Стоимость в условиях геофинансовой экономики — это единственный магический ключ, отпирающий едва различимую дверь, за которой покоится бытие неэквивалентного обмена.

Рыночная стоимость (цена)[41] бизнеса есть величина, равная денежной сумме, за которую предполагается переход имущества из рук в руки на дату оценки в результате коммерческой сделки между добровольным покупателем и добровольным продавцом после адекватного маркетинга (изучения рынка). При этом каждая из сторон действовала расчетливо, компетентно и без принуждения. За этим простым и ясным определением покоятся фундаментальные параметры бизнеса и, прежде всего, его капитальная позиция, а также связи между ними. Точно определить эти параметры, тем более обосновать устойчивые связи между ними, экономической науке до сих пор не удалось.

Важность капитальной позиции фирмы заключается в том, что в экономике, основанной на капитале, последний играет решающую роль в обеспечении смещения точек равновесия. Если к началу финансового года портфель заказов фирмы наполнен лишь на 5%, то надежды на успешную работу в предстоящем периоде весьма призрачны. Такое состояние фирмы свидетельствует о низкой ликвидности ее бизнеса, а зависит уровень ликвидности от финансово-экономического потенциала фирмы, предопределяющего ее капитальную позицию и, в конечном счете, ее конкурентоспособность. То ли фирме доступны банковские гарантии и другие финансовые инструменты современного обеспечения бизнеса, то ли нет, поэтому одни фирмы находятся в состоянии финансового равновесия на высоком уровне, другие на низком. А от этого прямо зависит успех в конкурентной борьбе.

Упрощенное представление экономического равновесия экономиксом (одна точка равновесия) дало возможность описывать равновесные состояния линейной функцией с одной переменной, как это сделано Шарпом в модели равновесной цены на основе линейной зависимости доходности и риска. Но в финансах есть третий, не менее важный параметр — ликвидность. Игнорирование в моделях этого параметра привело к огромным искажениям действительности. Именно поэтому Стивен Росс

[41] В современной литературе по проблемам оценки бизнеса не различаются понятия стоимости и цены. Это не должно становиться камнем преткновения в познании проблем оценки бизнеса, поскольку ни марксисты, ни маржиналисты не мыслят процесс оценки вне денежной формы, которая приводит все течения экономической мысли к «общему знаменателю».

заявил: нельзя сказать, что портфельная теория и модели, на ней основанные, неправильные, но обязательно надо сказать, что они непроверяемы. Это означает, что необходимы новые теории определения стоимости активов, учитывающие модификацию самого загадочного экономического феномена — *стоимости*.

Главная трудность в оценке бизнеса заключается в том, что оценке подлежит состояние бизнеса. Но у состояния два смысла: состояние как финансово-экономическое положение фирмы и состояние как выражение ее богатства. Такой подход к пониманию объекта оценки вбирает фундаментальные факторы действительной стоимости бизнеса. В первом случае состояние представляет потенциал благополучия, предоставляемого фирмой, во втором — состояние отвечает на вопрос, как потенциал используется. В этом и заключаются различие и единство интересов собственников фирмы и ее управляющих. Все они в конечном счете заинтересованы в наращивании стоимости, которая выступает сегодня фундаментом системы мотивации всех заинтересованных сторон.

Трудность в познании стоимости заключается еще и в том, что это категория динамическая. Не случайно, наиболее популярным методом оценки стоимости компаний является метод дисконтированных денежных потоков. Денежный поток по самой своей сути понятие динамическое, поэтому он наиболее адекватно отражает динамическую природу стоимости. Однако из определения стоимости следует, что на момент совершения сделки стоимость должна быть зафиксирована, превращена в статическую или моментальную величину. Эту проблему разрешает дисконтирование, приведение потока денежных средств к настоящему времени.

Моментальная оценка, осуществленная таким способом, страдает очень существенным упрощением — денежный поток еще до дисконтирования, хотя и мысленно, уже зафиксирован на определенных интервалах времени в будущем. Но будущее непредсказуемо. Вторым упрощением является отрыв денежного потока от имущественного комплекса, в котором совершается бизнес. Здесь требуется важное уточнение различий между фирмой и бизнесом. Бизнес — это идея фирмы. Бизнес тоже можно продать, к примеру, как франшизу — право осуществлять бизнес. Но для того, чтобы бизнес осуществлялся и приносил доходы, он должен из идеи воплотиться в реальность —

фирму. Значит, методом дисконтированных денежных протоков оценивается бизнес, но не стоимость фирмы.

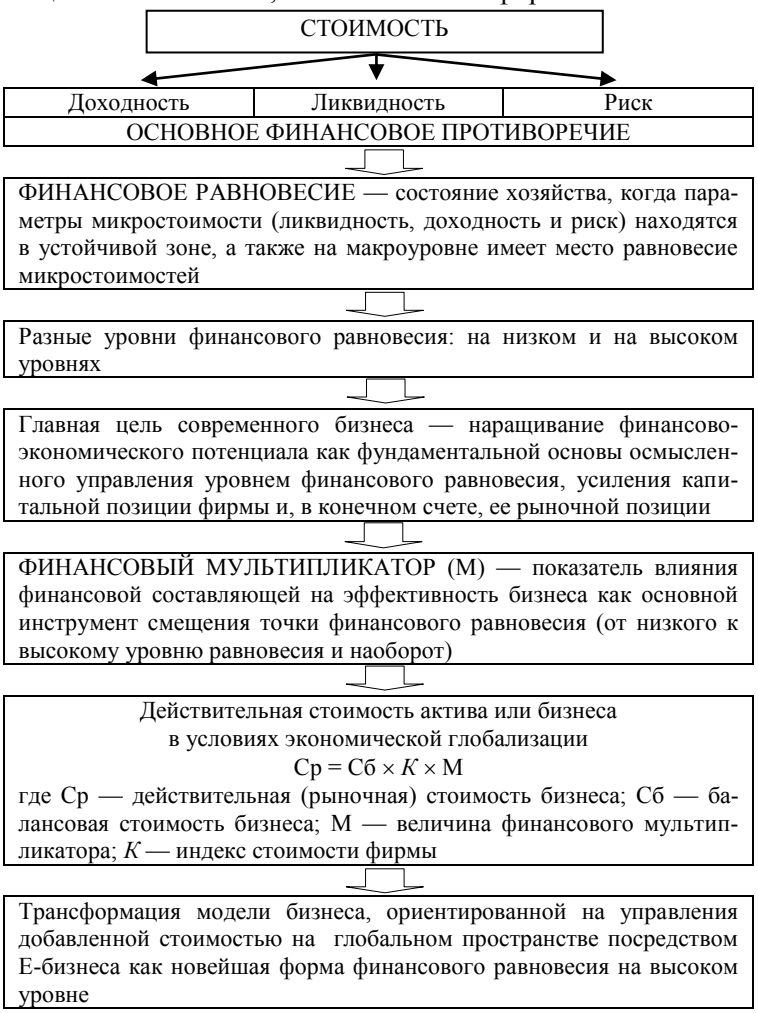


Рис. 1. Логическая модель формирования стоимости бизнеса

В быстротечных экономических процессах последних десятилетий рыночное хозяйство, базирующееся на товарном обмене и деньгах, претерпело столь существенные изменения, что классическая экономическая теория оказалась бессильной адекватно объяснять суть современной хозяйственной среды. В результате свершившейся финансовой революции в экономиче-

ских отношениях произошла смена доминирующего фактора, модифицировались важнейшие экономические категории. Экономика как бы перевернулась: в экономических отношениях господствующее положение заняла финансовая доминанта, финансовая (стоимостная) надстройка стала определять жизнедеятельность хозяйства, не просто опосредуя его «нижний этаж», на котором идет производство благ и стоимости, а управляя этим последним с целью извлечения специфического финансового дохода — *финансовой ренты*. Наступил момент, когда главными стали *финансовая собственность* и *финансовая власть*.

Сегодня перед нами не экономика с финансами, а именно финансовая экономика, где роль финансовой составляющей настолько активна и глобальна, что она определяет особый облик всей хозяйственной жизни, в которой главенствующая роль принадлежит не капиталу как таковому, а финансовому капиталу, движителю всеобщего воспроизводства хозяйственной жизни на планете. В таких условиях общее экономическое равновесие неизбежно трансформируется в равновесие финансовое, а равновесная цена в действительную цену актива.

Субстанция современной стоимости — это большая финансовая антиномия, которая заключается во внутренне неразрешимом противоречии между ликвидностью, доходностью и риском, которое мы называем основным финансовым противоречием (рис. 1).

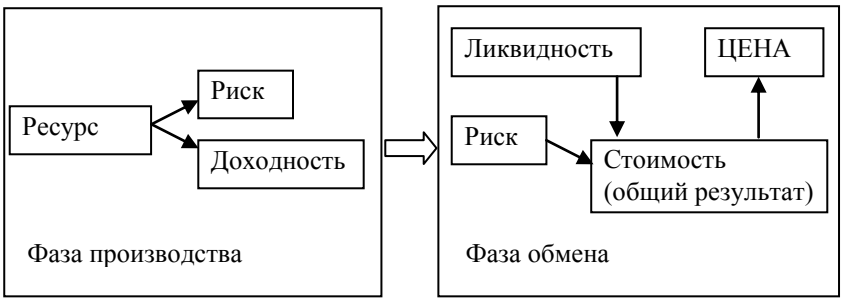


Рис. 2. Взаимосвязь стоимости и цены

Трудность познания финансовой модификации стоимости заключается, прежде всего, в ее виртуальности. Чувственная невосприимаемость стоимости проистекает из того, что ликвидность, доходность и риск как раз обладают таким качеством:

их нельзя пощупать, они идеальны и поэтому трансцендентны (рис. 2).

Присутствие риска и в фазе производства, и в фазе обмена вполне естественно. Экономическая наука давно обратила на это внимание, выделив соответственно производственный и финансовый риски. Последний часто представляют как результат воздействия финансового рычага и связывают с манипулированием ликвидностью.

«По какому же тогда параметру, — спрашивает Ю.М. Осипов, — осуществляется оценка? Очень хороший вопрос и очень своевременный вопрос. Если оценка идеальна, если ею занимается субъект, если она не имеет субстанции, то что же, в конце концов, измеряется? Ответ: нет такого параметра, по которому осуществлялась бы искомая оценка» [1, 305].

Трудный вывод, в чем-то очевидный, но в одном непринимаемый — параметры у стоимости не могут не быть, иначе умственная оценка просто невозможна. Мало того, эти параметры признаваемы большинством граждан, иначе исчезает социальная природа оценки. И этими параметрами являются ликвидность, доходность и риск, связанные с объектом оценки.

До обмена товара в него входит параметр доходности в процессе производства стоимости, в фазе производства, а параметры ликвидности и риска дополнительно в произведенной стоимости формируют ее конечную величину в фазе обмена. В процессе производства блага всегда происходит производство стоимости. Однако это разные производства. Производство стоимости означает не что иное, как производство потенциальной доходности, без которой предпринимательство теряет всякий смысл. Именно поэтому в одном и том же благе формируется разная доходность, поскольку один предприниматель применяет дополнительные эффекты, определенный гудвилл, другой — нет, один берет на себя больший риск, другой — меньший, хотя исходные издержки могут быть одинаковыми.

Доходность собственно производства как цель бизнеса была, есть и будет, поскольку предопределена самой природой фирмы. Но все дело в том, что произведенную стоимость надо сохранить. Усложнение проблемы сохранения стоимости привело к смещению акцентов в поведении бизнеса. Отсюда резкое возрастание роли ликвидности и риска в определении логики бизнеса. Если ликвидность и риск вменяются как элементы

стоимости, то конечная результативность деятельности во многом предопределяется овладением всеми тремя параметрами. Именно это обстоятельство активизировало исследование проблем маркетинга в современном бизнесе, поскольку его главной целью является управление ликвидностью в современном ее понимании.

Традиционное представление о ликвидности предприятия выражается в способности актива обращаться в деньги, которое характеризует структурную ликвидность баланса. Это устаревшее толкование эффективной структуры баланса, оно неадекватно современным условиям хозяйствования. Единственный случай, когда такой смысл ликвидности пригоден сегодня для принятия решений в реальной практике, — это состояние ликвидации бизнеса. На самом деле никто не ставит цель превращения активов в денежные средства, поскольку авансированный в активы капитал должен давать отдачу. Эта отдача и характеризует истинную ликвидность бизнеса. Другими словами, ликвидность — это способность товара (актива) быть продаваемым, характеризующаяся устойчивым притоком денежных средств в форме выручки. Исчисление уровня ликвидности фирмы, характеризующего ее как систему бизнеса, следует осуществлять по следующей формуле:

$$Л_{ф} = \frac{\sum B_{д}}{\sum B_{n}},$$

где B_n — выручка от продаж, посчитанная «по отгрузке» за анализируемый период (кв., год); $B_д$ — чистая приведенная стоимость выручки от реализации как результат дисконтирования выручки от продаж, посчитанной «по отгрузке», по времени действительного поступления оплаты, т. е. по интервалам времени между датой отгрузки и датой оплаты *i*-й продукции, или:

$$\sum B_{д} = PV \sum_{i=1}^{n} B_{дi}.$$

Именно этот показатель отвечает требованию превращения авансированного капитала в денежные средства, а не самих активов непосредственно.

Осознание нового смысла категории стоимости и особой значимости феномена ликвидности в ней открывают широкий

простор для переосмысления многих столпов теоретической экономии и, прежде всего, равновесия. Совершенно очевидно, что если равновесие в национальном хозяйстве[42]— это равновесие стоимостей в нем, то новый смысл стоимости неизбежно выводит нас на проблему финансового равновесия. Отсюда следует вывод: стоимость — это императив финансового равновесия в национальном хозяйстве, но национальное хозяйство стоимостью не обладает.

Ведь если признать факт существования стоимости национального хозяйства, то надо признать, что некий глобальный предприниматель мысленно координирует уровень доходности всего национального хозяйства со всеми вытекающими из этого последствиями. Но реальная практика показала, что даже в административно-управляемом хозяйстве этого сделать не удалось, а в нем вопреки всем попыткам действовал закон стоимости, независимо от того, признавали советские теоретики это или нет. Постоянные отклонения цен от стоимости вынудили Сталина взяться за перо и написать свою знаменитую статью о стоимости.

Логика исследования взаимосвязи финансового равновесия в национальном хозяйстве на микро- и макроуровнях основана на том, что финансовое равновесие фирмы — это результат благоприятного разрешения основного финансового противоречия как проявление микростоимости. Равновесие в национальном хозяйстве — это равновесие микростоимостей, представленных секторами национального хозяйства. Однако параметрами стоимости выступают все те же три великих параметра: доходность, ликвидность и риск, находящиеся между собой в непримиримом противоречии. Таким образом, финансовое равновесие на макроуровне есть равновесное состояние обмена микростоимостями в их финансовой трактовке между секторами национального хозяйства.

Наконец, финансовое равновесие как на микро-, так и на макроуровне есть результат воздействия на него геоэкономических факторов. Это воздействие осуществляется через мега-

[42] В национальном хозяйства есть баланс стоимостей его субъектов или микростоимостей, поскольку именно в национальном хозяйстве протекает обмен стоимостями. Как и любой баланс, баланс стоимостей означает некое равновесие. Содержательная сторона этого равновесия раскрывается в понятии финансового равновесия в национальном хозяйстве.

стоимость, которая проявляется в феномене вменения и перераспределения мегастоимости и реализуется через перераспределение мирового дохода на основе особого мультипликатора.

Множественность равновесных состояний прямо вытекает из анализа основного финансового противоречия. В век финансовой доминанты в экономических отношениях — это критически важное направление поиска зон устойчивого финансового равновесия. Но все дело в том, что из того же анализа вытекает и другое следствие: в процессе разрешения основного финансового противоречия может быть достигнуто множество равновесных состояний, но состояний финансового равновесия на разных уровнях, в разных формах.

Качественное различие равновесных состояний характеризуется уровнями финансового равновесия: равновесием на высоком и низком уровнях. Финансовое равновесие на высоком уровне — это состояние, когда финансовые ресурсы, которыми обладает компания, не только не создают помех для достижения высшей цели ее бизнеса, но и занимают доминирующее положение, дирижируют всем процессом достижения суперцели. Это такой тип равновесия, когда оно не просто сознательно поддерживается, но само хозяйство по отношению к нему занимает активную позицию.

Очевидно, финансовое равновесие на высоком уровне наступает тогда, когда все соотношения критериев основного финансового противоречия находятся в зоне устойчивого равновесия (достижение приемлемых уровней доходности, ликвидности и риска), т. е. когда конкурентные цели находятся в индифферентном друг к другу состоянии. Следовательно, менеджменту фирм необходимо научиться это состояние улавливать и добиваться главной цели именно в таком состоянии. Тогда проявления основного финансового противоречия будут замкнуты оболочкой равновесия.

Существование, по крайней мере, двух крайних равновесных состояний — на высоком и низком уровнях — требует доказательства. Для этих целей мы ввели в научный оборот термин *финансовый мультипликатор*. Финансовый мультипликатор — это коэффициент, показывающий воздействие финансовой составляющей внешней среды на результативность бизнеса. Он впитывает все разнообразие факторов внешней среды и, прежде всего, разность потенциалов национальных финансо-

вых рынков и либо повышает стоимость бизнеса, либо угнетает его, понижая стоимость.

Таким образом, действительная стоимость бизнеса рассчитывается на основе классического ресурсного подхода к оценке эффективности, скорректированной на влияние финансовой составляющей на результативность бизнеса посредством финансового мультипликатора. Именно финансовый мультипликатор выступает сегодня в качестве инструмента управления и регулирования финансового равновесия фирмы и национального хозяйства, а также инструмента научного анализа эффективности бизнеса в условиях экономической глобализации.

Исходное представление о величине мультипликатора дает соотношение доходности фирмы и средней доходности капитала, т. е.

$$M = \frac{R}{I},$$

где R — доходность активов фирмы (для национального хозяйства — доходность товарного рынка); I — средневзвешенные затраты на капитал или финансовые издержки фирмы (для национального хозяйства — доходность национального финансового рынка). В современной России основные финансовые издержки компании складываются из ряда составляющих:

$$I = i \pm i_{гк} + \Delta i_{стр},$$

где $i_{гк}$ — стоимость гарантий и контргарантий, $i_{стр}$ — стоимость страхования и перестрахования.

Смысл параметра (I) или средней ставки процента также не столь прост. Одно дело, когда средняя ставка процента формируется в самом национальном хозяйстве, и совсем другое, если это происходит под влиянием внешних сил. Кредитный рейтинг, устанавливаемый нам Западом, сразу же меняет эту ставку. Но не меньше путаницы вносит в эту величину и механизм перестрахования.

Сегодня через страховой рынок происходит глобальное перераспределение финансовых издержек. Российские страховые компании ввиду их низкой капитализации не могут страховать крупные имущественные риски, прибегая для этого к помощи мощных зарубежных перестраховщиков. Однако после 11 сентября западные страховые компании изрядно поиздержались и повысили свои тарифы. Открывая же им по воле властей

российский рынок, отечественный бизнес вынужден платить дополнительную финансовую ренту. «Причиной глобального повышения тарифов стала не прихоть наших страховщиков, пожелавших получить больше денег, а новые условия, выставляемые западными перестраховщиками. Именно они, принимая на себя основную часть рисков, уже сейчас определяют ценовую политику российского рынка» [2, 59]. Самое главное, что это происходит, когда сами же американцы поднимают России кредитные рейтинги. Так реализуется мультипликатор на практике. Только он и объясняет смысл современных экономических явлений.

Влияние финансовой составляющей — это тот фактор, который в условиях геофинансовой экономики способен приносить доход, если мультипликатор больше единицы, либо убыток, а вернее уменьшение фундаментальной эффективности, если мультипликатор меньше единицы. Важно и другое: значение финансового мультипликатора предопределяет уровень финансового равновесия. Если финансовый мультипликатор больше единицы, то как фирма, так и национальное хозяйство в целом находятся в условиях финансового равновесия на высоком уровне и наоборот. Но все дело в том, что доход от этого фактора, как и потери, не производятся, а вменяются. Исторически российские компании этих доходов не имели, поскольку на всем протяжении своей истории собственного капитала в России не хватало никогда[43].

Выбор приоритета среди параметров основного финансового противоречия приводит к выстраиванию особой технологии разрешения этого противоречия. Но и эта проблема наукой сегодня не решена. В результате одновременного учета всех взаимосвязей между ликвидностью, доходностью и риском мы

[43] Пожалуй, это наиболее яркое проявление принципа наследственности в экономике России. Финансы, как известно, происходят от слова «финиш», или конец расчета по долгу. Финиш, или конец — любому делу венец. Но как писал Ключевский, — русский хорош в начале дела, куда ни шло к середине дела, но совсем плох в конце дела. Если принять во внимание, что финансовая часть венчает любое дело, то не трудно понять, что финансы для российской экономики — это извечная проблема, нерешаемая в принципе. Вот почему финансовых ресурсов в России не хватало никогда, вот почему финансами в России всегда заправляли иностранцы.

получаем результирующий параметр К, который формально можно представить в виде:

$$K = f_1 DR \times f_2 LD \times f_3 LR,$$

где $f_{1,2,3}$ — функции, L — ликвидность, R — риск, D — доходность.

По сути K — это коэффициент трансформации балансовой стоимости фирмы в рыночную, или индекс ценности фирмы, близкий по смыслу коэффициенту Тобина[44].Очевидно, этот коэффициент должен колебаться около единицы. Но как это выразить математически, остается не совсем ясным.

Высокое значение этого показателя (q) является хорошим знаком для инвестора. Обычно q больше для фирмы с сильными преимуществами в конкурентной борьбе. Если оценка активов фирмы фондовым рынком превышает их восстановительную стоимость (значение коэффициента Тобина больше 1), это может расцениваться как свидетельство полученной или ожидаемой положительной экономической прибыли. Использование индекса Тобина в качестве информации о положении фирмы базируется на гипотезе эффективного финансового рынка. К преимуществам использования этого показателя относится то, что он позволяет избежать проблемы оценки нормы доходости и предельных издержек для отрасли. Поскольку в результате широкомасштабной диверсификации бизнеса границы отраслей сегодня размыты, постольку с приемлемой для практики точностью определить отраслевые показатели становится все труднее, а в некоторых случаях просто невозможно. Именно этим

[44] Обычно экономисты используют коэффиент Тобина (q) — отношение рыночной стоимости компании к восстановительной стоимости ее активов — для оценки инвестиционных перспектив. Чем выше коэффициент Тобина, тем выше ожидания рыночного роста. Этот показатель выражает отношение суммы обязательств и собственного (акционерного) капитала к восстановительной стоимости активов. Числитель включает все обязательства все обязательства фирмы и весь акционерный капитал, а не только обыкновенные акции. Знаменатель включает все активы, а не акционерный капитал компании. Кроме того, эти активы показываются не по книжной (отчетной) цене, а по их восстановительной стоимости, которая из-за инфляции обычно больше первоначальной. В ряде стран компании, начиная с оговоренного минимального объема запасов товарно-материальных ценностей (INV) и активов, обязаны представлять отчеты с оценками восстановительных стоимостей в дополнение к своей регулярной финансовой отчетности.

объясняется все возрастающий интерес к коэффициенту Тобина.

Расхождение между балансовой и рыночной стоимостями компании, выраженное индексом ее ценности, можно интерпретировать, как минимум, с двух позиций.

Во-первых, стало уже привычным коэффициент Тобина выражать косвенно, посредством анализа денежных потоков, приносимых компанией в будущем. Именно это суждение положено в основу доходного подхода оценки бизнеса. Тогда стоимость бизнеса равна сумме дисконтированной стоимости чистых денежных потоков за прогнозируемый период и остаточной стоимости этого бизнеса. Уязвимость этой позиции заключается в том, что качество оценки прямо зависит от качества прогноза денежных потоков, подтверждение данных оценки которых на рынке далеко не всегда возможно. Кроме того, у оценщика никогда нет уверенности в принимаемой в расчет ставке дисконтирования. Эта проблема снимается лишь в том случае, когда в качестве ставки дисконтирования принимается требуемая норма доходности инвестора. Но надо же сознавать: сколько инвесторов, столько и ставок дисконтирования, соответственно, и стоимостей бизнеса. Действительная же стоимость всегда одна и только одна. Стоимость — не только фундаментальная основа совершения сделок купли-продажи бизнеса, но и реальный объект управления им. Тут-то и выясняется, что для управления стоимостью бизнеса множественность его оценок становится непреодолимой преградой.

Во-вторых, коэффициент Тобина можно интерпретировать как коэффициент устойчивости бизнеса. Этот подход отражает взгляд как бы изнутри бизнеса. В самом деле, денежные потоки сегодня, которые находят отражение в балансовой стоимости компании, характеризуют исходное состояние стоимости, а их изменение в будущем выражается индексом ценности, вытекающим из логики сохранения стоимости. В совокупности производство и сохранение стоимости только и определяют устойчивость бизнеса, что и отражает трехкомпонентная модель ценности фирмы. Однако удовлетворительное решение трехкомпонентной модели индекса ценности экономической наукой не найдено.

Трудности в разрешении трехкомпонентной модели проистекают из-за того, что до сих пор недооценивается значимость основного финансового противоречия. Проведенный нами анализ этого противоречия привел к выводу о том, что взаимосвязь «доходность — ликвидность» раскладывается на две более простые и изученные зависимости: «доходность — риск» и «ликвидность — риск». Мало того, исключение из модели взаимосвязи «ликвидность — доходность» допустимо и по математическим соображениям, поскольку если один из факторов является линейной комбинацией остальных, то по законам линейной алгебры он незначим и может быть удален из рассматриваемой модели.

Таким образом, одновременно учитывая все взаимосвязи между ликвидностью, доходностью и риском, мы получаем результирующий параметр *K,* который формально можно представить двухкомпонентной моделью в виде:

$$K = f_1 DR \times f_2 LR,$$

где $f_{1,2}$ — функции, L — ликвидность, R — риск, D — доходность.

Очевидно, если удастся найти корректное решение этого уравнения, то мы получим новую методологию оценки стоимости блага, основанную на его внутреннем противоречии. Параметрами же внутреннего противоречия этого блага выступают магические финансовые параметры: ликвидность, доходность и риск.

Из приведенных интерпретаций взаимосвязей ликвидности, доходности и риска [3] вытекает модель расчета коэффициента трансформации, приемлемая для практического использования:

$$K = LX_L \times (1 + r)X_r,$$

где L — уровень ликвидности бизнеса; X_L — риск ликвидности, т. е. вероятность достижения требуемого уровня ликвидности; r — рентабельность активов; X_r — вероятность достижения требуемого уровня рентабельности активов[45].

[45] Читателя не должно вводить в заблуждение использование в модели рентабельности активов, а не рентабельности оборота. Между этими показателями существует прямая связь, что нашло отражение в формуле Дюпона.

X_L и X_r — это параметры, определяемые по результатам маркетингового исследования[46]. Тогда LX_L — характеристика оборота с учетом риска; $(1+r)X_r$ — доходность оборота с учетом риска.

Осознание смысла коэффициента трансформации в условиях финансовой экономики открывает огромные перспективы для практики. Рыночная стоимость бизнеса (Ср) может быть легко определена по формуле:

$$Ср = К \times Сб \times М,$$

где Сб — балансовая стоимость бизнеса.

По сути, это модель стоимости современного бизнеса на основе новой интерпретации коэффициента трансформации балансовой стоимости в рыночную, близкого по смыслу к коэффициенту Тобина. Изложенное выше содержание коэффициента трансформации балансовой стоимости фирмы в рыночную, или индекса ценности фирмы, наиболее точно интерпретирует коэффициент Тобина. Новый взгляд на коэффициент Тобина открывает перспективу разработки принципиально новой модели стоимости бизнеса, которая может стать альтернативой доходному подходу.

Однако рыночная стоимость, рассчитанная таким способом, находится под воздействием финансового мультипликатора, который либо возвышает ее, либо понижает. Теперь становится ясным, что максимальный уровень стоимости бизнеса достижим исключительно при высоком уровне ликвидности. Но ликвидность, будучи сложной функцией, включает риск, что и выражает параметр X_L. Значение этого параметра предопределяется уровнем финансово-экономического потенциала фирмы,

[46] Чем дальше в будущее заглядывает оценщик, тем, естественно, труднее дать оценку вероятности. Но вместо того, чтобы исходить из принципа бесконечно работающей фирмы и дать реалистичную оценку вероятности удержания сегодняшних параметров оборота и доходности бизнеса, в угоду практической целесообразности для доходного подхода был придуман термин срок «экономической жизни фирмы». Данное теоретическое допущение имеет смысл только в случае, если базовым ресурсом оцениваемой фирмы является исчерпаемый ресурс — нефть, например. Во всех остальных случаях жизненный цикл фирмы не имеет никакого экономического смысла. Но если жизненный цикл — параметр надуманный, то надуманными являются и расчеты стоимости бизнеса на основе доходного подхода.

а, в конечном счете, уровнем финансового мультипликатора. Вот почему, даже при $L=0,5$, что позволяют себе многие ТНК, и M=3 результирующее значение от фактора ликвидности равно 1,5. Такова логика оценки современного бизнеса.

Практическое использование предложенной модели оценки бизнеса нуждается в прояснении ряда принципиальных вопросов.

1. На каких принципах осуществляется дисконтирование параметров в данной модели?

2. Как отразить в модели налоговый фактор?

3. Насколько модель отражает современные подходы к оценке результативности бизнеса?

Ответ на первый вопрос требует формулировки исходных предположений. Очевидно, что любой параметр можно дисконтировать лишь один раз:

• либо в случае введения дополнительных факторов, связанных с риском, как это сделал Майерс в скорректированной NPV проекта [4, 366];

• либо в случае прямого введения рисков к имеющимся переменным, которые до того были продисконтированы исключительно по принципу приведения к одному моменту времени числителя и знаменателя данной переменной.

В предложенной модели стоимости бизнеса дисконтирование осуществляется именно по этим принципам, когда числитель и знаменатель в формуле ликвидности бизнеса приводятся к одному моменту времени, учитывая только временную стоимость денег. Другое дело, временная стоимость денег — это феномен, прямо связанный с общепринятым понятием ликвидности. Чтобы нейтрализация (учет) риска ликвидности и дисконтирование по фактору изменения стоимости денег во времени в показателе ликвидности не пересекались, важно соблюсти следующие правила:

1) выручка может быть и рублевая, и валютная, поэтому дисконтировать их следует раздельно;

2) ставки дисконтирования следует принимать только долговые и строго денежные, т. е. ставки краткосрочных банковских кредитов по рублевым и валютным кредитам соответственно и по сопоставимым интервалам задолженности (если задолженность по выручке трехмесячная, то и ставка банковского кредитования трехмесячная);

3) банковская ставка должна быть уменьшена (скорректирована) на величину пени и штрафов за просрочку оплаты выручки.

Ответ на второй вопрос также не столь прост. То, что налоговый фактор имеет фундаментальное значение в оценке бизнеса, сегодня уже не вызывает споров. По сути, этот вопрос был снят еще в ходе споров с первопроходцами в современной теории стоимости бизнеса — Миллером и Модильяни. Включение в модель характеристик оборота ставит проблему учета оборотных налогов. Прежде всего это касается НДС. Очевидно, выручку в расчете ликвидности следует принимать с учетом НДС. Только в этом случае проявляется налоговый щит по НДС по валютной выручке, а также по льготируемой рублевой выручке. Что же касается налога на прибыль, то он учтен в параметре доходности, рассчитываемом по чистой прибыли. Учет налога на имущество также не вызывает затруднений, поскольку в расчете доходности не трудно откорректировать среднегодовую стоимость имущества по балансу на величину этого налога.

Ответ на третий вопрос наиболее сложен. Дело в том, что прямо отразить в модели оценки стоимости бизнеса классическое выражение эффективности любой хозяйственной системы — темп роста доходности должен опережать темп роста оборота, который, в свою очередь, опережает темп роста активов — в принципе невозможно. Однако это вовсе не означает, что в модели допустимо игнорирование основного постулата эффективности, базирующегося на великой концепции предельной эффективности капитала.

В предложенной модели учтены все три фактора основного постулата эффективности с учетом влияния финансовой составляющей на конечный результат посредством финансового мультипликатора. Последний отражает финансовый потенциал оцениваемого бизнеса. Оборот в предложенной модели отражен косвенно. Но иначе и не может быть, поскольку фундаментом оценки выступает непосредственно имущественный комплекс, а не оборот. Если прямо включить в расчет оборот, то произойдет отрыв от собственности на имущественный комплекс, который продается. Не случайно модели оценки стоимости, основанные на обороте, на практике используются как «прикидочные». Другое дело, что отдача оцениваемого имуще-

ственного комплекса выражается и характеристикой оборота, и характеристикой доходности. Мало того, эти параметры принимаются с учетом рисков.

Самое главное в предложенной модели то, что она улавливает современные тенденции в эволюции бизнеса — вторжение *Е*-бизнеса, перед чем современная экономическая наука оказалась бессильна.

Метаморфоза в содержании стоимости бизнеса нашла яркое отражение в балансе фирмы. Схематично это можно представить в следующем виде:

$$\frac{ФА}{ЛА} \Rightarrow \frac{ЛА}{ФА},$$

где *ФА* — физические (тяжелые) активы; *ЛА* — легкие активы (финансовые и интеллектуальные).

ЛА — это, по сути, сплав финансового и предпринимательского капиталов, не производительного, а именно предпринимательского. Эта метаморфоза[47] знаменовала переход от созидания стоимости к формированию (созданию) добавленной стоимости.

Важно понять внутренний потенциал новой компании. Ясно, что притягивать потребителя можно только особыми условиями продаж. Центральное место в этих условиях является торговля в кредит. Вот где пригодился высвобожденный громадный финансовый капитал. Он был накоплен в традиционных корпорациях, а в новых высвобождается из традиционного основного и оборотного капитала (традиционного капитала-функции) и переключается на реальное функционирование брэнда прежде всего посредством широкомасштабных продаж в кредит и развертывания новейших моделей товара. Высвобождение капитала происходило и происходит с выгодой, выраженной разницей стоимости факторов бизнеса в США и Азии, а также феноменом эффекта продажи бизнеса по частям, хорошо известной профессиональным оценщикам и «золотым мальчикам».

---

[47] Нетрудно заметить, что две модели баланса, показанные на схеме, с давних пор исповедуют европейские страны и США соответственно. В этом надо усматривать историческую нацеленность бизнеса США на более активную позицию в мировом хозяйстве. В конечном счете это привело к революции Е-бизнеса. Цитаделью же этой революции является США.

Вот и вся премудрость декапитализации. Просто торжествует стоимость, она заговорила в глобальной экономике. Именно реализация стоимости объясняет бурный рост финансово-экономического потенциала корпораций в неоэкономике. Отсюда и рост индекса *Dow Jones*, а вместе с ним и рост кредитного потенциала корпораций. Последнее обстоятельство позволило совершить принципиальный переход от кредитования производителя к кредитованию потребителя. Именно долг притягивает лучше всего. Он даже не притягивает, а подчиняет. Глобальная экономика — это триумф процента в форме глобальной финансовой ренты. В результате ТНК трансформируются в ИНК — корпорации-интеграторы. Параллельно с ними в глобальной сети обитают тысячи свободных до поры до времени интернет-компаний, в том числе российских.

Атрибуты новой экономики уже отчетливо проявляются в повседневной хозяйственной жизни. Успех любого национального хозяйства и фирм, его представляющих, во многом предопределяется тем, насколько адекватно правительства и руководство фирм учитывают эти атрибуты в своей финансовой политике.

С позиций стоимостного анализа смысл успеха или современной эффективности интернет-компаний объяснить не трудно. Для этого необходимо переосмыслить факторы стоимости интернет-компаний как новейших оргструктур бизнеса. Среди этих факторов наиболее существенными представляются следующие.

1. Стоимость интернет-компании предопределяется приращением информации, которой она оперирует. Однако это связано с ростом затрат на поиск и получение информации для потребителя. В результате общий выигрыш уменьшается, что вызывает новые проблемы в ценоообразовании на базовый товар интернет-компании — информацию.

2. Экономия на трансакционных издержках, выраженных ничтожными издержками вхождения в бизнес по сравнению с традиционными компаниями.

3. Товарно-денежный принцип эквивалентности по отношению к интернет-компаниям не выполняется, поэтому нельзя экономический аппарат для традиционного бизнеса применять к электронному.

Главная трудность в оценке компаний новой экономики заключается *в* нарушении принципа эквивалентности обмена, который проявляется *в* искажении стоимости выручки интернет-компании — с одной стороны, и неопределенности гранил ее капитализации — с другой.

С давних пор весь мир оценивает стоимость бизнеса по годовой выручке. Если исходить из альтернативных вложений, то результатом этих вложений будет, прежде всего, валовая выручка. «Считается, что при нормальном, равновесном по спросу и предложению состоянию фондового рынка нормативный коэффициент окупаемости бизнеса (отношение годовой выручки к капитализации бизнеса) равняется 1. Это значит, что стоимость бизнеса в указанных условиях равна годовой выручке, а срок окупаемости капитализации предприятия составляет один год» [5, 67]. Очевидное заблуждение авторов по поводу срока окупаемости в один год не должно заслонять глубокий смысл соотношения выручки (валового дохода) и капитализации бизнеса.

Смысл равновесного состояния заключается в равновесии между товарным и фондовым рынком, когда при одинаковой ликвидности и риске доходность одинаковая и одинаковая налоговая нагрузка на операции на этих рынках. При допущении равенства ликвидности и риска это означает равенство чистой рентабельности продаж и рентабельности активов, оцененных по рыночной стоимости. Но фундаментальная трудность оценки бизнеса таким способом заключается в принципиальной неравновесности фондового рынка, вызывающего постоянные отклонения коэффициента соотношения выручки и капитализации бизнеса от единицы.

Мало того, в зависимости от наличия в кругообороте физических активов выручка может быть и валовой и чистой. Ясно, что на фондовом рынке превалирует чистая выручка, поскольку амортизации нет, а трудовые затраты мизерны. Известно, чем больше усилий требуется в бизнесе по трансформации валового дохода в чистый, тем менее привлекательным он является. Именно этим объясняются притягательная сила процесса «декапитализации» бизнеса и усиление тенденций перехода от товарных рынков к рынкам прав в экономически развитых странах. Рынок прав открывает прямой выход на чистый доход, где трансформационные издержки в идеальных условиях близки к нулю.

Предложенная модель оценки действительной стоимости фирмы объясняет глубинные причины отклонения соотноше-

ния выручки (валового дохода) и капитализации бизнеса от единицы и посредством параметров ликвидности и финансового мультипликатора улавливает это отклонение. В этом проявляется преимущество данной модели по сравнению с традиционным доходным подходом. В предложенной модели оборот играет относительную роль, а в доходном подходе более существенную, по сути, прямую роль. Эта модель дает возможность разрабатывать эффективные стратегии управления бизнесом, проводить комплексный анализ финансово-хозяйственного состояния субъектов российской экономики в условиях рыночной трансформации и экономической глобализации.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М., 2000.
2. Эксперт. 2001. № 46.
3. Финансы. 1999. № 11; 12.
4. *Ченг Ф. Ли, Джозеф И.* Финансы корпораций: теория, методы и практика. М., 2000.
5. Государственные и муниципальные финансы: Учебник / Под общ. ред. И.Д. Мацкулюка. М., 2003.

В.М. КОЛЛОНТАЙ

Эволюция экономических категорий в условиях глобализации (Философия хозяйства. 2003. № 2)

Важным, но малоизученным следствием современной глобализации[48] является растущее несоответствие современным реалиям многих устоявшихся во общественных науках теорий, концепций и методологических подходов (базирующихся на опыте национальных государств). Большинство неолиберальных теоретиков упрощенно преподносит процесс глобализации как механическое перенесение на глобальный уровень экономических, политических, организационно-управленческих институтов и закономерностей, сложившихся в «передовых странах».

В действительности же процесс глобализации неизбежно меняет весь контекст, в котором складываются и формируются известные нам общественные категории и закономерности, а

[48] Формы и методы современной глобализации в основном определяются неолиберальной теорией и практикой (см.: [1]).

следовательно, преобразует их основные черты. Сам процесс глобализации (особенно современной) идет крайне специфично и неравномерно в разных сферах общественной жизни — экономике, политике, культуре, идеологии и т. д. При этом глобализация способствует все более тесному взаимодействию стран и обществ, находящихся на совершенно разных уровнях хозяйственного, культурного и иного развития, обладающих далеко не одинаковыми потенциалами для дальнейшего продвижения. В результате вся конфигурация взаимодействия хозяйственных, административных, идеологических и других элементов общественного развития (как на микро-, так и на макроуровнях) по мере глобализации неизбежно сильно трансформируется.

Соответственно сложившиеся на уровне отдельных национальных государств теории, концепции, институты при переходе на глобальный уровень неизбежно должны претерпевать фундаментальные изменения. Однако подавляющее большинство современных исследований проблем глобализации пользуется прежним понятийным, категориальным и методологическим аппаратом. Зреет необходимость их серьезного пересмотра.

Взять к примеру важнейшие современные экономические категории — рынок и конкуренцию. В теории обе они предполагают наличие целого ряда условий, предпосылок и допущений, которые не всегда даже четко формулируются.

Первое из них — это наличие более или менее однородной среды — общности культурного и исторического наследия, единого правового и административного поля, многостороннего государственного регулирования. При переходе на глобальный уровень многие из этих важнейших факторов формирования современного «цивилизованного» рынка далеко не всегда наличествуют. В условиях глобализации происходит стремительное смешение разных видов и уровней хозяйствования, различных исторических и культурных наследий, далеко не одинаковых систем ценностей, приоритетов, мотивации, подчас не совместимых идеолого-политических подходов. К тому же глобальные рынки чаще всего усиливают неравномерность развития. Растущая неоднородность непосредственно сказывается на характере функционирования глобализирующихся рынков, на всей совокупности взаимоотношений хозяйствующих субъектов.

Другой исходной посылкой теорий рыночной конкуренции является атомизированность общества, наличие множества самостоятельных производителей и потребителей, свободно взаимодействующих на рынке и обладающих сопоставимыми возможностями дальнейшего развития. Глобализация поразному меняет прежнюю ситуацию, как в мирохозяйственных центрах, так и на периферии.

В наиболее хозяйственно развитых странах наблюдается стремительная концентрация управления хозяйственной деятельностью и научно-технического потенциала. Большинство рынков ведущих западных держав высоко монополизировано или олигополизировано. Конкуренция тут все чаще переплетается с разного рода слияниями и стратегическими партнерствами — из расчета сэкономить на сбытовых операциях, на научно-технических исследованиях, на более рациональном использовании уже имеющихся мощностей.

На периферии, наоборот, преобладает большая раздробленность хозяйственных единиц при быстром росте их численности (демографический пресс) и при жесткой ограниченности доступных сфер деятельности, местных рынков сбыта и возможностей накопления. Это приводит к небывалому обострению конкурентной борьбы, особенно за экспортные рынки и за субконтрактное приобщение к деятельности иностранных корпораций (являющихся наиболее перспективными рынками сбыта и источниками финансирования). В результате почти повсеместно на периферии развертывается разорительно острая конкуренция, подрывающая основы дальнейшего комплексного развития, приводящая к особо резкому падению жизненного уровня, к обострению социально-политических проблем.

В итоге, складывающиеся на глобальном уровне рынки часто отличаются растущей неоднородностью, нестабильностью и непредсказуемостью.

Неолиберальная глобализация существенно меняет характер функционирования рыночного механизма, меняет прежние закономерности, обостряет старые и порождает новые проблемы. В частности, резко обостряются проблемы экстернализации, как на микро-, так и на макроуровнях. Под экстернализацией понимается присущая капиталистическому предпринимательству практика перекладывать на других — на партнеров и конкурентов, на окружающую среду и государство — свои издержки, трудности и проблемы. В рамках национально-

хозяйственных комплексов подобная практика частично сдерживалась как общественным и государственным регулированием, так и сложившимися взаимозависимостями, хозяйственными структурами и механизмами. На глобальном уровне такие ограничители в основном отсутствуют.

По мере дерегулирования и расщепления национально-хозяйственных комплексов возможности экстернализации резко возрастают. Удлиняются и разветвляются хозяйственные и технологические цепочки. Расширяются сети взаимосвязей, умножаются взаимозависимости, появляется множество новых каналов распределения и перераспределения ресурсов и доходов (меняющиеся ценовые пропорции, растущие потоки инвестиций и прибылей, утечка мозгов и т. д.). Все большее место в конкурентной борьбе занимает перекладывание на других издержек структурных перестроек, расходов на решение социально-экономических и экологических проблем.

Чаще всего это бремя взваливается на наиболее беззащитные слои населения или на окружающую природу. Но определенная его часть ложится на хозяйствующие субъекты, осложняя их деятельность и взаимоотношения, порождая новые участки конкурентной борьбы, преобразуя рынки, ценообразование, распределение доходов, направление и характер инвестиций и т. д.

Накапливаясь, нерешенные вопросы и неоплаченные долги в конце концов кристаллизуются в виде глобальных проблем (ресурсных, климатических, биосферных, социальных и т. д.), которые выпадают из основных калькуляций эффективности глобализации, но которые все отчетливее модифицируют функционирование хозяйственных механизмов (в том числе рынка), повышая издержки, стремительно меняя структуры, соотношение сил и перспективы развития.

Эти модификации все настойчивее вплетаются в непрерывную эволюцию рыночных механизмов под воздействием общего экономического развития и научно-технического прогресса. По мере усложнения хозяйственных структур и увеличения объема промежуточной продукции сопряжение отдельных обособленных, специализированных хозяйственных единиц должно все больше подчиняться императивам производственных и технологических цепочек. Все обременительнее становятся издержки и потери, порождаемые частой перестройкой и переналадкой существующих экономических структур. Уси-

ливается необходимость в более длительных, устойчивых отношениях; бурно развиваются договорные, контрактные и другие хозяйственные связи, регулируемые не столько текущими ценами, сколько более долгосрочными соображениями.

В то же время появляется множество всевозможных посреднических звеньев (которые часто узурпируют отдельные функции рыночного механизма в своих интересах) [2]. Отмеченные сдвиги (многократно усиливаемые неолиберальной глобализацией) существенно меняют характер функционирования современного рынка и конкуренции.

По мере перехода от индустриального к постиндустриальному развитию центр тяжести конкурентной борьбы постепенно смещается с совершенствования производственной сферы (роста производительности и снижения издержек) в сферу посредничества и услуг (особенно финансовых), в область борьбы вокруг прав на интеллектуальную собственность, правовых норм, рейтингов и т. п. Происходит существенное, многоплановое смещение в значимости отдельных элементов (факторов), определяющих конкурентоспособность. С одной стороны — возрастает роль качественных показателей, даже в случаях, когда это связано с увеличением издержек (что для мирохозяйственных центров, как правило, не очень обременительно, а для стран периферии чаще всего непосильно). С другой стороны, решающими факторами в конкурентной борьбе все чаще становятся приобщенность к могущественным группам, политические связи, возможность манипулировать общественным мнением, рейтинги, реклама, правовое обеспечение, присвоение тех или иных прав (патенты, лизинг, франчайзинг, квоты), доступ к информации, а то и прямо нелегальные операции, умение манипулировать отчетностью, аудитом. В этих условиях конкуренция все реже выполняет свою прежнюю роль стимулятора рационального использования ресурсов, роста производительности и эффективности; в небывалых ранее масштабах она превращается в инструмент укрепления позиций наиболее могущественных групп, в орудие установления контроля и подчинения огромной массы более слабых хозяйств.

Отмеченные сдвиги в конкуренции и параметрах конкурентоспособности существенно затрудняют положение периферийных стран. Подавляющая их часть вынуждена отказываться от перспективы самостоятельного развития и соглашать-

ся на те ниши, которые выделяют им мирохозяйственные центры.

В свете сказанного приходится констатировать, что формирующиеся на глобальном уровне рынки функционируют во многом иначе, нежели ставшие привычными рынки в «передовых» странах. При растущей унификации на отдельных участках, на других наблюдается усиливающаяся неоднородность. Перспективы догоняющего развития резко усложняются. Глобальные рынки почти не обузданы государственным регулированием, учитывающим социально-экономические и экологические императивы; там действует мало чем ограниченное право сильного. Такой глобальный рынок все меньше и меньше может быть механизмом экономического и социального подъема большинства стран. Иначе говоря, *на глобальном уровне сейчас отсутствуют многие важнейшие предпосылки для формирования того, что принято считать цивилизованным рынком,* и для действия тех закономерностей, которыми привыкли оперировать экономисты.

Неолиберальная глобализация в корне преобразует экономические функции государства. С ростом международных связей каждое государство вынуждено придавать все большее значение своему месту и позициям в мировом хозяйстве. Конкуренция, которая издавна сосредоточивалась на микроуровне, с глобализацией в немалой степени переходит и на макроуровень.

Соответственно в 80-х гг. важное место заняла проблематика конкурентоспособности на страновом уровне. Разные страны отдают предпочтение разным стратегиям повышения своей конкурентоспособности и укрепления своих внешнеэкономических, мирохозяйственных позиций [3]. Среди наиболее распространенных стратегий можно назвать: повышение эффективности материальной и социальной инфраструктуры, развитие конкурентоспособных экспортных отраслей («индустриальная политика»), укрепление «своих» ТНК и/или своего научно-технического потенциала, расширение государственных заказов и субсидий, развитие оффшорных, экспортных и других льготных зон, активное наступление на жизненный уровень трудящихся и т. д. Последнее с годами приобретает растущее значение.

Важной особенностью рассматриваемых процессов является все более тесное переплетение экономической конкурен-

ции с извечным межгосударственным соперничеством. Внешнеэкономическая экспансия рассматривается как все более важное средство общего закрепления мировых позиций страны.

Принято считать, что последние десятилетия были периодом успешной борьбы против протекционизма. И в отношении некоторых проявлений протекционизма (таможенные тарифы, некоторые виды финансового регулирования и т. п.) такое мнение оправдано. Но в то же время стремительно растут новые (и активизируются некоторые старые) формы протекционизма — административные преграды, государственные заказы и субсидии, новые патентные правила, стандарты, нормы, требования сертификации, разнообразные методы защиты потребителей и т. п. Одновременно повсюду усиливается поддержка государством внешнеэкономической экспансии «своих» корпораций, предоставляются гарантии и льготные экспортные кредиты, устраняются торговые барьеры других стран, поощряются разного рода заграничные инвестиции, ведутся валютные войны, оказывается всевозможное дипломатическое (а то и вооруженное) содействие. *Хозяйственные функции государств не столько сокращаются, сколько преобразуются*: их центр тяжести смещается с проблем экономического развития и социального обеспечения (свертывание «государства благосостояния») на прямое, активное участие в международной конкурентной борьбе. Это придает современной глобальной конкуренции небывалые масштабы и разрушительность.

Не менее кардинальные изменения вносит современная глобализация и в другие политэкономические понятия. Международное разделение труда все чаще распадается на подсистемы, организуемые и управляемые транснациональными корпорациями. Экономическая и национальная безопасность стремительно теряет прежний смысл под натиском растущих внешнеэкономических операций. Если еще недавно анализ экономического положения страны отталкивался от показателей состояния внутреннего рынка (производства и потребления, накопления и инвестиций и т. п.), то теперь растущее значение придается состоянию внешнеторгового и внешнеплатежного баланса, иностранным инвестициям и задолженности, мирохозяйственной конъюнктуре и положению в экспортных отраслях. В рамках настоящей статьи нет возможности подробно рассмотреть все произошедшие изменения. Остановимся лишь на одном.

Неолиберальная глобализация, по сути дела, разрушила одно из важнейших достижений экономической мысли предшествующих периодов — признание важности макроэкономических пропорций (и соответствующей макроэкономической политики). Неолиберальная глобализация существенно изменила взаимоотношения различных звеньев воспроизводственного процесса, их роль и хозяйственную значимость. Огромные масштабы внешнеэкономических операций — интернационального перелива товаров, услуг и капитала — подрывают попытки (в национальных рамках) увязать производство и потребление, сбережения и инвестиции, регулировать доходы и платежеспособный спрос, обеспечивать межотраслевые пропорций, сальдировать внешнеэкономичнские операции и т. п.

В результате неолиберальной глобализации во всех важнейших звеньях мирового хозяйства стремительно растут неувязки и диспропорции. Финансовые потоки в десятки раз превышают материально-вещественные [4; 5]. Текущие платежи многих стран сводятся с растущими дефицитами; сальдирование платежных балансов все чаще происходит за счет статей «прочие» и «ошибки» (в том числе за счет контрабандных и иных нелегальных операций). Непомерно раздутый кредит и денежная эмиссия создали «навес» задолженностей, превышающих годичный, а то и двухгодичный ВВП (даже в самых могущественных странах). Искусственное поддержание финансовой роли ведущих валют (валютные войны) вносит постоянную нестабильность во всю мировую финансовую систему [6]. Шаткость финансовой системы непрерывно обостряет положение в реальном секторе экономики, дестабилизирует покупательную способность и инвестиции, увеличивает банкротства, безработицу и огромное недоиспользование производственных мощностей.

В начале XX в. Й. Шумпетер говорил о «созидательном разрушении» как о характерном свойстве рыночных механизмов и конкуренции. При этом он склонялся к тому, что созидательное начало превалирует над разрушительным. Современная глобализация существенно усиливает обе эти тенденции и одновременно поднимает вопрос, не меняется ли соотношение между ними.

Успехи науки и техники явно открывают небывалые горизонты развития для определенной части человечества. Последние десятилетия показали, что крайне неравномерно, но все

же по всему миру (особенно в мирохозяйственных центрах) внедряются достижения информатики, медицины, биологии, энергетики, синтетические материалы, новые средства транспорта и связи, компьютеры и многое др. Во многих отраслях существенно трансформируются господствующие методы производства, преобладающие технологии, формы организации и методы управления. Все чаще экстенсивные формы хозяйствования сменяются более интенсивными; по разным направлениям повышается качество продукции, возникают новые виды услуг и занятий, охраняется окружающая природа. Далеко не однозначно, но все же заметно, в мире распространяются идеалы и идеи демократизации, уважения прав человека, равноправия; не без извращений, но все же перенимаются некоторые соответствующие институты и «правила игры».

В условиях сравнительно бескризисного развития 80—90-х гг. эйфория в отношении научно-технического прогресса и более прогрессивных общественных концепций приняла особенно широкие масштабы. Успехи «передовых» держав казались легко доступными для подражания. Догоняющее развитие и модернизация (хозяйственная и политическая) стали всеобщим увлечением. Однако опыт последних десятилетий вскоре показал узкие пределы благотворного воздействия глобализации и научно-технического прогресса. Достижения современной науки и техники, новые формы хозяйствования (крайне капиталоемкие, требующие высококвалифицированной рабочей силы и обширных рынков сбыта) оказываются доступными лишь узкому кругу хозяйств. К тому же новые «правила игры» далеко не однозначно облегчают экономические взаимосвязи. Для экономически слабых стран непосильная внешняя задолженность, квалификационная и рейтинговая отсталость, патентная и иная зависимость, условия сертифицирования, лицензирования и т. п. сильно затрудняют внешнеэкономические отношения.

Разрушение старых укладов рассматривалось как неизбежный спутник продвижения к «светлому будущему». Однако жизнь постоянно показывает, что разрушаемые старые устои общества с большим трудом и лишь частично заменяются новыми; гораздо чаще на смену прежним устоям приходят анархия и деградация [7]. Демократические принципы и права человека провозглашаются, но лишь очень неравномерно и крайне селективно внедряются в практику. И подобные расхождения

наблюдаются не только в странах периферии. Дерегулирование и либерализация форсируют эрозию моральных и этических норм в мирохозяйственных центрах, приводят к пышному расцвету коррупции и всяческой сомнительной, теневой и нелегальной практики.

Глобализация резко усиливает разрушительные последствия функционирования конкурентно-рыночных механизмов. Неотъемлимым компонентом глобализации является обострение глобальных проблем, угроза военного, экологического и иного уничтожения либо всего человечества, либо значительной его части. Все более тесное взаимодействие различных обществ неизбежно порождает столкновения интересов, острые противоречия и конфликты. К тому же приводит тесное переплетение экономической конкуренции с извечным межгосударственным соперничеством (валютные войны, меняющиеся «правила игры»). Расшатывание национальных рамок обществ и государственности ослабляет сдерживающее, обуздывающее влияние, которое они оказывали на разрушительные аспекты рыночных механизмов (выше уже упоминались проблемы экстернализации). Возросшие масштабы участников конкурентной борьбы (транснациональные корпорации, мировые финансовые центры, организованная преступность) также усиливают ее разрушительность.

Кризисные события последних лет привлекают внимание еще и к другим, качественно новым, вопросам. Глобализация способствовала синхронизации экономических процессов в разных странах. В условиях хозяйственного подъема это обстоятельство в известной степени подхлестывало общее развитие, поддерживало благоприятную конъюнктуру. Но при неблагоприятной экономической обстановке (как показали события последних лет) происходит синхронизация и усиление кризисных явлений, что затрудняет выход из кризиса.

Осуществляемая странами-гегемонами (чаще всего в своих корыстных интересах) неолиберальная глобализация разрушает не только хозяйственную базу развития, но и идеологические, социальные, политические и культурные устои общества. Принятие решений все больше концентрируется в руках ТНК и МФЦ, которые никем не избираются и никому не подотчетны [8]. Прежние системы ценностей и приоритетов рушатся, но никакими новыми, адекватными механизмами регулирования не заменяются. Новая институционально-правовая база гло-

бально-общественного развития все чаще подрывается отказами ведущих государств от ранее принятых на себя обязательств. Дерегулирование и либерализация приводят к полному развалу морально-этических регуляторов, к бурному росту коррупции, нелегальной деятельности, к процветанию организованной преступности, терроризма и других форм антиобщественной деятельности.

В свете всего сказанного невольно встает вопрос о нынешнем соотношении созидательных и разрушительных тенденций в развитии конкурентно-рыночных отношений при капитализме. При всех возможностях, которые открывает современное развитие науки и техники, не происходит ли сдвиг в этом соотношении в сторону усиления разрушительных тенденций? Нетрудно представить, что, ответы, получаемые от представителей «золотого миллиарда» в мирохозяйственных центрах и от многих миллиардов жителей мирохозяйственной периферии, будут кардинально расходиться.

Литература

1. *Коллонтай В.М.* Некоторые особенности современной глобализации // Философия хозяйства. 2003. № 1.
2. *Spulber D.F.* Market Microstructure. Intermediaries and the Theory of the Firm. N. Y., 1999.
3. *Palan R., Abbott J.* State Strategies in the Global Political Economy. L., 1999.
4. *Kurtzman J.* The Deaht of Money. N. Y., 1997.
5. States and Soverignty in the Global Economy. N. Y., 1999.
6. *Erdman P.* Tug of War. Todays Global Currency Crisis. N. Y., 1996.
7. *Kaplan R.D.* The Coming Anarchy. Shattering the Dreams of the Post Cold War. N. Y. , 2000.
8. *Pauly L.W.* Who Elected the Bankers? Surweillance and Control in the World Economy. Ithaca, 1998.

В.Т. РЯЗАНОВ

Российский путь в экономике (Философия хозяйства. 2003. № 3)

Постановка проблемы

Вопрос о выборе пути экономического развития и модели хозяйственного устройства России уже давно стал предметом острого спора, фактически расколовшего российское общество

на две большие группы — западников и почвенников. Меняются их поколения, но суть их расхождения остается неизменной: что имеет большую пользу для России — опора на ее самобытные исторические ценности или следование в фарватере западного мира? У каждой из этих школ свои аргументы и свои оценочные шкалы, достоинства и недостатки. Без осмысления той идеологической борьбы, которая велась на протяжении почти двух последних столетий, вряд ли можно основательно понять содержание экономических проблем, которые решались в прошлом и которые вновь предстоит решать сегодня.

Причем с конца XIX в. сложившиеся альтернативные позиции и программы пытались реализовать на практике. В этой связи не обойтись без переосмысления причин провала капитализации экономики в прошлом и вместе с тем важно объективно разобраться с недавним крушением социалистической модели развития. Получается так, что исторически и капиталистическая, и социалистическая экономические трансформации оказывались несостоятельными. Что же в таком случае требуется для России и что ждет ее в будущем?

Чтобы более содержательно представить суть спора вокруг альтернатив развития, приведем краткую характеристику соотношения общего и особенного в экономической сфере.

Общее и особенное в экономическом развитии

То, что экономическому развитию в равной степени присущи всеобщее, особенное и единичное, объясняет невозможность существования всеобщего вне особенного. Такой характер их взаимосвязи только подкрепляет вывод о наличии многовариантных путей общественно-экономического развития. Другими словами, нельзя вообще строить рыночное хозяйство, как и любое другое. Оно всегда присутствует в конкретно-исторических национальных формах. Ведь даже создатели общих экономических теорий (к примеру, Смит и Маркс) разрабатывали их на конкретных объектах — экономике Англии, фактически распространяя выявленные закономерности на экономику «вообще». Этим предопределяется необходимость включения особенного в теоретический анализ, а значит, — разграничение его объектов.

В то же время нельзя отрабатывать свою народнохозяйственную модель без учета мирового контекста решения общих хозяйственных проблем. В перспективе было бы весьма желательно разработать такую научную систему,

которая не разводила, а соединяла бы общие закономерности с действием особенного в экономическом развитии России и других стран. Более конкретно это означает, что изучение общих принципов и свойств рыночной экономики должно обязательно увязываться с анализом особенностей и специфики их проявления в различных национальных хозяйственных системах и дополняться исследованием всегда присутствующих в них нерыночных элементов.

Формально соотношение всеобщего и особенного в экономике выражается через взаимосвязь всемирного хозяйства и национальных экономик. Отсюда вытекает одна из распространенных трактовок особенного в национально-экономическом развитии как формы проявления общемировых закономерностей или общего пути в экономике. Однако этот общий путь представляет собой в смягченном виде знакомый вариант заимствования и перенесения готовых хозяйственных форм. На самом деле оппозиция *всеобщее — особенное* не в меньшей степени может распространяться на национальные экономики, которые несут в себе общее двояким образом: как органичные элементы всемирного хозяйства, и в этом случае общее выступает в виде совокупности и единства всех особеннных форм, совпадающих в большинстве национальных экономик, и как общие экономические характеристики с точки зрения их сохранения и воспроизводимости в данной стране в длительной исторической перспективе. *Это означает, что диалектику взаимосвязи всеобщего — особенного целесообразно рассматривать как в рамках всемирного хозяйства, так и применительно к национально-государственным хозяйственным системам.*

Выбор наиболее предпочтительной стратегии развития — это не абстрактно-теоретическая проблема, определяемая теми или иными теоретическими веяниями и «научной модой». В значительной степени он зависит от особенностей конкретно-исторического этапа, на котором находится страна. Стратегия развития должна быть приложима к конкретной стране и учитывать специфику данного этапа. Если с этой стороны подойти к анализу российской ситуации, то приоритет должен быть отдан точному и грамотному выявлению собственных основ развития, что требует тщательного изучения хозяйственного состояния нашего государства, его исторического опыта и традиций. Такой подход, как показывает история России и других стран, лучше всего реализуют те социальные и научные

силы в обществе, которые выдвигают цели формирования национально ориентированной хозяйственной системы и своего пути развития в экономике, кто способен к защите национальных экономических интересов. Те же, кто делает ставку на общее в экономике, а значит, на заимствование готовых форм хозяйствования, «подражательный путь развития» (В.П. Воронцов), с неизбежностью сталкиваются с реакцией отторжения, теряя доверие и авторитет в значительной части общества.

При этом потребность сосредоточиться на формировании собственной экономической модели применительно к нынешнему этапу России совсем не предполагает обязательного отрицания действия всеобщих экономических форм, проверенных во многих странах, и возможности использования международного опыта, в том числе и в преобразовательной деятельности, чем временами грешили экономисты-самобытники в прошлом. В данном случае речь идет главным образом о том, что своеобразные качества экономического развития страны (факторы, условия, ограничители, традиции) должны:

• рассматриваться как объективно сложившаяся реальность, не сводимая к попаданию в «тупики» или к действию каких-то «пережитков»;

• оцениваться как факторы окружающей институциональной среды, которые формируют закономерности развития экономики определенного типа, чем отвергаются своеволие и легкомыслие в ее произвольном перестраивании;

• приниматься во внимание как возможные конкурентные преимущества (и здесь важно учитывать то, что в политике заимствования выступает как тормоз в ее реализации, в стратегии формирования национальной экономической модели способно превратиться в ее конкурентные преимущества, полезные для выработки продуманной политики защиты своих экономических интересов во взаимодействии с мировым хозяйством, которое отличается не ослаблением, а растущей остротой экономических и политических противоречий).

Российский путь развития в оценках и спорах

Первым и наиболее содержательным этапом спора о перспективах непосредственно экономического развития России стала дискуссия между народниками и их оппонентами (социалистами и либералами) о судьбе капитализма в нашей стране,

которая началась в 80-е гг. XIX в. и продолжилась в начале следующего века[49]. В этой дискуссии народники выражали и защищали взгляды, еще ранее сформировавшиеся в недрах почвеннического направления общественно-экономической мысли России. Их оппоненты, а это были социалисты и «легальные марксисты» (фактически представители либеральной школы), отстаивали взгляды западнического направления. Именно в недрах народнической школы впервые разрабатывалась концепция *российского пути в экономике*[50]**.** Хотя она не отличалась академической строгостью и ей в большей степени была присуща научная интуиция с четко выраженным стремлением изучать не абстрактные схемы, а реальную экономику, тем не менее представителям данного направления удалось достаточно четко сформулировать и объяснить саму объективную потребность в российском варианте экономического развития и, что немаловажно, предложить конкретные рекомендации по его реализации на практике. В этом ее историческое значение, этим она интересна и актуальна для нас. Позднее идеи народников о российском пути в экономике получили дальнейшее развитие в трудах разных течений неонародничества (в частности, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Огановского), а также в работах представителей других направлений экономистов-почвенников (С.Ф. Шарапова, М.О. Меньшикова, Л.А. Тихомирова, Д.И. Менделеева и других).

Интересно и то, что изучая своеобразие экономического строя России, представители этой школы (прежде всего, В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон) одними из первых в мировой экономической мысли сформулировали задачу мирного и эволюционного «минования» фазы первоначального накопления капитала по сценарию Западной Европы как общую проблему позднего развития. Вместо нее предложив свой вариант

---

[49] Наиболее известные работы этого периода: [1; 2]. Причем интересно то, что В.П. Воронцов фактически стал первым исследователем, который ввел в обозначение нового строя, сложившегося в Западной Европе и формировавшегося в России, понятие «капитализм». Как отмечается в научной литературе, впервые на английском языке данный термин был употреблен в 1884 г. в книге Дуэ «Лучшие времена» [3, 9]. Известно, что К. Маркс в этих целях использовал разные понятия, но чаще всего «буржуазный способ» производства. Именно так он определял объект своего изучения в «Капитале».

[50] Подробнее об этом см.: [4, гл. 3; 5, гл. 1].

некапиталистического пути проведения модернизации экономики и общества, имевший принципиальные несовпадения с марксистской версией революционного перехода к социализму как посткапиталистической фазе. Этим экономисты-народники предвосхитили многие теории и политические платформы, распространившиеся по всему миру, особенно «третьему», в середине XX в., в частности, теорию «периферийного капитализма» Р. Пребиша.

В первую очередь Воронцов и Даниельсон утверждали, что опора на капитализм не соответствует историческим традициям России и при этом противоречит наличным объективным и субъективным условиям, к которым они относили общинность и артельность в организации основной части общественного производства, коллективизм в массовом сознании и неразвитость института частной собственности на землю. И в этом они воспроизводили давнюю традицию понимания российского пути развития как самобытного. Сочувственное отношение к собственным (и прежде всего общинным) формам хозяйствования не только соответствовало вековым традициям жизни крестьянства, но и объективно имело свои серьезные достоинства в условиях ведения хозяйства с повышенным риском и формирования «этики выживания» как доминирующего мотива в хозяйственном поведении. Это позволило народникам с полным основанием трактовать курс на капитализацию послереформенной России как радикальную («шоковую») ломку сложившегося национального строя, которая сама по себе опасна и потенциально чревата исключительно крупными издержками и потрясениями.

Как подтвердила реальная история, прогнозы и предупреждения русских народников об опасности попыток радикальных ломок национального строя, которые осмысленно прозвучали в 80—90-е гг. XIX в., оказались пророческими, хотя и свершились не в те сроки. Но они, к сожалению, не были услышаны и должным образом оценены властью и политическими силами, сложившимися к тому времени в российском обществе. Об этом приходится говорить, поскольку и сегодня после стольких потрясений и спытаний, через которые прошла наша страна, в ней не перевелись ярые приверженцы очередных радикальных ломок («либерально-рыночных шоков»), желающие испытать сложившийся строй на прочность.

Экономисты-народники в обоснование неизбежности выбора некапиталистического пути развития России доказывали существование объективных пределов, препятствующих органичному и относительно безболезненному утверждению капиталистического хозяйствования. Такие ограничители (или «пределы в развитии капитализма») связывались в первую очередь с обеднением большинства населения (крестьянства) как закономерного результата форсирования первоначального накопления капитала, которое резко сужало внутренний рынок, сдерживая развертывание капиталистического производства. Напротив, всемерная поддержка крестьянских хозяйств, повышая их благосостояние, в объяснении народников, как раз создавало здоровые предпосылки, т. е. высокую платежеспособность населения, чтобы обеспечить подъем промышленности.

Наконец, народниками рассматривался и вариант ускорения роста капиталистического производства за счет активного внедрения на внешние рынки. Но здесь оценки для народного хозяйства России были неутешительные, как и для любой молодой страны, стремящейся проникнуть на мировые рынки. Более низкая конкурентоспособность товаров (даже хлеба) из-за технического отставания, нехватка капитала, неблагоприятные климатические условия, дополнительные затраты по доставке товаров — все это делало весьма проблематичным возможность проникновения на внешние рынки.

Каким представлялся будущий экономический строй России в прогнозах экономистов-народников?

Во-первых, ими с полным основанием выделялась приоритетность сельского хозяйства. Ведь эта отрасль в народном хозяйстве была ведущей, да и подавляющая часть населения (80%) проживала в деревнях. Развивать его предлагалось через укрепление крестьянских хозяйств с *добровольным* поддержанием в них общинных начал. Кроме того, обосновывалась также принципиальная важность снятия налогового и выкупного бремени с крестьянства. Именно это бремя, а не общинная организации производства прежде всего мешало подъему сельского хозяйства. (Современный пример Израиля, высокоэффективное сельское хозяйство которого использует даже близкую не к общинной, а к коммунистической организации, в частности, предполагающую наряду с обобще-

ствлением производства и обобществление потребления, свидетельствует о реальности такого пути прогресса аграрного сектора экономики.)

В соответствии с таким подходом вырабатывались предложения по оказанию крестьянским хозяйствам государственной помощи и содействия, в частности, через кредиты. Все это требовалось, для того чтобы создать *нормальные* экономические условия, способствующие прогрессу в сельском хозяйстве. Одновременно этим решалась задача повышения платежеспособного спроса основной части населения, что обеспечивало расширение внутреннего спроса и создавало необходимый простор для развития рыночных отношений.

Во-вторых, народники вместо взрывоопасной идеи разрушения крестьянской общины как способа ускорения формирования рынка и капитализма выдвинули программу ее эволюционного приспособления к рыночным отношениям через трансформацию в *кооперативную* организацию производства. Способность общины трансформироваться в кооперативы и проявленная склонность крестьян к массовому кооперативному движению подтверждают, что общинная организация не была неподвижным и инертным хозяйственным институтом, а располагала потенциалом к саморазвитию и располагала возможностью за счет самоорганизации развернуться в реальной жизни. Экономисты-народники, зафиксировав появление кооперативной формы хозяйства, сделали особый акцент на ней в экономическом строе России как новом и перспективном элементе, органично развивающем сложившиеся хозяйственные традиции и одновременно способствующем развитию рыночных отношений на основе самоорганизации.

В-третьих, народники считали, что на начальном этапе преобразований особых перспектив для крупной промышленности в России не имеется. Поэтому более целесообразной является опора на мелкое кустарное и ремесленное производство. Казалось бы, с точки зрения проведения индустриализации страны и подтягивания к передовому экономическому уровню такая рекомендация уязвима. Зато у нее есть свое достоинство в том, что касается необходимости создания массового слоя товаропроизводителей с внедренным в него конкурентно-рыночным механизмом. Между прочим, экономический бум в Китае, начавшийся в 1978 г., как раз опирался на

первоначальное развитие мелкого промышленного производства (сельской промышленности). Этим сразу же достигалось несколько важных целей — расширялся рынок потребительских товаров, обеспечивалась занятость в перенаселенных деревнях, а рыночный механизм проникал в глубинный пласт организации хозяйственной жизни.

В-четвертых, народники выработали свое собственное отношение к уже сложившейся крупной промышленности. Суть их позиции состояла в следующем: то, что нельзя трансформировать в артельную организацию производства, должно быть превращено в «народно-общественную форму» (Н.Ф. Даниельсон), т. е. государственную. Хотя такой подход вытекал из арсенала стандартных социалистических требований, у народников присутствовала своеобразная мотивировка. Дело в том, что такую общественную форму организации они связывали с необходимостью распространения «общинных начал» и на крупную промышленность, видя в этом закономерное продолжение развития своеобразных черт русского хозяйства.

В-пятых, отталкиваясь от вывода об ограниченной роли внешнего рынка для стимулирования роста капиталистического производства в России, народники вполне логично пришли к обоснованию необходимости сделать главный акцент на формировании внутреннего рынка. Огромные его масштабы в нашей стране тем более делали оправданным такой подход.

В этих выработанных в 80—90-е гг. XIX в. в недрах народнической платформы направлениях проведения экономической политики отчетливо обнаруживаются контуры будущего экономического строя страны, если следовать предложенным курсом. Причем экономическая доктрина народников в этой части отличалась в лучшую сторону как от концепции приверженцев «чистого капитализма» (либералов), стоящих на позиции безусловного доминирования частной собственности и исключающих право на существование всех остальных укладов, так и от концепции сторонников посткапиталистической экономики (социалистов), конструирующих будущее устройство хозяйства, в свою очередь, на принципах полного отрицания капиталистических и докапиталистических форм производства с их превращением в единую общественную, а фактически государственную форму собственности.

В отличие от этих двух широко распространившихся течений в политике и в экономической науке русские народники первыми в стране и раньше, чем экономическая мысль на Западе, приступили к разработке модели *смешанной, многосекторной* экономики, построенной не на достижении гомогенности (однородности) в экономическом устройстве путем поглощения ведущим укладом всех остальных (по гегелевской схеме — через механизм снятия низших форм высшими), а на признании возможности *взаимного сосуществования, параллельного и согласованного развития разных форм собственности и хозяйствования*, лежащих в основании национальной экономики. Многоукладность собственности и хозяйствования создавала самую благоприятную среду для учета широкого разнообразия условий экономической жизни и одновременно позволяла обеспечить адекватное организационное приспособление экономики. Это была новая и смелая постановка проблемы экономического развития. Она особенно была важна для России с ее чрезвычайно высокой дифференциацией в условиях хозяйствования.

При таком подходе будущий экономический строй России в народнической концепции мыслился как *российская разновидность смешанной (многоукладной) экономики*, которая развивается за счет трех основных укладов: крестьянско-общинного (перерастающего в кооперативный), артельно-промышленного и государственного.

Можно также считать, что такая постановка оказалась оправданной и для мировой экономики. Экономическое развитие в XX в. отчетливо указало на действие долгосрочной тенденции движения мировой хозяйственной системы не к упрощению ее внутренней структуры и к полной победе «чистого» капитализма, а к многообразию форм хозяйствования и к переходу к смешанной экономике.

Вместе с тем народническая модель социалистического (некапиталистического) хозяйства по многим позициям существенно отличалась от марксистской модели и представляла собой оригинальную версию развития народного хозяйства России как национально ориентированного и реализующего на практике российский путь в экономике. Отказываясь от ортодоксально марксистской идеи урбанистически-индустриального социализма как универсального, русские народники этим смогли выйти на проблему *множественности* форм социалистиче-

ского (некапиталистического) общественно-экономического переустройства и одновременно выработали весьма перспективный вариант его осуществления применительно к России. Обоснованная ими модель русского социализма примиряла город и деревню, крестьянство и рабочий класс и в конечном счете выступала одним из направлений сближения линий общественно-экономической эволюции Запада («города») и России («деревни»).

Экономическую модель народников вполне можно назвать *некапиталистической* в том современном контексте, когда имеется в виду направление развития экономики страны не по западному капиталистическому канону, по его старым и отработанным схемам, а с акцентом на применение нестандартных решений, обобщая опыт и тенденции, накопленные в ходе непрерывной эволюции капитализма. (В.П. Воронцовым она мыслилась и трактовалась как отказ от «подражательного типа развития»). То, как индустриальный капитализм трансформировался в XX в. в разновидность смешанного хозяйства, в котором в действительности сочетались *капиталистические* (прежде всего в производстве) и *социалистические* (в основном в распределении) начала, подкрепляет оправданность такой интерпретации народнической теории.

Следует иметь в виду, что народники вплотную подошли к ракрытию еще одной чрезвычайно важной проблемы — определению *источников* экономического развития страны, а более конкретно — проведения *самоиндустриализации*. В противоположность всем тем, кто стоял на позиции повторения западной схемы первоначального накопления капитала на основе разорения крестьянства с последующим его использованием в качестве необходимого трудового ресурса для форсированной индустриализацией страны, ими были разработаны исходные рубежи для альтернативного варианта экономического подъема. Его содержание состояло в следующем:

• обеспечение экономического развития и индустриализации страны не путем массового разорения и обнищания крестьянства, а улучшая его жизненные условия, опираясь на его экономические интересы (для этого предлагалось отказаться от помещичьего землевладения и проводить политику поддержки крестьянских хозяйств);

• ставка на начальном этапе не на рынок средств производства, а на создание и быстрое развитие рынка потребительских товаров благодаря расширению массового спроса населения (тем самым запускалась воспроизводственная цепочка в проведении курса на самоиндустриализацию за счет развития внутреннего рынка: рынок потребительских товаров —> рынок средств производства для сельского хозяйства —> рынок средств производства для производства средств производства);

• использование нетрадиционных капиталистических методов первоначального накопления капитала, а опора на новые методы, для чего должно быть активно задействовано государство (современный опыт Японии и других новых индустриальных стран подтверждает высокую эффективность такой политики при правильном ее проведении);

• проведение назревших коренных изменений не через революционные скачки, разрушая сложившийся тип национального хозяйства, а реформируя и эволюционно преобразуя его (в частности, используя в сельском хозяйстве кооперативную организацию) — то, насколько эффективен такой метод обеспечения преобразований, продемонстрировал многообразный опыт, полученный в XX в.

Судьба народнического варианта экономического развития России

Был ли шанс для осуществления такого варианта преобразований? На наш взгляд, был, и данная политика при всех своих недостатках (в частности, медленных темпах промышленного подъема на начальном этапе) располагала большими преимуществами. Она была способна снять остроту экономического и политического противостояния, которое сложилось в российском обществе, а значит, и избежать того социального взрыва, который произошел из-за пренебрежения опасными последствиями форсированной капитализации страны[51]. И с точки зрения реализации долгосрочных задач народническая программа ориентировалась на создание «*экономики всеобщего благосостояния*», другими словами, той моде-

[51] В этой связи можно согласиться с выводом С.Г. Кара-Мурзы, на первый взгляд парадоксальным, о неизбежности превращения реформы Столыпина в крестьянскую коммунистическую революцию [6].

ли экономики, которая позднее пришла на смену политике «раннего капитализма» в развитых странах с его масштабным социальным располюсованием и острыми внутренними и межстрановыми противоречиями.

Какой же в действительности оказалась судьба российского пути развития в экономике?

Формально есть основания считать, что он потерпел крах. Ведь общественные силы, которые его непосредственно разрабатывали и пытались провести в жизнь (речь идет о партиях и течениях народнического толка), не смогли удержаться у власти и затем вообще исчезли с политической арены страны как самостоятельные движения (к примеру, эсеры в 1923 г.). Однако отстранение от власти политических партий, ближе всего примыкавших к народнической экономической платформе, не устранило потребности в самобытном пути развития, а значит, не могло зачеркнуть их опыта разработки национальной экономической модели в России. И это определялось объективной неизбежностью развития российского хозяйства на собственной основе, альтернативой которому становится хозяйственный и политический распад страны как единого целого. (Крах страны после революции 1917 г. и такой же ее развал в 1991 г. говорят в пользу такого утверждения.) Поэтому вполне закономерна эволюция политики большевиков. Чем ближе они подходили к завоеванию власти, постепенно отходя от идеи мировой социалистической революции, тем больше их экономическая программа становилась похожей на народническую. По сути дела, они смогли взять и удержать власть во многом благодаря тому, что воспользовались лозунгами и программными установками, лежащими в основании народнической идеологии. Речь идет прежде всего о «Декрете о земле». Как в то время писал Троцкий, большевики смогли «политически усыновить» программу аграрной реформы народников.

При этом они в тот период не отказывались от идейного неприятия данной реформы, так же как не снимали свою аграрную программу, которая отличалась по двум принципиальным пунктам.

Во-первых, вместо социализации земли выдвигался принцип ее национализации.

Во-вторых, вместо ставки на крестьянское хозяйство предлагалось развивать крупные обобществленные хозяйства.

Еще более значимым фактом с точки зрения признания народнических истоков в экономической политике послереволюционного периода является нэповская альтернатива «военному коммунизму», которая побеждает в начале 20-х гг., а также ее сохранение в конце 20-х гг. и противостояние политике форсированной индустриализациии и насильственной коллективизации, теоретически сформулированной Преображенским и на деле осуществленной Сталиным. Если вдуматься в экономический смысл разрабатываемой альтернативы форсированной индустриализации, то есть достаточные основания для вывода о том, что она оказалась весьма близкой к платформе общественно-экономического развития и преобразования России, созданной ранее народниками.

Продумывая политику нэпа, Ленин подошел к своему варианту смешанной экономики, включающей пять укладов. В традиционной социалистической историографии такое изменение взглядов подавалось как «ленинский план строительства социализма». Однако его точнее определять как обращение к взглядам и идеям своих недавних оппонентов и политических противников. На первый взгляд, такое изменение позиции представляется странным и невозможным, особенно если иметь в виду, что после Октября 1917 г. Ленин неоднократно писал о «полном идейном крахе» народничества в России[52]. Однако в политике случаются и еще более удивительные метаморфозы. Поэтому такую смену ориентиров можно трактовать как достаточно причудливый и явно не демонстрируемый способ «примирения» народничества с марксизмом, национальной государственности с пролетарским интернационализмом. Это была достаточно адекватная реакция на объективную потребность в экономическом развитии «на собственной основе», которая продолжала действовать и в послереволюционный период. Такую смену координат также можно рассматривать как пример недогматического подхода в политике, который был присущ Ленину и отличал его от многочисленных российских марксистов.

[52] Соответственно работы советских историков, посвященных народничеству, заканчивались стандартным разделом о его «идейном крахе» после Революции 1917 г. При этом полностью игнорировалась, к примеру, сама постановка вопроса о близости политики нэпа экономической платформе народников.

К тому же в нэповской альтернативе общественно-экономической трансформации России нельзя недооценивать непосредственное народническое влияние, оказываемое, в частности, через научные труды и практические рекомендации таких крупных советских экономистов, как Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов, которые, как известно, были наиболее яркими представителями «позднего народничества»[53].

Что же касается экономической системы, которая в конечном счете была создана в СССР, то ее характеризовала не абсолютно государственная (односекторная), а *двухсекторная* модель народного хозяйства с ведущими ее элементами в виде государственного (доминирующего) и колхозно-кооперативного (подчиненного). Ее можно считать и трехсекторной, если принимать во внимание так и не преодоленный мелкотоварный сектор — личное подсобное, индивидуальное и домашнее хозяйство. Это означает, что в процессе социалистического строительства был создан свой, достаточно оригинальный вариант альтернативной экономики смешанного типа, хотя и с сильным доминированием в ней государственно-социалистического уклада. В свое время прообраз такой модели хозяйствования советские экономисты старались обнаружить в экономическом учении марксизма. Однако искали не там, поскольку вариант смешанной экономики в принципе не соответствовал марксистским прогнозам о будущем экономическом устройстве общества, да и просто противоречил логике и главным постулатам идеологии коммунизма.

Если же поиск истоков сложившейся системы хозяйствования обратить в сторону экономической теории народничества, то в таком случае можно обнаружить немало общих моментов. Прежде всего речь идет о самой концепции смешанной многосекторной экономики и о сохранении в том или ином виде крестьянского уклада на длительный период. Безусловно, говорить о полной тождественности идей и о том, что большевики реализовали на деле народнический вариант преобразований в России, значило бы противоречить реальной истории.

---

[53] Так, Чаянов и Кондратьев весной 1921 г. принимали участие в работе комиссии, которая разработала предложения по переходу к продналогу. Известно и то, что Ленин при подготовке одной из своих последних работ («О кооперации») заказывал книгу Чаянова о крестьянской кооперации. Всего же в библиотеке Ленина имелось семь книг этого автора.

При всех совпадениях все же ими реализовывался свой социалистический проект, в котором в качестве доминанты остался государственный сектор, но который при этом значительно оторвался от исходных марксистских установок.

То, что в ходе социалистического строительства произошло проникновение народнических идей в экономическую политику, не носило случайный характер. Еще раз подчеркнем, оно объяснялось потребностью создания экономики, ориентированной на исторические традиции и отражающей внутренние и внешние условия хозяйствования. За этим фактом следует видеть признание закономерной неизбежности воспроизводства сложившегося хозяйственного строя на собственной основе. Наличные объективные условия и ограничители, традиции и экономические свойства хозяйствующих субъектов оказываются сильнее умозрительных планов создания некоего идеального общества по марксистским, равно и по другим рецептам.

Поэтому крушение социалистического проекта в СССР явилось тяжелым ударом не только по социализму, но и в неменьшей степени по политике формирования национально ориентированной модели общественного хозяйства, по поиску альтернативных вариантов развития. Вполне закономерно, что попытка внедрения либерально-капиталистической модели рыночной экономики в РФ вместо социалистической в очередной раз выдвинула на передний план политику заимствования готовых, сложившихся в западной экономике и понимаемых как «общецивилизационные» формы капиталистического рыночного хозяйствования. Идеологически она сопровождалась полным отрицанием самой идеи самобытности в хозяйственном развитии, особенно в первые послесоциалистические годы, всяческим ее третированием как рудимента прошлого и одной из причин нашего исторического отставания. В таком отрицании новым моментом стал упор на растущую глобализацию мирового хозяйства в современном мире. Однако также как и в случае с социалистическим проектом мощное подводное течение, а это весь комплекс существующих в действительной жизни самобытных условий хозяйствования, который никто — даже шокореформаторы — не в состоянии «отменить», постепенно разворачивает экономику с первоначально задуманного либерального курса. Именно так действует механизм самозащиты системы, несрабатываемость которого с высокой вероятностью ведет не к ее полной переналадке, а к саморазрушению. Такие

развороты неудивительны, поскольку общественно-экономическая система воспринимает корневые черты самого общества и преобладающие характеристики человеческого матери

Российская модель хозяйства: современный взгляд

Если попытаться в качестве итога зафиксировать значение старых споров о российском пути в экономике для современного этапа, то можно сделать следующие выводы. Прежде всего, надо иметь в виду, что народники и другие экономисты-почвенники свои концепции экономического развития России рассматривали, как правило, в русле реализации общей (национальной) идеи об уникальности страны как цивилизации и культуры, политического и хозяйственного строя. Очень часто такая уникальность связывалась не только с наличием самих самобытных начал, но и трактовалась как носитель истинных ценностей и образец для других. С этим связана жесткая критика капитализма и фактическая недооценка рыночных отношений, которые к тому же нередко отождествлялись с западной моделью экономики. Видимо, именно здесь можно обнаружить слабое звено в таком подходе. Отстаивая свою самобытность, экономисты-почвенники совершенно справедливо проводили линию на множественность путей и моделей развития. Отвергая рыночно-западную модель как неистинную, они противоречили исходной установке о многообразии форм общества и хозяйства.

В определенном смысле такой сбой в логике рассуждений российских экономистов-почвенников прошлого имеет объяснение, но на современном этапе он должен быть преодолен. Дело в том, что к началу XX в. в мировой практике еще не был накоплен опыт реального рыночно-хозяйственного многообразия, а экономические успехи, равно как и огромные социальные издержки, связывались только с западными экономиками. Отсюда и заблуждение, ведущее к подмене объективной неизбежности хозяйственного многообразия уникальностью только российского хозяйства. Однако в XX в. мировое хозяйственное развитие дало немало примеров экономического успеха, основанного на альтернативных рыночных методах, во всяком случае, прямо не воспроизводящих опыт капиталистических стран первого эшелона. И уже в таких новых мировых хозяйственных координатах экономика России постепенно утрачивает статус абсолютно уникального хозяйства. Преодолевая неприятие

рынка, она в большей или меньшей степени становится похожей на другие национальные экономики, а потому в значительно большей степени может черпать опыт хозяйствования, отработанный в других странах с более схожей судьбой. Иначе говоря, в прошлом веке накоплен такой разнообразный и противоречивый, позитивный и негативный опыт хозяйственного строительства, что практически самые противоположные варианты развития можно обнаружить в мировой практике и использовать для апробации в современной России. Важно только не зацикливаться на отдельных примерах, по нашей давней традиции — на западных образцах.

Следовательно, стремление создать сегодня абсолютно уникальную модель национальной экономики (к тому же и нерыночную), практически обречена на неудачу. Преодолевая многие из противоречий нынешней экономической системы, она становится непохожей на другие, а в силу этого не способной успешно взаимодействовать с мировым хозяйством. При этом надо учитывать, что выдвижение и реализация «глобального проекта» предполагают наличие огромного внутреннего потенциала, энергетики и мощи, которые способны перестроить мировое хозяйство на новых началах. Истощенность нынешнего российского общества, связанная с кровопролитными войнами и потрясениями в XX в., фактически исключает возможность выдвигать такого рода проекты. Просто же закрыться от мирового рынка и успешно развиваться — невозможно. Последовательное наращивание глобалистских тенденций в мировом хозяйстве усиливает сделанный вывод.

Означает ли это, что необходимо вообще отказаться от идеи создания собственной национальной модели экономики? Как представляется, потребность в ней не исчезает и на современном этапе, хотя и переводит ее реализацию в другую плоскость. Во-первых, до тех пор, пока существуют самобытные условия хозяйствования, а они определяются действием факторов (в частности, природных и цивилизационных), практически не устранимых в длительной исторической перспективе, воспроизводится объективная потребность в создании своей модели хозяйства. Но здесь надо учитывать, что искать свой вариант национального хозяйства следует не как альтернативу рыночной экономике, а в рамках множественности моделей рыночного хозяйства. Об этом говорит мировой опыт и собственная практика социалистического строительства в СССР. Во-вторых,

формирование своей модели хозяйства предполагает поиск эффективной комбинации исторически сложившихся (в большинстве случаев и используемых в других странах) форм собственности и хозяйствования, которая, с одной стороны, соответствует историческим традициям и всему комплексу условий хозяйствования, с другой — является конкурентной с точки зрения взаимодействия с мировым хозяйством.

С учетом такого подхода следует оценивать современные тенденции в экономике России. Фактически реализуемый на нынешнем этапе реформирования догоняющий сценарий развития с использованием хозяйственных форм стран-лидеров по принципу имитации нацеливает экономику России на воспроизведение исторически уходящего индустриального капитализма с переходом в дальнюю периферию современной мировой экономики. Развитие российского хозяйства по имитационному сценарию тем более малоэффективно, если принимать во внимание всю совокупность цивилизационных, географических, международных и других особенностей и ограничителей, которые не позволяют воспроизвести тип западной рыночной экономики, равный ей по эффективности. Последствия внедрения на просторах России западнокапиталистической рыночной модели хозяйства были бы таковы, что с неумолимостью действия закона экономической рациональности, как он действует при капитализме, превратили бы ее в поставщика сырья, добываемого, условно говоря, «вахтовым способом». Таким был бы наиболее вероятный исторический результат капитализации российской экономики в прошлом, если рассматривать сферу экономики как область проявления только рационального. Строить крупные перерабатывающие центры и просто города в нашей природно-климатической зоне с точки зрения экономической рациональности невыгодно, поскольку приходится нести огромные сопутствующие расходы по «обогреву» территории.

Все это с неизбежностью воспроизводит потребность в поиске своей собственной модели рыночной экономики, которая была бы способна максимально мобилизовать конкурентные преимущества российской экономики. На современном этапе именно этот конкурентный аспект должен привлекать повышенное внимание и влиять на выбор перспективной модели экономики постиндустриального типа. С этой точки зрения оценивая современные конкурентные возможности экономики

России, надо учитывать высокую энерго-, материало- и трудоемкость большинства видов производимой продукции, что завышает издержки производства и ухудшает конкурентные позиции российских товаров на мировых рынках по параметру цен. Такая высокая затратоемкость производства в России определяется множеством причин. К их числу следует отнести: влияние всей совокупности неблагоприятных факторов производства, сложившуюся утяжеленную структуру народного хозяйства, отставание в уровне производительности труда и т. д. Это означает, что в стратегии экономического развития должно быть особенно продуманным взаимодействие с мировым рынком и прежде всего степень открытости внутреннего рынка, равно как и экспортная ориентированность российской экономики. Поэтому перспективная цель должна быть связана с переориентацией на отрасли обрабатывающей промышленности и особенно наукоемкой продукции. В этом случае можно рассчитывать на то, что неизбежно более высокие затраты на ее производство получат признание на мировом рынке. Производство уникальной, высокотехнологической и качественной продукции при наших неблагоприятных условиях дает нам шанс компенсировать более высокие издержки по ее производству на мировом рынке. В свою очередь предпосылки для такого характера экономического развития у нас еще сохраняются, если иметь в виду созданные еще в СССР заделы в области науки и технологии, квалификации и образования. Именно они для современной России определяют самый главный экономический ресурс и конкурентное преимущество. В этих условиях сохранение и развитие образовательно-научного комплекса страны должно быть отнесено к числу важнейших народнохозяйственных приоритетов.

Соответственно должна строиться и селективная поддержка тех отраслей обрабатывающей промышленности, которые располагают наилучшими условиями для внедрения на мировой рынок. Такие отрасли, как авиационная и аэрокосмическая, приборостроение и судостроение, ВПК и некоторые отрасли сырьевого комплекса, располагают необходимыми технологическими заделами, высококвалифицированными кадрами и в состоянии работать на мировой рынок. Государство должно поддерживать и стимулировать их участие в международной конкуренции, но одновременно не забывать и о целесообразности развития внутриориентированного производства.

Наш рынок настолько емок и разнообразен, что вполне достаточен для освоения основной массой российских производителей. Конечно, в этом случае нет необходимости производить товары по всей огромной номенклатуре, как это было в экономике СССР. Однако при выборе профильных отраслей и производств не следует ограничиваться только одним критерием — сопоставлением по уровню издержек с другими странами. Так мы можем вообще лишиться всей обрабатывающей промышленности. Здесь должны использоваться более разнообразные критерии, связанные с обоснованием импортнозамещающей стратегии, поддержанием экономической безопасности, решением проблем занятости и т. д.

Сказанное означает, что исторический шанс для России, обеспечивающий не ее выпадение из мировых экономических процессов, а эффективное подключение к ним, связан с возвращением на путь *опережающего* развития, который на современном этапе связан с реализацией курса на формирование *постиндустриальной* модели экономики [7; 8]. Он предполагает опору на собственные ресурсы и силы, на исторический опыт, учитывающий своеобразие условий хозяйствования и исторические традиции, отработку механизмов защиты национальных интересов во взаимодействии с мировым хозяйством, решение задачи экономического развития с позиции не вчерашнего, а завтрашнего дня. Через соединение исторических традиций с будущими тенденциями мировой экономики можно вернуть своим самобытным свойствам способность превращения в конкурентные преимущества, а реформы перенацелить на достижение такого качества, которое формирует современный информационный облик мировой экономики.

Если попытаться концентрированно выразить проведенный анализ в виде будущей экономической модели, пригодной для России, то ее можно представить следующим образом: *«человеческий фактор»* (образование, культура, наука) + *национальные традиции* (коллективизм, социальное развитие) + *природные ресурсы, используемые в интересах национальной экономики* + *активно работающее государство* + *планово-рыночные методы хозяйствования* + *внутренне ориентированный тип развития производства* + *экспортная специализация на производстве уникальной продукции.* Продуманное сочетание этих институтов закладывает основу эффективной реализации наших исторически проверенных конкурентных преиму-

ществ, которые и должны быть заложены в основании будущей российской модели хозяйства.

Литература

1. *Воронцов В.П.* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
2. *Даниельсон Н.Ф.* Николай — онъ. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
3. *Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. мл.* Как Запад стал богатым. Новосибирск, 1995.
4. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Кн. 1. М., 2001.
6. *Кара-Мурза С.Г.* Столыпин — отец русской революции. М., 2002.
7. *Рязанов В.Т.* Постиндустриальная трансформация, ее социально-экономические модели и судьба экономики России в XXI веке // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. 2001. Вып. 2.
8. Постиндустриальный мир и Россия / Под ред. В.Г. Хороса, В.А. Красильщикова. М., 2001.

Н.В. СОМИН

Законы экономики с точки зрения христианской этики (Философия хозяйства. 2003. № 5)

Широко распространено мнение, что экономические законы объективны, что они являются законами природы, причем как природы, объемлющей человека, так и внутренней человеческой природы. Они фундаментальны, неизменны, и потому задачу экономической науки видят лишь в отыскании и формулировке этих законов. Таких позиций придерживаются как представители марксистского взгляда на экономику, так и экономисты либерального направления. Но верен ли такой взгляд? Мы попытаемся обосновать иную точку зрения. Ее суть в том, что экономические законы — порождение нравственности. Они определяются теми нравственными установками, которые приняты обществом в сфере хозяйственной деятельности.

Желая доказать объективность экономических законов, часто говорят о непреодолимом стремлении человечества к расширению производства. Это стремление, базирующееся на разделении труда, порождает рынок и вытекающие из него законы спроса и предложения. Адепты марксистской традиции видят в этом стремлении первопричину, определяющую харак-

тер общественного строя. Либеральные экономисты этот процесс рассматривают как стремление к некому «естественному» хозяйственному порядку, который определяется двумя постулатами: 1) каждый участник стремится максимизировать свою прибыль, и 2) он делает это «цивилизованно», не применяя внеэкономического принуждения. Именно эти постулаты берутся в качестве «правил игры» в экономике, и из них выводятся те экономические модели, которыми заполнены толстые тома современных «Экономиксов».

Но если вглядеться в эти постулаты более пристально, то станет ясно, что это никакие не «вечные истины» и не «естественное» состояние человечества, а некие конкретные моральные нормы, которым следует общество в хозяйственной деятельности. А значит, анализировать их надо с точки зрения известных моральных систем, в первую очередь — христианства.

В основе христианского мировоззрения лежит убеждение в падшести мира, в том числе человека. Однако, согласно православным воззрениям, никакого «естественного» уровня падшести нет. Естественна святость, а все что ниже ее — грех, падшесть, которая может иметь большую или меньшую степень. Но возможно, хотя и с огромным трудом, избавление от этой падшести, выдавливание ее по каплям, прежде всего из душ человеческих. Но укореняясь в душах, высокие моральные установки постепенно овладевают и обществом в целом. Иначе говоря, возможно существование обществ с разной моралью. И с этой точки зрения указанные две моральные предпосылки — стремление к большей прибыли и цивилизованность — далеко не идеал. Это довольно низкого качества моральные нормы общества «гомо-экономикус», людей, для которых главное — грести к себе. Но тут же скажем, что это — и не край распределения: отсюда по воображаемой моральной оси можно идти и вверх и вниз.

Сначала пойдем вниз. Отбросим второй постулат — «цивилизованность», не дающий людям окончательно превратиться в зверей, и заменим другим: «сильный всегда прав». В результате получится криминальное общество, где материальное благополучие завоевывается силой: вымогательством, рэкетом, заказными убийствами, агрессивными войнами. Однако ясно, что криминальный способ сам не может обеспечить эффективное производство. Он может только паразитировать на какомлибо другом способе — капитализме или социализме. Нужно

заметить, что постмодерн ясно показал свою криминальную, насильническую природу. Только плюс к этому в арсенале его технологий содержатся и другие средства — обман, манипулирование сознанием.

Но по моральной оси от «цивилизованной» экономики можно идти и вверх. Если при капитализме распределение происходит по капиталу, то при социализме — по труду. Другими словами, социализм вместо первого постулата о максимизации прибыли вводит иной. Мораль социализма — мораль трудовой справедливости: «от каждого — по способностям, каждому — по труду». И из этого принципа выводится вся модель социалистической экономики, включая и стоимость. Капитализм приравнивает труд и капитал. Там рабочая сила — товар, ее покупают наряду с сырьем и другими «факторами» производства. Поэтому и стоимость там является компромиссом между покупателем и производителем. При социализме капитал в формировании стоимости не участвует — ее определяет труд. Во всяком случае, так должно быть при социализме — о всех искажениях этого принципа при реальном социализме мы речь пока не ведем. «Получи столько, сколько ты наработал, и покупай по цене, определяемой вложенным трудом». Иначе говоря, именно там верна трудовая теория стоимости.

Здесь мы подошли к важному моменту: стоимость — вовсе не объективная, «натуральная» категория. Наоборот, она является функцей нравственности. И если подумать, то это вовсе не должно вызывать удивления. Если, как мы поняли, законы экономики являются следствиями принятых обществом моральных установок, то это верно и относительно стоимости как одного из этих законов. Более того, именно механизм вменения стоимости и является одним из каналов внедрения морали в хозяйственную деятельность. Повторимся: стоимость не существует «объективно», а «вменяется». Вменяется обществом (или небольшой его частью, контролирующей сферу экономики) в соответствии с его целями и приоритетами. При капитализме механизм выявления стоимости через рынок вполне адекватен обоим постулатам капитализма, так как дает «цивилизованно», не кнутом а пряником, реализовывать страсть к наживе. При социализме стоимость определяется трудом и только им. И с точки зрения христианской морали, всегда высоко ставившей труд, такой принцип «трудовой справедливости» нравственно выше эгоистического стремления к прибыли.

Таким образом, выдвигая трудовую теорию стоимости, классики политической экономии вовсе не ошибались. Однако они неверно очертили сферу компетенции этой теории. На стоимости как мере труда возможно построение хозяйственной системы. И такая система будет иметь достаточно высокий моральный статус. Но «естественным» образом из увеличения производства такая система не вытекает. Оценка хозяйственной деятельности трудом может господствовать, если присвоение «по капиталу» невозможно, т. е. когда капитал не находится в частных руках. Общественная собственность — вот необходимое условие адекватности трудовой теории стоимости. Классики же выводили эту теорию из реалий капитализма и рассматривали ее как универсальный, «объективный» закон, применимый ко всем хозяйственным моделям вообще. Но парадокс в том, что для капитализма, из анализа которого и возникла трудовая теория стоимости, эта теория оказывается неадекватной. И причина в нравственных предпочтениях: при капитализме ценится не труд, а личная прибыль. И в соответствии с этими приоритетами выстраивается вся система экономических оценок.

Итак, трудовой теории стоимости лучше присваивать предикат не «верно», а «хорошо». Но и это не идеал. Ведь у всех разные способности, разные возможности производить. Инвалиды, дети и старики вообще вне производства, но они должны получать свою долю продукта. В идеале больше всех должен получать не самый трудолюбивый, а самый нуждающийся. Но ведь по сути дела это и есть коммунизм — тот зыбкий мираж, к которому стремился советский проект. Однако ясно, что такое возможно, когда в обществе господствует не дух наживы, и даже не трудовая справедливость, а христианская любовь, когда общество становится семьей, где царит не желание урвать побольше, а стремление послужить ближнему. Тут работают не ради прибыли, и даже не ради хлеба насущного, а ради Бога и ближнего. Такое общество возможно лишь при высочайшем нравственном уровне его членов. Причем нужна именно христианская нравственность, когда на первый план выходят такие христианские добродетели, как жертвенная любовь к ближнему, терпение, смирение.

С этой точки зрения наш реальный советский социализм был противоречив. С одной стороны, произвол в ценообразовании, которое вовсе не старалось следовать трудовой теории

стоимости. А с другой — элементы коммунизма, о которых теперь тоскует население, вспоминая бесплатные квартиры, практически бесплатный транспорт, образование, путевки, обеспеченность содержательной работой и пр. Но гибель советского проекта надо связывать не с теоретическими ошибками экономистов. Дело в другом — в том, что создание общества более высокого типа невозможно без более высокой нравственности его членов. В противном случае неизбежны принуждение и демагогия. Но оказалось, что для воспитания нового человека недостаточно изменить общественные отношения и ликвидировать частную собственность — нужно подлинное изменение сознания. А это может сделать только церковь, которая не только имеет громадный опыт индивидуальной работы с душами, но и располагает для этого адекватными средствами. Но именно она-то и оказалась в атеистическом государстве не просто ненужной, но жестоко гонимой. Так что в конечном счете советский проект погубил его атеизм.

Итак, коммунизм немыслим без религии, без христианской веры. Но и само христианство недвусмысленно утверждает, что «экономика любви», включающая общность имущества и братские отношения между людьми, является общественным христианским идеалом. О нем ярко повествуют Деяния Апостольские (Деян. 2, 44 — 45; 4, 32 — 36), о нем учат святые отцы, в частности — святитель Иоанн Златоуст [1, 40 — 43], его в виде общежительных монастырей всегда старалась реализовать Церковь в своем земном пути. Иногда этот синтез получал название «христианский социализм», или «христианский коммунизм». Но не в названии дело, а в том, что общество, живущее по принципу: «от каждого по способностям, каждому — по нужде», — подлинный идеал, по отношению к которому можно ранжировать все остальные хозяйственные системы.

Отметим важный момент этого идеала — его аскетизм. Конечно, он не предполагает обязательное умерщвление плоти и полный отказ от материальных благ. Но примат духа над плотью (а именно таким должно быть соотношение между этими сферами человека) влечет определенное самоограничение потребностей, отказ от роскоши и излишеств. Однако принцип аскетизма вовсе не влечет за собой сворачивание производственно-хозяйственной сферы. Хозяйство в земной жизни человека останется всегда, ибо «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19). Но хозяйственная сфера призвана по воз-

можности облегчить этот удел, освободить человека от тирании добывания «хлеба насущного». Кроме того, существование более высокого общества всегда ставит перед ним задачу своей защиты от окружающего мира, в том числе и защиты военной. А для этого высокий хозяйственно-технологический уровень совершенно необходим.

Все сказанное приводит к выводу, что знаменитый закон соответствия производительных сил и производственных отношений неверен. Налицо достаточное количество исторических фактов, ему противоречащих. Так, наш советский социализм возник в стране далеко не с передовыми производительными силами, а погиб он как раз в условиях несравненно более развитых производительных сил. И наоборот, коммунизм возможен и в условиях слабого развития производительных сил. Яркий пример тому — государство иезуитов в Парагвае [2—4], где в течение полутораста лет цвело удивительное общество, где строгий коммунизм успешно сочетался с христианской верой. Поэтому думается, что более адекватным является другой закон — соответствия производственных отношений моральному уровню общества. А моральный уровень общества вовсе не обязан следовать развитию производительных сил.

Несколько слов о постмодерне. Конечно, за окном — время жестокое, которое скорее напоминает криминальную экономику, только на уровне международных отношений. Причем России в этой экономике предназначена роль крепостной крестьянки, которая должна три дня гнуть спину на барина, а три — на себя. Но сказать хочется о другом — о постмодерне в понимании экономических явлений. В классический период экономическая наука носила название политической экономии, где слово «политическая» фактически означало присутствие нравственных оценок. А они совершенно необходимы, ибо истина двусоставна: она говорит о том, «как есть» и «как должно быть». Совершенно необходим нравственный анализ и экономики постмодерна. Главный недостаток экономикса — как раз в отсутствии нравственной компоненты в осмыслении, а потому нынешнее засилие многочисленных экономиксов к добру не приведет. Они не несут никакого серьезного осмысления явлений, а скорее являются лишь научным прикрытием той безобразной экономики наживы, с которой все мы теперь воочию знакомы.

В заключение одно замечание. Нам менее всего хотелось бы получить упрек в утопизме. Упоминая о разном моральном качестве экономик тех или иных обществ, мы далеки от призывов скорейшим образом реализовать христианский социализм. Для этого современные люди морально не готовы (и — кто знает — может быть, уже и не будут готовы никогда). Речь идет о другом — об особом методе анализа экономических явлений, когда превалирующей становится нравственная точка зрения. Думается, что прогулки по моральной оси дадут очень много для понимания экономических явлений. Но нужно помнить, что для этого необходимо вооружиться наиболее авторитетной моральной системой. Несомненно, ею является христианское нравственное учение. И мы, наследники великой Святой Руси, имеем все возможности для осмысления экономических явлений с подлинно нравственных позиций.

Литература

1. *Сомин Н.В*. Святые отцы — о праве собственности. Ч. II. И имели все общее // Православная беседа. 1999. № 3.
2. *Святловский В.В.* Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Пг., 1924.
3. *Григулевич И.Р.* Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв. М., 1977.
4. *Фийор Я.М*. Утопия или земной рай? Первое в мире коммунистическое общество // Истина и жизнь. 2001. № 4.

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Постмодерн и экономическая онтология (Философия хозяйства. 2003. № 4)

Не человек, а группа людей — мера всех вещей, а известное известно немногим.

Цель настоящей статьи — обосновать ту мысль, что изучение ситуации постмодерна и его теоретического «изма» (экономический постмодернизм) — задача небесполезная для понимания экономической жизни общества. Вследствие новизны и неизученности проблемы речь большей частью будет идти об общетеоретических основах социоэкономического феномена постмодерна. Другой частью будет являться переход от необходимого и давно назревшего теоретического анализа в области экономических взаимодействий в контексте культурно-

исторической действительности к обоснованию новой методологии экономической науки.

Теоретическая «интрига» настоящей статьи связывается с попыткой, с одной стороны, приложить к экономической жизни общества и к процессам ее осмысления тот комплекс идей и вопросов, который сложился в ходе разработки концепции экономического пространства, а с другой стороны — в ходе размышлений по поводу экономического постмодерна придать этой концепции более классическое толкование, связанное с общим обновлением методологии экономической науки. Здесь, в осознании многоплановой частичной детерминированности и существенной недосказанности о человеке социогуманитарными науками — некий новый, хотя и многотрудный, виток демократического дискурса и институционализации.

Последние десятилетия, ознаменовавшиеся существенной культурно-исторической исчерпанностью, «усталостью» индустриальной системы общежития, столкнули мир с новыми, мучительно непривычными формами миропонимания и творчества, — формами, обозначаемыми самым общим и нестрогим понятием постмодерна. Уже сложилась основательная историография философско-культурологических идей постмодерна, что освобождает нас от обязанности последовательного изложения этого круга идей и дает возможность сосредоточиться на теме экономического постмодерна (хотя некоторые историографические экскурсы все же будут в дальнейшем необходимы).

Экономическая реальность XXI в., о которой пойдет речь, столь непривычна и для многих неожиданна, что требует особого теоретического подхода. Е.Р. Рашковский отмечает, что, «когда исследуются культурные характеристики постиндустриального мира, вне зависимости от того, о каком из ареалов идет речь, — неизбежно всплывает понятие постмодерна. Между понятиями постиндустриального общежития и постмодерна линейной связи нет. Связь, скорее всего, соотносительная: первое понятие относится, скорее всего, к описаниям нынешнего состояния социоэкономической сферы; второе понятие, вышедшее из лона художественного и гуманитарно-научного творчества, связано прежде всего с областью отношений культурных. Однако оба понятия являют собой попытку описания одного и того же человеческого контекста, взятого, правда, в разных, хотя и пересекающихся, ракурсах. К обоим понятиям приставка “пост-“ знаменует собой, как минимум, последние

три века. Эпохи, для которой характерно было безусловное преобладание системы индустриально-урбанистических отношений, развившихся в лоне буржуазной цивилизации Западной Европы и Северной Америки, отношений, перекрывающих традиционные барьеры локальных цивилизаций и во многом распространившихся на все остальное человечество» [1, 1]. Понятие «постмодерн» для экономической науки сравнительно ново. Для экономической теории вообще характерен консерватизм понятий. В ней происходит вольная или невольная догматизация понятий заведомо конвенциальных, вольная или невольная подмена теоретических концептов групповыми чаяниями и страстями. Однако все новые экономические явления и процессы, не укладывающиеся в рамки рационалистического модерна, так или иначе должны быть опознаны и, стало быть, названы.

Середина XX в. характеризуется кризисом позитивизма, кризисом, «который реализовался в значительной мере через преобразование оснований оснований истории, философии и социологии науки» [2, 128]. На наш взгляд, данное обстоятельство в той или иной степени характерно и для экономической науки. И это несмотря на то, что неоклассическая теория еще остается мэйнстримовской парадигмой. Однако распространение институциональных и эволюционных взглядов не просто привело к поиску синтеза неоклассики и институционалистского направления во всем его многообразии, но и поставило вопрос о смене объекта и предмета экономической науки. Само допущение такой возможности многим может показаться кощунственным, ибо основная масса исследований экономистов вполне вписывается в рамки науки Нового времени и дает определенное приращение знаний. В то же время тенденции организации экономических взаимодействий в обществе конца XX—начала XXI в. заставляют по-новому осмысливать такие казалось бы незыблемые сущности, как собственность, товар, стоимость и т. п.

Данное обстоятельство приводит к необходимости оценки развития экономической теории с онтологических позиций в рамках общего развития науки. И здесь нельзя пройти мимо постановки вопроса в редакции Ю.М. Осипова об экономическом постмодерне. Он отмечает, что экономика становится постмодерновой («П-экономика») [3, 4]. Время модерновой или классической экономики (трактуемой как всего лишь частный случай хозяйства, его особый способ) ушло в прошлое. Воз-

никшая в итоге победы экономической революции и бурного развития экономической цивилизации экономика (которую еще принято называть капиталистической, или капиталономикой) перешла в результате своего собственного развития в единстве с научно-техническим прогрессом в особое состояние. Это состояние позволило настолько развить финансовую составляющую экономики, что в рамках последней выделилась, заняв высшее надстроечное место, особая финансовая подсистема, представляющая собой некоторую часть мирового экономического хозяйства. Названная подсистема обладает собственными интересами и извлекает постоянный стоимостной и реальный доход в виде не одной лишь капитальной прибыли, но и прямого финансового обложения всего мирового хозяйственного пространства. Не прибыль на капитал теперь главное, а глобальная финансовая рента, которая гораздо выше обычной природной ренты и даже искусственно создаваемой интеллектуальной ренты [4]. «Стоимость уже не организатор реального хозяйственного процесса, что было характерно для эпохи Модерна, — стоимость теперь господствующая сила, способная к собственной ирреальной возобновленческой организации, контролирующей хозяйственную реальность и под себя ее созидающей. Не стоимость теперь от реальности, а реальность ныне от стоимости» [3, 5]. Другими словами, Экономический постмодерн обусловлен заменой экономики снизу на экономику сверху, когда имеет место не столько строительство экономического хозяйства снизу и на местах, сколько изъявление его сверху и на места. Более того, Ю.М. Осипов декларирует экономику Постмодерна как перевернутую экономику — финансомику [5, 37].

При всей нестандартности взглядов Ю.М. Осипова следует все же вначале определиться с общим содержанием такого явления, как постмодерн (постмодернизм). С этой целью приведем ряд соображений.

Во-первых, мир экономический, в особенности научный, привык к тому, что стоимость производится и перераспределяется, но меньше всего он учитывает тот факт, что стоимость вменяется, а потом и изымается, и это вменение вовсе не сводится к одной только оценке товара, а предполагает участие во всех параметрах и потоках стоимости, в частности, в инвестициях. Инвестирование сегодня — дело не столько конкретных хозяйствующих субъектов, сколько мировой финансовой сис-

темы, от поведения которой весьма зависит так называемый инвестиционный климат. Экономическая реальность становится все более субъективной. Ее сознательно конструируют через вменение поведения. И дело здесь не в одних только экономических параметрах-ориентирах, которые давно перестали быть в основе своей рыночными, ибо они сознательно устанавливаются, но и в манипулировании сознанием, которое тоже уже вполне производимый продукт[54].

Во-вторых, суть трудностей, с которыми сталкиваются сегодня ученые-экономисты, может быть рассмотрена с позиций защиты основных ценностей и логических принципов классической науки Нового времени. Так, Е.Н. Мамчур пишет, что «постмодернизм — это признание изначальной, не сводимой ни к какому единству плюралистичности мира» [6, 128]. Автор подчеркивает, что дело не просто в плюрализме как таковом, а в том, «что он в принципе не сводим к какому-либо единству. За разнообразием мнений, подходов или теорий не предполагается существование некоторых действительно верных подходов или теорий… можно сказать, что постмодернизм, принимая идею множественности миров, отказывается от идеи выделенного мира… Можно, по-видимому, говорить о существовании двух версий концепции возможных миров — сильной и слабой. Согласно сильной версии, существует множество миров и нет никакого особого выделенного мира. Слабая версия утверждает, что существует множество возможных миров, но при этом существует и некий выделенный (по тем или иным параметрам) мир. Опираясь на эти представления, можно отметить, что постмодернизм исповедует и проповедует сильную версию концепции возможных миров, в то время как модерн исходил из слабого тезиса» [6]. Е.А. Мамчур предполагает, что для научной рациональности принятие сильной версии означает неправомерность постановки очень важного вопроса: а как на самом деле? Каково истинное положение вещей? Для постмодернизма этот вопрос не имеет смысла. Сильная версия возможных миров, как утверждает автор, влечет за собой катастрофические последствия для научной рациональности, так как означает следующее: отказ от идеала объективности научного знания, от

[54] Новая экономика, рассматриваемая исследователями как экономика знаний, в данном контексте может быть рассматрена как экономика поведения.

реализма относительно теорий, отказ от идеи преемственности научного знания, утверждение тезиса о культурном и когнитивном релятивизме в науке.

Вдумываясь в воспроизведенные выше идеи, которые, на мой взгляд, достаточно четко выражают позицию многих сторонников (как отечественных, так и зарубежных) несовместимости постмодернизма и научной рациональности[55], хотелось бы отметить некоторые собственные соображения на этот счет. Прежде всего следует подчеркнуть, что никто никогда не отрицал и не отрицает существования множества мнений, точек зрения, позиций, научных и философских взглядов. Этот тезис, действительно, нет смысла выделять в особую позицию, он принимается всеми участниками дискуссии. Но если говорить об экономической науке, то проблемы начинают возникать тогда, когда ставится вопрос, что делать со всем этим многообразием. Классический научный рационализм признает необходимость и неизбежность победы (как результата дискуссий, споров) какой-то одной точки зрения, одной теории, одной парадигмы. Только в этом случае мы будем знать, «как же обстоят дела на самом деле». Мир, который изучает наука, один, и истина как соответствие знания миру — тоже одна, во всяком случае, на данный момент. По мере развития экономической науки знания становятся более точными, более адекватными миру искуственной среды, что позволяет обществознанию, как и естествознанию, все глубже постигать этот мир. Главное в том, что для успешного развития экономической науки необходимо преодоление плюрализма, который неизбежно присутствует в ее истории. Именно преодоление множественности, плюрализма является движущей силой развития научного знания.

В постмодернизме ход рассуждений прямо противоположный. Это принципиально другой, по сравнению с классическим, тип логики. Плюрализм здесь не подлежит преодолению, он сохраняется как таковой. Неверно было бы в этом случае предполагать, что в основе лежит один и тот же способ преодоления многообразия мира, только в одном случае процесс его

[55] Р. Инглегарт рассматривает постмодернизацию как отказ от научного рационализма на примере канонического менеджмента (см.: [7]).

приведения к единству доведен до некоторого логического конца, а в другом — остановлен где-то посередине [7].

В настоящей работе не ставится задача рассмотрения известной схемы развития исследований науки, которое привело к отрицанию основных принципов классической рациональности. Но подчеркнем, что речь идет о совершенно новом мышлении, которое вышло прежде всего из самой научной классической рациональности в результате ее внутренних трансформаций, что неоднократно отмечалось в публикациях и представителей естествознания, и представителей обществознания. Например, Гейзенберг писал, что квантовая механика выдвинула серьезные требования: «Пришлось вообще отказаться от объективного — в ньютоновском смысле — описания природы…» [8, 192]. Или в другом месте: «Если в наше время можно говорить о картине природы, складывающейся в точных науках, речь, по сути дела, идет уже не о картине природы, а о картине наших отношений к природе. Старое разделение мира на объективный ход событий в пространстве и времени, с одной стороны, и душу, в которой отражаются эти события, — с другой, иначе говоря, картезианское различение res cogitans и res extensa уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки» [8, 303—304]. Гейзенберг пишет о трудностях в переходе к новому мышлению: «Сами слова, применявшиеся при описании явлений атомарного уровня, оказывались… проблематичными. Можно было говорить о волнах или частицах, помня одновременно, что речь при этом идет вовсе не о дуалистическом, но о вполне едином описании явлений. Смысл старых слов в какой-то мере утратил четкость. Известно, что даже столь выдающиеся физики, как Эйнштейн, фон Лауэ, Шредингер, оказались не готовыми к этому или не способными изменить структуру своего мышления» [8, 192—193]. Таким образом, развитие самого естествознания, по мнению Гейзенберга, подводит к принципиально иному типу мышления в науке, такому мышлению, в котором пересматриваются столь важные для науки Нового времени понятия, как объективность, истинность, противостояние познающего субъекта и предмета познания.

Не менее трудным является и формирование нового мышления в обществознании, и, в частности, в экономической теории. До сих пор многие ученые продолжают к мэйнстриму относить неоклассику, несмотря на ее ограниченные возможности в описании и прогнозировании экономических явлений и

процессов современности. Вышеотмеченное позволяет сформулировать вопрос, действительно ли приложение идей плюрализма к науке неизбежно повлечет за собой катастрофические последствия для научной рациональности? Ведь рациональность классической науки уже реализована в истории, это — исторический факт, который отменить или разрушить невозможно. На научном отношении к миру построена целая цивилизация, и никакой плюрализм, никакая сильная версия не могут ее вычеркнуть из истории человечества. Кроме того, если речь идет о защите науки от плюрализма, то вроде бы и защита эта не нужна: плюрализм в том и заключается, что допускает сосуществование разных типов мышления, рациональности, науки. Агрессивность исходит скорее от классической науки, которая базируется на возможности только одной логики, на противостоянии научного исследования одному миру, на одной истине. Классическая наука не может допустить рядом с собой знания другого типа. Любой результат научного исследования любого предмета должен быть включен в научную рациональность классического типа, если же такое включение не получается, то значит, результат не является научным. Плюралистическая позиция в науке более гуманна, она не предполагает дискредитации или уничтожения нового знания. Классическая наука как нечто само собою разумеющееся продолжает существовать наряду с новым знанием. Вспомним Гейзенберга или Бора, они не отрицали ньютоновскую механику, для них она сохраняла значимость наряду с квантовой.

Приведенные выше соображения, следует это признать, не устраняют полностью тех причин, которые делают высказывания о разрушении научной рациональности заслуживающими серьезного внимания. Дело в том, что даже если плюрализм XX в., в силу своей собственной логической природы, и допускает существование классического научного рационализма наряду с неклассическим и постнеклассическим, такого рода существование накладывает на него определенный отпечаток, иначе расставляются некоторые акценты.

Проблема несоизмеримости научных теорий-парадигм возникла именно в XX в. и только после того, как научное знание было погружено в контекст социума и культуры. Научная парадигма, если пользоваться терминологией Т. Куна [9], логически связана не столько с предшествующим и следующим за ней во времени научным знанием, сколько с социально-

культурным контекстом, который изменяется и для каждой парадигмы конкретен, и логика тоже своя, отличная от логики другой парадигмы. Каким же образом установить между ними логическую связь? Прежними средствами классической рациональности этого сделать нельзя, так как новая теория не может включить в себя старую, подчинить ее своей логике, обе они должны сохранить свою историческую самостоятельность и значимость.

Именно поиск новых средств и активизирует постановку вопроса о роли экономического постмодерна в формировании методологических оснований экономической науки. При этом нелишне еще раз напомнить, что с онтологических позиций экономическая теория является частью обществознания, что предполагает применение методологического принципа детерриторизации в анализе организации социально-экономической жизни общества. Применение названного принципа делает продуктивным анализ экономического постмодерна в контексте достижений социологии. Такой подход позволит в дальнейшем соотнести восприятие нами единства глобализации и локализации экономических взаимодействий на основе уточнения таких исходных понятий научного исследования, как пространство, причинность, системность и т. п.

В 90-е гг. в западной теоретической социологии центральное место занял вопрос о том, что представляет собой современное общество: является ли оно этапом в развитии общего «проекта модерна» или выходит за его рамки? Для социологии, которая как с точки зрения своего генезиса, так и в метатеоретическом отношении олицетворяет собой «дитя модерна», это в конечном счете вопрос о ее адекватности и обоснованности.

Авторитетнейшие западные социологи выдвинули специально созданные в качестве альтернативы постмодернизму теории, которые описывают современную эпоху как этап, в котором все качества модерна находят свое полное воплощение и все тенденции получают максимальное развитие. Так, Ю. Хабермас (1986) [10] говорит о незавершенности модернистского проекта, его не исчерпанном для нашего времени потенциале; он подчеркивает, что человечество должно держаться за выработанные модернизмом ценности демократического устройства и прав человека, дабы не оказаться погребенными деструктивными явлениями. Э. Гидденс (1990) [11] называет новое общественное состояние «радикализированным модер-

ном», «поздней современностью»; он считает, что наше время есть эпоха универсализации и радикализации модерна и постмодерн не преодолевает, а продолжает модерн.

Еще одна — новейшая — тенденция интерпретации современного мира связана с расширительным толкованием модерна. Традиционно модерн связывался (и исчерпывался!) с либеральной демократией. Теперь либерализм пытаются представить как лишь одну из версий модерна, помимо которой существуют и другие — нелиберальные, незападные версии. Эта тенденция, воплотившаяся в концепции «множественных современностей», нашла свое яркое выражение в выступлениях участников Конгресса Международного института социологии «Множественные современности в эру глобализации» (Tel Aviv, Israel, July 11—15 1999. Multiple Modernities in an Era of Globalization).

Таким образом, в западной теоретической социологии существует мощная тенденция переформулировать дискурс модерна фактически за счет включения в него проблематики постмодернизма (см.: [12]). Однако сегодня дискурс модерна имеет совершенно иное содержание, чем то, которое он имел до создания постмодернистской теории.

- Прежде всего, пересматривается представление, что модерн — это идеал, к которому устремляется история и к которому следовало бы привести все человечество. Все чаще модерн воспринимается как то, что нужно превзойти во имя будущего, если мы хотим его иметь. Постмодернизм, по сути, — это самодиагноз модерного Запада и предостережение остальному миру, признание существования пределов модерна, за которые не стоит выходить.
- Модернизм как мировоззрение уже не выглядит некоей предельной, «абсолютной» истиной, в сравнении с которой все остальные типы мировоззрений неизбежно попадают в разряд «предрассудков», подлежащих скорейшему искоренению. Постмодернистская идея культурного релятивизма и радикального плюрализма оказывается в этом отношении чрезвычайно плодотворной.
- Может быть, самое главное, что выражает постмодернизм, — это общее умонастроение, несущее на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения. Эти идеалы больше не вдохновляют мир!

Главный вопрос, как представляется, заключается в том, являются ли постмодерн и постмодернизм как его культурное выражение действительно новыми социальными и культурными формами или же они представляют собой лишь некие переходные явления, а реальное «общество после модерна» и соответствующее ему мироощущение еще впереди, и их черты пока трудно уловимы.

С позиции экономической теории постмодерн есть осознание конечности заложенных в неоклассике возможностей. Экономический постмодерн — это переходное состояние. Оно больше характеризует не сущность явлений экономической жизни, а агоническую картину отмирания «рационального человека».

А. Дугин отмечает, что «рационализм иррационален в своей сути, его строгость соблюдается только в промежуточной методологической сфере. Все исходные предпосылки мышления, а равно как и окончательные выводы рационального процесса безумны и нерациональны. Иррационализм — мистика, религия, интуитивизм — напротив, оперируют с диалектическими, стохастическими синхронистскими методологиями (как в теории хаоса взмах крыльев бабочки в Аргентине влияет на котировки токийской биржи), а в целом картина довольно стройная. В постмодерне нет и не может быть философии. Но трения между рационалом и иррационалом сохраняются. Сегодня побеждает Капитал (= рационал), но это настолько диффузно, что мало рационального в нем просвечивает. Сегодня проигрывает иррационал, но по видимости его освободили от тех табу, которые наложил на него модерн. Это — видимость, тактический ход» [13, 289—290].

Эти различные тенденции общемирового распространения, влияния и взаимозависимости социальных явлений, а также эрозии и перекраивания границ предмета и методологии экономической науки не всеми приверженцами мэйнстрима воспринимаются. И в этом нет ничего удивительного, ведь более реалистический портрет всего мира еще только проявляется. Сошлемся лишь на один пример — понимание категории «рынок». Сегодня рынки — это не только реализация отношений обмена, но также и асимметричных отношений власти. Однако понимание экономического содержания власти как субъект-объектного отношения еще только вызревает. Пример — агрессия США в Ираке в 2003 г. Добавлю, что корпорации

(ТНК) можно анализировать и как сетевые институты, интернационализирующие рыночные функции, и как иерархические организации. Семьи можно рассматривать и как формы, где действуют отношения обмена (номоэкономика), и как формы отношений власти (социальные сети) [14].

Рынки и государство конфликтуют друг с другом, например, в случае с глобальными рынками, подрывающими государственный суверенитет, и одновременно сотрудничают различными способами.

Феномен экономического постмодерна обязан своему появлению целому комплексу причин. Во-первых, усилилась значимость синтеза интуиции со знанием. В.С. Степин отмечал, что у человека, занимающегося научной деятельностью, всегда есть интуитивные представления о том, что является научным и вненаучным [15, 74]. Эти представления во многом определяются принятой им системой идеалов и норм научности: идеалов и норм объяснения, описания, доказательности обоснования знаний, их построения и организации. Частично они фиксируются посредством методологических принципов науки[56], но в большей части демонстрируются на образцах знаний. Ученый, усваивая необходимые знания и методы в процессе своей профессиональной подготовки, одновременно усваивает образцы доказательств, обоснований, проверок, способов получения теории и фактов. В результате у него складывается интуиция.

В этом интуитивном понимании оказываются сплавленными несколько уровней смыслов. Первый — уровень смыслов, учитывающих специфику предмета той или иной дисциплины, особенности изучаемых ею объектов. Второй — уровень смыслов, выражающих общие черты науки соответствующей исторической эпохи. Третий — глубинный уровень смыслов, определяющий общее, что есть в науке разных дисциплин и разных эпох. Именно на этом уровне фиксируются характеристики, отличающие науку от других форм знания. Но чтобы выявить их, простой интуиции ученого недостаточно. В интуиции склеены все смысловые уровни идеалов и норм научности. А их следует различать, нужен особый методологический анализ, сопоставляющий разные этапы исторического развития науки и

[56] О возможности исследования такого методологического принципа, как фульгурация (дословно — вспышка молнии), реализующего интуитивность как процесса качественного накопления знаний см.: [16].

принципы регуляции научной деятельности в различных дисциплинах. Имея дело с процедурой доказательства, мы соглашаемся, что знание должно быть непротиворечиво. Мы допускаем, что научные представления могут быть уточнены и пересмотрены, но при этом понимаем, что имеется преемственность в развитии знания [16].

Пересматривая свои представления о мире, наука не отбрасывает прежних фундаментальных теорий, а лишь определяет границы их применимости. Даже обнаружив, казалось бы, целиком неверные представления в прежней картине мира, она выявляет в ней рациональные элементы, обеспечивающие рост эмпирического и теоретического знания. Например, пересматривая представления о неделимости атома, наука сохранила саму идею атомистики. Более того, выяснилось, что в диапазоне энергий, с которыми имела дело механика и ее экспериментальный базис, было невозможно обнаружить сложность и делимость атома. Неделимый атом был идеализацией, теоретическим конструктором, который имел границы применимости, но в этих границах обеспечивал исследование механических процессов.

Все эти принципы научного исследования выступают своеобразной конкретизацией двух фундаментальных характеристик науки — установки на получение предметного и объективного знания и установки на непрерывное приращение этого знания. Наука может сделать предметом исследования любые объекты и процессы действительности — природные, социальные, состояния человеческого сознания. Но к чему бы ни прикоснулась наука — все для нее объект, функционирующий и развивающийся по естественным законам.

Во-вторых, комплекс причин, связанный с особенностями постиндустриального мира. В статье Дж. Холтона [17, 58] со ссылками на исследования американских социологов подчеркивалось, что постиндустриальный образ жизни отличается от эпохи классического модерна, т. е. XIX — первая половина XX в. Тогда сформировался особый идеал деятельности, который требовал особых людей, способных следовать твердому распорядку, соблюдать абстрактные правила и нормы, принимать решения на базе объективных данных и рационального анализа, подчиняться авторитету, который узаконен не сакрально, а только за счет профессиональных достижений. Таким был тип поведения. Его описывал еще М. Вебер [18]. И он

характеризовал его как образ «железной клетки», которая ограничивает своеволие человека. Ныне этот «образ клетки» во многом изменен и размыт.

Э. Гелнер, известный немецкий исследователь, применил другой образ. Согласно его воззрениям, на место «железной клетки» приходит «резиновая клетка», т. е. мягкие формы регуляции. Гелнер отмечал, что образ «резиновой клетки» подходит больше к современному обществу, в котором рациональная мысль и воплощающие ее виды деятельности все более сжимаются, так как доля населения, которая занимается этими видами деятельности, становится все меньше. Все большей становится доля населения, которая предпочитает легкие занятия. Это те, которых на Западе называют «людьми потребительского общества». Они ориентированы не столько на профессиональную деятельность и достижение успеха, сколько на развлечения, личные формы досуга, и не хотят подчиняться жестким правилам. И когда эти люди вынуждены таким правилам следовать, жизнь для них уже далека от идеала. Особенно это касается современной молодежи.

Философия постмодернизма пытается представить этот образ жизни нормативом будущего. В потребительском обществе деньги можно заработать довольно легко, занимаясь любой деятельностью. И можно получить больше денег, не занимаясь наукой, которая требует колоссального самоограничения. Люди, занимающиеся наукой, выпадают из сферы развлечений, поэтому наука не считается ныне привлекательной.

В-третьих, экономическая наука сейчас такова, что процессы дифференциации явно опережают процессы интеграции. Она разделена на области, которые плохо стыкуются между собой. Достаточно обратиться к паспортам экономических специальностей, утвержденных ВАК России. И здесь особенно значимым является рассмотрение многомерного экономического пространства в качестве объекта, так как такой подход является условием интеграционных процессов в экономической науке. Многомерное экономическое пространство структурируется как сотово-сетевое [19]. И тогда экономические взаимодействия осуществляются с учетом того, что кооперативные эффекты и небольшие воздействия в точках бифуркации способны порождать новые уровни организации в системе, тогда как увеличение простого силового давления на систему может приводить к тому, что она будет редуцироваться к одним и тем

же структурам, не порождая нового. Эти стратегии напоминают принцип «у-вэй» (минимального воздействия), который был своеобразным идеалом деятельности в древнекитайской культуре.

Процесс расширения поля мировоззренческих аппликаций современной экономической науки превращает ее в один из важных факторов современного диалога культур [19].

За последнюю четверть минувшего столетия сдвиг в направлении развития стал столь отчетливым, что вместо дальнейшего использования термина «модернизация» начали говорить о «постмодернизации». Один из лидеров современной социологии, директор исследовательских программ в университете штата Мичиган, уже ранее нами цитировавшийся в настоящей работе, профессор Рональд Инглегарт указывает на следующие характерные признаки этого социокультурного процесса: «Постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где самостоятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется больший простор» [7, 269]. Современное содержание термина «постмодернизм» настолько перегружено многочисленными значениями, что ему грозит опасность означать все, а возможно, и ничего не означать, ибо, как однажды заметил выдающийся французский математик и философ-просветитель Жан Д'Аламбер, «часто неясность происходит столько же от многословия, сколько и от излишней краткости» [20, 83].

Термины «постмодерн» и «постмодернизм» изначально возникли в теории изобразительного искусства и архитектуры. В архитектуре «постмодернизм» означает стиль, отличающийся от стандартной функциональной архитектуры времен модернизма. Архитектура постмодерна вернула себе человеческое измерение, поскольку, хотя первая стеклянная коробка и произвела впечатление, вся новизна ее пропала с появлением сотого аналогичного шедевра. «Хотел бы отметить, — говорит Жан Лиотар, — что цитирование в “новой” архитектуре элементов, заимствованных из предшествующих архитектурных стилей, обусловлено процедурой. Аналогичной использованию в работе сновидений — следов дневных впечатлений, восходящих к пережитому...» [21, 57]. Концепция постмодернизации связана

не только с культурными традициями, но и с тем, что общество на стадии постмодернизации старается акцентировать внимание на эстетических и нравственных моментах, вводя элементы прошлого в контекст современности.

Экономический постмодерн характеризуется раскрепощающимся потенциалом при отказе от жесткого дисциплинарного (системного) порядка как неадекватного акцепта на экономическую эффективность, бюрократическую структуризацию и парный рационализм в условиях роста скорости изменения плотности экономических отношений. Результатом является сетевизация экономических взаимодействий и в организации производственных процессов, и в организации управления последними.

Рассматривая с позиции постмодерна любые социально-экономические системы, как коллапсирующие и «взрывающиеся вовнутрь» Бодрийяр [22], Гидденс [11], Тоффлер [23], Кастельс [24, 292—308, 492—505] и др. формируют концептуальное представление о том, что главным открытием XX в. следует считать невозможность «подчинения сложных систем, подобных современным экономикам, кибернетическому контролю» из-за отсутствия детальной и постоянной сигнализации «снизу вверх» (bottom up), что из-за взрывного характера отношений превращает конкретную предметную область в свободную «черную дыру», а в условиях симулякров — в виртуальную ловушку (вспомним «институциональные ловушки» В.М. Полтеровича [25]).

Отмеченное позволяет сформулировать методологический принцип системно-сетевого прочтения времени и пространства, имманентных экономическому постмодерну. По Ю. Носову и В. Репину, символом перемен становится своеобразный симбиоз экономического субъекта (например, менеджер) с информационными сетевыми организациями. Возникает экономическое поведение субъектов в «тисках виртуальной реальности в форме сетей».

Восприятие экономического пространства позволяет научиться жить одновременно на разных уровнях реальности. В современной реальной действительности истина и подлинное знание выражены не столь четко, чтобы можно было безоглядно верить в их непогрешимость, поэтому целесообразнее развивать более гибкий и новый подход к жизни. Накопленные человечеством экономические знания не слишком способствуют,

вопреки ожиданиям, принятию разумных решений, затрагивающих судьбу будущих поколений[57]. Столь же мало дают они душевного благополучия нынешнему поколению, постепенно теряющему веру в прогресс [26; 27]. Технический прогресс, обеспечив комфорт в материальной жизни, породил массовую культуру и духовную пассивность, он обезличил человека и отнял у него свободу. «К счастью, — констатирует доктор философских наук В.А. Кутырев, — мировая динамика не исчерпывается единственной, пусть модной и прогрессивной, линией развития». Не тождественна ей и эпоха постмодернизма, как все чаще знаково определяют наше время, поскольку реальное время и бытие многоплановы и многослойны: в них одновременно реализуются, сосуществуют и борются различные социокультурные тенденции мирового развития.

Наука и новейшие средства коммуникации, выступая как мощнейший фактор интеграции, в то же время снижают глубину общения между культурами, поскольку при массовом тиражировании культурных ценностей происходит бессознательное привыкание к ним, а привычное эмоционально редко переживается. Поэтому наука, реализованная в информационных технологиях, может косвенно разрушать уникальное эмоциональное переживание[58]. Парадокс проблемы состоит в том, что человек настолько сжился с индустриальной цивилизацией развитой науки и техники, что уже не может обойтись без нее. Рост знаний в математических и естественных науках становится столь бурным, что библиотеки не успевают собирать специальную периодическую литературу, хотя уровень жизни человека явно не соответствует этой динамике. Поэтому становится ясно, что научно-техническое знание не является единственной жизненно необходимой формой знания.

Классическое высказывание по поводу творений человеческого разума можно найти в «Мыслях» знаменитого математика и философа Блеза Паскаля: «Истина — слишком тонкая материя, а наши инструменты слишком тупы, чтобы ими можно было прикоснуться к истине, не повредив ее». С большой иронией к «вечным истинам» относился и Герман Вейль. Поэтому

---

[57] Академик Н.Н. Моисеев неоднократно подчеркивал данное обстоятельство в своих работах (см.: [26—28]).

[58] Данное обстоятельство есть объективное условие ограничения применения так называемых дистанционных технологий в образовании.

в наше время не каждый осмелится говорить даже об «истинной математике» как едином своде правильных знаний. Изменяются классические линии демаркации между различными сферами науки, происходит их взаимопроникновение, что приводит к возникновению новых территорий научного познания.

Плюрализм экономического постмодерна при анализе экономического пространства выражается не в равноправном существовании классики, неоклассики, постмодерна (новый тип мышления формирует на свой манер историю и современность, себя рассматривая как всеобщую форму логики на данном этапе), а в равноправии возможностей реализации тех или иных логических оснований в различных сегментах и уровнях пространства. Разве можно утверждать, что экономика физических лиц и экономика транснациональных компаний функционируют одинаково? Или, что экономика стран, вступивших на путь индустриального развития, аналогична экономике стран постиндустриальных характеристик?

Очевидно, что позиции мэйнстрима в экономической теории кажутся нам ясными и понятными только благодаря их включенности в определенную систему представлений. Один из самых серьезных критиков позитивизма А. Койре еще в 1968 г. отмечал, что ученые не столько «открывают» законы, сколько разрабатывают те представления, которые делают открытия возможными. Другими словами, ученые должны изменять и переделывать человеческий интеллект, снабжая его новыми понятиями, новыми подходами к бытию. Только тогда разные типы научного знания приобретают одинаковую историческую значимость, и у следующей во времени научной парадигмы нет преимуществ перед предыдущей. В отмеченном контексте экономический постмодерн выступает как этап общения диалогического характера, причем участники диалога равноправны.

Однако при этом меняется представление об объективности, истинности, времени, причинности. Причинность понимается прежде всего как самодетерминация, а не причинное воздействие извне. А это означает, что при организации экономической жизни общества процесс управления взаимодействиями субъектов осуществляется не через прямое воздействие одних субъектов на других, а через изменение состояний экономического пространства. Существенно трансформируется и понятие социальности экономических взаимодействий. Оно уже понимается не как воздействие внешних факторов, а как контекст

культуры, как совокупность социальных отношений. Управление осуществляется не только посредством институтов (вспомним еще раз «институциональные ловушки» В.М. Полтеровича), но и посредством социальных сетей.

Для объемно-пространственного подхода небезынтересна идентификация продуктов, производимых субъектами производства, рынка, управления. Мы давно уже привыкли к тому, что в производстве производится стоимость в форме товаров и услуг. Но гораздо реже говорим о цене как продукте рынка. И уже реже о политэкономических процессах как продукте управления. В литературе отмечается, что характер взаимосвязи цены и стоимости зависит от большого числа факторов, но прежде всего от уровня развития производительной силы и типа функционирующей экономической системы. При этом в проекции монополизированной экономики цена со стоимостью способны меняться в причинно-следственном ракурсе местами[59]. (Пример реализации закона отрицания отрицания в экономике.)

В терминологии концепции экономического пространства для рынка (с точки зрения цены как его продукта) в любой транскрипции совершенной или несовершенной конкуренции критически важным является пространство производства, распределения, обмена и потребления. Но если пространство рынка свободной конкуренции формируется государством, прежде всего неэкономическим инструментарием, то пространство рынка несовершенной конкуренции формируется преимущественно с использованием экономического инструментария, косвенно опосредованного, с использованием всего комплекса сопряженных опосредованных блоков отношений (право, политика, социология, психология, идеология, религия, этнический аспект и т. д.). Дж. Сорос отмечает в методологическом плане, что «экономическая теория сумела создать искусственный мир, в котором предпочтения участников и возможности, перед участниками возникающие, не зависят друг от друга, а цены стремятся к равновесию, которое и балансирует эти две силы. Но на финансовых рынках — это не просто пассивное отражение независимых данных спроса и предложения: они также играют роль в формировании этих предпочтений и возможностей». Це-

[59] Более подробно проблема рассмотрена в работах: [34, 178—186; 35, 183—186].

ны вместо того, чтобы стремиться к равновесию, продолжают колебаться в соответствии с ожиданиями покупателей и продавцов. Тем не менее концепция равновесия по-прежнему жива, так как без нее экономическая теория (мэйнстримовская) не может объяснить процесса определения цены.

В рассматриваемом контексте нельзя не отметить актуализацию попыток исследователей «узаконить» понятие экономической среды. Экономическая среда может быть рассмотрена как совокупность отношений и факторов, влияющих на экономические взаимодействия, являясь одновременно составляющей экономического пространства. Данное утверждение базируется на необходимости учета двух типов управления — непосредственное управление процессами и субъектами экономических взаимодействий, и опосредованное управление через изменение характеристик экономической среды.

Известная управленческая (регулирующая) слабость российского государства, особенно современного, объясняется как раз, очевидно, тем, что второй, наиболее эффективный способ управления (регулирования) практически не используется. Но если мы сами не формируем отечественную экономическую среду мотивации и функционирования субъектов, хотя бы в пространстве внутреннего рынка, то этим неизбежно занимаются наши реальные и потенциальные конкуренты, что, собственно, и происходит сегодня в России.

Отсюда мы имеем пока еще сохраняющуюся теоретически возможность у государства — относительно эффективно регулировать политэкономические процессы в стране, экономическую среду, включая внутренний рынок, и полное фиаско на практике. Есть закон о свободе внешней торговли, но нет закона о защите и оптимизации внутреннего рынка. Есть законодательство о приватизации, но нет законодательства о национализации. Есть законодательство о либерализации ценообразования, но нет внятного законодательства о его регулировании. Хотя и убогое, но есть представление о монополии и конкуренции, но нет его воплощения на практике. Мы уже не говорим о теснейшей взаимосвязи рассмотренных пар отношений и о том, что их перечню может быть посвящена специальная работа. Рассмотренные же в системных координатах, включающих средовые блоки отношений, они могут и неизбежно будут предметом сотен, если не тысяч специальных исследований. Реальность рождает проблему, проблема рождает мысль. А по

меткому замечанию Вернадского, нет ничего в мире сильнее свободной, ничем не ограниченной мысли. Таким образом, развитие современной экономической теории в методологическом измерении видимо «обречено» на гармонизацию причинно-следственной и функциональной методологии.

Литература

1. *Рашковский Е.Б.* Постмодерн: культурная революция или культурная контрэволюция? // Христианство в истории. 2000. № 11.
2. *Маркова Л.А.* Одна наука — один мир? // Науковедение. 2000. № 1.
3. *Осипов Ю.М.* Экономический Постмодерн (тезисы) // Философия хозяйства. 2003. №3.
4. *Цвылев Р.* Труд и его оплата в высокотехнологическом производстве (К вопросу об интеллектуальной ренте) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 12.
5. *Осипов Ю.М.* Экономика в лучах философии хозяйства // Философия хозяйства. 2003. № 2.
6. *Мамчур Е.А.* Применима ли концепция возможных миров к миру научного познания? // Науковедение. 1999. № 2.
7. *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
8. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М., 1987.
9. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2001.
10. *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
11. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
12. *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003.
13. *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
14. *Чекмарев В.В.* К теории экономического пространства // Проблемы новой политической экономии. 1999. № 3.
15. *Степин В.С.* Наука и лженаука // Науковедение. 2000. № 1.
16. *Чекмарев В.В., Дружинин Ю.В.* Иеремиада, или гносеологические пролегомены политической экономии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 1998. № 18 (спецвыпуск).
17. *Холтон Дж.* Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2.
18. *Вебер М.* Избранные работы. М., 1990.

19. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство и его сотово-сетевая организация. Кострома, 2002.
20. *Д'Аламбер Ж.* Динамика. М.; Л., 1950.
21. *Лиотар Ж.-Ф.* Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1.
22. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции // Философия постмодерна. Минск, 1996.
23. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.
24. *Кастельс М.* Могущество самобытности. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
25. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки // Экономика и математические методы. 1999. № 2.
26. *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001.
27. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.
28. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть человечеству? М., 1999.
29. Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М., 2001.

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Постмодерн экономического пространства (Философия хозяйства. 2003. № 6)

С позиций постмодернистского мировоззрения становится более ясным, что предмет общей экономической теории не может быть сужен до исторических и территориально-пространственных границ экономик различных стран в силу возникновения новых технологических и идеологических оснований и представлений о возможностях существования человечества в гармонии со средой обитания. Наличие даже в отдельно взятой стране различных способов производства — объективная реальность. Следовательно, требуется выделить то общее для всех субъектов экономической деятельности, что превращает единичное, случайное в общее. Таковым, на мой взгляд, является экономическое пространство.

Специфика континентальной цивилизации в отношении перспектив ее социально-экономического и в целом исторического развития состоит в том, что хозяйственное освоение различных регионов суши как геоэкономических ландшафтов тем

более трудоемко, чем «континентальнее» соответствующее пространство. Освоение человеком глубин континента связано с гигантскими историческими и трудовыми издержками, поскольку требует непрерывных направлений трудовых инвестиций многих поколений. Надежда на рост научно-технического прогресса, якобы позволяющего надеяться на ускорение развития сложных регионов (например, Севера или глубинных районов Центральной Африки), до сих пор никакими конструктивными результатами себя не оправдывает. Напротив, внедрение современной техники в «медвежьи углы» приводит подчас к разрушению традиционных норм хозяйствования и в итоге к прогрессирующей депопуляции этих территорий (за счет излишней нагрузки на индустриально-урбанистические районы).

Континентальная цивилизация представляет собой как бы мозаику различных геоэкономических ландшафтов, в каждом из которых господствуют специфический тип хозяйствования и исторически связанные с ним формы перераспределения ВВП. К примеру, там, где эксплуатация ландшафта весьма трудоемка и требуется долгосрочная мобилизация усилий многих поколений, экономической индивидуальности и соответственно частной собственности практически не существует. Правосознание населения этих регионов определяется нормами архаичного родового права, тесно увязанного со спецификой геоэкономического ландшафта и возможностями коллективной организации его долголетней — теоретически бесконечной! — эксплуатации. В таких условиях накопление прибавочного продукта происходит исключительно медленно, что, в свою очередь, препятствует развитию института имущественного неравенства, а социальная элита здесь не столько владеет, сколько распоряжается (согласно нормам древнего обычного права) коллективной родовой собственностью.

Ландшафты менее «континентальные», напротив, экономически развиваются более интенсивно, ибо здесь меньше затрат на их освоение и соответственно больше возможностей для накопления и обмена прибавочного продукта. Развитие континентальной торговли как товарообмена между отдельными гео-экономическими ландшафтами ведет к *освоению транзитных пространств, которые, в свою очередь, образуют структурно новую форму экономического пространства вторичного порядка.*

Обслуживание транзитивных пространств требует новой формы социально-хозяйственной организации населения соответствующих ландшафтов, что влечет за собой появление консолидирующих политических институтов, обеспечивающих своеобразный трансрегиональный экоценоз (по аналогии с биоценозом как процессом саморегулирования живых видов в природе) — т. е. условий устойчивой эксплуатации относительно единой ресурсно-экономической среды. Вместе с этим появляются новые формы собственности (например, семейной) — более «либерализованные», ибо они уже не связаны напрямую со специфическими долгосрочными интересами конкретного кормящего ландшафта (по Гумилеву) и не требуют жесткого и перманентного соподчинения трудовых ресурсов фундаментальным целям выживания всего ландшафтного коллектива (например, племени) как такового.

Источником существования нового «транзитного» общества становится управление товаропотоками, идущими через осваиваемую им геополитическую территорию как геоэкономическое пространство, в которое внесен принцип политического управления. В этом смысле высказывание Маркса о том, что «политика есть концентрированная экономика», совершенно корректно. Первые известные на земле государственные образования возникают именно вдоль путей межрегионального ресурсного и товарного обмена. А вместе с ними появляются и первые законодательные (письменные) кодексы континентальной правовой традиции, фиксирующие зарождение института политического управления ресурсами разрозненных геоэкономических ландшафтов и консолидации последних в рамках единой имперской (т. е. политической) ойкумены.

«Ландшафтное производство» в дальнейшем и привело к формированию содержания понятия экономического пространства как плоскостного двумерного пространства. В российской литературе даже появился термин «региональная экономика». Проблемы организации территориальных экономических взаимодействий стали предметом анализа многочисленных исследователей. Однако следует отметить особый вклад в решение вопросов данной проблематики академика А. Гранберга [1].

Экономическое пространство в широком смысле — это множество ресурсов, продуктов (товаров и услуг) и технологий. В узком смысле границы экономического пространства совпа-

дают с технологическими границами. Товар или услуга, покидая границы технологических участков, покидают тем самым границы узко понятого экономического пространства. Вне последнего они являются объектом воздействия внеэкономических факторов. Но в силу того, что товар или услуга являются сами носителями экономического пространства, они как бы тащат за собой это пространство за его пределы, расширяя тем самым понятие экономического пространства. Полезно различать закрытое и открытое, узкое и широкое, внутри- и внеэкономическое пространства. «Черный ящик» очерчивает границы внутреннего (при взгляде извне) экономического пространства, но он также очерчивает и границы внешнего (при взгляде изнутри) экономического пространства. Если предположить, что товар или услуга не выходят за рамки «черного ящика» экономики, то расширительная трактовка экономического пространства совпадает с его узким определением. Если обратиться к экономической теории, то экономическое пространство в узком смысле является пространством неоклассической теории. Такие процессы, как рыночный обмен, в неоклассической теории происходят фактически в отсутствующем пространстве: рынок является абстракцией, отсюда не удивительно, что и трансакционные издержки рыночного взаимодействия отсутствуют; это — мир с нулевыми трансакционными издержками и с нулевым расширением экономического пространства.

Институциональное поле в широком смысле — это множество всевозможных взаимодействий между участниками трансакций. В узком смысле институциональное поле выступает скорее как поле социальное, как поле, внешнее по отношению к экономическому пространству, понятому в узком смысле. Товар или услуга, покидая границы экономического пространства, автоматически попадают в поле действия институциональных сил. В более широкой трактовке институциональное поле пронизывает также внутриэкономическое пространство. Экономическая теория касалась институционального поля лишь фрагментарно, как поля развертывания производственных отношений. Поэтому не удивительно, что основные результаты в институциональной теории были достигнуты скорее социологами, нежели экономистами.

Осознание факта пересечения экономического пространства в расширительной трактовке с институциональным полем

привело к появлению теории трансакционных издержек, первоначально понятых как издержки рыночного обмена. Расширение институционального поля вовнутрь внутреннего экономического пространства привело к расширительной трактовке трансакционных издержек как издержек взаимодействия вообще, включая внутрифирменные.

Связующим звеном, перекрестком, местом встречи экономического пространства с институциональным полем является трансакция. Современная институциональная экономическая теория — это теория, действие которой развертывается на пересечении экономического пространства с институциональным полем.

Пространственный подход в рамках определения экономического пространства как многомерного получил свое развитие и в рамках исследования экономической сущности производства. Г.Б. Клейнер в своих исследованиях использует понятия «внутреннее пространство предприятия» (с его иерархической многослойной структурой, не совпадающей с соответствующей функциональной структурой, предлагаемой любым из известных вариантов теории фирм), «внутрифирменное пространство», «институциональное пространство» (образованное потенциальными и реальными институтами, функционирующими на предприятии). Он отмечает, что «институциональное пространство предприятий имеет довольно насыщенную структуру, в которой действуют как специфические для данного предприятия институты, так и проекции общестрановых, территориальных и отраслевых институтов» [2, 26].

Рассматривая принципы возможной «прототеории» предприятия, Г.Б. Клейнер, выделяя принцип «многомерности» предприятия, формулирует мысль о том, что предприятие является объектом, одновременно функционирующим в «технологическом, предметном (товарном), функциональном, юридическом, институциональном и географическом пространствах, причем его деятельность в каждом из этих пространств, хотя и является существенной для положения в остальных пространствах, все же, как правило, не определяется однозначно деятельностью в других пространствах» [2, 33].

Многомерный пространственный подход становится достоянием все большего количества исследователей. В качестве иллюстрации приведем схему решения задачи поиска законо-

мерностей в экономических взаимодействиях на основе пространственного подхода, предложенную В. Кутьиным [3]. В основу создания схемы было положено применение нейронных сетей как метод анализа с использованием самоорганизующихся карт Кохонена (метод, позволяющий автоматизировать действия по поиску закономерностей). Решение задачи предполагает на основании анализа параметров объектов выделенные схожих объектов и представление результата в форме, удобной для восприятия.

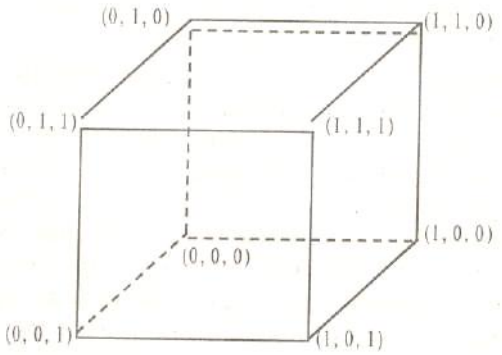


Рис. 1. Расположение объектов в трехмерном пространстве

Воспользуемся предложенным методом для иллюстрации описываемых процессов и в целях упрощения рассмотрения будем считать, что объекты имеют три признака (на самом деле их может быть любое количество). Предположим, что все эти три параметра объектов представляют собой их координаты в трехмерном пространстве[60]. Например, для региона — субъекта Российской Федерации страны это могут быть следующие показатели: индекс промышленного производства, индекс потребительских цен на товары и услуги, инвестиции в основной капитал. Тогда каждый объект можно представить в виде точки в этом пространстве (чтобы не было проблем с различным масштабом по осям, пронормируем все эти признаки в интер-

[60] Методика нисходящего проектирования, реализующая задачу организационного проектирования сетевых предприятий в трехмерном пространстве критериев, предложена В.Б. Тарасовым [4, 301—304].

вал [0,1] любым подходящим способом). В результате проведенной нормировки все точки попадут в куб единичного размера. Отобразим эти точки (рис. 1).

Анализ полученного рисунка позволяет увидеть, как расположены объекты в пространстве, причем легко заметить участки, где объекты группируются (сгущения). Распределение объектов таким образом означает, что у них схожи параметры, значит, и сами эти объекты принадлежат одной группе. Очевидно, что так легко можно поступить только в случае, когда признаков немного, поскольку человеческий разум не способен представить изображение четырехмерного пространства. Следовательно, необходимо найти способ, которым можно преобразовать данную систему в простую для восприятия, желательно двухмерную систему (потому что уже трехмерную картинку невозможно корректно отобразить на плоскости), так, чтобы соседние в изучаемом пространстве объекты оказались рядом и на полученной картинке. Для этого используем самоорганизующуюся карту Кохонена. В первом приближении ее можно представить в виде гибкой сети (рис. 2) [5].

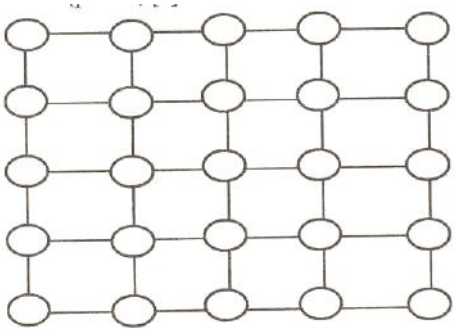


Рис. 2. Карта Кохонена

Эластичную сеть карты исследователь помещает в пространство признаков, где уже имеются объекты, которые необходимо проанализировать. Далее система работает следующим образом: берется один объект (тачка в исследуемом пространстве) и выявляется ближайший к нему узел сети. После этого узел подтягивается к объекту (если сетка эластична, то вместе с этим узлом так же, но с меньшей силой, подтягиваются и соседние узлы). Затем выбирается другой объект (точка), и про-

цедура повторяется. В результате строится карта, расположение узлов которой совпадает с расположением основных скоплений объектов в исходном пространстве. Кроме того, полученная карта обладает следующим замечательным свойством — узлы ее расположились таким образом, что похожим объектам соответствуют соседние узлы карты (рис. 3).

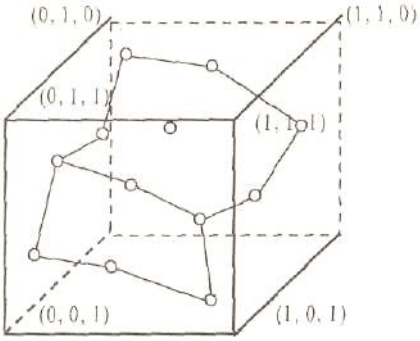


Рис. 3. Вид пространства после наложения карты

Теперь следует определить, в какие узлы карты попали те или иные объекты. Это также определяется ближайшим узлом — объект попадает в тот узел, который находится ближе к нему. В результате всех этих операций объекты со схожими параметрами попадут в один узел или в соседние узлы. Таким образом, можно считать, что благодаря системе самоорганизующихся карт Кохонена[61] исследователь решает задачу поиска

[61] Самоорганизующиеся карты Кохонена обладают и другими возможностями. Они позволяют также представить полученную информацию в простой и наглядной форме путем нанесения раскраски. Для этого исследователь раскрашивает полученную карту (точнее ее узлы) цветами, соответствующими интересующим признакам объектов Возвращаясь к примеру с анализом социально-экономической ситуации в регионах страны, можно раскрасить одним цветом те узлы, куда попал хоть один из регионов, экономика которого находится в упадке. Тогда после нанесения раскраски мы получим зону, которую можно назвать зоной риска, и попадание интересующего нас региона в эту зону говорит о его проблемах в экономике и социальной сфере.

С помощью карт можно также получить информацию о зависимостях между параметрами. Нанеся на карту раскраску, соответствующую различным социально-экономическим показателям, менеджер-исследователь получит атлас, хранящий в себе информацию о состоянии региональных экономик. При анализе, сравнивая расположение цветов на раскрасках, порожденных различны-

похожих объектов и их группировки в трехмерном экономическом пространстве.

Описанная технология является достаточно универсальным методом анализа. С ее помощью можно исследовать различные стратегии деятельности, производить анализ результатов маркетинговых исследований, проверять кредитоспособность клиентов и т. д. Этот универсальный многофункциональный инструмент анализа способен предоставить достаточно четкую картину, отражающую состояние экономики страны (или иных структурных единиц анализа).

Таким образом, имея информацию о некоторой из части исследуемых объектов, исследователь может достаточно достоверно судить об объектах, с которыми мало знаком. В результате можно извлекать информацию из базы данных, основываясь на нечетких характеристиках.

Пространственный подход использует и графически иллюстрирует Л.-Л.Ф. Никулин при конкретизации проблемы «диагональности», моделировании принципов менеджмента, моделировании системы систем постсовременного менеджмента [6, 103, 111, 122]. Он же делает в своих разработках ссылку на Ж. Бобрийяра и Н. Кардашеву по поводу позиционирования зеркальных объектов в отдельных районах трехмерного пространства [6, 52] и ссылку на В. Мухина и В. Прошкина в связи с уступкой системы межблоковых балансов своего места «сети сотовых (узловых, территориальных) ограничений» [6, 53].

Особо следует отметить вклад в разработку проблематики экономического пространства как многомерного Э.Г. Кочетова. В ряде своих публикаций он последовательно разрабатывает принцип практикоориентированности пространственного подхода [7; 8].

Так, в одной из своих последних работ Э. Кочетов при анализе последовательности формирования Геоэкономического атласа мира среди способов его интерпретации выделяет членение мирового пространства на уровни, среды, а также объем-

---

ми параметрами, руководитель получает полную информацию о социально-экономическом портрете регионов — банкротов, неудачников, процветающих регионов, «середняков». Например, таким показателем может быть объем иностранных инвестиций в регион. Тогда в красной (самой высокой) зоне будут находиться самые привлекательные регионы для инвестора, а в синей (самой низкой) — аутсайдеры.

ную интерпретацию глобального пространства с выделением его подпространственных форм [9].

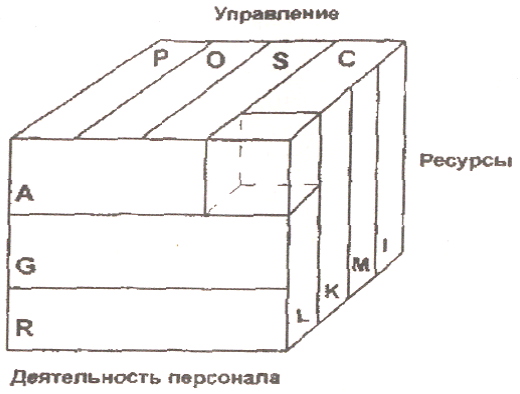


Рис. 4

Сотово-сетевую форму организации производства исследует Е.В. Попов (Екатеринбург), который предложил структурирование экономики предприятия в виде трехмерного куба, состоящего из 48 ячеек-квантов (рис. 4) [10]. Автор считает, что представление миниэкономики в виде интегрированных блоков дисциплин иллюстрирует место и роль сформированных и развитых в теоретико-методологическом отношении современных отраслей экономических знаний. Так, менеджмент может быть представлен как сочетание воздействия верхних элементов рисунка — планирования, организации, стимулирования и контроля деятельности *(P, O, S, C)* — на остальные блоки миниэкономики. Маркетинг в этом случае может быть описан функциональной зависимостью аналитической, производственной и коммуникационной деятельности от используемых ресурсов — *A, G, R (L, K, M, Г).* Продолжая подобный подход, другие прикладные экономические дисциплины можно представить в виде следующих упрощенных функциональных схем:

- бухгалтерский учет — *P,O,C (K);*
- логистика — *P, O, S, C (M);*
- контроллинг *G (K, M);*
- управление персоналом — P, O, *S, C* (I);
- планирование на предприятии — *P (L, K, M, Г).*

Возможны и другие преимущества подобного представления производственных процессов. Прежде всего, это про-

зрачность, предсказуемость возможного развития экономических процессов.

Рис. 4. Простейшая модель миниэкономики — сочетание различных экономических компонентов: малым кубом выделен один из возможных разделов миниэкономики, *P* — планирование; *O* — организация деятельности; *S* — стимулирование; *C* — контроль деятельности; *A* — аналитическая деятельность; *G* — производственная деятельность; *R* — коммуникационная деятельность; *L* — трудовые ресурсы; *K* — финансовые ресурсы; *M* — материальные ресурсы; *I* — информационные ресурсы.

В заключение отметим, что общетеоретические основы феномена экономического постмодерна, вероятно, можно рассматривать в качестве вектора развития общей экономической теории в рамках ее рефлексии на возникновение феномена «новой экономики» и осмысления противоречивых тенденций глобализации и локализации экономических процессов и явлений.

Литература

1. *Гранберг А*. Основы региональной экономики. М., 2000.
2. *Клейнер Г.Б.* Институциональная трансформация предприятий и стратегический процесс // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Пленарное заседание / Доклады, прочитанные на пленарном заседании Третьего всероссийского симпозиума. Москва, 9 — 11 апреля 2002 г. / Под ред. Г.Б. Клейнера. М., 2002.
3. *Кутьин В*. Территориальная экономическая кластеризация (классификация) регионов России: социально-геоэкономический аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 1.
4. *Тарасов В.Б.* От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М., 2002.
5. *Стариков А.* Нейронные сети как средство добычи данных / Материалы семинара лаборатории BaseGroup 2000 г. // http//www. basegroup.ru/seminar/ns.htm.
6. *Никулин Л.-Л.Ф.* Менеджмент эпохи постмодерна и «нью-экономики». М., 2001.
7. *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. М., 2002.

8. *Кочетов Э.* Геоэкономические ориентиры антикризисного развития России // Российский экономический журнал. 1996. № 7.
9. *Кочетов Э.Г.* Российская школа глобалистики и ее геоэкономический отдел — выход на новые горизонты // Безопасность Евразии. 2003. № 1.
10. *Попов Е.В*. Квантование интегрированного и классификация дифференцированного знания // Количественные методы в теории переходной экономики: Материалы круглого стола 23 ноября 2001 г. М., 2002.

В.М. КОЛЛОНТАЙ

Об экономическом и неэкономическом постмодернизме (Философия хозяйства. 2003. № 6)

Для характеристики современного общества термин «постмодернизм» представляется очень неудачным и нечетким. В буквальном смысле он означает будущее («то, что приходит после современности»). Но будущее многовариантно и поэтому не может сейчас быть вполне определенно охарактеризовано. Выхватывание отдельных нынешних тенденций и попытки на этой основе сконструировать представление о будущем (как показывает судьба множества недавних прогнозов) не приводят к удовлетворительным результатам. В лучшем случае они дают возможность предвосхитить некоторые проблемы, которые порождают современные тенденции развития. Что же касается использования термина «постмодернизм» для характеристики современного капитализма, то неизбежно встает вопрос: в чем его отличие от постиндустриализма, от информационного общества и от многих других понятий, используемых для этой цели?

Несмотря на сказанное, понятие постмодернизма (в частности, экономический постмодернизм) все явственнее входит в научный обиход, иногда как определение специфики нынешнего состояния западного общества, иногда как обобщенный символ нового мировоззренческого подхода к современности. В этих условиях попытаемся (заведомо не полно) разобраться в преобладающих трактовках и интерпретациях постмодернизма, в факторах, породивших его и в возможных последствиях, наблюдаемых сейчас новых явлений.

В немалой степени постмодернизм возник как реакция на стремительные трансформации и растущие трудности современности. В этой связи следует остановиться на трех мегафакторах.

Во-первых, это *бурное развитие науки и техники.* Дело не просто в том, что в настоящее время одновременно трудится больше ученых и исследователей, чем в совокупности за всю историю человечества. Намного важнее то, что наука и техника способны в короткие сроки решать большинство конкретно поставленных перед ними задач (определенные параметры получаемой продукции, наперед заданные характеристики производственного процесса, его размещение и т. п.). Это обстоятельство оказывает возрастающее влияние на формы и методы конкурентной борьбы, на организацию и управление хозяйством как на микро-, так и макроуровнях. Научные открытия все чаще опровергают прежние постулаты, теории и концепции. Все большее значение в условиях постиндустриального общества придается улучшению качества продукции (качества жизни), в том числе и тогда, когда это связано с увеличением (в разумных пределах) издержек. Стремительно ускоряются разработка и внедрение новой продукции, новых производственных методов (интенсификация хозяйственных связей, внедрение ресурсосбережения и т. п.).

Это в свою очередь способствует существенному пересмотру форм и методов хозяйствования. Раньше, при сравнительно медленных темпах преобразования продукции и производственных методов, преобладало стремление сосредоточить в руках единого собственника основные звенья производственно-технологической цепочки (обеспечивая тем самым бесперебойность и стабильность производства). В современных условиях — при быстрой смене конечной продукции, используемого сырья и топлива, производственных методов и рыночной ориентации — все чаще наблюдается практика отпочкования рискованных (сомнительно перспективных) операций и передачи их формально независимым предпринимателям (политика поощрения мелкого и среднего предпринимательства). В результате современное хозяйственное объединение оказывается окруженным множеством субподрядных предприятий (снабженческих, сбытовых), разнообразными консультативными и иными фирмами. Все это дает немалые новые конкурентные пре-

имущества и по многим направлениям трансформирует функционирование рыночного механизма.

В условиях капитализма широкомасштабный научно-технический прогресс обостряет проблемы занятости, снижает стоимость рабочей силы, порождает опасные (для западных стран) тенденции в международном разделении труда — передислокация многих отраслей и рабочих мест в развивающиеся страны)[62]. Подобные сдвиги чреваты серьезными социальными, политическими, национально-этническими и моральными проблемами.

Вторым мегафактором является *осознание многочисленных лимитов* (экологических, социальных, политических) *безграничному расширению капиталистического воспроизводства*[63]. Первый крупный шаг в этом направлении был сделан работами Римского клуба, но вскоре они были дополнены исследованиями в самых разных областях науки. Осознание конечности основных природных и иных ресурсов, а также уязвимости всей биосферы в немалой степени лежит в основе становления идеологии постмодернизма с его ориентацией на индивидуальное выживание, на элитарную исключительность и процветание «золотого миллиарда». Следует при этом отметить, что предпринимаемые сейчас меры по охране окружающей среды совершенно не соответствуют масштабам и значимости назревающих глобальных экологических проблем.

Важным мегафактором возникновения современного постмодернизма является процесс глобализации. Из производной, вторичной интернационализация хозяйственной, политической и культурной жизни человечества все чаще становится определяющей, системообразующей. Дело не только в бурном количественном росте международных сношений. Дело еще и в том, что форсированно формируется новый международный порядок, структурно базирующийся на высоком уровне обобществ-

---

[62] Впрочем, есть еще и субъективный момент: в 2000 г. автором была защищена кандидатская диссертация на тему «Экономика постмодерна: научная парадигма и хозяйственный стиль», недавнее перечитывание которой показало, что наиболее существенное в ней так и не сумело найти отражение.

[63] Свое видение классики и модерна в философско-экономическом контексте было предложено автором в работах: [1; 2].

ления хозяйства и на непрерывно усложняющейся сети взаимозависимостей. Новое глобальное хозяйство регулируется транснациональным капиталом с помощью рыночных механизмов и соответствующей хозяйственной политикой (либерализации и дерегулирования). Одновременно возникает множество всевозможных международных организаций, формирующих правовой каркас новых международных отношений. В военно-политическом плане новый мировой порядок конституируется небольшой группой сильнейших держав, преследующих собственные геополитические интересы.

Интеграция в этот новый мировой порядок происходит не столько на взаимовыгодной основе постепенного приспособления к возникающим переменам и взаимозависимостям, а путем насильственно-форсированного насаждения повсюду западной модели развития.

Почти повсеместно происходит расщепление национального комплекса и расслоение общества. Конкурентоспособность все чаще переходит с микроуровня на макроуровень; экономическая конкуренция все теснее переплетается с извечной борьбой государств за более сильные позиции в мировом сообществе.

Взаимодействие этих разнонаправленных мегафакторов создает совершенно новую, непривычную ситуацию. Преобразуются временные и пространственные координаты; время и пространство спрессовываются[64]. В стремительно усложняющихся общественных системах возникают совершенно новые соотношения и взаимодействие экономики, политики, культуры, управления, всех основных компонентов общественной жизни. Резко меняются сложившиеся структуры, механизмы регулирования, основы организации и управления, соотноше-

[64] Ср.: «Экономия — термин, используемый в современной философии для описания способа связывания упорядоченных и неупорядоченных частей целого. Исследование Э. целого обнаруживает в нем уклонения от единой логики, так что целое предстает в своей нецелостности, не-себетождественности, как саморазрушающееся. Э. целого можно описать как “игру без правил”, порожденную борьбой противоположных до несопоставимости принципов и порождающую избыточное производство не сводимых друг к другу частей целого, само существование которого ставится под вопрос» [4, 530].

ния сил. Повсюду складываются новые пропорции — между экономикой и политикой, между материальным производством и нематериальными (виртуальными?) аспектами хозяйствования, между отраслями экономики, между хозяйственными субъектами и государствами, между шумпетерскими «разрушительными» и «созидательными» тенденциями капитализма и т. д. Меняются соотношение и расстановка сил хозяйственных субъектов, районов и государств. Расшатывается и без того неустойчивая прежняя стабильность капиталистического общества; дальнейшие перспективы становятся менее понятными и предсказуемыми. Все это способствует росту релятивизма и агностицизма, присущих постмодернизму.

Если говорить об экономических аспектах постмодернизма, то следует еще остановиться на таком факторе, как *резкое расширение ареала товарно-денежных отношений.* До середины XX в. в товарно-денежные формы воспроизводства была втянута лишь небольшая часть человечества; существование большинства людей базировалось на натуральном и полунатуральном хозяйстве. За последние десятилетия в активное товарно-денежное воспроизводство оказалось втянутым более половины человечества (остальная часть представляет собой маржинализируемых, пауперизированных жителей городских трущоб и сохраняющееся еще полунатуральное сельское хозяйство). Форсированное расширение ареала товарно-денежных отношений предопределялось множеством обстоятельств — общим экономическим подъемом в развитых капиталистических странах и ростом общественного разделения труда, распадом колониальной системы и самостоятельным развитием освободившихся стран, распадом социалистического лагеря и последовавшими реформами, конструированием новых видов собственности (интеллектуальной, права загрязнения окружающей среди и т. п.), приватизацией многих видов общечеловеческого и национального достояния, дерегулированием финансовой деятельности, разбуханием кредитной системы и др.

Подключение к товарно-денежному воспроизводственному процессу сопряжено с глубоким преобразованием хозяйственной мотивации, с потерей прежней самостоятельности, с ростом общественных и хозяйственных взаимозависимостей. В то же время расширение ареала товарно-денежных отношений означает небывалый рост рынков, что на протяжении не-

скольких десятилетий обеспечивало капитализму сравнительно безкризисное существование.

Расширение ареала товарно-денежных отношений приводит к небывалому усложнению всех хозяйственных систем, к необходимости кардинальной перестройки организационных и управленческих основ. Стремительно растет потребность во всякого рода посредничестве; опережающими темпами множатся самые разнообразные перераспределительные механизмы — монополизация и олигополизация рынков, резкие колебания цен, разные формы реализации интеллектуальной собственности (патенты, лицензии, франчайз), многочисленные новые финансовые инструменты, кредит, рента, налоги. Проблемы обеспечения пропорциональности развития (с трудом решавшиеся ранее на уровне национально-хозяйственных комплексов) в условиях бурного научно-технического прогресса и глобализации приобретают новые формы и небывалую остроту — растут макроэкономические диспропорции (подчас на глобальном уровне), бюджетные дефициты, несбалансированность текущих внешних платежей стран и т. д. Все это существенно видоизменяет функционирование рынков, конкуренции и других устоявшихся было хозяйственных механизмов.

Особо следует остановится на *растущем разрыве потенциалов и на разнонаправленности моделей развития мирохозяйственных центров и периферийных стран.* Если раньше можно было надеяться на возможность модернизации и догоняющего развития последних, то теперь такая перспектива для большинства стран стремительно исчезает. Развитие на основе рыночно-капиталистических отношений постоянно упирается в ограниченность ресурсов и накоплений (в мире растущих капиталоемкостей), в резкую нехватку квалифицированных кадров, в отсутствие многих необходимых общественных институтов и иных предпосылок рыночной экономики. Действие иных (некапиталистических и даже просто протекционистских) моделей развития все более затрудняется форсированной неолиберальной глобализацией. В этих условиях большинству развивающихся стран в лучшем случае удается анклавно занять ту или иную нишу (субподрядные предприятия, туристические объекты, оздоровительные курорты, оффшорные зоны и т. п.), которую им выделяют мирохозяйственные центры. Внутренний рынок (в той мере, в которой он формируется) все больше стано-

вится производным от мирового, контролируемого транснациональным капиталом. Стремительное размывание полунатурального хозяйства до предела обостряет социально-экономический контекст развития, резко ограничивает перспективы многолюдных стран.

Совершенно иная модель складывается в капиталистически развитых странах. Предшествующее развитие привело к накоплению там огромных богатств, а также производственного и научно-технического потенциала. (За последние четверть века ВВП на душу население в США удвоился.) Это позволяет выделять огромные средства на науку и технику, на поднятие производительности и эффективности производства, на повышение конкурентоспособности и обеспечение общего экономического роста. Но, кроме того, это позволяет выделять растущие ресурсы на сферы, непосредственно не связанные с воспроизводственным процессом — на модернизацию военного аппарата, на совершенствование экономической и социальной инфраструктуры, на повышение качества жизни. Наличие огромных ресурсов позволяет крупным корпорациям прибегать к особо расточительным и разрушительным формам хозяйствования и конкурентной борьбы. Растущие денежные доходы значительной части населения означают, что после удовлетворения «разумных», «базисных» потребностей остаются немалые средства на «непредопределенные», «свободные» расходы — на повышение качества жизни, на новые требования к качеству продукции, на досуг, на развлечения, на спекуляции, на азартно-рисковые операции и т. д. Важной особенностью современного кондратьевского цикла является большая роль в нем сферы услуг и виртуального производства, что порождает особенно острые формы конкурентной борьбе.

Все это не только существенно модифицирует характер и функционирование современного рынка, но и расширяет поле сознательного (политического) воздействия на хозяйственное развитие, в частности, при выборе того или иного направления мобилизации и использования ресурсов (повышение конкурентоспособности страны или расширение социального обеспечения, разработка и реализация стратегии хозяйственного развития и т. п.).

Эти изменения существенно преобразовали функционирование многих экономических закономерностей. Резко обост-

ряется конкурентная борьба с ее позитивными, но также и негативными последствиями. Меняется взаимодействие на макро- и микроуровне субъективных и объективных факторов. Быстро растет разрыв между финансовыми и материально-вещественными потоками. Взаимоотношения между хозяйственными единицами все больше регулируются не только рынком, но и переговорами, контрактами, субподрядами, государственным законодательством, международными соглашениями и т. п. Интеллектуальная собственность, рост посредничества и услуг, не говоря уже о возросшей роли государства, усиливают влияние субъективного фактора на ценообразование и многие другие экономические процессы.

Неолиберальная глобализация и расшатывание национально-хозяйственных комплексов переносят принятие макро- и микроэкономических решений в совершенно новую систему координат. Растущий разрыв между богатыми мирохозяйственными центрами и периферией приводит к взаимоотношениям, которые все чаще характеризуются терминами *«асимметричная взаимозависомость», «асимметричные войны»* [4]. Такая ситуация чревата не только постоянно усиливающимися столкновениями, но и непредсказуемыми катастрофами. Огромное влияние экологии на хозяйственную деятельность еще далеко не осознано.

Вся эта проблематика нуждается в глубочайшем анализе и переосмыслении прежних концепций, в обновлении всего аналитического и понятийного аппарата. Постмодернизм непосредственно этими вопросам почти не занимается. Трудно найти новую экономическую теорию, авторы которой относили бы себя к постмодернистам. Но постмодернизм оказывает огромное влияние на хозяйственное развитие через свое воздействие на другие сферы общественной жизни, которые (в свою очередь) составляют тот обязательный неэкономический (общественный) контекст, в котором функционирует хозяйство. Под воздействием постмодернизма происходят существенные сдвиги в культуре, нравственности, системах ценностей, политике. В рамках постмодернизма возникает немало новых мировоззренческих подходов, которые оказывают ощутимое влияние на стратегии государств и корпораций, на приоритеты лиц, принимающих текущие и долгосрочные хозяйственные решения.

Постмодернизм — одно из влиятельнейших идеологических (мировоззренческих) течений последней четверти XX в. на Западе [5; 6]. Оно оказывает существенное воздействие не только на философию, искусство и культуру, но и на политику, экономику, социологию, обществоведение, на все стороны современной общественной жизни. Отрицая многие постулаты модернизма и модернизации, постмодернизм претендует не только на переосмысливание новых явлений и тенденций в общественном развитии, но и на выработку новых подходов (новой методологии подхода) к современной жизни.

Идеология постмодернизма исходит из неприятия и критики большинства достижений человеческой цивилизации. В первую очередь это относится к области культуры, искусства, нравственности, системе духовных и иных ценностей. Постмодернизм бросает вызов добытым веками знаниям, устоявшимся традициям, общечеловеческим ценностям, предшествующим идеологиям. В замен он предлагает агностицизм, релятивизм и субъективизм в подходе к явлениям и события. Подчеркивая сложное переплетение реального и виртуального в современном мире постмодернисты отрицают возможность познания объективности и ставят под большой вопрос все прежние представления, знания и верования. Постмодернизм дает новый сильный толчок идеологии индивидуализма, идеям свободы личности и действий, отметая при этом как малозначимые интересы общества и государства.

В задачи настоящей статьи не входит подробный анализ всех сторон современного многогранного постмодернизма. Остановимся лишь на одной его особенности, не получившей до сих пор должного освещения.

При всем разнообразии подходов к общественной проблематике, основные течения модернизма и модернизации имели общим то, что предполагали глобальное развитие всего человечества к некоему лучшему, желательному состоянию. В этом было немало утопии. Не учитывались неизбежная неравномерность развития и дифференцирующие закономерности рынка и политической борьбы. Но общая желательность прогресса (по-разному определяемому), вера в его необходимость и неизбежность всегда присутствовали.

Постмодернизм (особенно в обществоведении) отрицает наличие каких-либо закономерностей, предопределяющих про-

грессивность развития или даже возможность каких-либо успешных коллективных усилий, обеспечивающих улучшение судеб человечества. Отталкиваясь от многочисленных противоречий и ограничителей современного развития, постмодернизм подчеркивает невозможность (в лучшем случае маловероятность) коллективного благополучия и в разных формах проповедует необходимость более индивидуалистичных основ общественного развития, неизбежность борьбы за выживание и анклавность благополучия. Эти общие подходы во многом предопределяют суть и содержание экономических приверженностей постмодернизма — ориентацию на разрушение национально-хозяйственных комплексов, на сокращение экономической роли государства, установку на либерализацию и приватизацию хозяйственной жизни.

Идеи постмодернизма находят распространение в основном только в богатых странах, в центрах мирового хозяйства. Здесь постмодернизм тесно перекликается с господствующими (особенно в англосаксонских странах) неолиберальными концепциями. Выше уже отмечалось, что постмодернисты чисто экономическими вопросами почти не занимаются, чаще всего перепоручая их неолиберальным экономистам. Со своей стороны постмодернисты дополняют неолибералов, как бы придавая им мировоззренческое обоснование. Дело доходит до того, что термин «постмодернизм» все чаще используется для характеристики того общества, которое возникает в результате применения на практике неолиберальных концепций.

Кризисные события последних лет неизбежно сосредоточивают внимание на негативных результатах такого развития, на возникающих противоречиях и проблемах. Соответственно растет критика постмодернизма и стремление наполнить это понятие новым содержанием [7]. Возможно, термин «постмодернизм» (при всех своих недостатках) мог бы приобрести определенный самостоятельный смысл (и исследовательскую ценность), если его трактовать как особенности современного капитализма, *с учетом всех назревающих там проблем и противоречий.* Такую роль иногда отводят понятию «постмодерн». Но подобная постановка вопроса очень далека от устремлений и сути основных существующих направлений постмодернизма и неолиберализма.

В этих условиях как на Западе, так и в развивающихся странах бурно расширяется *поиск альтернативных путей развития.* При этом чаше всего альтернативу ищут в историческом прошлом, в культурном наследии, в традиционных ценностях и приоритетах. При этом прошлое лакируется, идеализируется, преподносится как основа желательного будущего. Более того, возрождение прошлого видится не просто как восстановление прежних ценностей и жизненных подходов, но и подчас как основа и оправдание роста разного рода радикальных и фундаменталистских движений [8]. Такой подход тем более объясним, что постмодернизм растаптывает общечеловеческие и национальные ценности и достижения.

Однако поиск альтернатив в прошлом ни к чему хорошему не может привести. Возврат назад невозможен. Изучать и учитывать исторические традиции и особенности очень важно. Накопленный опыт и знания (в том числе различных моделей социально-экономического развития) необходимы для компетентного решения стоящих ныне задач. Но попытки повернуть вспять колесо истории или копировать чужие модели обречены на провал — слишком много компонентов в современной усложненной общественной системе, слишком много специфических обстоятельств, определяющих положение и состояние каждой страны. Кроме того, небывалые масштабы для каждой страны приобрело воздействие глобализации и соответственно внешних (неподконтрольных) факторов.

Поэтому решающим сейчас становится не идеологизированный подход к проблемам развития, не попытка выработать единую для всех обобщенную схему развития и копировать других. (Под натиском событий в Сиэтле, Праге, Генуе и Канкуне это — хотя бы на словах — вынуждены признавать даже руководители таких организаций, как Международный банк.) Определяющим сейчас должны стать конкретно-прагматический подход к специфическим ситуациям в каждой отдельной стране, выявление и мобилизация ее внутреннего потенциала и наиболее рациональное сочетание внутренних и внешних факторов развития. И тут особое значение приобретают заложенные в культурно-нравственных генах общества системы ценностей и приоритеты. В конечном счете именно они будут определять характер выдвигаемых (преследуемых) целей и применяемых методов, содержание вырабатываемых в каж-

дой стране стратегий и политики. Не под этим ли углом зрения следует в первую очередь рассматривать наследие русских традиций, духовности и нравственности (и их противоборство с постмодернизмом)?

Литература

1. *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1995.
2. *Hawken P., Lovins A.* Natural Capitalism. Boston, 1999.
3. *Salomon J.-M.* Un monde a grande vitesse; Globalisation, mode d'emploi. P., 2000.
4. *Bauman Z.* Society under Siege. Cambridge (UK), 2002.
5. Theories of Modernity and Postmodernity / B.S. Turner (ed.). Sage Publications. L., 1990.
6. *Appignanesi R.* et al. Introducing Postmodernism. Totem Books, 2001.
7. *Cobb J.B.* Postmodernism and Public Policy. Reframing Religion, Culture, Education, Sexuality, Class, Race, Politics and the Economy. N.Y., 2001.
8. *Ali T.* The Clash of Fundamentalisms. Crusades, Jihads and Modernity. L., 2002.

Ю.М. ОСИПОВ

Глобальное и национальное в экономике (Философия хозяйства. 2003. № 6)

Преамбула

Мир человеческий стремительно меняется. Экономика испытывает существенные качественные превращения. На смену «экономики снизу» приходит «экономика сверху», что выражается в подчинении производства, называемого часто *реальной экономикой, финансовому началу* и единому, хотя и не абсолютно монолитному, *управляющему центру*. Теперь экономика не столько строится снизу — объективно, сколько выдается сверху — субъективно. Этому служат *финансизм* и *мирохозяйственный центризм*, владеющие особого рода информацией и рычагами влияния на любые мировые информационные потоки, не слишком доступные, а то и вовсе не доступные, рассредоточенной и инфантильной периферии. Основные воспроизводственные параметры сегодня — созидаемые *сверху* и из *единого центра*. Экономика в главном теперь конструируется, что не означает, конечно, ни созидания из центра всей массы

ее элементов, ни их полного системного структурирования, ни определения всех воспроизводственных потоков, но что означает побудительное управление массами элементов, их общим структурообразованием, а также основными течениями мировой воспроизводственной динамики.

Поведение экономических субъектов ныне — не консолидирующее как прежде экономику (рынок), а более всего лишь приспособительное поведение, ориентированное на удачное встраивание в действующую и уже организованную сверху и из центра экономическую среду (рынок), ради чего и осуществляется в главном финансовая и производственная оптимизация микрохозяйственного бытия. Сегодня уже нет классических микроэкономических субъектов, составлявших некогда экономику (рынок), на их месте теперь неклассические субъекты, в экономику (рынок) лишь встраивающиеся. Такие микросубъекты не обладают теперь полнотой самовыражения, характерной для полноценных конкурентов, образовывавших и полноценный рынок, а потому вряд ли сегодня уместно говорить о конкуренции как действительном способе первичного микрохозяйствования, а о рынке как реальной первичной общественной самоорганизации. Конкуренция и рынок сейчас — всего лишь атавизмы, выполняющие второстепенную, подстроечную, служебную роль. Грубо говоря, за конкуренцией и рынком осталось 10% хозяйственной инициативы, а 90% — за управлением, из которых более половины, пожалуй — за управлением сверху и из центра, однако таким управлением, которое управлением-то в полном смысле слова и не назовешь, ибо осуществляется оно по преимуществу тайно, незаметно, скрытно, имеет не откровенно директивный, а всего лишь вкрадчиво побудительный характер. «Невидимая рука» А. Смита, под которой он понимал объективную самоорганизацию экономики (рынка), дополнена, если во многом уже не замещена, иной «невидимой рукой» — *волевым управлением сверху и из центра*.

Период бурной интернационализации экономики эпохи капитализма в целом завершился, и с последней четверти прошедшего века место интернационализации прочно заняла *глобализация*. Глобализация — далеко уже не интернационализация, ибо нации-страны уже перестают составлять из самих себя мировое хозяйство, они оказываются уже не первичными его элементами (частями), а в большей степени производными от

него элементами (частями). Не нации-страны образуют теперь мировое хозяйство, а мировое хозяйство имеет в своем составе национальные, страновые образования, которые легче назвать именно *образованиями*, а не в полном смысле слова *хозяйствами*. Классическая макроэкономика, базировавшаяся на национальных, страновых основаниях, предполагавшая полноценный национальный хозяйственный центр (прежде всего с независимой валютой) и полноценные экономические границы, практически исчезла; на ее место пришла неклассическая макроэкономика, которая уже не свободна и не самостоятельна, как и не первична вовсе, а открыта и зависима, производна и вторична. Всемирный экономический процесс теперь важнее и судьбоноснее, чем любой национальный, хотя национальное начало вовсе до конца не исчезло. Так или иначе, но глобализация, отмеченная сегодня воцарением *глобализма*, существенно изменяет характер всего ранее называвшегося национальным, предъявляя всему этому жесткие нормы подчинения.

Глобализация и глобализм не были бы возможны без развития *транснационального капитала* — промышленного, банковского, финансового, равным образом и сначала международных, а затем и сверхнародных (или наднародных) управленческих учреждений, известных более как *международные экономические институты* (организации, фонды, банки, совещательные и иные органы и т. п.). *Мировое правительство*, о котором все более говорят эксперты и твердят СМИ — не кучка посвященных, хотя почему бы не быть и такой «могучей кучке», а сложная, разнообразная и соподчиненная структура, обладающая разнообразной властью и развитым механизмом ее реализации. Это факт, с которым необходимо считаться.

Нынешнее хозяйство в мире — *планетарное*, а не какое-нибудь еще, хозяйство. Возникла цивилизация, обладающая настолько масштабной и неприродной по сути инфраструктурой, как и способом реализации, что впору говорить даже о *метапланетарном хозяйстве* (не просто включающем в себя космическое пространство, но и как бы превышающем уже саму планету, ее окольцовывающем), равным образом, и о *метаприродном хозяйстве*, в котором доля и значение собственно природы резко убывает. Такое *метахозяйство* вряд ли уже возможно без учета и включения всех планетарных ресурсов, соответственно, контроля над ними, а главное, распоряжения ими,

из мирового центра. И все было бы ничего, если бы мир был более или менее экономически однообразен, точнее, не экономически, а производственно и потребительски, а еще точнее — потребительски, т. е. по образу и уровню жизни, но мир как раз ярко разнообразен: *актуальная цивилизация*, ведущая мир куда-то вперед, хоть и коснулась всех на планете, но вполне последовательно реализуется лишь в пределах так называемого «золотого миллиарда», отрыв которого от всего остального мира по мере реализации научно-технического прогресса все более усиливается. И этот «золотой миллиард» не может не быть предметом первостепенной заботы глобализма, как и самого мирового правительства. Отсюда построение такого планетарного мира, в котором наличествует несколько слоев, различающихся по уровню и образу жизни, а сама многослойная структура образует ясно выраженную пирамиду с «золотым миллиардом» наверху. Запад сделал свое дело, он создал *новый мир*, который занял верхнюю позицию и продолжает устремляться далее вверх, приспосабливая под себя весь остальной мир в качестве фундаментального, но не определяющего, основания, точнее, подошвы, нулевого цикла, нижних рабочих этажей.

Обобщенно и несколько условно выражаясь, *западный супермир* есть мир *Постмодерна*, а последний пора уже трактовать не как просто особый стиль или, наоборот, отсутствие всякого стиля, а как особый исторический феномен, которому соответствует целая историческая, а может, уже и *внеисторическая*, эпоха, заступившая на срочную вахту вслед за *Модерном*, который тоже никакой не стиль, а исторический феномен со своей особой эпохой — эпохой борьбы Западной цивилизации с природной и сакральной традициями, той самой борьбы, которая была открыта Ренессансом, подтверждена Просвещением и осуществлена Капитализмом. Эпоха Модерна — эпоха действительной модернизации, тотального обновления, а точнее всего — *созидания нового мира*, не завещанного ни Природой, ни Богом Творцом. Это была эпоха переделки мира, который стал вдруг старым и ненужным, того самого мира, который теперь уместно назвать миром *Премодерна*, коль скоро Модерн занял столь значительную эпохообразующую позицию в истории человечества.

Западный модерновый мир в течение XX в. превратился в постмодерновый, который уже не мир в привычном понимании, а какой-то *супермир*, если не *иномир*, в котором все вокруг формообразованное, т. е. имеющее форму, существенно опустошается, т. е. лишается внутреннего сущностного наполнения и глубокого смыслового звучания. Формы еще остаются — где-то на полпути к нулю, они даже бывают на что-то похожи из прежнего, к примеру, те же конкуренция и рынок, деньги и фирмы, нации и государства, армии и театры, но все более заметно, что содержание их не просто изменяется, а как-то и вовсе исчезает. Одежды вроде бы есть, а вот одетых в них как бы и нет.

Постмодерн — время какой-то необычной опустошенности, внешней обрядовости, быстрой, если не скользящей, функциональности, банальной новизны, скорых импровизаций, легких имитаций, пустой говорильни, неотягченных содержанием знаков, мимикрии, кривлянья, тщеты, когда никто не уверен, что завтра повторится не то чтобы вчерашнее, но хотя бы сегодняшнее, когда время и пространство как бы ускользают и не имеют большого значения, когда вокруг все более фантомы и карикатуры, когда все более господствует не просто неестественное, но и вообще уже никакое, когда вольно царствует лишенное смысла *ничто*. Все классические и даже неоклассические термины себя исчерпывают, они больше не работают, ничего не обозначая и ничего не трактуя. Слова ничего не значат. Самый ходовой товар — *фикция*. Постмодерн — закономерный исход Модерна, когда содержание и смыслы, шедшие единственно от Бога Творца и Природы, им сотворенной (таким было идеальное представление человека), вдруг испарились под давлением демиургически действовавшего человека, а все созданное человеком при этом оказалось вдруг бессодержательным и обессмысленным. Человек построил свой собственный, по своему подобию и лекалу, мир, — и этот мир предстал перед изумленным человеком во всей своей *странной пустоте*, какой-то внешней, калейдоскопически мерцающей *оболочкой*, за которой нет уже никакой содержательной и смысловой ценности.

Как бы ни кичился Постмодерн своим «богатым блеском», но сам по себе, без поддержки трудяги Модерна с его производством всего фундаментального и необходимого, как и без донорского участия Премодерна с его природностью и са-

кральностью, его культурой, Постмодерн выжить не может. Постмодерн, этот совершенно игровой феномен, лишен остойчивого содержания и наполнить себя таковым он не может. Здесь воистину *внеисторическое бессилие*, сопровождаемое, кстати, не без основания и умысла, тезисом о *конце истории*. И в самом деле, история для Постмодерна, видно, закончилась, он уже за пределами оной, ибо на историю он уже не может эффективно опираться, из нее как-то исходить, у нее серьезно учиться. История вдруг померкла для Западного мира и ушла. Ему нужно совсем иное, историей не обоснованное, а лишь оправдываемое нездоровой фантазией заигравшегося ума (вот почему Голливуд сегодня вовсе не фабрика грез, а *фабрика нового мира*). И вот выживать Постмодерну со всеми его фантазиями должен помогать прежде всего Премодерн, тот самый мир, который был так в свое время решительно отвергнут Модерном, как выяснилось, ради последующего явления опустошенного, но очень игривого и изобретательного, во многом просто и фиктивного, Постмодерна.

Когда мы все более говорим о ресурсах планеты, то имеем в виду не одни только энергоресурсы и ископаемые, воду и воздух, труд и интеллект, но и *культуру*, которая задается и хранится как раз Премодерном, а не Модерном, который либо ее впитывал, либо переделывал, либо уничтожал. Великий идейно-идеологический, к тому же и первозданно духовный, потенциал находится в низших для Западного мира премодерновых слоях, — и как раз из этого потенциала должен настойчиво черпать Постмодерн. У Постмодерна нет иного выхода, как только увеличивать и разнообразить свое потребление, — и если он что-то сейчас особенно заботливо изобретает — сам для себя! — то лишь все более изощренные механизмы доступа к внешним ресурсам и их потреблению. Мир теперь должен питать как бы ушедший вперед Постмодерн, — и без этого питания, как и большому городу без того же электричества, Постмодерну уже не выжить. *Паразитарность Постмодерна, сопряженная с его внутренней пустотностью, очевидна.*

Обращаясь к России, ее судьбе, перво-наперво потребно определить характер происходящей в ней с рубежа 1980—1990-х гг. *Революции*. То, что она является антисоциалистической, а соответственно буржуазной, или капиталистической, в том нет никакого сомнения. Гораздо важнее установить неко-

торые иные ее черты: во-первых, это революция, является, безусловно, внешнеобусловленной глобалистской революцией (она идет под давлением извне и под бдительным внешним контролем — эффект внешнего кризисного управления); во-вторых, это революция антигосударственная и антинациональная, хотя и проводится она самим государством — сверху; в-третьих, это революция постмодернистская, ибо направлена не только против остатков Премодерна, но даже и против Модерна, о чем говорят удары не только по аграриям, но и по «индустриалиям», мало того, удары и по «интеллектуалиям»; в-четвертых, это революция антироссийская, а внутри этого и антирусская, о чем свидетельствует наступление на отечественную культуру — с ее подменой западным суррогатом, на традиции, на русский язык, на почвенное образование; в-пятых, это в высшей степени антигуманистическая и антицивилизационная революция, приведшая к расцвету криминала, коррупции, всяческого беспредела, сочетаемого с моральной и физической деградацией населения, его быстрым сокращением. Подобных черт у совершающейся революции в общем-то множество, их явно хватает, но суть дела не в их перечислении, а в констатации того факта, что революция либо идет не в интересах России — как целого, либо она идет за счет России, либо она непосредственно опасна, возможно, и смертельно, для России, либо она по сути своей вообще глубоко и стратегически антироссийская. Оснований для такого рода заключений более чем достаточно, что признают сейчас и сами настоящие или бывшие сторонники революции, как и их зарубежные вдохновители.

Конечно, можно исходить из тезисов об отсталости России от Запада, о вредности российской предопределенности для самой России, о необходимости ускоренно цивилизовать Россию за счет снижения роли собственно российского — нецивилизованного или искаженно цивилизованного — фактора и т. д., но факт *антироссийскости* проходящей в России революции остается все-таки в яви. И нет здесь ничего сверхестественного: анти-Россия всегда сидела в России, борясь с Россией, или с собственно русским началом, постоянно и упорно, хоть и с переменным успехом. Внешний мир тоже никогда не был особенно пророссийским. Имела место и холодная война второй половины XX в., которую вел, быть может, СССР, а все ко-

нечные отрицательные лавры достались-таки России. Отсюда сначала идейная, а затем и функциональная, смычка внутренней и внешней анти-России, что и вылилось в итоге в разрушительную для России революцию.

Нет смысла подробно описывать положение, в котором в настоящее время находится Россия: ее выручают, во-первых, созданная в СССР сталинским по сути и механизму реализации строем *фундаментальная инфраструктура* — в самом широком смысле этого слова (все ранее построенное, все еще работающее и пока еще неизрасходованное); во-вторых, богатые, хотя и не самые экономически выгодные в эксплуатации, *природные ресурсы*, равным образом и *базисные отрасли* главным образом первичного промышленного цикла; в-третьих, *осторожная терпимость* и *опасливая терпеливость* населения, предпочтившего тягучее встраивание в новые условия бытия с использованием солидарных механизмов самоподдержки так называемому «социальному взрыву» (ожидаемый «русский бунт» так и не состоялся); в-четвертых, включение пассионарной части населения в погоню за личным благосостоянием и частным богатством, что касается и криминалитета, возможность оттока активных граждан за рубеж, в том числе специалистов и молодежи (с пополнением не одних лишь лабораторий и предприятий, но и наполнением тротуаров — теми же проститутками), относительное удовлетворение от буржуазного и открытого образа жизни «среднего класса» и даже некоторых более низших по материальному уровню социальных слоев, «полный восторг» от результатов приватизации со стороны узкого, но важного в социальном плане, «олигархического слоя» (в этом слое не одни лишь «олигархи», а вообще все «капитаны» новой жизни, новой экономики). Выручаемая за счет перечисленных моментов страна находится сейчас в мировом типологическом разрезе хоть и где-то внизу (по большинству принятых в мире показателей), но в то же время как-то ухитряется держаться на плаву, даже показывая за последние 2—3 года, после, правда, двукратного сокращения объемов хозяйственной деятельности по итогам бурной революции, кое-какой экономический рост, равным образом, и рост благосостояния населения, разумеется, не всего огульно.

Нельзя сказать, что Посмодерн свалился на Россию както вдруг и вывалился исключительно извне, что сама она его не

вызывала и не готовилась к его пришествию. Готовилась, более того, кое в чем даже и жила уже по-постмодернистки до самой постмодерновой революции. Однако истово она отдалась Постмодерну уже в ходе и в итоге революции. Но отдалась очень своеобразно: породив немедленно… *свой* постмодерн, который стал результатом прихода западного постмодерна, но не стал при этом собственно западным постмодерном. В России возник вроде бы прозападный, но крайне при этом своеобразный, постмодерн, который в общем-то ни западный, ни российский, а вообще позитивно и не определимый, ибо очень уж он гадок и безобразен. Если на Западе постмодерн, так сказать, фасадного образца, т. е. «хороший» или «правильный» постмодерн, то в России возник постмодерн явно дворового, «черноходового», пожалуй что и «помоечного», образца, т. е. «плохой», «неправильный», дурно пахнуший, жуткий. И это очень важный факт, который надо непременно учитывать: мало того, что Постмодерн в России тут как тут, но он еще и в какой-то патологической реализации, от чего худо сразу всем: что ярым антипостмодернистам, что самим постмодернистам, что просто лояльным прогрессистам. Россия оказалась полем *сложнейшей постмодерновой игры с неопределенным результатом*.

О положении России можно говорить много и говорить разное, но есть кое-что, чего воистину не обойти и о чем говорить обязательно надо, если хоть чуть-чуть озаботиться перспективой. Во-первых, в сегодняшней России практически отсутствуют основания для хоть какой-нибудь уверенности в завтрашнем дне — *ни у кого*! Это воистину провал, вызванный непосредственно революцией. Выживать можно, хотя кое для кого и это трудно, а вот жить в полном смысле слова — *нет*! Для доживающего свой век обывателя еще более или менее, а вот для творчески ориентированного молодого человека, получившего образование и способного к активной деятельности — все уже далеко не так просто. Где и как приложить свои способности, да так, чтобы вести достойный в нравственном и гражданском отношении образ жизни, иметь нормальное вознаграждение за труд, позволяющее содержать себя и детей, иметь жилье, дать детям образование, позаботиться об отдыхе семьи и ее здоровье и т. д. и т. п.? Ответ здесь таков: *негде* и *никак*! Умственная часть входящего в активную жизнь населения в буквальном смысле в тупике, из которого только один более или

менее человеческий выход — за границу, разумеется на условиях самой заграницы. Явный постмодерновый абсурд, характерный как раз для нынешнего российского постмодерна. Не лучше дела обстоят и у предпринимателей, и у учителей, и у шахтеров, и у военных — у *всех*! Если одно хорошо, то другое уж непременно плохо. Нет возможности достойной и целостной в своих позитивных проявлениях жизни. Жизнь если есть, то лишь *вопреки* — вопреки мощному давлению *нежизни*. Во-вторых, и что связано с первым пунктом, нет действенного приоритета нравственно высокого и позитивно ориентированного, но непременно *родного* для каждого российского человека, мира — идейного, ценностного, культурного. Все вокруг или вообще не приемлемо для сколько-нибудь положительного человека, либо враждебно его сколько-нибудь позитивным ориентациям. Нет устоев, на которые можно опираться и которыми можно дорожить, точнее, они есть, но они либо отринуты актуальностью, либо малозначимы, либо неэффективны. Это тоже проявление дурного постмодерна. В-третьих, нет *эффективной общности*, которая была бы выше любой из особей, той общности, которая крайне необходима для нормально воспроизводящегося общества и каждого человека. Общество разделено и распылено, держится только на инстинкте и еще как-то сохраняющихся в людской среде нравственных устоях (уже и не традициях), а также на каким-то образом воспроизводящейся частичной, или локальной, солидарности. В-четвертых, нет воистину позитивного и эффективного массового *воспитания человека*, а соответственно, уходит и сам человек, вместо которого предстает некая механическая оболочка, лишь внешне схожая с человеком.

Человек и общество, нравственность и культура, государственность и даже сама цивилизация — вот, что сегодня не просто под угрозой, а в самом последовательном истаивании. На место человека приходит «чиповей» (или «киборг», что не так уж и важно), общества — массонаселение, отношений — связи, общения — коммуникации, сообществ — сети, семьи — временное сожительство, детей — домашние собачки и развлекательный досуг взрослых особей, воспитания — неосознанное подражательство, образования — ограниченное и ограничительное натаскивание, нравственности — свод запретов, культуры — бездумная игра, цивилизации — скрытое управление и

изощренное насилие, сознания — инстинкты, поведения — немотивированные поступки, самосознания — неадекватная самоидентификация и т. д. и т. п. Разумеется, все не так тотально плохо, тем более, не так абсолютно, есть, разумеется, и другое, но все это другое либо уже атавизм, либо удерживаемое вопреки, либо просто еще не уничтоженное. Сознательно культивируется (если не сказать — антикультивируется) как раз то, что идет на смену всему еще позитивно человеческому — как уродливо нечеловеческое, а не то, что каким-то чудом сохраняется, этому уродливому и неестественному сопротивляясь. Если еще есть человек и общество, нравственность и культура, если еще есть государственность и сама цивилизация, то лишь сильно *вопреки* — как *антиреволюция*, которая, заметим особо, вовсе не *контрреволюция* (если вторая всего лишь консервативное противодействие революции, то первая есть уже позитивное сопротивление «ужасам» революции, ее конструктивное преодоление).

Относительно человека и общества, нравственности и культуры, государственности и цивилизации экономика *второстепенна* — вот почему, начав с экономических проблем, неизбежно приходится переходить к иным, совсем даже не экономическим, но гораздо более важным аспектам бытия. Не здоровая экономика («правильная», «рыночная», «открытая» и т. д.), а затем здоровое общество, а совсем наоборот: сначала здоровое общество, а уже потом здоровая экономика. Экономика производна от общества, а не наоборот, хотя у экономики тоже есть свои влиятельные для общества программная мотивация и энергийность.

Состояние, в котором находится «обреволюционенная» Россия, есть состояние глубокого и длительного *апокалиптического кризиса*, из которого, во-первых, нет не то что автоматического, но даже и легко программируемого, выхода, тем более, что при таком кризисе совершенно не исключается «концовый исход», т. е. отрицательно *эсхатологический*, когда не только российская экономика прекращает свое сколько-нибудь выраженное бытие, но и сама Россия вообще уходит с исторической арены. Нравится нам это или нет, но такой сценарий развития апокалиптического кризиса вполне вероятен. Отсюда необходимо, с одной стороны, четко осознать природу кризиса, а с другой — осознанно обрести соответствующий образ поведе-

ния для страны, ее граждан и элит, в частности, управляющей государственной структуры, весьма ослабленной и дезорганизованной революцией, но все еще действенной.

Квалификационные суждения

1. Мировая экономика активно глобализуется, все более становясь *глобальной экономикой*. Глобализация, а вместе с нею, и мировая экономика — *центрообусловленны*, имеют *управляющий центр*, действующий в рамках *организуемой самоорганизации*. Самостоятельно и объективно организующаяся и развивающаяся мировая экономика — миф, а волевым образом и субъективно ориентируемая по основным параметрам, структурам и потокам мировая экономика — реальность. «Экономика сверху» преобладает над «экономикой снизу». Хозяйственная жизнь планеты имеет иерархическую организацию, высший этаж которой занимает передовой, вступивший в эпоху Постмодерна, мир. На нижних этажах мировой хозяйственной пирамиды отставшие миры, находящиеся в основе либо в Модерне, либо в Премодерне. Полный постмодерн на всю планету не нужен реальному и локализованному в рамках Западной цивилизации Постмодерну, для которого остающиеся на нижних этажах миры служат источником практически всех жизненно важных ресурсов, без привлечения и потребления которых передовой и вырвавшийся вперед во внеисторическое бытие постмодерновый мир существовать не может. Задача мирового глобального управляющего центра — подогнать планетарный мир к ориентированной на благосостояние «золотого миллиарда» иерархической конструкции, удерживать планетарный мир в ее рамках, при необходимости, проводить необходимую селекцию. Если это империализм, то это, безусловно — *ультраимпериализм*.

2. Национальные (страновые) хозяйственные образования, обычно называемые *нациальными экономиками*, утрачивают свои прежние самостоятельность, выраженность и полноценность, становясь все более производными от глобального мирохозяйственного целого. Не самостояние во главе с национальным хозяйственным центром теперь актуально, а максимально эффективное встраивание в глобальную экономику — все чаще на указанное ей, а не желаемое ею, место. Национальный центр все более превращается в передаточный в пользу глобализма узел решений, это уже скорее исполнительный —

для глобализма, чем самостоятельно действующий — для нации-страны, центр.

3. Без *власти*, реализуемой сверху и из центра, вообще нет экономики. Полностью самоорганизующаяся, как бы безвластная, экономика — дурной и бездарный миф. Мало того, что власть всегда есть и всегда ежемоментно реализующаяся, но она имеет еще и вполне неэкономическую природу, обычно государственную, т. е. власть в сфере экономики обязательно не только экономическая (можно, конечно, попробовать обойтись в развитой экономике без законов, инспекций, полиции, таможен, судов, тюрем и т. п., но пусть кто-нибудь попробует, как и попробует обойтись без неэкономически устанавливаемых и поддерживаемых денег — экономическая наука, сосредоточив внимание на экономической природе и экономических функциях денег, почему-то забывает об их политической природе, совершенно при этом насильственной, как и положено в цивилизации, которая предполагает и насильственную, а не только добровольную, организацию разноплеменного и атомарного населения). И если национально-страновые образования и центры ослабевают и тают на глазах, то это означает не исчезновение вообще власти и характерного для нее экономического и неэкономического насилия, а лишь перемещение всего этого властного в иные — наднациональные и надгосударственные — веси. Власть уходит из национально-страновых образований и сосредоточивается в межнациональном пространстве, разумеется, не вся власть, но… *главная*. И тут необходимо принять во внимание, что эта новая — в общем-то *глобалистская* — власть имеет иную выраженность и иные механизмы реализации, она не столь заметна, как бы куда-то отдалена, почти что и призрачна.

1. Планетарный мир переживает сейчас не просто мощные трансформационные процессы, гигантскую ломку и перестройку, что в общем-то уже очевидно, но он переживает вхождение человечества в какой-то *новый мир*, уже решительно отрицающий старый. Наступает мир, который как бы без времени и пространства, без прошлого, настоящего и будущего, без истории и действительности, т. е. это как бы порхающий в пустоте, какой-то невесомый, иллюзионный мир, для которого прошлое уже ничего не значит, настоящее слишком неустойчиво, чтобы успеть стать неоспоримой ценностью, а будущее просто

вольно изыгрывается. И этот новый мир, при всей своей легкости и даже мягкости, удивительно последователен и жёсток в отрицании старого мира, в его обесценении и умалении. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в мире ныне идет *великая война нового мира со старым* — по всем, прежде всего качественным, азимутам, и эта война прямо проходит через человека, общество, нации, государства, коллективы, семьи, полы.

2. Быстро, почти что мгновенно, рождается *новая экономика*, отличительными признаками которой являются:

- абсолютно выдающаяся роль *субъективного фактора*, действующего в планетарном масштабе — *сверху* и *из центра*, что переводит организацию экономики в совершенно новый режим реализации, который можно определить как *организацию самоорганизации* (что ставит крест на понятии «рыночная экономика», ибо рынок сегодня уже не главное, а второстепенное, не основное, а производное, не решающее, а вспомогательное, не ведущее, а ведомое, не управляющее, а подстроечное — 10% рынку, остальное — *нерынку*);
- *глобальный характер экономики, ее организации*, что позволяет говорить о формировании в планетарном масштабе иерархически построенной хозяйственной пирамиды, где наверху так называемый «передовой мир», а внизу в той или иной степени «отсталые миры», в задачу которых входит поддерживать и питать «передовой мир», управляющий отсталыми (отсюда идея *экономического ультраимпериализма*);
- *финансовый характер экономики, ее организации*, когда финансовые факторы, т. е. относящиеся к деньгам или прямо обусловленным деньгами их заместителям вроде ценных бумаг, а лучше сказать, *финансовых расчетных фикций*, что есть собственно самое экономическое в экономике, оказываются главными, доминирующими и решающими во всем хозяйственном процессе (переход от производственной экономики к *финансовой экономике*, или *финансомике*, завершился, установлено господство финансового начала над любым нефинансовым, производство финансовых фикций важнее в функциональном отношении производства благ);
- высокая и всеобщая *технологизация экономики, ее организации*, равным образом и всей жизни, когда технический мир уже доминирует в человеческом мире, человек целостно бытует в технической среде, от нее сильно зависит, становится

элементом (придатком) технологических систем, превращаясь в «чиповея», «киборга» и т. п. существо (экономика как социальное нечто все более превращается в техническое нечто, или в *техномику*, а цивилизация — в некую *технолизацию*);

- особого рода *информатизация экономики и ее организации*, при которой информация и информационные потоки обретают некую самостоятельность по отношению к реальности, ее как бы замещают, становятся параллельной реальностью (ирреальной реальностью) и, что самое важное, будучи «невесомыми», доминируют над «весомой» реальностью, ее определяют, и если принять во внимание, что есть не только первичная, непосредственно сопряженная с реальностью, но и вторичная, как и, разумеется, третичная, информация, т. е. информация об или от информации, то современная экономика предстает как гигантское *информационное действо*, в котором, с одной стороны, заняты все агенты экономики, а с другой — не могут не доминировать те из них, которые способны овладеть либо очень большой, либо уникальной, либо очень действенной информацией (переход к *информаномике*);
- *интеллектуализация экономики и ее организации*, или нарастание так называемой *экономики знания*, что означает, выражаясь в терминах современной философии, *ноосферизацию экономики*, т. е. рост значения умственного расчета в ущерб каким-либо нравственным, не говоря уже о сакральных, установкам (завершение денатурализации и десакрализации хозяйства и жизни, их полная секуляризация, когда и бороться-то с Природой и Богом нет никакой нужды — можно даже согласиться на экологию и признать религиозные процедуры);
- *менеджеризация экономики и ее организации*, что означает, с одной стороны, рост значения такой фигуры, как менеджер, а с другой — рост степени управляемости всем хозяйственным процессом — сверху и из центра (мириады менеджеров, подготовленных стандартно и действующих единообразно, делают свое тупое управленческое дело, а вот то, что им делать — соответственно меняющимся ситуациям — определяет уже *концептуальная элита*, подготовленная особым образом и действующая сообразно изменяющимся субъективным намерениям — в итоге получается не управление со стороны рынка и объективности, а управление рынком и объективностью);

- *конструктуризация экономики, как и всей жизни*, что означает уже не самовозникновение человеческого мира, хозяйства, экономики, а их постоянное *целостное конструирование*, при котором ни настоящее, ни будущее не воспринимаются уже таковыми, они не представляют независимой тайны, с которой надо считаться, они становятся буквально деланными, что не исключает, вследствие имманентной внутренней пустоты, конечной неизвестности реальности, ее предельной неподвластности, что обнаруживается наиболее ярко через катастрофы;
- *виртуализация экономики, ее организации*, что означает не просто наличие идеальной возможности, выходящей из реальности и в нее же входящей, или простое и естественное опережение вышедшей из действительности возможностью самой этой действительности, а такое освоение человеком и сознанием фактора возможности, когда последняя исходит уже не из реальности, а из возможности как таковой, становясь в полном смысле слова в начальное по отношению к реальности положение, что находит проявление в покорении человеком времени и пространства, их сжатием в точку, а потому и в возможности созидания как бы оторванного от реальности мира, замещающего эту реальность, делающего саму реальность ирреальностью, *фикцией* (отсюда виртуальные связи, сети, конструкции, институты, права, продукты, блага, которых как бы нет, но которые все-таки есть, которые как бы есть, но которых тем не менее нет, — настойчивое употребление сегодня «как бы» вовсе не случайно, ибо наступает *как бы* реальность, *как бы* мир, *как бы* экономика, *как бы* деньги и т. д. и т. п.);
- *стандартизация жизни, хозяйства, экономики, их однооображивание*, что, будучи естественным в технологическом и функциональном планах, не столь уж приемлемо в социальном, культурном, психологическом планах, ибо потеря разнообразия, т. е. фактически *энтропия*, ведет сначала к нежизни, а затем и к смерти (как бы тепловой смерти);
- формирование новой по характеру и механизмам реализации *экономической собственности*, а лучше сказать, *хозяйственной собственности*, когда собственность не только усложняется по структуре (иерархизируется) и организации (становится все более сетеобразной), как и становится более подвижной, но и обретает как бы невыраженное, довольно-таки скрытое, где-то там свершающееся, бытие, она деперсонализи-

руется, освобождается от локальных зависимостей, от давления времени и пространства, традиционных политических структур, дематериализируется, все более переходя в правовую и «бумажную» сферы, виртуализуется, находя для себя все более мгновенные (одноактные) разрешения, становится как бы игровой, а среди объектов собственности все большую роль играют финансовые, правовые, институциональные «вещи», равным образом и всякие возможности — хозяйствовать (быть на рынке), принимать решения (в том числе и неэкономические по своей природе), властвовать (экономически и иначе), что-то перераспределять, образовывать, основывать, сотворять и т. д. и т. п.

- изменение характера *доходообразования* и *доходообретения*, когда на первый план выходят прямые и косвенные *заимствования* (не путать с обычными займами) — в виде *рентных* (не путать эту ренту с обычной рентой) или *процентных* отчислений (не путать с обычными отчислениями), что означает, что доходы не столько зарабатываются или «делаются» в ходе реального хозяйственного процесса, сколько *берутся* из этого последнего (через кредиты, выплаты по ценным бумагам, посредством принудительного страхования, разницы в валютных курсах и их изменения, через налоги, выплаты по долгам, в том числе государственным, транзитные платы, таможенные и всякие иные сборы, государственное инвестирование, заказы, покупки и т. д.), а также означает то, что прибыль перестает быть главным показателем и способом доходообразования;
- тотальная *экономизация хозяйства, жизни, всего человеческого бытия*, их полное подчинение феномену денег, экономизму и финансизму (ничего без денег и их так называемого оптимального использования, ничего без денежных оценок, ничего без превращения в деньги, ничего, не выходящего из денег, и т. д. и т. п.).

3. Судьба *национальных экономик* оказалась незавидной, ибо, теряя в ходе сначала интернационализации, а затем и глобализации свойственные им черты и функции, отдавая наверх те или иные полномочия, национальные экономики, во-первых, утрачивали все более свой макроэкономизм, становясь все менее целостными образованиями; во-вторых, теряли все более свою националистичность, становясь все более открытыми и денационализированными, соответственно менее самостоя-

тельными и все более зависимыми от внешней среды и… международного верха, который, надо заметить, возник не сегодня, а лишь явился сейчас во всей красе и стал совершенно заметен; в-третьих, утрачивали все более и свой статус не только национальных экономик, но и экономик вообще, переходя в иной — пониженный — статус, а именно *субэкономик*, или *подэкономик*, оказываясь, с одной стороны, ведомыми одной истинной национальной экономикой — *экономикой США*, а с другой — включенными в другую истинную экономику — *глобальную экономику*. (Мир не сразу почувствовал, а тем более узнал действительную роль и ценность таких «вещей», как Бреттон-Вудская международная валютная система или тот же План Маршалла для Европы. Против последнего выступил, как известно, руководитель СССР И.В. Сталин, а против первой — глава Франции Ш. де Голль. Глобализм рожден не сегодня, у него своя пламенная история.)

4. Россия в ходе великой буржуазной революции конца XX в., не просто стала переходить к капиталистической системе хозяйства, а влилась, сама того особенно и не ведая, в *глобальную систему новой экономики*, что-то от нее восприняв, став при этом и самой откровенной и пошлой *субэкономикой*, но и породив неизбежно и нечто сугубо свое, главным образом, криминального или во всяком случае нецивилизованного порядка (беспорядка), резко *инфернализировав* хозяйственную, социальную и личную жизнь. Недаром характерным словом стал *беспредел*. Россия окунулась в *хаос*, из которого постепенно выбирается, «построяя» некое подобие *новой экономики финансово-олигархического типа, основанной на первичном производстве (сырья, металлов, леса, энергоресурсов), но лишенной, или почти лишенной, производства высокотехнологичной и высокоинтеллектуальной продукции*. Отсюда порожденный революцией феномен *антихозяйства*, когда есть убытие нужного и вовсе не всегда устаревшего, но нет приращения передового и воистину жизненного. Антихозяйство, когда к тому же нет нормальной, эффективной и перспективной занятости населения, с неизбежностью сопрягается с *антижизнью*, когда по большей части люди всего лишь влачат существование, еле-еле выживают, быстро и мигом умирают, кончают самоубийствами, не рождаются, толком не воспитываются, уходят в криминал, потребляют наркотики, бомжатничают, бегут за границу и т. д.,

а главное, когда нет *перспективы жизни*, нет воистину *родной среды*, нет *отечественной опоры*. Все, что широко и густо происходило и до сих пор и еще происходит в России, просто искривленьем не назовешь, это хуже — это *инферно*! Вот почему кризис наш не только не просто циклического, не только не просто структурного, не только и даже не просто системного характера, хотя все это и есть, это воистину *апокалиптический кризис*.

Л.Н. ДРОБЫШЕВСКАЯ

Инновационно-инвестиционная политика Российского государства: проблемы и перспективы (Философия хозяйства. 2005. № 4—5)

Одним из важнейших условий функционирования экономики в рыночных условиях является государственное регулирование. Оно включает в себя механизм взаимосвязи между составными элементами этого воздействия; общую цель, заключающуюся в создании благоприятной среды для функционирования предпринимательства; нормативно-правовое обеспечение деятельности предпринимательских институтов; формы и средства инфраструктурного обеспечения, научного и кадрового обеспечения; поддержание организационно-экономической среды предприятий, призванной содействовать повышению эффективности их работы; формирование благоприятной социальной среды, обеспечивающей политическую стабильность и т. д.

Как совершенно справедливо отметила В.М. Розанова, «государство определяет правила, по которым совершаются деловые операции экономических агентов, регулирует отдельные аспекты функционирования производящих и потребляющих субъектов экономики, оказывает поддержку или устраняет те или иные сферы деятельности индивидов и институтов экономической системы» [1, 20]. Оно концентрирует основное внимание на макроэкономическом регулировании, призванном создать равные условия для всех экономических агентов. При этом следует избегать противопоставления микроэкономики макроэкономике и наоборот, поскольку они не исключают, а взаимодополняют друг друга. В этой связи уместно обратиться к опыту Японии, где во всех планово-прогнозных расчетах

ключевая роль отводится системе макроэкономических и микроэкономических показателей, факторам, определяющим эффективность капитала, труда и научно-технического прогресса. Именно нахождение удачного сочетания между этими факторами на уровне всей экономики, в каждой из ее отраслей, в каждом регионе явилось одной из главных причин высокого динамизма японской экономики.

Государственная инновационно-инвестиционная политика является частью социально-экономической политики, определяющей основные направления деятельности государства по регулированию и стимулированию инновационно-инвестиционной деятельности. Она представляет собой систему мер по аккумуляции денежных средств, их инвестированию с целью создания современной экономики, основанной на знаниях, реализация которых позволит стране занять достойное место в сообществе экономически развитых государств, успешно конкурировать на глобальном технологическом рынке, сохранив при этом политическую и экономическую независимость, обеспечив высокий уровень и качество жизни населения. В качестве важнейших направлений инновационно-инвестиционной политики рассматриваются создание условий, формирование и поддержка эффективной деятельности инновационного рынка, призванного создать экономически выгодные условия для быстрейшего освоения производством критически важных технологий, обеспечивающих конкурентные преимущества как отдельных товаропроизводителей, так и национальной экономики в целом.

Механизм формирования и реализации инновационно-инвестиционной политики в странах мира различен, поскольку в разных странах существуют различные модели смешанной экономики и соответственно различные организационные структуры управления инновационно-инвестиционной деятельностью. Вместе с тем подходы к инновационно-инвестиционной деятельности в развитых странах довольно схожи. По уровню и формам поддержки в мировой практике выделяются государственные стратегии активного вмешательства, децентрализованного регулирования и смешанные [2].

Повышение роли государства в инновационно-инвестиционной сфере представляет собой объективный процесс, так как для обеспечения непрерывной инновационно-

инвестиционной деятельности необходимы дополнительные стимулы, которые рынок предоставить не может. Кроме того, в настоящее время характерен стремительный рост затрат на проведение НИОКР, которые могут быть коммерчески эффективными только при государственном инвестировании. Государство может как стимулировать инновационно-инвестиционные процессы, так и тормозить их. Последнее происходит в случае, если государственная политика направлена на осуществление целей, слабо связанных с проблемами развития производства и потребления, а государственные инвестиции на исследования и разработки не способствуют росту инновационных ресурсов фирм. В этом случае эффективность инновационно-инвестиционной политики государства крайне низка.

Тезис о необходимости государственного регулирования инновационно-инвестиционной деятельности является приоритетным и в условиях трансформационных процессов, второе десятилетие происходящих в России. Мировая практика свидетельствует о том, что чем больше страна отстает в своем развитии, тем значительнее роль государства по созданию мобилизации ресурсов, достижению пропорций и взаимосвязей в национальной экономике.

Правовое регулирование инновационных процессов является исключительной прерогативой государства. Стратегия, принципы и порядок формирования государственной научно-технической политики определены в Законе РФ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. Следует отметить, что предпринимались попытки принятия специального закона «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике». В 1999 г. закон был принят Государственной Думой РФ, однако в 2000 г. Президентом РФ было наложено вето.

Общие вопросы инновационной политики отражаются в указах Президента РФ. В 1995 г. при Президенте РФ был создан консультативный комитет — Совет по научно-технической политике, который впоследствии был переименован в Совет при Президенте РФ по науке и высоким технологиям. В 1998 г. была принята концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998 — 2000 гг. «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу» были одобрены на совме-

стном заседании Государственного совета РФ, Совета безопасности РФ и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям 20 марта 2002 г. Основные направления инновационной деятельности рассматривались также на заседании Правительства РФ 18 ноября 2004 г.

Вместе с тем было бы неверным утверждать, что в результате деятельности государства в стране сформировалась эффективно функционирующая национальная инновационная система. Старая советская система была разрушена псевдореформаторами, а новая еще не создана. В настоящее время имеются лишь отдельные ее элементы: федеральные научно-технические программы, научные центры, инновационные фирмы, технопарки, фонды и т. д. Несмотря на оптимистические заверения правительства, между этими элементами нет эффективных взаимосвязей, обеспечивающих оптимальное функционирование системы. Все они испытывают на себе сильное влияние общего системного кризиса российской экономики, чрезмерно зависят от политической и международной конъюнктуры, внутренней экономической нестабильности.

В России отсутствуют действенные национальные институты и институциональные инструменты для формирования эффективной инновационно-инвестиционной политики. На протяжении довольно длительного времени в России была распространена радикальная точка зрения, согласно которой институциональную структуру общества можно перестроить ускоренными методами, если проявить политическую волю и подойти к решению этой задачи рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы [3]. Однако попытки революционной ломки институтов привели к негативным результатам, итогом которых, как указывалось нами выше, было разрушение национальной инновационной системы. Новые институты недостаточно насадить или внедрить, их нужно аккуратно прививать, выращивать[65].

Институциональные изменения требуют систематических усилий и затрат в течение определенного промежутка времени. Процесс формирования инновационно-инвестиционных институтов может быть ускорен путем выявления сил его поддерж-

[65] Речь идет, по выражению В. Полтеровича, о трансплантации, требующей дальнейшего ухода для предупреждения отторжения и перерождения [4].

ки — группы экономических агентов, предъявляющих спрос на новые институты. Целесообразно развивать кооперацию этих агентов, создавать условия для ее широкого распространения среди всех участников инновационно-инвестиционного процесса. Переход от политики заимствования к политике выращивания институтов непосредственно связан с постепенным встраиванием в существующую систему механизмов и институтов, которые бы стимулировали инвестиции в инновации в условиях имеющей место неконкурентной среды.

Таким образом, основные направления государственной инновационно-инвестиционной политики можно представить в виде следующих блоков:

- формирования условий для повышения инновационной активности предпринимателей;
- создания стимулов для инвестирования в инновационную деятельность;
- проблемной ориентации науки на решение задач инновационного развития страны;
- развития сетевых партнерских отношений между научно-исследовательскими организациями и предпринимательским сектором;
- поддержки прорывных направлений научно-технологического развития на основе государственно-частного партнерства.

Формирование условий для повышения инновационной активности предпринимателей означает, прежде всего, создание мотивации к инновациям, изменение условий хозяйствования таким образом, чтобы инновация стала способом выживания в рыночных условиях[66]. Это предполагает введение налоговых льгот, прежде всего, налогового кредита для инновационных предприятий, инвестирующих прибыль в развитие производств; и их отмену при невыполнении данного условия. Размер скидки целесообразно дифференцировать в зависимости от вида оборудования и срока его службы. Особые условия хозяйствования могут быть предоставлены инновационным предприятиям, экс-

[66] Методы стимулирования инноваций давно апробированы во всем мире. Так, в КНР стимулируют предпринимателей, которые осваивают новейшие технологии и штрафуют предпринимателей, которые используют устаревшие технологии, т. е. таким образом наука направляется в высокотехнологичный сектор экономики.

портирующих более 50% товаров, изготовленных с использованием российской интеллектуальной собственности и ноу-хау. С целью стимулирования организации совместного инновационного производства на определенный период (на два года) от налогов на прибыль и на добавленную стоимость следует освободить инновационные предприятия, выпускающие импортозамещающую продукцию и реализующие ее на внутреннем рынке[67]. В переходный период необходимо использовать и такую форму налоговых льгот, как вычет полной суммы расходов на НИОКР из облагаемого налогом на прибыль дохода предприятия.

При совершенствовании государственного законодательства, на наш взгляд, целесообразно также внести следующие изменения:

- установить для всех научных организаций ускоренную амортизацию основных средств;
- ввести дополнительные налоговые льготы научным организациям, создающим новые рабочие места в приоритетных направлениях науки и техники;
- разработать нормативно-правовую базу с целью стимулирования освобождения предприятий от неиспользуемого оборудования и производственных площадей;
- предусмотреть меры по снижению банковской процентной ставки по кредитам для инновационных предприятий;
- ввести ограничения на закупку за рубежом за счет бюджетных средств наукоемкой продукции и технологий, если они могут быть разработаны и произведены отечественными предприятиями;
- осуществить реструктуризацию долгов всех российских научных предприятий, связанных с выполнением государственного заказа.

На заключительной стадии процесса реализации отмеченных выше изменений может быть рассмотрен вопрос о введении штрафных санкций по отношению к предприятиям, не внедряющим инновации. Несомненно, в этом вопросе недопустима поспешность и требуется всесторонняя взвешенность и тщательная проработанность.

---

[67] С обязательным использованием до 50% полученной суммы на развитие науки.

Данный блок также включает мероприятия по созданию инновационной инфраструктуры; проведению мониторинга факторов, препятствующих развитию инновационной деятельности; созданию благоприятного инновационно-инвестиционного климата; совершенствованию государственной статистики инвестиций в инновации.

Выделяются следующие подсистемы инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства:

- *финансовая*: различные типы фондов (страховые, инвестиционные, венчурные), а также другие финансовые институты;
- *производственно-технологическая*: бизнес-инновационные центры, технопарковые и инкубационные структуры; создание технопарков может быть реализовано как на региональном, так и на межрегиональном уровне в рамках межрегиональных экономических ассоциаций; для решения этой проблемы нужна активная работа исполнительных и законодательных структур субъектов РФ, межрегиональных экономических ассоциаций; к данной подсистеме относятся также территориально-производственные зоны, которые могут формироваться на базе предприятий оборонных отраслей промышленности с целью размещения на временно незагруженных и неиспользуемых производственных площадях инновационных предприятий;
- *информационная:* собственно базы данных и центра доступа правовой, технологической, лицензионной и маркетинговой информации, а также аналитические, статистические и т. п. центры;
- *эспертно-консалтинговая*: сеть коммуникаций для инноваторов и консалтинговых фирм, помогающих инвесторам выбирать объекты инвестирования и влияющих на инвестиционные потоки; центры по оценке технологий; к их задачам должна относиться не только рыночная оценка технологий, интеллектуальной собственности, ноу-хау, но и анализ сравнительного эффекта от их внедрения, прогноз конкурентоспособности в мирохозяйственном масштабе; направлением работы центров также должна стать оценка негативных экологических эффектов от внедрения и распространения технологий и созданной на их основе техники;

- *кадровая*: образовательные учреждения, осуществляющие обучение, подготовку и переподготовку предпринимательских кадров для инновационной сферы.

Создание стимулов для инвестирования в инновационную деятельность предполагает:

- разработку законодательной основы, стимулирующей промышленные предприятия, финансово-кредитные учреждения и др. инвестировать в инновации; так, например, финансовым, кредитным учреждениям и предприятиям, использующим долгосрочные ссуды при инвестировании инновационных предприятий, могут предоставляться определенные преимущества[68];
- формирование благоприятного инновационно-инвестиционного климата, развитие системы государственных гарантий инвесторам;
- разработку систему государственных гарантий крупным высокоэффективным инвестиционным проектам в научно-технологической сфере, в том числе с участием иностранных инвесторов;
- обеспечение страхования кредитов для инвестиций в наукоемкий сектор экономики от политических и коммерческих рисков;
- расширение потенциальных источников для инвестиций и, прежде всего, для репатриации российского капитала;
- поддержку венчурного бизнеса, определение механизмов участие государства в формировании национальной системы венчурного финансирования.
- формирование на мезо- и макрорегиональном уровнях механизмов привлечения инвестиций в сферу приоритетных для территории отраслей экономики (с учетом всего комплекса местных условий);
- обеспечение защиты прав инвестора; ужесточение ответственности (уголовной и административной) за действия, приводящие к нарушению интересов инвесторов;
- снижение неопределенности, принятие понятных инвесторам «дорожных карт»;

[68] В этой связи может быть предложено освобождение кредитных учреждений от уплаты налога на прибыль, получаемую ими от предоставления кредитов предприятиям инновационной сферы, на срок от двух до трех лет.

- совершенствование методов оценки основных фондов, амортизационной политики, правил инвестиционных конкурсов (проведение открытых конкурсов);
- создание специальных технико-внедренческих зон с целью разработки и освоения в производстве эффективных технологий и новой конкурентоспособной отечественной продукции. Для этого необходимо доработать проект федерального закона «О специальных экономических зонах», который обеспечит законодательную базу создания объектов по выпуску конкурентоспособной промышленной продукции и разработке высокоэффективных инновационных проектов;
- концентрацию государственных инвестиций на объектах, обеспечивающих внедрение новых технологий, в качестве одного из способов решения данной задачи может быть рассмотрено выделение в федеральной адресной инвестиционной программе 5%-ной квоты для финансирования государственных капитальных вложений в объекты науки, обеспечивающие повышение национальной конкурентоспособности на мировом рынке технологий;
- повышение уровня координации и качества управления инвестированием в инновации; с этой целью следует подготовить и принять комплексную программу управления инвестированием в инновационную сферу, государственную инвестиционную стратегию и федеральную программу по развитию лизинговых проектов.

Проблемная ориентация науки на решение задач инновационного развития страны означает:

- диверсификацию организационных форм выполнения работ в государственных интересах;
- установление зависимости финансирования государственных научных организаций от реально осуществляемой ими деятельностью по удовлетворению государственных нужд;
- проведение регулярной оценки качества научных организаций; осуществление мониторинга крупнейших инвестиционных программ и проектов государственной значимости в промышленности и науке;
- разработку и внедрение новой модели междисциплинарных исследований;
- реформирование ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники гра-

жданского значения», достижение долгосрочной стабильности государственного сектора науки [5].

Развитие партнерских отношений между научно-исследовательскими организациями и предпринимательским сектором связано с выявлением имеющих место межотраслевых, региональных и макрорегиональных сетей и кластеров, стимулированием их развития с целью достижения конкурентоспособности России на мировом технологическом рынке. В этой связи представляется целесообразным переход от практики селективной поддержки инновационных организаций к поддержке сети организаций, связанных между собой в рамках кластеров, и на этой основе формирование вертикально интегрированных высокотехнологичных структур. С целью расширения экспорта высоких технологий необходимо формирование международных инфраструктурных сетей. Реализация данного блока направлений инновационно-инвестиционной политики государства предполагает также осуществление следующих мероприятий: государственную поддержку механизмов диффузии технологий (организация центров информации и технической экспертизы технологий, проведение демонстрационных проектов для технологических брокеров и т. п.); включение интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот и его регулирование; развитие сетевых взаимоотношений между вузами, научными организациями и инновационными предприятиями, международного партнерства.

Поддержка прорывных направлений научно-технологического развития на основе государственно-частного партнерства означает совершенствование инструментария по определению и формированию перспективных направлений для роста молодых инновационных фирм. Для этого необходимо на основе анализа существующих научно-технических заделов и опыта деятельности определение перспективных для страны направления «выращивания» малых технологических фирм и проведение экспертизы и отбора проектов соответственно данным направлениям. Мы придерживаемся точки зрения О.Г. Голиченко, согласно которой особое внимание должно быть уделено отладке инструментария для налаживания кооперации в исследованиях и разработках государственного научно-технического сектора и промышленности, под которой понимается разработка механизма определения критических для про-

изводства проблем отраслевого и межотраслевого уровня и оценка технологических перспектив их решения в России. Вместе с тем данный блок направлений инновационно-инвестиционной политики включает отбор и экспертизу кооперативных проектов, отработку форм участия государства в их поддержке, направленную на развитие технологических коридоров [5].

Стимулирование инноваций и инвестиций является непрерывным и бесконечным процессом, требующим «тонкой настройки» и улучшения координации в таких областях, как наука и технология, менеджмент, образование, рынки труда, конкуренция, финансовые рынки, права интеллектуальной собственности и т. д. В России эта проблема глубже и шире, чем в других странах, поскольку в стране происходят трансформационные процессы.

Самое главное сегодня — выстроить приоритеты. Каждая страна стремится развивать у себя именно то, в чем она наиболее сильна. Мировая практика свидетельствует о том, что правильный выбор «фокуса» для концентрации национальных ресурсов имеет чрезвычайно важное значение для устойчивого инновационно ориентированного развития. Россия все еще не имеет четкой общей стратегии и необходимых политических инструментов для бурного роста инноваций.

Россия использовала множество различных механизмов проведения ее инновационной и инвестиционной политики. Как известно, подобное экспериментирование уместно лишь на ранней стадии. Сегодня государство должно определиться с перечнем основных целей и задач развития страны. Зная эти цели, можно выявить проблемы, возникающие на пути их реализации. И под эти проблемы выстраивать цепочки необходимых фундаментальных и прикладных исследований. Затем переходить к формированию контуров требуемой для решения выявленных проблем сети научных институтов. Для предпринимательского сектора анализ приоритетов должен определяться изучением закономерностей возникновения, развития и функционирования соответствующих рынков.

В настоящее же время правительством декларируются лишь общие принципы, подходы. Дважды в 2004 г. вопросы инновационной политики обсуждались на заседании Правительства РФ. Однако перемен не последовало. Основополагаю-

щие документы находятся в стадии бесконечной доработки без приближения слов на бумаге к реальной жизни. Программы перехода к инновационной экономике в этих условиях выглядят не более, чем как дань моде, стремление отразить признание руководством России значимости современных глобальных тенденций. Иначе говоря, имеет место своеобразная «экономика театра».

Для активизации инновационного процесса необходима системная работа как в области экономики, так и права, и политики.

Подчеркнем: России необходимы долгосрочный прогноз и соответствующая стратегия развития. Принимаемые сегодня трехлетние программы предполагают не стратегический прорыв, а финансовую стабилизацию. Говорить о наличии стратегии на три года, даже до 2010 г., недостойно для России [6]. В нашей стране сегодня отсутствуют систематические усилия по описанию горизонтов развития технологий, оценке последствий их влияния на экономику и общество, основывающихся на этих прогнозах и оценках возможных сценариев развития. Ведущие американские центры дали прогноз до 2100 г., европейские ученые — до 2030 г.

Сегодня в России сложилась парадоксальная ситуация: в фундаментальных науках 182 приоритета, более 200 приоритетов — в прикладной науке, 180 — в сфере серийного производства. В США четыре приоритета, в объединенной Европе — всего три [6]. В целом Россия должна разработать свой целостный подход к предварительному одобрению, контролю и последующей оценке всех инструментов и схем инновационно-инвестиционной политики, а также к постоянной проверке и совершенствованию рамочных условий в этой сфере.

Инновационно-инвестиционная политика Российского государства должна осуществляться поэтапно. На *первом этапе* (2005 — 2007) будет происходить совершенствование нормативно-правовой базы, создание инновационно-инвестиционной инфраструктуры, особое внимание должно быть уделено подготовке квалифицированных кадров в области менеджмента инвестиций и инноваций. Принятие государством на себя большей доли рисков при поддержке начальных стадий исследовательских проектов. Формирование сетевых партнерских отношений в инновационно-инвестиционной сфере.

На *втором этапе* (2008 — 2010) предполагается, что в полной мере заработают механизмы государственно-частного партнерства, произойдет смена прямых методов государственного регулирования косвенными. Будут созданы такие условия для предпринимательской деятельности, чтобы инновация стала способом выживания в рыночных условиях.

На *третьем этапе* (2011 — …) государство уменьшит свою долю (до 20%) в региональных венчурных фондах. Государственная поддержка будет осуществлять по кластерному принципу. Все это в перспективе приведет к устойчивому развитию национальной инновационной системы.

Литература

1. *Розанова Н.М.* Место и роль государственной промышленной политики как регулятора взаимодействия фирм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1999. № 3.
2. *Кокурин Д.И.* Инновационная деятельность. М., 2001.
3. *Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.* Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. 2005. № 5.
4. *Полтерович В.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
5. Инновационная система России: модель и перспективы ее развития / Научн. рук. О.Г. Голиченко. Вып. 3. М., 2004.
6. *Кузык Б.Н.* Россия будущего: время выбора // Экономические стратегии. 2004. № 5—6.

Авторы

БУЛГАКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
(о. СЕРГИЙ) (1871—1944),
великий русский мыслитель; экономист, философ, богослов, литератор; основатель философии хозяйства; профессор (1917) Императорского Московского Университета; доктор наук (1912); священник (1918); декан Свято-Сергиевского православного богословского института (1925—1944, Париж).

АРХИПОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ,
д.э.н., профессор, директор, Институт экономики и внешнеэкономических связей, Ростовский государственный университет.

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России.

БЕЛОЛИПЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,
действительный член АГН, д.э.н., профессор, кафедра экономики предприятия и основ предпринимательской деятельности, экономический факультет МГУ.

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ,
действительный член Российской академии образования, д.и.н., профессор.

БОБРИНСКИЙ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ (о. БОРИС),
протопресвитер, декан Свято-Сергиевского православного богословского института (Париж).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,
д.э.н., профессор, декан, факультет информатизации и управления, заведующий кафедрой философии хозяйства, научный руководитель Представительства Центра общественных наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

БЫСТРЯКОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,
д.э.н., член-корреспондент Академии строительства Украины, заведующий отделом региональных проблем Совета по изучению производительных сил Украины.

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет МГУ; ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

ДРОБЫШЕВСКАЯ ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА,
д.э.н., профессор, кафедра антикризисного управления, Кубанский государственный университет (г.Краснодар).

ИВАНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
д.ф.н., профессор, Алтайский государственный университет, г.Барнаул.

ИЛЬИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,
д.ф.н., профессор, кафедра экономической теории, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет.

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,
действительный член АГН, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, публицист.

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,
член-корреспондент АГН, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Новороссийская государственная морская академия им. Ф.Ф. Ушакова.

КОЗЫРЕВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра истории русской философии, философский факультет МГУ.

КОЛЛОНТАЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ,
д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,
д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (Ярославский филиал).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,
к.э.н., доцент, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, Белорусский государственный университет.

ЛЕСКОВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ,
действительный член РАЕН, д.ф.-м.н., профессор, заместитель директора, Международный институт теоретической и прикладной физики РАЕН.

МАКАРОВ СТАНИСЛАВ ПАВЛОВИЧ,
действительный член АГН, д.э.н., профессор, факультет государственного управления МГУ.

МАКАШЕВА НАТАЛИЯ АНДРЕЕВНА
д.э.н., заведующая отделом экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор, Государственный университет — Высшая школа экономики.

НАЗАРОВ ИЛЬЯ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,
к.э.н., доцент, экономический факультет, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко.

НЕКЛЕССА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
заместитель директора Института экономических стратегий Отделения экономики РАН; заведующий лабораторией Института Африки РАН.

ПАНАРИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АГН, РАЕН, Академии политических наук, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой политологии, философский факультет МГУ.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра методологии социологических исследований, социологический факультет МГУ.

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,
к.э.н., доцент, философский факультет СПбГУ.

ПОПОВ АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ,
к.э.н., старший эксперт, Институт экономических стратегий.

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет СПбГУ.

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,
действительный член АГН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет СПбГУ.

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,
к.ф.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт.

СИНЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ,
к.э.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,
к.и.н., ведущий научный сотрудник, Центр общественных наук при МГУ; главный редактор альманаха «История мысли».

СОМИН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
к.ф.-м.н., ведущий научный сотрудник, Институт проблем информатики РАН; преподаватель, Православный Свято-Тихоновский богословский институт.

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
д.ф.н., д.э.н., к.т.н., вице-президент Петровской академии наук и искусств (г.Санкт-Петербург).

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,
студент первого курса школы магистров экономического факультета МГУ.

ТУТОВ ЛЕОНИД АРНОЛЬДОВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, факультет государственного управления МГУ.

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор, Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова.

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,
д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ.

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,
к.ф.н., доцент, докторант, кафедра социальной философии и философии права, факультет философии и культурологии, Ростовский государственный университет.

Содержание

По пути обретения (Осипов Ю.М.).....3

РАЗДЕЛ I
Философия хозяйства
как специфическая область знания
БУЛГАКОВ С.Н.
Предисловие к кн. «Философия хозяйства»
(М.: Наука, 1990).....13
ОСИПОВ Ю.М.
Предисловие к кн. «Опыт философии хозяйства»
(М.: Изд-во МГУ, 1990).....16
ОСИПОВ Ю.М.
Предисловие к кн. «Осмысление (субъективные заметки)» в
авт. книге «Очерки философии хозяйства»
(М.: Юристъ, 2000)
Осмысление (субъективные заметки).....21
История и философия экономики.
Пособие для аспирантов / Под ред. М.В. Конотопова
(М.: Кнорус, 2006)
Философия хозяйства С.Н. Булгакова.....23
ОСИПОВ Ю.М.
Философия хозяйства
(Философия хозяйства. 1999. № 6).....33
ОСИПОВ Ю.М.
Почему же философия хозяйства?
(ответ на одно письмо)
(Философия хозяйства. 2001. № 1).....42
ОСИПОВ Ю.М.
С.Н. Булгаков и традиция философии хозяйства
в Московском университете
(Философия хозяйства. 2001. № 4).....51
ЭЛОЯН М.Р.
Философия хозяйства: ревизия марксизма
(В. Зомбарт и С.Н. Булгаков)
Методология социальных наук: философия хозяйства
(Философия хозяйства. 2001. № 5).....57

ОСИПОВ Ю.М.
Философия — русская философия —
философия хозяйства
(Философия хозяйства. 2002. № 1) 75
ТУТОВ Л.А.
Философия хозяйства и экономическая теория:
точки пересечения и противоречия
(Философия хозяйства. 2004. № 4) 77
ОСИПОВ Ю.М.
«Философия хозяйства» С.Н. Булгакова
и судьба политической экономии
(Философия хозяйства. 2004. № 4) 89
РУМЯНЦЕВ М.А.
Интенции философии хозяйства
(Философия хозяйства. 2004. № 6) 99
СИНЕЛЬНИКОВ С.Ю.
Политическая экономия и философия хозяйства:
общее и особенное, сходное и различное
(Философия хозяйства. 2004. № 6) 103
КОРНЯКОВ В.И.
Философия хозяйства и политическая экономия:
разные науки на одном рубеже
(Философия хозяйства. 2005. № 3) 110
ОСИПОВ Ю.М.
Философия хозяйства как всего лишь…
философия хозяйства
(Философия хозяйства. 2005. № 6) 119
ОСИПОВ Ю.М.
Философия хозяйства как инознание
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5) 136
ПЕТРОВ В.К.
Определение философии хозяйства
в системе взаимоотношения науки и религии
(Философия хозяйства. 2005. № 6) 155
ТУТОВ Л.А.
Философия хозяйства и экономическая теория:
методологический аспект
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5).....161

РАЗДЕЛ II

Онтологические и гносеологические начала

БУЛГАКОВ С.Н.
Философия хозяйства (Речь на докторском диспуте, сказанная при защите диссертации «Философия хозяйства» в Московском университете 21 сентября 1912 г.) (Философия хозяйства. М.: Наука, 1990) 177
ОСИПОВ Ю.М.
Вводная лекция (Из кн. «Курс философии хозяйства». М.: Экономистъ, 2005) ...187
ОСИПОВ Ю.М.
Похвала философии — философии хозяйства (Философия хозяйства. 1999. № 1) 203
БЫСТРЯКОВ И.К.
Метафизика экономики: реальность, виртуальность, мифы (Философия хозяйства. 1999. № 1) 211
ГИРЕНОК Ф.И.
Моральная экономика: третий путь (Философия хозяйства. 1999. № 1) 216
КАРА-МУРЗА С.Г.
Научная картина мира — экономика — хозяйство (Философия хозяйства. 1999. № 1) 219
СИНЕЛЬНИКОВ С.Ю.
Экономизм, творчество и принципы новой философии (Философия хозяйства. 1999. № 1) 240
БЫСТРЯКОВ И.К.
Метафизика хозяйства: теоретический дискурс (Философия хозяйства. 2000. № 3) 246
ОСИПОВ Ю.М.
Работающая трансценденция (Философия хозяйства. 2000. № 3) 253
ОСИПОВ Ю.М.
Хозяйство (Философия хозяйства. 2000. № 1).....259
ОСИПОВ Ю.М.
Хозяйствование (Философия хозяйства. 2000. № 2).....265
ОСИПОВ Ю.М.
Труд (Философия хозяйства. 2000. № 3).....269

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА И.В.
Философия хозяйства: опыт индикации
(Философия хозяйства. 2001. № 4) 283
ОСИПОВ Ю.М.
Философия хозяйства: вчера, сегодня, завтра (тезисы)
(Философия хозяйства. 2001. № 4) 294
СУБЕТТО А.И.
Методологические основания философии экономики
и хозяйства (некоторые аспекты проблемы)
(Философия хозяйства. 2001. № 4) 303
ПОГРЕБНЯК А.А.
О тематическом горизонте современной
философии хозяйства (Философия хозяйства. 2002. № 5) 325
ТЕНЯКОВ И.М.
Что такое философия хозяйства
(Философия хозяйства. 2002. № 6) 341
ТУТОВ Л.Н.
Российская модель философии хозяйства:
по работам С.Н. Булгакова, Н.Ф. Федорова и Н.А. Бердяева
(Философия хозяйства. 2002. № 3) 346
СИНЕЛЬНИКОВ С.Ю.
Принципы философии хозяйства
(к выходу в свет монографии Ю.М.Осипова
«Время философии хозяйства» (в трех книгах с приложением)
М.: Экономистъ, 2003) (Философия хозяйства. 2004. № 1).....366
НАЗАРОВ И.В.
Становление философии хозяйства:
от гуманистической парадигмы к христианской
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5) 371
ПОПОВ А.К.
Православное видение философии хозяйства
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5) 380
РУМЯНЦЕВ М.А.
Философия хозяйства в ракурсе отечественного
миросозерцания (Философия хозяйства. 2005. № 4—5).....390
ОСИПОВ Ю.М.
Хозяйственная демиургия
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5) 404

ОСИПОВ Ю.М.
Трансцендентность (Философия хозяйства. 2005. № 4—5) 408
ОСИПОВ Ю.М.
Имперское хозяйство (Философия хозяйства. 2005. № 1).....412

РАЗДЕЛ III. ЧАСТЬ 1
Феноменология хозяйства его историософия
ОСИПОВ Ю.М.
Экономика (Философия хозяйства. 2000. № 1) 421
ОСИПОВ Ю.М.
Стоимость (Философия хозяйства. 2000. № 2) 436
ОСИПОВ Ю.М.
Финансомика (Философия хозяйства. 2000. № 3).....448
БЕЛОЛИПЕЦКИЙ В.Г.
Капитал (Философия хозяйства. 2001. № 2) 453
ПАНАРИН А.С.
Православная цивилизация в глобальном мире
(Философия хозяйства. 2001. № 3) 475
ОСИПОВ Ю.М.
Неоэкономика (опыт философско-хозяйственного
рассмотрения) (Философия хозяйства. 2001. № 3).....496
БЕЛОЛИПЕЦКИЙ В.Г.
Основания и смысловые контуры неоэкономики
(Философия хозяйства. 2001. № 3) 515
КОЛЛОНТАЙ В.М.
Пределы новой экономики
(Философия хозяйства. 2001. № 1) 531
ОСИПОВ Ю.М.
Хозяйство и экономика:
единство, противоречие... антагонизм?
(Философия хозяйства. 2002. № 3) 542
ПОГРЕБНЯК А.А.
Глобальная экономика и всеобщая экономия
(Философия хозяйства. 2002. № 3) 552
БУГАЯН И.Р.
О закономерностях перехода доминантных свойств
от одного фактора производства к другому
(Философия хозяйства. 2002. № 3) 568

НЕКЛЕССА А.И.
Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство
(Философия хозяйства. 2002. № 1) 579
БЕЛОЛИПЕЦКИЙ В.Г.
Преодоление пространства и времени
как атрибут экономической глобализации
(Философия хозяйства. 2002. № 3) 599
КОЛЛОНТАЙ В.М.
Мировое хозяйство или глобальная экономика?
(Философия хозяйства. 2002. № 3) 614
ЛЕМЕЩЕНКО П.С.
Неоэкономика: онтологические изменения
и теоретические начала (Философия хозяйства. 2002. № 4) ...625
НЕКЛЕССА А.И.
Глобализация, геоэкономика и сетевая культура
(Философия хозяйства. 2002. № 4) 642
ОСИПОВ Ю.М.
Глобальная экономика: не миф, а реальность,
хотя и трансцендентная (Философия хозяйства. 2002. № 2)...660
ОСИПОВ Ю.М.
Глобальная экономика как феномен современности
(Философия хозяйства. 2002. № 5) 667
ОСИПОВ Ю.М.
Экономика в лучах философии хозяйства
(Философия хозяйства. 2003. № 2) 669
БЕЛОЛИПЕЦКИЙ В.Г.
Если бы стоимость заговорила…
(Философия хозяйства. 2003. № 3) 690
КОЛЛОНТАЙ В.М.
Эволюция экономических категорий
в условиях глобализации
(Философия хозяйства. 2003. № 2) 710
РЯЗАНОВ В.Т.
Российский путь в экономике
(Философия хозяйства. 2003. № 3) 720
СОМИН Н.В.
Законы экономики с точки зрения христианской этики
(Философия хозяйства. 2003. № 5) 741

ЧЕКМАРЕВ В.В.
Постмодерн и экономическая онтология
(Философия хозяйства. 2003. № 4) 747
ЧЕКМАРЕВ В.В.
Постмодерн экономического пространства
(Философия хозяйства. 2003. № 6) 768
КОЛЛОНТАЙ В.М.
Об экономическом и неэкономическом постмодернизме
(Философия хозяйства. 2003. № 6) 779
ОСИПОВ Ю.М.
Глобальное и национальное в экономике
(Философия хозяйства. 2003. № 6) 790
ДРОБЫШЕВСКАЯ Л.Н.
Инновационно-инвестиционная политика
Российского государства: проблемы и перспективы
(Философия хозяйства. 2005. № 4—5) 808

АВТОРЫ 821